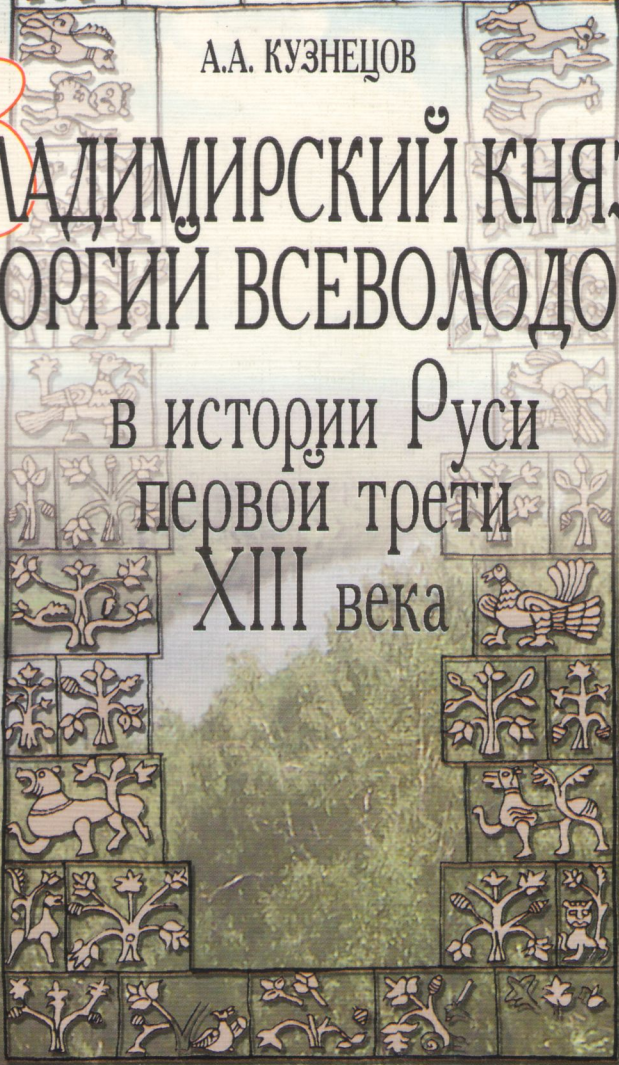

А.А. КУЗНЕЦОВ

ВЛАДИМИРСКИЙ КНЯЗЬ
ГЕОРГИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ

в истории Руси
первой трети
XIII века

УДК 9(47)
ББК ТЗ(2)43
К 89

Рецензенты:

д.и.н., профессор, академик РАЕН

М.В. Бибиков (ИВИ РАН);

к.ф.н. *Б.М. Пудалов*

(Комитет по делам архивов Нижегородской области)

Научный редактор

д.и.н., профессор *Е.А. Молев* (ННГУ)

Кузнецов Андрей Александрович

К 89 Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Особенности преломления источников в историографии. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2006. – 540 с.

ISBN 5-85746-927-9

В монографии освещаются ключевые моменты политической биографии владимирского князя Георгия (Юрия) Всеволодовича (1188- 1238) и их сопряженность с событиями истории Древней Руси первой трети XIII столетия. Роль владимирского князя в отношениях Северо-Восточной Руси с Переяславлем-Русским, Рязанским княжеством, с Новгородом, со смоленскими князьями показана на основе изучения широкого круга источников и историографической традиции.

Автор устраняет ряд стереотипов исторической науки, основанных на некритическом использовании тенденциозных источников XV–XVIII вв., необоснованном привлечении «Истории Российской» В.Н. Татищева. По спорным вопросам биографии Георгия Всеволодовича и связанными с ними проблемами истории Древней Руси были предложены интерпретации, основанные на источниковедческом и историографическом исследованиях.

Для историков, преподавателей истории, студентов исторических факультетов и любителей истории.

ISBN 5-85746-927-9

ББК ТЗ(2)43

© Кузнецов А.А., 2006

© Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

ниманию читателя предлагается книга, посвященная деятелю русской истории первой трети XIII в. – владимирскому князю Георгию Всеволодовичу (26 ноября 1188 г. – 4 марта 1238 г.). Ему «повезло», пожалуй, больше всех героев того времени на Руси. Он до сих пор присутствует в народной памяти. Следующая фигура, превосходящая этого князя по популярности, – его племянник Александр Ярославич Невский. С последним все понятно: мудрый государственный деятель, заложивший основы политического курса в тяжелых условиях подчинения Орде и одновременного отражения крестоносной агрессии во второй трети XIII в., талантливый полководец. Ну, а что же Георгий Всеволодович? В силу каких капризов Клио и превратностей исторической логики он попал в число канонических фигур?

Для этих вопросов и сомнений есть основания. Если Александр Невский в общественном сознании – исключительно положительный персонаж, то о Георгии Всеволодовиче, в основном, вспоминают в связи с тремя сражениями: 1) битва на Липице, ставшая синонимом политической раздробленности и братского междоусобия; 2) отсутствие на совете русских князей накануне битвы на Калке в 1223 г. и скрытое нежелание посылать туда войска; 3) часто имя князя склоняется из-за его отказа помочь Рязани, когда на нее обрушились орды Батыея в конце 1237 г., его противоречивого поведения во время их нашествия на Залесскую землю и неясных обстоятельств гибели на реке Сить. Пожалуй, эти три сюжета, где фигурирует князь, прочно вошли в научно-популярные и учебные издания, формирующие образ прошлого в общественном сознании. По большому счету, этими тремя событиями моделируется обобщенный образ князя эпохи раздробленности, который отказывался действовать в интересах Руси, но – только в интересах собственного княжества.

Однако имеется и другая мощная струя в освещении фигуры князя – светлая, исполненная благодарности. Исходит она из нижегородских пределов, центром которых является город, основанный князем. В этих, в основном, краеведческих штудиях, образ князя исключительно положительный, «отлакированный». Все шероховатости его деятельности сглажены, острые углы аккуратно обходятся исследователями.

Историческая объективность страдает от этих двух крайностей, между которыми находится не истина, а проблема. Эта проблема получения настоящего, человеческого образа князя с его действиями, противоречиями требует своего решения. Решить задачу можно только с учетом всего того, что было за многие годы накоплено в исторической науке относительно князя Георгия Всеволодовича и его эпохи. Поэтому упор в книге делается не на написание его очередной биографии, благо, её вариантов хватает (прежде всего, в краеведческой среде), а на решение вопросов относительно той деятельности князя, что выходила за пределы Владимирского княжества. Тем самым, фигура героя повествования начинает концентрироваться в себе, преломлять через себя весь исторический поток эпохи. Одним из таких сюжетов является вопрос основания Нижнего Новгорода.

Исследование историографической традиции показало, что решение конкретных вопросов о возможности тех или иных действий владимирского князя Георгия Всеволодовича подкреплялось аргументацией из сферы его морального облика: если он был хороший человек, то именно он основал Нижний Новгород, если он был плохой человек (не выполнял своего гражданско-княжеского долга, не помогая русским князьям на Калке, отвернувшись от просьбы рязанских князей, нарушая и попирая права старшего брата Константина), то он не мог этого сделать. На это можно ответить многочисленными примерами из мировой и отечественной истории, когда аморальный политический деятель строил города, решал жизненно важные для своего народа задачи, опекал ученых и людей культуры, когда последствия того или иного правления трудно поделить на исключительно благоприятные и насквозь отрицательные... Тем не менее, даже такая постановка задачи о моральности облика героя исследования, мотивационной стороне его действий, психологических переживаниях не может быть обойдена. Попытка ответить на этот вопрос красной нитью проходит через книгу. Опережая ход повествования, хочется только заострить проблему вопросом: о соответствии деятельности исторического лица морали какого времени идет

речь? Очень часто под ней понимают современные представления о нравственных устоях и традициях общества.

Как тут не вспомнить трудную судьбу книги Б. А. Романова «Люди и нравы Древней Руси», в которой была показана повседневная мораль древнерусского общества¹. Она явно не соответствовала нормам морали середины – второй половины XX в., что вызывало даже у некоторых профессиональных исследователей чувство отторжения и протеста, вплоть до запрета её публиковать.

Если уж говорить о соотношении морали древнерусского прошлого и морали современности, то из последней необходимо воспользоваться одним из важнейших устоев, пришедшим из права. Это презумпция невиновности. Герои исторического исследования, чаще всего, уже ушли в мир иной. Они не могут возразить на те упреки или обвинения, которые выдвигают многие исследователи. А ведь, наверняка, деятели прошлого задумывались о смысле жизни, о той памяти, которую оставят после себя, находили оправдание своим поступкам. Историки, доказывая невиновность человека прошлого, опираясь на источники, должны помнить и о тенденциозности этих текстов, политической заинтересованности их авторов. Неучёт этого ведет к искажению достоверной картины. Причем это замечание должно работать в двух направлениях: сомневаться в общепринятой негативности и проявлять здоровый скепсис в отношении исключительно «позолоченных» персонажей. Это замечание справедливо по отношению к обоим течениям историографии в освещении фигуры Георгия Всеволодовича.

При анализе разных позиций и взглядов неизбежным было обращение к историческим источникам: только так возможно судить о верности выводов каждого исследователя, только так возможно отделять полноценные, обоснованные выводы от тех мыслей и идей, которые не выдерживают критики. Тем самым историография проблемы (в данном случае биографии Георгия Всеволодовича) играет не только традиционную роль обоснования актуальности темы и введения в проблематику, но приобретает качество одной из исследовательских методик. Об этом будет написано в первой главе. В книге не получилось полностью выстроить материал в соответствии с этой методикой, но везде автор пытался показать спектр мнений и взглядов на каждую проблему и учесть каждое из них.

¹ См. переиздание: Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси: Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М., 2002.

При информационной исчерпанности темы необходимо стремиться к расширению круга источников, надо компенсировать недостаток их информацией поиском близких типологических параллелей, проследить корни того или иного явления, события, процесса на протяжении долгого времени. Так, для решения проблемы о времени и месте основания Нижнего Новгорода много дает исследование того, как продвигалась княжеская власть Северо-Восточной Руси в Поволжье в борьбе с местным финно-угорским населением, Волжской Булгарией, каковы были особенности процесса градообразования в Залесской земле в XII – начале XIII вв. и во всей домонгольской Руси в целом. Решая таким образом любую конкретную проблему, можно углубить знания о многих других смежных и генетически связанных с ней явлениях и событиях. Поэтому книга представляет собой цепь источниковедческо-историографических глав по исследованию отдельных узловых проблем отечественной истории первой трети XIII в., объединенных единым замыслом показать роль личности владимирского князя Георгия (Юрия) Всеволодовича в истории. Субъектом исследования в этих очерках является Юрий Всеволодович, а объектом – история Владимиро-Суздальского княжества и Древней Руси первой трети XIII в. Уже такое распределение выводит к «вечной проблеме» историков: как можно исследовать какой-то конкретный вопрос, замыкаясь только в нем, не взирая на его взаимосвязи (порой опосредованные) с другими процессами, явлениями, событиями, отсекая причинно-следственные связи, а значит, обедняя картину исторического прошлого, лишая её монументальности? При стремлении разорвать круг узкой проблематики исследователь истории сталкивается с другой проблемой, сформулированной в XIX в. Козьмой Прутковым: «Нельзя объять необъятное»...

При таком подходе неизмеримо возрастает круг источников. К привычным при написании биографии Юрия Всеволодовича Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской первой летописям добавляется Софийская первая, Новгородская четвертая, Новгородская Карамзинская, Новгородская по списку П.П. Дубровского летописи, Московский летописный свод конца XV в., Ермолинская, Воскресенская, Типографская, Тверская, Никоновская летописи и др. При изучении историками событий первой трети XIII в. значительно в большей степени, чем при исследовании предыдущего столетия, привлекается в качестве источника труд историка XVIII в. В.Н. Татищева. В его сложном и противоречивом тексте одни ученые видят исключительно исследование, где

авторские рассуждения слиты с текстом из источников, другие – кладезь ценных сведений, которых больше нигде не встретить. Между этими крайними позициями лежит проблема проверки на достоверность каждого уникального известия В.Н. Татищева. При этом могут применяться разные способы: гипотетическое встраивание «фактов» В.Н. Татищева в общую картину развития событий и процессов, сверка его уникальных известий со сведениями летописей с целью выяснения возможности неправильного прочтения текста источников, проверка на политическую сообразность XVIII в. ...

По мере возможности в исследовании применялись методы специальных исторических дисциплин. На протяжении двух последних десятилетий их роль в историческом исследовании сместилась с выдачи справок на самостоятельное решение отдельных проблем исторического прошлого. В исследовании из традиционных специальных исторических дисциплин активно использовались методики ономастики, исторической хронологии. Что касается ономастики, то сразу укажем на одну из проблем – имя владимирского князя, о котором идет речь в этой книге. Летописи и историография часто используют имя **Юрий**. Оно являлось адаптационной формой греческого имени **Георгий**. Деда Юрия Всеволодовича в летописях вообще называют средним между именами **Георгий** и **Юрий** – **Гюрги (Дюрги)**. В источниках, происхождение которых было связано с церковной средой, чаще употребляется имя **Георгий** для называния владимирского князя периода 1217–1238 гг. Его и крестили этим именем. Поэтому в данном исследовании он будет именоваться несколько непривычно – **Георгий Всеволодович**².

Также ради удобства и согласно принятым в историографии нормам черниговские князья в книге часто называются Ольговичами, а их дальние смоленские родственники (дети внука Владимира Мономаха – Ростислава Мстиславича) – Ростиславичами. Князья Северо-Восточной (Залесской, Владимирской, Владимиро-Суздальской) Руси (Владимирского (Владимирско-Суздальского, Суздальского) княжества) именуются Всеволодовичами по имени Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (внука Владимира Мономаха). Изяславичи – волыньские, а с 1199 г. – галицко-волыньские князья (потомки внука Владимира Мономаха – Изяс-

² Хотя и здесь надо указать на некоторую условность. Если говорить о крестильных именах, то отчество князя должно быть Дмитриевич. Ведь его отцу, известному в истории как Всеволод Большое Гнездо, при крещении дали имя Дмитрий.

лава Мстиславича). Ростиславичи, Изяславичи, Всеволодовичи в начале XIII в. составляли общность, которая именуется *Мономаховичи* и *Мономашичи*. В данной книге использоваться будет вторая форма *Мономашичи*. Тем не менее в цитатах из научных трудов формы имен будут переданы так, как их написали авторы: Мономаховичи, Юрий (вместо Георгия), прилагательное *перяяславльскій* вместо употребляемого в книге *перяяславскій*.

Также князья, занимавшие стол в Кисве или Новгородe, будут иногда упоминаются как смоленские или черниговские князья, в соответствии с их генеалогической принадлежностью. Такая «сознательная некорректность», на которую автору указали украинские коллеги, обусловлена исключительно потребностью более понятно раскрыть движущие силы, внутреннюю природу процессов и событий политической борьбы.

В книге, как было сказано выше, рассматриваются важные ключевые проблемы древнерусской истории первой трети XIII в., где проявлялся общерусский масштаб деятельности Георгия Всеволодовича. Немного из этого ряда выбивается первая глава, посвященная общим тенденциям в древнерусской историографии и вытекающим из них способов преодоления накопившихся проблем. Причем эти способы будут воплощены в методики и принципы исследования, применяемые в данной работе. Материал первой главы оформился в ходе работы над спорными вопросами биографии Георгия Всеволодовича, а потому связан тесно с ним. Вторая глава посвящена сопряжению политической и личной судьбы Георгия Всеволодовича с историей Переяславля-Русского. Третья глава охватывает период 1212–1217 гг., определенный борьбой за власть между сыновьями Всеволода Большое Гнездо и важной ролью в ней Георгия Всеволодовича. Четвертая глава связана с вопросом основания Нижнего Новгорода. В пятой главе показано отношение в историографии и в источниках к поведению владимирского князя Георгия Всеволодовича в 1223 г. и в 1237–1238 гг., то есть в моменты татаро-монгольского завоевания. Учитывая вышеуказанный момент взаимосвязи, взаимообусловленности различных событий и процессов, неизбежны будут повторы отдельных сюжетов. Сознвая это, автор попытался свести их число к минимуму.

Заявленный период – первая треть XIII в. – условен. В необходимых случаях будет происходить обращение к примерам из истории Руси X–XII вв. Жизнь владимирского князя Георгия Всеволодовича оборвалась во второй половине четвертого десятилетия XIII в. – 1238 г. Одна-

ко перипетии борьбы с монгольским нашествием на Северо-Восточную Русь в 1237–1238 гг. уходят корнями в восточную политику Георгия Всеволодовича 1220-х гг., а в историографии подаются связанными с взаимоотношениями Владимирского княжества с Рязанью в 1210-х гг., с южнорусскими князьями в 1223 г. Поэтому автор счел возможным ограничить хронологию исследования первой третью XIII в.

Книга посвящена светлой памяти Учителя – доктора исторических наук, профессора Нижегородского университета Валерия Павловича Макарихина. Исследуя нижегородскую историю, В.П. Макарихин особое место отводил в ней князю Георгию Всеволодовичу. Между тем, не все мысли и идеи, представленные в данной книге очерков, получили бы поддержку В.П. Макарихина. Пришлось бы выдержать не один жаркий спор (как это часто и бывало), чтобы обосновать и доказать право на существование отдельных гипотез и критических стрел в адрес того же Георгия Всеволодовича. Однако даже они родились под влиянием идей самого Валерия Павловича Макарихина и его большого научного и человеческого обаяния.

Слова благодарности необходимо высказать Ольге Александровне Макарихиной, взявшей на себя труд чтения рукописи книги и давшей ряд ценных советов. Без преувеличения можно утверждать, что книга не состоялась бы без исследований по нижегородской истории XII–XIV вв. Бориса Моисеевича Пудалова. Его рекомендации, замечания и «экспертная оценка», данная в рецензии, способствовали повышению источниковедческого «качества» монографии. Спасибо рецензенту Михаилу Вадимовичу Бибикову за отзывчивость и терпение при чтении рукописи и ценные советы...

Автор видит слабые и сильные стороны исследования и при этом осознает, что эта оценка может не совпасть с читательской. Многие страницы, которые автор считает наиболее удачными, были написаны при доброжелательной поддержке товарищей, взявших на себя труд чтения частей монографии, при их заинтересованном обсуждении выводов и идей. Очень помогли глубокие замечания украинских историков Т.Л. Вилкул и А.П. Толочко, коллег из академических учреждений Москвы и Санкт-Петербурга А.А. Гиппиуса, А.В. Сиренова, А.В. Кузьмина. Автор благодарит коллег по историческому факультету Нижегородского университета: Е.А. Молева, Ф.А. Дорофеева, Д.Ю. Кривцова, М.С. Шайдакову, А.С. Досаева.

ГЛАВА I. МЕТОДИКА КРИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

*Боже мой! С какой силой сейчас пишут.
Все, кому не лень. Обо всем.
И с какой безответственностью.
Пишут и пророки, и обличители, и философы, и моралисты.
Воздух мыслей пьянит. Кажется, что ты все можешь и все знаешь.
А почему бы и нет?
Девальвация слова во всех этих писаниях причудливо
переплетается с проблесками провидения.
Но как разобрать, детский ли это писк или старческое бздословие?
Нет только чувства ответственности за сказанное...
А.А. Зимин¹*

редвзятость, определяющая видение политической истории Руси XII–XIII вв., присутствует и в общественном мнении, и в науке. Эти века до сих пор рассматриваются как исторический тупик в политическом развитии Отечества, прерванном нашествием Батюга. Поэтому историю собственно России иногда начинают с XIV в. Пренебрежение «большой науки» домонгольским периодом раздробленности еще до 1917 г. определило «поиск» в этом времени корней национальных историй Украины и Беларуси. На это обратил внимание еще А.Е. Пресняков². В советской историографии такой процесс также неявно происходил³.

Советская историография внесла лепту в мифотворчество о раздробленности XII–XIII вв. Внимание уделялось экономи-

¹ Зимин А. А. Две цивилизации в истории России // Отечественная история (далее – ОИ). 2002. № 1. С. 10.

² Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. М., 1998. С. 13–14.

³ Достаточно упомянуть три одноименных сборника: Из истории украинско-грузинских связей. Тбилиси, 1968; Из истории украинско-грузинских связей. Киев, 1971; Из истории украинско-грузинских связей. Тбилиси, 1975. Само название создает почву для мифа, связующего историю Древней Руси и средневекового Закавказья с историей Украины и Грузии. Кроме того, соответствующие материалы есть в каждом сборнике.

ческим факторам, определявшим социально-политическое развитие (например, монография Б.Д. Грскова «Киевская Русь»⁴). Социологизация истории определяла потребность в создании концепции⁵, объяснявшей имеющиеся факты. Историк мог давать общую картину с упоминанием отдельных красноречивых фактов, игнорируя составление событийной истории, конкретных биографий. Зачем писать об усобицах князей, если они пришлись на раздробленность, которую надо было пережить, чтобы вызрели причины образования Российского централизованного государства? А фактор ордынского ига, в чьих условиях зарождались эти предпосылки, давал возможность начинать «настоящую» отечественную историю со второй половины XIV в.: тогда выстраивалась, якобы, магистральная линия истории Отечества. Это давало повод говорить о политико-культурном влиянии Орды на историю России, без упоминания «другой Руси» (Украины и Беларуси под властью Литвы). Данный миф сложился в трудах Г.В. Вернадского, Л.Н. Гумилева и часто проявляется в политологических и культурологических штудиях.

Преодоление мифа о «конце истории» Руси в период раздробленности уже в советское время начал Д.С. Лихачев. По его мнению, в XII в. призывы к единению Руси исходили от противоборствующих князей⁶. Наблюдения Д.С. Лихачева определялись напряженностью между оценками объединительных усилий Владимира Мономаха в летописях, в его «Поучении» и в советской историографии середины XX в., оценивавшей князя как реакционного деятеля и игрушку в руках феодальной знати. Д.С. Лихачев нашел контраргументы в диалектике социально-политического процесса⁷. Но вообще отечественная историография вто-

⁴ Согласно Б.Д. Грекову, Древнерусское феодальное государство сложилось в результате прогрессивного развития хозяйственных процессов. Раннефеодальная государственность уступила место раздробленности. Её причины были следствием и залогом дальнейшего развития феодальных отношений.

⁵ О фетише концепции в советской историографии см. главу «Концепция истории СССР: союз и противостояние историка и власти» в книге: *Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.)*. Брянск, 2005. С. 305–407.

⁶ *Лихачев Д.С. К вопросу о политической позиции Владимира Мономаха // Из истории феодальной России*. Л., 1978. С. 36.

⁷ Там же. С. 35: «Феодальное дробление Руси, вплоть до монголо-татарского завоевания, никогда не было тотальным... Дело в том, что экономичес-

рой половины XX в. раздробленную Русь XII–XIII вв. не жаловала вниманием, затрагивая её проблематику лишь потому, что раздробленность иллюстрировала функционирование историко-материалистической схемы в древнерусской истории.

В силу необходимости выстраивания и подтверждения этой общей концепции рождения и развития феодализма для многих историков потерял важность процесс добывания достоверных фактов. Они могли черпаться исследователями из трудов Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева. Это было следствием развития дореволюционной историографии, когда В.О. Ключевский концептуально обобщал исследования своего учителя С.М. Соловьева. Подобное использование трудов Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева как кладезя фактов для построения концепций можно обнаружить у П.Н. Милюкова, М.М. Богословского, Б.Д. Грекова и др. Крайностью такого «метода» можно считать труды Л.Н. Гумилева, не только бравшего факты у отдельных авторов (речь идет о тех фактах, которые не были плодом вымысла), но и вольно интерпретировавшего их. Способ извлечения фактов из исследовательских сочинений предшественников, господствовавший в 1930–1950-е гг., мог совмещаться с произвольным получением знаний из источников. Последние без всяких оговорок и сомнений привлекались как запасники достоверных сведений.

Этот подход был охарактеризован в 1934 г. С.Н. Черновым как «потребительское отношение к источнику»⁸, что ни в коей мере нельзя просто считать ругательством, а приходится рассматривать объективно как явление в истории науки со всеми его преимуществами и недостатками. К этому определению можно подверстать и общение исследователя с источником через посредничество предшествующей историографии.

кие тенденции, ведшие к развитию отдельных княжеств в известном обособлении их друг от друга, не совпадали с... очень сильными идеологическими тенденциями... требовавшими сохранения государственного единства Руси... Выразителем... единства этих противоречивых тенденций, устанавливавших естественное... положение «балансирования» между центробежными и центростремительными силами исторического развития, был Владимир Мономах».

⁸ Цит. по: Лурье Я.С. Предисловие // *Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв.* СПб., 1996. С. 29. Сюда же надо добавить и опосредованное (через исторические исследования) потребительское отношение к источнику.

Именно потребительское отношение к источнику и историческому исследованию стало причиной возникновения множества мифов в науке.

Наиболее ярко обе тенденции (потребительское отношение к источнику и к историографии) проявились в 1949/50 годах, когда вышли «Воинские повести Древней Руси» и монументальный труд Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского «Золотая Орда и её падение». В первом случае интересны приложения Д.С. Лихачева к «Повести о разорении Рязани Батыем», во втором – использование Б.Д. Грековым той же «Повести» как источника по истории драматических событий зимы 1237–1238 гг. Б.Д. Греков использовал в своем исследовании список этого произведения⁹.

В сочинении Б.Д. Грекова материал о Батыевом нашествии зимой 1237–1238 гг. был подан через призму труда Д.И. Иловайского об истории Рязанского княжества¹⁰. Сравнение данной работы Д.И. Иловайского с трудом Б.Д. Грекова показывает, что последний доверился основным мыслям и выводам поборника рязанских древностей в рассказе о нашествии 1237–1238 гг. И «Повесть о разорении Рязани» была использована также вслед за Д.И. Иловайским: Б.Д. Греков сверил цитату со списком источника, датированного им XIV в. Таким образом, «Повесть о разорении Рязани» и Новгородская первая летопись (далее – НПЛ) стали основными источниками для реконструкции страшных событий 1237–1238 гг.

В стороне остались уникальные сведения Лаврентьевской (далее – ЛЛ) и Ипатьевской летописей (далее – ИЛ), дающих иную картину событий. К тому же ещё в 1945 г. была показана генетическая близость НПЛ в рассказе о татаро-монгольском нашествии 1237–1238 гг. и «Повести о разорении Рязани»¹¹. Эти источники, как доказывал В.Л. Комарович, отразили взгляд рязанца, осуждавшего владимирского князя Георгия Всеволодовича. Вслед за Д.И. Иловайским и источниками, имеющими генетическую близость, Б.Д. Греков указал на то, что владимирский князь не пришел на помощь Рязани. При этом были проиг-

⁹ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М.–Л., 1950. С. 211.

¹⁰ Там же. С. 210–211. При написании нашей работы было использовано последнее издание труда Д.И. Иловайского: *Иловайский Д.И. История Рязанского княжества // Он же. Рязанское княжество. М., 1997.*

¹¹ Комарович В.Л. Литература Суздальско-Нижегородской земли в XIV в. // История русской литературы. М.–Л., 1945. Т. II. Ч. 1. С. 90–93.

норированы не только иная подача материала ЛЛ и ИЛ, но и сообщение НПЛ о битве владимирской рати в союзе с рязанцами против татар под Коломной¹² (Коломна входила в состав Рязанского княжества). Б.Д. Греков добавил к рассказу о разорении Рязани сведения об отказе помочь ей не только владимирского князя, но и черниговских князей. Их глава Михаил Всеволодович Черниговский якобы припомнил отказ рязанских Рюриковичей помочь в битве на Калке 1223 г.¹³ И здесь можно найти перекличку идей Б.Д. Грекова с трудом Д.И. Иловайского, ссылавшегося на В.Н. Татищева¹⁴:

«Князья Черниговские и Северские отказались прийти на том основании, что Рязанские не были на Калке, когда их также просили о помощи»¹⁵.

Это же обстоятельство упомянуто и Д.С. Лихачевым, только без мотивации отказа черниговских князей¹⁶. Поскольку единственным источником этого утверждения является запись В.Н. Татищева, то ей надо было предпослать источниковедческое обоснование, чего не сделали ни Д.И. Иловайский, ни Д.С. Лихачев, ни Б.Д. Греков. Поэтому данная подробность не имеет права на существование, однако повторяется и тиражируется в исторических трудах¹⁷. В сочинении Д.С. Лихачева раньше, чем у Б.Д. Грекова, проявилось стремление говорить о нашествии Батыя, опираясь лишь на НПЛ. Исторический экскурс понадобился Д.С. Лихачеву для того, чтобы показать, какие реалии отразились в «Повести о разорении Рязани». В то же время воздействие строк НПЛ на читателя он усиливал эмоциональными цитатами из «Повести о разо-

¹² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. III. М., 2000 (далее – НПЛ). С. 74–75, 286–287.

¹³ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение... С. 210–211.

¹⁴ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. М.–Л., 1964. С. 232.

¹⁵ Иловайский Д.И. История Рязанского княжества... С. 70, 180.

¹⁶ Лихачев Д.С. Повесть о разорении Рязани Батыем // Воинские повести Древней Руси. М.–Л., 1949. С. 122–123.

¹⁷ Пацито В.Т. Борьба русского народа с татаро-монгольским нашествием // Очерки истории СССР. Ч. I. IX–XIII вв. М., 1953. С. 831; Черепнин Л.В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 186; Толочко П.П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 168.

рении Рязани»¹⁸. Получился замкнутый источниковедческий круг, и была создана реконструкция событий с точки зрения новгородского летописца, пользовавшегося теми же материалами, что и автор «Повести о разорении Рязани».

Все это важно, поскольку книги Д.С. Лихачева и Б.Д. Грекова стали вехой в процессе формирования всей картины нашествия и конкретного образа владимирского князя Георгия Всеволодовича. Из этих книг можно вынести убеждение, что князь «подвел» Русь под Батыево нашествие в 1237–1238 гг. нежеланием помочь Рязани, неумением подготовить отпор захватчикам. Действия (или бездействие) этого князя в 1223 г. и 1237–1238 гг. использовались в историографии, популярных изданиях, учебниках как примеры отрицательных последствий феодальной раздробленности. Чуть ли не везде говорилось, что Георгий Всеволодович не участвовал в совете князей перед битвой на Калке (как вариант: он отказался участвовать в нем), что не послал (послал с заведомым опозданием) рать во главе со своим племянником Васильком Константиновичем на Калку, что не откликнулся на призыв о помощи рязанских князей в 1237 г., что покинул Владимир в 1238 г. перед приближением полчищ врага, что не добился победы в битве на Сити... При этом многие исследователи выбирают лишь устраивающие их сведения из ИЛ, ЛЛ и НПЛ («неудобные» сведения игнорируются). Эти оценки князя попали и в современные вузовские и школьные учебники, укоренившись в общественном сознании.

На примере восприятия образа князя Георгия Всеволодовича можно продемонстрировать еще один способ мифотворчества. Суть его заключается в том, что при переложении информации источника в статью или монографии используются термины, несущие определенную оценочную и эмоциональную нагрузку. В научном исследовании происходит имянаречение явления, события, персонажа, имянаречение в традиции мифопоэтической культуры. В этой традиции предполагаются тождество имени и природы его носителя. Из этого тождества следует креативная функция называния (в нашем случае обозначения), подразумевающая активное воздействие имени на его носителя¹⁹. В случае с исторической наукой нельзя отрицать, что интерпретация сведений источни-

¹⁸ Лихачев Д.С. Повесть о разорении Рязани Батыем... С. 133–135.

¹⁹ Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996. С. 6–8.

ков на страницах научного труда имеет тот же креативный характер, что исследователь называет, именует на современный лад процессы и события прошлого. Тем самым учёный-историк творит свой миф.

Ярко это проявилось в дореволюционной историографии. Вот как описывает отказ Георгия Всеволодовича помочь Рязани Н.М. Карамзин:

«Но великий князь, надменный своим могуществом, хотел один управиться с Татарами и, с благородною гордостью отвергнув их требование, предал им Рязань в жертву. Провидение, готовое наказать людей, ослепляет их разум»²⁰.

В этой фразе Н.М. Карамзин своеобразно, в духе своего времени и своей общественной мифологии, истолковывал отрывок из НПЛ. Сила художественного слова Н.М. Карамзина такова, что он и поныне переиздается, своими историческими сочинениями воздействуя на современное восприятие истории раздробленной Руси, её героев.

Последние слова приложимы и к наследию В.О. Ключевского. Известно, как он вдохновенно подходил к подготовке издания своих лекций, как оттачивал острие своих афоризмов, метафор, позволяющих раскрыть все богатство истории России. Эти художественные приемы В.О. Ключевского, кроме всего прочего, послужили основой для создания общественных мифов восприятия истории. Вот несколько выдержек из обширной характеристики В.О. Ключевским Андрея Боголюбского, дяди Георгия Всеволодовича:

«От всей фигуры Андрея веет чем-то новым; но едва ли эта новизна была добрая... он... наделал много дурных дел: собирал и посылал большие рати грабить то Киев, то Новгород, раскидывал паутину властолюбивых козней по всей русской земле из своего темного угла на Клязьме»²¹.

Сомнения в добром характере новизны, «много дурных дел» (так характеризуются политические мероприятия), среди которых грабежи стольных городов (прямо-таки видится князь-налетчик) будут формировать у читателя отрицательный образ князя. Хотя источники дают возможность рассуждать о целом перечне причин, побудивших князя Анд-

²⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. II–III. М., 1991. С. 507.

²¹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. I. М., 1993. С. 287.

рея Юрьевича на разгром Киева и драматическую осаду Новгорода. Политический «почерк» князя подан через образ паука, затаившегося в засаде в ожидании жертвы. И этот образ в сознании читателя начинает охватывать всю фигуру князя (этого мог и не желать В.О. Ключевский), невольно искажая восприятие прошлого. И вновь надо указать, что труды В.О. Ключевского переиздаются, пользуются большим спросом и оказывают влияние на историческую мифологию современности.

Н.И. Костомаров в обзоре русской истории через отдельные биографии назвал торопецкого князя Мстислава Удалого (правильнее -- Удатного, как указал А.А. Горский; по мнению этого историка, *Удатный* надо переводить как «удачливый»²²; еще один пример научного мифотворчества историографии XIX в. по поводу образа конкретного князя, заключающийся в неточном переводе его прозвища) последним витязем Древней Руси. Следовательно, его противников (владимирских князей Всеволода Большое Гнездо, Георгия и Ярослава Всеволодовичей, черниговских князей) витязями считать нельзя. Принимая во внимание, что в слове «витязь» сильна положительная составляющая, то автоматически противники Мстислава, в числе которых был и Георгий Всеволодович, её лишались.

Если в научном исследовании данный творческий процесс ограничен рамками строгой терминологии, то в научно-популярных и популярных изданиях чаще встречается дерзкое использование метафор, сравнений, гипербол, что создает несколько иную реальность в глазах неискушенного читателя. Обычно авторы оправдывают это научно-популярным жанром, целью которого является увлечь непрофессионала теми или иными историческими событиями. Прием облечения мысли в художественную форму также используют авторы, противопоставляющие свое видение истории общепринятому в науке и системе образования. Резун-Суворов, А.Т. Фоменко и иже с ним, а также поборники славяно-арийских древностей, не утруждая себя ссылками и примечаниями, точностью передачи идеи, мысли, устремляются в своем повествовании к созданию «реальности» прошлого, очень далекой от достоверной.

Возвращаясь к действиям князя Георгия Всеволодовича в 1237–1238 гг., надо отметить, что требование исторической объективности,

²² Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001. С. 42.

несовпадение историографической и источниковой реальностей делают насущной проблему более точного восстановления поведения князя в грозную годину. Почва к этому подготовлена состоянием изученности основных источников, что убедительно показал И.Н. Данилевский²³.

К рубежу 1980–1990-х гг. источниковедение накопило достаточно данных, чтобы сформулировать тезис: известия НПЛ, ЛЛ и ИЛ, по сути, представляют собой историсофские произведения, созданные по прошествии некоторого времени после татаро-монгольского нашествия. Их авторы пытались осмыслить нашествие Батыя и установление ордынского ига в рамках всей предшествующей русской и Священной истории. Степень достоверности сведений этих летописей не достигает той высоты, которая подразумевалась раньше. Поэтому удаленность известия во времени от событий, авторская интерпретация должны учитываться при комплексном анализе всех привлекаемых источников. Только так можно разрушить устаревшие представления о роли князя Георгия Всеволодовича в 1223 г. и 1237–1238 гг. и расчистить место для иного образа князя, реконструированного на основе согласования всех сведений достоверных источников.

Критике должен быть подвергнут и другой, также далекий от достоверности, образ князя Георгия Всеволодовича, создатели которого стремятся оправдать героя и придать ему исключительно положительные черты. Этот образ, родившийся раньше негативного, укреплялся впоследствии в том числе и как реакция на внедрявшийся стереотип отрицательного восприятия князя. Очень часто сторонники князя Георгия Всеволодовича пытаются оправдать его, додумывая мотивы деятельности, подтверждения коим нет в источниках.

Избирательное выделение фактов, не прошедших источниковедческую критику, для концептуального построения превращало историю в служанку идеологии. В зависимости от капризов последней оценки фактов полярно менялись: то Владимир Мономах считался реакционным деятелем в своей политике сплочения Руси, то за его действиями признавалось прогрессивное значение. По отношению к Георгию Всеволодовичу можно указать на следующую особенность: краеведческая историография в целом симпатизирует князю, а «большая», академическая отличается критическим отношением к нему. В кампании по прославлению племянника Георгия Всеволодовича, Александра Невского,

²³ Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001. С. 95–180.

игнорировались и сомнительные моменты биографии князя-защитника, и то, что его подвиги не были замечены современниками²⁴. 1990-е гг. отмечены обратной реакцией на культ Александра Невского в историографии и общественной мысли. Тщательно рассматривались именно «темные» факты. Не случайно 775-летний юбилей князя вызвал большое количество публикаций разных оценок. И.Н. Данилевский дал моральную оценку деятельности Александра Невского, упирая на отрицательные её стороны. Это вело к созданию другого мифа, где князь - уже антигерой²⁵. На появление нового мифа откликнулись²⁶ и апологеты князя, и историки, попытавшиеся непредвзято разобраться в его биографии. После источниковедческих процедур Я.С. Лурье, В.А. Кучкина и А.А. Горского с образа князя были сняты положительные и отрицательные наслоения обоих мифов. Князя показали гибким политиком, у которого были свои непреложные принципы. Оказавшись на острие событий, он своими действиями определил судьбоносный выбор Руси²⁷. Но взвешенный подход этих ученых многими был проигнорирован²⁸.

Сторонники и того, и другого мифа пытаются нарисовать психологический облик древнерусского деятеля и говорить о психологических

²⁴ См.: *Данилевский И.Н.* Русские земли (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001. С. 181–228. Первым пробивать брешь в этом мифе стал Дж. Феннел: *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.

²⁵ *Данилевский И.Н.* Русские земли (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001. С. 181–228.

²⁶ Список литературы на русском языке об Александре Невском см.: *Бегунов Ю.К.* Александр Невский. М., 2003. С. 242–260.

²⁷ *Горский А.А.* Александр Невский // *Родина*. 1993. № 11. С. 26–31; *Он же.* «Всего еси исполнена земля Русская...». Личности и ментальность русского средневековья. 2001. С. 41–77, 161; *Кучкин В.А.* Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // *ОИ*. 1996. №5. С. 18–33; *Лурье Я.С.* К изучению летописной традиции об Александре Невском // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. L. СПб., 1996; *Он же.* История России в летописании и восприятии нового времени // *Он же.* Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 100–130.

²⁸ Примером этого является полемика о князе в журнале «Родина». Там высказались сторонник апологетического мифа В. Долгов, его противник И. Данилевский, исследователь этих мифов Ф.Б. Шенк: *Долгов В.* Сквозь темное стекло // *Родина*. 2003. № 12. С. 86–87; *Данилевский И.* Призрак желательной истории // *Родина*. 2003. № 12. С. 88–90; *Шенк Ф.Б.* Русский герой или фантом // *Родина*. 2003. № 12. С. 91–93.

мотивах. Но, увы, последнее за редкими исключениями, как Андрей Боголюбский и Ярослав Осмомысл, применительно к домонгольской Руси не получается²⁹. Состояние источников не позволяет определить морально-психологические мотивы поведения того же Александра Невского. Поскольку не все события равно отражались в источниках, мотивы подгоняются под узкий набор фактов по принципу «Кому выгодно». Это ведет еще к одному аспекту модернизации истории раздробленности. В тех трудах, где находилось место событийной политической истории, часто при анализе поступков князей исследователи исходили из презумпции политической сообразности. При чтении таких исследований можно подумать, что герои попали в XII–XIII вв. из нашего времени, снабженные идеями Макиавелли. Расхожим объяснением бездействия Георгия Всеволодовича стало то, что ему приписывается желание ослабить Рязань и её правителей. Подобные объяснения изобиливали в советской историографии при исследовании отношений светской и церковной властей Древней Руси. Одним из источников этого подхода видится антирелигиозная пропаганда советского периода. Вслед за Ю.М. Лотманом можно сказать, что не удавалось (иногда и не ставилось такой задачи) разгадать культурный код эпохи, запечатленный в текстах. А их авторов мало интересовали причины и психологические мотивы поступков людей: вопросы политического устройства игнорировались книжниками, считавшими, что устои и порядки даны свыше. Это определялось господством стиля «исторического монументализма»³⁰.

Отказ от учета стилистических и жанровых особенностей письменных источников может привести к другой крайности: полное доверие к текстам источников, когда из них исследователь просто выбирал необходимые факты³¹. Проявлением подобной доверчивости к летописным текстам можно считать процесс поиска различными историками конкретного автора «Слова о полку Игореве». Полностью доверяясь летопи-

²⁹ Кузнецов А.А. Трудные вопросы психологических реконструкций в историографии Древней Руси // Исторические персоналии. СПб., 2002. С. 241–244.

³⁰ Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси // Он же. Избранные работы в трех томах. Т. 3. Л., 1987. С. 63–64.

³¹ В качестве примера см.: Бегунов Ю.К. Александр Невский. М., 2003. Описание последних дней жизни князя в пути от Нижнего Новгорода до Городца не выдерживает научной критики.

сям, эти авторы пытались найти конкретного человека, упомянутого в источниках, и приписать ему славу создания великого памятника. При этом исключалась сама возможность того, что «Слово...» мог создать мастер, чье имя не дошло до нас.

Такая замена тщательной проверки сведений всеядным их поглощением отдавала событийную историю на откуп краеведению. Есть большие успехи этого направления исторического знания, но краеведы зачастую собирают все имеющиеся факты, не проверяя их на «жизнеспособность». Особенно это касается местных легенд, объяснений редких находок, поздних источников с массой обильных и подкупающих деталей. Так, сторонники удревнения истории Москвы, утверждают, что она основана ранее 1147 г. Основной их аргумент – это литературный цикл «Повести о зачале Москвы», хотя и С.К. Шамбинаго, и Л.Н. Пушкарев, и М.Н. Тихомиров, и М.А. Салмина показали, что цикл этих повестей рождался как литературное произведение, в котором вольно интерпретировались исторические факты. Это произведение создавалось в конце XVI – начале XVII вв. на основе мифа о кровопролитии при закладке города, которому предуготовлена царственная миссия³². Тем не менее, сторонники существования Москвы до 1147 г. продолжали настаивать

Шамбинаго С.К. Повести о начале Москвы // Труды отдела древнерусской литературы. Т. III. М.–Л., 1936. С. 59–98; *Пушкарев Л.Н.* Вводная статья // Повесть о зачале Москвы / Материалы по истории СССР. Т. II. Документы по истории XV–XVII вв. М., 1955. С. 214–215, 222, 228; *Салмина М.А.* Исследования // Повести о начале Москвы. М.–Л., 1964. С. 168–170. Исследования последних лет, подтверждающие литературно-художественный характер «Повестей о зачале Москвы»: *Бауэр Е.А.* К датировке Повести о начале Москвы // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы. М., 2001. С. 115–116; *Бибиков М.В.* «Повесть о зачале Москвы» в свете византийских идей о начале городов // Источниковедение и краеведение в культуре России. Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 96–99; *Гарозанти М.* К вопросу о новой интерпретации «Повести о начале Москвы» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики (далее – ДР. ВМ). 2003. № 4 (14). Декабрь. С. 12; *Плюханова М.В.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 158; *Филлюшкин А.И.* Понятие «царствующего града» в русской общественной мысли XV–XVII вв. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). М., 1996. С. 12, 13–14.

на своем. Неожиданным подарком для них стала находка митрополичьей печати рубежа XI–XII вв.³³. Сфрагистический аргумент был использован как решающий в деле подкрепления тезиса о достоверности «Повестей о зачале Москвы». Против этого выступил В.Л. Янин, указав на случайность находки, и настоял на невозможности использования печати как датирующего фактора существования города³⁴.

Нечто подобное творилось со времени П.И. Мельникова-Печерского и в отношении решения проблемы основания Нижнего Новгорода. Он обратил внимание на сведение Нижегородского летописца, памятника XVII в., о Старом Городке, предшествующем Нижнему Новгороду. Согласно Нижегородскому летописцу, Старый городок был основан владимирскими князьями до даты, выводимой из летописного указания, – 1221 г. Под эту догадку были подверстаны легенды, записанные в XIX в., в подлинности которых сомневался и сам П.И. Мельников-Печерский. Тем не менее, догадка о Старом городке продолжает бытовать в историографии, и тем самым ставится под сомнение роль Георгия Всеволодовича в деле продвижения территории Владимиро-Суздальского княжества на восток, основания Новгорода на устье Оки.

Примерам построения краеведческих мифов, неправомерно меняющих восприятие истории раздробленной Руси, несть числа. Областному (городскому, районному) общественному сознанию льстит сам факт наличия «своей истории». И пусть она не вписывается в рамки общей исторической схемы (не делается даже попыток согласовать спорные точки зрения), пусть, кроме факта удревнения города и появления персонажей, которых нет в письменных источниках, история ничего не получает – эти псевдофакты удерживаются в общественном сознании. Налицо один из древних механизмов действия мифа: в нем гармонично уживаются противоречивые с точки зрения рационального мышления идеи, образы. Интересно и то, что многие ложные с точки зрения источниковедения «факты» истории раздробленной Руси почерпнуты из источников XVI–XVII вв., создававших свою мифологию прошлого. Творцы местных мифов могут обращаться к трудам классиков историогра-

³³ Латышева Г.П., Рабинович М.Г. Москва и Московский край в прошлом. М., 1973. С. 58; Рабинович М.Г. Древний центр Москвы // Вопросы истории. 1990. №3. С. 108–109.

³⁴ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. М., 1970. С. 149–150; Янин В.Л. Искать Москву в XI веке не приходится... // Родина. 1996. № 10. С. 32.

фии, невзирая на то, что объем знания о прошлом увеличился и многие воззрения классиков давно уже преодолены. Что, в свою очередь, является еще одним проявлением потребительского отношения к историографии.

Эти явления в краеведении имеют значение, так как проникают в академическую науку. Несобоснованное удревление времени основания городов Северо-Восточной Руси в XII–XIII вв.: Владимира (указывается, что основан Владимиром Святославичем в X в.), Москвы, Города-Радилова (откуда-то взялась дата – 1152 г., хотя первое упоминание Городца – 1171/1172 г.), Нижнего Новгорода – меняет взгляды на время, задачи, направление, характер колонизации.

Краеведческие штудии приобретают дополнительный вес, если выходят на уровень этнической, религиозной истории. Еще в XIX в. русская историография получала упреки со стороны «украинофилов» за непризнание Юрия Долгорукого первым великорусским («москальским») князем, филиппики за разорение Андреем Боголюбским (его также называли первым деятелем собственно русской истории) Киева в 1169 г. Такое искусственное вычленение частей цельной истории Руси, превознесение одних деятелей за счет принижения других (Владимира Мономаха, Мстислава Великого против Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского) неизменно отражается на общественном сознании и лишней раз демонстрирует силу исторического аргумента, на который может повлиять политическая и идеологическая мифология. По этому поводу академик В.Л. Янин горько пошутил:

«А граница с Украиной? Что нам, «Слово о полку Игореве» туда, за набор кинуть? Весь цикл былин о Владимире Красное Солнышко, собранный на Печоре, на Украину переправить? А искать корни только у себя здесь?»³⁵

Отметив отрицательную роль мифа в изучении Древней Руси XII–XIII вв., надо указать и на его положительное значение. Он заполняет собой нишу, названную Я.С. Лурье вслед за Е. Топольским «сферой неиссточникового знания»³⁶. Она зависит от психологических установок, интуиции, эмоций исследователя. Эта сфера позволяет выстроить

Янин В.Л. «Моя цель – движение к истине» (интервью с академиком В.Л. Яниным) // *Завтра*. 2004. Март. № 12 (539). С. 8.

Лурье Я.С. История России в летописании и восприятии... С. 24–25. Сам Я.С. Лурье указывал, что это знание тоже почерпнуто из источников.

цепь событий, когда для этого мало аргументов. Для историка Древней Руси построение собственной научной мифологии обусловлено большим количеством источников «мифического характера»: былины, сказания, предания, легенды, мифы более поздних времен (в том числе и мифы науки). Преодоление их инерции должно носить характер диалектического отрицания: они принадлежат истории общественного сознания, истории исторической науки³⁷.

В то же время историк должен осознавать значимость своего ремесла в деле отказа от устаревших мифов и в создании иной картины исторической действительности (уместнее, наверное, – давности), основанной на тщательном источниковедческом анализе, диалектическом учете всех достижений историографии. На этом пути он должен понимать, что его гражданский долг – очищение прошлого от ложных наслоений как отрицательного, так и положительного свойства. Так он может влиять, невзирая на лица, на сотворение общественного представления о прошлом своей страны, народов, её населяющих. На основе этих представлений общество будет ориентироваться в настоящем, намечая перспективы грядущего развития. Ради этого необходимо выносить результаты своих исследований на широкое обозрение, не боясь обсуждения: надо бескомпромиссно указывать на непрофессионализм в деле выработки каких-либо исторических штампов, неверные и неточные употребления терминов, характеристики событий и процессов. Так было недавно сделано историками, развенчавшими «новую хронологию». Гуманитарии должны держать руку на пульсе исторической беллетристики и исторических художественных кинофильмов, поскольку ныне кинематограф формирует общественные представления об истории. Уместно в этой связи вспомнить резкую рецензию М.Н. Тихомирова на сценарий фильма об Александре Невском, замечания В.Т. Пащуто о «псевдонсторических» художественных фильмах³⁸.

Пути преодоления мифов и создания научного представления об истории раздробленной Руси в науке, в общественном сознании намечены наукой. Это – «источниковедение факта» (пропагандистами дан-

³⁷ Юрганов А.И. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 9–16; Долгов В. Сквозь темное стекло // Родина. 2003. № 12. С. 86–87.

³⁸ Тихомиров М.Н. Издевка над историей (о сценарии «Русь») // Историк-марксист. 1938. № 3. С. 92–95. Эта рецензия была переиздана в: 1) Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975; 2) Родина. 2003. № 12; Пащуто В.Т. Кино и отечественная история // Искусство кино. 1980. № 2. С. 34.

ной методики были А.А. Зимин и Я.С. Лурье), когда выясняется происхождение самих известий о факте, нахождение самого древнего или признание этих известий плодом литературного сочинительства (и, тем самым, непризнание права на жизнь этого факта). Затем «оставшиеся в живых» факты интерпретируются исследователем, устанавливающим самую короткую дистанцию между ними, предлагающим самое рациональное объяснение последовательности и причинно-следственной связи между этими фактами. Тем самым выстраивается гипотеза. Иной путь – через возможности и допущения – ведет к догадке (любое ничем не ограниченное предположение о факте, который мог быть, а мог и не быть).

Догадка часто возникает по причине недостатка данных по определенному вопросу. Гипотеза строится на неоднозначной необходимости, а догадка – на возможности. Для опровержения гипотезы нужно дать альтернативную гипотезу, которая должна являться диалектическим отрицанием первой и низведением её до уровня догадки; для отказа от догадки надо просто указать на отсутствие данных по поставленному вопросу. Без постоянного отсева догадок (ловедения одних до уровня гипотез и отброса других, несостоятельных в источниковедческом и фактографическом отношениях) произойдет подмена гипотез догадками, что ведет к увеличению числа сущностей. Одна догадка будет порождать другую – исследование окажется построенным на цепи последовательных допущений, и его результаты не будут внушать доверия³⁹.

Весомость этих соображений возрастает при анализе историографии Руси XII–XIII вв. Наука в данном случае имсет ограниченный круг письменных источников, многие из которых возникли значительно позже изучаемого периода. Поэтому надо усиливать их источниковедческий анализ, чтобы воспроизвести историческую мифологию эпохи со-творения текстов. Сами тексты подчинены законам определенных жанров и стилей, действие которых обусловлено общественной повседневной мифологией. В силу воздействия жанров и стилей летописцем мог производиться отбор фактов для помещения их в хроники. Вопрос о критериях, по которым делалась такая селекция, ныне является дискуссионным. В то же время, как указывалось выше, нельзя к этому набору

³⁹ Лурье Я.С. О гипотезах и догадках в источниковедении // Источниковедение отечественной истории. М., 1977. С. 29, 32–33, 39–40; Лурье Я.С. История России в летописании и восприятии нового времени // Он же. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 28–30.

событий подходить с современной шкалой ценностей, тем более – с попытками психологической мотивации поступков и действий. Эти особенности источникового материала указывают, как должен «баланси́ровать» исследователь в деле создания современного ему, объективного, научно-обоснованного мифа об истории раздробленной Руси XII–XIII вв. При этом важно понять, что в истории нет главных и второстепенных (тупиковых) эпох, к коим часто относят эпоху раздробленной Руси в XII–XIII вв., что в историографии нет окончательно решенных проблем, что «исхоженность», «избитость» темы не делает её решенной и даже более осложняет задачу её исследования на сегодняшнем этапе.

В свете этого актуальными и злободневными выглядят мысли А.Е. Преснякова в начале XX в. Он писал о задачах, стоящих перед историками средневековой России: «расчистить пути для более реального понимания нашего прошлого»⁴⁰. В ходе «расчистки» произойдет восстановление

«...по возможности, права источника и факта в представлении об одном из важнейших явлений русской истории – образовании Велико-русского государства»⁴¹.

В этих словах выражен манифест «петербургской школы» исторических исследований. Она, в отличие от «московской», ставила на первое место

«научный реализм, сказывающийся... в конкретном непосредственном отношении к источнику и факту – вне зависимости от историографической традиции и критиковала «московскую» школу за то, что теоретический подход к материалу... обратил данные первоисточников в ряд иллюстраций готовой, но не из них выведенной схемы», что «господство теоретических построений... привело к такому одностороннему подбору данных, при котором отпадало из комплекса все то, что не годилось для иллюстрации установленной схемы, не подтверждало её предпосылок»⁴².

⁴⁰ Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920. С. 10. (Цит. по: Данилевский П.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. М. 2001. С. 17).

⁴¹ Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 11.

⁴² Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации... С. 10–12 (цит. по: Данилевский П.Н. Древняя Русь... С. 17–18).

Решение задач по расчистке путей постижения прошлого было отложено по причине коренных преобразований общества, государства, экономики. От историков уже требовалось концептуально оформить торжество материалистической методологии и классового подхода на примере прошлого. Б.Д. Греков «вписал» Киевскую Русь в феодализм⁴³. Историкам Древней Руси оставалось вести речь об особенностях этого общественно-экономического строя. Только «удобные» факты втискивались в прокрустово ложе заданной схемы. Развивалась тенденция, шедшая от крупных историков (представителей «московской школы»): использовать труды Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева как закрома фактов для иллюстрирования априорных схем и концепций. Торжество «московского подхода» обозначилось, на наш взгляд, на рубеже 1940–1950-х гг. Оно было результатом государственного вмешательства в историческую науку, но – не усилий учеников и последователей В.О. Ключевского.

Во второй половине 1940-х гг. процесс давления на историков с обвинениями в отступлении от марксистской линии проявился на кафедре вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института в Москве. Первый удар с последующими оргвыводами пришелся на ученых, ранее проходивших по «Академическому делу», А.И. Андреева и Л.В. Черепнина⁴⁴. Последовали процедуры признания своих ошибок и борьба за «чистоту большевистской науки». Борьба вылилась в поток критических статей на рубеже 1940–1950-х гг.⁴⁵. Чаше

⁴³ Паушто В.Т. Б.Д. Греков как ученый и общественно-политический деятель // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 5; Мавродин В.В. Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 39–41.

⁴⁴ Простоволосова Л.Н., Станиславский А.И. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990.; Медушевская О.М. Источниковедческое научно-педагогическое направление: гуманитарное знание как строго научное // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М., 2001.

⁴⁵ О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // Вопросы истории (далее – ВИ). 1949. № 2. С. 3–13; Погребинский А. Исторические взгляды П.Г. Любомирова // ВИ. 1949. № 2. С. 82–93; Черепнин Л.В. А.С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // ВИ. 1949. № 8; Черепнин Л.В. Об исторических взглядах А.Е. Преснякова // ИЗ. 1950. Т. 33. С. 203–231; Паушто В.Т. А.А. Шахматов – буржуазный источниковед // ВИ. 1952. № 2 и др.

московские исследователи как более близкие к центральным изданиям и государственным органам вынужденно указывали на ошибки и недочёты коллег из Ленинграда и других городов, сопровождая критику политико-идеологическими характеристиками, незадолго до этого прилагавшихся к ним самим.

Поэтому нельзя, вслед за В.М. Панеяхом, рассматривать историографические процессы рубежа 1940–1950-х гг. как попытку давления «московской школы» на «петербургскую»⁴⁶ по двум причинам: 1) к этому времени географические рамки школ стали относительными; многие историки, исповедовавшие примат концепции над источником и «потребительское отношение к источнику», трудились в Ленинграде, и наоборот⁴⁷; были историки, испытавшие во время своего формирования импульсы со стороны обеих школ (например, Б.Д. Греков⁴⁸);

⁴⁶ *Панеях В.М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 291.

⁴⁷ *Лурье Я.С.* История России в летописании и в восприятии Нового времени // *Лурье Я.С.* Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 15–16.

⁴⁸ В историографии высказывалось мнение со ссылкой на письмо Б.Д. Грекова – С.Ф. Платонову от 25.05.1921 об отнесении Б.Д. Грековым себя к школе С.Ф. Платонова – см.: *Брачев В.С.* Сергей Федорович Платонов // ОИ. 1993. № 1. С. 118, 127. На это можно ответить высказыванием С.Н. Кистерева, сделанного по поводу фразы из письма к В.А. Пархоменко от А.А. Шахматова, назвавшего себя историком литературы, чей предмет исследования отличается от предмета исследования историка: «Иное дело, насколько допустимо доверять сказанному человеку о себе самом» (*Кистерев С.Н.* Вехи в историографии русского летописеведения // *Очерки феодальной России.* Выпуск 7. М., 2003. С. 13). Нужно добавить, что письмо Б.Д. Грекова адресовано С.Ф. Платонову и написано на середине жизненного пути историка: для большего подтверждения тезиса о Б.Д. Грекове – ученике только С.Ф. Платонова – нужна дополнительная аргументация. Не случайна близость идей Б.Д. Грекова к концептуальным разработкам М.К. Любавского, ученика В.О. Ключевского. Более уместна формулировка Н.А. Горской о формировании историка Б.Д. Грекова: в 1905 г. по окончании Варшавского университета он «... приехал с рекомендациями Петрушевского в Московский университет к профессору М.К. Любавскому и приват-доценту А.А. Кизеветтеру. Встречен был радушно, но... пришлось с разбитыми мечтами вернуться в Варшаву... Дальнейшее становление личности ученого, начиная с 1906 г., связано с историко-филологическим факультетом Петербургского университета... Наставниками его в этот период являлись профессора

2) критика «географических» москвичей была направлена и против представителей «московской школы»: в том же номере «Вопросов истории», где опубликована критическая статья Л.В. Черепнина об А.С. Лаппо-Данилевском и его последователях в Ленинграде, напечатана рецензия В.Т. Пашуто на «Записки научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР»; В.Т. Пашуто критиковал редакцию за политическую беспечность в отношении статьи члена-корреспондента АН СССР А.И. Яковлева (Л.В. Черепнин считал его своим учителем⁴⁹) в стиле «восторженной популяризации» о В.О. Ключевском, и работ О.А. Яковлевой (дочери А.И. Яковлева)⁵⁰, порицавшейся за восстановление фактов и изучение источников, что более присуще «истербургской школе».

Вместе с тем, сегодняшнее состояние исторической науки и знания об истории раздробленной Руси не позволяют без оговорок применять методики «источниковедения факта» и предложения гипотезы с отсеиванием догадок, за что ратовал Я.С. Лурье. Дело в том, что многие догадки сейчас в научных исследованиях поданы авторами как устоявшиеся гипотезы. Поэтому обоснованная гипотеза часто просто теряется среди догадок. А эти догадки, маскирующиеся под гипотезы, есть ни что иное, как мифы. Поэтому при выдвижении гипотезы исследователь должен проверить её на живучесть, столкнув свое построение со всеми мнениями и суждениями по изучаемой проблеме. Только в этом случае исследователь имеет право предложить свое мнение как гипотезу не

И.М. Гревс и С.Ф. Платонов» – см.: *Горская Н.А.* Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) // *Историки России. Биографии.* М., 2001. С. 595. Отдельные представители нижегородской исторической науки называли своими учителями ученых с иным, нежели собственный, кругом исследовательских интересов: Н.И. Привалова в числе наставников числила С.И. Архангельского, М.М. Богословского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина, С.Б. Веселовского, Д.М. Петрушевского. Сам С.И. Архангельский, основной специализацией которого была история Англии, в письме к историку прошлого России М.М. Богословскому называл его своим учителем. См.: *Кузнецов А.А., Мельников А.В.* Новые источники по научной биографии С.И. Архангельского // *НИКА.* Вып. 9. Нижний Новгород, 2005. С. 168–173, 187.

Пашутов В.Т. Лев Владимирович Черепнин – человек и ученый // *ОИ.* 2001. № 1. С. 175.

Пашуто В.Т. Рецензия: Записки научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. История и археология. Т. 6. 1946. 160 стр.; Т. 9. 1947. 229 стр. Саранск // *ВИ.* 1949. № 8. С. 138–140.

только коллегам по цеху, но и широкой публике. При этом историк, как и любой гуманитарий, должен стремиться к сохранению «золотой середины» в использовании научного понятийного аппарата и живой, образной, доступной речи, которая не создает новых сущностей, но позволяет лучше уяснить предложенный материал. Большую роль на этом пути может сыграть методика критической историографии. Она давно применяется профессиональными исследователями в области древнерусской истории.

Сам термин «методика» удачно был объяснен Л.В. Черепниним: методика источниковедения

«покрывает и сумму прикладных знаний, комплекс навыков чисто технического порядка... и совокупность таких приемов, которые разработаны на основе определенных методологических представлений»⁵¹.

С учетом тенденции задействия источниковедения в решении исторических проблем⁵² определение источниковедческой методики прилагается к методике исторического исследования.

Суть методики критической историографии при первом приближении заключается в том, чтобы при проведении исследования историографический материал вовлекался в решение конкретных исторических проблем. Это достигается разбором исследовательских приемов каждого ученого, проверки результатов поиска на источниковедческую жизнеспособность и последующим отбором научных фактов для исторических реконструкций. Ниже суть этой методики будет уточняться в соответствии с особенностями политической истории раздробленной Руси XII – нач. XIII вв.

Увлечение созданием концепций, отвечающих требованиям марк-

⁵¹ Черепнин Л.В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. Выпуск 1. М., 1973. С. 33. В этом же сборнике напечатана статья В.Т. Пашуто, высказавшего близкий к Л.В. Черепнину тезис о различии методики и метода: Пашуто В.Т. Некоторые общие вопросы летописного источниковедения... С. 65–68. Л.В. Черепнин солидарен в понимании методики с С.О. Шмидтом: Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 17–18.

⁵² Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 6–21, 237–238; Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Ключи к тайнам Клио. М., 1994. С. 5–6.

систской методологии, обусловило слабое внимание исследователей к конкретной истории, реконструкции отдельных событий. Эти разделы были отданы на откуп энтузиастам и краеведам, по-своему кроившим ткань истории, всеядно пользовавшимся источниками. Эта тенденция пробилась и в науку последней трети XX в., когда историки вернулись к фактической истории. В реконструкциях некоторых из них встречаются ошибки, повторение огрехов, уже преодоленных исторической наукой. Высокий профессионализм был сохранен лишь исследователями, не потерявшими связи с источниковедением, специальными историческими дисциплинами.

Подобные тенденции проявились и в историографии периода раздробленности. О ней рассуждали в общих словах, подтверждая ею тезис о закономерном развитии феодализма на Руси. Также историки могли говорить о негативных последствиях раздробленности, обусловивших победоносное шествие монгольских туменов, используя ограниченное число примеров: поход князя Игоря в 1185 г., разгром Киева войсками под командованием Андрея Боголюбского в 1169 г., битва на Липице в 1216 г. между сыновьями Всеволода Большое Гнездо, несогласованность действий в битве на Калке в 1223 г., убийство рязанских князей в Псадах в 1217 г., отказ Георгия Всеволодовича помочь рязанцам в 1237 г. Эти проявления тенденций были связаны с местом, отводившимся периоду раздробленности домонгольской Руси советскими историками. Это время «выпало» из истории, так как было перечеркнуто татаро-монгольским нашествием. Предпосылки и причины создания Российского централизованного государства вызревали уже в период ордынского ига и в ходе борьбы с ним. Наиболее ярко данный взгляд историков выразил Л.Н. Гумилев, часто не соглашавшийся с ними, заявив, что русская история начинается в XIII–XIV вв.⁵³ Поэтому ответственность за реконструкцию прошлого ощущал не каждый исследователь, считавший, что история России начинается с XIV в. Не способствовали изучению периода раздробленности дефицит источников, противоречивость их сведений. Из-за малого внимания к фактам источниковедческой поиск стал минимальным.

Эта «невостребованность» древнерусской истории, переживаемая специалистами, обусловила выход тематических номеров журнала «Ро-

⁵³ Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992. С. 138, 292–296.

дина»⁵⁴, где статьями В.Л. Янина, В.А. Кучкина, А.А. Горского, Н.Ф. Котляра, П.П. Толочко, А.В. Назаренко и др. доказывалась важность осознания истории Древней Руси современностью. Ответственность за свой труд осознается не всеми исследователями. Если в 1980-х гг. Б.А. Рыбаков указывал, что история до Петра I выстроена и её не надо пересматривать (это вызвало справедливую критику)⁵⁵, то сейчас возобладал обратный подход. Многие стараются внести новое, в котором не всегда есть от достоверного знания. Победила теория «более длинной черты», критикованная А.А. Зиминим:

«Зачем ненужные споры... Лучше рядом с чертой, прочерченной предшествующим исследователем, провести свою, более длинную черту. Пусть читатель сам решит, кто из нас прав... С этой теорией «более длинной черты» ни в коем случае согласиться нельзя. В самом деле, всякое доказательство того или иного тезиса должно состоять... из двух частей: критического пересмотра предшествующих объяснений и из обоснования той интерпретации, которая, по мнению автора, является наиболее убедительной. Если же мы откинем первую сторону научного доказательства, то поставим читателя в крайне затруднительное положение (ему самому придется проводить дополнительную исследовательскую работу, которую должен был выполнить автор). В ряде случаев за теорией «более глубокой (так в тексте – Л.К.) черты» скрывается слабость собственного построения автора или просто нежелание вызывать раздражение тех или иных высокоавторитетных ученых»⁵⁶.

В этих строках можно усмотреть полемику с Д.С. Лихачевым, писавшем в 1964 г. о А.А. Шахматове:

⁵⁴ Родина. 2002. № 11–12; Родина. 2003. № 11; № 12.

⁵⁵ «Академик Б.А. Рыбаков бросил... примечательную реплику: дескать, надо пересматривать многие проблемы современной истории, но вот есть большой период – «от мамонтов до Петра I», который трогать не следует, так как там вроде бы все благополучно». – См.: Новосельцев А.П. Источник – основа работы историка (выступление на «круглом столе» «Историческая наука в условиях перестройки») // ВИ. 1988. № 3. С. 28. Далее, на сс. 29–30, шли возражения Б.А. Рыбакову.

⁵⁶ Зимин А.А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 442–443.

«Рассказывают про одного из таких ученых, как он, сидя в саду с одним из своих учеников, провел на песке палочкой черту и спросил: «Как показать, что эта черточка коротка, не зачеркивая её и никак не задевая?». Затем он нарисовал рядом на песке длинную черту (длиннее первой) и сказал: «Только так!». Все текстологические работы Шахматова были такими длинными чертами рядом с короткими черточками его предшественников и современников»⁵⁷.

Дальнейшие слова Д.С. Лихачева подчеркивают правоту А.А. Зимины в том, что читатель вынужден проводить дополнительную исследовательскую работу при чтении труда последователя «теории длинной черты»:

«...Шахматов... был независим от своих предшественников именно потому, что ни от кого не «отталкивался» и никому не противопоставлял своих взглядов. Но **это противопоставление обязаны сделать за него мы сами** (выделено п.ш. – А.К.)»⁵⁸.

Лишь с конца 1950-х гг. в историографии Руси XII–XIII вв. возобновилось движение к источнику и реконструкции фактов (немалую роль в этом сыграли филологи, изучавшие «великое наследие» Древней Руси). Появились исследования, где вводились новые факты и разрабатывались новые методики источниковедения. Но все это оставалось вещью в себе, не всегда имея выход к общественности. А взгляды людей на прошлое формировались учебниками, научно-популярными изданиями, чьи авторы вынужденно творили в рамках, определенных политикой и идеологией.

Суть движения к «восстановлению прав источника и факта» в историографии Древней Руси, развернувшегося позже, была представлена в методологических трудах Л.В. Черепнина, В.Т. Пашуто, А.А. Зимины, Я.С. Лурье, С.О. Шмидта, В.Л. Янина, Л.Н. Пушкарева, С.М. Каштанова.

Принципы источниковедения факта актуальны и сейчас, но уже не могут быть единственными в изучении истории Древней Руси. Уже сложилась традиция потребительского отношения не только к источнику, но и к историографии. Часто исследователь из спектра мнений по отдельному факту берет то, что устраивает его, и создает свою реконст-

⁵⁷ Лихачев Д.С. Шахматов – текстолог // Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 391.

⁵⁸ Там же.

рукцию. Интерпретация мнения, выдернутого из контекста исследования предшественника, может носить произвольный характер. И чем шире наборы мнений по разным проблемам, тем больше вариаций реконструкций целых периодов истории. Поэтому в историографии на равных сосуществуют разные трактовки событий. Явочным порядком уравниваются в правах догадки и гипотезы. Потребительское отношение к историографии обусловлено тем, что прописанный в монографии или статье тезис часто воспринимается как факт исторической науки. Но этот тезис, пусть даже и опирающийся на источник, «зависает» в положении сообщения источника, если не проводилась источниковедческая критика. Таких тезисов сейчас в историографии существует очень много. Они не дотягивают до уровня научного исторического факта как свидетельства, выдержавшего испытание на достоверность:

«научно историческим фактом надо считать не свидетельство, почерпнутое из источника и «переписанное», перенесенное в исторический труд, а только факт, поставленный в подлежащую связь... научно-исторический факт – это концептуализированный факт, т.е. факт, высвеченный изнутри исторической теорией»⁵⁹.

Первый шаг к «высвечиванию» – источниковедение факта, прописанного в историческом труде. Поскольку потребительских, «невысвеченных» трактовок источниковых сведений по истории Руси имеется много, то историк должен решать задачу: делать это за своих предшественников, проводя источниковедческую критику их аргументов. Так можно преодолеть «лишний» плюрализм мнений в науке.

Вот пример из книги Д.Н. Александрова о раздробленности на Руси:

«Вероятно, после смерти Рюрика Ростиславича (1210 г. – А.К.) Переяславль-Южный, согласно многим летописным сводам, получает брат

⁵⁹ Барз М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 162; *Он же*. Исторический факт: структура, форма, содержание // История СССР (далее – ИСССР). 1976. № 6. С. 63. Об этом писал Ю.М. Лотман: «Историк обречен иметь дело с *текстами*. Между событием «как оно произошло» и историком стоит текст, и это коренным образом меняет научную ситуацию... Историк предстоит... выступить в роли дешифровщика. Факт для него не исходная точка, а результат трудных усилий. Он сам создает факты, стремясь извлечь из текста внетекстовую реальность, а из рассказа о событии – событие» (Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 336).

Всеволода Чермного, черниговский князь Глеб Святославич, который в 1214 г. пришел на помощь своему брату во время осады Чернигова Мономаховичами. Однако после смерти Всеволода Чермного Глеб Святославич утрачивает Переяславль-Южный⁶¹.

В действительности же нет источника, где бы говорилось, что Глеб княжил в Переяславле-Южном. Но не Д.Н. Александров стал автором данного «факта». Он появился в новаторском для своего времени, фундаментальном труде (внимание было уделено фактам) В.В. Мавродина в 1940 г.:

«Переяславль, где сидели одно время Ольговичи – Михаил Всеволодович и Глеб Святославич, пахотился под влиянием князей чернигово-северских»⁶¹.

Сколько длилось это «одно время» – не оговаривалось. Михаил Всеволодович занял стол в Переяславле после изгнания оттуда в 1206 г. владимирского князя Ярослава, но был скоро изгнан Рюриком Ростиславичем; затем в Переяславле княжил сын Рюрика – Владимир до изгнания в том же 1206 г. Всеволодом Чермным⁶². В.В. Мавродин не привел источники, где Глеб назван князем переяславским. На странице, откуда взята цитата, В.В. Мавродин использовал ИЛ и Никоновскую летопись. В ИЛ князь Глеб последний раз упомянут в 1196 г.⁶³. Эти летописи не свидетельствуют о его княжении в Переяславле⁶⁴.

Свидетельства об этом есть в их именных указателях⁶⁵. Указатель в переиздании ИЛ 1998 г., составленный в 1975 г.⁶⁶, не существовал в

⁶⁰ Александров Д.Н. Феодальная раздробленность Руси. М., 2001. С. 173–174.

⁶¹ Мавродин В.В. Очерки истории левобережной Украины. СПб., 2002. С. 343.

⁶² ЛЛ // ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 428; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. X (далее в случае указания на X т. – Никоновская летопись). М., 2000. С. 51–52.

⁶³ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М., 1997 (далее – ИЛ). Стб. 698.

⁶⁴ ИЛ. Стб. 614, 615, 618, 624, 630, 662–663, 670, 672–673, 698; Никоновская летопись. С. 7, 11, 69.

⁶⁵ Муравьева Л.Л., Кузьмина Л.Ф. Именной указатель / Именной и географический указатели к Ипатьевской летописи // ИЛ. С. XII; Акимов П.В. Указатель лиц / Указатель к Никоновской летописи (IX–XIV вв.) // Никоновская летопись. Т. XIV. М., 2000. С. 40.

⁶⁶ Муравьева Л.Л., Кузьмина Л.Ф. Предисловие / Именной и географический указатели к Ипатьевской летописи // ИЛ. С. III.

1940 г. Именные указатели составлялись к изданиям ИЛ 1843 и 1871 гг.⁶⁷. Оба издания использовал В.В. Мавродин. Издание 1843 г. пока недоступно для нас, и нельзя сказать, как в его указателе упомянут Глеб Святославич. В указателе к изданию «Летописи по Ипатскому списку» (1871 г.) Глеб не назван переяславским князем⁶⁸. Указатель Никоновской летописи составлен в 1918 г.⁶⁹. То есть им мог пользоваться В.В. Мавродин. Если в ИЛ издания 1843 г. есть подобная ошибка, то она не исключает влияния указателя Никоновской летописи на появление неточности у В.В. Мавродина⁷⁰.

Поэтому нельзя утверждать, что до 1212 г. Переяславль-Южный принадлежал черниговским князьям, ссылаясь на княжение там Глеба. Опираясь на эти «факты», В.В. Мавродин вывел длительный период доминирования Ольговичей на юге Руси в начале XIII в.:

⁶⁷ Там же. Также князя Глеба именовали князем переяславским: *Ирошников М.И., Новожилова Т.М., Савельева З.Н.* Именной указатель // *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. М.–Л., 1964. С. 317; П.П. Толочко: *Толочко П.П.* Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003. С. 280.

⁶⁸ *Труворов А.Н.* Указатель личных имен // *Летопись по Ипатскому списку.* СПб., 1871. С. 11.

⁶⁹ *Акимов И.В.* Указатель лиц / Указатель к Никоновской летописи (IX–XIV вв.) // *Никоновская летопись.* Т. XIV. М., 2000. С. 1.

⁷⁰ В недавней работе (*Пятнов А.П.* Борьба за киевский стол в 1210-е гг.: спорные вопросы хронологии // *ДР. ВМ.* 2002. № 1 (7). Март. С. 87) указан еще один источник этой ошибки: *Голубовский П.В.* История Северской земли до половины XV столетия. Киев, 1881. С. 180. А.П. Пятнов с доверием отнесся к выводам П.В. Голубовского и привлек их к своей реконструкции. В.В. Мавродин также использовал исследование П.В. Голубовского. В. Ляскоронский, чей труд также упомянут В.В. Мавродиным, доверял Р.В. Зотову (*Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о черниговском княжении в татарское время. СПб., 1892; на этот труд также ссылался В.В. Мавродин) в том, что Глеб Святославич княжил в Переяславле – см.: *Ляскоронский В.* История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897. С. 442–444. Возможно, источник тезиса о Глебе – князе переяславском надо возводить к П.В. Голубовскому, поскольку его исследование вышло раньше, чем труды Р.В. Зотова и В. Ляскоронского. Это предположение еще более подчеркивает необходимость проверки привычных историографических представлений.

«Суздальские Мономаховичи пытаются ослабить Ольговичей. Из Новгорода в Поднепровские земли на Всеволода Черного двинулся Мстислав Мстиславич Удалой, разгромивший Черниговское Поднепровье и осадивший Чернигов и Киев. Вскоре смерть Всеволода Юрьевича Большое Гнездо внесла расстройство в ряды Мономаховичей. Начались раздоры и споры между ними, вспыхнула усобица, вылившаяся в грозную Липицкую битву. Мономаховичи вынуждены были снять осаду южных городов и заключить мир в 1214 г. с Ольговичами»⁷¹.

Еще трудами Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского, Д.И. Иловайского, А.Е. Преснякова были показаны условность представлений о единстве Мономашичей и их единодушном противостоянии Ольговичам, затяжной вражде суздальских и волыньских Мономашичей в XII–XIII вв. Так ошибка авторов указателей определила направление неверной интерпретации фактов. «Факт» княжения Глеба в Переяславле стал для Д.Н. Александрова основой для иной, нежели у В.В. Мавродина, реконструкции событий.

Много трактовок развития событий, приведших к битве на Липице, равноправно существует в историографии. Одни считают, что битва стала разрешением спора детей Всеволода III, другие видят в ней победу Новгорода над владимирскими князьями, третьи рассуждают о стремлении смоленских князей к доминированию в общерусском масштабе... Есть и комбинированные версии. Характерной чертой сосуществования разных трактовок является то, что они редко соотносятся между собой. Многие авторы полагают свое видение события единственно верным. И на его основе выводят разные схемы политических процессов во Владимирском княжестве, северно-русских землях и всей Руси в 1210-е гг.

Примером догадки, при пропаганде которой игнорируются и источники, и критика по её поводу⁷², является идея, что Василько Константинович – ростовский князь, якобы, оставшись в Городце после заклю-

⁷¹ Мавродин В.В. Очерки истории левобережной Украины. СПб., 2002. С. 343–344.

⁷² Кучкин В.А. Основание Нижнего Новгорода // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI века: Материалы второй областной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2002. С. 83; Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII–первая треть XIII в.). Нижний Новгород, 2003.

чения мира с булгарами в 1220 г., стал договариваться с мордвой. Идея обусловлена умолчанием летописей о возвращении Василька в Ростов. Ну, а если Василько был в Городце в 1220–1221 г., то он чем-то должен был заниматься, хотя бы переговорами с мордвой (но почему она в 1220-х гг. совершала набеги на Нижний Новгород?). Однако в источниках об этой деятельности князя Василька сведений нет. Тем не менее после таких рассуждений подается «факт», что Василько основал в 1221 г. Нижний Новгород⁷³.

Дискуссия о времени, месте и личности основателя Нижнего Новгорода, оживившаяся недавно, построена на потребительском отношении к источниковедению и историографии. В основе ревизии традиционной гипотезы лежит догадка П.И. Мельникова-Печерского о Старом городке. Она сразу была воспринята как гипотеза, которую и начали шумно оспаривать. Но пристальное внимание к источникам, их анализ свели на нет будущее этого предположения даже как догадки: в 1976 г. прозвучало убедительное доказательство В.А. Кучкина⁷⁴. Несмотря на это, в начале 1990-х гг. стали реанимироваться аргументы Мельникова-Печерского. В.А. Кучкин вернулся к вопросу основания Нижнего Новгорода и еще раз привел доводы, сокрушавшие построения оппонентов⁷⁵. Но воз и ныне там: об этом свидетельствует очередная книга о Нижнем Новгороде в летописании⁷⁶.

Эти примеры демонстрируют необходимость критики предшествующей историографии при решении любой проблемы, при выдвижении каждой новации.

Историография должна носить прикладной, критический характер: не только описывать, кто как считал и полагал, а почему, какие методик и какие источники при этом использовались.

⁷³ *Филатов Н.Ф.* От укрепленного «городка» на устье Оки до Нижнего Новгорода. Юрий Всеволодович. Василько Константинович // Нижегородский край: факты, события, люди. Нижний Новгород, 1997. С. 24–27; *Он же.* Нижегородский край в русском летописании. Нижний Новгород, 2003. С. 14, 44.

⁷⁴ *Кучкин В.А.* О Нижних Новгородах – «старом» и «меньшом» // ИСССР. 1976. № 5. С. 223–231.

⁷⁵ *Кучкин В.А.* Основание Нижнего Новгорода // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI века: Материалы второй... С. 88–97.

⁷⁶ *Филатов Н.Ф.* Нижегородский край в русском летописании. Нижний Новгород, 2003.

Нужно говорить об историографии источниковедения отдельного факта и их совокупности.

При относительном источниковом дефиците в интерпретации события истории Древней Руси (очень частая ситуация) нужно оговорить возможности историографического её изучения. Имеющиеся мнения по поводу отдельного события необходимо в совокупности сопоставить с данными источников. Это сопоставление должно включать в себя не только проверку источниковой базы утверждения, но – проведение источниковедческой критики с целью установления возможности, степени применения источника, используемого историками, в решении конкретного вопроса, соответствия источникового сведения повседневной практике изучаемого периода и логике исторического момента. На базе сопоставления, сопряженного с критическим отношением к источникам, возможен полноценный вывод об обоснованности конкретной научной позиции. Важным условием для успешного решения этих задач является максимально полное использование всех доступных (не только тех, что использовались другими историками) источников после их критики. Сформировать массив этих источников помогает та же методика критической историографии.

При дефиците источников нередки ситуации в историографии Руси, когда мало свидетельств для выстраивания полноценной гипотезы. Такой минимум часто приводит к выдвиганию двух и более взаимоисключающих гипотез, что обуславливает аргументированный анализ каждой из них и проверку любого их положения на жизнеспособность путем встраивания гипотетических реконструкций факта в канву развития событий, сведения о которых уже проверены. Так можно часть гипотез свести к догадкам. Если после этого останется противоречие, то присоединение историка к гипотезе, которая ему интуитивно ближе, будет оправданным.

Применяя такую методику, надо не только критически, с точки зрения источниковедения, рассматривать все версии, но и сталкивать их между собой. Это важно, если предшественники лишь истолковывали сведения, обходя мнения коллег по данному вопросу. Так можно проследить рождение и эволюцию мифов, сформировать круг источников для решения отдельной проблемы, внутреннюю противоречивость догадок.

При этом меняется структура исследования, где историографический обзор, часто являвшийся данью жанру, примыкал к авторскому

решению проблемы. Такой подход к историографии обосновывался И.Д. Ковальченко: историография должна обосновывать проблему, выявить

«степень предшествующей изученности объекта исследования, определить имеющиеся пробелы, нерешенные и спорные проблемы, обоснованность имевших место подходов и использованных методов... и на этой основе выдвинуть исследовательскую задачу»⁷⁷.

В цитированной работе И.Д. Ковальченко не затронут проблему использования историографии в решении конкретной исторической проблемы, поскольку рассуждал о природе исторического исследования вообще. Такое использование историографии в изучении древнерусской истории может привести к подходу, критикованному А.А. Зиминым:

«Однако и в наше время появляются иногда работы, в которых содержатся обоснования тех или иных гипотез без тщательного разбора предшествующей литературы вопроса. В лучшем случае дело ограничивается суммарным изложением во введении тезисов своих предшественников (без должного раскрытия их аргументации), а в дальнейшем исследование ведется как бы один на один с источником. Но ведь спорят не тезисы, а аргументы»⁷⁸.

Но общий историографический обзор проблемы, помещаемый в начале любого исследования, вовсе не отменяется критической историографией. И в этом – прелесть И.Д. Ковальченко.

Подход, отвергнутый А.А. Зиминим при решении вопросов древнерусской истории, возможен при решении новой проблемы, когда привлекаются новые источники, чего нельзя сказать о политической истории раздробленной Руси XII–XIII вв. Ведь

«наука о средневековье – причем о русском средневековье более, чем о западном, – есть работа с деталями, крохами, штрихами из разнохарактерных источников»⁷⁹.

⁷⁷ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 209–210, 211.

⁷⁸ Зимин А.А. Трудные вопросы методики источниковедения... С. 442.

⁷⁹ Назаренко А.В. О междисциплинарном подходе к изучению Древней Руси // ДР. ВМ. 2002. № 1(7). Март. С. 17.

Автор этих слов, А.В. Назаренко, важным методом в изучении Древней Руси считает комплексный подход, подразумевающий единство историко-филологических процедур, применение методик специальных исторических дисциплин и учет взаимозависимости политических процессов и событий во всех направлениях от Руси. На наш взгляд, комплексность должна еще включать владение историографическим материалом концептуального и проблемного характера.

В силу «избитости» источников по древнерусской истории необходимо разбирать процедуры извлечения из них информации. Это происходит в ситуациях, в которые Б.А. Романов советовал помещать студентов на учебных занятиях:

он «...был уверен в том, что учить начинающих студентов следует на источниках немассовых, даже единичных, исследование которых имеет большую историографическую традицию. Он считал, что оттачивается мастерство историка именно на таких источниках вследствие того, что при этом ему приходится формулировать свою оригинальную позицию и выискивать новые аргументы в крайне неблагоприятной историографической ситуации, поскольку на этих материалах, как говорил Б.А. Романов, «проели зубы» целые поколения предшественников... Б.А. Романов, выбрав для семинарских занятий «Русскую Правду», высказывал парадоксальную мысль: «На новых архивных материалах каждый дурак напишет работу, попробуйте построить свое исследование на изъезженных-переизъезженных источниках, сказать при этом новое слово; вот в чем подлинное мастерство»⁸⁰.

Такие ситуации – уже реальность не только учебных аудиторий, но и данность в нынешней историографии раздробленной Руси. Поэтому обращение к истории источниковедения отдельной проблемы должно стать нормой любого исследования по проблематике Древней Руси. Эта норма – критическая историография источниковедения, формирующая массив достоверных источников для изучения отдельной проблемы – задействует источниковедение и историографию на решение исторических задач.

При выстраивании аргументации от источника, без соотнесения её со всем кругом исследований по проблеме, историк часто лишь оттеняет свое понимание проблемы указанием на неправильную, по его мне-

⁸⁰ *Панях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 331.*

нию, реконструкцию факта своим предшественником. Возможен иной вариант использования историографии: правота реконструкции подтверждается ссылкой на мнение корифея без внимания к методам его работы. В этом случае мы имеем пример того, как мнение (пусть даже меткое) получает статус «научно-исторического факта» по определению М.А. Барга.

Примечательна полемика между А.М. Ранчиным и А.Н. Ужанковым по поводу работы последнего относительно культа Бориса и Глеба⁸¹. Не касаясь предмета спора, обратим внимание на фразу:

«Если он (*и.е. читая в виду рецензент – А.К.*) собирался указать мне на неполную библиографию по данному вопросу, так я и сам это оговариваю в начале своей статьи... и к указанным им 4 исследованиям могу добавить еще 40!»⁸².

Эти строки показательны в плане отношения нынешних исследователей к историографии. Она выпадает из исследования, где ученый профессионально работал с источниками, не служа подспорьем в решении проблемы.

Решение задач политической истории Руси XII–XIII вв. путем отсеивания догадок, выделения гипотез должно следовать из столкновения различных точек зрения, после чего ограничивается круг источников, остаются самые ценные аргументы предшественников. Полемика в рамках такой историографии приобретает характер диалектического отрицания.

Отрицательной стороной применения этой методики в изучении политической истории Руси XII–XIII вв. является громоздкость и объемность работы, в которой исследователь обязан полно представить аргументацию предшественников, провести её критику с обильным цитированием их мыслей и источников, на её основе составить источниковую и методическую базу для реконструкции факта, и, наконец, провести саму реконструкцию (примером такого можно было бы считать курс лекций И.Н. Данилевского⁸³, если бы не выборочное использование им

⁸¹ Ранчин А.М. О статье А.Н. Ужанкова «Святые страстотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий»; Ужанков А.Н. Рецензенту А.М. Ранчину // ДР. ВМ. 2002. № 3 (9). Сентябрь. С. 110–113; 114–121.

⁸² Ужанков А.Н. Рецензенту А.М. Ранчину... С. 114.

⁸³ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. М. 2001; *Он же*. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001.

трудов предшественников и чрезмерное увлечение центонной теорией объяснения нарративных текстов, за что историк справедливо критикуется⁸⁴). В таком исследовании должна быть резюмирующая часть, где в доступной даже для непрофессионала форме даются выводы исследования. Пример такой подачи истории XII–XIII вв. в нижегородской историографии – исследование Б.М. Пудалова⁸⁵. Только он действовал в обратном направлении, сталкивая различные мнения, обосновывал проблему и исследовал её, скрупулезно применяя текстологический метод, затем «отсеивал» неписывающиеся в его реконструкцию представления других авторов, не ставя задачи вычленения ценного из их наработок для использования в своей творческой лаборатории. Оба варианта методики (через историографию источниковедения и через источниковедение историографии к сужению историографического плюрализма в оценке фактов) одинаково очищают историю от лишних «фактов». Иногда после применения методики критической историографии можно констатировать правильность одного мнения. И в этом будет положительный результат исследования: ведь отпадут версии, не охватывающие всю совокупность источников, построенные на их неверном толковании. Есть пример, когда исследователь, аргументированно отвергнув новацию в решении спора о «примирении» двух разных сведений «Повести временных лет» и «Киево-Печерского патерика» о пострижении Иллариона, настаивает на необходимости сохранения проблемной ситуации, поскольку оба памятника «содержат, скорее всего, недостоверную информацию»⁸⁶. Это нормально: лучше не закрытая из-за

⁸⁴ См.: Назаренко А. В. О междисциплинарном подходе к изучению Древней Руси // ДР. ВМ. 2002. № 1(7). Март. С. 6: «... в рамках собственной методики автор «недорабатывает»: ведь прежде всего надо было бы... поставить и решить вопрос, а каким, собственно, был круг библейских текстов, доступных древнерусскому книжнику?... В таком случае количество возможных библейских параллелей для летописных текстов оказалось бы много меньшим»; «его выводы сплошь и рядом оказываются в противоречии... с данными летописной текстологии, которые ему... известны, но которые он считает себя вправе игнорировать, будучи увлечен оригинальностью развиваемого им подхода».

⁸⁵ Пудалов Б. М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород, 2003.

⁸⁶ Русинов В. Н. К вопросу о прочтении одного места в тексте послания епископа Симона к иноку Поликарпу // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Вып. 1. Нижний Новгород, 2002. С. 40–45.

дефицита источников проблема, нежели версия, построенная на догадках и допущениях.

Необходимость применения методики критической историографии вызвана также нынешней ситуацией в изучении Руси XII – начала XIII вв. Историография раздробленности представлена работами, среди которых выделяются исследования отдельных княжеств. В них важное место отводится отдельным местным событиям, и не всегда выверяются привлеченные факты, косвенно затрагивающие историю княжества. До сих пор в историографии встречается две даты смерти Всеволода Святославича Чермного: в 1212 г. и в 1214 г. Сторонники обеих версий апеллируют к источникам, содержащим две разные трактовки похода Мстислава Удатного на Киев. Датировка 1212 г. (Ермолинская летопись, Московский великокняжеский свод конца XV в., Воскресенская летопись) построена на сведении, где сообщается о смерти Всеволода после бегства из Киева. Определение 1214 г. (НПЛ, Новгородская IV летопись, Никоновская летопись) связано с информацией о бегстве Всеволода, без упоминания его смерти вообще. Указание на его смерть в 1215 г. есть лишь у В.Н. Татищева⁸⁷, пользовавшегося Никоновской летописью. Вероятно, В.Н. Татищев вставкой этого указания объяснял факты, восходившие к разным летописным традициям, с трудом стыковавшиеся хронологически. Ведь Н.Г. Бережков доказал, что сообщения НПЛ от 1214 г. относятся к январскому 1212 г.⁸⁸ Причины этой вставки В.Н. Татищевым предполагается рассмотреть в главе, посвященной истории Переяславля.

Дефицит письменных источников вынуждает исследователей обращаться к фольклору и поздним источникам. Насколько можно доверять их сведениям и нужно ли им доверять? Тут важно замечание А.В. Назаренко об историко-филологическом единстве методов в исследовании истории Древней Руси. Единство разрывается, когда исследовательвольно использует поздние источники XVII в. для изучения истории XII–XIII вв. Так, легенды о мордовском поселении (Абрамовом городке) привлекаются для решения вопроса о времени и обстоятельствах основания Нижнего Новгорода с «эпохи» Н.И. Храмцовского и А.С. Гацис-

⁸⁷ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. М.–Л., 1964. С. 192.; Т. IV. М.–Л., 1964. С. 346.

⁸⁸ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 252–253, 256–258.

кого (1838–1893)⁸⁹, хотя трудами В.А. Кучкина и Б.М. Пудалова эти легенды определены в лучшем случае как фольклорные памятники с вольной интерпретацией исторического материала, подчиненности его сюжетной канве, а в худшем – как вымысел историков XIX в.⁹⁰

В вопросе о возможности применения данных фольклора (былин) для изучения истории Древней Руси ученые разделились. Условно ситуацию можно представить так: одни «выбирают» из фольклора конкретные события (Б.А. Рыбаков), другие (И.Я. Фроянов) ищут в нем иллюстрации длительных процессов. Приверженцы обоих направлений, уверенные в своей правоте, не аргументировав свою позицию обоснованным отвержением конкретных случаев использования фольклора оппонентами, запутывают неискушенного читателя. В изучении истории Руси XII–XIII вв. использование любого подхода затруднено тем, что фольклорный эпизод может объяснить не один факт и не один процесс. Все зависит от ракурса.

В историографии раздробленной Руси существует проблема уникальных сведений «Истории Российской» В.Н. Татищева. Доверять им или нет, насколько и в каких случаях? Частные случаи искажения достоверной источниковой картины дают ли повод для полного отказа от труда В.Н. Татищева как кладезя уникальных известий? Историки раз за разом останавливаются в вопросах перед книгами В.Н. Татищева. Укажем на ситуацию: С.Л. Пештич указывал на большую долю вымысла в трудах В.Н. Татищева, а потому – на невозможность его безоговорочного использования как источника⁹¹; напротив, А.Г. Кузьмин, вслед за М.Н. Тихомировым, настаивал на источниковой добросовестности В.Н. Татищева⁹². Ныне одни ученые безоговорочно доверяют «сообще-

⁸⁹ См последние издания этих авторов XIX в.: *Храмцовский Н.* История и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1998. С. 21–23, 25–26; *Гациский А.* Нижегородка // *Он же.* Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 2001. С. 43–45.

⁹⁰ *Кучкин В.А.* Основание Нижнего Новгорода // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI века: Материалы второй... С. 86–97; *Пудалов Б.М.* Начальный период истории древнейших... С. 82–83.

⁹¹ *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. I. Л., 1961. С. 236–262; Ч. II. Л., 1965. С. 124–163.

⁹² *Тихомиров М.Н.* О русских источниках «Истории Российской» // *Татищев В.Н.* История Российская. Т. I. М.–Л., 1962 (та же статья в сб.: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979); *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965. С. 35–43.

ниям Татищева»⁹³; другие, вслед за С.Л. Пештичем, видят в них идеи самого историка. Третьи прибегают к сведениям В.Н. Татищева лишь в условиях дефицита сведений или для уточнений, подобно Дж. Феннелу в «Кризисе средневековой Руси». В науке даже проявлялось желание уйти от проблемы «сведений Татищева», ограничившись лишь её констатацией:

«Одни исследователи видят в Татищеве историка-писателя, который считал возможным выдумывать факты; они полагают, что круг летописных источников «Истории Российской» в значительной мере уже определен. Другие считают Татищева первым русским историком, который фактов не выдумывал и литературной формой интересовался лишь постольку, поскольку она способствовала лучшему восприятию его работ читателями. Сторонники последней точки зрения отнюдь не склонны разделять оптимизм своих оппонентов относительно полноты выявленных к настоящему времени летописных источников Татищева»⁹⁴.

Более продуктивным видится путь проверки сведений В.Н. Татищева источниковедческой (по возможности) критикой, то есть соотношение их с более достоверными сведениями других источников. Такая методика, пропагандируемая Е.М. Добрушкиным и Л.В. Миловым⁹⁵,

⁹³ Макарихин В.П. Летописные памятники по истории Нижнего Новгорода и Нижегородского Поволжья XIII–XV вв. Горький, 1984. С. 40–41; Рапов О.М. Москва родилась в понедельник // Родина. 1997. № 8; Рапов О.М. «Полюбя же вельми место то, заложил град» (к вопросу о времени основания Москвы) // Вестник Московского государственного университета. Серия VIII. История. 1997. № 5. С. 12–13; доверяет В.Н. Татищеву Н.С. Борисов, говоря о мерах, предпринятых Георгием Всеволодовичем для отражения Батыя – см.: Борисов Н.С. Иван Калита. М., 1995. С. 21; трудами В.Н. Татищева как источником уникальных сведений по политической истории раздробленной Руси пользуются: Толочко П.П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003. С. 6–8; Александров Д.Н. Феодалная раздробленность Руси. М., 2001.

⁹⁴ Клосс Б.М., Корецкий В.П. В.Н. Татищев и начало русских летописей // Летописи и хроники. 1980 г. В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 11–12.

⁹⁵ Добрушкин Е.М. О двух известиях «Истории Российской» В.Н. Татищева под 1113 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Вып. 3; Он же. К вопросу о происхождении сообщений «Истории Российс-

уже применяется в историографии⁹⁶. В эпилоге недавно вышедшей книги А.П. Толочко заявлено:

«Я сочту одну из задач этой книги выполненной, если она восстановит репутацию Татищева-историка. И я буду полагать, что книга достигла второй своей цели, если репутация Татищева-«летописца» окажется разрушенной»⁹⁷.

После остроумного и блестящего экскурса в творческую лабораторию В.Н. Татищева, реконструкции его источниковой базы, демонстрации массива его авторских мыслей под видом источниковых известий А.П. Толочко подводит читателя к мысли, что уникальных-то известий труд историка XVIII в. не содержит, что исследователи им пользовались, чтобы объяснить «темные» места достоверных текстов. Соглашаясь с А.П. Толочко относительно почти всех примеров, надо настаивать на том, что случаи, им не разобранные, надо обязательно проверять. Такая попытка будет сделана в отношении биографии Георгия Всеволодовича, отдельных фактов первой трети XIII в., событий истории Владимирского княжества. При этом нужно считать доказанным А.П. Толочко, что источниковый массив В.Н. Татищева известен (и четко очерчен А.П. Толочко). Обращение к догадке о недошедших текстах, которые мог читать В.Н. Татищев, будет происходить крайне редко, в исключительных и особо оговоренных случаях. Недавно в нижегородской прессе пытались «национализировать» раннюю нижегородскую историю с привлечением «уникального известия» В.Н. Татищева⁹⁸. Бес-

кой» В.Н. Татищева // Исторические записки. Т. 97. М., 1976; *Он же*. О методике изучения татищевских известий // Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977; *Милов Л.В.* Татищевские портреты-характеристики и «Симонова» летопись // ИСССР. 1978. № 6. С. 76–94. Л.В. Милов критикует Е.М. Добрушкина за скепсис в решении вопроса о достоверности сведений В.Н. Татищева, но каждый из них аргументирует свою позицию.

⁹⁶ *Толочко А.П.* Конституционный проект Романа Мстиславича 1203 г.: Опыт источниковедческого исследования // Древнейшие государства восточной Европы. 1995. М., 1997; *Плахонин А.Г.* «История Российская» В.Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2004.

⁹⁷ *Толочко А.П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.–Киев, 2005. С. 523.

⁹⁸ *Хайретдинов Д.* Кто основал Нижний? или Да здравствуют идеологи! // Медина аль-Ислам. 2005. № 3 (6). Март-апрель. С. 1.

почвенность этой попытки показана в главе, посвященной основанию Нижнего Новгорода.

Однако отдельные ученые не утруждают себя критическим разбором «сведений» В.Н. Татищева. Часто исследователи игнорируют обстоятельное исследование С.Н. Валка, сопровождавшее публикацию «Истории Российской» в 1960-х гг., где показана лаборатория и Татищева-историка, и Татищева-источниковеда.

Исследователей, легко доверяющих фольклорным сведениям, поздним летописям, В.Н. Татищеву, другим авторам, не смущает противоречивость сведений о людских поступках, их объяснений привычными для нас психологическими мотивами. Так, игнорируются штудии Д.С. Лихачева о литературных стилях⁹⁹. Труды Д.С. Лихачева не обойти без объяснений того, как в поздние тексты попали психологические мотивы поступков героев, причин событий, не упомянутые в древних источниках, написанных в стиле «исторического монументализма».

Поглощение непроверенных историографических фактов исследователями раздробленной Древней Руси обусловлено частой нестыковкой сведений основных источников (ЛЛ, ИЛ, НПЛ). Ею порождено явление многочисленных причинно-следственных связей в работах разных исследователей, где причины и следствия меняются местами. Эта нестыковка фактов влияла на поиск причин и следствий летописцев-сводчиков. Вот тут и появляется поле исследования, отделяющего поздний вымысел от уникального известия. Также большую роль играет выборка сведений, помещаемых в источники. Литературный стиль определял селекцию сведений о событиях, поступках, фиксируемых летописцами. Затем факты отбирались составителями летописных сводов в поздние времена. Эти обстоятельства вынуждают осторожно интерпретировать с точки зрения современной целесообразности, как это часто встречается в историографии, действия и поступки персонажей древнерусской истории, сведения о которых дошли в источниках.

На протяжении большого количества лет много страниц было уделено различным сторонам деятельности владимирского князя Георгия Всеволодовича. Казалось бы, нет возможности сказать новое слово по этой проблематике. Может быть, и не надо к этому стремиться, но нужно ограничить себя задачами отсеивания устаревших взглядов и пред-

⁹⁹ Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси // *Он же. Избранные работы в трех томах.* Т. 3. Л., 1987.

ставлений с сохранением плодотворных гипотез на базе применения критической историографии. Ведь как заметил М.А. Барг,

«...когда наука становится способной взглянуть на себя, на свою практику со стороны, происходит проверка, оттачивание и обогащение её познавательных средств, создаются предпосылки для перехода её на качественно новую ступень освоения изучаемой ею действительности»¹⁰⁰.

¹⁰⁰ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 7.

ГЛАВА II. ГЕОРГИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ И ВЛАДЕНИЕ ПЕРЕЯСЛАВЛЕМ-РУССКИМ В НАЧАЛЕ XIII в.

§ 1. Переяславль-Русский в межкняжеских отношениях первой трети XIII в. (историография вопроса)

1206 г. черниговский князь Всеволод Чермный согнал со стола в Переяславле-Южном (Русском) юного князя Ярослава Всеволодовича и отправил к отцу во Владимирна-Клязьме. Причиной изгнания стало приглашение Ярослава на княжение в Галич вместо Владимира Игоревича¹.

Затем в Переяславле сменилось несколько князей из разных земель. Но в конечном итоге город вновь оказался в руках владимирских князей. Как и когда это произошло? Какова была судьба княжества до Батыева нашествия и насколько его история была связана с владимирскими князьями? Многие исследователи решают эти вопросы быстро, не обременяя себя согласованием своей точки зрения с мнениями коллег. Такой подход к решению вопроса определен его кажущейся второстепенностью.

В.Н. Татищев, обойдя вниманием возвращение Переяславля владимирским князьям, указал, повествуя об усобице среди них в 1212–1216 гг.:

¹ ЛЛ // ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 427–428. Н.Ф. Котляр трактует упомянутый в этом известии Переяславль, откуда Ярослав Всеволодович устремился в Галич, как Переяславль-Залесский. Туда, по мнению Н.Ф. Котляра, Ярослав вернулся, узнав, что Галич занят. Наверное, в силу этой трактовки Н.Ф. Котляр обошел летописное известие, что Всеволод Чермный изгнал Ярослава Всеволодовича из Переяславля к его отцу Всеволоду Юрьевичу, давшему ему как раз Переяславль-Залесский. – См.: *Котляр Н. Ф. Дипломатия Южной Руси.* СПб., 2003. С. 269.

«Юрий пошел к Москве и принудил Владимира, оставя Москву, выдти. И послал его в Русь ко Всеволоду Чермному, чтоб ему дал Переяславль»².

Это мнение противоречит известию Лаврентьевской летописи:

«и изведъ Георги изъ Москвы Володимера и посла и в Рускыи Переяславль на столъ на шѣинѣ свою»³.

Здесь Переяславль назван отчиной Георгия Всеволодовича, и он не спрашивал Всеволода Чермного о том, чтобы он дал город Владимиру. Похоже выглядит сведение Никоновской летописи, использованной Татишевым⁴:

«Юрьи Всеволодичь... поидоша оттѣдѣ къ Москвѣ на князя Владимира Всеволодичя брата своего, и сведоша его съ Москвы, и послаша его въ Русской Переяславль въ вотчинѣ его на столъ»⁵.

Объяснить уточнение Татишева можно тем, что он допускал установление патронажа Всеволода Чермного над своим зятем «в отца место». Ведь в 1211 г. состоялся брак его дочери и Георгия Всеволодовича («Великыи кня Всеволодъ шжеи снѣ своего Георгия Всеволожню Кълевского князѣ») ⁶. Эти и другие замечания В.Н. Татишева по интересующему нас вопросу в последующей историографии часто использовались как источник без всяких на то оснований.

Н.М. Карамзин считал, опираясь на летописное известие о браке Георгия Всеволодовича, что так увенчался владимирско-черниговский мир, достигнутый годом раньше⁷ при посредничестве митрополита Матфея:

² Татищев В.Н. История Российская. Т. III. М.—Л., 1964. С. 188. В I редакции II части В.Н. Татищев писал, что Георгий «сведоша с Москвы брата Владимира, послаша его ко Всеволоду в Переяславль просторуской (малорусской)» (Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. М.—Л., 1964. С. 344).

³ ЛЛ. Стб. 438.

⁴ Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. I. Л., 1961. С. 254; Голочко А.П. «История Российская» Василия Татишева: источники и известия. М.—Киев, 2005. С. 61.

⁵ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. X (далее в случае указания на X т. — Никоновская летопись). М., 2000. С. 66.

⁶ ЛЛ. Стб. 435.

⁷ Там же.

«Матфей... склонил Всеволода предать забвению наглое, обидное изгнание сына его из Переяславля. Новые клятвы утвердили союз. Всеволод Чермный столь любил Киев, что согласился отдать за него древнюю столицу своей наследственной области: Рюрик взял Чернигов, а Южный Переяславль, где злодействовали тогда Половцы, остался Уделом Великого Княжения. Митрополит исходатайствовал свободу Княгиням Рязанским, но не мог избавить Князей от неволи. <Г. 1211, Апреля 10>. Все были довольны и Чермный в залог верности прислал в Владимир дочь свою, которая совокупилась браком с Георгием, вторым сыном Великого князя»⁸.

Связи между сведениями о заключении мира и возвращении Всеволоду Юрьевичу Переяславля источники не фиксируют. Отсутствуют данные для такого объяснения и в реконструкции Троицкой летописи⁹. По мнению Н.М. Карамзина, Переяславль оставался во власти владимирского князя до его смерти в 1212 г., затем перешел к Георгию Всеволодовичу. Ведь он, выводя брата Владимира (Дмитрия) из Москвы, направил его в Переяславль-Русский, где тот вскоре был пленен половцами¹⁰. Эти события, как можно понять из труда Н.М. Карамзина, не изменили владельческого статуса южнорусского города: он оставался во власти владимирского князя. Об этом говорит тот факт, что Н.М. Карамзин следующий раз упомянул Переяславль-Южный после 1225 г., когда Георгий Всеволодович отдал город племяннику Всеволоду, а затем – брату Святославу¹¹. Наблюдения Н.М. Карамзина подтверждаются источниками, о чем сказано ниже.

С.М. Соловьев, описав переговоры черниговского и владимирского князей в 1210 г. и брак Георгия Всеволодовича с дочерью Всеволода Чермного, ничего не сказал о Переяславле-Русском¹². В рассказе об усобице во Владимирской земле после смерти Всеволода Юрьевича историк отметил, что в 1213 г. «Владимир отдал Москву назад Юрию, а

⁸ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 424–425.

⁹ Приселков М.Д. Троицкая летопись (Реконструкция текста). СПб., 2002. С. 298–299.

¹⁰ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 435.

¹¹ Там же. С. 494.

¹² Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. Т. I–II. М., 1993. С. 590.

сам отправился княжить в Переяславль Южный»¹³. С.М. Соловьев в той же главе вернулся к истории Переяславля-Русского, уделив ей больше внимания (без указания источников), схематично связывая отдельные факты:

«Мы видели, как сын Всеволода Ярослав был изгнан из Переяславля Всеволодом Черным в 1207 году, после чего Переяславль одно время был за Ростиславичами, но в 1213 году Всеволодовичи послали туда младшего брата своего Владимира, который было засел на время в Москве, взятый в плен половцами в 1215 году; освободившись из плена в 1218 году, Владимир отправился с братьями на север, где получил от них Стародуб и некоторые другие волости и умер в 1227 году; в этом же самом году Юрий Всеволодович отправил в Переяславль на стол племянника своего Всеволода Константиновича; кто же сидел здесь во времена плена Владимира и пребывания его на севере — неизвестно; но Всеволод Константинович не пробыл и года в Переяславле, куда на его место Юрий отправил брата своего Святослава»¹⁴.

В.В. Мавродин в своем исследовании 1940 г. считал, что Переяславль был потерян владимирским князем, когда в 1207 г. оттуда был изгнан Ярослав Всеволодович. Причиной изгнания из Южной Руси Ярослава было предложение галичан, инициированное венгерским королем Андреем, занять их престол. Но движение Ярослава Всеволодовича к городу было прервано вестью о занятии Галича Игоревичами. Вот тогда Всеволод Черный сразу занял вождельный Кисв, Рюрик Ростиславич бежал из Овруча, а Ярослав на переяславском столе был заменен Михаилом Черниговским¹⁵. Так Всеволод Черный добился господства во всей Южной Руси от Галича до Переяславля. В этом положении он мог заключить мир с Всеволодом Большое Гнездо.

«... при Всеволоде Черном Ольговичи сосредотачивают в своих руках всю Северскую землю, овладевают Киевом и Галичем. На время они превращаются в грозную силу, бороться с которой не в состоянии даже Всеволод Юрьевич Суздальский»¹⁶.

¹³ Там же. С. 609.

¹⁴ Там же. С. 632.

¹⁵ Мавродин В.В. Очерки истории левобережной Украины. СПб., 2002. С. 340.

¹⁶ Там же. С. 341.

«Матфей... склонил Всеволода предать забвению наглое, обидное изгнание сына его из Переяславля. Новые клятвы утвердили союз. Всеволод Чермный столь любил Киев, что согласился отдать за него древнюю столицу своей наследственной области: Рюрик взял Чернигов, а Южный Переяславль, где злодействовали тогда Половцы, остался Уделом Великого Княжения. Митрополит исходатайствовал свободу Князьям Рязанским, но не мог избавить Князей от неволи. <Г. 1211, Апреля 10>. Все были довольны и Чермный в залог верности пристал в Владимир дочь свою, которая совокупилаась браком с Георгием, вторым сыном Великого князя»⁸.

Связи между сведениями о заключении мира и возвращении Всеволоду Юрьевичу Переяславля источники не фиксируют. Отсутствуют данные для такого объяснения и в реконструкции Троицкой летописи⁹. По мнению Н.М. Карамзина, Переяславль оставался во власти владимирского князя до его смерти в 1212 г., затем перешел к Георгию Всеволодовичу. Ведь он, выводя брата Владимира (Дмитрия) из Москвы, направил его в Переяславль-Русский, где тот вскоре был пленен половцами¹⁰. Эти события, как можно понять из труда Н.М. Карамзина, не изменили владельческого статуса южнорусского города: он оставался во власти владимирского князя. Об этом говорит тот факт, что Н.М. Карамзин следующий раз упомянул Переяславль-Южный после 1225 г., когда Георгий Всеволодович отдал город племяннику Всеволоду, а затем – брату Святославу¹¹. Наблюдения Н.М. Карамзина подтверждаются источниками, о чем сказано ниже.

С.М. Соловьев, описав переговоры черниговского и владимирского князей в 1210 г. и брак Георгия Всеволодовича с дочерью Всеволода Чермного, ничего не сказал о Переяславле-Русском¹². В рассказе об усобице во Владимирской земле после смерти Всеволода Юрьевича историк отметил, что в 1213 г. «Владимир отдал Москву назад Юрию, а

⁸ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 424–425.

⁹ Приселков М.Д. Троицкая летопись (Реконструкция текста). СПб., 2002. С. 298–299.

¹⁰ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 435.

¹¹ Там же. С. 494.

¹² Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. Т. I–II. М., 1993. С. 590.

сам отправился княжить в Переяславль Южный»¹³. С.М. Соловьев в той же главе вернулся к истории Переяславля-Русского, уделив ей больше внимания (без указания источников), схематично связывая отдельные факты:

«Мы видели, как сын Всеволода Ярослав был изгнан из Переяславля Всеволодом Черным в 1207 году, после чего Переяславль одно время был за Ростиславичами, но в 1213 году Всеволодовичи послали туда младшего брата своего Владимира, который было засел на время в Москве, взятый в плен половцами в 1215 году; освободившись из плена в 1218 году, Владимир отправился с братьями на север, где получил от них Стародуб и некоторые другие волости и умер в 1227 году; в этом же самом году Юрий Всеволодович отправил в Переяславль на стол племянника своего Всеволода Константиновича; кто же сидел здесь во времена плена Владимира и пребывания его на севере — неизвестно; но Всеволод Константинович не пробыл и года в Переяславле, куда на его место Юрий отправил брата своего Святослава»¹⁴.

В.В. Мавродин в своем исследовании 1940 г. считал, что Переяславль был потерян владимирским князем, когда в 1207 г. оттуда был изгнан Ярослав Всеволодович. Причиной изгнания из Южной Руси Ярослава было предложение галичан, инициированное венгерским королем Андреем, занять их престол. Но движение Ярослава Всеволодовича к городу было прервано вестью о занятии Галича Игоревичами. Вот тогда Всеволод Черный сразу занял вожделенный Киев, Рюрик Ростиславич бежал из Овруча, а Ярослав на переяславском столе был заменен Михаилом Черниговским¹⁵. Так Всеволод Черный добился господства во всей Южной Руси от Галича до Переяславля. В этом положении он мог заключить мир с Всеволодом Большое Гнездо.

«... при Всеволоде Черном Ольговичи сосредотачивают в своих руках всю Северскую землю, овладевают Киевом и Галичем. На время они превращаются в грозную силу, бороться с которой не в состоянии даже Всеволод Юрьевич Суздальский»¹⁶.

¹³ Там же. С. 609.

¹⁴ Там же. С. 632.

¹⁵ Мавродин В.В. Очерки истории левобережной Украины. СПб., 2002. С. 340.

¹⁶ Там же. С. 341.

В.В. Мавродин не указал даты заключения мира между черниговским и владимирским Всеволодами, игнорировал то, что после этого произошло бракосочетание их детей. Сведения об этих фактах были в распоряжении В.В. Мавродина, так как на той же странице, откуда приведена последняя цитата, есть ссылки на Ипатьевскую (далее – ИЛ), ЛЛ и Никоновскую летописи. На другой странице есть объяснение такого избирательного отношения к летописным фактам:

«...в сентябре Роман, Ростислав и Святослав были повешены. Галицкая политика Ольговичей сорвалась. Естественно, что Всеволод Чермный снова начал опасаться захвата Северной земли суздальским князем. Родственные связи, установившиеся между обоими Всеволодами после женитьбы Юрия Всеволодовича на дочери Чермного ... ничего не гарантировали. Чермный пытается крутыми мерами сохранить за собой хотя бы Киев и укрепить свое положение на юге. Переяславль, где сидели одно время Ольговичи – Михаил Всеволодович и Глеб Святославич, находился под влиянием князей чернигово-северских»¹⁷.

В предыдущей главе было доказано, что Глеб Святославич не княжил в Переяславле, что этот «факт» закрепился в науке благодаря составлению именных указателей при издании летописей. После этого нельзя вслед за В.В. Мавродиным утверждать, что до смерти Всеволода Большое Гнездо в 1212 г. Переяславль-Южный находился под властью черниговских князей, ссылаясь на факты княжения там Михаила Всеволодовича и Глеба Святославича. В силу этого с осторожностью надо относиться к другой идее В.В. Мавродина, пытавшегося доказать, что Всеволод Большое Гнездо стремился покончить с гегемонией Ольговичей на юге Руси:

«Суздацкие Мономаховичи пытаются ослабить Ольговичей. Из Новгорода в Поднепровские земли на Всеволода Чермного двинулся Мстислав Мстиславич Удалой, разгромивший Черниговское Поднепровье и осадивший Чернигов и Киев. Вскоре смерть Всеволода Юрьевича Большое Гнездо внесла расстройство в ряды Мономаховичей. Начались раздоры и споры между ними, вспыхнула усобица, вылившаяся в грозную Липецкую битву. Мономаховичи вынуждены были снять осаду южных городов и заключить мир в 1214 г. с Ольговичами»¹⁸.

¹⁷ Там же. С. 343.

¹⁸ Там же. С. 343–344.

Нет необходимости подробно разбирать неточности изложения В.В. Мавродиным всей картины отношений среди Мономашичей, между Мономашичами и Ольговичами после появления исследований по политической истории Древней Руси Б.А. Рыбакова, В.Л. Янина, В.А. Кучкина, А.А. Горского, В.Т. Пашуто, Дж. Феннела, Н.Ф. Котляра и др. Но еще в XIX в. и начале XX в. были созданы труды Н.М. Карамзина, Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского, Д.И. Иловайского, А.Е. Преснякова, показавших всю условность представлений о единстве Мономашичей, меняющиеся союзы Ольговичей то с суздальскими князьями, то с потомками старшего Мономашича, имевшими столы в Смоленске и на Волыни, затяжная вражда суздальских и волынских Мономашичей в XII–XIII вв. Все это прошло мимо внимания В.В. Мавродина, увлеченного созданием собственной схемы.

Особо остановиться надо лишь на рейде Мстислава Удатного, разгромившего Черниговское Поднепровье и осадившего Чернигов и Киев. Произошло это событие уже после смерти Всеволода Большое Гнездо (1 апреля 1212 г.), а не до неё, как может показаться при чтении строк В.В. Мавродина. Несогласие с ним продиктовано тем, что в Никоновской летописи, на которую в этом отрывке сослался исследователь, смерть Всеволода Большое Гнездо указана под 6721 г.¹⁹, а поход Мстислава Удатного на Чернигов – 6722 г.²⁰. Заключение мира Мстислава Удатного с Ольговичами в 1214 г. венчает собой сообщение о походе первого на Чернигов²¹. То есть В.В. Мавродин переставил в указанном отрывке события, последовательность которых должна выглядеть так: смерть Всеволода Большое Гнездо – поход против Ольговичей Мстислава Удатного – заключение мира между ними – битва на Липице. Необоснованным с сегодняшней точки зрения является привлечение исключительно Никоновской летописи, поскольку сообщения о походе Мстислава Удатного из Чернигова на юг Руси подробно даны и в Новгородской первой летописи (далее – НПЛ) под 1214–1215 гг.²². Перевод известий НПЛ от 6722 (1214–1215 гг.) на современное летоисчисление был произведен

¹⁹ Никоновская летопись. С. 64. В этом и последующих случаях не разбирается вопрос перевода дат Никоновской летописи на современные стиль и летосчисление.

²⁰ Никоновская летопись. С. 66–67.

²¹ Там же. С. 67.

²² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III (Далее – НПЛ). М., 2000. С. 53, 251–252.

Н.Г. Бережковым: поход Мстислава Удатного вместе с иными смоленскими и луцким князьями против Всеволода Черного, занятие киевского стола Мстиславом Романовичем из рода смоленских Ростиславичей произошли в январском 1212 г.²³ Даже в этом случае поход пришелся на время уже после смерти Всеволода Юрьевича.

Летописные известия о походе князя Мстислава Удатного на юг Руси в 1212 г. указывают, что этот рейд совершался как акция смоленских Мономашичей. Липицкая битва произошла после заключения мира Ольговичами и Ростиславичами. Мир был достигнут потому, что Ростиславичи добились того, что хотели, а Ольговичи признали это. Цепь неточностей привела В.В. Мавродина к выводу, что после 1214 г. Ольговичи сохраняли доминирование на всем юге Руси, а потому распоряжались судьбой Переяславля-Русского несмотря на то, что передали его владимирским князьям:

«В 1215 г. Владимир Всеволодович Суздальский получает Переяславль, доставшийся ему от тестя Глеба Святославича. Правда, суздальские Мономаховичи, сидевшие в Переяславле, с этого момента выступают в качестве союзников черниговского князя, причем этот союз носил оборонительный характер и направлен был против половцев. В княжение Владимира Всеволодовича в 1215 г. было два налета половцев. Один из них кончился поражением половцев, а другой разгромом переяславльских дружин на Хороле, причем сам Владимир попал в плен. Выкупленный из плена лишь в 1218 г., он вернулся в Суздаль, а в Переяславле вторично сел Владимир Рюрикович. После Владимира Переяславль попадает к Ольговичам, и Татищев говорит о князе Переяславля Южном Ярославе Мстиславиче, очевидно, сыне Мстислава Черниговского»²⁴.

Эти выводы можно принять, если проигнорировать указанные выше сообщения ЛЛ и Никоновской летописей, своеобразно проинтерпретированные В.Н. Татищевым, об уходе Владимира Всеволодовича под нажимом брата Георгия из Москвы в Переяславль-Южный в 1213 г. Поэтому Глеб Святославич никак не мог отдать Переяславль Владимиру Всеволодовичу. Тем более это не явствует из фразы Никоновской летописи, с которой работал В.Н. Татищев, и аналогичного места ЛЛ:

²³ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 248, 257-258.

²⁴ *Мавродин В.В.* Очерки истории левобережной... С. 344.

«**О** женися Володимеръ сынъ Всеволожь в Переяславли Руско Глѣбовною Черниговьского княза»²⁵; «Того же лѣта князь Володимеръ Всеволодовичъ женися въ Переяславлѣ въ Русскомѣ, поя за себя дщерь князя Глѣба Святославича Черниговского»²⁶.

Простая констатация факта брака Владимира Всеволодовича и дочери Глеба Святославича содержится в сочинении В.Н. Татищева²⁷. Увязывание фактов ухода Владимира Всеволодовича в Переяславль из Москвы в 1213 г. и его женитьбы снимает догадку, что суздальские Рюриковичи получили Переяславль из рук Глеба Святославича. Указание на Глеба Святославича, даровавшего на свадьбе зятю город, могло родиться из убеждения, не подкрепленного источниками, что Глеб Святославич княжил в Переяславле.

После пленения половцами в 1215 г. Владимира Всеволодовича судьба переяславского княжения в источниках, использованных В.В. Мавродиным, не отражена до 1227 г. (Георгий Всеволодович отправил туда княжить племянника Всеволода Константиновича²⁸). На следующий год Всеволод уже участвовал вместе с братом Васильком в походе на мордву²⁹. А в Переяславль-Русский Георгий Всеволодович направил брата Святослава³⁰. Эти события описаны в Никоновской летописи и «Истории Российской» В.Н. Татищева, также они подтверждаются известиями ЛЛ³¹. В источниках не указано, что в 1218 г. в Переяславле сел Владимир Рюрикович (из смоленских Ростиславичей). Вероятно, основой для такого заблуждения стала фраза В.Н. Татищева в сообщении о посылке Всеволода Константиновича в 1227 г. в Переяславль:

«Князь великий Юрий по согласию со Владимиром Рюриковичем от-

²⁵ ЛЛ. Стб. 438.

²⁶ Никоновская летопись. С. 69.

²⁷ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 192; Т. IV. С. 346.

²⁸ Никоновская летопись. С. 94. Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 221 (Т. IV. С. 366).

²⁹ Никоновская летопись. С. 95. Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 221 (Т. IV. С. 366).

³⁰ Никоновская летопись. С. 95. Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 221 (Т. IV. С. 366).

³¹ ЛЛ. Стб. 450, 451. Возможно, Святослав Всеволодович отправился в Переяславль зимой, в начале 1229 г.

пустил сыновца своего Всеволода Константиновича в Переяславль Русский на княжение»³².

В.В. Мавродин мог посчитать, что согласование происходило с князем, считавшим Переяславль своим и готовым уступить его. Но если такое согласование было, то великий князь владимирский Георгий согласовывал решение с князем киевским Владимиром Рюриковичем.

В Воскресенской летописи есть уникальное известие под 1215 г., где Владимир Рюрикович назван переяславским князем. Эту летопись в качестве источника использовал В.В. Мавродин на страницах своего труда, но не указал на это сведение. После сообщения о пленении Владимира Всеволодовича в 1215 г. половцами Воскресенская летопись продолжает:

«Тоя же зимы Мстиславъ Мстиславичъ понде изъ Р҃си къ Нов҃городу Великому на Ярослава Всеволодовича, зятя своего, и поя съ собою Володимера Р҃риковича изъ Переяславля, а изъ Кіева Мстиславъ Романовичъ посла сына своего Всеволода; и собращася вси во градѣ Смоленцѣ»³³.

В таком же виде известие содержится в Московском летописном своде конца XV в. (Тоя же зимы Мѣстиславъ Мѣстиславичъ понде из Р҃си къ Нов҃городу Великому на Ярослава Всеволодовича, зятя своего, и поя с собою Володимера Р҃риковича ис Переяславля, а ис Кіева Мѣстиславъ Романовичъ посла сына своего Всеволода; и собращася вси въ градѣ Смоленцѣ), есть оно еще лишь в Ермолинской летописи (далее – ЕРМ), без указания выхода Владимира Рюриковича из Переяславля³⁴.

Эти памятники отразили Московский великокняжеский свод 1479 г., к которому восходит Воскресенская летопись³⁵. Но, в отличие от Дж. Фен-

³² *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 221. В I редакции не указано на согласование с Владимиром Рюриковичем – см.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. С. 366.

³³ Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VII. М., 2001 (далее – Воскресенская летопись). С. 119.

³⁴ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. М.–Л., 1949 (далее – Московский летописный свод). С. 110–111; Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. М., 2004 (далее – Ермолинская летопись). С. 64.

³⁵ *Пудалов Б.М.* Начальный период истории древнейших... С. 33–34.

нела³⁶, полностью разделявшего мнение о достоверности этого известия, надо указать, что оно встречается только в этих источниках. Ни в ранних, ни в более поздних родственных памятниках этого известия нет.

Указание В.В. Мавродина на то, что в Переяславле княжил Ярослав, сын Мстислава Черниговского, отсылает к сведению В.Н. Татищева³⁷, которым пользовался В.В. Мавродин. На это возразил Дж. Феннел:

«...в более ранней версии (Татищев, т. 4.³⁸) Татищев не указывал это отчество и ясно говорит о Ярославе **Всеволодовиче** из **Северного** Переяславля. Во всяком случае, в источниках отсутствуют упоминания о каком-либо «Ярославе Мстиславиче» из числа известных черниговских князей, живших в тот период»³⁹.

В концентрированном виде воззрения В.В. Мавродина на историю Переяславля после 1206 г. можно представить так. Княжество долго контролировалось черниговскими князьями, правившими там непосредственно или отдававшими стол зависимым от них владимирским князьям. Лишь в период 1215–1218 гг. ненадолго Переяславль занял смоленский князь Владимир Рюрикович, но затем возобновилась власть Ольговичей. О том, что с 1227 г. на княжении в Переяславле находились, по летописям, родственники Георгия Всеволодовича, В.В. Мавродин не упомянул. Его реконструкция, обусловленная идеей доминирования в Южной Руси или борьбой за него Ольговичей, умозрительна и не подтверждается источниками.

М.Д. Приселков, исследуя русское летописание XI–XV вв., следующим образом представлял историю Переяславля в начале XIII в.:

«...уже после смерти Всеволода владими́ро-суздальского его сыну Юрию в 1213 г. удастся послать на стол Переяславля родного брата Владимира, который женится на Глебовне Черниговской как знак забвения пережитым осложнением владими́ро-суздальских князей с Черниговским домом из-за обладания Переяславлем. В 1215 г. этот Владимир Всеволодович после поражения попадает в половецкий плен, откуда возвращается только в 1218 г. За эти годы Переяславль Русский уходит, правда, из рук князя Юрия владими́ро-суздальского, но в

³⁶ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 78, 81.

³⁷ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 121.

³⁸ Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. С. 359.

³⁹ Феннел Дж. Кризис... С. 81–82.

1227 г. Юрий уже вновь посылает туда на княжение своего племянника Всеволода Константиновича, сменив его в 1228 г. своим братом Святославом. На этом наши сведения об отношениях владимирских князей к Русскому Переяславлю обрываются, но имеем основания думать, что связь эта не оборвалась. Так, в 1230 г. (по Лаврентьевской), когда в Киев ездил для поставления на ростовскую кафедру Кирилл, бывший до того игуменом Рождественского монастыря во Владимире, то он, конечно, выполняя какое-то дипломатическое поручение владимирского великого князя Юрия, был со своими спутниками, сверх Киева, еще и в Русском Переяславле⁴⁰.

М.Д. Приселков в этом экскурсе, обходя проблемные места истории Переяславля, по сути их обозначил: когда владимирский князь получил обратно Переяславль; кто владел Переяславлем в период 1215–1227 гг. Тем не менее общий вывод, который можно сделать, читая эти строки М.Д. Приселкова, таков: Переяславль долгое время в первой трети XIII в. находился во власти владимирских князей.

Д.С. Лихачев, объясняя вслед за М.Д. Приселковым наличие массива южнорусских известий в летописании Северо-Восточной Руси, писал:

«Владимирские князья рассматривали далекий Переяславль Русский как свою вотчину, сажали здесь своих князей и через них стремились осуществлять свои политические планы на юге. После захвата Киева в 1169 г. Андрей Боголюбский сажает здесь Владимира Глебовича. Князь Ярослав Мстиславич после смерти Владимира Глебовича, по-видимому, также был водворен здесь волею владимирского князя. После смерти Ярослава Всеволод Большое Гнездо держит Переяславль Русский своими сыновьями. Вслед за Всеволодом его сын Юрий также пытается не выпустить Переяславля Русского из своей власти и посылает сюда своего брата Владимира (1213 г.), а затем, после некоторого перерыва, племянника – Всеволода Константиновича, замененного в 1228 г. другим братом Юрия – Святославом»⁴¹.

В объяснении Д.С. Лихачева нельзя согласиться с тем, что Андрей

⁴⁰ Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 114.

⁴¹ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л., 1947. С. 275.

Боголюбский сажал на стол в Переяславле своего племянника Владимира Глебовича, поскольку для этого нет данных источников. Более логично предположить, что Глеб, став киевским князем по воле сына Андрея Боголюбского, отдал свой стол в Переяславле сыну. Нельзя принять, что Ярослав Мстиславич оказался в Переяславле сразу после смерти двоюродного брата Владимира Глебовича. Это не подтверждается источниками⁴². Как показано ниже, Святослав Всеволодович недолго пребывал в Переяславле с 1228 г. Но в целом идею об особом внимании владимирских князей к Переяславлю Русскому необходимо признать верной, и с её учетом надо рассматривать историю борьбы за Переяславль в первой трети XIII в.

Более осторожно подошел к истории Переяславского княжества в начале XIII в. Б.Д. Греков⁴³, готовя её обзор для фундаментального издания «Очерки истории СССР». Ссылаясь на известие ЛЛ⁴⁴, Б.Д. Греков указал на то, что Ярослав Всеволодович в 1200 г. был направлен на княжение в Переяславль по желанию его жителей. Через шесть лет князь был изгнан Всеволодом Черным в связи с тем, что последний был недоволен притязаниями Ярослава на Галич⁴⁵. Затем историк просто ограничился констатацией фактов: Ярослав ушел на север, в Переяславле-Южном сел сын Всеволода Черного – Михаил; в 1213 г. в Переяславль из Москвы прибыл Владимир Всеволодович, в 1215 г. он был пленен половцами⁴⁶. То есть Б.Д. Греков, поставив цель восстановить историю Переяславского княжества, начал пересказывать источники. При этом ученый не комментировал летописные сообщения. Избранные факты увязывались с трактовками последующих событий: после поражения Георгия Всеволодовича на Липице в 1216 г. связь Владимирского княжества с Переяславлем «на некоторое время ослабела». В 1223 г. переяславская рать приняла участие в битве на Калке. В конце 1220-х гг. отношения Владимира-на-Клязьме с Переяславлем наладились (видимо, автор опирался на летописные известия о посылке Георг-

⁴² Эта идея нашла свое продолжение – в одном исследовании время правления Ярослава Мстиславича охвачено периодом 1188–1199 гг.: *Коринный Н.Н.* Переяславская земля X – первая половина XIII века. Киев, 1992. С. 66.

⁴³ Очерки истории СССР. Ч. I. М., 1953. С. 23.

⁴⁴ ЛЛ. Стб. 416.

⁴⁵ *Греков Б.Д.* Переяславское княжество // Очерки истории СССР. Ч. I. С. 392.

⁴⁶ Там же. С. 393.

гием в Переяславль Всеволода Константиновича и Святослава Всеволодовича). Б.Д. Греков старался обойти нестыковки источников. Это ему нужно было для того, чтобы дать четкий вывод:

«Переяславское княжество... ориентировалось на сильных (суздальских) князей, подручники которых, как правило, и сидели в Переяславле»⁴⁷.

То есть Б.Д. Греков считал, что восстановление влияния суздальских князей над Переяславлем-Русским произошло в 1213 г. и не прерывалось вплоть до взятия города в 1239 г. татаро-монголами. В принципе схема истории Переяславля в первой трети XIII в. у Б.Д. Грекова похожа на схему В.В. Мавродина: речь идет о преобладании в Переяславле какой-то одной княжеской династии (или черниговские Ольговичи, или владимирские Всеволодовичи) и исключаются (приуменьшаются в масштабах) факты деятельного участия в Переяславской истории смоленских Ростиславичей. Но у Б.Д. Грекова интересной была бы идея, которая угадывается во фразе об изменении влияния владимирских князей на Переяславль:

«В 1223 г. переяславская рать принимала деятельное участие в первой битве Руси с татарами на Калке».

В зависимости от решения вопроса о том, кто правил тогда Переяславлем, можно говорить о его вкладе в общерусское дело. Если Переяславль в 1223 г. подчинялся владимирскому князю Георгию, то иначе, чем принято в историографии, нужно рассуждать о его роли в битве на Калке, не ограничивая её либо отказом помочь⁴⁸, либо припозднившейся посылкой рати во главе с Васильком Константиновичем⁴⁹. Иначе тогда надо трактовать фразу ИЛ, что Георгия Всеволодовича не было на княжеском совете перед битвой на Калке⁵⁰. Его отсутствие тогда может указываться не как вина, а как обстоятельство принятия решения об участии переяславской рати в битве без него. Только тогда возникает вопрос о том, кто из князей находился в Переяславле. Такая постановка вопроса придает особую актуальность изучению истории Переяслав-

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М.—Л., 1950. С. 202–205.

⁴⁹ ИЛ. Стб. 446–447.

⁵⁰ ИЛ. Стб. 741.

ля в период 1207–1227 гг. Перечеркивает эти рассуждения то, что в источниках, донесших сведения о битве на Калке, не говорится об участии переяславцев в битве на Калке⁵¹. Об этом не писал Б.Д. Греков в совместной с А.Ю. Якубовским работе о Золотой Орде⁵². Тезис об участии переяславцев в битве на Калке – допущение Б.Д. Грекова, а потому он должен быть выведен из исследования о Переяславле-Южном в первой трети XIII в.

Похожими на рассуждения Б.Д. Грекова оказались мысли В.Т. Пашуто, с которыми можно ознакомиться на страницах его монографии о внешней политике Древней Руси. Историю Переяславля в начале XIII в. В.Т. Пашуто рассматривал в связи с отношениями Руси и половцев. Данный взгляд характеризуется одной фразой:

«В Северо-Восточной Руси половецкая политика не изменилась. Бывали набегги половцев на Переяславль»⁵⁵.

В.Т. Пашуто при этом сослался на факты различных нападений половцев, в том числе и в 1215 г., когда в плен был уведен Владимир Всеволодович. Но даже это обстоятельство не изменило взгляда историка.

Об истории Переяславля писал М.П. Кучера⁵⁴. Его основной источник для восстановления политической истории Переяславля – ИЛ. Встречаются вкрапления В.Н. Татищева. Как выверенными, заслуживающими всякого доверия известиями, пользовался М.П. Кучера данными из книги В. Ляскоронского⁵⁵. Сам В. Ляскоронский умело компилировал данные ИЛ, ЛЛ, «Истории Российской» Татищева. При этом, как было принято в XIX в., историк Переяславской земли не утруждал себя ссылками на источники. Поэтому можно предполагать использование того или иного источника, в частности ЛЛ. В последнем случае приходится констатировать, что сведения ЛЛ М.П. Кучера задействовал опосредованно, через труд В. Ляскоронского. Также много места у М.П. Кучеры заняли ссылки на В.В. Мавродина. Надо указать, что М.П. Кучеру инте-

⁵¹ ИЛ. Стб. 740–745; ЛЛ. Стб. 445–447; НПЛ. С. 61–64; 264–267; Московский летописный свод. С. 118–121.

⁵² Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Указ. соч. С. 202–205.

⁵³ Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 272.

⁵⁴ Кучера М.П. Переяславское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 118–143.

⁵⁵ Ляскоронский В. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897.

ресовала не политическая история, а география Переяславской земли, её поселения и археологические данные. М.П. Кучера восстанавливал события начала XIII в. в Переяславском княжестве, подобно Б.Д. Грекову, – попросту пересказывая источники.

В 1977 г. вышла книга О.М. Рапова о княжеских владениях на Руси, где был затронут вопрос и о Переяславле⁵⁶. К сожалению, материал в монографии подан через княжения Рюриковичей в тех или иных землях, а не через политическую историю земель в свете их династической принадлежности. Поэтому принадлежность Переяславля в начале XIII в. пришлось выбирать из глав, посвященных отдельным княжеским родам. Князя из рода Ольговичей, Глеба Святославича, О.М. Рапов не идентифицировал с правителем Переяславля (впрочем, в биографической статье о Всеволоде Чермном не указано, что он изгнал в 1206 г. из Переяславля Ярослава)⁵⁷. Со ссылкой на ЛЛ отмечено кратковременное княжение в 1206 г. Михаила Всеволодовича в Переяславле⁵⁸. Из ИЛ и Воскресенской летописи извлечен факт уступки Переяславля в 1207 г. Рюрику Ростиславичу⁵⁹. О возвращении в Переяславль-Русский Ярослава Всеволодовича после 1206 г. О.М. Рапов ничего не сообщает⁶⁰. По мнению О.М. Рапова, Переяславль в 1215 г. Владимир Всеволодович занял после заключения договора с владимирским князем Георгием Всеволодовичем. Сам договор стал результатом похода Георгия на Москву, где сидел Владимир, в отместку за его нападение на Переяславль-Залесский⁶¹. Вопросы обладания Переяславлем-Русским в начале XIII в. О.М. Рапов не разбирал, заметив, что город стал объектом борьбы потомков Всеволода Ярославича (отца Мономаха), а потому на его столе были лишь временные князья⁶². В силу этого детали и подробности борьбы за Переяславль исследователя не интересуют. Спорные вопросы её реконструкции не играют важной роли в связи с выбором объекта исследования. Перечислены только бесспорные факты княжения в Переяславле с 1227 г. Всеволода Константиновича, с 1228 г. – Святослава Все-

⁵⁶ Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.

⁵⁷ Там же. С. 117.

⁵⁸ Там же. С. 124.

⁵⁹ Там же. С. 162.

⁶⁰ Там же. С. 170–171.

⁶¹ Там же. С. 172.

⁶² Там же. С. 174.

володовича. Поэтому обойдены вниманием сообщения Московского великокняжеского свода, Воскресенской летописи о Владимире Рюриковиче, из Переяславля пошедшем в Смоленск в 1215 г., В.Н. Татищева о некоем Ярославле из Переяславля под 1221 г.

Дж. Феннел дал свой взгляд на историю княжения в Переяславле. По его мнению, в 1206 г. Ярослав Всеволодович

«был принужден оставить Южный Переяславль, который он держал с 1200 г., это самое южное из всех княжеств прежнего Киевского государства, в пользу Ольговичей и позднее Ростиславичей»⁶³.

Твердо уверен Дж. Феннел в том, что Ростиславичи с 1223 г. обладали Переяславлем. Это обладание совпало со временем их господства в большей части Южной Руси. Затем, говоря в предположительном тоне, ученый пытался доказать, что Переяславль был в ведении Ростиславичей с 1215 г. по 1227 г., когда Георгий направил туда своего племянника:

«Если учесть близкие матримониальные и военные связи Ростиславичей с половцами, то нельзя исключить вероятность того, что Ростиславичи ... распространили свою власть к востоку от Киева на земли, которые суздальские князья уже давно считали лежащими в сфере их интересов. По всей видимости, Владимира Всеволодовича сменил сын Рюрика Владимир, поскольку надежный источник сообщает, что «Володимер Рюрикович ис Переяславля» помогал Мстиславу Мстиславичу в его походе против Ярослава Всеволодовича в 1215 г.»⁶⁴.

Таким надежным источником Дж. Феннел считает Московский летописный свод конца XV в.⁶⁵. Это было указано в примечаниях. В них же Дж. Феннел отклонил идею, идущую еще от В. Ляскоронского, что Ростиславичи к 1221 г. в Переяславле были заменены Ольговичами (об этом говорилось выше). Отклонение это базировалось на использовании 2-х редакций «Истории Российской» В.Н. Татищева. Но текст более ранней редакции труда В.Н. Татищева не дает оснований считать, что речь идет «о Ярославе Всеволодовиче из Северного Переяславля», как это полагал Дж. Феннел. Вот как повествуется об этом у В.Н. Татищева:

⁶³ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси... С. 83.

⁶⁴ Там же. С. 77–78.

⁶⁵ Там же. С. 78, 81.

«И ту вси князья совокупишася, Володимер Рюрикович из Овруча, Ростислав Давыдович со смоляны, Мстислав и Ростислав Мстиславичи с туrowsкими и луцкими, Ярослав переяславский и князь Мстислав черниговский»; «Князь смоленский с Ярославом переяславским ходиша на Полоцк и взяша град генваря 17 при князех Борисе и Глебе, много новоеваша»⁶⁶.

Эти сообщения не исключают догадки о том, что здесь отмечено княжение Ярослава в Переяславле-Русском. Более того, можно говорить об обратной связи: указание «переяславский» служит средством для идентификации князя Ярослава – сына Всеволода Юрьевича. Учитывая, что эти сведения Татищева уникальны, что во II редакции «Истории» он настаивал на ином происхождении переяславского князя, приписав его к Ольговичам

(«...совокупились вси князи: Владимир Рюрикович из Овруча, Ростислав Давидович смоленский, Мстислав и Ростислав Мстиславичи с туrowsкими полки и луцкими, Ярослав Мстиславич переяславский...»⁶⁷),

нельзя указывать лишь на Переяславль-Залесский. В сообщении Татищева о полоцком походе Ярослава во II редакции тоже есть новации:

«Князь смоленский, согласясь с Ярославом переяславским, ходил на Полоцкую область»⁶⁸.

Нельзя только в угоду здравому смыслу произвольно трактовать сведение В.Н. Татищева. Эти два сообщения, помещенные В.Н. Татищевым под одним годом, показывают, что он различал Ярослава, участника похода в Галицкую землю, и Ярослава, ходившего позднее, «согласясь» со смоленским князем, на Полоцк. Говорить уверенно об этом различии можно после определения значения слова «согласясь» в этом конкретном случае.

Монография Н.Н. Коринного была посвящена истории Переяславской земли в домонгольское время⁶⁹. Преобладают в исследовании археологическая и историко-географическая части. Вопросы политической истории начала XIII в. решались путем простого перечисления фак-

⁶⁶ Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. С. 359, 360.

⁶⁷ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 211, 212.

⁶⁸ Там же. С. 212.

⁶⁹ Коринный Н.Н. Переяславская земля X – первая половина XIII века. Киев, 1992.

тов, почерпнутых из ЛЛ⁷⁰. Решение этих вопросов проводилось для вывода, согласно которому в период 1136–1233 гг. Переяславль занимали ставленники владими́ро-суздальских и черниговских князей⁷¹.

В книге А.А. Горского о путях политического развития русских земель XIII–XIV вв. судьбе Переяславля в начале XIII в. посвящен один абзац (отдельные упоминания княжества не в счет):

«Что касается Переяславского княжества, то оно в XIII в. потеряло былое значение. Во втором десятилетии XIII в. в Переяславле Русском княжил сын Всеволода Большое Гнездо Владимир, позже внук Всеволода Всеволод Константинович (1227), затем вновь сын – Святослав Всеволодович (1228 г.). В 1230 г. этот князь уже вновь находился в Северо-Восточной Руси. О более поздних переяславских князьях сведений нет»⁷².

Единственным источником этих выводов стала ЛЛ⁷³. Возможно, это обстоятельство, а также то, что не были учтены сведения Московского летописного свода конца XV в., Воскресенской летописи, «Истории Российской» В.Н. Татищева, обуславливают вывод о падении значения Переяславля. Этот вывод связан также с мыслью о том, что Переяславль «числился» владением владимирских князей: об этом могут свидетельствовать примеры в цитате А.А. Горского.

Также обойденным оказалось первое десятилетие XIII в., когда Переяславль оказался потерянным для Всеволода Большое Гнездо. Когда и при каких обстоятельствах город вернулся к нему или его потомкам, А.А. Горский не ответил. Все это делает сомнительной методику определения политического лидерства той или иной ветви Рюриковичей. Методика сводится к подсчету лет, проведенных смоленскими, черниговскими, волынскими и владимирскими князьями на трех общерусских престолах (Киев, Новгород, Галич)⁷⁴. Как показал А.А. Горский, лидерами на Руси были смоленские Ростиславичи. Думается, что не только количество лет определяет лидерство. Также нужно указать на то, что включение Переяславля-Русского в эту череду столов изменит

⁷⁰ Там же. С. 67.

⁷¹ Там же. С. 68.

⁷² Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. М., 1996. С. 23.

⁷³ Там же. С. 23, 91.

⁷⁴ Там же. С. 13–20.

всю калькуляцию. Видимо, все упирается в источниковую базу. Для реконструкции истории Переяславля в первой трети XIII в. её недостаточно. При этом А.А. Горский исходил из презумпции достоверности ЛЛ, чьи сведения о Переяславле не противоречивы и не запутывают общую скудную картину.

Пример решения «переяславской проблемы» путем всеядного использования источников, без должной «притирки» их сведений друг к другу, продемонстрирован в труде Д.Н. Александрова⁷⁵. Его выводы по истории Переяславля вторичны по отношению к трудам В.Г. Ляскоронского, В.В. Мавродина, В.Т. Пашуто и других. Д.Н. Александров отметил вслед за В.Г. Ляскоронским двухлетнее (1199–1201) отсутствие князя в Переяславле. Ссылаясь на ЛЛ, Симеоновскую, Никоновскую, Воскресенскую летописи, он указал на присылку туда Ярослава Всеволодовича. Так Д.Н. Александров подтвердил вывод В.Г. Ляскоронского о политической зависимости Переяславля от владими́ро-суздальских князей⁷⁶. Они стремились к этому, чтобы поддерживать свое влияние в Южной Руси:

«Основная причина распространения владими́ро-суздальскими князьями своего влияния в Южной Руси заключалась в стремлении основных княжеских группировок, борющихся за Киев (черниговская, смоленская и владими́ро-во́льнская), исключить вмешательство иных политических сил».

Д.Н. Александров, ссылаясь на не названные им летописные своды, настаивает на сохранении владими́рскими князьями контроля над Переяславлем до смерти Всеволода Большое Гнездо в 1212 г. Но в этом же абзаце автор, повествуя о борьбе за Киев между смоленскими и черниговскими князьями с 1205 г. по 1215 г., заявляет:

«Вскоре после захвата Киева Рюриком Ростиславичем Переяславль-Южный попал под власть Владимира Рюриковича. Вероятно, после смерти Рюрика Ростиславича Переяславль-Южный, согласно многим летописным сводам, получает брат Всеволода Чермного, черниговский князь Глеб Святославич, который в 1214 г. пришел на помощь своему брату во время осады Чернигова Мономаховичами. Однако

⁷⁵ Александров Д.Н. Феодальная раздробленность Руси. М., 2001.

⁷⁶ Там же. С. 172–173.

⁷⁷ Там же. С. 173.

после смерти Всеволода Черного Глеб Святославич утрачивает Переяславль-Южный, и город достается брату владими́ро-суздальско-го князя Юрия Всеволодовича, Владими́ру Всеволодовичу. На это указывает Лаврентьевская летопись»⁷⁸.

Кроме последнего случая, конкретных ссылок на источники нет. После рассмотренных выше суждений о правлении Глеба Святославича в Переяславле странной видится фраза о многих летописных сводах, подтверждающих это. «Подтверждение» есть только в именных указателях к некоторым изданиям летописей и к «Истории Российской» В.Н. Татищева. Смущает отсутствие конкретных дат. По логике текста описанные Д.Н. Александровым события произошли в интервале 1212–1215 гг. Ведь было заявлено, что владимирские князья до смерти Всеволода Юрьевича контролировали Переяславль (а как же изгнание Ярослава в 1206 г. и решение проблемы возвращения города под власть владимирских князей?), а в 1215 г. город достался Владимиру Всеволодовичу. Но происходили эти события, как было указано многими авторами, в промежутке 1206–1213 гг.

Дальнейшее развитие событий вокруг Переяславля видится Д.Н. Александрову так. В 1215–1218 гг. Владимир Всеволодович был в половецком плену, а в Переяславле княжил Владимир Рюрикович. Его вокняжение было связано с борьбой в Северо-Восточной Руси за владимирский престол (ссылка на уже цитированное известие Воскресенской летописи, что Рюрик Владимирович покинул Переяславль ради помощи Мстиславу Удатному в походе на Ярослава Всеволодовича). Исходя из того, что Константин Ростовский в борьбе против Георгия опирался на Мстислава Киевского и Мстислава Удатного, родича половецких ханов, княжение союзника Георгия Всеволодовича – Владимира Всеволодовича –

«в Переяславле Южном было абсолютно неприемлемым для смоленской коалиции Ростиславичей»⁷⁹.

Д.Н. Александров считает: Ростиславичи инспирировали набег половец на Переяславль в 1215 г. для устранения Владимира Всеволодовича, сблизившегося с Ольговичами в антисмоленском стремлении⁸⁰.

⁷⁸ Там же. С. 173–174.

⁷⁹ Там же. С. 174.

⁸⁰ Там же. С. 174–175.

«Однако княжение Владимира Рюриковича в Переяславле продолжалось около года. После его ухода в Смоленск Переяславль-Южный перешел в руки черниговских князей. Такое быстрое изменение ... было связано со смертью Константина Ростовского во Владимире и возвращением Юрия на свой престол. Воспользовавшись утратой смоленского влияния в Северо-Восточной Руси, черниговские князья заставили Владимира покинуть Переяславльский престол и возвратиться в Смоленск. Переяславльским князем стал представитель черниговского дома Ольговичей Ярослав Мстиславич (вероятно, сын Мстислава Святославича Черниговского). Летописные данные свидетельствуют, что начиная с 1219 г. Переяславльская земля являлась территорией совместного правления владимиристо-суздальских и черниговских князей. Правление Ярослава Мстиславича продолжалось до 1227 г., пока Юрий Всеволодович не назначил в Переяславль племянника Всеволода Константиновича и Олег Святославич, представитель черниговского дома Ольговичей, не стал переяславльским князем»⁸¹.

Эти идеи в труде Д.Н. Александрова не подкреплены никакими источниками. Поэтому читателю приходится их устанавливать самостоятельно или верить на слово исследователю. Непонятен источник суждения о союзе Константина Всеволодовича с Мстиславами Романовичем и Мстиславичем против Георгия. Уже приведенные цитаты Московского летописного свода конца XV в., Воскресенской и ЕРМ летописей свидетельствуют, что Мстислав Удатный вместе с Владимиром Рюриковичем и Всеволодом Мстиславичем двинулись из Южной Руси в Новгород против Ярослава Всеволодовича. ЛЛ не сообщает об участии смоленских Ростиславичей в междоусобице детей Всеволода Большое Гнездо⁸². В Московско-академической летописи (далее – МАК) фиксируется поход Мстислава Удатного с новгородцами и со своими родственниками против своего зятя Ярослава⁸³. Поход смоленских князей вместе с новгородцами, псковичами, смолянами в летописи рассматривается как акция против Ярослава и после установления контактов с Константином:

«и пожгоша и· и все Повольжье·и сръбѣте и воєвода Єрменѣи ѿ кнѣзя

⁸¹ Там же. С. 175.

⁸² ЛЛ. Стб. 439–440.

⁸³ Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку // ПСРЛ. Т. I. М., 1997 (далее – МАК). Стб. 492.

Костантина из Ростова наши князи и рече князь Костантинъ кланяется вамъ и азъ рѣ слышавъ приѣзъ вашъ се вамъ ѿ мене в помочу мѣжъ да пришеда ко мнѣ со всеми рѣчymi Всеволода шѣрина моего»⁸⁴.

Даже перед битвой смоленские князья предлагали уйти с миром Георгию, так как не имели к нему претензий. Слова источника не дают оснований считать, что Константин имел особое мнение на этот счет:

«князь Мстиславъ и Володимеръ с Новогорѣци постависта свои полкы близъ Юрьева и тѣ стоаста а князь Костантинъ далее стоаше съ своими полкы, на речѣ Липицѣ и оузрѣша полкы стоаша Ярослав и Юрьевы и послаша Ларишна сотьского ко князю Юрью кланяется итѣ намъ с товою швиды швида намъ съ Ярославомъ шѣщава же князь Юрь идинъ есма вра съ Ярославомъ и посласта къ Ярославу гѣща пѣсти мѣжи Новогорѣци и Новоторъжци что еси зашелъ волости Новогорѣска Волокъ въспати а миръ с нами възми»⁸⁵.

В этом же столбце содержится ответ Ярослава. Лишь во втором послании смоленских князей предлагается Георгию отдать владимирский стол и взять Суздальскую землю⁸⁶. НПЛ также передает информацию о битве на Липице: Мстислав Удатный вместе с новгородцами и своими родственниками начал борьбу против Ярослава, причина борьбы – новгородская политика князя; говорится об установлении контактов между Константином Всеволодовичем и смоленскими Ростиславичами; сообщается о предложении Георгию отступить от Ярослава, так как с Георгием нет никакой обиды; говорится и о послании Ярослава и его ответе⁸⁷. Нет сообщений о втором послании к братьям, где они предупреждаются о том, что Константин станет великим князем. Те же акценты с некоторыми модификациями в сведениях о битве на Липице даны в Рогожском летописце, Тверском сборнике (есть информация о втором послании), Новгородской IV летописи (далее – НIVЛ; есть информация, что к Константину был послан Яволод, боярин Владимира, а уж затем произошла встреча с воеводой Константина, Еремеем; сообщается о втором послании к Георгию и Ярославу), Софийской первой

⁸⁴ Там же. Стб. 493.

⁸⁵ Там же. Стб. 494.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ НПЛ. С. 55–57, 254–257.

летописи (далее – СІЛ; есть информация, что к Константину был послан Яволод, боярин Владимира, а уж затем произошла встреча с воеводой Константина, Еремеем; сообщается о втором послании к Георгию и Ярославу), Московском летописном своде конца XV в., Воскресенской летописи и Никоновской летописи⁸⁸.

После такого обзора нельзя говорить о том, что акция Ростиславичей была «анти-юрьевской»; источники молчат о заключении союза Константина с Ростиславичами до их появления в Залесской земле. Поэтому приходится убирать одно из оснований догадки о том, что Владимира Всеволодовича «убрали» из Переяславля смоленские князья руками половцев. Вторым основанием служит идея, что Владимир Всеволодович был союзником Георгия. Поэтому-де Ростиславичи, борясь за гегемонию на юге Руси, руками половцев убили двух зайцев (заняли Переяславль и нанесли удар по Георгию). Однако Владимир не был союзником Георгия в междоусобице 1212–1216 гг. Этому тезису можно противопоставить суждение Дж. Феннела, основанное на изучении источников:

«Владимир был неудовлетворен тем, что Юрий отдал ему всего лишь Юрьев Польский... Обиженный и разгневанный, Владимир перебежал к Константину, который, пытаясь закрепиться в юго-западной части владений Юрия, послал Владимира захватить Москву... Второе столкновение... произошло в 1213 году... Константин направил свой удар на Костромскую землю, входившую во владения Юрия, а его новый союзник Владимир, двинувшись на север от Москвы, предпринял неудачную попытку захватить Дмитров (один из городов Ярослава), от стен которого был вынужден позорно бежать обратно в Москву... Даже Владимир, сидевший в Москве под замком у Юрия, был выпущен на волю. Юрий отослал его в удаленный южный Переяславль, где тот находился в безопасности некоторое время»⁸⁹.

Последнее предложение в этой цитате не пояснено Феннелом. По-

⁸⁸ Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. Стб. 25–26; Тверской сборник // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000 (далее – Тверской сборник). Стб. 318–320; Новгородская IV летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I (далее – НІVЛ). С. 186–194; Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. М., 2000 (далее – СІЛ). Стб. 263–270; Московский летописный свод конца. С. 111–114; Воскресенская летопись. С. 120–124; Никоновская летопись. С. 70–76.

⁸⁹ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси... С. 85.

чему Георгий отослал брата в Переяславль, который был отнят у владимирских князей в 1206 г.? Когда, при каких обстоятельствах и условиях владимирские князья получили его обратно, чтобы использовать как место почетной ссылки? Дж. Феннел этого не оговорил.

Эта цитата приведена здесь для опровержения мнения о союзнических отношениях между Георгием и Владимиром Всеволодовичами в 1212–1213 гг. Владимир больше склонялся в пользу брата Константина. Вышеприведенные рассуждения Дж. Феннел подкрепил ссылками на Летописец Переяславля Суздальского, Московский летописный свод конца XV в., ЛЛ. В других источниках также содержится информация о высылке Владимира в Переяславль. Тон этой информации во всех источниках не дает усомниться, что отъезд младшего Всеволодовича на юг Руси был высылкой, а не почетным пожалованием:

«и изведъ Гюрги из Москвы Володимера и посла и в Рѹскыи Переяславль на столъ на отчину свою» (ЛЛ); «Князь великий Юрій... поидоша... къ Мос(к)вѣ на Володимера, и миръ сътворше съ нимъ, и даша ему Переяславль Рѹсский, онъ же съ Москвы поиде въ Переяславль» (Тверской сборник); Георгий после битвы у Ростова примирился с Константином, Константин пожег Кострому и «Того же лѣта да Юрьи Володимерю брату Переяславль Роѹсский. Он же с Москвы иде тамо» (Типографская летопись); Юрий «поидоша оттолѣ къ Москвѣ на Володимера, и пришедше миръ створиша съ нимъ и даша ему Переяславль Рѹсской, онъ же иде съ Москвы въ Рѹсь» (Воскресенская летопись); Юрий «поидоша отчуду къ Москвѣ на князя Владимира Всеволодича брата своего, и сведоша его съ Москвы, и послаша его въ Рѹсской Переславль въ вотчину его на столъ» (Никоновская летопись).

Нигде не говорится о том, что Георгий заключил с Владимиром равноправный союз. Похоже эта информация передана В.Н. Татищевым:

«И оттуду шедше, сведоша с Москвы брата Владимира, послаша его ко Всеволоду в Переяславль просторуской» («История Российская, т. IV); «Оттуду Юрий пошел к Москве и принудил Владимира, оставя Москву, выдти. И послал его в Русь ко Всеволоду Чермному, чтоб ему дал Переяславль» («История Российская», т. III).

О «половецком факторе» в действиях Ростиславичей по устранению Владимира Всеволодовича первым написал Дж. Феннел. Но только британский исследователь ограничился намеком, подтверждения которому нет в источниках, на использование половцев смоленскими кня-

зьями, стремящимися освободить для себя Переяславль. В летописях лишь констатируется набег половцев на Переяславль. Не сказано, к кому попал в 3-летний плен Владимир Всеволодович. Без этого нельзя говорить о возможном инспирировании половецкого нападения на Переяславль. С половцами родственными узами были связаны и смоленские Ростиславичи, и черниговские Ольговичи, и владимирские Юрьевичи. Об относительности и условности половецкого фактора в межкняжеских отношениях было прописано в статьях С.В. Гуркина⁹⁰. Вот ряд примеров: первым браком Рюрик Ростиславич был женат в 1163 г. на дочери хана Белука, дочь от этого брака стала женой Глеба Святославича; черниговский князь Владимир Игоревич был женат на Кончаковне; Ярослав Всеволодович первым браком был женат на Юргевне Кончаковне, а вторым – на дочери Мстислава Удатного от брака с дочерью Котяна Сутоевича⁹¹. Поэтому, вводя половецкий фактор в действия Ростиславичей, надо объяснять, почему он не был нейтрализован подобным со стороны других князей. Значит, этот аргумент нельзя использовать в анализе межкняжеской борьбы за Переяславль в 1215 г.

Нельзя согласиться и с мнением Д.Н. Александрова, что Владимир Рюрикович правил в Переяславле до смерти Константина Всеволодовича. Ведь единственное свидетельство о его пребывании в Переяславле после пленения Владимира Всеволодовича датировано осенью-зимой 1215 г. Учитывая, что пленение Владимира Н.Г. Бережков датирует 1215 г., а вставка о присоединении Владимира Рюриковича к Мстиславу Удатному, идущему против Ярослава, в Московском летописном своде конца XV в. начинается словами *Тоя же зимы*, то время пребывания Владимира Рюриковича в Переяславле максимально охватывало период лета 1215 г. – зимы 1216 г. О возвращении Владимира Рюриковича в Переяславль или о его пребывании там до 1221 г. (когда у В.Н. Татищева упомянут Ярослав Переяславский) в источниках не говорится. Поэтому невозможно связать смерть Константина в 1218 г. и изгнание из Переяславля Владимира Рюриковича с заменой его Ярославом Мстиславичем в 1219 г. А потому рушится вся пирамида взаимообусловленных доказательств Д.Н. Александрова о совместном правлении владимирских и черниговских князей в Переяславле после 1219 г. Не-

⁹⁰ Гуркин С.В. К вопросу о русско-половецких матримониальных связях // Донская археология. 1999. № 2. С. 40–50; № 3–4. С. 41–54.

⁹¹ Там же. № 3–4. С. 45–47, 49, 51.

ясно, из каких источников взято сведение, что Олег Святославич из дома Ольговичей стал переяславским князем в 1227 г.

А.П. Пятнов доказывает, что не было никакого обмена княжениями между Рюриком Ростиславичем и Всеволодом Святославичем в 1210 г., поскольку первый умер в 1210 г. и был спутан в летописях с черниговским князем Рюриком Ольговичем. При решении этого вопроса А.П. Пятнов исследовал политическую борьбу на юге Руси в первом десятилетии XIII в. Он обратил внимание на то, что мнение П.В. Голубовского о княжении в Переяславле Глеба Святославича одновременно с великим княжением в Киеве его брата Всеволода Мстиславича в 1210–1212 гг. не подтверждается самим ходом событий и расстановкой политических сил:

«По мнению П.В. Голубовского, во время княжения в Киеве Всеволода Чермного Глеб владел I Переяславлем-Русским. Однако совершенно очевидно, что после победы Мономаховичей Переяславль вновь перешел к ним, поскольку уже в 1213/14 г. Юрий Всеволодич Владимиро-Суздальский дал Переяславль-Русский в удел своему брату Владимиру Всеволодичу»⁹².

Как было показано выше, допущение того, что Глеб Святославич не княжил в Переяславле-Южном, источниками не подтверждается, а значит аргументация А.П. Пятнова, что Глеб не правил в Переяславле, избыточна. Ведь А.П. Пятнов исходил из убеждения в том, что Мономашичи в 1212 г., действуя единым фронтом против Ольговичей, вернули Переяславль-Русский владимирскому князю Георгию Всеволодовичу. Такое предубеждение относительно политических симпатий уже встречалось у В.В. Мавродина. И восходит оно, на наш взгляд, к некритическому прочтению С.М. Соловьева. Он считал, что Мстислав Удатный заступился в 1212 г. (у С.М. Соловьева – в 1214 г.) за честь всех Мономашичей, обиженных Всеволодом Черным⁹³. Следовательно, А.П. Пятнов считает, что Переяславль с 1206 г. по 1212 г. находился в руках Ольговичей. После похода Мстислава Удатного на юг Руси княжество было передано владимирскому князю. Но такая трактовка не подтверждается источниками и противоречит всему ходу политической борьбы.

Д.Г. Хрусталеv отметил вслед за А.А. Горским, что Переяславль не

⁹² Пятнов А.П. Борьба за киевский стол в 1210-е гг.: спорные вопросы хронологии // ДР. ВМ. 2002. № 1 (7). Март. С. 87.

⁹³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен... Кн. I. Т. I–II. С. 610.

стал отчиной какой-либо княжеской ветви, но все-таки контролировался из Владимира-на-Клязьме. Исследователь, ссылаясь на ЛЛ, перечислил факты назначения в «Переяславль» князей в 1220-х гг.:

«В 1227 г. в Переяславле был посажен Всеволод Константинович, но в 1228 г. он был заменен дядей Святославом Всеволодовичем, который, однако, уже к 1230 г. вернулся на Северо-Восток»⁹¹.

Этому перечислению предшествует любопытная фраза:

«В начале XIII в. это были потомки Всеволода Большое Гнездо, который сначала направил туда сына Владимира, но тот вскоре вернулся на Северо-Восток»⁹⁵.

Поскольку в кратком обзоре истории Переяславля Д.Г. Хрусталева опирался на ИЛ и ЛЛ, то только из последней он мог узнать о кратком пребывании Владимира Всеволодовича в Переяславле⁹⁶. Из сообщения ЛЛ следует, что Владимир Всеволодович был направлен в Переяславль своим братом Георгием на «отчину свою»; затем в 1215 г. Владимир попал в половецкий плен. Вернулся он «на Северо-Восток» лишь в 1218 г.⁹⁷. Думается, что такая ошибка Д.Г. Хрусталева была вызвана предубеждением о незначительности места Переяславля в политической истории первой трети XIII в., что, в свою очередь, определилось скудностью сведений. Действительно, Д.Г. Хрусталева, перечислив ряд причин (снижение активности кочевников, смещение торговых путей), заявил об упадке переяславской волости:

«Судя по всему, к моменту нашествия Батые в Переяславле Южном даже не было собственного князя, хотя номинально он контролировался, скорее всего, владими́ро-сузда́льскими Всеволодовичами»⁹⁸.

Это суждение подкреплено ссылками на сведения ЛЛ и ИЛ о взятии Переяславля монголами и на выводы А.А. Горского и Н.Н. Коринного. Эти летописи не дают оснований для выводов о контроле над Переяславлем владимирских Рюриковичей. Поэтому лишь ссылки на выводы А.А. Горского и Н.Н. Коринного стали опорой подобного заявления.

⁹⁴ Хрусталева Д.Г. Русь: от нашествия до «ига» (30–40 гг. XIII в.). СПб., 2004. С. 25.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ ЛЛ. Стб. 438.

⁹⁷ ЛЛ. Стб. 442.

⁹⁸ Хрусталева Д.Г. Указ. соч. С. 25.

Как видно из историографии проблемы, взгляды исследователей на «переплетенность» политики владимирских князей и истории Переяславля в первой трети XIII в. составляют обширный спектр вариантов. Из них с опорой на источники предстоит выбрать самый корректный.

§ 2. Основные проблемы исследования истории Переяславля-Русского первой трети XIII в.

Обзор всех версий судьбы Переяславля-Русского в начале XIII в. показывает, что его история восстанавливается на основе весьма скудного набора сведений и авторских подходов к решению разных проблем, почерпнутых из разных летописей и труда В.Н. Татищева:

1. В 1206 г. черниговский князь Всеволод Чермный согнал со стола в Переяславле-Южном князя Ярослава Всеволодовича и отправил к отцу во Владимир-на-Клязьме.

2. Место Ярослава занял Михаил Всеволодович.

3. После борьбы в Переяславле вокняжился Владимир Рюрикович.

4. Поскольку Владимир Рюрикович не упомянут в дальнейшем на княжении в Переяславле, то историки обсуждают, кто там княжил до 1213 г. (Ольговичи или Ростиславичи), когда Георгий Всеволодович направил туда брата Владимира.

5. В период 1207–1213 гг. Переяславль вновь оказался в руках владимирских князей. Только когда и при каких условиях: при жизни Всеволода Большое Гнездо или после, с одобрения Ольговичей или Ростиславичей?

6. При спорных обстоятельствах в период 1213–1215 гг. в Переяславле княжил Владимир Всеволодович.

7. Не ясна судьба княжения после пленения половцами Владимира Всеволодовича в 1215 г.: перешел ли Переяславль в руки Ростиславичей (если да, то до какого момента они контролировали его?) – ответ на этот вопрос зависит от степени доверия известию трех летописей (Московский свод конца XV в., Воскресенская летопись, ЕРМ).

8. Как относиться к уникальному сведению В.Н. Татищева об участии Ярослава Всеволодовича в политических акциях на юге и западе Руси в 1217 г. на стороне Мстислава Удатного; как трактовать именованное Ярослава переяславским князем?

9. От реконструкции истории Переяславля зависит решение вопросов о времени возобновления власти владимирского князя над ним к 1228 г. и о его подчинении с 1229 г. по 1239 г.

10. В ходе критического историографического обзора проблемы выявлены и отведены в сторону очевидные ошибки и несуразности, упоминать о которых больше нет необходимости.

Предшествующими исследованиями очерчен максимальный круг источников (ЛЛ, ИЛ, Воскресенская, ЕРМ, Никоновская, НПЛ, Московский великокняжеский свод, известия Тагищева), сведения которых о Переяславле в первой трети XIII в. противоречивы. Для выстраивания логической цепи гипотезы надо провести комплексное источниковедение каждого факта, сопрячь хронологию событий (по Н.Г. Бережкову) и событийный фон.

§ 3. История отношений владимирских князей с Переяславским княжеством в первой трети XIII в. (исследование)

В 1206 г. Ярослав Всеволодович был изгнан из Переяславля Всеволодом Чермным, разгневавшимся на него за попытку искать Галич под его братией, князьями из Чернигова. На место Ярослава был посажен сын Всеволода Чермного. Об этом сведения содержатся в Лаврентьевской летописи⁹⁹. Имя нового переяславского князя в ней не сообщается. Его можно установить – Михаил Всеволодович – по Никоновской летописи¹⁰⁰. Это известие могло попасть в Никоновскую летопись из южнорусского источника, сведения которого проявлялись в уникальных сообщениях с конца XI до начала XIII в. Но Б.М. Клосс, чье мнение приведено, не указал в их числе имени Михаила Всеволодовича¹⁰¹. В качестве догадки можно предположить: в этой замене Ярослава Всеволодовича на Михаила Всеволодовича на столе в Переяславле крылись истоки их конфликта, проявившегося в борьбе за Новгород в 1220–1230-е гг.

Осенью того же 1206 г. (устанавливается по приходу в сентябре Ярослава в Суздаль и по дате зимнего похода Всеволода Чермного на Киев) Рюрик Ростиславич вместе с сыновьями, племянниками и половцами выгнал из Киева Всеволода Чермного, а из Переяславля – его сына. В Переяславле вокняжился Владимир Рюрикович¹⁰². Зимой 1206/

⁹⁹ ЛЛ. Стб. 427–428.

¹⁰⁰ Никоновская летопись. С. 51, 52.

¹⁰¹ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XIV–XVII веков. М., 1980. С. 185–186.

¹⁰² ЛЛ. Стб. 428.

1207 г. Всеволод Чермный неудачно пытался вернуть Киев и Переяславль¹⁰³.

Более успешной для Всеволода Черного стала летняя кампания 1207 г. Он вместе с родственниками и Святополчичами из Турова и Пинска вынудил Рюрика Ростиславича уйти из Киева в Смоленск¹⁰⁴. Очевидно, заняв Киев, Всеволод Чермный не оставил без внимания Переяславль, поскольку вопрос обладания им сопрягался с личностью того, кто занимал киевский стол после изгнания в 1206 г. Ярослава Всеволодовича в Залесскую землю.

Следующий рассказ ЛЛ посвящен походу Всеволода Юрьевича в том же 1207 г. на Всеволода Черного¹⁰⁵. Решение Всеволода Большое Гнездо в летописи мотивировано тем, что Ольговичи воюют Русскую землю вместе с погаными (подразумевалась попытка Всеволода Черного зимой 1206/1207 занять Киев, где он задействовал половцев), а Русская земля является отчиной и для владимирских князей («а нам не отчина ли»). Поэтому Всеволод Юрьевич решил идти на Чернигов. Для этого был вызван сын Константин с новгородской ратью¹⁰⁶. В Никоновской летописи к мотивам Всеволода III добавлено:

«...хочу ити къ Чернигову на Ольговичевъ, понеже убо и сына моего Ярослава выгнаша з везчестіемъ из града изъ Переаславля Русскаго»¹⁰⁷.

Если доверять этому известию, то надо отметить, что изгнание Ярослава из Переяславля вызвало желание его отца восстановить права на его стол, наряду с необходимостью покарать Ольговичей. Но поход Всеволода III на Ольговичей обернулся схваткой с рязанскими князьями.

Почему же с 1206 г. Переяславль-Русский стал играть важную роль в политической борьбе, масштабы которой достигли общерусского уровня? В 1205 г. со смертью Романа Мстиславича закончилась целая эпоха, когда на юге Руси с 1195 г. велась борьба между ним и его тестем Рюриком Ростиславичем за Киев. При этом обе стороны пользовались помощью Ольговичей, не имевших до вокняжения в Чернигове в 1204 г. Всеволода Черного полновесного лидера. Всеволод Большое Гнездо

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. С. 429.

¹⁰⁵ Там же. С. 429–430.

¹⁰⁶ НПЛ. С. 50, 247.

¹⁰⁷ Никоновская летопись. С. 54.

следил за этой борьбой на юге Руси и вмешивался в нее, чтобы поддерживать выгодный ему баланс сил¹⁰⁸. Остальные части Руси (Новгород, Рязань, Туров, Витебск, Полоцк, Переяславль-Русский) тяготели к разным полюсам – Владимир-на Клязьме, Смоленск, Волынь. Даже когда Роману Мстиславичу в 1204 г. удалось постричь в монахи Рюрика Ростиславича¹⁰⁹, Всеволод Юрьевич сделал все, чтобы смягчить последствия этого события, и способствовал возвращению в Киев смоленского князя Ростислава Рюриковича.

Не случайно, на наш взгляд, именно в это время (1195–1205 гг.) Всеволод начал наращивать свое присутствие в Южной Руси, вспомнив о своей отчине – Переяславле. В 1194 г. по указанию Всеволода III был возобновлен Остерский Городец – владение отца, разоренное в середине XII в. А в 1197 г. Всеволод направил в Переяславль епископа Павла¹¹⁰. В 1190-е гг. здесь, по сведению В.Н. Татищева, княжил сын Всеволода – Константин¹¹¹, смененный Ярославом Мстиславичем. В

¹⁰⁸ В этом абзаце приводятся мысли Дж. Феннела, с обзорной трактовкой которого событий на Руси в 1195–1205 гг. мы в целом согласны. – См.: *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси... С. 66.

¹⁰⁹ ЛЛ. Стб. 420; НПЛ. С. 240.

¹¹⁰ ЛЛ. Стб. 414.

¹¹¹ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. III. С. 164, 165, 167. На с. 164 отправка Константина в Переяславль датируется 1196 г. На с. 165 сообщение о княжении Константина в Переяславле сопряжено по смыслу со сведением о прибытии в город епископа Павла. Н.Г. Бережков датировал эту статью Лаврентьевской летописи 1197 г. (*Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания... С. 86). В следующем 1198 г. (у В.Н. Татищева – в 1199 г.) состоялся поход Всеволода и Константина на половцев, и в Переяславле умер Ярослав Мстиславич. То есть в промежуток 1197–1198 гг. Ярослав заменил Константина в Переяславле, если доверять сведениям «Истории Российской» В.Н. Татищева. На момент предполагаемой посылки Константина на княжение в Переяславль ему было 11 лет (о дате рождения Константина – см.: ЛЛ. Стб. 396–397; *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания... С. 82–83), годом раньше Константин женился (Московский летописный свод. С. 95; Воскресенская летопись. С. 102–103; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. X. М., 2000. С. 23; *Татищев В. Н.* История Российская. Т. III. С. 160; Т. IV. С. 320). Возраст Константина в 1196 г. не противоречил практике Всеволода Юрьевича назначать на столы малолетних сыновей. Например, в 1199 г. Всеволод отправил в Новгород своего 4-летнего сына Святослава; в 1200 г. Всеволод послал в Переяславль-

целях укрепления за собой Переяславля, очевидно, Всеволод Большое Гнездо в 1198 г. осуществил поход на половцев, в толковании которого существует много точек зрения¹¹². Именно из годовой статьи, где есть сообщение об этом походе, следует, что в Переяславле находился Ярослав Мстиславич. В 1200 г., после смерти в 1198 г. Ярослава Мстиславича, Всеволод Большое Гнездо утвердил в Переяславле сына Ярослава¹¹³. Тот вместе с волынским князем Романом ходил на половцев. В 1205 г. Всеволод женил сына на внучке Кончака – хана донских половцев, часто нападавших на Переяславль¹¹⁴. Благодаря таким мерам Всеволод Юрьевич добился огромного влияния на юге Руси.

Все изменилось после гибели Романа Мстиславича в 1205 г. Борьбу на юге Руси повели Ольговичи и смоленский князь Рюрик Ростиславич. Всем приходилось тратить много сил для контроля над Галицко-Волынским княжеством. События такого масштаба не мог контролировать даже Всеволод III. С другой стороны, все Рюриковичи, которые добивались господства на юге Руси и действовали с оглядкой на Владимира, теперь стремились покончить с навязчивой опекой, идущей отсюда. Это стало причиной изгнания сына владимирского князя из Переяславля-Южного в 1206 г. Для Ольговичей, ведших борьбу с Рюриком Ростиславичем за контроль над югом Руси от Чернигова до границ Галича, Переяславль был важным пунктом. Обладание им позволяло свети на нет влияние владимирского князя, полностью контролировать Степь и чувствовать себя в безопасности в Киеве, прикрытым с запада Галицко-Волынским княжеством. Ведь там сидели его родственники – Иго-

Русский 10-летнего сына Ярослава. В силу этих обстоятельств можно было бы выдвинуть гипотезу, что Константин княжил в Переяславле в период 1196–1197 гг.: за это время летописи не упоминают этого князя; можно было бы считать, что Всеволод Юрьевич цепко держался за это княжество. Но в I редакции II части «Истории Российской» информации о княжении Константина в Переяславле нет – см.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. С. 323–324. Взаимоисключение сведений двух редакций «Истории Российской» вынуждает классифицировать княжение Константина в Переяславле в 1196–1197 гг. лишь как догадку.

¹¹² Обзор мнений в историографии см.: *Досаев А.С., Кузнецов А.А.* Поход князя Всеволода Юрьевича на половцев 1198 (1199) г. // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Вып. 1 (3). Нижний Новгород, 2004. С. 90–94.

¹¹³ ЛЛ. Стб. 416.

¹¹⁴ ЛЛ. Стб. 426.

ревичи. Соответственно, противники Ольговичей – смоленские князья, как только их лишали места в Южной Руси, пытались выбить черниговцев со столов в Переяславле и Галицко-Волынской Руси. Поэтому Переяславль с 1206 г. начал играть важную роль и стал часто упоминаться на страницах летописей вместе с Киевом, когда оттуда выбивали либо Ольговичей, либо Ростиславичей. Позднее Переяславль уже не упоминался летописцами. Можно было бы сделать допущение, что он переходил в руки того, кто утверждался в Киеве. А таким князем стал Рюрик Ростиславич, правивший в Киеве с 1207 г. по 1210 г. Источники не позволяют принять это предположение.

Рюрик, воспользовавшись тем, что силы и внимание Ольговичей были отвлечены действиями Всеволода III в Рязанской земле, изгнал Всеволода Чермного из Киева и занял великокняжеский стол¹¹⁵. Во время киевского княжения Рюрика Ростиславича черниговцы лишь один раз неудачно попытались выгнать его из Киева – зимой 1208 г. О Переяславле во время княжения Рюрика Ростиславича в Киеве ничего не сообщается.

Следующее упоминание Переяславля пришлось на время, когда Всеволод Чермный вокняжился в Киеве:

«Того же лѣта съѣда Всеволодъ паки в Киевѣ а Рюрикъ Черниговѣ. Ток же весны приходиша Половци к Переяславлю и повоеваша многа села возвратишася с полономъ многымъ в свога си и многа зла створше безбожни иноплеменници»¹¹⁶.

Это сообщение ЛЛ Н.Г. Бережков датировал 1210 г.¹¹⁷. Следующее известие о Переяславле относится к 1213 г.: Георгий Всеволодович отправил туда брата Владимира. То есть между сообщениями 1207 г. и 1213 г. о владельческой принадлежности Переяславля прошло 6 лет. И за этот срок сменились владельцы княжества.

Вероятно, что с 1207 г. в Переяславле обосновались Ольговичи. Ведь Всеволод Юрьевич, замыслив поход на Чернигов, обвинил их в изгнании его сына из Переяславля. Если бы Переяславль оставался у Ростиславичей, этого обвинения, скорее всего, могло не быть, да и сами Ростиславичи становились бы обидчиками Всеволода. Видимо, когда Рюрик Ростиславич утвердился в Киеве, Переяславль остался в руках

¹¹⁵ ЛЛ. Стб. 432–433.

¹¹⁶ Там же. Стб. 435.

¹¹⁷ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания... С. 103.

Ольговичей. Возможно, так считал В.Н. Татищев, указавший в I редакции II части своего труда:

«...сведоша с Москвы брата Владимира, послаша его ко Всеволоду в Переяславль просторуской»;

во второй редакции это сведение звучит так:

«Юрий... принудил Владимира, оставя Москву, выдти. И послал его в Русь ко Всеволоду Черному, чтоб ему дал Переяславль».

В летописях нет подтверждений тезису, что Георгий Всеволодович посылал брата в Переяславль, согласуя это действие с Всеволодом Черным, якобы распорядившимся этим городом. Поэтому сведение В.Н. Татищева можно считать его интерпретацией летописных известий, что уже относится к области историографии. Оно ценно тем, что В.Н. Татищев подразумевал владение Переяславлем черниговскими князьями вплоть до 1213 г. безотносительно к тому, кто княжил в Киеве. На наш взгляд, историк упустил из поля зрения события 1210–1211 гг., когда Всеволоды Черниговский и Владимирский помирились.

На эти события обратил внимание Н.М. Карамзин. Но он, как и многие современные исследователи, дал неверное истолкование их причин. Наиболее ярко оно проявилось в исследовании Дж. Феннела:

1210 г. «...не принес Ольговичам успеха. Им не удалось изгнать Рюрика из Киева и закрепиться там. Они терпели поражение за поражением на юго-западе Руси, ...на востоке их бывший союзник Рязань была разгромлена Всеволодом III... Единственная надежда на возвращение былых успехов заключалась в том, чтобы искать поддержки у Всеволода III. Это и было проделано с некоторой долей коварства. В декабре 1210 г. Всеволоду Черному удалось убедить киевского митрополита Матфея отправиться с миссией во Владимир на Клязьме... Всеволод заключил с Ольговичами мир. Цель этой миссии была двоякой: во-первых, удалить Рюрика из Киева – митрополит Матфей, без сомнения, всей душой откликнулся на эту просьбу Всеволода Черного, поскольку главе русской церкви вряд ли могло понравиться, что на киевском престоле княжит монах-расстрига; во-вторых, просить о милосердии к рязанцам, заключенным во Владимире, – и снова Всеволоду Черному достаточно было только напомнить митрополиту, что один из его епископов находился во Владимире под стражей. Условия договора не упоминаются ни в одном из источников, но мы мо-

жем реконструировать их, анализируя последующий ход событий. Очевидно, Всеволод Чермный сделал ряд уступок. По всей вероятности, он согласился ослабить давление на рязанцев, поскольку за два года правления Всеволода III отсутствуют сведения о каких-либо новых всплесках военных действий против Суздальской земли в этом княжестве. Что касается просьб митрополита, то одна из них была выполнена частично: Всеволод III согласился выпустить жен рязанских князей... но рязанский епископ и князья остались во Владимире. По другой части поручения было достигнуто все, чего Всеволод Чермный мог только пожелать, – Всеволод получил Киев. Для закрепления мирного договора между двумя домами был заключен брак: 10 апреля 1211 г. дочь Всеволода Черного Агафья обвенчалась с сыном Всеволода III Юрием. О судьбе Рюрика летописцы сообщают подозрительно отрывочно, конспективно, туманно... По всей видимости... Рюрик находился в Чернигове на положении пленника вплоть до своей смерти в 1215 году¹¹⁸.

Информация об этих событиях, кроме сведений о судьбе Рюрика Ростиславича после 1210 г., как писал Дж. Феннел, взята из ЛЛ и Московского великокняжеского свода конца XV в.¹¹⁹

Между тем, эти источники не дают оснований для подобной интерпретации событий. Церковный аспект миссии митрополита Матфея можно осветить, пользуясь лишь сведениями В.Н. Татищева (в летописях таких известий нет)¹²⁰. Но в его труде говорится о двух посольствах митрополита Матфея в 1210 г. и 1211 г.¹²¹. Вызывает, на первый взгляд, сомнение и датировка посольства митрополита Матфея во Владимир, сделанная Дж. Феннелом. В указанных им источниках нигде не содержится прямого указания на декабрь. Годовую статью ЛЛ о посольстве Н.Г. Бережков датировал 6718 мартовским годом¹²². То есть ЛЛ ничего не дает для подобной хронологии. Почва для нее содержится в Московском летописном своде. Там сообщается, что визит митрополита Матфея был зимой, что он после договоренностей с Всеволодом III провел Рождественскую службу в соборной церкви святой Богороди-

¹¹⁸ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси... С. 71–72.

¹¹⁹ ЛЛ. Стб. 435; Московский летописный свод. С. 108.

¹²⁰ Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 183; Т. IV. С. 340.

¹²¹ Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 183, 185; Т. IV. С. 340, 341.

¹²² Бережков Н.Г. Хронология русского летописания... С. 103.

цы во Владимире¹²³. Такие же сведения содержатся в Воскресенской, Тверской, ЕРМ¹²⁴.

Датировка миссии митрополита Матфея во Владимир важна для выяснения последовательности событий в 1210–1211 гг. Как считает А.П. Пятнов, 19 апреля 1210 г. умер смоленский князь Рюрик Ростиславич. Аргументация датировки этого события была бы убедительной, если бы не основывалась на сведениях Татищева. Нет подтверждений в источниках рассуждениям о взаимных симпатиях Всеволода Юрьевича и Рюрика Ростиславича, не позволявших, по мнению А.П. Пятнова, активно действовать Всеволоду Чермному¹²⁵. Доводы А.П. Пятнова восходят через труд Р.В. Зотова к В.Н. Татищеву. Между тем, А.П. Толочко доказывает, что эти сведения Татищева являются результатом исследовательского произвола историка XVIII в.¹²⁶ В то же время А.П. Толочко указывает, что обмена столами между Рюриком Ростиславичем и Всеволодом Чермным не было, что Рюрик Ростиславич не умирал на черниговском столе. Это стало результатом ошибочного переписывания текста. Из него могло следовать, что Рюрик Ростиславич ушел обратно в монахи и «умер в чернечестве»¹²⁷. Так или иначе, но в 1210 г. Рюрик Ростиславич ушел с политической сцены, а потому важную роль там стал играть Всеволод Чермный.

Согласование двух дат – «смерти» Рюрика Ростиславича и визита во Владимир митрополита Матфея – позволяет дать иную картину событий в 1210–1211 гг. на юге Руси. Эта картина отлична от той, что дал Дж. Феннел, объясняя обстоятельства и движущие силы посольства Матфея.

Прежде чем приступить к реконструкции, надо решить вопрос о двух визитах митрополита Матфея во Владимир. Как указано выше, сведения о них содержатся лишь в «Истории Российской». Дж. Феннел, выборочно используя их, предпочитает ими дополнять и объяснять относительно скудные сведения ЛЛ и Московского великокняжеского свода. Сведения о первом посольстве у В.Н. Татищева близки к летописным: Всеволод Ольгович просит мира, пытается облегчить участь рязанских епископа, князей и их жен, эти желания выполняются час-

¹²³ Московский летописный свод. С. 108.

¹²⁴ Тверской сборник. Стб. 309; Воскресенская летопись. С. 117; ЕРМ. С. 63.

¹²⁵ Пятнов А.П. Указ. соч. С. 85–87.

¹²⁶ Толочко А.П. Указ. соч. С. 458–468.

¹²⁷ Там же. С. 468–469.

тично¹²⁸. После успешной миссии Матфея сообщается о том, что Всеволод Чермный вокняжился в Киеве, а Рюрик – в Чернигове, что той же весной (в ЛЛ) половцы разоряли окрестности Переяславля¹²⁹. То же самое есть и у В.Н. Татищева, но его известие, более пространное и детализированное, предшествует сообщению о смерти Рюрика Ростиславича. Затем Татищев повествует о втором посольстве Матфея.

Сообщение В.Н. Татищева о втором посольстве несет дополнительную информацию, которой нет в летописях:

«Всеволод, опасаясь великого князя Всеволода Юрьевича, паки послал к нему митрополита Матфея просить о мире и о любви. Митрополит же, пришед, упросил Всеволода, чтоб ему позволял быть на Киеве, и мир с ним учинил. А при том учинили договор о браке дочери Всеволода Чермнаго за Юрия Всеволодовича, понеже первая его княгиня умре. И послал Всеволод Юрьевич в Киев сына своего Константина со княгинею и бояры знатнейших с женами и со многими дарами невестке своей. Всеволод же Святославич, приняв Константина с честью великою, и держал их в Киеве до весны во всяком довольствии»¹³⁰.

В I редакции II части «Истории Российской» Татищев дал это же сообщение более кратко:

«Князь же великий Всеволод киевский посла к великому князю Всеволоду Юрьевичу о любви и мире митрополита Матфея. И учиниша мир, помолвиша дщерь его за Юрия Всеволодовича володимерского. И посла Всеволод в Киев сына своего Константина со княгинею, посла же бояр многих со женами по дщерь Всеволожу. И князь великий Всеволод Святославич прият я с честью и держа я у себя до весны»¹³¹.

В этом варианте нет очень важного замечания, что Георгий Всеволодович второй раз вступал в брак, а оно могло бы объяснить, почему князь в возрасте 23 лет только-только женился. Но, увы, больше нигде

¹²⁸ В данном случае представлена не критическая компиляция сведений ЛЛ, Московского летописного свода и В.Н. Татищева, что есть результат потребительского использования данных источников.

¹²⁹ ЛЛ. Стб. 435; Московский летописный свод. С. 108; Никоновская летопись. С. 62.

¹³⁰ Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 185.

¹³¹ Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. С. 341.

это сведение В.Н. Татищева не подтверждается, и его с равным основанием можно считать добавлением автора или уникальной информацией. В отличие от нее указание В.Н. Татищева на поездку в Киев Константина с княгиней за невестой Георгию Всеволодовичу повторено дважды — и в первой и во второй редакции, но также отсутствует в летописных источниках.

Уникальная информация о втором посольстве митрополита Матфея может быть лишь повтором сведений о все том же декабрьском его визите во Владимир, почерпнутых из не дошедшего до нас источника. Объединение общераспространенного в летописях сведения о «первом» посольстве Матфея во Владимир и уникальной информации о «втором» его посольстве позволили В.Н. Татищеву избежать хронологических увязок. При соединении этих двух известий с реалиями, почерпнутыми в летописях и у В.Н. Татищева, получается цельная картина: в апреле 1210 г. умер Рюрик Ростиславич, Киев оставался вакантным до моментов вокняжения там Всеволода Чермного; Всеволод Чермный, добившись воцеленного Киева, поспешил уладить свои отношения с тезкой из Владимира и направил туда митрополита Матфея; он добился от Всеволода Большое Гнездо подтверждения права Всеволода Чермного на киевский стол, освобождения рязанских княгинь, женитьбы сына Георгия на дочери Всеволода Чермного и поездки «доброй воли» Константина в Киев в начале январского 1211 г.; Георгий Всеволодович женился на дочери Всеволода Чермного; половцы напали на Переяславль.

Последнее можно рассматривать как допущение, хотя во всех летописях, где есть сообщение о визите (о первом у В.Н. Татищева) митрополита Матфея во Владимир, половецкое нападение упоминается после него. Правда, во II редакции II части своего труда Татищев связал набег половцев со смертью Рюрика Ростиславича:

«Половцы, уведав о смерти Рюрикове, пришли к Переяславлю и много зла учинили, не дождав съезда со Всеволодом»¹³².

В I редакции II части В.Н. Татищев говорит лишь, что половцы пришли тогда же, когда в Киеве вокняжился Всеволод Чермный¹³³. Учитывая уникальность такой связки, можно предположить, что во второй редакции проявилось авторское начало В.Н. Татищева.

Тезис о том, что «два посольства» митрополита Матфея во Влади-

¹³² Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 185.

¹³³ Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. С. 341.

мир у В.Н. Татищева есть одна и та же дипломатическая миссия, подкрепляется хронологическими соображениями и текстовыми реалиями. По данным Московского великокняжеского свода конца XV в. имеется твердая дата посольства митрополита Матфея – это декабрь 1210 г. (по Н.Г. Бережкову), а в апреле 1211 г. уже состоялся брак Георгия Всеволодовича с дочерью Всеволода Чермного. То есть за 4 месяца митрополит Матфей должен был съездить к Всеволоду Святославичу, вернуться обратно, получить согласие Всеволода Юрьевича на брак его сына, уехать обратно вместе с Константином Всеволодовичем, пробывшим в Киеве до весны, когда он сопровождал свадебный поезд. Ясно, что отведенного источниками времени для этого мало. Сам В.Н. Татищев, вероятно, затруднялся, куда поместить сведение о посольстве Матфея после соглашения о браке, скрепившем мир владимирского и черниговского князей. Это сведение было вставлено после известия о смерти Рюрика Ростиславича.

К какой летописной традиции принадлежит это уникальное сообщение, зафиксированное В.Н. Татищевым, если его признавать достоверным? У В.Н. Татищева есть ряд уникальных сведений, проливающих дополнительный свет на биографию Константина Всеволодовича: это уже упомянутые сведения о княжении Константина в Переяславле-Русском до 1198 г.; сообщения о посылке Константина в Новгород в 1205–1206 гг., когда умирала его мать, – они снабжены большим количеством деталей¹³⁴; уникальные детали о поведении Константина во время династической смуты после смерти Всеволода Юрьевича в 1212–1218 гг. (в подаче В.Н. Татищева). Эти сообщения пронизаны либо нейтрально-уважительным, либо симпатизирующим отношением. Поэтому можно было бы возвести эти сообщения к летописцу Константина, ведшегося в Ростове¹³⁵. После выхода труда А.П. Толочко, где доказывается, что Константин был любимым персонажем В.Н. Татищева¹³⁶, необходимо признать эти сообщения результатом творчества историка XVIII в.

Возвращаясь к интерпретации событий 1210–1211 гг., нужно отметить, что наличие двух непохожих, непротиворечивых сведений о посольстве Матфея естественно наводит на мысль о двух посольствах. Подобное встречается в недавней работе А.П. Пятнова, где он упомянул

¹³⁴ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. III. С. 173–174; Т. IV. С. 331.

¹³⁵ *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 135–141.

¹³⁶ *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 378–380.

о них, не обсуждая вопроса об их источниковой достоверности. События 1210–1211 гг. являются ключевыми в решении вопроса о времени и обстоятельствах перехода Переяславля-Южного под крыло владимирского князя. Дж. Феннел, разбирая мотивацию Всеволода Чермного и Матфея в посольстве к владимирскому князю, не вспомнил о причине конфликта между двумя Всеволодами – изгнании Ярослава из Переяславля. Но почему-то, по мнению Дж. Феннела, главным для Всеволода Чермного после решения вопроса о киевском княжении был «Рязанский вопрос». В сопряжении этих двух вопросов (о причине конфликта и об урегулировании положения в Рязани) надо реконструировать договор конца 1210 г.

Как следует из летописей, владимирский князь ответил на изгнание его сына Ярослава из Переяславля организацией похода на Чернигов, оборвавшегося в Рязанской земле. По мнению Дж. Феннела, Всеволод Юрьевич отказался от карательной акции против черниговцев, потому что за него эту задачу решили смоленские Ростиславичи¹³⁷. Н.Ф. Котляр, не упомянувший о конфликте между Всеволодами (черниговским и владимирским), считает, что владимирский князь из своих расчетов оказывал дипломатическую и военную поддержку Рюрику Ростиславичу, что и стало решающим фактором получения им летом 1207 г. киевского стола¹³⁸. Но при изучении рязанского похода Всеволода Юрьевича осенью 1207 – зимой 1208 гг. выводы получаются иные. Результатами похода владимирского князя стали пленение ряда рязанских князей, их жен, епископа Арсения, посажение на рязанский стол Ярослава Всеволодовича (того самого переяславского изгнанника) и «партизанская» борьба рязанских князей, избежавших плена¹³⁹. В ЛЛ говорится, что пронский князь Кир Михаил убежал к тестю в Чернигов¹⁴⁰. В НПЛ дошло известие о том, что жена Кира Михаила была захвачена войском Всеволода Большое Гнездо¹⁴¹. Соединяя сведения ЛЛ и НПЛ, можно заключить, что жена Кир Михаила была уведена в числе прочих кня-

¹³⁷ Феннел Дж. Указ. соч. С. 68–69, 70.

¹³⁸ Котляр Н.Ф. Указ. соч. С. 268.

¹³⁹ ЛЛ. Стб. 429–433. На ряд расхождений с изложением этих событий ЛЛ, содержащимся в Летописце Переяславля Суздальского, обратил внимание: Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965.

¹⁴⁰ ЛЛ. Стб. 431.

¹⁴¹ НПЛ. С. 50, 248.

гинь во Владимир, а сам он бежал в Чернигов к тестю. Имя тестя восстанавливается по Летописцу Переяславля Суздальского, Никоновской летописи – это Всеволод Чермный¹⁴². Соединение этих фактов позволяет иначе, чем Дж. Феннел, взглянуть на итоги и последствия рязанской акции Всеволода Большое Гнездо. Он захватил дочь своего обидчика и обидчика своего сына, лишил его зятя власти где-либо в Рязанской земле и посадил в Рязань того самого Ярослава, которого Всеволод Чермный изгнал из Переяславля-Русского. Можно допустить, что владимирский князь счел это равноценным ответом на оскорбительные действия Всеволода Чермного. В дальнейшей интерпретации событий можно согласиться с Дж. Феннелом: следующий удар по Всеволоду Чермному нанесли смоленские Ростиславичи, изгнав его из Киева. Но возможно допущение, не противоречащее молчанию источников, что Переяславль-Южный остался в руках черниговцев. Всеволод Чермный теперь должен был действовать, помня, что его дочь находится во Владимире. Борьба Кира Михаила против владимирцев носила автономный характер и не могла уже открыто поддерживаться Всеволодом Чермным.

Поэтому вопрос о Рязани, её князьях и их женах стал одним из самых важных на переговорах с митрополитом, прибывшим во Владимир в 1210 г. Освобождение княгинь и епископа Арсения стало уступкой Всеволода Большое Гнездо Всеволоду Чермному. Следующим шагом в налаживании владимирско-черниговских отношений стало заключение брака Георгия Всеволодовича и дочери Всеволода Чермного в 1211 г., после чего

«бѣ князь Юрьн со княземъ Кирѣ Муханломъ Всеволодовичемъ Рязанскимъ своаки»¹⁴³.

Рязанских князей Всеволод Юрьевич не освободил¹⁴⁴. В результате переговоров и брачного союза Всеволод Чермный вызволил свою дочь и, возможно, способствовал утверждению в Рязанской земле (хотя бы в Пронске) Кира Михаила, обеспечивал дружеский нейтралитет владимирского князя.

Что же получил Всеволод III?

¹⁴² Летописец Переяславля Суздальского. М., 1851. С. 108 (Ссылка по: Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 132); Никоновская летопись. С. 56, 57.

¹⁴³ Никоновская летопись. С. 63.

¹⁴⁴ ЛЛ. Стб. 437.

Исходя из летописных сведений, с чем согласны многие ученые, он довольствовался признанием своего верховенства из уст Всеволода Черного, относительным успокоением Рязанской земли. Но для политика такого масштаба этого все-таки мало. Данный мир заключался в тяжелых политических условиях для обоих Всеволодов. Условия создали смоленские князья. Несмотря на то, что после ухода с политической сцены Рюрика Ростиславича у Ольговичей появилась возможность занять Киев, Ростиславичи давили со стороны Галицко-Волынской земли, где им удалось закрепиться¹⁴⁵. Зимой 1208–1209 гг. Мстислав Удатный (из Ростиславичей) пресек в Новгороде властную монополию владимирского князя, попытки последнего вернуть её не увенчались успехом¹⁴⁶. То есть возможный для первых лет XIII в. союз Смоленска и Владимира уже не действовал, оба Всеволода противостояли растущему влиянию Ростиславичей на юге и севере Руси. В силу этого трудно принять допущение Н.Ф. Котляра, что митрополит Матфей в 1210 г. был послан Рюриком Ростиславичем во Владимир для того, чтобы

«утвердить... странный и до сих пор вызывающий споры среди историков обмен Киева на Чернигов, происшедший между главами двух наиболее могущественных кланов Южной Руси», когда «Рюрик Ростиславич перебрался в родовое гнездо Ольговичей Чернигов, где у него не было ни популярности, ни поддержки, и который, вероятно, всегда представлялся ему чужим и опасным»¹⁴⁷.

Нужно еще раз (с опорой на А.П. Толочко) напомнить об устранении в 1210 г. Рюрика Ростиславича (вопрос об этом, о времени смерти Рюрика Ростиславича вообще не рассматривается Н.Ф. Котляром) и отправке после этого посольства Матфея уже Всеволодом Черным. Н.Ф. Котляр не сопрягает сведения о посольстве Матфея и свадьбе Георгия Всеволодовича. Этот брак, по мнению Н.Ф. Котляра, преследовал следующие цели: Всеволод Юрьевич хотел изгнать Мстислава Удатного из Новгорода, а Всеволод Черный хотел покончить с гегемонией Ростиславичей в южной Руси¹⁴⁸. Противоречит такому объяснению то, что Рюрик Ростиславич сам принадлежал к смоленским князьям, а его судьба после ухода в Чернигов не оговорена Н.Ф. Котляром. На наш

¹⁴⁵ Московский летописный свод. С. 108.

¹⁴⁶ НПЛ. С. 51–52, 249.

¹⁴⁷ Котляр Н.Ф. Указ. соч. С. 270.

¹⁴⁸ Там же. С. 271.

взгляд, трактовки Дж. Феннелом и Н.Ф. Котляром причин сближения двух Всеволодов в 1210–1211 гг. сходятся в излишнем абстрагировании политической доктрины Всеволода Большое Гнездо и в отказе от решения конкретных проблем.

Поэтому при заключении мира в 1210–1211 гг. должны были быть уступки со стороны Всеволода Чермного. Одной из таких уступок мог быть его отказ от Переяславля-Южного и признание прав на него владимирского князя. В целом, такое объяснение можно найти у Н.М. Карамзина: вероятнее всего было одно посольство, в ходе которого были решены многие вопросы. Сведения «Российской истории» В.Н. Татищева о том, что Георгий Всеволодович направил брата Владимира к Всеволоду Чермному, чтобы тот дал ему Переяславль, предположительно можно охарактеризовать как авторский вклад самого историка. И к этому допущению можно отнестись с определенной долей внимания, поскольку оно не исключает возможности согласования действия Георгия Всеволодовича с тестем, после смерти своего отца в 1212 г., в борьбе с братом Константином¹⁴⁹.

Таким образом, брак Георгия Всеволодовича в 1211 г. стал решением многих важных проблем и знаменовал крупный поворот в политике Всеволода Большое Гнездо: от союза с Ростиславичами и конфронтации с Ольговичами к сближению с последними. Возможно, такой поворот был обусловлен вытеснением Всеволода и его детей Мстиславом Удатным из Новгорода. Это вытеснение было компенсировано получением Переяславля и участием в южнорусской борьбе, где Всеволод Большое Гнездо пытался сохранить положение неустойчивого равновесия в противоборстве других княжеских группировок. Но владимирский князь оставлял за собой свободу маневра благодаря браку старшего сына Константина, женатого на дочери смоленского князя¹⁵⁰. Также дочь Всеволода Юрьевича – Верхуслава – была выдана за Ростислава Рюриковича¹⁵¹. Таким образом, Всеволод III опять оказывался над схваткой. После его смерти такая брачная политика стала раскалывать княжество, чьи лидеры Георгий и Константин ориентировались на разные внешние силы. В итоге это привело к битве на Липице. Перед ней разные дети Всеволода усилили этот разлом. Ярослав женился в

¹⁴⁹ Если бы не смерть Всеволода Чермного в том же 1212 г., о чем будет сказано ниже.

¹⁵⁰ Московский летописный свод. С. 95.

¹⁵¹ ЛЛ. Стб. 407.

1213 г. на дочери Мстислава Удатного¹⁵², а Владимир в 1215 г. – на дочери Глеба Святославича (Черниговского).

Брак последнего оказался связанным с вопросом о Переяславле, куда Владимир (недавний союзник Константина) был отправлен Георгием Всеволодовичем. Отправлен с тем, чтобы исключить его из борьбы и занять отчину. Сообщение ЛЛ о том, что Георгий направил брата «на отчину свою»¹⁵³, позволяет классифицировать сведение об этом же у В.Н. Татищева в иной трактовке как авторский домысел. Косвенным свидетельством того, что Переяславль с 1211 г. опять оказался в руках владимирского князя, является появление в летописях «переяславских» известий: годом свадьбы Георгия отмечен набег половцев на Переяславль¹⁵⁴; затем летописи отмечают женитьбу Владимира Всеволодовича на дочери Глеба Черниговского в 1215 г., его битву с половцами и плен¹⁵⁵.

Кроме отправки Владимира Всеволодовича в Переяславль-Русский, его брака и плена переяславцы упоминаются еще раз. В.Н. Татищев сообщает о походе Мстислава Удатного на Киев 1212 г. (и датирует его 1214 г.) и описывает битву под Вышгородом с упоминанием переяславцев:

«Тогда Всеволод, выступя из Киева со всеми полками и приблизясь, стал противу Мстислава. Мстислав Романович устроил полки своя, Мстислава Мстиславича с новгородцы налеве противу черниговским полкам, сам со смоляны в середине противу киевлян, направе Ростислав с братиею со своими полки и плесковичи противу переяславец и черных клобуков. И была сеча великая... А переяславцы, не бився со псковичи, отошли и пошли тихо мимо Киева к Переяславлю»¹⁵⁶.

В летописях «переяславльской» детали не встречается. Н.Г. Береж-

¹⁵² Кучкин В.А. К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования (далее – ДГ), 1985. М., 1986. С. 74–75. Обстоятельства заключения этого брака не ясны. Возможно, проливает некоторый свет на них то, что Ярослав в свою бытность переяславльским князем обеспечивал связь отца со смоленскими князьями, которые бывали в Переяславле (ЛЛ. Стб. 420).

¹⁵³ ЛЛ. Стб. 438.

¹⁵⁴ Там же. Стб. 435.

¹⁵⁵ Там же. Стб. 438.

¹⁵⁶ Татищев В. Н. История Российская. Т. III. С. 190 (цитата дана по второй редакции); Т. IV. С. 345.

ков датировал эти события, описанные в НПЛ, 1212 г. Такая датировка имеется в Московском летописном своде конце XV в., Воскресенской и ЕРМ летописях. Примечательно, что они упоминают смерть Всеволода Святославича Черного в ходе этих событий, то есть в 1212 г.¹⁵⁷ Попытка согласования и интерпретации данного сведения и нижеуказанных фактов может дать дополнительные данные для решения ряда проблем.

Нельзя четко определить характер упоминания переяславцев у В.Н. Татищева – это уникальное сведение или его истолкование. Для последнего не видится прямых оснований. Нельзя угадать интерес Татищева для «изобретения» такой детали. Если же она является отголоском реальных событий, донесшемся лишь в труде историка XVIII в., то позволяет говорить об ориентации Переяславля и его жителей в 1212 г., после смерти Всеволода Юрьевича и до смерти Всеволода Черного. В это время переяславцы выступают союзниками черниговских князей, что не противоречит возникшему в 1210–1211 гг. черниговско-владимирскому союзу и его предполагаемым условиям. Всеволод Черный мог передать власть над Переяславлем владимирскому князю, и переяславцы могли выступить на стороне Ольговичей, когда над теми нависла смоленская угроза. Дезертирство переяславцев в битве под Вышгородом может демонстрировать их нерешительность в изменившихся условиях, когда умер владимирский князь. В качестве допущения можно высказать, что именно это сообщение повлияло на ход рассуждений В.Н. Татищева, считавшего, что в 1213 г. Георгий Всеволодович послал своего брата Владимира в Переяславль под опеку черниговского Всеволода.

Еще одним аргументом для В.Н. Татищева стала смерть Всеволода Черного, случившаяся, по его источникам, после похода Ростиславичей на Киев в 1212 г. Надо отметить, что большинство источников, дающих сведения об этом походе, повествует, что эти события увенчались соглашением между Ольговичами и Ростиславичами. И если сведения В.Н. Татищева достоверны, то надо предполагать суверенитет над Переяславлем владимирского князя, пославшего в 1213 г. туда своего брата. Такой поворот событий был возможен, если договоренности Глеба Святославича и Ростиславичей не касались судьбы Переяславля. С другой стороны, Георгий Всеволодович, обеспокоенный положением дел

¹⁵⁷ Московский летописный свод. С. 109; Воскресенская летопись. С. 118; ЕРМ. С. 63.

на юге, уходом с политической сцены своего тестя, спешил напомнить о своем присутствии в Переяславле. Для В.Н. Татищева же эти договоренности подтверждали пребывание города под рукой Всеволода Чермного.

Подобные допущения обуславливались особенностями источников, использованных В.Н. Татищевым. При составлении текста В.Н. Татищев сводил вместе материалы разных летописных традиций и спутывал их хронологическую последовательность, как это было, возможно, в случае с рассказом о посольстве митрополита Матфея. В данном случае В.Н. Татищев в рассказе о походе смоленских князей в 1212 г. использовал сведения, близкие к НПЛ (нет сведения о смерти Всеволода Чермного), Никоновской летописи, Тверской летописи, Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского, Новгородской IV летописи (о смерти Всеволода Чермного не сообщается), Новгородской Карамзинской летописи. В ряде этих летописей указывается, что Всеволод княжил в Киеве 10 лет¹⁵⁸. Маркером сообщения данной традиции в разных летописях является фраза о том, что 1 февраля, в неделю сыропустную, был гром по заутрени. Это сочетание дат светского и церковного календарей позволило Н.Г. Бережкову определить январский 1212 г. в НПЛ. Информацией об этом В.Н. Татищев не владел.

Типографская летопись дает другое чтение, близкое к Московскому великокняжескому своду конца XV в., ЕРМ, Воскресенской летописи¹⁵⁹. В Тверской летописи также есть сообщение под 1212 г. о походе Мстислава Удатного из Новгорода с другими Ростиславичами против Всеволода Чермного с сообщением о его смерти¹⁶⁰. В Тверской летописи произошло дублирование двух традиций:

- 1) ЕРМ, Московский великокняжеский свод, Воскресенская летопись, Типографская летопись – 1212 г. (с упоминанием в отдельных случаях о смерти Всеволода Чермного);
- 2) НПЛ, НIVЛ, Никоновская и др. – 1214 г. (без упоминания о смерти Всеволода Чермного вообще), сведения об одном факте бегства Всеволода за Днепр.

Эти дублированные в Тверской летописи сообщения рвутся

¹⁵⁸ НПЛ. С. 52–53, 251–252; Никоновская летопись. С. 66–67; Тверская летопись. Стб. 313–315; Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // ПСРЛ. Т. XLIII. М., 2004 (далее – НЛД). С. 79; НIVЛ. С. 184–185.

¹⁵⁹ Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. М., 2000. С. 86.

¹⁶⁰ Тверская летопись. Стб. 312.

сообщением о посылке Владимира Всеволодовича в Переяславль в 1213 г. Георгием Всеволодовичем.

В силу вышеуказанных рассуждений можно предположить, что В.Н. Татишев в рассказе о битве между Ольговичами и Ростиславичами под Вышгородом в 1212 г. (историк датировал её 1214 г.) использовал уникальное сведение об участии в битве переяславцев на стороне первых. Именно это сообщение заставило историка XVIII в. решать вопрос о принадлежности Переяславского княжества в 1212–1214 гг. Это решение должно выглядеть так: в 1213 г. Владимир Всеволодович был послан братом Георгием к Всеволоду Чермному, чтобы тот дал Переяславль. Только при таком условии В.Н. Татишев мог объяснить, почему переяславцы выступили на стороне Ольговичей в битве под Вышгородом в 1214 г.

Смерть Всеволода Чермного после 1214 г. – допущение В.Н. Татишева, объясняющего исчезновение этой масштабной фигуры со страниц летописей и брак Владимира Всеволодовича с дочерью Глеба Святославича, который должен был принять эстафету доминирования на юге Руси. Это допущение сильно повлияло на историографию. Н.М. Карамзин избежал этого соблазна и датировал смерть Всеволода Чермного 1212 г., поскольку пользовался Воскресенской летописью¹⁶¹. М.П. Погодин датировал смерть Всеволода Чермного и связанные с ней события 1214 г.¹⁶². С.М. Соловьев отнес смерть Всеволода Чермного к 1214 г., уже после ухода Владимира Всеволодовича в Переяславль¹⁶³. Без сомнения, об этом же говорил В. Ляскоронский, упомянув, что Всеволоду Чермному из Переяславля на помощь пришел Глеб Святославич¹⁶⁴. Так же считал В.В. Мавродин:

«В 1214 г. умер Всеволод Чермный, а через год скончался в Чернигове Рюрик»¹⁶⁵.

П.П. Толочко согласился с тем, что Ольговичи перестали домини-

¹⁶¹ Карамзин И.М. История Государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 437, 579–580.

¹⁶² Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. Т. II. М., 1871. С. 431.

¹⁶³ Соловьев С.М. История России... // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. Т. III. М., 1993. С. 609–611.

¹⁶⁴ Ляскоронский В. История Переяславльской земли... С. 443–444.

¹⁶⁵ Мавродин В.В. Очерки истории левобережной... С. 344.

ровать на юге Руси с 1214 г.¹⁶⁶, и указал на дату смерти Всеволода Чермного:

«...в 1210 г. князья обменялись престолами. Всеволод занял Киев, а Рюрик – Чернигов. Здесь же в 1212 г. он и закончил свою драматическую жизнь. Характерно, что в том же году умер и третий герой... – Всеволод Юрьевич. Только на два года пережит их Всеволод Чермный»¹⁶⁷.

Д.Н. Александров совместил мнение В.Н. Татищева с известиями летописей о поражении Всеволода Чермного в 1212 г.:

«В 1212 г. черниговские князья потерпели поражение. Всеволод Святославич вынужден был удалиться в Чернигов и в 1214 г. умер»¹⁶⁸.

Таким образом, догадка Татищева повлияла на историографию Древней Руси. Мнения, основанные на ней, сосуществуют с гипотезами, восходящими к Н.М. Карамзину (Г.Н. Вернадский, Н.Г. Бережков, Н.Ф. Котляр, Дж. Феннел, А.А. Горский¹⁶⁹).

Рассмотренные выше сведения источников и историографические мнения не противоречат предположению, что в 1210–1211 гг. при заключении политического союза Владимира и Чернигова Переяславль-Южный перешел под власть Всеволода Большое Гнездо и оставался во власти владимирских князей до 1215 г., когда княживший там Владимир Всеволодович был пленен половцами. Последующая судьба Переяславского княжества была рассмотрена Дж. Феннелом, считавшим (со ссылкой на Московский великокняжеский свод конца XV в. (это сведение повторено в Воскресенской летописи)), что после возможной организации пленения Владимира Всеволодовича половцами в Переяславле утвердились Ростиславичи.

Как же в других летописях подано сообщение о походе Мстислава Удатного из Киева в Новгород, против зятя Ярослава? В ЛЛ сообщение о выступлении Мстислава Удатного против Ярослава Всеволодовича отсутствует. В НПЛ о походе Мстислава Удатного сообщается на мо-

¹⁶⁶ Толочко П.П. Древняя Русь. Киев, 1987. С. 147–148; *Он же*. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003. С. 191.

¹⁶⁷ *Он же*. Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003. С. 206.

¹⁶⁸ Александров Д.Н. Феодалная раздробленность Руси. М., 2001. С. 132, 173–174.

¹⁶⁹ Вернадский Г.В. Киевская Русь. М., 1996. С. 244; Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. М., 1996. С. 7–8.

мент его выдвижения на Новгород. Упоминается Владимир Рюрикович, что пришел со смолянами к Мстиславу Удатному уже на Вазузу, после взятия им Зубцова¹⁷⁰. Ближе к НПЛ передают сведения о выступлении Мстислава против Ярослава СІЛ, НІВЛ, Новгородская Карамзинская во второй выборке (далее – НК2), МАК, Новгородская по списку П.П. Дубровского (далее – НЛД), Тверская (с дополнениями), Никоновская (вместо Вазузы – Волга) летописи¹⁷¹.

Основной текст известия, повторяющийся во всех памятниках (маркером служит дата выступления – 1 марта), имеется и в тех летописях, которые Дж. Феннел назвал надежными в отношении сведения, что Мстислав Удатный, пойдя на Новгород, взял с собой Владимира Рюриковича из Переяславля-Русского. Этой летописью является Московский великокняжеский свод конца XV в. Тексту сообщения, распространенного в ряде памятников¹⁷², предшествует уникальное известие:

«В лѣто 6723... Тоя же зимы Мъстиславъ Мъстиславич поиде из Русн къ Новѹгородѹ Великому на Ярослава Всеволодовича, зятя своего, и поя с собою Володимера Рюриковича ис Переяславя, а ис Киева Мъстиславъ Романович посла сына своего Всеволода; и собравшя вси въ градѣ Смоленсцѣ. Новгородци же слышавше, яко Мъстиславъ стоит собрався въ Смоленцѣ, взятошася, начаша вѣча дѣяти. Ярославъ же усмотривъ то, яко нетвердо ему хощеть быти сѣдѣние, и выиде из града и поиде в Торъжекъ, а по княгиню свою посла в Новѹгород Ивора Чапоноса, и выведе княгиню свою к себѣ... Присла же к нему помощь брать его Юрьи Святослава, брата его, и Михаила Борисовича воеводу своего с полкомъ своим, а Костянтинъ присла сына своего Всеволода, и тако начаша воевати волость Торопецкѹю ис Торъжкѹ. Мъстиславъ же послышавъ, оже Ярославъ Всеволодичъ вышел из Новогорода в Торжекъ, поиде къ Новѹгородѹ, оставивъ в Смоленсцѣ Володимера и Всеволода, и пришед в Новѹгород изнима посадника... И нача Мъстиславъ посылати къ Ярославу на Торжек, глаголя: «поиде с Торъжкѹ въ свою волость, не надобна товѣ волость Новгородская». Многыци же ему

¹⁷⁰ НПЛ. С. 55 (цитата приведена по этой странице), 254–255 (приведена детально, что 1 марта – это память святой Марии Египетской).

¹⁷¹ СІЛ. Стб. 263; НІВЛ. С. 186; Новгородская Карамзинская летопись // ПСРЛ. Т. XLII. СПб., 2002 (далее – НК2). С. 107; МАК. Стб. 492; НЛД. С. 80; Тверской сборник. Стб. 317, 318; Никоновская летопись. С. 68–69.

¹⁷² Московский летописный свод. С. 111; Воскресенская летопись. С. 119.

посылающу к нему, а он о том небрежаше, но рече сице: «яко же тебѣ се отчина, тако же и мнѣ»¹⁷³.

С повторением всех этих деталей, в том числе о выходе Владимира Рюриковича из Переяславля, говорит о событии и Воскресенская летопись¹⁷⁴.

Н.Г. Бережков определил 6724 г. в НПЛ как мартовский 1216/1217 г. То есть выход Мстислава Удатного и присоединение к нему родственников из смоленского княжеского дома с войсками произошли весной 1216 г.¹⁷⁵. Привлекая для определения дат 6723 г. НПЛ данные Воскресенской летописи, Н.Г. Бережков писал:

«Датировка в Воскресенской летописи ухода Мстислава зимою 6722 г. делает вероятным, что сообщение, начинающее статью Новгородской I летописи под 6723 г., относится к концу года, предшествующего тому, которым статья обозначена и к которому относится остальное её содержание»¹⁷⁶.

Поэтому уход Мстислава из Новгорода в Киев по НПЛ можно датировать концом 1214 г. (Воскресенская летопись дает правильный год), значит, в 1215 г., как и указано в Воскресенской летописи и Московском великокняжеском своде, Мстислав Удатный выдвинулся из Киева в Новгород против Ярослава Всеволодовича, прихватив с собой из Переяславля Владимира Рюриковича, а из Киева – Всеволода Мстиславича. Это уникальное сообщение Московского великокняжеского свода и Воскресенской летописи не противоречит хронологии событий, логике их развития и последующему, самому распространенному в летописях известию о выходе Мстислава в январском 1216 г. из Новгорода против Ярослава Всеволодовича, о действиях смоленско-новгородско-псковско-ростовской коалиции во Владимирской земле и в битве на Липице и её последствиях.

В конце мартовского 1215 г. Мстислав Удатный вышел из Киева и направился к Новгороду против своего зятя Ярослава Всеволодовича. К нему из Переяславля пошёл Владимир Рюрикович. Он и другие представители рода Ростиславичей собрались в Смоленске. Туда новгородцы направили посольство к Мстиславу Удатному. Тот выдвинулся в Новгород, оставленный Ярославом. Из-за упорства Ярослава, заняв-

¹⁷³ Московский летописный свод. С. 110–111.

¹⁷⁴ Воскресенская летопись. С. 119–120.

¹⁷⁵ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания... С. 258.

¹⁷⁶ Там же.

шего Торжок и блокировавшего новгородскую торговлю, Мстислав в начале 1216 г. (1 марта) начал борьбу против него. К нему позднее присоединились его родственники, в числе которых был и Владимир Рюрикович, пришедший из Смоленска, в который он попал в конце 1215 г. Но на основании этих данных представляется проблематичным делать вывод (даже осторожно-предположительный) о том, что смоленские князья руками половцев убрали Владимира Всеволодовича из Переяславля. Скорее всего, после пленения Владимира Всеволодовича смоленские князья, под чьим контролем находилось большинство русских земель, поспешили занять важный форпост борьбы со степняками, направив туда Владимира Рюриковича.

Эти предположительные выводы не следует воспринимать как единственно возможную интерпретацию уникального сведения летописей, поскольку в поле зрения Дж. Феннела попали не все источники, донесшие сведения о походе Мстислава Удатного из Киева в Новгород. С принципиальными отклонениями подано это известие в ЕРМ:

«В лѣто 723... Тое же зимы Мстиславъ Мстиславичъ поиде из Русѣ к Новѹгороду на Ярослава Всеволодичя, зятя своего; иде с нимъ и Володимеръ Рюриковичъ, и Всеволодъ Мстиславичъ и Романовичъ, совокүпишася в Смоленсцѣ; а Новгородци, слышавъ, нача вѣча дѣяти...»¹⁷⁷.

Это же известие читается в летописных сводах 1497 г. и 1518 г.¹⁷⁸. Откуда пошел Владимир Рюрикович на соединение с Мстиславом Удатным – не говорится. Возможно, что составители ЕРМ и сводов 1497 г. и 1518 г. сократили известие южнорусского происхождения. В ином случае можно предполагать, что составители протографа Московского великокняжеского свода просто вставили словосочетание «ис Переяславля» по описке. Источником для «самодиктанта» может быть фраза, предшествующая этому сообщению, повествующая о пленении половцами Владимира Всеволодовича, княжившего в Переяславле. В рассказе о половецком пленении переяславльского князя, в сообщении о выдвижении к Мстиславу Удатному его родственника оба персонажа носят имя Владимир. Других данных для подкрепления тезиса об описке нет.

¹⁷⁷ ЕРМ. С. 64.

¹⁷⁸ Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. Т. XXVIII. М.–Л., 1963. С. 46, 204.

Так или иначе, имеются данные для двух версий об исходном пункте движения Владимира Рюриковича к Мстиславу Удатному. По одной из них он вышел из Переяславля, по другой – Переяславль не был исходным пунктом. Источниковый материал по первой версии непротиворечиво соотносится со сведениями других памятников, начинающих повествование со времени, когда Мстислав Удатный уже действует под Новгородом и в самом Новгороде против Ярослава. Придерживаясь данных Московского великокняжеского свода и Воскресенской летописи, можно полагать, что после пленения Владимира Всеволодовича смоленские князья поспешили поставить под контроль важный пункт в борьбе с кочевниками и во влиянии на Чернигов – Переяславль. Этот шаг Ростиславичей можно рассматривать как часть борьбы за доминирование на юге Руси. В данном ключе можно согласиться с упомянутой выше точкой зрения Дж. Феннела. Еще раз необходимо подчеркнуть несогласие с его мыслью, что Ростиславичи, используя свои брачные связи с половцами, подстроили пленение Владимира Всеволодовича и овладели Переяславлем. Контроль над этим городом они могли осуществлять вплоть до начала зимы, пока Мстислав Удатный не двинулся на Новгород. Если это так, то данному шагу нельзя приписывать исключительно антивладимирскую направленность. Такой меры требовало обеспечение безопасности киевского княжения.

Если следовать материалам ЕРМ, то нельзя предпринимать такой реконструкции, хотя она не противоречит источниковым данным. Надо только утверждать, что Переяславль остался безнадзорным после пленения Владимира Всеволодовича. Рассмотрение данных других источников, не всегда вызывающих полное доверие, позволяет двигаться по пути шаткой реконструкции истории Переяславля, опираясь на данные именно Московского великокняжеского свода.

Имеются в виду данные «Истории Российской» Татишева, подробно рассмотренные Дж. Феннелом. Сведения I и II редакций труда В.Н. Татишева позволяют предполагать, что речь шла о князе Ярославе Всеволодовиче, княжившем в Переяславле-Залесском. Эти известия не исключают возможности, что под словом «переяславский» скрывается факт нахождения Ярослава Всеволодовича в Переяславле-Южном. Эти события датируются В.Н. Татишевым 1219–1220 гг. Есть основания предполагать, что историк XVIII в. свел в одну годовую статью два разных сведения об одном походе. Вначале идет сообщение, близкое к сведениям других летописей (цит. по I и II редакциям «Истории Российской»):

«Мстислав Романович, князь великий, и князи Мстислав Мстиславич и инии идоша ратию на Галич. И королевич затворися во граде Галиче. Они же бишася у града половину дни и разоидошася по земли воевати, много зла сотвориша, города и селы пожгоша. А угре, елико могоша поимати, взявше с собою, возвратишася»¹⁷⁹; «Того же году Мстислав Романович, князь великий, с братаничем своим Мстиславом Мстиславичем и другими князи, собрав войска, пошли к Галичу. А королевич, не смея противо их выдти в поле, укрепился в Галиче. И руские князи, пришед к Галичу, бились половину дня, но видя, что град доставать трудно, пошли по области, многие селы и города пожгли и сколько венгров где нашли, побрав в плен, возвратились. И тако галичаном от обоих было тяжкое утеснение и разорение, понеже им как венгры, так и руские князи не вериши»¹⁸⁰.

В обеих редакциях труда Татищева за этим известием следует сообщение о походе новгородцев во главе с Всеволодом в Ливонию на Пертов¹⁸¹. Такая последовательность событий характерна для НПЛ, основную заслугу в походе на Галич приписавшей Мстиславу Удатному¹⁸². Известия обоих изводов НПЛ несколько отличны от сообщения В.Н. Татищева. В НПЛ под 6727 г. сказано, что поход Мстислава Удатного завершился взятием Галича, пленением королевича, последующим заключением мира с королем и освобождением его сына, тогда как у В.Н. Татищева, как видно из приведенных цитат, поход закончился только разорением Галичской земли. 6727 г. в НПЛ Н.Г. Бережков определил как мартовский 1218/1219 г.¹⁸³. Вероятнее всего, поход на Галич состоялся в 1218 г. Интересующее нас сообщение, где говорится о Ярославле из Переяславля, у В.Н. Татищева по смыслу, по содержанию больше совпадает с известием НПЛ, но следует как самостоятельное известие после иных рассказов.

¹⁷⁹ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. С. 358.

¹⁸⁰ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 209. Последнее предложение в цитате можно считать авторским комментарием В.Н. Татищева, согласно методике выявления «татищевских известий», предложенной Е.М. Добрушкиным – см.: *Добрушкин Е.М.* О методике изучения «татищевских известий» // *Источниковедение отечественной истории.* Сборник статей. 1976 г. М., 1977. С. 81.

¹⁸¹ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 209–210, 263; Т. IV. С. 358, 463.

¹⁸² НПЛ. С. 59–60, 260–261.

¹⁸³ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания... С. 260.

Можно предположить следующее: В.Н. Татищев, имея под рукой два известия о походе Мстислава Удатного на Галич, одно из них оборвал на том, что королевич заперся в крепости. Это было сделано для того, чтобы согласовать факты. Возможно, в связи с этим приемом В.Н. Татищев объединил в одну годовую статью события 1219 и 1220 гг. В «Истории Российской» после статьи 1219 г. идет статья 1221 г.

Если это допущение верно, то мы имеем дело с повторным проявлением методического «приема Татищева»: использование разных сведений об одном событии в качестве источника реконструкции нескольких фактов. При этом нарушалась хронологическая последовательность, и В.Н. Татищев волевым решением внес изменения в текст источникового сообщения. Такие решения влияли на дальнейшее выстраивание повествования. В сообщениях двух редакций «Истории Российской» об участии Ярослава Переяславского в походе на Полоцк это проявилось ярко. В I редакции II части присутствуют два сообщения под 1219–1220 гг. – это известие об участии Ярослава Переяславского в походе на Галич, который вслед за Н.Г. Бережковым надо датировать 1218 г., и информация:

«Князь смоленский с Ярославом переяславским ходиша на Полоцк и взяша град генваря 17 при князех Борисе и Глебе, много повоеваша»¹⁸⁴.

Во II редакции, где авторская интерпретация В.Н. Татищевым источниковых сведений проявилась достаточно полно, в обоих известиях есть изменения. В походе на Галич принимает участие Ярослав Мстиславич Переяславский. Разорил Полоцкую волость и взял два города князь смоленский, который «согласясь с Ярославом переславльским»¹⁸⁵. Очевидна связь изменений в обоих сообщениях II редакции. Если Ярослав Мстиславич Переяславский принял участие в походе на Галич, то он не относился к владимирским князьям, а потому Ярослав Всеволодович должен был находиться в состоянии вражды со своим тестем Мстиславом, отобравшим после Липицы у него жену. Поэтому участие в походе на Полоцк Ярослава переяславльского (под которым В.Н. Татищев, видимо, понимал сына Всеволода Большое Гнездо) должно было состояться в союзе с неким смоленским князем только при условии примирения (соглашения) обоих. Противоречат такому толко-

¹⁸⁴ Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. С. 360.

¹⁸⁵ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 212.

ванию Татищевым не совсем понятые им сведения о рождении до этого похода у Ярослава Всеволодовича детей: Федора (сообщение о его рождении В.Н. Татищев поместил в годовой статье 1218 г.) и Александра¹⁸⁶. Н.Г. Бережков датировал по ЛЛ рождение у Ярослава Федора 1220 г.¹⁸⁷. То есть В.Н. Татищев отнес появление Федора на свет до примирения его отца со смоленскими князьями. Отсюда – предположение, что Ярослав Всеволодович, не помирившись с тестем, не вернул жену и женился третий раз неизвестно на ком.

В.А. Кучкин в 1980-х гг. убедительно доказал, что третьего брака Ярослав не заключал¹⁸⁸, что Мстислав вернул ему жену (свою дочь), родившую Федора и Александра. В.Н. Татищев таких сведений не имел. Время примирения между тестем и зятем корректный исследователь В.А. Кучкин точно не определил. По его мнению:

«Вскоре после кончины Константина 2 февраля 1218 г. и восстановления на владимирском столе Юрия с его стороны последовали активные новгородские действия. Изменение ситуации во Владимиро-Суздальской земле (имеется в виду примирение детей Всеволода Большое Гнездо – А.К.) было одной из причин ухода Мстислава из Новгорода в Галич в 1217 г. Вероятно, тогда же или несколько позже, в 1218 г., он, чтобы умиротворить поднявших голову своих противников, и отослал обратно к Ярославу его жену, а свою дочь Ростиславу-Феодосию. Во всяком случае, примечательно, что вскоре после названных событий, в феврале 1220 г., у Ярослава и Феодосии рождается первенец Федор, а Мстислав Мстиславич и северо-восточные князья больше не враждуют друг с другом. В 1223 г. даже предполагался их общий поход вместе с другими русскими князьями против появившихся в причерноморских степях татаро-монгол...»¹⁸⁹.

Но если Федор родился в феврале 1220 г.¹⁹⁰, а поход на Галич состоялся в 1218 г., то ко второй дате и надо приближать примирение, уточ-

¹⁸⁶ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 207, 210; Т. IV. С. 357, 359.

¹⁸⁷ ЛЛ. Стб. 444, Бережков Н.Г. Хронология русского летописания... С. 106.

¹⁸⁸ Кучкин В.А. К биографии Александра Невского // ДГ. 1985 год. М., 1986. С. 71–80.

¹⁸⁹ Там же. С. 80.

¹⁹⁰ Там же. С. 79–80; Кучкин В.А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история (далее – ОИ). 1996. № 5. С. 18–19.

няя и укрепляя позиции В.А. Кучкина, насколько точно оказывается предложенная нами источниковедческая трактовка сведений 1219–1220 г., взятых из «Истории Российской» В.Н. Татищева. Только в этом случае надо изменить видение мотивов примирения Ярослава Всеволодовича и Мстислава Удатного. На наш взгляд, не последнюю роль здесь сыграл статус отца, полученный Мстиславом после брака Ярослава и его дочери.

Сообщение о рождении Александра Невского В.Н. Татищев ввел в годовую статью, где говорится о галичских походах Мстислава Удатного. Сообщение о рождении Александра Ярославича расположено между известиями о походах, причем В.Н. Татищев указал на дату рождения – 30 мая¹⁹¹. Между тем как в отечественной историографии до сих пор нет точной даты рождения героя битв 1240 и 1242 гг.:

«Летописи сохранили известия о рождениях только первого и последнего сыновей князя Ярослава. Когда родились остальные семеро, неизвестно... Когда же родился Александр?»¹⁹².

И сам В.А. Кучкин отвечает на этот вопрос после проведения остроумных и убедительных источниковедческих процедур:

«...временем рождения Александра Невского должно быть 13 мая 1221 г.»¹⁹³.

Возникают вопросы: откуда Татищев взял дату рождения Александра; является ли случайностью, что совпало указание месяца рождения В.Н. Татищевым и месяц рождения, вычисленный В.А. Кучкиным. При их решении хочется склониться к тому, что Татищев пользовался источником, не дошедшим до нас. Неправильно датировав событие, историограф вписал его в статью 1219/1220 г., куда поместил разновременные факты. Принципиально то, что рождение героя отечественной истории предшествовало объединенному походу князей на Галич. Это еще раз доказывает сложный, перспутанный характер статьи 1219/1220 гг. Это было обусловлено тем, что все имеющиеся у него данные В.Н. Татищев всеядно пытался использовать. Последствия этого до сих пор ощущаются в историографии.

¹⁹¹ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 210; Т. IV. С. 359

¹⁹² *Кучкин В.А.* Александр Невский... С. 19.

¹⁹³ Там же. С. 20; *Кучкин В.А.* О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 1986. № 2.

Еще в 1996 г. В.А. Кучкин обратил внимание на ряд необоснованных фактов в «Летописи жизни и деятельности Александра Невского»¹⁹⁴, составленной Ю.К. Бегуновым¹⁹⁵. Среди этих фактов В.А. Кучкин указал, что рождение князя отнесено к 30 мая 1220 г.¹⁹⁶ без опоры на источники. Очевидно, что источником этого утверждения стали «сведения» Татищева.

Надо признать правоту Дж. Феннела в его критике тезиса о черниговском происхождении Ярослава Мстиславича из Переяславля, участвовавшего в галичском походе 1218 г. Очевидно, что речь шла о Ярославе Всеволодовиче. ЛЛ под ультрамартовским годом повествует о смерти Константина Всеволодовича, которая датирована Н.Г. Бережковым 2 февраля 1218 г.¹⁹⁷. Тогда, узнав о смерти Константина, «Гюрги и Ярославъ... вскорѣ съѣхашася в Володимерь • и плакаша»¹⁹⁸. В следующей статье ЛЛ под 6727 г. говорится о присутствии Ярослава 7 сентября на освящении церкви¹⁹⁹. Но Н.Г. Бережков писал:

«события 6726 (1218/9) мартовского года в Лаврентьевской летописи ... опущены, а эти две статьи излагают события 6727 (1219/20) и 6728 (1220/1) мартовских годов»²⁰⁰.

То есть в ЛЛ события январского 1218 г. отсутствуют. В НПЛ события январского 1218 г. изложены в статье 6727 г. Интересно то, что той зимой Семен Емин не смог пройти Тоймокары, так как его не пропустили Георгий и Ярослав Всеволодовичи. Экспедиция вернулась в Новгород, что вызвало там политические перемены. Далее сообщается о походе Мстислава Удатного на Галич²⁰¹. Напрашивается вывод, что

¹⁹⁴ Кучкин В.А. Александр Невский... С. 30.

¹⁹⁵ Бегунов Ю.К. Летопись жизни и деятельности Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995. С. 206–209. Эту летопись с некоторыми изменениями Ю.К. Бегунов опубликовал в книге об Александре Невском; Бегунов Ю.К. Александр Невский: Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М., 2003. С. 236–241.

¹⁹⁶ Бегунов Ю.К. Летопись жизни и деятельности Александра Невского... С. 206; *Он же*. Александр Невский: Жизнь и деяния... С. 236.

¹⁹⁷ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания... С. 105, 106.

¹⁹⁸ ЛЛ. Стб. 444.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания... С. 106.

²⁰¹ НПЛ. С. 59, 260.

Ярослав Всеволодович не принимал участие в походе на Галич, поскольку не пропускал новгородцев через свою землю. Противоречит предположению замечание Н.Г. Бережкова:

«Следующее сообщение – о походе «тоя зимы» Семена Емина с 400 новгородцев «на Тоимокары». Юрий и Ярослав Всеволодовичи не пустили их «сквозе свою землю» и Емин с товарищами вернулись к Новгороду «в лодьях», т.е. с наступлением весны. Очевидно, упоминаемая в сообщении зима – это зима конца предшествующего года, т.е. 6725 мартовского»²⁰².

Итак, НПЛ фиксирует наличие Ярослава в Северо-Восточной Руси зимой 1217–1218 гг., что не противоречит возможности оказаться в войске Мстислава Удатного, воевавшего в Галицкой земле.

Указание на то, что Ярослав был князем переяславльским, согласуется с тем, что он княжил в Переяславле-Залесском. Но, на наш взгляд, это не закрывает возможности того, что Ярослав Всеволодович мог занять Переяславль-Южный после примирения с тестем. По сути, речь идет не только об отношениях зятя и тестя, но и об устранении конфликта между владимирскими и смоленскими князьями, среди которых Мстислав Удатный играл важную роль. И если допустить договоренность между двумя сторонами, и если помнить о том, что Владимир Рюрикович выдвинулся из Переяславля-Русского, то смоленские князья могли уступить этот город детям Всеволода Юрьевича, считавшего его своей отчиной. Это предположение строится на цепи допущений, что позволяет его классифицировать как догадку и склониться к тому, что характеристика Ярослава как переяславского князя указывает на его права на Переяславль-Залесский. Надо признать, что сведение «Истории Российской» Татищева о походе князей на Галич не проливает свет на решение проблем истории Переяславля-Русского.

В вышепротитированных отрывках В.Н. Татищева об участии Ярослава Переяславского в походе на Полоцк датировка самого похода 1219 г. неудовлетворительна. Известие о нем есть в НПЛ младшего извода (Комиссионный список) под 6730 г. после рассказа о посольстве к Георгию Всеволодовичу и отправке им в Новгород на княжение сына Всеволода, последующей отправке в Новгород брата Святослава для участия в походе против Кеси (Вендена). О самой войне есть фраза:

²⁰² *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания... С. 259–260.

«А Ярославци (в Академическом и Толстовском списках НПЛ – ярославци), смоляне взяхъ Полтескъ, генваря въ 17, при князѣ Борисѣ и Глѣбѣ»²⁰³.

В данном случае – это источник сведения для «Истории Российской» В.Н. Татищева, которому принадлежит заслуга открытия и введения в научный оборот младшего извода НПЛ²⁰⁴. Этого сообщения нет в старшем изводе²⁰⁵, по которому Н.Г. Бережков проводил датировку. Её приходится распространять на дополнение в младшем изводе. В НПЛ младшего извода сведение о походе на Полоцк вставлено между сообщением о походе Святослава Всеволодовича на Венден, датируемом 1221 г.²⁰⁶, и известием о бегстве Всеволода Юрьевича из Новгорода, повторного обращения новгородцев к Георгию, давшему им на княжение Ярослава²⁰⁷ (датируется зимой 1222/1223 г.²⁰⁸). Таким образом, поход на Полоцк пришелся на 17 января между 1221 г. и концом январского 1222 г. Возможно, это было 17 января 1222 г., что не создает, кстати, препятствий для истолкования сведения В.Н. Татищева об участии Ярослава Всеволодовича в походе на Полоцк.

Затруднения создаст летописное сообщение, где говорится о Ярославцах (ярославцах). В них необязательно видеть указание на Ярослава Всеволодовича из какого-либо Переяславля. В данном случае опять имеется пример того, как В.Н. Татищев волевым решением менял смысл непонятной источниковой информации. В НПЛ о каком-либо Переяславле не сообщается. К этому можно добавить упомянутое выше рассуждение о достижении согласия между Ярославом и неким смоленским князем. Тем самым, это упоминание Переяславля есть результат рассуждений В.Н. Татищева, который нельзя принять для решения проблем политической истории Переяславля-Южного применительно к владимирским князьям.

²⁰³ НПЛ. С. 263.

²⁰⁴ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. I. М.–Л., 1962. С. 62; *Гунтуус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 6 (16). СПб., 1997. С. 3; *Бобров А.Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 41; *Толочко А.П.* «История Российская» Василия Татищева... С. 57–58.

²⁰⁵ НПЛ. С. 60–61.

²⁰⁶ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания... С. 261.

²⁰⁷ НПЛ. С. 61, 263.

²⁰⁸ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания... С. 261.

Уникальные сведения о Переяславле-Южном и его князьях обеих редакций «Истории Российской» Татищева надо исключить из реконструкции. Должно использовать сообщения Московского летописного свода и Воскресенской летописи о выдвижении из Переяславля Владимира Рюриковича в 1215 г., что не свидетельствует об утверждении там Ростиславичей. О дальнейшей, до 1227 г., истории Переяславля-Южного надо говорить преположительно. Разбор «сведений Татищева» Дж. Феннелом не позволяет утверждать, что после 1215 г. Переяславль-Южный оставался в руках Ольговичей. Шаткая догадка, что в Переяславль-Южный после примирения с тестем пришел Ярослав Всеволодович, не перевешивает догадки, что переяславский Ярослав княжил в Переяславле-Залесском.

Итак, после 1215 г. Переяславль-Южный упомянут лишь в 1227 г.: туда Георгий Всеволодович направил племянника. Как указано выше, для Дж. Феннела 1215–1227 гг. – это время контроля над Переяславлем-Южным смоленских князей. В 1215 г. оттуда вышел Владимир Рюрикович (повторяем: это не удостоверяет, что Ростиславичи прочно обосновались там). Что дало основание Дж. Феннелу довести период доминирования Ростиславичей в этом княжестве до 1227 г.? Возможно, это был текст В.Н. Татищева, приведенный в отрывках, которые связаны с Переяславлем:

«6735 (1227)... Князь великий Юрий по согласию со Владимиром Рюриковичем отпустил сыновца своего Всеволода Константиновича в Переяславль Русский на княжение... Юрий Всеволодович, видя сыновца своего Василька Константиновича, в возрасте, по завещанию отца его послал с бояры своими в Смоленск, Чернигов и к другим князем под видом свидания выбрать себе невесту, где полюбится. Он же избрал дочь Михаила Всеволодича черниговскаго, шурина Юриева, Марию... И хотя надлежало невесту привести к жениху и венчанию быть во Владимире, однако ж князь великий по усильной прозьбе шурина своего соизволил венчанию быть в Чернигове. И венчан был геннуария 10-го дня. А февраля 5-го дня прибыл Василько во Владимир и принет был от стрья с великою радостью. Юрий же, великий князь, одаря провожавших и угостя, отпустил возвратно, а Василька посла в Ростов проводить сынов своих Всеволода и Владимира с бояры. Они же, пришед в Ростов 25 февраля, учинили великое веселие. А после праздника Пасхи князь великий женил и другаго сыновца Всеволода Константиновича, взял за него дочь Ольга Всеволодовича

северскаго...6736 (1228)... Князь великий Юрий, совокупяся с братиею Ярославом и Святославом, також сыновцы их Василько и Всеволод... пошли на мордву Пургасову и, много оных повоевав, возвратились. И потом отпустил князь великий брата Святослава в Переяславль Руский, а сыновца Всеволода отпустил в Ярославль»²⁰⁹.

Важную роль в отрывке играет согласование Георгием Всеволодовичем с Владимиром Рюриковичем, великим киевским князем, посылки Всеволода Константиновича. Этот факт, наряду с тем, что имя Владимира Рюриковича упомянуто в связи с Переяславлем-Южным в 1215 г., завершает период 1215–1227 гг., определенный Дж. Феннелом как время доминирования Ростиславичей в этом городе. Принять тезис мешают текст первой редакции второй части «Истории Российской»:

«6735 (1227) Того же году князь Юрий Всеволодович посла сыновца своего Всеволода Константиновича в Переяславль Руский на стол... Юрий же, видя сыновца своего Василька Константиновича в лета пришедша и, яко ж завеща отец его, посла его со мужи своими во Смоленск, и Чернигов, и ко иным князем избрати невесту. Он же улюбил дочь пурина Юриева Михаила Всеволодича черниговского Марию. Юрий же посла тамо сына своего. И венчан бысть Василько генваря 10-го дня. И тоя же зимы генваря 5-го прииде князь Василько в Ростов со княгинею, с ним же сынове Юриевы, братаничи его. А брат его Всеволод Костянтинович поя дочь Ольгову Святославича северскаго... 6736 (1228)... И того ж лета князь великий Юрий со братиею своею, Ярославом и Всеволодом, и сыновцем Васильком... ходиша на мордву Пургасову и повоеваша я. И посла Юрий брата своего Святослава в Переяславль Руский, а Всеволода остави у себе в Ростове»²¹⁰.

О согласовании между Георгием Владимирским и Владимиром Киевским посылки Всеволода в Переяславль речи здесь нет. В обоих отрывках после рассказа о посылке Святослава в Переяславль говорится о том, как он отправлял свою жену в монастырь. Без этой и некоторых других подробностей эти события переданы в летописях.

ЛЛ так сообщает о них под 6735 г., который Н.Г. Бережков классифицировал как мартовский год²¹¹:

²⁰⁹ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 221.

²¹⁰ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. С. 366.

²¹¹ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания... С: 107–108.

«То́го лѣтѣ. Посла великѣи кнѣ Гюрги. снѡвца своѣго Всеволода-Константиновиуа. в Рускѣи Переяславль на столѣ. и вниде Всеволодѣ. мѣца семѣтѣ. въ .еі. день. на памѣ стѣ мѣка Никитѣ. на свои столѣ. ... Тое же зимѣи шжени Великѣи кнѣ Гюрги снѣ Всеволожѣ снѡвца своѣго Василка Константиновиуа. и погати за нь Михаиловнѣ Уерниговьска кнѣзѣ. и вѣнчанѣ вътѣ блѡроднѣи кнѣ Василко. с своєю кнѣгѣиною в цѣркви стѣна Бѣца Блѡговѣщенѣи. И вниде хѡлювнѣи кнѣ Василко. в свои Ростовѣ с своєю кнѣгѣиною. въ .д. сѣ. по. мѣца. феврѣ. въ .ві. днѣ. на памѣ стѣ Мелентѣи еппѣ. и вътѣ радѣ велика в градѣ Ростовѣ»²¹².

Следуя Н.Г. Бережкову, прибытие Всеволода в Переяславль можно датировать 15 сентября 1227 г., женитьба Василька должна была произойти либо в декабре 1227 г., либо в начале январского 1228 г.; приход четы молодоженов в Ростов – 12 февраля 1228 г. В следующей годовой статье 6736 (определен Н.Г. Бережковым как мартовский 1228/1229 г.)²¹³ события поданы так: Святослав отпустил жену в монастырь, затем рассказывается о походе в сентябре на мордву Василька Константиновича с Еремеем Глебовичем²¹⁴; 14 (4 – разночтения в тексте) января 1229 г. начался поход на Пургаса, в котором, кроме прочих, участвовали Василько и Всеволод Константиновичи; «Тое же зимѣи. Кнѣ Юрги. посла врата своѣго Стѡслава в Переяславль Рускѣи на столѣ»²¹⁵. О браке Всеволода Константиновича с дочерью северского князя и его уходе из Переяславля сведений нет. Нет и прямого указания на возвращение Святослава из Переяславля-Русского, но мы видим князя в 6738 г. (1230/1231 г.) в Юрьеве, рушившего ветхую церковь, а также чуть позже вместе с Георгием и другими родственниками на встрече митрополита Кирилла²¹⁶. Ряд деталей в ЛЛ и сведений обеих редакциях труда В.Н. Татищева не совпадают, привычно много расхождений в хронологии событий.

В Московском летописном своде под 6735 г. повествуется о посылке великим князем Георгием сыновца Всеволода в Переяславль-Русский:

«на стол на отчичнѣ свою», «Женися тое же зимѣи князь Василько

²¹² ЛЛ. Стб. 450.

²¹³ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания... С. 108.

²¹⁴ ЛЛ. Стб. 450.

²¹⁵ Там же. Стб. 451.

²¹⁶ Там же. Стб. 455.

Костянтинович у князя Михаила Черниговского»; в 6736 г. «женися Всеволод Костянтинович в Руском Переяславли, поять за ся Олгову дщерь Святославича»,

князь Святослав отпустил жену в монастырь, 14 января был совершен поход на Пургасову волость, в котором приняли участие оба Константиновича,

«Князь Юрьн посла брата своего Святослава въ Переяславль Рускын на стол»²¹⁷.

Под 6738 г. летопись сообщает, что Святослав в Юрьеве приступил к перестройке Георгиевской церкви. Следом говорится, что митрополит Кирил приходил

«к великому князю Юрью и къ брату его Ярославу и къ Святославу»²¹⁸.

Почти дословно эти сведения повторены в Воскресенской летописи²¹⁹. Похоже на предыдущие два памятника, но более сжато передает информацию ЕРМ. Все события от отправки Всеволода до отправки Святослава в Переяславль даны в одной годовой статье 6735 г., за которой следует статья 6737 г. Летописец свел события двух лет в одну статью, соблюдая все-таки хронологическую последовательность событий по годам. Не сказано, куда был послан Всеволод Константинович: «Посла князь велики Юрьн сыновца своего Всеволода на столъ»²²⁰. Не указано время года (и более точная дата), когда женился Василько Константинович «у князя Михаила Черниговского». О браке Всеволода Константиновича сказано, что женился в Переяславле Русском на дочери Олега Святославича. В известии о походе на мордву не перечислены поименно братаничи князя Георгия²²¹. Упоминание под 6738 г. о нахождении Святослава во Владимирской земле после отправки его в Переяславль связано с сообщением о перестройке им церкви. Это сообщение следует за рассказом о миссии Кирилла, мирившего Ярослава и Михаила Черниговского²²². Отсутствию Переяславля в известии о

²¹⁷ Московский летописный свод. С. 122–123.

²¹⁸ Там же. С. 125.

²¹⁹ Воскресенская летопись. С. 134, 137.

²²⁰ ЕРМ. С. 72.

²²¹ Там же.

²²² Там же. С. 73.

посылке туда Всеволода можно бы придать неслучайный характер, помня, что в ЕРМ под 1215 г. не говорится, откуда вышел Владимир Рюрикович, но в сокращенных летописных сводах 1497 г. и 1518 г. эти известия переданы так же, но с упоминанием места «назначения» Всеволода Константиновича²²³.

В Тверской летописи произошло смещение ряда событий по годам, что должно быть связано с расчетом дат по сентябрьскому стилю. Годовое известие 6735 г. начато с рассказа о походе Георгия Всеволодовича с родственниками на Олега Курского в помощь Михаилу Черниговскому, о примирении соперников митрополитом Кириллом и поставлении им владимирского епископа Митрофана²²⁴. В других памятниках эти события отнесены к 6734 г. Заканчивается известие 6735 г. сообщением о посылке Всеволода Константиновича на стол в Переяславль-Русский²²⁵. Следующий 6736 г. Тверской летописи стал временем женитьбы Василька Ростовского у Михаила Черниговского и брака в Переяславле-Русском Всеволода с дочерью Олега Святославича²²⁶. В 6737 г. Георгий с братией и братаничами (без конкретизации) ходил на мордву, послал Святослава в Переяславль-Русский²²⁷. Упоминание о перестройке князем Святославом церкви в Юрьеве приходится на 6738 г.²²⁸. Скупее, но в ряде мест информативнее сообщает факты Типографская летопись:

«В лѣто 6735... Того же лѣта посла Юрьи братанича своего Всеволода Костянтиновича в Переаславль Роуский на столъ княжити... Тое же зимы ожени Юрьи Василка Костянтиновича Мнхайловою Черниговскою»²²⁹; «В лѣто 6737... Того же лѣта приде Всеволодъ Костянтиновичъ ис Переаслава, а в Переаславль иде княжити Святославъ Всеволодовичъ»²³⁰.

В Типографской летописи не упомянуты женитьба Всеволода Константиновича, поход Георгия с братьями и братаничами на Пургасову

²²³ Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. Т. XXVIII. М.–Л., 1963. С. 51, 208–209.

²²⁴ Тверская летопись. Стб. 346–347.

²²⁵ Тверская летопись. Стб. 347.

²²⁶ Там же. Стб. 347.

²²⁷ Там же. Стб. 352.

²²⁸ Там же. Стб. 355.

²²⁹ Типографская летопись. С. 91.

²³⁰ Там же.

волость, уход жены Святослава в монастырь. Сообщение Типографской летописи о том, что Святослав Всеволодович сменил Всеволода в Переяславле, с учетом того, что ни в одной из процитированных летописей не говорится (не считая II редакции II части труда В.Н. Татищева) об участии Святослава в походе на Пургасову волость, свидетельствует о том, что этот поход состоялся уже после отправки Святослава на юг Руси.

В Никоновской летописи под 6735 г. сообщается о посылке владимирским князем Всеволода Константиновича на стол в Переяславль-Русский, о женитьбе по инициативе Георгия Всеволодовича «*у шуринна у своего Муханла Всеволодовича Черниговскаго*» Василька Константиновича (без дат), о женитьбе Всеволода Константиновича с дочерью Олега Святославича (без указания места брака)²³¹; под 6736 г. повествуется о том, что Святослав отпустил жену в монастырь, о походе на мордву, в чём участвовал Всеволод Константинович. Затем идет фраза:

«Того же лѣта князь велики Юрьи Всеволодичь посла брата своего Святослава въ Переяславль Русскій»²³².

Под 6738 г. говорится о перестройке Святославом церкви в Юрьеве и его участии во встрече митрополита Кирила²³³.

Летописные отрывки показывают, что сведения обеих редакций труда Татищева – рыхлый массив разнородной информации с вкраплениями авторских комментариев (особенно во II редакции). Согласование посылки Георгием Всеволодовичем Всеволода Константиновича в Переяславль с киевским князем Владимиром Рюриковичем – мысль В.Н. Татищева, не подтверждающаяся источниками. Летописный материал позволяет в качестве альтернативной догадки выдвинуть версию о согласовании «переяславльского вопроса» между владимирским и черниговским князьями.

Со времен Татищева в историографии бытует тезис о свадьбе Василька Константиновича в Чернигове. Между тем тексты летописей (кроме ЛЛ) не дают полного основания для утверждения этого факта. Фраза типа «*Женися тое же зимы князь Василько Костянтинвич у князя Муханла Черниговскаго*», на наш взгляд, твердо не удостоверяет, что венчание и свадебный обряд проходили в Чернигове. Н.Г. Бережков,

²³¹ Никоновская летопись. С. 94.

²³² Там же. С. 95.

²³³ Там же. С. 100–101.

анализируя годовое сообщение 6735 г. ЛЛ, указал, что это событие произошло именно там²³⁴. Подсказкой служит название храма, где венчались Василько Константинович и дочь Михаила Черниговского, запечатленного ЛЛ, – Благовещения Богородицы. О его наличии в Чернигове свидетельствуют данные ИЛ²³⁵. Храм с подобным названием во Владимире-на-Клязьме и в Ростове в летописях не фигурирует. Текст ЛЛ подкрепляет данные В.Н. Татищева о бракосочетании Василька в Чернигове. Но часть пространного рассказа об этом событии может быть и авторским текстом Татищева.

В.Н. Татищев в тексте II части II редакции увязывает брак Василька с браком его брата Всеволода:

«А после праздника Пасхи князь великий женил и другого сыновца Всеволода Константиновича, взял за него дочь Ольга Всеволодовича северскаго».

О свадьбе Всеволода Константиновича, как указывалось выше, источники сообщают, относя её ко времени пребывания князя в Переяславле-Русском – после женитьбы Василька – 1228 г. Женился Всеволод на дочери Олега Святославича, которого лишь В.Н. Татищев назвал князем северским. Из справочной работы О.М. Рапова можно точнее определить личность этого князя. По времени на роль этого правителя подходит Олег Святославич²³⁶ – сын перемышльского князя Святослава Игоревича. Впервые он упомянут в сообщении ИЛ о битве на Калке как князь курский²³⁷. На курском княжении Олег пробыл до 1284 г., когда его умертвили подосланные убийцы. О.М. Рапов считал, опираясь на ЛЛ, что в 1226 г. Михаил Черниговский ходил на Олега Курского²³⁸. Замечание является ценным при условии верного истолкования

²³⁴ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания... С. 108.

²³⁵ ИЛ. Стб. 652 (рассказ об освящении церкви в 6694 г.), 696.

²³⁶ *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 125. Уже после написания книги встретилась ещё одна трактовка личности Олега Курского: это Олег Игоревич, сын знаменитого Игоря Святославича. – См.: *Кузьмин А.В.* Владимир (Димитрий) Константинович // Православная энциклопедия. Т. VIII. М., 2004. С. 722. Учесть эту версию, несмотря на её бесспорные достоинства, в работе уже не представлялось возможным.

²³⁷ ИЛ. Стб. 744.

²³⁸ *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси... С. 125.

известия о походе на Олега Курского в ЛЛ и других летописях. Однако есть основания сомневаться в такой длительной жизни Олега: в 1228 г. он выдал замуж дочь (при самом большом допущении ему могло быть не менее 25 лет), а в 1284 г. (не менее 81 года) его отравили. Возможно, источники сообщили о разных лицах (дед и внук – ?), что делает княжение Олега в Курске в 1228 г. лишь рабочей догадкой.

ЛЛ под 6734 г., который Н.Г. Бережков датировал как 1226 г. (мартовский 1226/27 г.)²³⁹, сообщает:

«Того лѣѣ Георгіи княѣ Всеволодиуѣ с сыновци своими с Костантиновиуема Василюѣ и Всеволодоѣ ходи в помощь Михаилѣ Всеволодиуѣ на Олга Курскаго и створи мирѣ межи ими зане по смотреню Бжью приключиса тѣ вѣйти присланѣ Володимерѣ Рюриковичеѣ митрополитѣ Кирилѣ и възвратиса великѣи кня Георги створи мирѣ понми с совою влжнаго Кирила митрополита въ градѣ Володимирѣ а сновцѣ распѣсти своѣ каждо ѣ в свою власть»²⁴⁰.

Из цитаты следует, что поход на Олега Святославича совершал владимирский князь с племянниками, помогая Михаилу Всеволодовичу. В таком же ключе об этих событиях сообщают другие летописи²⁴¹.

Вольную трактовку этого сведения дал Дж. Феннел, заявивший, что Георгий Всеволодович ходил на Олега Курского, чтобы погасить его ссору с Михаилом Черниговским²⁴². Летописи не дают для этого оснований: речь идет о целенаправленном походе Георгия Всеволодовича на Олега Курского. Дж. Феннел дал такое объяснение для того, чтобы укрепить тезис о господстве Ростиславичей над Переяславлем:

«Ростиславичи, по-видимому, мирно передали Южный Переяславль Юрию, когда он в 1227 году послал туда княжить своего племянника Всеволода Константиновича. Три года спустя женитьба сына Юрия на дочери Владимира укрепила дружбу между ними... Киевский князь Владимир дважды по разным поводам посылал митрополита Кирилла с миротворческой миссией: первый раз в 1226 году, чтобы помочь

²³⁹ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания... С. 107.

²⁴⁰ ЛЛ. Стб. 448.

²⁴¹ Московский летописный свод. С. 122; Воскресенская летопись. С. 133; ЕРМ. С. 72; Тверская летопись. Стб. 246; Никоновская летопись. С. 93–94.

²⁴² Феннел Дж. Кризис средневековой Руси... С. 110, 132.

Юрию уладить ссору и заключить перемирие между Михаилом Черниговским и курским князем Олегом, а второй раз – в 1230 году, чтобы попытаться предотвратить войну между Михаилом и Ярославом²⁴³.

Дж. Феннел аргументировал мысль ссылкой на брак сына Георгия Всеволодовича и дочери Владимира Рюриковича. Он состоялся три года спустя после отправки в Переяславль Всеволода Константиновича. Вне поля зрения историка оказались более близкие по времени к посылке Всеволода в Переяславль браки Константиновичей с дочерьми враждовавших до этого Ольговичей. Избыточна мысль Дж. Феннела о степени зависимости митрополита Кирила от воли киевского князя Владимира Рюриковича, чтобы он мог посылать иерарха куда угодно по своему разумению.

Итак, в 1226 г. состоялся поход Георгия Всеволодовича с племянниками на Олега Курского. Поход совершался ради интересов черниговского князя Михаила Всеволодовича. Войну предотвратил митрополит Кирил, съездивший затем во Владимир, чтобы поставить епископа Митрофана. В следующем 1227 г., 15 сентября, Всеволод Константинович вошел в Переяславль-Русский, свою отчину, как подчеркивалось в некоторых летописях. Это не случайно, если вспомнить, что Константин Всеволодович в конце XII в. княжил в Переяславле-Южном. Зимой 1227/28 г. в Чернигове Василько Константинович женился на дочери Михаила Черниговского. Чуть позже 1228 г., вероятнее всего, в Переяславле-Южном Всеволод Константинович женился на дочери недавнего соперника Михаила Черниговского – Олега Святославича Курского. После этого Всеволод оказался в Залесской земле и в январе 1229 г. участвовал в походе на мордву. Благодаря сведению Типографской летописи можно считать появление Всеволода во Владимире после свадьбы результатом решения Георгия Всеволодовича, пославшего в Переяславль Святослава Всеволодовича.

Эта отправка произошла до конца 1228 г., поскольку Святослав, вопреки сведению Татищева, в походе на мордву не участвовал. Факты, изложенные в летописях под 1228 г. в связи со Святославом до его ухода в Переяславль, надо рассматривать отдельно от других событий. Особенно привлекают уход жены Святослава в монастырь и её скорая кончина там. Примечательно соотношение фактов: женившийся Всево-

²⁴³ Там же. С. 110

лод возвратился из Переяславля-Южного в Залесскую землю, а овдовевший Святослав отправился на его место. Можно предположить, что Переяславль-Южный стал местом отбывания «воинской повинности», что свидетельствует о снижении интереса владимирских князей к этому владению.

И только в 1230 г., после событий 1226–1229 гг., сын Георгия Всеволодовича женился на дочери Владимира Рюриковича²⁴⁴. Сколько пробыл Святослав в Переяславле, неясно, но в 1230 г. он уже перестраивал Георгиевскую церковь в Юрьеве. Поэтому если следовать логике Дж. Феннела, то уход Святослава из Переяславля и полная неясность судьбы этого города до взятия его Батыем (город на тот момент не имел князя, если руководствоваться источниками) должны быть связаны с браком детей владимирского и киевского князей.

Надо остановиться на обстоятельствах миротворческой деятельности митрополита Кирилла. В 1226 г. он мирил залесских союзников: Михаила Черниговского с Олегом Курским. Мир был достигнут и между двумя последними героями: ведь их дочери были выданы замуж за братьев Константиновичей. Однако оставались острые противоречия между братом Георгия Всеволодовича – Ярославом и Михаилом Черниговским из-за Новгорода, начавшиеся еще в 1223 г. Мирные соглашения 1226 г. не распространялись на эти разногласия. Возможно, здесь приешался личный фактор: Всеволод Чермный в 1206 г. выгнал Ярослава из Переяславля и поставил туда сына Михаила. И вот пути Ярослава и Михаила скрестились в борьбе за Новгород. Митрополит Кирилл спешил погасить их конфликт.

Для сопряжения решения вопроса о судьбе Переяславля-Русского с борьбой за Новгород надо хронологически согласовать данные ЛЛ и НПЛ. Спор за Новгород между Ярославом Всеволодовичем и Михаилом Всеволодовичем начался с похода Георгия Всеволодовича на Новгород. Сведения о нем есть в НПЛ; отсутствуют в ЛЛ. Рассказ НПЛ связан с очередным тайным уходом малолетнего Всеволода Георгиевича из Новгорода в Торжок и с приходом туда его отца, владимирского князя Георгия, с братом Ярославом, племянником Васильком Константиновичем и шурином Михаилом Черниговским. В ходе переговоров, где новгородцы выразили готовность «умрети за святую Софию», удалось достигнуть договоренности, что в Новгород по согласованию с

²⁴⁴ ЛЛ. Стб. 453–454.

Георгием Всеволодовичем будет направлен Михаил Черниговский. Это было вынужденной уступкой со стороны владимирского князя, поскольку НПЛ отмечает, что он, уходя, сделал много пакостей²⁴⁵. Эти сведения НПЛ Н.Г. Бережков датировал зимой 1224/25 г.²⁴⁶. После них поход 1226 г. в поддержку Михаила Всеволодовича против Олега был бы невозможен. НПЛ под январским 1225 г. (датировка Н.Г. Бережкова) говорит о приходе Михаила Всеволодовича в Новгород, а затем о его визите к Георгию Всеволодовичу, с которым он договорился о компенсации убытков, сделанных им зимой 1224/25 г. После этого Михаил прибыл в Новгород, где заявил о своем уходе:

«НЕ ХОЧУ ЧУ ВАСЪ КНЯЖИТИ, ИДУ ЦЪРНИГОВУ; ГОСТЬ КО МНѢ ПУСКАНТЕ, А ЯКО ЗЕМЛЯ ВАША, ТАКО ЗЕМЛЯ МОЯ»²⁴⁷.

В историографии последних лет нет попыток увязать визит Михаила к Георгию и его последовавший уход из Новгорода²⁴⁸. Самое большее, констатируется уход Михаила Всеволодовича из-за его недовольства положением княжеской власти в Новгороде²⁴⁹. Игнорирование того, что владимирский князь после договоренностей с новгородцами наделал им пакостей, что в следующем году Михаил Всеволодович ездил к нему, а потом ушел из Новгорода, ведет к выводам, подобным этим:

«В результате был достигнут компромисс. Никто из бояр выдан не был, а новгородцы согласились заплатить дань и принять к себе князем Михаила. С тех пор Юрий перестал иметь какие-либо дела с Новгородом. В последовавшие девять лет борьба за этот город разворачивалась между Ярославом из Северного Переяславля и Михаилом Черниговским. Юрий, если судить по его летописи, больше не стремился посадить своего сына в Новгород»; «Начиная с 1224 года, когда Юрий заставил Новгород принять Михаила...»²⁵⁰.

Говоря о компромиссе 1224/25 г., надо следовать выводам В.Л. Янина, что смысл соглашения сводился «к взаимным уступкам

²⁴⁵ НПЛ. С. 63–64, 267–268.

²⁴⁶ *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 268–269.

²⁴⁷ НПЛ. С. 64, 268, 269. *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 269.

²⁴⁸ См. например: *Феннел Дж.* Указ. соч. С. 109, 111. – Факт ухода Михаила из Новгорода проигнорирован.

²⁴⁹ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 195.

²⁵⁰ *Феннел Дж.* Указ. соч. С. 109, 111.

враждующих сторон»²⁵¹; при этом нельзя согласиться с тем, что Георгий Всеволодович рекомендовал черниговского шурина на новгородский стол.

Увязывание этого факта с развитием событий в последующем времени позволяет предположить, что владимирский князь, столкнувшись с упорством новгородцев, вынужденно согласился на формальное признание своей власти над Новгородом, рекомендовав удобного для противника Михаила Всеволодовича. Затем причинил Новгороду такие убытки, что новоявленный новгородский князь поспешил во Владимир (в летописи об этом не говорится) договариваться с зятем. Поэтому можно указать на то, что Георгий Всеволодович продолжил борьбу за северную вольницу и заставил шурина покинуть её. Возможно, что одним из козырей Георгия Всеволодовича стала обстановка в Черниговской земле, где Михаилу Всеволодовичу противостоял Олег Курский, против которого и состоялся поход владимирского князя в 1226 г. При этом владимирский князь не имел в своем арсенале средств, чтобы добиться признания своей власти в Новгороде и назначать туда своих ставленников. В ситуации политического вакуума и появилась фигура Ярослава Всеволодовича, которого новгородцы позвали после ухода Михаила Всеволодовича²⁵².

Связать эти события можно так. Владимирский князь, имея горький опыт назначения сына Всеволода на новгородский стол, уже не хотел (да и не мог) продолжать эти действия, поскольку это ущемляло интересы шурина Михаила Всеволодовича. Более перспективным для Георгия Всеволодовича было проведение новгородской политики через своего брата Ярослава, у которого, кстати, она получалась. К тому же Ярослав рассматривал Новгород как свою отчину: ведь когда-то на новгородский стол его направлял отец Всеволод, и этот стол занимал его тесть Мстислав Удатный. Так сложилась ситуация конфликта из-за Новгорода двух родственников владимирского князя – шурина и брата. При этом владимирский князь при любом варианте развития событий сохранял контроль над Новгородом, пусть и опосредованный.

Ярослав пришел позже, после новгородского призыва. Его появление в Новгороде было связано с литовским набегом²⁵³. ЛЛ не упоминает о посольстве новгородцев к Ярославу, сообщая, что он ринулся

²⁵¹ Янин В.Л. Новгородские посадники... С. 195.

²⁵² НПЛ. С. 64, 269.

²⁵³ НПЛ. С. 64, 269.

защищать город, как только узнал о его беде. Просьба новгородцев занять стол последовала уже после разгрома Литвы²⁵⁴. Сочетание в деятельности князя Ярослава борьбы за безопасность новгородских рубежей и одновременно за политический контроль над Новгородом ярко выразилось в этих событиях. Первый аспект борьбы и составлял предпосылку для успешного осуществления второго. Наиболее ярко это проявилось в конце 1220-х гг. Эти отношения Новгорода и владимирских князей охарактеризовал В.Л. Янин, говоря о результатах восстания 1229 г.:

«Очевидный успех «простой чади» противостоит другому результату восстания – разрыву военного союза с Владимиром, разрушению наиболее действенных сил, способных возглавить борьбу с экспансией извне. Союз Новгорода с Черниговом в обстановке того времени не мог стать даже слабой тенью союза Новгорода с Владимиром»²⁵⁵.

Есть противоречие в рассуждениях В.Л. Янина. На страницах капитального труда, предшествующих данной цитате, он рассуждает о деятельности князя Ярослава в Новгороде, говоря о нем лишь как о князе Переяславля-Залесского²⁵⁶. На наш взгляд, противоречие снимается, если допустить, что Георгий Всеволодович продолжал контролировать Новгород, используя для этого самостоятельную политику в нём Ярослава Всеволодовича. Это допущение можно подкрепить тем, что владимирский князь оказывал всяческое содействие военным акциям брата Ярослава по защите новгородских интересов и рубежей в Прибалтике.

В конечном итоге Георгий Всеволодович получил под свой контроль Новгород, помог Михаилу Черниговскому. Но противостояние за Новгород развернулось между Ярославом Всеволодовичем и Михаилом Всеволодовичем. В действие вступил фактор политического самоопределения Новгорода, описанный В.Л. Яниным. Владимирский князь оставался над схваткой, но последовательно поддерживал младшего брата, а не черниговского шурина.

Противоречит этому тезису мнение, что в 1229 г. Георгий Всеволодович помог Михаилу Черниговскому и не поддержал Ярослава в Новгороде:

²⁵⁴ ЛЛ. Стб. 448.

²⁵⁵ Янин В.Л. Новгородские посадники... С. 198.

²⁵⁶ Там же. С. 195, 196.

«В 1229 г. Ярослав и сыновья Константина выступили было против Юрия, но дело обошлось без кровопролития, мирным соглашением... Возможно, конфликт Ярослава с Юрием был связан с захватом в том же году Михаилом Черниговским новгородского стола, принадлежавшего до того Ярославу...; Михаил был братом жены Юрия и в 1225 г. в первый раз вступил на новгородский стол именно при поддержке последнего»²⁵⁷.

«Весной 1229 г. в Новгород прибыл княжить Михаил Всеволодович. С.М. Соловьев обратил внимание, что новое приглашение в Новгород Михаила Черниговского едва не вызвало междоусобную войну во Владимиро-Суздальской земле... Ярослав, полагавший, что Михаил получил новгородский стол с помощью великого князя Юрия, вступил в ссору со старшим братом и привлек на свою сторону племянников, ростовских Константиновичей. Однако Юрию... удалось конфликт урегулировать...»²⁵⁸.

Смысл урегулирования, по В.Ф. Андрееву, свелся к приглашению Георгием братьев и племянников на съезд во Владимир, празднованию там с ними Рождества Богородицы, наделению их подарками. Никаких последствий этого семейного конфликта, известного по ЛЛ²⁵⁹, В.Ф. Андреев в источниках не усмотрел. О причинах ссоры в ЛЛ также не говорится. А.А. Горский и В.Ф. Андреев согласовали сведения НПЛ о занятии новгородского стола Михаилом Всеволодовичем в 1229 г. и о семейном конфликте в семье владимирских Всеволодовичей. Однако в следующей статье ЛЛ говорится об очередной миссии митрополита Кирила и черниговского епископа по поручению киевского князя Владимира Рюриковича и по просьбе Михаила Черниговского. Целью миссии было примирение Ярослава с Михаилом. Как сообщает летописец,

²⁵⁷ Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. М., 1996. С. 87.

²⁵⁸ Андреев В.Ф. Князь Михаил Всеволодович Черниговский в Новгороде // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. 12–14 ноября 1996 г. Новгород, 1996. С. 40. Эту же идею высказывают или поддерживают: Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 124; Феннел Дж. Кризис средневековой Руси... С. 112; Хрусталева Д.Г. Русь от наших предков до «ига» (30–40 гг. XIII в.). СПб., 2004. С. 54.

²⁵⁹ ЛЛ. Стб. 451–452.

Михаил Всеволодович был не прав в крестном целовании, и Ярослав собирался воевать против него. Посольство, направленное к Георгию, Ярославу и Святославу Всеволодовичам, их племянникам Константиновичам, достигло своей цели: Ярослав, послушав брата Георгия, митрополита и епископа Порфирия, примирился с Михаилом²⁶⁰. Это сообщение надо согласовать с трактовкой С.М. Соловьевым семейной ссоры владимирских Рюриковичей годом раньше. Также В.Ф. Андреев не провел хронологической процедуры при совмещении сведений о занятии новгородского стола Михаилом Всеволодовичем и о ссоре Георгия и Ярослава Всеволодовичей.

Начать нужно с датировки ссоры. Поскольку Всеволодовичи и их племянники Константиновичи мирились во Владимире на Рождество Богородицы, то, вероятнее всего, примирение должно было произойти осенью 1229 г.²⁶¹ Михаил Всеволодович пришел в Новгород в апреле 1229 г.²⁶² Примирение Ярослава Всеволодовича с Михаилом Всеволодовичем состоялось в 1230/1231 г.²⁶³ Такая датировка позволяет предположить следующую цепь событий: Михаил занял Новгород, нарушив крестное целование, поэтому Ярослав собрался воевать против него, испугавшийся Михаил обратился за помощью к киевскому князю, последовала миротворческая миссия, Ярослав с Михаилом примирились. Встраивание сюда сведения о конфликте среди владимирских Рюриковичей логично, хотя нет источниковых показаний для того, чтобы корни несостоявшейся усьобицы изыскивать в приходе Михаила Всеволодовича в Новгород.

Свою идею С.М. Соловьев обосновал на сведениях ЛЛ и В.Н. Татищева²⁶⁴:

«... в 1228 году новгородцы, недовольные Ярославом Всеволодовичем, призвали к себе вторично Михаила черниговского; последний был шурином великому князю Юрию владимирскому, который первый раз посадил его в Новгороде; Ярославу стали говорить, что и теперь Михаил посажен в Новгороде по старанию Юрия; Ярослав поверил наговорам... Ярослав стал сердиться на старшего брата, и ... поссо-

²⁶⁰ Там же. Стб. 455–456.

²⁶¹ *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 96, 108.

²⁶² Там же. С. 269.

²⁶³ Там же С. 108.

²⁶⁴ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. II. Т. III–IV. М., 1993. С. 367.

рил с дядею и троих Константиновичей ростовских... Юрий... поспешил предупредить усобицу и в 1229 году повестил всем родичам, чтоб съехались к нему во Владимир на сейм...»²⁶⁵.

С.М. Соловьев пользовался II редакцией II части «Истории Российской» В.Н. Татищева: действительно, там есть пространное известие о ссоре между Георгием и Ярославом с племянниками Константиновичами; виновник склоки Ярослав обиделся на то, что Георгий содействовал занятию новгородского стола Михаилом Черниговским. Рассказ противоречит согласованию летописных дат ссоры и занятия Михаилом новгородского стола. Противоречие разрешается сравнением вариантов сообщения В.Н. Татищева I и II редакций II части «Истории Российской».

<i>Татищев В.Н.</i> История Российская. Часть вторая (первая редакция)	<i>Татищев В.Н.</i> История Российская. Часть вторая (вторая редакция)
Ярослав Всеволодич, слушая неких злых, отлучи от Юрия Константиновича З, Василька, Всеволода и Володимера, и мыслиша востати на Юрия. Юрий же, уведе о сем, призвая на съем и ту управи нелюбие межи ими. Они же, познавше клюку, поклонишася Юрию вси и целовавше к нему крест имети его отцем себе, и праздноваша ту Рождество святыя богородицы вкупе у епископа Митрофана ²⁶⁶ .	Ярослав Всеволодич по смущению клеветников злобствовал тайно на брата Юрия, якобы Михаил Всеволодич в Новеграде посажен, а он изгнан по промыслу Юриеву. И как он сам един ничего учинить против Юрия не мог, то, послав тайно в Ростов Василька и Всеволода, поссорил со стрьем их великим князем Юрием и, приобсча их к себе, готовились на войну. Юрий, уведав о том тайно, не хотел верить, однако ж, хотя испытать истину того, послал к ним и другим братии, чтоб съехались на совет сентября к ось-

²⁶⁵ Там же. С. 141.

²⁶⁶ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. С. 368. Аналог этого сообщения можно найти в Воскресенской летописи, причем порядок следования событий в её годовой статье и у В.Н. Татищева совпадает (приход Михаила в Новгород – набег Пургаса на Нижний Новгород – ссора среди владимирских князей): «Ярославъ Всеволодичь, слъшавъ нѣкыхъ льсти, и отлучи отъ Юрья Костянтиновичи З, Васлака, Всеволода, Володнера, и

Окончание таблицы

	<p>тому числу, объявляя им, что имеет с ними о весьма нуждном деле советовать. Ярослав весьма не хотел ехать, но, уздав, что Константиновичи ростовские без отрицания поехали, и сам приехал. И как съехались, князь великий представлял им о некоторых между ими враждах во владениях и увещевал к примирению и доброму согласию. Потом спрашивал у них о причине, за что на него встают без всякой от него причины. Они же, познав коварство клеветников, просили его о прощении, что он охотно им обещал, и они крест ему все целовали на том, чтоб иметь его отцем. По котором того же 8-го сентября, в день Рождества богородицы, праздновали, и учинил Юрий для них великий пир у епископа Митрофана, потом у Юрия. И веселяся целую седмицу, разъехались с любовью²⁶⁷.</p>
--	--

Как видим, в первоначальном варианте В.Н. Татишев дал краткую запись о ссоре, не привел сведений о её причинах и мотивах её участников. Причины и мотивы не содержатся в летописных памятниках, как доступных В.Н. Татишеву, так и введенных в научный оборот позже²⁶⁸.

мыслишетъ противитися Юрю брату своему, но не попусти Богъ злу быти; слышавъ бо то князь Юрьн, и призва ихъ на снемь, и исправиша нелюбие межн собою, и поклонишася Юрю вси, и цѣловаша къ нему крестъ на всей любви и имѣти его яко отца севѣ, и праздноваша ту Рожество святѣй Богородицы вкупѣ у епископа Митрофана в Суждалю» (Воскресенская летопись. С. 135).

²⁶⁷ Татищев В.Н. История Российская... Т. III. С. 224.

²⁶⁸ ЛЛ. Стб. 451–452; Воскресенская летопись. С. 135; ЕРМ. С. 72; Тверской сборник. Стб. 353; Никоновская летопись. С. 97–98.

Интересно то, что в Тверской летописи, посылка Георгием Всеволодовичем брата Святослава в Переяславль-Русский следует за приходом Михаила в Новгород (в ЛЛ²⁶⁹, Никоновской, Ермолинской порядок следования этих сообщений обратный). Доверие вызывает порядок событий, описанный в ЛЛ. Святослав был направлен в Переяславль до конфликта Ярослава и Михаила Всеволодовичей, до семейной ссоры в семье владимирских князей.

Достоверные источники не дают оснований для связи конфликта 1229 г. между потомками Всеволода Великого и вокняжением в Новгороде Михаила Всеволодовича. Это вокняжение произошло без согласования с владимирским князем. Об этом говорит упомянутый уже факт посольства церковных иерархов к Георгию и Ярославу на следующий год. Несмотря на заключенный мир, владимирские князья устроили позже поход против Чернигова и непосредственно Михаила Всеволодовича²⁷⁰. Эту акцию можно увязать, вслед за Дж. Феннелом, с борьбой за Новгород. Только он приписал главную роль исключительно Ярославу²⁷¹, тогда как ЛЛ упоминает и Георгия Всеволодовича²⁷². Это позволяет допустить, что, осуществляя великокняжескую политику, Георгий Всеволодович был на стороне брата, но не шурина. Это подтверждает вывод А.Е. Преснякова о том, что Ярослав Всеволодович вел новгородскую политику, согласуя её с интересами Георгия²⁷³.

Приход Святослава Всеволодовича в Переяславль-Русский в 1228 г. и его появление во Владимиро-Суздальской земле в 1230 г. могут объясняться конфликтом вокруг Новгорода. Михаил Всеволодович, встретив отпор Ярослава и Георгия Всеволодовичей, нанес удар по влиянию последнего в Переяславле-Южном, изгнав оттуда Святослава. Конфликт не был улажен и после похода владимирских князей на владения черни-

²⁶⁹ О приходе Михаила Всеволодовича ЛЛ не сообщает. Апрель, когда Михаил оказался в Новгороде, в Северо-Восточной Руси отмечен приходом Пургаса к Нижнему Новгороду. Сообщение о посылке Георгием брата Святослава в Переяславль-Русский заканчивает следующую годовую статью (ЛЛ. Стб. 451).

²⁷⁰ ЛЛ. Стб. 459.

²⁷¹ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси... С. 111, 112.

²⁷² ЛЛ. Стб. 459.

²⁷³ Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 50. Однако свой тезис А.Е. Пресняков доказывает и фактом посылки в Новгород Георгием своего шурина Михаила Всеволодовича.

говского князя. Расколотым оказался блок Владимира Рюриковича, Михаила Всеволодовича и Георгия Всеволодовича. Эта система отношений, проявлявшаяся в урегулировании конфликтов, когда Владимир Рюрикович, представляя на киевском столе интересы Смоленска, мирил с помощью церковных иерархов властителей Владимира и Чернигова, рухнула. Михаил Всеволодович, потерпев поражение на севере Руси, начал борьбу за Киев. В нее позднее вовлеклись Даниил Галицкий и Ярослав Всеволодович.

Переяславль более в источниках не упоминается до его татаро-монгольского погрома. Возможно, это было связано с тем, что на русско-степном пограничье установилось относительное затишье. Половцам нужно было время, чтобы оправиться от последствий битвы на Калке. Этого времени им не хватило, поскольку начался новый монгольский прессинг на их земли. Поэтому половцы лишь участвовали в акциях противоборствующих князей, а самостоятельно не выступали. Переяславль терял значение стратегического пункта в деле активного контроля за степью. Ярослав Всеволодович втянулся в борьбу за Киев, и Переяславль, традиционно нужный владимирскому князю для сохранения своего влияния на южнорусские процессы, теперь отошел на задний план.

Примечательно, что сведения о церковной истории Переяславля в этот период крайне лаконичны. В 1197 г. туда был назначен епископ Павел²⁷⁴, а в 1239 г. монголы убили при штурме епископа Семена²⁷⁵. Д.Г. Хрусталева, исходя из предубеждения, что Переяславль контролировался владимирскими князьями, считал, что после гибели Георгия Всеволодовича волость перешла под власть его преемника – Ярослава Всеволодовича. Он к этому времени активно боролся за Киев с Михаилом Всеволодовичем. А потому:

«От Киева он (*Переяславль* – А.К.) находился в суточном переходе, но правящий там черниговский князь Михаил вовсе не был расположен содействовать обороне волостей Ярослава Всеволодовича»²⁷⁶.

Эти размышления Д.Г. Хрусталевой, сопряженные с результатами его исследования политической борьбы на юге Руси в первой половине 1230-х гг., на фоне источникового дефицита заслуживают доверия. Его

²⁷⁴ ЛЛ. Стб. 414.

²⁷⁵ ЛЛ. Стб. 469; ИЛ. Стб. 781–782. Московский летописный свод. С. 130.

²⁷⁶ Хрусталева Д.Г. Указ. соч. С. 170.

выводы обусловлены допущением, что Переяславль в первой трети XIII в. контролировался Всеволодом Большое Гнездо и его детьми. Это допущение²⁷⁷ после проведенного исследования можно считать историческим фактом.

§ 4. Итоги исследования

В 1206 г. Всеволод Святославич Чермный изгнал из Переяславля Южного Ярослава, сына владимирского князя Всеволода Большое Гнездо. Поводом для этого поступка стало то, что галичане призвали к себе на стол Ярослава Всеволодовича; реальной причиной – усиление позиций владимирского князя на юге Руси. Этим были недовольны и черниговские Ольговичи, и смоленские Ростиславичи: владимирский князь вмешивался в борьбу на юге Руси, балансировал на хрупком равновесии сил волынского, смоленских и черниговских князей, выгадывая для себя выигрыш. После смерти Романа Мстиславича в 1205 г. играть на противоречиях было трудно, и Всеволод Большое Гнездо оказался втянут в конфликты Ростиславичей и Ольговичей. Его ранний козырь – обладание Переяславлем – превратился в уязвимое место. Всеволод Чермный, как только достиг успеха на юге Руси, изгнал Ярослава, временно покончив с присутствием владимирского князя на юге Руси.

Однако вытеснение Всеволода Юрьевича из южнорусской борьбы поставило Ольговичей и Ростиславичей лицом к лицу в схватке за власть: на протяжении долгого времени черниговские и смоленские князья спорили за Киев. Этот спор сопровождался решением вопроса, кому занимать стол в Переяславле. К 1208 г. в борьбе верх одержал Рюрик Ростиславич: он и его родственники контролировали Киев и Галицко-Волынскую землю. Ольговичи, судя по косвенным данным (мотивировка Всеволодом Большое Гнездо своего намерения идти против Ольговичей; отсутствие сведений, что контроль над Переяславлем осуществлял Рюрик Ростиславич; некоторые выводы из наблюдений за дальнейшими летописными сведениями), сохранили за собой Переяславль. Всеволод Юрьевич в 1207 г. нанес ответный удар, разгромив Рязанское княжество: в плен попала дочь Всеволода Чермного, а его зять Кир Михаил лишился своего стола. Так Всеволод Юрьевич принуждал черниговского тезку к переговорам. Тем более, Всеволод Свя-

²⁷⁷ Нужно напомнить, что Д.Г. Хрусталеv использовал идею А.А. Горского.

тославич оказался в тяжелом положении, когда в 1208 г. был вытеснен из всех ключевых пунктов на юге Руси.

Виновник этого, Рюрик Ростиславич, вопреки общераспространенному в историографии мнению, не согласовывал свои действия с Всеволодом Большое Гнездо. Смоленский князь просто воспользовался сужением возможности маневра Всеволода Святославича. Говорить о союзнических отношениях смоленских и владимирского князей мешают факт утверждения Мстислава Удатного в Новгороде. Поэтому общерусская ситуация второй половины 1210-х гг. характеризовалась борьбой трех основных сил за лидерство (ведь Всеволод Юрьевич не стремился занять Киев или утвердиться в Галицко-Волынской Руси). Такое состояние сохранялось до 1210 г., когда начались переговоры между Всеволодом Юрьевичем Владимирским и Всеволодом Святославичем Киевским, где посредником выступил митрополит Матфей. Что толкнуло Всеволода Чермного на переговоры с Всеволодом Юрьевичем, в каких обстоятельствах проходили эти переговоры? На это повлиял уход Рюрика Ростиславича с политической арены. Этим воспользовался Всеволод Чермный и занял Киев.

В противном случае надо объяснять бездействие Рюрика Ростиславича в войне смоленских и черниговских князей у Вышгорода в 1212 г. тем, что он даже не попал в плен, а просто перешел на сторону черниговцев. В случае его «политической смерти» в 1210 г. объясняется процесс сближения двух Всеволодов. Одному надо было не допускать Ростиславичей в Киев, другому – убрать их из Новгорода. Всеволод Чермный решил на переговоры в 1210 г., поскольку занял киевский престол. Его статус «утяжелился», и он мог на равных разговаривать с Всеволодом Большое Гнездо, не только как проситель за свою дочь. В пользу такого объяснения событий 1210 г. свидетельствует их последовательность: в апреле сошел с политической сцены Рюрик Ростиславич, а осенью-зимой начались переговоры Всеволодов.

Сближение обоих Всеволодов увенчалось свадьбой их детей. Но, как отмечено выше, для прагматичного Всеволода Юрьевича было мало простого признания его власти со стороны Всеволода Чермного. Тем более, из источников не следует, что киевский князь Всеволод Чермный делал такое признание. Всеволод Юрьевич как просимая сторона шёл на уступки: согласился вести сам переговоры, отпустил жён рязанских князей, в числе которых была дочь Всеволода Чермного; согласился на династический примиряющий брак детей. За эти уступки он

должен был получить что-то равнозначное. Такой уступкой мог стать Переяславль-Южный, из которого несколькими годами раньше Всеволод Святославич изгнал Ярослава Всеволодовича. Первым на это внимание обратил Н.М. Карамзин. В определенной мере можно считать, что брак Георгия Всеволодовича с дочерью Всеволода Чермного решил многие проблемы. Всеволод Большое Гнездо возвратил себе Переяславль, исчезла такая боль, как Рязанская земля (ведь Георгий Всеволодович и Кир Михаил стали свояками), Всеволод Чермный вызволил дочь. Надо отметить еще одно обстоятельство: владимирский князь Всеволод Юрьевич никем пока не занял стол Переяславля.

Дальнейшие события подтверждают эту реконструкцию. В 1212 г. умерли поочередно Всеволоды Владимирский и Черниговский. Смерть последнего была связана со вспышкой конфликта на юге Руси. Мстислав Удатный организовал поход сородичей на юг Руси против Ольговичей. После сражения под Вышгородом Всеволод Чермный умер, и договаривался с Ростиславичами его брат Глеб²⁷⁸. Летописи в сведениях о битве и о переговорах не упоминают Переяславль. Есть только сообщение о переяславцах в битве под Вышгородом у В.Н. Татищева. Нет каких-либо оснований, кроме общего недоверия к В.Н. Татищеву, усматривать в сообщении авторскую вставку историка XVIII в. Поэтому, если допустить, что факт пассивного участия в сражении переяславцев на стороне Ольговичей есть действительно уникальное сообщение, то его можно объяснить так. Переяславцы выступили со Ольговичами, поскольку это не противоречило черниговско-владимирскому союзу. Нерешительность переяславцев во время битвы – результат того же подчинения владимирскому князю.

Договоренности Глеба Святославича и Мстислава Удатного не касались Переяславля: ведь в 1213 г. Георгий Всеволодович направил туда, на свою отчину, брата Владимира, изолировав его от событий во Владимирском княжестве. В Переяславле Владимир женился на дочери Глеба Святославича, чем была подтверждена суздальско-черниговская связь со времени брака Георгия Всеволодовича. Владимир Всеволодович в 1215 г., отражая крупный набег половцев, попал к ним в плен на три года. Вернулся он оттуда сразу во Владимирскую землю, где был помещен в Стародуб. За время после пленения Владимира Всеволодовича

²⁷⁸ Как тут не вспомнить о судьбе Рюрика Ростиславича: будучи в Чернигове, в битве он участия не принимал; мирные переговоры вели Ростиславичи и Глеб Святославич.

прямого упоминания Переяславля в источниках нет, за исключением того, что в конце 1215 г. Мстислав Удатный двинулся на Новгород против непослушного зятя Ярослава. Вместе с ним, по сообщению Московского летописного свода, Воскресенской летописи и сокращенных летописных сводов конца XV в., из Переяславля-Южного вышел Владимир Рюрикович.

Вопрос о достоверности этого сообщения можно считать открытым: есть «за» и «против», уравновешивающие друг друга. «За» – это то, что в источниках нет сведений, противоречащих факту пребывания Владимира Рюриковича в Переяславле-Южном. Даже если принять во внимание другие источники (некоторые более ранние по сравнению с вышеуказанными), где говорится, что Владимир Рюрикович выдвинулся к Мстиславу Удатному из Смоленска, то они не противоречат этим сведениям о том, что Владимир Рюрикович пришел к нему из Переяславля. Ведь по прибытии с юга Руси смоленские князья собрались в стольном городе, откуда вслед за Мстиславом Удатным выдвинулся Владимир Рюрикович. Принимая сообщение о выходе Владимира Рюриковича из Переяславля как достоверное, его надо объяснять. Мнение Дж. Феннела, что, якобы, Ростиславичи «подстроили» пленение Владимира половцами, политизировано, хотя удачно вплетается в интересный вывод английского историка, что Ростиславичи в 1212–1216 гг. стремились поставить под свой контроль все общерусские столы (главным исполнителем этого замысла стал Мстислав Удатный). На наш взгляд, все было более прозаично: половцы захватили Владимира Всеволодовича, и киевский князь Мстислав Романович поспешил закрыть эту брешь в южнорусской системе обороны со стороны степей, направив в Переяславль племянника Владимира Рюриковича.

В любом случае после поражения на Липице Георгий и Ярослав Всеволодовичи временно потеряли интерес к Переяславлю, а Константину было не до восстановления общерусского размаха политики владимирского князя. С другой стороны, нет признаков того, что Переяславль-Южный контролировался Ростиславичами до 1227 г., когда этот город оказался в сфере внимания летописцев как пункт, куда правителя назначает владимирский князь. Конечно, находкой для исследователя были бы сведения Татищева об участии в период 1218–1221 гг. некоего Ярослава Переяславского в акциях смоленских князей, но, как было показано выше, требование научной корректности заставляет их исключить из реконструкции. Действительным прямым упоминанием Переяс-

лавля-Русского является сведение об отправке туда Георгием Всеволодовичем своего племянника Всеволода Константиновича. Его пребывание там было недолгим: 15 сентября 1227 г. он въехал в город, а в конце 1228 г. Георгий Всеволодович отправил туда брата Святослава, также ненадолго. Частые, но недолгие пребывания владимирских князей в Переяславле объясняются их сложными отношениями с черниговскими правителями, в первую очередь, с Михаилом Всеволодовичем. Оттягивались эти отношения внутренним раскладом сил в Черниговской земле – спором между Михаилом и Олегом Курским.

В 1226 г. Георгий Всеволодович совершил поход в Черниговскую землю, чтобы замирить курского князя Олега ради интересов шурина Михаила Всеволодовича. Затем в Переяславль был направлен Всеволод, женившийся вскоре на дочери замиренного Олега. Этот брак уравновешивал чуть более раннюю свадьбу Василька Константиновича и дочери Михаила Всеволодовича. Подвел итог этой брачной политике, если она действительно была, брак сына владимирского князя, Владимира Георгиевича и дочери киевского князя Владимира Рюриковича. Таким образом, вопрос о контроле владимирских князей над Переяславлем (прежде всего, Георгия Всеволодовича) перешел в плоскость межкняжеских отношений общерусского масштаба. Изучение этой брачной политики показывает наличие на рубеже 1220–1230-х гг. неустойчивого равновесия трех сил (Владимира Рюриковича в Киеве, Михаила Всеволодовича в Чернигове и Георгия Всеволодовича во Владимире, через брата Ярослава контролировавшего и Новгород).

Борьба Ярослава Всеволодовича и Михаила Всеволодовича за Новгород стала причиной оживившегося внимания владимирского князя, а за ним и летописцев, к Переяславлю. Георгий Всеволодович лавировал в схватке за Новгород между шурином Михаилом и братом Ярославом, отдавая предпочтение последнему. Михаил Всеволодович, потерпев поражение за Новгород в 1229 г., ударил по Переяславлю, изгнав оттуда Святослава Всеволодовича. В ответ на это гипотетическое изгнание Святослава был организован поход Георгия, Ярослава и Святослава на владения черниговского князя, так и не приведший к замирению. Система неустойчивого равновесия на юге Руси была разрушена. Михаил устремился в Киев.

После этого Переяславль-Русский не упоминается в летописях до самого татаро-монгольского нашествия в 1239 г.: княжество было ра-

зорено, и пал его епископ Семен. О судьбе Переяславля-Южного и отношении к нему владимирских князей в период 1230–1238 гг. остается говорить исключительно на предположительном уровне.

Говорить о том, что Переяславль-Русский в период 1211–1230 гг. принадлежал кому-либо другому, кроме владимирского князя, не позволяют данные источников и реконструкция событий. Необходимо снять до сих пор существующие в историографии догадки о том, что после 1211 г. Переяславль контролировался черниговскими князьями, что Георгий Всеволодович с 1213 г. назначал туда правителей с согласия черниговского или киевского князя смоленского происхождения, а также связанные с ними предположения. Надо отклонить красивую, порой убедительную, версию Дж. Феннела о том, что в период 1215–1227 гг. Переяславль контролировался киевскими князьями смоленского происхождения.

Изучение вопроса о причастности Георгия Всеволодовича к истории Переяславля-Русского позволило сделать выводы об активной роли князя в общерусских событиях, начиная с отражения рязанских князей на земли Владимирщины в 1209 г. и заканчивая назначением братьев и племянников в Переяславль в конце 1220-х гг. Размах этой политики Георгия Всеволодовича был чрезвычайно широк: в один узел оказались стянуты рязанское направление, борьба за Новгород, замирение распрей в Черниговской земле, миротворческая политика иерархов Русской церкви и прочее.

ГЛАВА III. ОТНОШЕНИЯ РЯЗАНСКИХ И ВЛАДИМИРСКИХ КНЯЗЕЙ В 1207–1217 ГГ.

сновные вехи отношений владимирских и рязанских князей в первой трети XIII в., известные по источникам, таковы: 1207 г. – карательный поход Всеволода Юрьевича на Рязань; 1212 г. – Георгий Всеволодович отпустил пленных рязанских князей; 1217 г. – братоубийственная резня в Исадах рязанских князей, после которой владимирский князь поддержал противника убийц. Попытка увязать эти события и их последствия представлена в данной главе.

Аспекты данных отношений рассматривались И.Д. Иловайским, А.Г. Кузьминым, Дж. Феннелом. Последний, характеризуя политическую обстановку в самом начале XIII в., справедливо писал о взаимоотношениях Рязани и Владимира:

«...решающая победа Всеволода над рязанцами на реке Колокше под Владимиром в феврале 1178 года положила конец борьбе Глеба за старейшинство. В течение следующих тридцати лет Рязанское княжество находилось в той или иной степени вассальной зависимости от Всеволода III: он заставил рязанцев воевать на его стороне (против Чернигова в 1180 и 1197 годах и против их старых союзников половцев в 1199 году); он вмешивался в их внутренние дела в 1180 и 1186 годах; он изолировал их политически и, может быть, даже в церковных делах от Чернигова – так или иначе, в 1198 году Рязань запросила и получила отдельную епархию (до того княжество находилось под юрисдикцией епископа черниговского). Создается впечатление, что Всеволоду достаточно было мизинцем шевельнуть, что-

бы его воля была исполнена. На переломе веков Рязань... находилась в его полной власти...»¹.

§1. Поход Всеволода Большое Гнездо на Рязань в 1207 г.: итог расчета или просчета?

На этом фоне произошло столкновение между Всеволодом Большое Гнездо и рязанскими князьями. В 1206 г. Ярослав Всеволодович был изгнан из Переяславля Всеволодом Черным, разгневавшимся на него за попытку «искать» Галич. На место Ярослава Всеволодовича был посажен сын Всеволода Черного². Следующее известие Лаврентьевской летописи (далее – ЛЛ) сообщает о начале похода Всеволода Юрьевича в том же 1207 г. на Всеволода Черного³. ЛЛ мотивирует решение Всеволода Большое Гнездо тем, что Ольговичи «воюют» Русскую землю вместе с погаными (попытка Всеволода Черного зимой 1206/1207 г. занять Киев при помощи половцев), а Русская земля является отчиной и для владимирских князей («а нам не отчина ли»). Из Новгорода был вызван сын Константин с ратью⁴. В Никоновской летописи к мотивам Всеволода III добавлено:

«хочу ити къ Чернигову на Ольговичевъ, понеже убо и сына моего Ярослава выгнаша з безчестіемъ из града изъ Переяславля Русскаго»⁵.

Это объяснение не противоречит фактической канве. Поэтому можно утверждать, что изгнание Ярослава из Переяславля заставило его отца вернуть Переяславское княжество, наряду с необходимостью покарать Ольговичей. Но поход Всеволода Юрьевича на Ольговичей обернулся схваткой с рязанскими князьями.

ЛЛ сообщает, что Всеволод Большое Гнездо, собираясь в поход против Всеволода Черного, послал в Муром за князем Давыдом и в Рязань за князем Романом с братьями. Они подошли к Оке. 19 августа 1207 г., в воскресенье, выступил Всеволод Юрьевич. В Москве силы Всеволода соединились с новгородской ратью Константина. Там же Все-

¹ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 49.

² Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. I. М., 1997 (далее – ЛЛ). Стб. 427–428.

³ Там же. С. 429–430.

⁴ НПЛ. С. 50, 247.

⁵ Никоновская летопись... С. 54.

волод Юрьевич получил весть, что рязанские князья сговорились с Ольговичами против него, но пока льстят ему. После того, как Всеволод с детьми подошел к Оке и расположился на её пологом берегу, к нему явились рязанские князья Роман, его брат Святослав с двумя сыновьями, два его брата Ингварь и Юрий Игоревичи, Глеб и Олег Владимировичи⁶. К ним Всеволод Юрьевич выслал Давыда Муромского и своего «мужа» Михаила Борисовича, обличавших рязанских князей в измене. Те же клятвенно отрицали обвинения. Но Глеб и Олег Владимировичи указали родственникам на справедливость обвинений. Всеволод Юрьевич 22 сентября, на день святого Фоки, распорядился: рязанских князей с боярами заковать и отправить во Владимир. Сам же двинулся через Оку на Пронск. Князь Кир Михаил бежал к тестю Всеволоду Черному в Чернигов. Жители Пронска заперлись в крепости вместе с князем Изяславом Владимировичем⁷.

Всеволод Юрьевич осадил Пронск. В осаде города участвовали дети владимирского князя, муромский князь Давид, Олег и Глеб Владимировичи⁸. Защитники Пронска отклонили предложение сдачи, и тогда был перекрыт доступ воды в город. На помощь осажденным из Рязани вышел Роман Игоревич, но был отброшен Олегом Владимировичем. Лишь 18 октября, на день апостола Луки, Пронск сдался. Всеволод оставил там Олега Владимировича и пошел к Рязани, оставляя в населенных пунктах своих посадников. На переправе через Проню князя застали послы от рязанцев и епископ Арсений. Он просил не разорять храмы, обещая выполнить «всю волю» Всеволода Владимирского⁹. Князь повернул к Коломне, находящейся на границе Рязанского и Владимирского княжеств, а оттуда – к устью Мерьскы, где его вновь застиг епископ с просьбой от рязанцев. После этого Всеволод Юрьевич направился во Владимир, куда вступил в среду 21 ноября, на Введение святой Богородицы¹⁰. После поучительных рассуждений летописец сообщает,

⁶ ЛЛ. Стб. 430. Возможно иное толкование данной ситуации в связи с тем, что глагол «льстят» в средневековых источниках имел значение «намереваются убить». Благодарим за это замечание Т.Л. Вилкул; В Симоновской летописи рязанские князья были обличены перед Всеволодом своими родственниками – см.: Симоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913 (далее – Симоновская летопись). С. 44.

⁷ ЛЛ. Стб. 431; Симоновская летопись. С. 44.

⁸ Там же. Стб. 432.

⁹ Там же. Стб. 432.

¹⁰ Там же. Стб. 433.

что рязанцы, «здумавше», выслали во Владимир оставшихся князей с княгинями¹¹.

В Новгородской первой летописи (далее – НПЛ) говорится:

«и придоша на рѣкѹ на Окѹ, и тѹ ся скопиша вси вои, а князи рязаньстии и сташа об онѹ страну Окѣ, въ помощь Всеволодѹ. И позва е Всеволодѹ на обѣдѹ, и съдоша б князь въ шатрѣ, а Глѣвъ и Ольгѹ ꙗ Всеволода въ шатрѣ, и новгородци. И тѹ оবাদиста Володимириця братью свою: «и не ими, княже, вѣры братьи наю, сѹтъ на тя съвѣтали с чьрниговьскими князи», и темь е облици рязаньстии князи. И Всеволодѹ изма е и мѹж ихѹ, и сковавѹ, посла е в Володимирь, а сам поиде съ новгородци и съ клеветником на Рязаньскѹю волость; и приде къ Проньскѹ и рече: «передаите ми ся». Они же сташа съ князьмъ Изяславомѹ съ третнемъ Володимиричемъ; кюрѹ Муханлъ побеже переди ис Проньска. И отѹя ꙗ нихѹ воду, и они передашася; и я княгыню кюрѹ Муханловѹю, товары понма вѣщисла, а съ Изяславомѹ мирѹ вѣзя, и отѹидоша сторови»¹².

При соотнесении данных ЛЛ и НПЛ складывается следующая картина. Поход, в котором должны были участвовать рязанские князья, замышлялся Всеволодом против черниговских князей, но в Москве Всеволод узнал об измене рязанцев. Её подтвердили Глеб и Олег Владимировичи (по НПЛ только они сообщили об измене родственников). Шесть рязанских князей, сидевших отдельно в шатре (ЛЛ указывает их имена и-отчества некоторых из них): Роман и Святослав Глебовичи и два сына последнего, а также Ингварь и Юрий Игоревичи (племянники Романа и Святослава)), были отправлены с боярами во Владимир. Затем Всеволод Юрьевич, видимо, с Олегом и Глебом Владимировичами пошел к Пронску; его оборонял их брат Изяслав Владимирович. Жители Пронска приняли Изяслава после того, как их князь Кир Михаил убежал в Чернигов к тестю Всеволоду Черному. Владимирский князь осадил Пронск и лишил его воды. Проняне бились, видимо, надеясь на помощь из Рязани, но рязанский князь Роман Игоревич (брат плененных Ингваря и Юрия) был с дружиной остановлен Олегом Владимировичем. Затем Пронск сдался, Изяслав примирился с победителями, в руки Всеволода Юрьевича попала жена Кира Михаила. Всеволод дви-

¹¹ Там же.

¹² НПЛ. С. 50 (цит. по старшему изводу), 247–248.

нулся на Рязань, но, будучи остановлен просьбами рязанцев и епископа Арсения, от Коломны ушел во Владимир.

В НПЛ (не указаны числа и дни недели) много внимания уделено новгородцам и их посаднику Дмитру Мирошкиничу. ЛЛ разрывает рассказ о рязанской эпопее Всеволода Юрьевича напоминанием о конечной цели похода и указанием, что плоды его действий пожали смоленские князья:

«То же слышавъ Рюрикъ княѣ ѿже Всеволодъ великѣи княѣ стоитъ оу Рязанѣ и князи ихъ изимавъ ѿнѣ же совокупася и гна изъѣздѣ г Кыеву и выгна Всеволода Чермнаго ис Кыева а сѧ сѣде в немь»¹³.

Создается впечатление, что Всеволод Юрьевич потерпел дипломатическое поражение:

«Но грандиозный карательный поход 1207 года, начатый Всеволодом III с явным намерением удалить своего докучливого тезку из Киева, довольно неожиданно обернулся крупным вторжением в Рязанское княжество»¹⁴.

При изучении сведений НПЛ и ЛЛ оказывается все не так просто: Кир Михаил бежал из Пронска. ЛЛ добавляет, что он направился в Чернигов к тестю. НПЛ указывает, что после падения Пронска Всеволод Юрьевич захватил жену Кира Михаила – дочь Всеволода Чермного. Если поход на Чернигов замышлялся как месть Всеволоду Чермному за изгнание Ярослава Всеволодовича из Переяславля-Южного, то воздаяние получилось пропорциональным. Была захвачена дочь Всеволода Чермного, его зять бежал из Пронска, где посадили верного владимирскому князю Олега Владимировича (по ЛПС – Давыда Муромского); Рюрик Ростиславич выгнал Всеволода Чермного из Киева. Трудно доказать согласованность действий Всеволода Юрьевича, но и утверждение Дж. Феннела сомнительно:

«...Всеволод пошел в поход не для этого, но его исходная цель – изгнать Всеволода Чермного из Киева – была тем не менее достигнута как побочный результат подавления рязанских князей. Узнав, что и Всеволод III, и наиболее вероятные его союзники находятся далеко в

¹³ ЛЛ. Стб. 432–433.

¹⁴ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси... С. 70.

Рязани, Рюрик сделал дело за него. К концу года он выбил Всеволода Черного из Киева и сел на великокняжеский престол.¹⁵

Сомневаться в этом заставляют детали ЛЛ (а также то, что вскоре Мстислав Удатный отобрал у владимирского князя Новгород). Всеволод Юрьевич после взятия Пронска, удовлетворившись просьбами рязанцев и епископа Арсения, не пошел на Рязань. Крупным вторжением в Рязанскую землю, вслед за Феннелом, акцию Всеволода III назвать трудно. Пал Пронск, был нейтрализован князь, сидевший в Рязани. Рязань уцелела. После падения Пронска Изяслав Владимирович не пострадал, но была захвачена жена Кира Михаила. Вот это могло быть целью похода Всеволода III. При таком допущении он предстает как осторожный и реалистичный политик. Кроме прочего, указание ЛЛ на то, что после возвращения Всеволода во Владимир рязанцы выслали ему остальных князей, свидетельствует об обещаниях, данных Всеволоду епископом Арсением.

По сообщению ЛЛ и Симеоновской летописи Всеволод Юрьевич узнал об измене рязанских князей еще в Москве. Глеб и Олег Владимировичи лишь были обличителями в «следственном действии». НПЛ указывает, что Всеволод узнал о рязанской измене от Глеба и Олега Владимировичей, причем они «обвдиста» своих родственников. Уже после того, как были пленены шесть рязанских князей, Владимировичи были названы клеветниками, пошедшими вместе с Всеволодом Юрьевичем на Пронск. При этом слово «клеветники» можно понимать и как «обвинители», то есть не только как моральную, но и судебную категорию.

В Типографской летописи, Рогожском летописце и летописи Аврамки эта годовая статья также пропущена. Первая выборка Новгородской Карамзинской летописи (НК1) повторяет сведения НПЛ¹⁶; во второй выборке эта статья отсутствует. В Софийской первой (далее – СИЛ), Новгородской четвертой (далее – НІVЛ), Новгородской по списку П.П. Дубровского (НЛД) летописях сведения написаны в том же русле¹⁷.

Тверской сборник (далее – ТВ) совмещает сведения традиции НПЛ и ЛЛ, хотя в сведениях больше симпатии выражается рязанским князь-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Новгородская Карамзинская летопись // ПСРЛ. Т. XLII. СПб., 2002 (далее – НК1). С. 80–81.

¹⁷ СИЛ // ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. М., 2000. Стб. 261; НІVЛ // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М., 2000. С. 181. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // ПСРЛ. Т. XLIII. М., 2004. С. 78.

ям. Но Владимировичи просто «сказаства» и «глаголюще» великому князю (без «обадили»), в то же время они названы клеветниками (в НПЛ и других летописях слово *клеветники* употребляется без привязки к Владимировичам, и такое понимание вытекает из контекста). В конце статьи сообщается, что Рюрик Ростиславич, узнав о действиях Всеволода Юрьевича, выгнал его черниговского тезку из Киева, а рязанцы своих князей и княгинь отправили во Владимир. Из ЛЛ, видимо, взята дата выступления Всеволода Большое Гнездо из Владимира к Москве – 19 августа (без указания на воскресный день). ТВ дает и уникальные сведения: плененные Всеволодом на Оке рязанские князья были отправлены сначала во Владимир, а потом – в Петров. В отличие от ЛЛ епископ Арсений, прибывший от княгини с мольбой, был взят Всеволодом Юрьевичем во Владимир. Также добавлено в ТВ, что после падения Пронска его жители и Изяслав ходили к кресту, что была разделена вотчина между Глебом, Олегом и Изяславом¹⁸.

Ермолинская летопись (далее – ЕРМ) по стилю и настроению ближе к ЛЛ. Подобно ТВ, ЕРМ сообщает, что плененные князья сначала были направлены во Владимир, а затем в Петров; что были приведены к кресту проняне и Изяслав Владимирович, что Всеволод Юрьевич разделил вотчину между 3-мя Владимировичами после капитуляции Пронска, что епископ Арсений был уведен Всеволодом. Указаны имена двух сыновей Святослава Глебовича – Мстислав и Ростислав. Рязанцы после ухода Всеволода во Владимир отослали ему рязанских князей и княгинь¹⁹.

В Московском своде известия о походе 1207 г. на Рязань поданы без прелюдии, что есть в ЛЛ: Всеволод Юрьевич узнав, что Ольговичи изгнали смоленских князей с юга Руси, сокрушается, что черниговские князья вместе с погаными воюют Русскую землю. Рассказ о рязанском походе начинается после сообщения о выходе Мстислава Мстиславича из Торческа, окруженного половцами, союзниками Всеволода Чермного. Мстислав целует Всеволоду Чермному крест. Затем следует фраза:

«Всеволод же идоша на конихъ брегом со княземъ Романом Игоревичемъ. Слышевъ же то князь великий Всеволод и посла Олга Володи-

¹⁸ Тверской сборник // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000 (далее – ТВ). Стб. 305–307.

¹⁹ Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. М., 2004. С. 61–62.

мерича к лодьямъ с полкомъ своим, и сняшяся у города Олгова, и повѣди Олег Романа, и бѣжа Романъ къ Рязаню».

Рассказ о рязанском походе Всеволода в Московском летописном своде конца XV в. не имеет начала. Сохранившаяся часть рассказа содержит сведения, что Изяслав Владимирович, защищавший Пронск, сдался 18 октября (без указания памяти Луки, как в ЛЛ), что его с пронянами Всеволод Юрьевич привел к кресту, что владимирский князь между Изяславом и Глебом и Олегом разделил вотчину. Всеволод Юрьевич не пошел к Рязани после того, как к нему обращался епископ Арсений (сведение, имеющееся в ЛЛ), как сам великий владимирский князь встречался с послами оттуда. Следующее посольство закончилось тем, что его главу, епископа Арсения, Всеволод увел во Владимир²⁰. Видимо, в Московском летописном своде начало рассказа о рязанском походе Всеволода было испорчено. В более полном виде он есть в Воскресенской летописи:

«...Мстиславъ же не трѣпя быти во градѣ, цѣлова къ нему крестъ на его воли. Всеволодъ же Чермный пришедъ сѣде въ Кіевѣ, много зла сотворивъ земли Руской. Слышавъ же великій князь Всеволодъ Юрьевичъ, внукъ Володимера Манамаха, яко Олговичи воюютьъ землю Рускую съ погаными...»²¹.

Затем идет рассказ, близкий к введению ЛЛ. Однако весть об измене рязанских князей Всеволод Юрьевич получил от Глеба Владимировича, будучи на Оке. В ходе последовавшего расследования Глеб и Олег «овлічиста» своих родственников. Потому-то Всеволод Юрьевич велел отвести 6 рязанских князей (перечень имен) с боярами во Владимир, а оттуда они были отправлены в Петров. В остальных деталях повторяются сведения Московского летописного свода²².

Интересен топоним **Петров**, встречающийся в Львовской²³, ЕРМ, ТВ, Воскресенской летописях. Судя по тексту, этот населенный пункт стал конечным в маршруте плененных Всеволодом Юрьевичем рязанских князей. Предположительно, Петров – это какой-то населенный пункт

²⁰ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. М. – Л., 1949. С. 106–107.

²¹ Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VII. М., 2001. С. 114.

²² Там же. С. 114–115.

²³ Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. Ч. I. М., 2005. С. 146.

во Владимирском княжестве (которого нельзя идентифицировать по источникам). А.Г. Кузьмин предложил другое решение:

«Источники не знают города с таким названием, да и незачем было куда-то еще отправлять рязанских князей. По В.Н. Татищеву, «на Петрове у Ольгова» стояли с провиантом владимирские войска... «Петров», следовательно, назван ошибочно вместо «Остров». И, действительно согласно Воскресенской летописи, Всеволод, отправив рязанских князей во Владимир, отпустил ладьи на «Остров к Ольгову со всем товаром». Лишь после этого он сам отправился к Пронску»²⁴.

Принять такое объяснение не позволяет текст той же Воскресенской летописи (в Московском летописном своде отсутствует из-за утраты начала повествования о рязанских делах в 1207 г.):

«Князь же великій повелѣ изнимати нхъ и бояръ нхъ, и вести въ Володимерь, а оттолѣ посла и въ Петровъ. Во ѹтрин же самъ перевродися Окѹ и поиде ко Проньскѹ со сынами своими.., а лодьи свои отпустиша на островъ ко Олговѹ со всеѣмъ товаромъ»²⁵.

Как видно, последняя строка цитаты не заменяет сообщения о посылке рязанских князей во Владимир, а оттуда в Петров. Поэтому нельзя говорить об искажении текста при переписке. Контекст сообщения Воскресенской летописи не противоречит толкованию, что Всеволод сам направил князей из Владимира в Петров, то есть уже после своего возвращения. Да и зачем владимирскому князю надо было во время похода отправлять князей во Владимир, а оттуда на Остров в Рязанской земле? Там их нельзя было контролировать. В конце концов, рязанские князья до смерти Всеволода Большое Гнездо в 1212 г. находились во Владимирском княжестве: ведь оттуда их отпустил Георгий Всеволодович. Объяснение А.Г. Кузьмина не удовлетворяет логике развития рязанско-владимирских отношений в период 1207–1212 гг. Поэтому надо приоритет отдать источнику, дающему уникальное название населенного пункта во Владимирской земле²⁶ (если допускать его искажение под

²⁴ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965. С. 135.

²⁵ Воскресенская летопись. С. 114–115.

²⁶ Этот населенный пункт не упоминается в фундаментальных трудах А.Н. Насонова и В.А. Кучкина (указатели географических названий): Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерус-

пером переписчика, то это могло быть и искажением ойконима в самой Владимирской земле, например: Юрьев (особенно в форме Гюргев)²⁷).

Само название **Петров** является притяжательным по характеру: то есть, населенный пункт, основанный Петром или принадлежащий Петру. Прерогативой основания населенных пунктов или владения ими в XII в. обладали князья. Однако, в Северо-Восточной Руси в XII–XIII вв. не известны князья с именем **Петр**.

В Никаноровской летописи краткое, и не всегда верно переданное, сведение о походе на Рязань близко к традиции НПЛ²⁸.

В Никоновской летописи братья Глеб и Олег Владимировичи названы теми, кто открыл глаза Всеволоду на измену рязанских князей. Это произошло после того, как Всеволод с войсками прибыл к Оке. Причем в одном из списков оба Владимировича оклеветали своих дядьсов, по другому – дали весть владимирскому князю. В дальнейшем тон Никоновской летописи (с. 56) таков, что, после попыток оправдаться, рязанские князья выглядят невинно оклеветанными²⁹. Всеволод велел их отправить во Владимир 22 сентября в субботу. В воскресное утро Всеволод с родственниками и с клеветниками Владимировичами двинулся на Пронск. Причём Кир Михаил бежал из Пронска в Чернигов, узнав, что его дяди оклеветаны его же двоюродными братьями. Проняне взяли к себе для организации обороны Изяслава Владимировича, брата клеветников. 18 октября Пронск капитулировал, проняне с князем Изяславом были приведены к кресту. Всеволод Юрьевич по всем градам посадил наместников и хотел идти к Рязани. Но её жители упростили не делать этого. Тогда Всеволод пошел к Москве, где стал на устье Мерскы (сообщение об этом есть в ЛЛ). Туда пришел епископ Арсений с просьбой о мире, и Всеволод забрал его с собой во Владимир, рязанцы отправили своих князей и княгинь во Владимир. Затем идут новгородские известия о том, как Всеволод отпустил новгородцев из войска, как

ского государства. М., 1951. С. 247; *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. М., 1984. С. 341.

²⁷ Это умозаключение следует рассматривать как догадку, уравнивающую догадку А.Г. Кузьмина.

²⁸ Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. XXVII. М.–Л., 1962. С. 37.

²⁹ Мнение А.Г. Кузьмина, что «летопись пользовалась текстами антирязанской направленности» (*Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание... С. 137–138), не обосновано, поскольку симпатии летописца выражены противоречиво. Эта противоречивость обусловлена пестротой источников, использованных составителем Никоновской летописи.

развивались события в Новгороде³⁰. Затем идет сведение о том, что Рюрик Ростиславич, узнав о действиях Всеволода Большое Гнездо в Рязанской земле, выгнал Всеволода Чермного из Киева³¹.

В Московском летописном своде и Воскресенской летописи видна новгородская подоплека событий, но с некоторыми акцентами, позволяющими считать, что Владимировичи не клеветали, что их обличения были справедливы. Также в них указаны погодные обстоятельства, помешавшие Всеволоду Юрьевичу совершить поход на Рязань. Князь после Пронска направился к Коломне, подошел к ней через лед, а на следующий день его разметало. Туда добрался епископ Арсений, но обратно он уйти не мог.

А.Г. Кузьмин отметил, что несколько иначе события 1207 г. в Рязанской земле освещены в Летописце Переяславля Суздальского (далее – ЛПС)³²: после капитуляции Пронска Изяслав ушел в свою волость, а в Пронске Всеволод оставил князя Давида Муромского и посадника Ослядюка. Рязанцы же открыли Всеволоду ворота, он посадил там своего сына Ярослава и оттуда вывел княгинь, в числе которых была жена Кир Михаила³³. А.Г. Кузьмин охарактеризовал сведения ЛПС как более поздние по отношению к описываемым событиям, нежели ЛЛ:

«Время осады здесь увеличено вдвое, а утверждение Ярослава в Рязани, вероятно, произошло уже после возвращения Всеволода во Владимир и, видимо, при других обстоятельствах. Тем не менее известие может пролить некоторый свет на события, не знакомые владимирскому летописцу. Если Лаврентьевская летопись говорит подробно о том, что происходило в стане осаждавших, то в Летописце приводятся сведения о положении осажденных»³⁴.

Вслед за А.Г. Кузьминым нужно обратить внимание на сообщение об уходе Изяслава Владимировича в свою волость. Если князь имел свою волость, то он вполне мог узурпировать пронский стол после бегства Кира Михаила или сделать это по согласованию с ним.

³⁰ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. X. С. 54–58.

³¹ Там же. С. 59.

³² Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 132–134.

³³ По цитате А.Г. Кузьмина из ЛПС (ЛПС. С. 108): Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 132.

³⁴ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 132.

§ 2. 1208–1209 гг.: трудности непоследовательной оккупации Рязани. Явление Георгия Всеволодовича

В 1208 г. году события продолжали развиваться. Согласно ЛЛ и Симеоновской летописи, Всеволод Юрьевич направил на рязанский стол сына Ярослава, рязанцы целовали крест Всеволоду, но затем захватили его людей, заковали, а кого-то даже умили в погребе. О том, что произошло с Ярославом, летопись не сообщаст. Всеволод Юрьевич направился с детьми к Рязани. Его радостно встречал Ярослав, вышедший навстречу. Рязанцы же по своему обычаю и непокорству обратились с буйной речью к владимирскому князю, и он тогда велел всем выйти из города с имуществом, затем город был сожжен. Затем Всеволод Большое Гнездо так же уничтожил Белгород и вернулся во Владимир, прихватив с собой Ярослава, всех рязанцев и епископа их Арсения. Ответ со стороны Рязани нанесли Кир Михаил и Изяслав, начавшие разорять окрестности Москвы. Тогда владимирский князь направил против Кира Михаила и Изяслава сына Георгия, нанесшего им поражение. Они спаслись бегством, потеряв много воинов павшими и плененными³⁵.

В этом сообщении нет датирующей информации, кроме указания, что ответный рейд Кира Михаила и Изяслава состоялся той же зимой. Это означает, что это событие и реакция владимирского князя произошли зимой 1208–1209 гг.³⁶

Истолкование этого известия упирается, по крайней мере, в три проблемы:

- 1) Какова была роль Ярослава Всеволодовича в этих событиях?
- 2) Как согласовать сообщения других летописей, что епископ Арсений был уведен во Владимир еще в 1207 г.?
- 3) Насколько можно доверять сообщению ЛЛ об уводе рязанцев во Владимирское княжество вместе с Всеволодом?

Ответить на последний вопрос пытался П.В. Лукин. Сравнивая данные «Повести временных лет» и «Хроники» Титмара Мерзбургского о событиях междоусобной борьбы Владимировичей в начале XI в., Лукин обратил внимание на сообщение «Хроники» о том, что до занятия польским королем Болеславом Киева Ярослав Владимирович захватил некий город, и все его население – «habitator» – увел в плен. Доверяя

³⁵ ЛЛ. Стб. 434; Симеоновская летопись. С. 46.

³⁶ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 101.

этому сообщению, П.В. Лукин обратился к рязанскому походу Всеволода Большое Гнездо. После победы князь возвратился, «*пони́мъ по советѣ кнѣзѣ Рязанци и епископа нхъ Арсенья*». Отказываясь видеть во всех рязанцах только их часть, П.В. Лукин настаивает, что были выведены все жители Рязани, дерзко переговаривавшиеся с князем³⁷. Для нас важно буквальное понимание П.В. Лукиным сообщения ЛЛ о событиях в Рязани в 1208 г.

К этому толкованию нужно присоединиться, указав в качестве аргумента на еще один факт переселения городского населения в Древней Руси в начале XII в. Оно хронологически располагается между борьбой детей Владимира Святославича и рязанскими походами Всеволода Большое Гнездо. В 1116 (1117) г. возобновленный город Желни на половецком пограничье в Посулье был заселен пленными жителями Друцка. Организатором этой акции был Ярополк Владимирович, участвовавший годом ранее в походе на Минск и в разорении Друцка³⁸. Массовый характер переселения из Друцка в Желни был подтвержден археологически и антропологически. А.П. Моця отметил разноэтничность населения Желни начиная с XII в. (антропологические следы балтов)³⁹. Различие между судьбой дручан и рязанцев в том, что первые так и остались в Посулье, а рязанцев Георгий Всеволодович отпустил в 1212 г. Тогда возникает еще одна проблема: а где все это время до смерти Всеволода III находились пленные рязанцы, за счет чего жили, зачем были выведены Всеволодом Юрьевичем? ЛЛ не дает возможности ответить на этот вопрос. Политическая практика сына Всеволода Юрьевича – Ярослава – также дает пример переселения горожан: зимой 1216 г. он, уходя из Торжка, увел всех его жителей⁴⁰.

Отвечая на второй вопрос (о согласовании данных об уходе епископа Арсения еще в 1207 г.), надо посмотреть летописи, уже извещав-

³⁷ Лукин П.В. Киевляне XI века в русских источниках и «хронике» Титмара Мерзбургского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (14). Декабрь 2003. С. 97–98.

³⁸ ЛЛ. Стб. 290–291; ИЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 282–283.

³⁹ Моця А.П. Сведения об этническом составе летописной Желни по данным могильника // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева. Минск, 1983. С. 82–84.

⁴⁰ НПЛ. С. 55, 255. (По мнению Т.Л. Вилкул, глагол «поймавъ» в данном сведении может означать мобилизацию всех боеспособных мужчин Торжка.)

шие, что епископ Арсений был уведен во Владимир еще в 1207 г. Известия НПЛ легли в основу сведений ряда летописей:

«Того же лѣта ходи Всеволодъ на Рязань, и рече имъ: «пойде къ мнѣ съ сыномъ моимъ Ярославомъ за Оку на ряды»; и перендоша к нему, и ту я изма, и посла пълкы, изма жена и дѣти, а градъ ихъ зажье; и тако растоци я по градомъ»⁴¹.

В известии НК1, датированном 1208 январским годом, сказано лишь:

«Того же лѣта ходи Всеволод на Рязань и рече имъ: «Пойдѣте съ сыномъ моимъ Ярославомъ за Оку на ряд». И перендоша к нему, и ту ихъ изыма, и посла полкы, и поима жены ихъ и дѣти, а град ихъ зажье, и тако расточи ихъ по градомъ»⁴².

Ничего о судьбе епископа Арсения не сообщается, как и в предыдущей годовой статье НПЛ, НК1. Подобно поданы сведения в СИЛ, НИУ, НЛД⁴³. По краткости сообщения близко к этим летописям сведение Рогожского летописца, в котором про события 1207 г. ничего не говорилось:

«Въ лѣто 6717 посла Всеволодъ сына своего Ярослава на столъ въ Рязань и не приаша его, а люди измориша. Всеволодъ же иде къ Рязаню и пожже градъ. Въ лѣто 6718 посла Всеволодъ и възяша Тетроу и родися Всеволоду сынъ Иоанъ»⁴⁴.

Краткое сообщение о событиях 1208 г. есть в Типографской летописи (сведение ЛЛ разбито на две годовые статьи; вторая начинается рассказом о битве Георгия с Изяславом Владимировичем на Тросне):

«Въ лѣто 6716 посла Всеволодъ сына своего Ярослава в Рязань на княженіе, а князей ихъ изыма. Того же лѣта ходи Всеволодъ к Рязани и пожже ю, а сына своего выведе, а люди Рязанскія разведе по городомъ»⁴⁵.

В ТВ события, описанные в ЛЛ под мартовским 6717 г. (1208/1209), разбиты сведениями на две годовые статьи. В 6716 (1208) г. Всеволод

⁴¹ НПЛ. С. 51 (цитируется по этой странице), 249.

⁴² НК1. С. 81.

⁴³ СИЛ. Стб. 262; НИУЛ. С. 182; НЛД. С. 78.

⁴⁴ Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. Стб. 25.

⁴⁵ Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. М., 2000. С. 85.

Юрьевич послал сына Ярослава на княжение в Рязань, её жители целовали крест, но затем нарушили клятву, заковав людей Ярослава, а некоторых в погребах засыпали. ТВ добавляет, что рязанцы

«еще же свѣщащєся съ Володимеричи, Глѣвомъ и Изяславомъ, и хотѣша имъ Ярослава выдати»⁴⁶.

Этот круг князей, с которыми совещались рязанцы, желая убрать Ярослава, по мнению А.Г. Кузьмина, косвенно подтверждает уникальное сообщение ЛПС о смерти Олега Владимировича в 1208 г.⁴⁷. Затем повторяются сведения ЛЛ об ответных действиях Всеволода (сожжение Рязани и Белгорода) с добавлением, подтверждающим правоту интерпретации П.В. Лукина:

«...люди Рязанскіа веде со совою къ Володимеру, и з женами и з дѣтьми, и епископа Арсеніа, и розославъ ихъ по всѣм городомъ своимъ»⁴⁸.

Уже под 6717 г. (1209) в летописи упомянут набег Изяслава Владимировича с Кирием Михаилом на Подмоскovie. Победа Георгия Всеволодовича описана более подробно: он нагнал Изяслава на реке Тросне, избил именно его дружину и частью её пленил, сам Изяслав Владимирович бежал; узнав об этих событиях, бежал со своим полком Кирием Михаил⁴⁹. То есть можно реконструировать действия рязанских князей, что они, войдя во Владимирскую землю, разделились, что и дало Георгию возможность разбить Изяслава. Помещение этого события в следующий год связано с тем, что в ТВ летосчисление велось по сентябрьскому стилю. Поэтому «та же зима» ЛЛ должна была бы стать зимой следующего года в ТВ. Но о зиме в ТВ ничего не говорится, зато указывается, что Георгий Всеволодович вернулся с честью

«се же (бысть) въ великій четвѣртокъ, на Сѣворе архгела Гавріила, марта 26»⁵⁰.

Повторено сведение ЛЛ в ТВ в начале статьи о событиях 1208 г.:

⁴⁶ ТВ. Стб. 307.

⁴⁷ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 133.

⁴⁸ ТВ. Стб. 308.

⁴⁹ Там же (о победе Георгия сообщается без деталей в: Симеоновская летопись. С. 46).

⁵⁰ Там же.

великий князь Всеволод послал сына Ярослава в Рязань. Н.Г. Бережков, ссылаясь на трактовку известия ЛПС, заключил:

это сообщение «имеет характер вводного сообщения к основному содержанию статьи и относится к предыдущему, 6715 (1207/8) мартовскому году... как видно из сообщения Переяславле-Суздальской летописи под 6716 ультрамартовским годом. Действия рязанцев по отношению к Ярославу и самому Всеволоду вызвали в 6716 (1208/9) мартовском году карательный поход Всеволода к Рязани»⁵¹.

Это известие, разбитое на две годовые части, есть в ЕРМ. Там даны сведения о сговоре рязанцев с Владимировичами – Глебом и Изяславом, об уходе Арсения и рязанцев и рассылке их по городам; в следующей годовой статье повествуется об отражении Георгием Всеволодовичем набега Кира Михаила и Изяслава Владимировича и возвращении Георгия с честью в великий четверг, на Зборе архангела Гавриила⁵².

После переработки, направленной в сторону того, чтобы показать Всеволода пострадавшей стороной, сообщается о событиях 1208 г. в Московском летописном своде⁵³. Зато появляются подробности о борьбе с рязанскими князьями, вторгнувшимися на территорию Владимирского княжества зимой 1209 г.:

«Приходиша к Москве Рязанская два князя, Изяславъ Володимирич и Кюръ Михаилъ Всеволодич, слышаша во, яко сынове Всеволодаже отошли сугъ на Тферъ противу Новгородцем, а сего не вѣдяху, яко урядившеся с новгородци придоша с Тфери въ Володимеръ къ отцю своему; нача же воевати села около Москвы. Слышавъ же князь велики Всеволод посла противу имъ вборзѣ сына своего Георгия. Пришедшю же ему на Голубино вечеръ и посла сторожи пытати рати, и высть ему вѣсть, оже Изяславъ стоитъ на Мерскѣ, а Кюръ Михаилъ на Литовѣ, а люди своя распустыша воевати. Георгии же понде черес ночь противу Изяславу на Мерьску, тон вѣ ему наперед, и бывъ на Волочцѣ и оттолѣ ряди сторожевын полкъ за рѣку Клязму, а сам понде за ними. И в ранню зорю срътошася сторожеве и, и погнаша Юрьевы сторожи Изяславану, и гнаша их лѣсомъ сѣа. Георгии же понде за ними вборзѣ с полком своимъ и приде к

⁵¹ Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 100–101.

⁵² ЕРМ. С. 62.

⁵³ Московский летописный свод. С. 107.

рѣцѣ Дрозднѣи тѹ ударѣи на Изяслава, онѣ же побѣже, а дружинѹ его его избиша, а другыя изымаша, а самѣ ѹтече чрес рекѹ, и многа дружина истопоша около его. Слышавѣ же то Кюрѣ Михаилѣ, оже Изяславѣ побѣжен, и бѣже и сам с полком своимѣ, бяше во тогда великын четвѣртокъ и соборѣ архангѣла Гавриила. Князь же Георгіе взратисѣ с побѣдою къ отцю своему въ Володимѣрь с великою чѣстью»⁵⁴.

Сравнивая это пространное известие со сведением ЕРМ, видно, что заканчиваются статьи 1209 январского года обеих летописей известиями о втором браке Всеволода Юрьевича и рождении у Константина сына Василия 7 декабря. Интересна фраза о возвращении Георгия Всеволодовича «с победою и чѣстью». Тогда как в ЕРМ говорится о возвращении «с чѣстью». В Московском летописном своде победа Георгия произошла в Великий четверг, на Собор архангѣла Гавриила, а в ЕРМ и ТВ в это время Георгій вернулся во Владимир. После таких сравнений достовернее выглядят сообщения ЕРМ и ТВ.

В Московском летописном своде увязываются события новгородской и рязанской политики владимирских князей. В годовых статьях 1208, 1209 гг. не просто перечисляются события, а они увязаны и корректно встроены в хронологию. Изяслав Владимирович и Кир Михаил действуют решительно, надеясь, что все силы Всеволода Юрьевича находятся в Твери, противодействуя Мстиславу Удатному. В ЛЛ приход Мстислава Удатного в Новгород, захват Святослава Всеволодовича, ответные действия владимирского князя Всеволода и заключение мира освещены в годовой статье 6717 г., следующей за статьей, где говорится о попытках владимирского князя посадить на стол в Рязани сына Ярослава, погрома Рязани и Белгорода, увода местных жителей, отражения набега Кира Михаила и Изяслава Владимировича⁵⁵. В НПЛ (а также в НК1, СЛ, НІВЛ, НЛД) приход Мстислава Удатного в Новгород происходит в тот же год, что и поход Всеволода Большое Гнездо, выручавшего Ярослава в Рязани. Это известие 6718 г. НПЛ Н.Г. Бережков перевел как сведение 6716 (1208/9) мартовского года⁵⁶. Сообщение ЛЛ 6717 г. Н.Г. Бережков, классифицируя его как ультрамартовское,

⁵⁴ Московский летописный свод. С. 107–108.

⁵⁵ ЛЛ. Стб. 434–435.

⁵⁶ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания... С. 255–256.

⁵⁷ Там же. С. 101–103.

отнес к предыдущему известию 6716 г. о погроме Рязани и Белгорода⁵⁷. Тем самым сообщение о приходе Мстислава Удатного в Новгород хронологически попадает между известиями о разорении Рязани Всеволодом, уводом рязанцев и повествованием об отражении в 1209 г. Георгием Всеволодовичем нападения Изяслава Владимировича и Кира Михаила. В качестве примера, где хронологически верно поданы события, Н.Г. Бережков привел Воскресенскую летопись⁵⁸. В сведениях начала XIII в. она повторяет Московский летописный свод конца XV в.: это проявляется и при изучении сведений 1207–1209 гг.⁵⁹. А потому последовательность событий в Московском летописном своде надо признать достоверной.

Мотивировка похода рязанских князей в Подмосковьё

(Приходиша к Москве Рязанская два князя, Изяславъ Володимирч и Кюръ Михаилъ Всеволодич, слышаша бо, яко сынове Всеволоже отошли сѣтъ на Тѣрь противу Новгородцем)

сомнительна, потому что здесь сам летописец объясняет связь событий. Ведь в известии 6716 г. говорится, что Всеволод Большое Гнездо послал своих сыновей Константина, Георгия и Ярослава против Мстислава Удатного⁶⁰. В других источниках о том, что в Тверь направились именно эти сыновья Всеволода, а сам он не пошел, не говорится (кроме ЛЛ). Сведение о походе на Новгород Константина с братией (так в ЛЛ), помещенное в источник Московского летописного свода, могло привести к объяснению летописцем причин похода рязанских князей на Подмосковьё. Само сведение попало из источника, не совпадающего с источником ЛЛ

(...Всеволодъ посла снѣты свога Константина же слышавъ шже иде на нь рать изиде ис Торжкѣ Новгородѣ а ѡтуда иде в Торопецъ в свою волость. Константин же с своєю вродю възвратишася со Тѣфри. Стѡславъ приде к нѣ из Нѡгорода. и бѣхаша вси къ ѡцѣ своємѣ в Володимерь)⁶¹:

ведь сыновья даются без выделения Константина, новгородцы испуга-

⁵⁸ Там же. С. 102, 256.

⁵⁹ Воскресенская летопись. С. 116.

⁶⁰ Московский летописный свод конца XV в. С. 107; Воскресенская летопись. С. 116.

⁶¹ ЛЛ. Стб. 435.

лись Всеволодовичей (а о Мстиславе Удатном в этой схватке ничего не говорится). Возможно, к этому источнику восходит и часть известия 6717 г. Московского летописного свода, Воскресенской летописи об обстоятельствах разгрома Георгием Всеволодовичем двух рязанских князей⁶².

Источник сведения Московского летописного свода об уводе епископа Арсения, видимо, был тот же, что и у ЛЛ. Видимо, он действительно был уведен во Владимир в 1208 г. Этому не противоречит рассказ о событиях 1207 г., где говорится, что Арсений был уведен еще в 1207 г. Епископ в конце 1207 г. мог быть уведен во Владимир, а затем вернуться (о чем летописи не сообщили), и уже в 1208 г. его вновь увел Всеволод Большое Гнездо. Возможно еще одно объяснение, предложенное Б.М. Пудаловым: епископ задержался у Всеволода Большое Гнездо из-за тонкого льда на реке, затем вернулся в Рязань (об этом в летописях не сообщается), а в 1208 г. был окончательно уведен во Владимир.

Подобно изложению событий 1208 г. в Московском летописном своде и Воскресенской летописи переданы известия в Никоновской летописи (правда, есть некоторый сбой сведений в различных списках)⁶³. Также добавлены некоторые детали. Рязанцы не только заковали и кого-то умили в погребах, но и вешали, расстреливали, сажали на кол людей Ярослава Всеволодовича. Глеб и Изяслав Владимировичи названы пронскими князьями, к ним в Пронск должен был быть выдан Ярослав. Тогда Ярослав об этом повестил отца, и тот пришел к нему на помощь со своими детьми⁶⁴.

Факт сожжения Белгорода Всеволодом в 1208 г. позволил А.Г. Кузьмину высказать догадку, что этот город был родовым гнездом Владимировичей вообще⁶⁵. Удар, направленный на них в 1208 г., затем участие Изяслава Владимировича в набеге на Подмоскowie в 1209 г., его более ранняя оборона Пронска в 1207 г. на фоне участия двух других его братьев в осаде этого города – эти факты свидетельствуют о том, что Владимировичи пытались с помощью Всеволода Большое Гнездо убрать конкурентов-родственников внутри княжества. Своим доносом Глеб и Олег Владимировичи дали Всеволоду Юрьевичу предлог для ответа Всеволоду Чермному на изгнание Ярослава из Переяславля захватом жены Кира Михаила (дочери черниговского князя).

⁶² Московский летописный свод. С. 107–108; Воскресенская летопись. С. 116.

⁶³ Никоновская летопись. С. 59–62.

⁶⁴ Никоновская летопись. С. 59.

⁶⁵ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 133.

Дальнейшие действия Всеволода Юрьевича не устроили рязанских Владимировичей. После бегства Кира Михаила Изяслав Владимирович оказался в Пронске и, видимо, рассчитывал обосноваться в нём. В свою очередь, владимирский князь ударил по родовому городу Кира Михаила, зятя черниговского князя, и захватил его жену (сообщение ЛПС не дает оснований опровергать сведения других источников, что она попала в руки владимирского князя после падения Пронска, то есть находилась в нём). Затем Всеволод Юрьевич разделил отчину между Владимировичами. Если следовать догадке А.Г. Кузьмина, то эта отчина была связана с Белгородом. Таким образом, Владимировичи не получили ничего от владимирского князя, сделав донос на своих родственников.

Особенно их должно было возмутить то, что в Пронске был посажен муромский князь Давид вместе с посадником Всеволода Юрьевича, если доверять сообщению ЛПС⁶⁶ и искать подтверждение ему в последующих сведениях данного памятника. Их суть состоит в том, что в 1208 г. (по дате ЛПС) все три Владимировича вместе с Киrom Михаилом и половцами изгнали Давыда из Пронска на том основании, что город не является его волостью. В Пронске обосновался Кир Михаил. Если подверстать к этому сообщению сведение Никоновской летописи, то Кир Михаил мог бы признать права Владимировичей на Пронск при условии их помощи ему в изгнании Давыда и посадника Всеволода Юрьевича – Ослядюка.

Пребывание Давыда в Пронске, на первый взгляд, противоречит сообщению ЛЛ, что Всеволод Юрьевич после падения Пронска посадил там Олега Владимировича⁶⁷. А.Г. Кузьмин это противоречие разрешал так:

«По Лаврентьевской летописи, владимирский князь посадил в Пронске Олега Владимировича. Это как будто отвечало логике событий. По летописцу, в Пронске оказываются владимирский посадник Ослядюк и муромский князь Давид, и такое положение также согласуется с последующими событиями... Внутренняя цельность известий летописца дает возможность думать, что некоторые расхождения летописей объясняются тем, что в них отмечены разновременные факты. Олег Владимирович мог быть посажен в Пронке, а затем выведен из него. Видимо, должны были произойти какие-то события, которые вызвали выступление всех Владимировичей против Всеволода Большое Гнездо»⁶⁸.

⁶⁶ ЛПС. С. 108.

⁶⁷ ЛЛ. Стб. 432.

⁶⁸ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 133.

Подкрепить вывод А.Г. Кузьмина можно тем же сообщением ряда летописей (ЕРМ, Воскресенская летопись, ТВ, Московский летописный свод конца XV в.), что Всеволод Большое Гнездо разделил отчину между тремя Владимировичами уже после падения Пронска и приведения его жителей с Изяславом Владимировичем к кресту. Причем в Московском летописном своде и Воскресенской летописи между сведениями о крестоцеловании пронян, Изяслава Владимировича и о разделе отчины между Владимировичами есть сообщение о том, что Всеволод Юрьевич посадил в Пронске своего тиуна⁶⁹. При этом не сообщается о том, чтобы в Пронске хоть какое время сидел Олег Владимирович. Теперь даже можно ставить вопрос о достоверности сведения ЛЛ об этом. Предпочтение в этой ситуации нужно отдать ЛПС и косвенным данным Московского летописного свода и Воскресенской летописи, подвергнув сомнению сообщение ЛЛ.

§ 3. События 1210–1211 гг.: значение брака Георгия Всеволодовича в урегулировании владимирско-рязанских отношений

Еще одно известие о Рязани, связывающееся отдельными историками с рязанско-владимирскими отношениями, есть в Никоновской летописи:

«Того же лѣта ꙗ́вѣнъ высть въ Кадомѣ тысяцкѣй Рязанскѣй Матфѣѣй Андрѣевичъ»⁷⁰.

Эта фраза имеется в годовой статье, где сообщается о неудачном вокняжении Ярослава в Рязани, её сожжении с Белгородом, уходе рязанцев и епископа Арсения, победе Георгия Всеволодовича над Кирилом Михаилом и Изяславом Владимировичем⁷¹. А.Г. Кузьмин по этому поводу заметил, что впервые Кадом упомянут в 1426 г., но все-таки отказался, подобно А.Н. Насонову⁷², отвергать достоверность данного события⁷³.

⁶⁹ Московский летописный свод. С. 106; Воскресенская летопись. С. 115.

⁷⁰ Никоновская летопись... С. 60.

⁷¹ Там же. С. 59–60.

⁷² Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 207–208. Аргументы А.Н. Насонова таковы: 1) Кадом стоит на Мокше в земле мордвы (далее следуют рассуждения, что там были поселения Пургаса, разбитого лишь в 1229 г.), а летописи не

А.Г. Кузьмин обратил внимание на известие Татищева. Историк XVIII в. писал, что Матфей Андреевич погиб в бою у Кадома с болгарами, разорявшими Рязанскую землю. А.Г. Кузьмин так резюмировал:

«Очевидно, В.Н. Татищев говорит о том же событии, что и Никоновская летопись. Но в летописи оказались опущенными все детали, которые только и могли разъяснить, о чем шла речь в известии. Кадом здесь не внесен в рязанские пределы. Это место, где болгары были достигнуты рязанцами. Рязанские войска во главе с тысяцким были посланы владимирским князем: своих князей в это время на Рязани не было»⁷⁴.

С таким объяснением трудно поспорить, кроме одного пункта. Уникальное известие поздней летописи проверяется с помощью сведения историка XVIII в., часто вставлявшего свои суждения в источниковый текст. Поэтому выводы А.Г. Кузьмина нужно принимать с оговорками как блестящую догадку. Тем более, что объяснение похода против болгар рязанского тысяцкого не является объяснением А.Г. Кузьмина, но уже было представлено в готовом виде в труде Татищева⁷⁵. Эти известия В.Н. Татищева все-таки не позволяют однозначно отнести их к творчеству историка, но – к какому-то летописному памятнику. Однако в самом памятнике они могли относиться к другому времени. Ведь если принять полностью на веру это сообщение, то надо пересматривать выводы о полном разорении Рязани и уходе её жителей Всеволодом Юрьевичем. Если он желал уничтожить Рязань, то центром его влияния должен был стать иной город, откуда выходил бы не рязанский тысяцкий.

Следующее сообщение в летописях, касающееся владимирско-рязанских отношений, содержит информацию о походе из Владимира на Тепру:

«Великѣи княѣ Всеволодѣ послѣ с полкѣмъ Күзъмѣ Ратьшинѣ мечеюшою своего и вѣд Тепру»⁷⁶.

свидетельствуют о борьбе рязанцев с мордвой (можно добавить, что летописных данных нет и для того, чтобы говорить о борьбе владимирских князей с мордвой до 1220-х гг.); 2) с мордвой боролись муромские князья, поэтому рязанским князьям было это делать нелогично.

⁷³ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 139–142.

⁷⁴ Там же. С. 141–142.

⁷⁵ Татищев В.Н. История Российская... Т. III. С. 182; Т. IV. С. 340.

⁷⁶ ЛЛ. Стб. 435. Событие датируется 1209 г.: Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 103.

То же известие есть в Симеоновской летописи⁷⁷. Сообщение об этом походе содержится в Московском летописном своде без указания цели похода:

«Посыла князь великии Всеволод посла с полком Күзмү Ратшича, меченошу своего, и взя миръ и взратися со многомъ полономъ въ Володимерь»⁷⁸.

В Воскресенской летописи в это известие вставлено указание на место похода «и взя Пру»⁷⁹. В Никоновской летописи заметны явные искажения данного известия:

«Тоѣ же зимы князь великии Всеволодъ Юрьевичъ посла воеводу своего Козмү Родивоновичя рятюю въ Рязанскую землю, и взяша Пру Рязанскую внизъ по Окѣ, и возвратишася со многимъ полономъ въ Володимерь»⁸⁰.

А.Г. Кузьмин, разбирая это сообщение 1210 г.⁸¹ ЛЛ, Симеоновской и Никоновской летописей, указав на замену в последней «Тепры» на «Пру», видя в этом правку позднего летописца, отчества «Ратьшич» на «Родивонович», предположил скрытую тенденцию или интерес к определенной фамилии⁸². Исследователь не учел того, что это известие есть в Воскресенской летописи и в Московском летописном своде. В последнем просто говорится о походе Кузьмы Ратшича; в Воскресенской летописи определено, куда он ходил – на Пру. Возможно, отсюда или из общего с Воскресенской источника попало в Никоновскую летопись название «Пра». То есть истолкование «Тепры» как Пры появилось несколько ранее. Предположительно, это истолкование появилось в то время, когда гидронимы «Тепра» и «Пра» были взаимозаменяемы. Относительно замены отчества нужно отметить, что при учете того обстоятельства, что между ЛЛ и Никоновской летописями есть Воскресенская, надо признать убедительность объяснений А.Г. Кузьмина.

Д.И. Иловайский в кратком рассказе об этом походе, используя Никоновскую летопись и труд В.Н. Татищева, объяснил причины похо-

⁷⁷ Симеоновская летопись. С. 46.

⁷⁸ Московский летописный свод. С. 108.

⁷⁹ Воскресенская летопись. С. 117.

⁸⁰ Никоновская летопись. С. 60.

⁸¹ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания... С. 103.

⁸² *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание... С. 142.

да Козьмы Родивоновича тем, что Всеволод Большое Гнездо послал еще раз войско в Рязанскую землю, завоевавшего берега реки Пры⁸³. После наблюдений А.Г. Кузьмина такая простота объяснения развеивается:

«Возможно, что район реки Пры (если только о нем идет речь) еще не входил в состав Рязанского княжества... Присоединив Рязанское княжество, Всеволод, возможно, сделал попытку подчинить и население, жившее в болотистой части Мещерской стороны, которая теперь оказалась окруженной со всех сторон владениями владимирского князя. Иначе трудно объяснить, чем вызывался такой поход... Вероятнее всего, это комментарий позднейшего автора. Но характер этого комментария вполне в духе автора прорязанских текстов летописи»⁸⁴.

Эта мысль А.Г. Кузьмина показательна в том смысле, что ранние источники (ЛЛ, Симеоновская летопись) не уточняют географический район Тепры. Возможно, что поздний переписчик, так или иначе имевший отношение к Рязани, просто прокомментировал, исходя из своего топонимического опыта Рязанской земли, сообщение о Тепре. Поэтому нет уверенности, что поход Кузьмы Ратьшича на Тепру связан с рязанским направлением. Это сомнение усиливается, если посмотреть на конвой сообщения в той же годовой статье.

В ЛЛ поход Кузьмы Ратшича открывает годовую статью. Затем следуют известие о посольстве митрополита Матфея от Всеволода Чермного, сведение о вокняжении Всеволода в Киеве, Рюрика – в Чернигове, рассказ о приходе половцев к Переяславлю, сообщение о рождении у Константина сына Всеволода-Иоанна⁸⁵. В Московском летописном своде: Ростислав Рюрикович сел в Галиче, а Романа Игоревича выгнали; изгнание осенью из Галича Ростислава Рюриковича и вокняжение Романа Игоревича с братом; приход митрополита Матфея к Всеволоду Юрьевичу от Всеволода Чермного с просьбой о мире и улаживании многих проблем, рождественская служба митрополита Матфея во Владимире; отпуск Всеволодом Юрьевичем рязанских княгинь; Всеволод Чермный сел в Киеве, а Рюрик в Чернигове; приход половцев к Переяславлю; рождение у Константина сына Всеволода-Иоанна; рассказ о походе Кузь-

⁸³ Иловайский Д.И. История Рязанского княжества // *Он же*. Рязанское княжество. М., 1997. С. 49, 175.

⁸⁴ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 142–143.

⁸⁵ ЛЛ. Стб. 435.

мы Ратшича завершает летописную статью⁸⁶. Те же последовательность и набор сведений встречаются в Воскресенской летописи⁸⁷. В Никоновской летописи перепутана последовательность многих событий того (1210) года и смежных лет: Ростислав сел в Галиче, а Романа Игоревича оттуда изгнали; осенью ситуация поменялась – Ростислава изгнали, а Романа с братом посадили вновь; осенью Всеволод Юрьевич посылал Константина с братьями на Торжок против Мстислава Мстиславича; тот ушел в Новгород, а оттуда – в Торопец, возвращение Константина из Твери и приход Святослава Всеволодовича из Новгорода; Всеволод Юрьевич послал Козму Родивоновича на Пру Рязанскую, и тот вернулся с полоном; новгородцы избили настигнутую Литву в Ходыничихах; Мстислав Мстиславич пришел в Торжок и изъял мужей Мстислава и оковал посадника; Мстислав послал в Новгород кланяться новгородцам Софии и гробу отца; новгородцы посадили в заключение Святослава, и Мстислав пришел в Новгород; ответные действия Всеволода Большое Гнездо и его детей и улаживание отношений с Мстиславом; приход рязанских князей под Москву; Всеволод Чермный от имени Ольговичей направил Матфея к Всеволоду Большое Гнездо (один из вопросов миссии Матфея – судьба рязанских князей); Всеволод Владимирский целовал крест на соблюдение мира с Ольговичами и отпускает Матфея; у Константина Всеволодовича родился сын Иван, «глаголемый Всеволодь»⁸⁸.

Если взять за эталон последовательность событий, изложенных в ЛЛ, то видно, как в поздних летописных памятниках, по сравнению с ранними, меняются логика изложения и набор сведений и усиливается необходимость комментирования летописцем отдельных непонятных мест.

Что касается последовательности, то, допуская, что поход Кузьмы Ратшича на Тепру, о чем сообщается в ЛЛ и Симеоновской летописи, стал одним из этапов покорения Рязанской земли и прилегающих к ней территорий, это мероприятие могло подтолкнуть, стимулировать дипломатическую активность Всеволода Чермного. А потому он направил митрополита Матфея во Владимир для заключения мира со своим тезкой.

Иная последовательность рисуется в Московском летописном своде и в Воскресенской летописи (с уточнением цели похода, чего нет в Московском летописном своде): сначала – миссия митрополита Мат-

⁸⁶ Московский летописный свод. С. 108

⁸⁷ Воскресенская летопись. С. 116–117.

⁸⁸ Никоновская летопись. С. 60–62.

фея, затем – поход Кузьмы Ратьшича. Таким образом, летописец XV в. не видел связи похода Кузьмы Ратьшича и миссии Матфея. Да и как объяснить дальнейшее подчинение Рязани Всеволодом после договоренностей с митрополитом и Всеволодом Чермным, в том числе и по Рязани (если верить Никоновской летописи)?

Таким образом, если летописцы меняли последовательность событий, то их произвол должен быть понятен и при комментировании раннего похода на Тепру воеводы Всеволода Большое Гнездо.

Два события, знания о которых существуют в историографии на уровне догадки, – убийство в Кадоме рязанского тысяцкого и поход на Тепру – «жизнеспособны», если их рассматривать в связи между собой. Они объяснимы тем, что Всеволоду Большое Гнездо по мере усиления своей власти над Рязанью пришлось решать и отдельные проблемы рязанских князей: покорение населения Пры и борьбу с булгарами.

Возвращаясь к походу на Тепру, надо отметить, что, куда он был направлен, неясно. Уверенность А.Н. Насонова, что Тепра – это Пра⁸⁹ – левый приток Оки, основывается на догадке. Единственная её опора – сообщение в ЛЛ, которое не дает возможности для идентификации рассматриваемого топонима с рекой Прой. Если же допускать правильность такой идентификации, то возникает вопрос о последовательности событий: что было раньше – поход на Тепру или миссия Матфея?

В Московском летописном своде и Воскресенской летописи обоим событиям предшествует рассказ о событиях в Галицкой земле, а именно, о краткосрочной замене Игоревичей на детей Рюрика Ростиславича. В более ранних памятниках этого сообщения нет, а потому приходится доверять только им и их датировке, то есть не принимать сведения Московского летописного свода и Воскресенской летописи. Произошла замена Игоревичей до осени, когда два сына Рюрика Ростиславича были вновь изгнаны. В начале зимы митрополит Матфей прибыл во Владимир и находился там вплоть до Рождества. Все это относится к 1210 г., а затем идет речь о походе Кузьмы Ратьшича. То есть если доверять последовательности событий, то этот поход состоялся уже в 1211 г. А, как помним, в ЛЛ поход воеводы Кузьмы Ратьшича предшествовал приезду митрополита Матфея. На данном хронологическом противоречии необходимо зафиксировать внимание и констатировать, что для его окончательного разрешения не хватает данных.

⁸⁹ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 197, 207, 208, 215, 248.

Следующие события, связанные с владимирско-рязанскими отношениями, – это миссия митрополита Матфея и брак Георгия Всеволодовича с дочерью Всеволода Чермного.

На них обратил внимание еще Н.М. Карамзин, дав их неверное причинное истолкование, как и многие современные исследователи. Наиболее ярко оно проявилось в исследовании Дж. Феннела:

1210 г. «...не принес Ольговичам успеха. Им не удалось изгнать Рюрика из Киева и закрепиться там. Они терпели поражение за поражением на юго-западе Руси, ... на востоке их бывший союзник Рязань была разгромлена Всеволодом III... Единственная надежда на возвращение былых успехов заключалась в том, чтобы искать поддержки у Всеволода III. Это и было проделано с некоторой долей коварства. В декабре 1210 г. Всеволоду Чермному удалось убедить киевского митрополита Матфея отправиться с миссией во Владимир на Клязьме... Всеволод заключил с Ольговичами мир. Цель этой миссии была двойной: во-первых, удалить Рюрика из Киева – митрополит Матфей, без сомнения, всей душой откликнулся на эту просьбу Всеволода Чермного, поскольку главе русской церкви вряд ли могло понравиться, что на киевском престоле княжит монах-расстрига; во-вторых, просить о милосердии к рязанцам, заключенным во Владимире, – и снова Всеволоду Чермному достаточно было только напомнить митрополиту, что один из его епископов находился во Владимире под стражей. Условия договора не упоминаются ни в одном из источников, но мы можем реконструировать их, анализируя последующий ход событий. Очевидно, Всеволод Чермный сделал ряд уступок. По всей вероятности, он согласился ослабить давление на рязанцев, поскольку за два года правления Всеволода III отсутствуют сведения о каких-либо новых всплесках военных действий против Суздальской земли в этом княжестве. Что касается просьб митрополита, то одна из них была выполнена частично: Всеволод III согласился выпустить жен рязанских князей..., но рязанский епископ и князя остались во Владимире. По другой части поручения было достигнуто все, чего Всеволод Чермный мог только пожелать, – Всеволод получил Киев. Для закрепления мирного договора между двумя домами был заключен брак: 10 апреля 1211 г. дочь Всеволода Чермного Агафья обвенчалась с сыном Всеволода III Юрием. О судьбе Рюрика летописцы сообщают подозрительно отрывочно, конспективно, туманно... По всей видимо-

сти... Рюрик находится в Чернигове на положении пленника вплоть до своей смерти в 1215 году»⁹⁰.

Все события, кроме сведений о судьбе Рюрика Ростиславича после 1210 г., почерпнуты Дж. Феннелом из ЛЛ и Московского свода конца XV в.⁹¹

Между тем, эти источники не дают оснований для подобной интерпретации событий. В предыдущей главе, посвященной истории Переяславля, доказывается, что два посольства митрополита Матфея во Владимир у В.Н. Татищева есть одна реальная дипломатическая миссия. События 1210–1211 гг. являются ключевыми в решении вопроса о времени и обстоятельствах перехода Переяславля-Южного под власть владимирского князя. Дж. Феннел, разбирая мотивацию Всеволода Чермного и Матфея в посольстве к владимирскому князю, не вспомнил о причине конфликта между двумя Всеволодами – изгнание Ярослава из Переяславля. Но почему-то, по мнению Дж. Феннела, главным для Всеволода Чермного после решения вопроса о киевском княжении было урегулирование вопроса о Рязанской земле. В сопряжении этих двух вопросов о причине конфликта и об урегулировании положения в Рязани надо искать возможность реконструкции договора конца 1210 г.

Как указывалось выше, ответом владимирского князя на изгнание его сына Ярослава из Переяславля стал поход на Чернигов, оборвавшийся в Рязанском княжестве. По мнению Дж. Феннела, Всеволод Большое Гнездо отказался от карательной акции против черниговцев, потому что за него эту задачу решили смоленские Ростиславичи⁹². Н.Ф. Котляр, не упомянувший о конфликте между двумя Всеволодами (черниговским и владимирским), считает, что владимирский князь из своих расчетов оказывал дипломатическую и военную поддержку Рюрику Ростиславичу, и это стало решающим фактором получения последним летом 1207 г. киевского стола⁹³. Но если внимательно посмотреть на сообщения о рязанском походе Всеволода Юрьевича осенью 1207 – зимой 1208 гг., то взгляды Дж. Феннела и Н.Ф. Котляра надо скоррек-

⁹⁰ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси... С. 71–72. Имя невесты, а затем жены Георгия Всеволодовича, в летописях, использованных Дж. Феннелом, отсутствует.

⁹¹ ЛЛ. Стб. 435; Московский летописный свод. С. 108.

⁹² Феннел Дж. Кризис средневековой Руси... С. 68–69, 70.

⁹³ Котляр Н.Ф. Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 268.

тировать. Результатами акции Всеволода Большое Гнездо стали пленение ряда рязанских князей, их жен (среди которых была жена Кир Михаила и дочь Всеволода Чермного), епископа Арсения, вокняжение в Рязани Ярослава Всеволодовича (того самого переяславского изгнанника) и «партизанская» борьба ряда рязанских князей. Соединение этих фактов позволяет иначе, чем Дж. Феннел, взглянуть на итоги и последствия рязанской акции Всеволода Большое Гнездо. Он захватил дочь своего обидчика и обидчика своего сына, лишил его зятя власти где-либо в Рязанской земле и посадил в Рязань того самого Ярослава, которого Всеволод Чермный изгнал из Переяславля-Русского. Можно допустить, что владимирский князь счел это равноценным ответом на оскорбительные действия Всеволода Чермного. В дальнейшей интерпретации событий можно согласиться с Дж. Феннелом: следующий удар по Всеволоду Чермному нанесли смоленские Ростиславичи, изгнав его из Киева.

Всеволод Чермный теперь должен был бороться за власть, помня, что его дочь находится во Владимире. Поэтому действия Кира Михаила против владимирцев вряд ли соотносились с черниговским князем.

Вопрос о Рязани, её князьях и их женах стал одним из самых важных на переговорах во Владимире в 1210 г., во время визита митрополита. Поэтому освобождение княгинь и епископа Арсения было уступкой со стороны Всеволода Большое Гнездо Всеволоду Чермному. Следующим шагом в налаживании владимирско-черниговских отношений стал брак Георгия Всеволодовича и дочери Всеволода Чермного в 1211 г., после чего

«вѣ князь Юри со княземъ Кирѣ Михаиломъ Всеволодовичемъ Рязанскимъ своаки»⁹⁴.

А ведь еще в 1209 г. Кир Михаил и Георгий Всеволодович встречались в бою⁹⁵. Но рязанских князей Всеволод Большое Гнездо не освободил, это сделал его сын Георгий в 1212 г.⁹⁶ В результате этих переговоров и брачного союза Всеволод Чермный вернул дочь и, возможно, способствовал утверждению в Рязанской земле (хотя бы в Пронске) Кира Михаила, обеспечивал дружеский нейтралитет владимирского князя. Что же мог получить Всеволод III?

⁹⁴ Никоновская летопись... С. 63.

⁹⁵ ЛЛ. Стб. 434; Воскресенская летопись. С. 116.

⁹⁶ ЛЛ. Стб. 437.

Исходя из летописных сведений, он довольствовался признанием своего верховенства Всеволодом Чермным, относительным успокоением Рязанской земли. Но для политика такого масштаба, как Всеволод Большое Гнездо, этого мало. Данный мир заключался в тяжелых политических условиях для обоих Всеволодов. Условия создали смоленские князья. Несмотря на то, что после «политической смерти» Рюрика Ростиславича у Ольговичей появилась возможность занять Киев, Ростиславичи давили со стороны Галицко-Волынской земли⁹⁷. Зимой 1208–1209 гг. Мстислав Удатный (из Ростиславичей) утвердился в Новгороде и пресек попытку владимирского князя вернуть новгородский стол⁹⁸. То есть возможный союз Смоленска и Владимира в первых годах XIII в. уже не действовал: оба Всеволода противостояли растущему влиянию Ростиславичей на юге и севере Руси. В силу этого трудно принять допущение Н.Ф. Котляра, что митрополит Матфей в 1210 г. был послан Рюриком Ростиславичем во Владимир для того, чтобы

«утвердить... обмен Киева на Чернигов, происшедший между главами двух наиболее могущественных кланов Южной Руси»⁹⁹.

Н.Ф. Котляр не сопрягает сведения о посольстве Матфея и свадьбе Георгия Всеволодовича. Последний акт был обусловлен, по мнению Н.Ф. Котляра, тем, что Всеволод Большое Гнездо хотел изгнать Мстислава Удатного из Новгорода, а Всеволод Чермный хотел покончить с гегемонией Ростиславичей в южной Руси¹⁰⁰. Противоречит такому объяснению то, что Рюрик Ростиславич сам принадлежал к смоленским князьям, а его судьба после ухода в Чернигов никак не оговорена Н.Ф. Котляром.

Поэтому при заключении мира в 1210–1211 гг. должны были быть уступки со стороны Всеволода Чермного. Одной из таких уступок мог быть его отказ от Переяславля-Южного и признание прав на него владимирского князя. Факт женитьбы Георгия Всеволодовича на дочери черниговского князя, по мнению А.Г. Кузьмина, свидетельствует,

«...что не судьба рязанских князей являлась главной целью поездки митрополита во Владимир... Примирение между этими двумя князьями оказалось возможным и без освобождения рязанских князей»¹⁰¹.

⁹⁷ Московский летописный свод. С. 108.

⁹⁸ НПЛ. С. 51–52, 249.

⁹⁹ Котляр Н.Ф. Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 268.

¹⁰⁰ Там же. С. 271.

¹⁰¹ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 143–144.

Все прорязанские отступления в летописях, прежде всего в Никонской, А.Г. Кузьмин относит к комментариям, идущим из рязанского летописания. Тем не менее, следует смягчить несколько категоричный тон исследователя. Действительно, Всеволода Черного рязанские князья интересовали не сами по себе. Ведь в историографии устоялось мнение, что рязанские Рюриковичи зависели от Всеволода Большое Гнездо, и это признавалось другими князьями. Достаточно вспомнить реакцию Всеволода Юрьевича на измену рязанцев: владимирский князь расправился с подручными (по крайней мере, ему так хотелось считать) ему князьями. В то же время это была и демонстрация силы, и крупная политическая акция, если вспомнить, что Рюрик Ростиславич выбил Всеволода Черного из Киева, узнав о действиях владимирского князя в Рязанском княжестве.

Эти действия Всеволода Юрьевича привели к тому, что черниговский князь во главе с Всеволодом Черным оказались в изоляции. Они искали выход из нее путем налаживания отношений с владимирским князем. Также нужно помнить, что в плену у Всеволода Большое Гнездо была жена Кира Михаила. Её судьба интересовала Всеволода Черного больше всего. «Наведение порядка» в Рязанской земле было прерогативой Всеволода Юрьевича. А потому черниговский князь не мог поднимать вопроса о рязанских князьях. Тем более, на свободе оставались Владимировичи и Кир Михаил. Поэтому Всеволод Черный мог быть доволен результатами переговоров: возобновлялся владимирско-черниговский союз, вероятно, Всеволод Черный признавал права Всеволода Большое Гнездо на Переяславль-Южный, рязанские княгини, среди которых была дочь черниговского князя, получали свободу, дети Всеволодов вступали в брак.

В дальнейшем судьбу рязанских князей решал только владимирский князь. До смерти Всеволода Юрьевича в 1212 г. князья Рязани находились в плену. Затем Георгий Всеволодович освободил князей Рязани, рязанцев и епископа Арсения¹⁰². Н.Г. Бережков предлагает датировать данную статью ЛЛ 1212 г.¹⁰³. В ЛПС же указано, что рязанские князья находились в заточении 6 лет, что за это время умер Роман, что

¹⁰² ЛЛ. Стб. 437.

¹⁰³ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания... С. 103. См.: Симеонская летопись. С. 47 (рязанские князья были освобождены Георгием в год смерти Всеволода Юрьевича).

князя и их дружинники были отпущены Георгием Всеволодовичем, одаренные золотом, серебром, конями¹⁰⁴. Исходя из этого, А.Г. Кузьмин указал на расхождение в датах возвращения рязанских князей в ЛПС и ЛЛ. Если сообщение ЛПС верно,

«то возвращение рязанских князей, видимо, следует датировать 1213 г.»¹⁰⁵.

Итак, есть две даты освобождения рязанских князей: 1212 г. и 1213 г. От их выбора зависит объяснение решения Георгия Всеволодовича.

Д.И. Иловайский предположил, что Георгий, став великим владимирским князем в обход старшего Константина, освободил рязанцев, потому что завоевания Всеволода Большое Гнездо в условиях развернувшейся борьбы братьев были «только лишним бременем». Д.И. Иловайский указывал на то, что рязанцы еще не свыклись с мыслью о власти посадников и тиунов, назначенных из Владимира, что Кир Михаил и Изяслав Владимирович могли явиться в пределы Владимирской земли с толпами половцев или дружинами Ольговичей.

«Отсюда понятно, почему Юрий после первой же ушибы с Константином решился освободить Рязанских пленников, по совету младших братьев и бояр»¹⁰⁶.

Такая информация содержится лишь в ЛПС. А потому можно заключить, что Георгий Всеволодович отпустил рязанских пленников лишь в 1213 г. уже после первой схватки с Константином за власть. Действительно; в 1212 г. произошла первая стычка Всеволодовичей во Владимирском княжестве: Святослав перебежал от Георгия к Константину и стал подталкивать его к активным действиям, Георгий предпринял превентивный поход к Ростову и сумел договориться с Константином о мире¹⁰⁷.

В ЛЛ, ЕРМ, Московском летописном своде, Воскресенской лето-

¹⁰⁴ ЛПС. С. 111. – Указано по: Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 144.

¹⁰⁵ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 144.

¹⁰⁶ Иловайский Д.И. Рязанское княжество... С. 49.

¹⁰⁷ ЛЛ. Стб. 437; Воскресенская летопись... С. 118, почти идентичный текст см.: Московский летописный свод конца XV века. С. 109; ТВ. Стб. 311–312; Типографская летопись... С. 86; ЕРМ. С. 63; Никоновская летопись... С. 65; Татищев В.Н. История Российская Т. III. С. 187; Т. IV. С. 343; ЛПС. С. 111.

писи (в двух последних памятниках имеется фраза о том, что великий князь владимирский Георгий Всеволодович принял решение об освобождении рязанцев и их епископа Арсения, посоветовавшись с братьями и боярами), ТВ, Типографской, Никоновской летописях Георгий Всеволодович отпустил рязанских князей до того, как направился к Ростову. Конечно, порядок следования сведений в летописях в годовой статье мог быть произвольным, но все-таки важно то, что Георгий Всеволодович действовал без оглядки на интересы брата. В Московском летописном своде, Воскресенской летописи и ЛПС говорится, что Георгий сделал этот шаг, посоветовавшись с братьями. Потом сообщается, что Святослав перебежал к Константину, то это может быть косвенным свидетельством того, что освобождение рязанцев произошло раньше и не было связано с усобицами Всеволодовичей. Кроме того, если освобождение рязанцев произошло уже после первой стычки и умирения Всеволодовичей, то можно предполагать, что и Константин должен был быть к этому причастен.

В данном случае самым коротким путем соединения фактов, отраженных в летописях, является то, что Георгий Всеволодович сначала выпустил рязанцев, а затем ввязался в борьбу с братом.

Д.И. Иловайский недоумевал, почему, отпустив рязанских князей, Георгий не обрел в их лице союзников в борьбе с Константином. Причем Д.И. Иловайский предположил, что помощь рязанских князей, как одно из условий, была зафиксирована крестным целованием. То есть рязанские князья не соблюдали договоренностей. Более того, на основании косвенных данных Д.И. Иловайский считал, что рязанские князья в битве на Липице помогли Константину¹⁰⁸. Поэтому Д.И. Иловайский объяснял, почему Константин Всеволодович, став владимирским князем, не влиял на дела в Рязанской земле: он предоставил рязанских князей самим себе и не хотел вмешиваться в их распри, т.к. шло дробление «Суздальского княжества», а еще потому, что кроткий Константин обладал миролюбивым характером¹⁰⁹. Каждый пункт историка Рязанской земли можно оспорить, но делать это не обязательно, если убрать из его реконструкции основополагающий тезис о помощи рязанских князей Константину во время битвы на Липице, а значит – и в событиях перед ней.

¹⁰⁸ *Иловайский Д.И.* Рязанское княжество... С. 49–50, 175. Безосновательность этого мнения доказывается в Главе 4, посвящённой битве на Липице.

¹⁰⁹ *Иловайский Д.И.* Рязанское княжество... С. 50.

Здесь мы сталкиваемся с историографическим мифом, что Рязанское княжество было слабым и только ожидало того, чтобы кто-нибудь из сильных соседей подчинил его своему влиянию: Владимир-на Клязьме или Чернигов... На наш взгляд, здесь произошло наложение представлений о значении великокняжеской власти правителей Чернигова, Смоленска, Галицко-Волынского княжества, Владимира (*de jure*) на их реальную мощь, возможности, цели и задачи политики (*de facto*); то же самое можно сказать и о других, «младших» участниках политического процесса в Древней Руси XII – начала XIII вв. (Рязань, Галич (до 1199 г.), Полоцк). На них накладываются представления историков, полученных при изучении отношений великих князей с Муромом (почти всегда под влиянием Владимира), Переяславлем-Южным (где вообще не было своей династической линии).

Если принять это устойчивое историографическое предубеждение, то надо отметить, что следование Рязани в фарватере внешней политики владимирского князя прослеживается лишь в правление Всеволода Большое Гнездо. На это обратил внимание Д.И. Иловайский в исследовании истории Рязанского княжества (здесь источниковый материал и результаты работы с ним оказались выше внеисточникового знания историка):

«Вторая половина XII века для Рязани есть время борьбы с Владимирскими князьями. Представителями этой борьбы являются, с одной стороны, Всеволод III, с другой, Глеб Ростиславич. Дробление княжества и внутренние усобицы в Рязани более всего способствуют перевесу Суздальцев»¹¹⁰.

Даже в этом отрывке имеются противоречия. Если Всеволод Юрьевич – активный представитель рязанско-владимирской борьбы, то таковым он стал лишь со второй половины 1170-х гг., вступив в борьбу за владимирский престол. Именно тогда оживилась деятельность рязанского князя Глеба Ростиславича, который, пользуясь распрями между детьми и внуками Юрия Долгорукого, оказывая помощь вторым, начал наносить удары по Владимирской земле. Это заставило Всеволода Юрьевича начать борьбу с Рязанью, закончившуюся пленением Глеба и вмешательством владимирского князя в рязанские дела. В этом ему противостояли черниговские князья. Период неустойчивого влияния владимирского князя в Рязанской земле закончился в 1207 г., после чего началось её подчинение, приведшее к временной потере независимости

¹¹⁰ Там же. С. 168.

Рязанского княжества. Эти обстоятельства противоречат вышеуказанному историографическому мифу.

Можно сказать, что складывание системы подчинения Рязани Владимиру, её эволюция пришлись на «эру Всеволода III», и с его смертью эта эра закончилась. Поэтому выводы, сделанные при изучении рязанско-владимирских отношений при Всеволоде Большое Гнездо, нельзя распространять на действия его сыновей. Если же взглянуть на отношения рязанских и владимирских князей с формальной точки зрения (из которой выводится миф об обязательном стремлении великого князя подчинить другие княжества), то надо отметить, что Всеволод Юрьевич и Глеб Ростиславич были равны друг другу в том, что были потомками Ярослава Мудрого в четвертом колене. Всеволод Большое Гнездо, заточив Глеба, сумел добиться силовым путем признания детьми и другими родственниками этого князя своего доминирования. Это положение подкреплялось и фактом смерти Глеба Ростиславича. То есть тут могли действовать отношения отец (Всеволод Владимирский) – сыновья (рязанские князья). Георгий Всеволодович после смерти отца опять-таки попадал в равные отношения не только с дальними рязанскими родственниками (потомками Ярослава Мудрого в пятом колене), но и с некоторыми из их детей. В частности, с Кирием Михаилом, с которым они стали свояками в 1211 г.

Признаки угасания владимирского доминирования в Рязанской земле можно видеть уже в 1210–1211 гг., когда началось налаживание отношений Владимира и Чернигова. После смерти Всеволода Юрьевича владимирские князья Георгий и Константин Всеволодовичи отказались от давления на Рязань, и, вероятно, отношения княжеств перешли на уровень паритета. Так можно объяснить недоумение того же Д.И. Иловайского, что, помогая изгнать убийц рязанских князей в Исадах, Георгий Всеволодович не воспользовался этой ситуацией:

«Отношения его (Юрия Игоревича) к Великому Князю Владимирскому для нас довольно загадочны: известие о помощи, оказанной последним в 1219 г., предполагает союз и дружбу; а отказ помочь Юрию II соединиться с Рязанцами против Батюга набрасывает тень на эти отношения. Таковую перемену можно объяснить притязаниями на господство, с одной стороны, и стремлением к полной независимости, с другой»¹¹¹.

¹¹¹ Там же. С. 52.

Последнее нельзя принять, т.к. источники не дают оснований для этого. Более того, изучение источников по нашествию Батые зимой 1237–1238 гг. не дает оснований для принятия тезиса об отказе Георгия Всеволодовича помочь Рязани¹¹².

Итак, увязка Д.И. Иловайским событий во Владимирском княжестве в 1212–1217 гг. с политическими симпатиями рязанских князей, даже на гипотетическом уровне, излишня. Георгий Всеволодович мог отпустить рязанских князей, исходя из родственных чувств к Всеволоду Черному, который после смерти Всеволода Большое Гнездо на правах тестя по родственной иерархии оказывался «в отца место». И вот здесь-то сказывается определение последовательности освобождения рязанских князей: сразу, как Георгий стал великим князем владимирским, или после первой стычки. Это определение важно потому, что Всеволод Черный умер в 1212 г. летом, тогда как в историографии вслед за В.Н. Татишевым принято датировать смерть черниговского князя 1214 г. или несколько позже. Если Георгий отпустил рязанских князей сразу после смерти отца, то одним из побудительных его мотивов могло стать действие установленного в 1210–1211 гг. владимирско-черниговского союза, где первая сторона из равноправной (а может быть, и превосходящей) стала подчиненной.

§ 4. Рязанские князья: от владимирского плена к убийству в Исадах

Источники не говорят о точном количестве рязанских князей, попавших во владимирский плен. Известны лишь количество и состав захваченных на переговорах в 1207 г.: Роман Глебович, его брат Святослав с двумя сыновьями – Мстиславом и Ростиславом, два их племянника – Ингварь и Юрий Игоревичи. Затем рязанцы передали князей и княгинь во Владимир. Среди них мог быть и Роман Игоревич, сидевший в 1207 г. в Рязани и пытавшийся помочь Пронску. Известно, что на свободе остались Кир Михаил Всеволодович, Изяслав, Глеб и Олег Владимировичи.

Такое восстановление имен нужно для того, чтобы попытаться разобраться в мотивах и причинах резни в Исадах и выявить возможное влияние на эту драму владимирско-рязанских отношений в период 1212–1217 гг. Последнее делать трудно, и реконструкция будет условной и предположительной. Ведь, как отметил Д.И. Иловайский:

¹¹² См. соответствующую главу.

«Источники особенно скупы на известия о Рязанских событиях между смертью Всеволода и нашествием татар. Только один случай обратил на себя внимание северных летописцев... и довольно подробно рассказан ими. Но и тут перед нами одни результаты предыдущих обстоятельств, которые остаются закрытые густым туманом»¹¹³.

На наш взгляд, последнее сообщение нельзя считать реликтом какого-то отдельного памятника. Такое сокращение присутствует лишь в тех памятниках, где представлен пространный текст, названный Я.С. Лурье «Повестью о битве на Липице». Будучи посвященной конкретному княжескому преступлению Ярослава и Георгия Всеволодовичей, она могла бы быть затенена даже той записью об убийстве в Исадах, что есть в ЕРМ и ТВ. Убийство родного и двоюродных братьев явно «перевешивает» борьбу Ярослава за Новгород и Георгия и Константина за старшинство во Владимирской земле. Очевидно, источником краткой записи в СИЛ, НИВЛ, НК2, НЛД стала НПЛ старшего извода. И в ней, и в этих памятниках отсутствуют последующие сведения о попытке Глеба Владимировича утвердиться в Рязанской земле и об отпоре, данном Ингварем Игоревичем, о помощи, оказанной владимирским князем Георгием Всеволодовичем князю Ингварю. Примечательно, что именно в этой «традиции» в одной годовой статье оказались объединенными битва на Липице и преступление Глеба Владимировича, подобно ЛЛ. Однако если в последней это явление появилось благодаря сведению статей разных стилей, то в СИЛ, НИВЛ, НК2, НЛД это могло стать результатом подверстывания в одну статью сведений о двух княжеских преступлениях.

После этих замечаний надо выделить основную группу источников, из которых исследователями выбираются сведения для реконструкции того, что произошло в Исадах 20 июля 1217 г.: ЛЛ, НПЛ, ЕРМ, ТВ, Московский летописный свод, Симеоновская, Воскресенская и Никоновская летописи. Также А.Г. Кузьмин выделил ряд сведений в «Истории Российской» В.Н. Татищева и в некоторых поздних рязанских рукописях и предложил их использовать как достоверные¹¹⁴.

20 июля 1217 г. в Исадах, на совете рязанских князей, созванном по инициативе Глеба и Константина Владимировичей, во время пира были убиты с приближенными шесть рязанских князей: Изяслав Владимиро-

¹¹³ *Иловайский Д.И.* Рязанское княжество... С. 50.

¹¹⁴ *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание... С. 149–151.

вич, Кир Михаил Всеволодович, Роман и Святослав, Роман и Глеб Игоревичи. Убивали родственников Глеб и Константин Владимирович при помощи своих приближенных и половцев. Случайно избежал гибели Ингварь Игоревич, который и стал рязанским князем, а братоубийцы бежали в половецкие степи. А.Г. Кузьмин, разрешая противоречие летописного сообщения об убийстве рязанских князей и дальнейшем бегстве в степи убийц, указал на запись в следованной псалтыри, где говорится о битве у Переяславля¹¹⁵, и предположил, что это была битва между уцелевшим Ингварем Игоревичем и убийцами.

«Ингварь не успел приехать в Исады. Следовательно, он находился не в Рязани, а, очевидно, там, где был его удел... уделом Игоревичей являлся Переяславль... По летописям XV в. получится, что убийцы бежали «в половец» только из страха перед совершенным преступлением. Из записи в псалтыри можно понять, что для этого у их имелись более реальные основания: в бою с последним конкурентом они потерпели поражение»¹¹⁶.

По справедливому замечанию А.Г. Кузьмина, такое истолкование непротиворечиво согласуется с летописным сообщением Никоновской летописи о приходе в 1219 г. убийц-Владимировичей вместе с половцами на Рязанскую землю, где подчеркивается, что они «...землю свою Рязанскую всю пустыю сотвориша» и вновь пришли с половцами к Рязани¹¹⁷.

Интересно сравнить списки убитых в Исадах со списком пребывавших в плену у Всеволода Большое Гнездо или борющихся с ним князей:

<i>Рязанские князья в 1207-1212 гг.</i>	<i>Рязанские князья в 1217 г.</i>
<i>Роман Глебович – пленен в 1207 г., умер во владимирском плену</i>	
<i>Святослав Глебович – пленен в 1207 г., далее его имя нигде не упомянуто</i>	
<i>Мстислав Святославич – плен в 1207 г.</i>	Не упомянут
<i>Ростислав Святославич – плен в 1207 г.</i>	Возможно, он назван в числе убитых (без указания отчества)

¹¹⁵ Там же. С. 150.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Никоновская летопись... С. 150.

<i>Игварь Игоревич</i> – плен в 1207 г.	Не успел в Исады и стал рязанским князем
<i>Юрий Игоревич</i> – плен в 1207 г.	Не упомянут при событиях в Исадах; погиб в 1237 г.
<i>Кир Михаил Всеволодович</i> избежал плена в 1207 г., бежав в Чернигов; боролся с Всеволодом Юрьевичем; после возвращения жены в 1210–1211 гг., видимо, оставался в князем в Пронске	Убит в Исадах
<i>Изяслав Владимирович</i> в 1207 г. возглавлял оборону Пронска после бегства Кира Михаила; остался после победы Всеволода Юрьевича в Рязанской земле; в Никоновской летописи утверждается, что рязанцы хотели выдать Ярослава Всеволодовича в 1208 г. ему и Глебу Владимировичу; в 1209 г. Изяслав Владимирович вместе с Киrom Михаилом участвовал в разорении Подмосковья; после примирения Всеволодов Владимировского и Черниговского, видимо, оставался в Рязанском княжестве	Убит в Исадах
<i>Роман Игоревич</i> – в 1207 г. из Рязани пытался помочь осажденному Пронску; вероятно, был выдан рязанцами Всеволоду Юрьевичу в числе прочих князей и княгинь	Убит в Исадах
<i>Глеб Игоревич</i> – судьба в 1207–1212 гг. неизвестна; мог оказаться в числе прочих князей, выданных рязанцами владимирскому князю	Убит в Исадах
<i>Ростислав (возможно Святославич)</i> до 1217 г. не упоминается; мог оказаться в числе прочих князей, выданных рязанцами владимирскому князю	Убит в Исадах

Уместно рассмотреть судьбу убийц. Оба инициатора – Глеб и Константин – были детьми Владимира Глебовича, умершего до 1207 г. Глеб Владимирович так или иначе присутствовал во всех событиях 1207–

1217 гг., связанных с судьбой Рязанского княжества и упомянутых в источниках. О Константине до 1217 г. нет сведений. Остается предполагать, что он находился в период 1207–1212 гг. на территории Рязанского княжества, в предполагаемом А.Г. Кузьминым уделе Владимировичей – Белгороде (Рязанском). Это предположение можно укрепить тем, что именно Владимировичи были оставлены в Рязанской земле Всеволодом Юрьевичем после 1207 г. Среди них был и Изяслав, который сопротивлялся родным братьям под руководством Всеволода Юрьевича, обороняя Пронск. Еще один Владимирович – Олег умер в 1208 г.

Из приведенной выше таблицы можно отметить, что из шести жертв в Исадах четыре, кроме Кира Михаила и Изяслава Владимировича, с разной степенью вероятности (причина – состояние источников) могли ранее находиться во владимирском плену. Отдельной проблемой являются Ростислав, погибший в Исадах, который в паре со Святославом мог быть сыном Святослава Глебовича, и Мстислав Святославич, попавший в плен вместе с отцом. О Мстиславе Святославиче после сообщения о его пребывании на переговорах с Всеволодом Юрьевичем на берегу Оки и пленении в источниках ничего не говорится. Зато Ростислав Святославич появляется лишь в 1217 г. Идентификация обоих персонажей представляет собой, наверное, неразрешимую проблему при нынешнем состоянии источников. Исследователи предпочитают её решать игнорированием Мстислава Святославича. Так, Д.И. Иловайский, упомянув этого князя в рассказе о событии 1207 г., не внес его в генеалогическую схему¹¹⁸. О.М. Рапов не упомянул Мстислава Святославича среди детей Святослава Глебовича и не поместил в генеалогическую таблицу № 5 «Генеалогическая таблица потомков великого киевского князя Святослава Ярославича», помещенную в Приложении¹¹⁹. Ростислав Мстиславич мог быть уведен в плен в составе группы князей и княгинь, выданных рязанцами владимирским князем.

Исследователи, писавшие о событии в Исадах в 1217 г., подчеркивают, что в Исадах пал от руки родных братьев Изяслав Владимирович¹²⁰, но пытаются объяснить это преступление не все. Так, П.П. Толочко отказывается отвечать на этот вопрос:

¹¹⁸ Иловайский Д.И. Рязанское княжество... С. 156–157.

¹¹⁹ Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 128.

¹²⁰ См., например: Иловайский Д.И. Рязанское княжество... С. 50; Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 148; Феннел Дж. Кризис средневековой

«Входила ли эта смерть в расчет Глеба или же Изяслав пострадал за компанию, сказать трудно».

По мнению А.Г. Кузьмина, Изяслав Владимирович пал в Исадах от руки родных братьев, поскольку и раньше их не поддерживал.

Действительно, Изяслав Владимирович, как помним, защищал Пронск от дружин Всеволода Юрьевича, Глеба и Олега Владимировичей. Тем не менее, он был оставлен в Рязанской земле Всеволодом Юрьевичем, что не помешало ему вместе с Киrom Михаилом совершить рейд на Подмосковьe при бездействии и отсутствии реакции со стороны Глеба Владимировича. Если учесть данные ЛПС и некоторых поздних источников, на которые обратил внимание А.Г. Кузьмин, в 1208 г. произошло объединение сил Владимировичей (включая Изяслава) и вернувшегося Кира Михаила: они вчетвером ходили выгонять из Пронска посаженного там Всеволодом Юрьевичем муромского князя Давида. Присоединение Глеба Владимировича к Изяславу, боровшемуся с Всеволодом Большое Гнездо, и к Киру Михаилу, ущемленному владимирским князем, стало следствием какой-то обиды, неудовлетворенности первого. Она кроется в летописной фразе, что Всеволод Юрьевич разделил вотчину, коей А.Г. Кузьмин определил Белгород, между Владимировичами. Речь в данном случае идет об их отчине: видимо, между Владимировичами были определенные противоречия, разведшие их по разным лагерям при приходе владимирского князя в 1207 г. Причем, возможно, еще до этого времени оформился союз Изяслава Владимировича и Кира Михаила. Этот союз «обиженных» Всеволодом Большое Гнездо соединил усилия с Олегом и Глебом Владимировичами, которым нужно было больше, чем урегулирование вотчинных отношений с родственниками. Олег Владимирович мог быть недоволен тем, что его сначала посадили в Пронске (по ЛЛ), а затем вывели из него, заменив на муромского князя Давида и владимирского посадника (ЛПС)¹²¹. Глеб Владимирович явно рассчитывал на большее за те обличения (или навет) родственников, за помощь Всеволоду Юрьевичу в осаде Пронска, нежели урегулирование отношений с братьями в вотчине.

Руси... С. 78; Толочко П.П. Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003. С. 210.

¹²¹ Реконструкция А.Г. Кузьмина: Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 133.

§ 5. Рязань и Владимир в первой трети XIII в: от войны к добрососедским отношениям

Рязанское княжество в конце 1207 – начале 1208 гг. представляло собой территорию, где основные центры контролировались людьми Всеволода Большое Гнездо, где островком независимости были уделы (вероятно, Белгород) Владимировичей. В храмах Рязанского княжества возносились молитвы за Всеволода Юрьевича, если верить сообщению Симеоновской летописи, передающей обращение епископа Арсения к владимирскому князю в Коломне¹²². В этих условиях недовольные Владимировичи стали инициаторами борьбы с владимирской «оккупацией». Они помогли Киру Михаилу изгнать из Пронска Давида Муромского и вернуть стол в этом городе. После того, как Всеволод Большое Гнездо в 1208 г. посадил в Рязани сына Ярослава, рязанцы, начав уничтожение его людей, пересылались с Глебом и Изяславом Владимировичами, желая передать князя им. Владимирский князь, встревоженный этим, разорил Рязань, уведя с собой рязанцев и епископа Арсения, сжег Белгород.

Примечательно, что удар был нанесен по Рязани и Белгороду, но в стороне остался Пронск. Видимо, он не представлял собой для владимирского князя источника такой опасности, нежели его вчерашний союзник Глеб Владимирович. Он и его брат Изяслав Владимирович были вынуждены бежать, возможно, так же поступил и Кир Михаил. Затем Изяслав Владимирович и Кир Михаил, вольно или невольно воспользовавшись тем, что внимание владимирского князя и его детей было отвлечено новгородскими делами, нанесли удар по Подмосковию и дали проявиться военным качествам Георгия Всеволодовича.

При допущении того, что поход 1210 г. на Тепру относился к рязанскому направлению политики Всеволода Юрьевича, можно предположить, что он имел целью не подчинить земли, сохранявшие независимость от Рязани до 1207 г., а был направлен на те районы, где могли скрываться Владимировичи и Кир Михаил (у него была возможность находить убежище в Черниговском княжестве).

Заклучение мира между владимирским и черниговским Всеволо-

¹²² Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. С. 45. А.Г. Кузьмин считает, что затем в Никоновской летописи происходит смещение акцентов в сторону принижения оценки великого владимирского князя в передаче речи епископа Арсения – см.: Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 137–138.

дами в 1210 г., брак их детей в 1211 г. должны были ослабить напряженность между Владимиром и оставшимися на воле рязанскими князьями. Тем более, что были отпущены княгини и епископ Арсений, Георгий Всеволодович и Кир Михаил стали свояками. Это позволило урегулировать ряд проблем с рязанскими князьями, из которых Кир Михаил становился если не союзником, то нейтральным родственником. Через него можно было влиять и на Изяслава Владимировича. Данный политико-династический узел наверняка способствовал тому, чтобы рязанские князья были выпущены на волю владимирским князем Георгием Всеволодовичем после смерти его отца в 1212 г. Такой шаг, возможно, сопровождался клятвой. Причем она могла быть не обязательно шагом, закреплявшим подчиненность рязанских князей и их обязательство помогать Владимиру, как это было при Всеволоде Большое Гнездо до 1207 г. и как это предполагал Д.И. Иловайский. Это могла быть клятва равных сторон не совершать какие-либо враждебные действия друг против друга.

После того, как Георгий Всеволодович отпустил рязанских князей, в обоих княжествах начались династические споры. Про Владимирское княжество об этом позволяют говорить источники, а относительно Рязани события в Исадах говорят сами за себя. Поэтому ни та, ни другая сторона не проявляли внимания к внутренним делам соседа. В Рязанской земле самым ущемленным должен был быть Глеб Владимирович. Он должен был общаться с родичами, которых когда-то выдал Всеволоду Юрьевичу, но ничего не получил взамен. Более того, Изяслав Владимирович и Кир Михаил, сопротивлявшиеся давлению из Владимира, оказались в более удачном положении. Их проблемы с уделами оказались разрешенными. Вернувшиеся по воле владимирского князя рязанские князья должны были спокойно занять свои уделы и регулировать отношения по принципам старшинства. Высшие власть и авторитет принадлежали, очевидно, Роману Глебовичу, который, по данным В.Н. Татищева, скончался в 1216 г.¹²³ С его смертью сошло со сцены поколение Глебовичей, и в Рязанской земле власть перешла в руки их детей, двоюродных братьев между собой. «Смерть старших князей явилась поводом для новой усобицы из-за уделов»¹²⁴.

Инициатором усобицы стал Глеб Владимирович, привлечший на

¹²³ Татищев В.Н. История Российская... Т. III. С. 199.

свою сторону брата Константина. Вероятно, он спешил воспользоваться тем, что на его действия не последует должной реакции из Владимира. Правил там тяжело больной Константин Всеволодович, который не имел никакого отношения к рязанским делам. Георгий Всеволодович находился в отдаленном Городце¹²⁵. Как уже указывалось выше, четыре погибших в Исадах князя, вероятнее всего, пребывали во владимирском плену в 1207–1212 гг., два других – Изяслав Владимирович и Кир Михаил – так или иначе объективно противодействовали действиям Глеба Владимировича в тот же период времени и, возможно, оказались политически ближе, чем он, к Владимиру, с которым воевали до 1210 г. Надо указать еще на одно обстоятельство, которое могло иметь отношение к мотивации действий Глеба Владимировича: по линии жены (дочери смоленского князя Давыда Ростиславича¹²⁶) он имел родственников в Смоленске. Три эпизода с его участием так или иначе связаны со смоленскими князьями. Решаясь на убийство, Глеб мог исходить из того, что сам Константин Всеволодович пришел к власти во Владимирском княжестве при помощи смоленских князей. То есть Глеб Владимирович мог рассчитывать на благожелательное отношение Ростиславичей, которые тогда доминировали на Руси. Сам Глеб воевал в 1196 г. в войсках тестя против Ольговичей. Для подкрепления этой догадки о влиянии родственных связей Глеба на мотивацию его деятельности укажем еще на ряд совпадений.

В 1207 г. Глеб Владимирович выдал своих дядей и двоюродных братьев Всеволоду Большое Гнездо, указав на их измену в пользу черниговского князя Всеволода Чермного, боровшегося за Киев с Ростиславичами. В результате поход владимирского князя, заявленный как античерниговский, прошелся по Рязанскому княжеству. Смоленский князь Рюрик Ростиславич, узнав об этом, выбил Всеволода Чермного из Киева. Изменение отношения Глеба Владимировича к Всеволоду Большое Гнездо в 1208–1210 гг. совпало с окончанием влияния владимирского князя в Новгороде, виновником чего был смоленский князь Мстислав Удатный. Опять-таки, вспоминается сообщение отдельных летописей о том, что Изяслав Владимирович и Кир Михаил устреми-

¹²⁴ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание... С. 147.

¹²⁵ НПЛ. С. 56, 257.

¹²⁶ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 691; ЕРМ. С. 57; ТВ. Стб. 285; Московский летописный свод. С. 98; Воскресенская летопись. С. 105; Никоновская летопись. С. 27.

лись в Подмоскowie, узнав, что Всеволод Юрьевич с детьми ушли в новгородский поход против Мстислава Удатного.

Понятно, что урегулирование отношений владимирского и черниговского Всеволодов с вытекающим отсюда нейтральным отношением к Киру Михаилу в этом случае окончательно подрывало положение Глеба Владимировича. Продолжением действия этого союза было освобождение Георгием Всеволодовичем рязанских князей в 1212 г., что опять-таки не устраивало Глеба Владимировича. Его-то могла раздражать сама фигура Кира Михаила – и родственника, и возможного проводника черниговского влияния. Воспользовавшись ослаблением роли владимирского князя, Глеб Владимирович одним махом попытался решить все проблемы и занять рязанский стол¹²⁷. В расчеты убийц не входило опоздание на съезд Ингваря Игоревича, который (если доверять поздним источникам) сумел организовать сопротивление в Рязанской земле своим заклётым двоюродным братьям и разбить их, после чего они ушли к половцам в степи.

В 1219 г. братоубийцы Константин и Глеб Владимировичи попытались с помощью тех же половцев утвердиться в Рязанском княжестве, но были разбиты войсками Ингваря и его братьев¹²⁸. В следующем году Ингварь Игоревич обратился за подмогой к владимирскому князю, чтобы совершить превентивный поход на половцев. Георгий Всеволодович помог в совершении этого удачного похода¹²⁹. Все исследователи, изучавшие историю Рязанского княжества, этот эпизод трактовали как акцию Ингваря Игоревича против союзников Владимировичей – полов-

¹²⁷ Из текста П.П. Толочко следует, что на момент совершения преступления Глеб Владимирович был князем Рязанским (*Толочко П.П. Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003. С. 207–208*), и его поступок объясняется умопомрачением и желанием убрать возможных конкурентов. Вероятно, исследователь был введен в заблуждение эпитетом «Рязанский», который в статье ЛЛ прилагается к Глебу. Вслед за другими исследователями (Д.И. Иловайский, А.Г. Кузьмин) надо видеть в этом эпитете не часть титула, а лишь уточнение.

¹²⁸ ЛЛ. Стб. 444. О дате см.: *Бережков Н.Г. Хронология русского летописания... С. 106*. Другие исследователи (Д.И. Иловайский, А.Г. Кузьмин, П.П. Толочко) почему-то датируют этот поход 1218 г. Возможно, здесь сказалось влияние Московского летописного свода конца XV в., где перевод даты похода Владимировичей с половцами на Рязань дает 1218 г. Большинство дат событий начала XIII в. в этой летописи даются более точно, нежели в ЛЛ.

цев. Присоединяясь к этой точке зрения, надо указать на то, что своей помощью Георгий Всеволодович выразил отношение к событиям в Исадах в 1217 г. В этой помощи нельзя видеть проявление верховенства владимирского князя над рязанским. Более сведений для реконструкции владимирско-рязанских отношений в первой трети XIII в. источники не содержат.

§ 6. Итоги исследования

Подводя итоги, нужно отметить, что обострение владимирско-рязанских отношений в начале XIII в. проходило на фоне и под влиянием общерусского политического процесса. Галицко-Волынское княжество после гибели Романа Мстиславича погрузилось в пучину схваток за власть и перестало быть активным фактором, формирующим всю систему власти в раздробленной Руси. Борьба за власть на юге Руси развернулась между Ростиславичами и Ольговичами, у которых, по замечанию Дж. Феннела, появился сильный лидер Всеволод Чермный. Видимо, при нем стало усиливаться влияние Чернигова на Рязань, что отражалось на внутреннем раскладе сил. В борьбе с Ростиславичами Всеволод Чермный стал выдавливать Всеволода Большое Гнездо с юга Руси, изгнав его сына из Переяславля. После чего Переяславль-Южный превратился в объект борьбы между Ольговичами и Ростиславичами.

На этом фоне усиление влияния Чернигова в Рязанской земле стало угрожать доминирующему положению владимирского князя Всеволода Юрьевича. Четко это было осознано при вхождении войска Всеволода Юрьевича в Рязанскую землю. На эти отношения между Владимиром, Черниговым и Рязанью наложились внутрдинастические противоречия в последней. Глеб Владимирович, связанный с Ростиславичами через жену и его брат Олег подтвердили Всеволоду Юрьевичу в 1207 г. донос на своих родственников. К этому шагу их могло подтолкнуть и то обстоятельство, что их отец Владимир Глебович умер, а потому они могли подвергаться определенной дискриминации со стороны дядьев, формально они не могли претендовать на рязанский стол. В силу этих обстоятельств Владимировичи могли выдать дядей и двоюродных братьев владимирскому князю. Однако с моральной точки зрения их поступок был предосудительным, и их брат Изяслав оказался в другом лагере, вероятно, из-за споров о доле в вотчине.

¹²⁹ Московский летописный свод конца XV в. ... С. 116; Никоновская летопись... С. 82.

Расчет на благодарность великого владимирского князя оказался наивным. Нанеся удар по Рязанскому княжеству, добившись изгнания из Пронска Кира Михаила, зятя Всеволода Ольговича, захвата жены первого и дочери последнего, Всеволод Юрьевич не собирался оставлять независимую Рязань, пусть даже под контролем Владимировичей, у себя под боком. Возможно, желая подчинить Рязань, Всеволод Юрьевич хотел с её территории постоянно угрожать Чернигову. Также возможно, что объявление похода владимирским князем против Чернигова было обманным маневром: на самом деле Всеволод Большое Гнездо мог хотеть малой кровью ответить на изгнание своего сына из Переяславля-Южного и лишить черниговского князя союзников в Рязанском княжестве. После ослабления позиций Всеволода Чермного и возникновения угрозы Чернигову выгнать его из Киева было для Рюрика Ростиславича легким делом.

Поэтому Глеб и Олег Владимировичи ничего не получили (даже Пронск не дали Олегу), им и их брату Изяславу просто урегулировали вопросы владения в вотчине (возможно, Белгород). В 1208 г. все три Владимировича объединились, поддержали Кира Михаила в его законных притязаниях на Пронск, изгнали оттуда Давыда Муромского. Когда Всеволод Юрьевич решил посадить в Рязани своего сына Ярослава, то натолкнулся на противодействие рязанской общины, которая начала убивать людей Ярослава и, возможно, хотела выдать Ярослава Глебу и Изяславу Владимировичам. В ответ владимирский князь в 1208 г. сжег Рязань и Белгород, увел рязанцев и епископа Арсения.

Неудачный ответный удар из Рязани последовал в момент, когда Всеволод Большое Гнездо как-то разрешил проблему с возвращением сына Святослава из Новгорода, где утвердился Мстислав Удатный. Изяслав Владимирович и Кир Михаил начали разорять Подмоскovie, но были вынуждены бежать от дружины Георгия Всеволодовича.

Поход на Тепру, если его трактовать как поход по Рязанской земле, мог иметь цель найти Владимировичей и Кира Михаила. Судьба Рязанского княжества, своей дочери, возможность мощного удара тревожили Всеволода Чермного, терпевшего неудачи на фронте борьбы с Ростиславичами. Всеволод Чермный воспользовался еще и тем, что его владимирский тезка замахнулся на вопросы церковного суверенитета, уведя епископа Арсения. Поэтому для урегулирования отношений с владимирским князем был использован митрополит Матфей. В конце 1210 г. он сумел смягчить владимирского князя, который отпустил епископа

Арсения и рязанских княгинь. В 1211 г. договор с Всеволодом Чермным был закреплен браком его дочери с Георгием Всеволодовичем, ставшим свяжком Кира Михаила. Началось восстановление суверенитета Рязанского княжества. Окончательно оно произошло в 12121213 гг., когда владимирский князь Георгий Всеволодович отпустил правителей Рязанской земли. Отношения между двумя княжествами строились на основе равноправия, тем более в обоих княжествах начались политико-династические споры (относительно Рязани это предположительно). Возможно, они оказались взаимосвязанными. Победа Константина при поддержке Ростиславичей, политическая ссылка Георгия Всеволодовича, смерть Глебовичей могли подтолкнуть Глеба Владимировича к новой попытке заполучить власть путем устранения конкурентов в Исадах в 1217 г., в том числе братьев: родного – Изяслава и двоюродного – Кира Михаила. Как уже указывалось, эти конкуренты (включая Ингваря Игоревича) с большей степенью вероятности могли пребывать во владимирском плену и по иронии обстоятельств пользовались поддержкой Георгия Всеволодовича. Братоубийцы просчитались в том, что встретят такое мощное осуждение, которое проявилось на страницах летописей, в основе которых лежал источник ЛЛ. Возможно, лишь в XV в. в софийско-новгородском протографе произошло «сокращение» текста об убийстве в Исадах с одновременным помещением его в статью с «Повестью о битве на Липице». Целью последней была дискредитация Ярослава Всеволодовича, а потому пространное упоминание более страшного преступления могло затенить его грехи.

В результате убийства в Исадах убийцы были вынуждены после поражения обратиться к половцам. Князем стал Ингварь Игоревич, которому Георгий помогал нанести превентивный удар по половцам в 1220 г. Опять-таки ни о каком подчиненном положении Рязани речи идти не может, её отношения с Владимиром должны были строиться на равноправной основе, в чем залогом была воля владимирского князя Георгия Всеволодовича.

ГЛАВА IV. БИТВА НА ЛИПИЦЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ГЕОРГИЯ ВСЕВОЛОДОВИЧА

§ 1. Историография событий в 1212–1216 гг. во Владимирской земле

Исходная цель данной главы заключалась в доказательстве банального тезиса о том, что Георгий Всеволодович не был главным виновником усобицы 1212–1216 гг., увенчанной битвой на Липице. Понятная большинству исследователей мысль, тем не менее, требовала доказательств для отдельных нижегородских краеведов. По мере углубления в проблему становилось очевидным, что толкование сюжета с Липицкой битвой в историографии является поливариантным. Варианты часто не соотносятся друг с другом. Такой паритет связан с тем, что исследователи потребительски используют разные версии события. Из них выделяется та, что опирается на Новгородскую IV и Софийскую I летописи (далее – НІVЛ, СІЛ). На основании двух последних памятников Я.С. Лурье реконструировал текст «Повести о битве на Липице». Большинство исследователей просто пересказывает сведения двух версий, отдавая предпочтение последней. Присоединяться к их числу не имело смысла. Тем более, эти две версии воспроизвел В.А. Кучкин и дал их источниковедческое обоснование¹. Апология Георгия Всеволодовича потребовала углубления в источники и разбора их соотношений. Поэтому глава разделена на части, логически связанные между собой источниковедческим выводом, из которого следует вывод исторический.

Однако и в источниковедении существует достаточно много мне-

¹ Кучкин В.А. Рассказ в Новгородской I летописи старшего извода; Рассказ в Новгородской IV и Софийской I летописях // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 70–73.

ний и трактовок исследователей. В определенной мере понадобилось отрешение от историографии источниковедения проблемы, чтобы непредвзято взглянуть на источники, привлекаемые для реконструкции события – битвы на Липице в 1216 г. При разборе источников, в ходе работы над главой, родилась версия, находящаяся на границе гипотезы и догадки. Она приведена здесь, чтобы сделать критику конструктивной, показать, что автор, отрицая многое из предшествующего опыта, не впал в дурной критицизм.

В историографии домонгольской Руси битва на Липице в 1216 г. занимает важное место. Чаще всего (особенно в советской историографии) она упоминается как пример усобиц, ослаблявших Русь накануне татаро-монгольского нашествия. Битва на Липице интересна еще тем, что упоминается в исторических трудах в связи с обращением к образу князя Георгия (Юрия) Всеволодовича. В ряде трудов именно на основе выводов о битве на Липице делаются замечания относительно князя Георгия.

Группа проблем в изучении Липицкой битвы связана с выявлением причин, виновников, движущих сил и последствий события. Внимание одних исследователей сосредотачивается на конфликте детей Всеволода Большое Гнездо, других – на столкновении владимирских князей со смоленскими Ростиславичами, устанавливавшими гегемонию на Руси, третьих – на споре Владимиро-Суздальского княжества и Новгорода, четвертых – на обострении борьбы между княжеской властью и городскими общинами... Есть комбинированные версии, совмещающие части двух и более точек зрения. Из этого плюрализма мнений формируется большой спектр толкований места и значения битвы на Липице в русской истории.

Во многом этот исследовательский произвол объясняется тем, что битва на Липице произошла незадолго до нашествия орд Батыя. Оно и последующее установление ига для многих историков свели на нет значение и последствия этого события древнерусского периода истории. Поэтому кроме научной строгости в изучении данного факта можно встретить и относительно вольные толкования: татаро-монгольское нашествие все спишет.

Н.М. Карамзин лишь косвенно связал династический кризис во Владимирском княжестве после смерти Всеволода Юрьевича² и втор-

² Карамзин Н.М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. II–III. М., 1991. С. 435. Виноватыми для Н.М. Карамзина в разжигании усобицы равно были Георгий и Константин.

жение смоленско-псковско-новгородских войск в Северо-Восточную Русь против Ярослава с замыслами Мстислава Удатного:

«Предвидя, что Георгий Всеволодович будет всеми силами помогать меньшему брату, Мстислав заключил тайный союз с Константином и дал ему слово возвести его на престол Владимирский»³.

Между рассуждениями о ссоре детей Всеволода Юрьевича и Липице говорится о Южной Руси⁴. События рубежа 1215–1216 гг., в числе которых была и битва на Липице⁵, Н.М. Карамзин восстанавливал по НПЛ, Воскресенской и Никоновской летописям⁶, отдавая предпочтение более ярким и подробным описаниям в двух последних. Тем самым он подпал под обаяние историко-публицистических памятников XVI в. Это обаяние обусловило то, что главным виновником стал Ярослав, а его пособником – Георгий.

С.М. Соловьев усматривал связь между распрей Всеволодовичей, в разжигании которой он винил Константина⁷, и борьбой Ярослава Всеволодовича с Мстиславом Удатным за Новгород:

«...два раза младший Всеволодович, Юрий, одержал верх над старшим Константином, и казалось, что последний, потерпя два раза неудачу, должен был отказаться от попыток добыть Владимир, как вдруг Северная Русь пришла в столкновение с Южной, последняя одержала блистательную победу над первой, необходимым следствием чего было восстановление старины, хотя на время. Местом столкновения был Новгород...»⁸.

Подобно Н.М. Карамзину, С.М. Соловьев для воссоздания всей картины события⁹ привлекал Никоновскую летопись, НПЛ и очень до-

³ Там же. С. 439. В источниках нет сведений об обещании Мстислава возвести Константина на престол.

⁴ Там же. С. 435–437.

⁵ Там же. С. 438–443.

⁶ Там же. С. 580–584. Примечательно, что Н.М. Карамзин отсеивал сведения В.Н. Татищева путем сличения их с известиями Воскресенской и Никоновской летописей.

⁷ Возможное влияние Никоновской летописи (?), несмотря на доверие С.М. Соловьёва сведениям В.Н. Татищева, симпатизировавшего Константину. *Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. II // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. М., 1993. С. 609–610.*

⁹ Там же. С. 611–620.

верял В.Н. Татищеву¹⁰. Отсюда – повторение больших цифр потерь, деталей события, неизвестных НПЛ и Лаврентьевской летописи (далее – ЛЛ). Значение Липицкой битвы для С.М. Соловьева заключалось в том, что:

«Мстислав уничтожил завещание Всеволода III, восстановил, по-видимому, старину на севере, хотя собственно, здесь торжеством Константина прокладывался путь к торжеству нового порядка... но судьба хотела иначе и предоставляла честь собрания Северной Руси племени третьего сына Всеволода, того самого Ярослава, который был виновником описанных событий»¹¹.

Ярким примером восстановления событий второго десятилетия XIII в. в Северо-Восточной Руси на основе широкого круга источников (в том числе и поздних) является историческая биография Мстислава Удатного, созданная Н.И. Костомаровым¹². Став заложником тенденций разных летописей, Н.И. Костомаров следовал идее разоблачения деспотической власти владимирских князей на фоне поступков блюстителя древних устоев, «витязя древней Руси»:

«Это был... защитник старины, ...борец за правду, но за ту правду, которой образ сложился уже прежде... Это был лучший человек своего времени, но не переходивший той черты, которую назначил себе дух предшествовавших веков: и в этом отношении жизнь его выражала современное ему общество»¹³.

Битву на Липице Костомаров рассматривал как продолжение конфликта Новгорода и Ярослава Всеволодовича, которого пригласила «суздальская партия, руководимая торговыми интересами»¹⁴. Н.И. Костомаров опирался на НПЛ, откуда взял дату встречи на Сарском городище – 9 апреля, в Великую субботу. Но летописи умалчивают, что, выступая из Новгорода,

«Мстислав объявил, что, защищая новгородское дело, он в то же вре-

¹⁰ Там же. С. 738–739.

¹¹ Там же. С. 620.

¹² *Костомаров Н.И. Князь Мстислав Удалой // Он же. Господство дома Св. Владимира: Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей.* М., 1993. С. 101–126.

¹³ Там же. С. 101.

¹⁴ Там же. С. 107, 108–109.

мя заступается за правду и в суздальской земле хочет восстановить права старейшего брата»¹⁵.

Перед этими словами Н.И. Костомаров рассказал о династическом споре во Владимиро-Суздальской Руси:

«На счастье новгородцам, в самой суздальской земле после смерти Всеволода Юрьевича шел тогда спор между старшим сыном его Константином ростовским и меньшим Юрием, которому отец вопреки правам старшего брата завещал старейшинство в суздальской земле»¹⁶.

Несколько вынужденное упоминание усобицы во Владимирском княжестве – дополнительный аргумент в пользу того, что Н.И. Костомаров в первую очередь использовал новгородские летописи, а уж затем обратился к летописанию Северо-Восточной Руси, где события 1215–1216 гг. изложены очень кратко. Обращение к конфликту детей Всеволода Юрьевича понадобилось Н.И. Костомарову для того, чтобы показать роль Мстислава Удатного в деле защиты старых устоев, в том числе, и процедуры передачи власти. Это было сделано путем приписывания Мстиславу Удатному дополнительного мотива, о котором в источниках не говорится.

Описывая битву на Липице, Н.И. Костомаров привлек СЛ, НЛ, НЛ (их текст с некоторыми изменениями передан в Воскресенской летописи). Об этом можно судить по упоминанию Н.И. Костомаровым бродников в войске владимирского князя, договоренностей Георгия и Ярослава с Ларионом, совещания в шатре у этих двух князей, речи боярина Творимира, планов политического раздела всей Руси Всеволодовичами после ожидаемой победы на Липице, деталей самой битвы и участи побежденных Георгия и Ярослава Всеволодовичей...¹⁷

Главным виновником конфликта Н.И. Костомаров считал Ярослава. Конфликт вспыхнул из-за его давления на Новгород. Лишь затем в клубок противоречий вплелась нить спора детей Всеволода Великого:

«Этой победоносной войною Мстислав утвердил за Новгородом высокое нравственное значение и показал, что нельзя безнаказанно нарушать его права и самостоятельность; вместе с тем он с новгородцами

¹⁵ Там же. С. 110.

¹⁶ Там же. С. 109–110.

¹⁷ Там же. С. 111–117.

установил ряд в Суздальской земле, как прежде сделал он это в Киевской с теми же новгородцами»¹⁸.

В.О. Ключевский, вероятно, работал с текстом С.М. Соловьёва о Липице: в Суздальской земле после 1212 г. разгорелась усобица между обделенным Константином и младшими братьями; за Константина вступился Мстислав Удатный, и битва окончилась поражением младших Всеволодовичей¹⁹. Интересны умозаключения В.О. Ключевского: из договоренностей между Георгием и Ярославом перед битвой выводится идея, что лучшими областями Руси стали считаться Ростовская и Новгородская земли; хвастовство этих князей и бояр символизировали развитые

«...местное самомнение, надменность, воспитанная политическими успехами князей Андрея и Всеволода, давших почувствовать этому обществу силу и значение своей области в Русской земле»²⁰.

В. Сергеевич не писал о Липице, но разбирал причины и корни усобицы во Владимирской земле после 1212 г. Немалую роль в этом сыграли интересы городов Ростова и Владимира. Получается, что Константин хотел к Ростову получить Владимир, то есть придать ему статус пригорода²¹. Также ситуацией после поражения Георгия В. Сергеевич подчеркивал силу вече. Однако была использована Воскресенская летопись²², в более ранних источниках такой подробной информации не содержится.

А.Е. Пресняков не рассматривал саму битву на Липице, но в соответствии с концепцией княжого права изучил династический кризис, приведший к ней²³. Надо отметить, что вывод А.Е. Преснякова:

¹⁸ Там же. С. 117.

¹⁹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. I. М., 1993. С. 295–296.

²⁰ Там же. С. 296.

²¹ Сергеевич В. Древности русского права. Территории и население. Т. I. СПб., 1909. С. 32–33.

²² Он же. Древности русского права. Вече и князь. Советники князя. Т. II. СПб., 1908. С. 27.

²³ Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси // Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 129–132.

«Через пять лет по смерти отца Всеволодичи изменили завещание Всеволода. Константин вернул себе старейшинство и сел во Владимир, а Юрий перешел в Суздаль»²⁴

свидетельствует о том, что битва на Липице виделась историком как выяснение отношений среди детей Всеволода Юрьевича. Мысль А.Е. Преснякова, высказанная в другом труде, показывает, что этой битве «проникновенный источниковед» не придавал особого значения:

«Соперничество двух Всеволодовичей, Константина и Юрия, закончилось после непрочных договоров 1212 и 1213 гг. компромиссом 1217 г.»²⁵.

А.Е. Пресняков писал о новгородской политике Ярослава, увязывая её с интересами Георгия, но и здесь битва на Липице была проигнорирована²⁶.

Б.Д. Греков преподнес битву на Липице как пример княжеских усобиц, ослаблявших Русь накануне монгольского нашествия. По его мнению, Георгий отомстил обидчикам за поражение на Липице, отказав им в помощи, в походе на Калку²⁷. Б.Д. Греков интерпретировал сведения о выходе Новгорода из-под власти Всеволода Большое Гнездо. Этот выход обуславливался вокняжением в Новгороде Мстислава Удатного. Затем:

«Под предводительством Мстислава новгородцы... уже после смерти Всеволода (1212)... вторглись в Ростово-Суздальскую землю и нанесли суздальцам и ростовцам решительное поражение на реке Липице (1216 г.), в результате чего произошли серьезные политические перемены во всей Владимиро-Суздальской земле: Юрий, сын Всеволода, вынужден был отказаться от города Владимира и своего старшинства, вместо него был посажен на Владимирский стол Константин – союзник Мстислава Удалого; Юрий перешел в Суздаль. После смерти Константина Юрий снова занял Владимир. Так падало значение Владимирского княжения и крепла независимость Новгородской ари-

²⁴ Там же. С. 132.

²⁵ Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 49.

²⁶ Там же. С. 50.

²⁷ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М. –Л., 1950. С. 202.

тократической республики. Процесс дробления русской земли на отдельные обособленные княжения продвинулся еще на шаг вперед²⁸.

При описании битвы на Калке и её анализе Б.Д. Греков, как это явствует из приведенных им цитат, опирался на данные НПЛ, ИЛ и ЛЛ²⁹. В них и в других летописях мотивировки отказа Георгия помочь коалиции князей из-за новгородских споров и поражения на Липице нет.

Реально на Новгород претендовал брат князя Георгия – Ярослав Всеволодович. Именно он в 1215–1216 гг. бился за Новгород со своим тестем Мстиславом Удатным³⁰. Конфликта Георгия Всеволодовича и Мстислава Мстиславича из-за Новгорода не было. После поражения на Липице Георгий бежал во Владимир, но вскоре сдался на милость Мстислава и новгородцев³¹. И Городец Георгий получил от Мстислава, как это указано в НПЛ³². А новый владимирский князь Константин согласился с этим решением, позднее вступил в переговоры с братом Георгием и дал ему Суздаль³³, договорившись о передаче ему после своей смерти власти в княжестве. Понятно, что в НПЛ устроителями мира во Владимирской земле представлены новгородцы и князь Мстислав Удатный. ЛЛ в рассказе о Липицком сражении больше симпатий выражает Константину³⁴, ставшему владимирским князем. В целом, сведения о битве на Липице в ЛЛ тенденциозны в положительную сторону для Константина и в отрицательную сторону – для Георгия. Но и при таких обстоятельствах в ЛЛ сказано, что Константин и Георгий после Липицы помирились.

В борьбу за Новгород Георгий вступил после смерти Константина в

²⁸ Там же. С. 194–195.

²⁹ Там же. С. 202–205.

³⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ) // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. III. М., 2000. С. 53–57, 252–257. Примечательно, что известие 1216 г. (год сражения на Липице) начинается словами: «поне князь Мстиславъ на зять свои Ярослава с новгородци» (НПЛ. С. 55, 254); Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М., 1997 (далее – ЛЛ). Стб. 439–440. В ЛЛ говорится только о замене Мстислава в Новгороде Ярославом и только о битве у Юрьева Константина с братьями Георгием и Ярославом Всеволодовичами.

³¹ НПЛ. С. 56, 256–257.

³² Там же.

³³ ЛЛ. Стб. 440.

³⁴ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси... С. 84.

1218 г. Мстислав Удатный уже покинул Новгород. Его место занял сын киевского князя (из Смоленска) Мстислава Романовича – Святослав³⁵. Георгий и Ярослав Всеволодовичи влияли на борьбу боярских группировок, подрывая позиции Ростиславичей³⁶ в Новгороде. В.Л. Янин инициатором этой активности Всеволодовичей считает Ярослава³⁷, но не Георгия.

В определяющем для советской историографии труде «Очерки истории СССР» битва на Липице рассматривается тремя авторами – А.Н. Насоновым, Л.В. Даниловой, Б.Д. Грековым – соответственно с «владими́ро-суздальской», «новгородской» и «перяяславской» точек зрения. А.Н. Насонов описал битву на Липице как разрешение конфликта владимирских Всеволодовичей, в который были втянуты новгородцы и Мстислав Удатный. Движущими силами конфликта показаны исключительно князья:

«Как только умер Всеволод, началась борьба между братьями, в которую был втянут в качестве союзника Константина новгородский и торопецкий князь Мстислав Удалой. Заодно с Юрием действовал брат его Ярослав, князь Переяславля, приглашенный в Новгород в 1215 г., а затем оттуда изгнанный. Битва при р. Липице в 1216 г. решила дело в пользу Константина, но не дала ему всего того, на что он рассчитывал. Он стал старейшим князем, но должен был сесть во Владимире, а присоединить Владимир к Ростову ему не удалось»³⁸.

Иначе, с опорой на НПЛ, смотрела на битву на Липице Л.В. Данилова, для которой самостоятельная политическая роль новгородцев безусловна:

«Князь Ярослав Всеволодович, следуя традиционной политике владимирских князей, требовал полного подчинения новгородцев своей власти. Но начавшаяся после смерти великого князя Всеволода междоусобная борьба во Владимиро-Суздальском княжестве привела к ослаблению влияния владимирских князей в Новгороде. Используя

³⁵ НПЛ. С. 57–58, 258–260.

³⁶ НПЛ. С. 59–60, 260–261. Открытых враждебных действий против новгородцев и их князя Георгий и Ярослав не предпринимали.

³⁷ Янин В.Л. Указ. соч. С. 184.

³⁸ Насонов А.Н. Владимиро-Суздальское княжество // Очерки истории СССР. Ч. I. М., 1953. С. 333. Ученый не указал на привлекаемые им источники, но угадываются ЛЛ и НПЛ, а также – историографическая традиция.

помощь Мстислава Удалого и смоленских князей, новгородцы нанесли владими́ро-суздальским войскам тяжелое поражение на р. Липице (21 апреля 1216 г.)»³⁹.

Несмотря на то, что Л.В. Данилова упомянула распря во Владимирской земле, основной пружиной конфликта стала борьба Ярослава за Новгород. Новгородцы противопоставили ему Мстислава Удатного. В данном случае эту идею можно обусловить прямым влиянием НПЛ на исследовательницу. Б.Д. Греков ограничился общим замечанием о битве:

«Новая война, в которой владимирский князь Юрий со своими союзниками был побежден (битва при Липице 1216 г.), способствовала ослаблению Владимиро-Суздальской земли...»⁴⁰.

В важной книге, определившей видение истории Руси не одним поколением историков второй половины XX в., представлены две взаимно противоречивые версии одного события. Это историографическое напряжение обусловлено не критическим использованием разных летописных традиций (ранних) и опорой на разные историографические направления, корнями уходящие в труды дореволюционных исследователей.

Развивают идеи В. Сергеевича И.Я. Фроянов и его ученики. Рассматривая события 1215–1216 гг. на севере Руси, они во главу угла ставят отношения городских общин (городов-государств) и князей. Между тем, ярко прослеживается желание найти доказательства под эту идею. Отсюда – всеядное использование источников. Битва на Липице и предшествующие события изучаются с двух сторон: отношения городов-государств внутри Владимирского княжества и их отношения с Новгородом. Так, ссылаясь на НПЛ, И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко писали:

³⁹ Данилова Л.В. Новгородская феодальная республика // Очерки истории СССР. Ч. I. М., 1953. С. 354. В таком же ключе подана подописка Липицкой битвы в недавнем обобщающем труде по культуре Древней Руси: «Новгородское летописание сохранило «Повесть о битве на Липице», где новгородцы в 1216 г. вступились за свои вольности, нарушенные Ярославом Всеволодовичем. Сыновья Всеволода Большое Гнездо – Юрий, Ярослав и Святослав – проиграли битву новгородцам, призванным ими смоленским князьям Ростиславичам и их союзнику – старшему брату Константину» (Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 230).

⁴⁰ Греков Б.Д. Переяславское княжество // Очерки истории СССР. Ч. I... С. 393.

«Постоянно шла борьба с Полоцком, Черниговым, но главным противником оставался Владимиро-Суздальский город-государство. Пик этой борьбы – знаменитая Липицкая битва, результат которой весьма примечателен не только по своим военным, но и политическим последствиям... Новгородцы сажают во Владимире, столице могущественного Владимиро-Суздальского города-государства, своего ставленника (Константина – А.К.). Это ли не свидетельство могущества новгородской волости»⁴¹.

Это – повторение, с определёнными изменениями, мысли, высказанной в более ранней работе:

«В междоусобицу сыновей Всеволода Большое Гнездо включились массы новгородцев, смольнян, псковичей, ростовцев, владимирцев, муромцев, городчан. В Липицком сражении со стороны лишь Юрия и Ярослава Всеволодовичей погибло 9232 «мужа». Победителем в битве, как известно, стал князь Константин с союзниками. Новгородский «книжный писатель» едва ли исказил существо дела, заметив, что Константин на Владимирском столе «посадиша новгородци»⁴².

В другой главе этого труда при описании столкновений во Владимирской земле, в число которых входило Липицкое побоище, заявлялось иное:

«Когда Мстислав Мстиславич с новгородцами пошел на Ярослава и Юрия, князь Константин примкнул к Мстиславу и увлек за собой Ростовское ополчение. «Ростовьци» князя Константина... также представляли собой народное ополчение, составленное из воев различных городов ростовского города-государства. Во всех этих военных столкновениях видна не столько борьба князей друг с другом, сколько взаимная вражда волостей, которую мы не раз наблюдали в других регионах Руси и которая была типичным явлением древнерусской действительности»⁴³.

При этом опора не критически делалась на ЛЛ, на Московско-Академическую летопись, Московский летописный свод конца XV в. Не

⁴¹ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1989. С. 180–181.

⁴² Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 203.

⁴³ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства... С. 251.

обращалось внимания на вторичность текста последнего памятника о Липице по отношению к тексту второго, на ростовское происхождение текста о Липице в ЛЛ. Такое использование источников обуславливалось целью показать силу городовых общин и слабость князей.

Двойственная оценка Липицкой битвы (с точки зрения Новгорода и с точки зрения Владимира-на-Клязьме) ярко проявилась в другой капитальной работе И.Я. Фроянова, утверждавшего в «новгородской» главе:

«Победа в Липицкой битве – важнейшая веха новгородской истории. Она явилась переломным моментом в отношениях Новгорода с князьями Владимиро-Суздальской земли. Более чем полувековой их натиск был остановлен... Успех был закреплен посадением Константина на владимирский великокняжеский стол»⁴⁴.

Во «владими́ро-суздальской» главе И.Я. Фроянов, рассуждая о борьбе общин Ростова и Владимира в 1211–1216 гг., не стал говорить о Липицкой битве⁴⁵. Вероятно, для примирения этих оценок И.Я. Фроянов заявил:

«Война... приобрела чрезвычайно сложный характер, будучи межволостной и внутриволостной, т.е. внешней и внутренней, или гражданской»⁴⁶.

Идея о борьбе волостей внутри Владимирского княжества возоблудала у Ю.В. Кривошеева. Он сделал упор на мысль А.Н. Насонова:

«Липицкая битва закончилась поражением Юрия и Ярослава. Но она была не столько победой Константина и Мстислава, сколько «победой ростовцев над владимирцами и переяславцами»⁴⁷.

В анализе событий 1211–1216 гг. Ю.В. Кривошеев, отстаивая идею о силе городов-государств, активно прибегает к показаниям разных летописей и к ссылкам на труды И.Я. Фроянова. Другой ученик И.Я. Фроянова, пишущий о Новгороде, – А.Е. Петров – в разделе работы о событиях 1216–1216 гг. внимание сосредоточил на противостоя-

⁴⁴ Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.–СПб., 1995. С. 413.

⁴⁵ Там же. С. 693–697.

⁴⁶ Там же. С. 412.

⁴⁷ Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999. С. 83.

нии Ярослава Всеволодовича и новгородской общины. При этом о Липице не было упомянуто⁴⁸.

Зато более подробно остановился на Липице другой сторонник концепции Фроянова – исследователь новгородско-псковских отношений А.В. Валеров. Он доказывает, что Псков в событиях (по летописям XV–XVI вв.) 1215–1216 гг. проявил себя самостоятельной политической силой:

«...летописный рассказ о новгородско-суздальской войне 1216 г. еще раз доказывает, что в первой четверти XIII в. продолжал существовать лишь новгородско-псковский военный союз, но никакой зависимости Пскова от Новгорода не было»⁴⁹.

Ю.А. Лимонов, используя Московский летописный свод конца XV в., видит в битве на Липице более сложное явление, нежели простое столкновение Георгия и Константина или Ярослава с Мстиславом Удатным. По мнению ученого, после смерти Всеволода Юрьевича усобица его сыновей закончилась в 1214 г. непрочным миром Георгия и Константина⁵⁰. Он был нарушен Ярославом, заратившимся с Мстиславом Удатным и Владимиром псковским и втянувшим брата Георгия в войну.

«Естественно, против последнего выступил Константин с Ростовом»⁵¹.

Полностью доверяясь Московскому летописному своду, Ю.А. Лимонов пишет об огромном войске Георгия и Ярослава, куда даже входили холопы и другие несвободные члены общества (со ссылкой на лирическое отступление о том, кто против кого поднялся). Ю.А. Лимонов вводит в свои рассуждения и пассажи о влиянии коммунальных органов, не позволивших Георгию собрать войска⁵². Эта же идея угадывается и во фразе:

«Владимирцы, несмотря на поражение... по ряду сохранили свое гла-

⁴⁸ Петров А.В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003. С. 174–177.

⁴⁹ Валеров А.В. Новгород и Псков. Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб., 2004. С. 143.

⁵⁰ Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 107.

⁵¹ Там же. С. 107.

⁵² Там же. С. 108.

венствующее значение во Владимиро-Суздальской земле. Ростов так и не стал столицей»⁵³.

Ю.А. Лимонов, судя по подведению им итогов битвы на Липице, видит в ней разрешение внутренних конфликтов Северо-Восточной Руси.

Балансировал между «новгородской» и «владимирской» составляющими битвы на Липице Дж. Феннел. Он, с опорой на НПЛ и Московский летописный свод, осветил борьбу Ярослава Всеволодовича и Мстислава Удатного, завершив рассказ словами:

«Через два месяца война закончилась: Ярослав и его братья потерпели поражение, а Мстислав вернулся, чтобы снова единолично и неоспоримо править Новгородом»⁵⁴.

Более подробно Дж. Феннел остановился на Липицкой битве в разделе о Суздальской земле⁵⁵. Скучные сведения НПЛ и ЛЛ он щедро дополнял сведениями летописных памятников XV–XVI вв. и В.Н. Татищева. Реконструкция события именно в этом разделе выглядит логичной, поскольку ей предшествует показ усабицы Всеволодовичей в 1212–1214 гг. Тем самым, Дж. Феннел больше связывает Липицкую битву с событиями внутри Владимирской земли: битва была названа последней стычкой⁵⁶.

В научно-популярном издании нижегородский ученый В.П. Макарихин⁵⁷ восстанавливал события 1212–1216 гг., используя в качестве основных источников Никоновскую летопись и «Историю Российскую» В.Н. Татищева. Еще и этим обстоятельством надо объяснить то, что В.П. Макарихину «...отдельных неточностей... избежать не удалось»⁵⁸. Видение событий В.П. Макарихиным характеризует фраза: «Шаткое равновесие во Владимирщине нарушил Новгород...»⁵⁹. То есть борьба меж-

⁵³ Там же.

⁵⁴ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200 – 1304. М., 1989. С. 94.

⁵⁵ Там же. С. 86–88.

⁵⁶ Там же. С. 86.

⁵⁷ Макарихин В.П. Новгород земли Низовской. Повествование об основателе Нижнего Новгорода великом князе Юрии Всеволодовиче. Нижний Новгород, 1994. С. 15–25.

⁵⁸ Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород, 2003. С. 166.

⁵⁹ Макарихин В.П. Новгород земли Низовской... С. 18.

ду Всеволодовичами могла окончиться мирным разделением, не вмешавшись в нее Новгород и Мстислав Удатный, поссорившийся со своим зятем Ярославом.

А. А. Горский свел причины битвы на Липице к разрешению спора между Всеволодовичами, конкретизируя версию А. Н. Насонова:

«В 1216 г., после крупной междоусобной войны, в которой с одной стороны выступали Юрий и Ярослав, а с другой – Константин, Мстислав Удатный, бывший тогда князем новгородским, и смоленский князь Владимир Рюрикович, Юрий лишился владимирского стола, который перешел к Константину»⁶⁰.

Эклектичную картину представил Д. Н. Александров:

«В 1216 г. смоленские князья приняли самое активное участие в событиях, имевших место во Владимиро-Суздальской земле. В Северо-Восточной Руси произошла междоусобица Юрия и Константина Всеволодовичей. Речь... шла о владимирском великокняжеском престоле. Усобица началась весьма своеобразно. Мстислав Мстиславич снова занял новгородский престол после разведочного похода, предпринятого на юго-запад Руси. Ярослав Всеволодович начал войну с Мстиславом, захватив ряд пограничных новгородских городов, тем самым отрезав Новгород от главных источников снабжения. Большое столкновение... стало неизбежным. Ярослав соединился со своим братом владимирским князем Юрием, а Мстислав Удалой обратился к Константину Ростовскому, старшему брату Юрия, и к своим двоюродным братьям Владимиру Рюриковичу и Мстиславу Романовичу. Последний прислал сына Всеволода. Решающее столкновение состоялось 21 апреля 1216 г. Ярослав и Юрий потерпели сокрушительное поражение. Произошло временное восстановление Константина Всеволодовича на владимирском великокняжеском престоле»⁶¹.

Судя по тому, что весь этот отрывок построен лишь на одной отсылке к Дж. Феннелу, надо видеть в идеях Д. Н. Александрова интерпретацию мыслей британского исследователя. Конечно, странно, что усобица владимирских князей началась войной Ярослава и Мстислава из-за Новгорода. Как показано ниже, обращение Мстислава Удатного к

⁶⁰ Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. М., 1996. С. 11.

⁶¹ Александров Д. Н. Феодалная раздробленность Руси. М., 2001. С. 253.

своим родичам произошло до, а не после присоединения Ярослава к Георгию.

А.М. Ломов, оспаривая традиционную версию происхождения «Слова о полку Игореве», считает, что столетие после битвы на Каяле

«...обладало всеми признаками времени, которое заставляет музы умолкать: русскому народу было явно не до изящной словесности»⁶²,

а потому «Слово о полку Игореве» не могло быть создано тогда. В числе аргументов (разорение Рязани в 1187 и 1208 гг., разорение Киева в 1204 г., битва на Калке, голод 1224 г., татаро-монгольское нашествие) А.М. Ломов называет и Липицкую битву,

«во время которой погибло более 10 тысяч новгородцев и суздальцев (1216 г.)»⁶³.

Применительно к судьбе основателя Нижнего Новгорода рассматривалась битва на Липице в нижегородской краеведческой традиции. Так, Н.Ф. Филатов, приведя пространные цитаты о Липице и мире после нее из Холмогорской летописи (?) и Московского летописного свода XV в., акцентировал внимание читателя на том, что Георгий Всеволодович отказал трем посольствам, предлагавшим мир, что владимирцы дважды поджигали его дворец, что после примирения Константин приказал Георгию жить в Суздале⁶⁴. Такое выборочное использование летописей и фактов из них служит для того, чтобы показать негативный моральный облик Георгия Всеволодовича и сделать его недостойным основания Нижнего Новгорода. Об этом будет рассказано в соответствующей главе.

Бегло рассмотрел битву на Липице Д.Г. Хрусталеv. Причиной битвы он считает недовольство Константина завещанием отца. Всеволод Юрьевич отдал власть второму сыну Георгию. В столкновение братьев вмешался Мстислав Удатный с союзниками, поддержав Константина. Все завершилось поражением Георгия и Ярослава на Липице в апреле 1216 г.:

⁶² Ломов А.М. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: диалогия Софония Рязанца? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия 1. Гуманитарные науки. 2000. № 2. С. 43.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Филатов Н.Ф. Нижегородский край в летописании. Нижний Новгород, 2003. С. 10–13.

«Константин вступил во Владимир и был признан великим князем Северо-Восточной Руси, верховным сюзереном земли. Юрий получил Городец-Радилов на Волге (в 1217 г. был переведен в Суздаль), а Ярослав вернулся в Переяславль Залесский, которым владел еще при жизни отца. После внезапной смерти Константина (2 февраля 1218 г.) Юрий занял великокняжеский стол и сохранял его вплоть до своей гибели...»⁶⁵.

Д.Г. Хрусталеv пишет об этих событиях, как об общеизвестных, а потому не указывает на источники суждений, до него встречавшихся в историографии. По мнению исследователя, битва на Липице стала разрешением внутрдинастического конфликта во Владимирском княжестве после смерти Всеволода Юрьевича. Но остались необъясненными причины вмешательства Мстислава Удатного. Вопреки Д.Г. Хрусталеvu, летописи не дают оснований считать смерть Константина неожиданной. Так, в ЛЛ перед пространным известием о смерти Константина⁶⁶ сообщается, что он дал сыновьям, Васильку и Всеволоду, Ростов и Ярославль, сказав, что после него они должны подчиняться Георгию, владимирскому князю⁶⁷.

При изучении историографии битвы на Липице выявляются две характерные черты. Во-первых, исследователи по-разному смотрят на это событие: либо как на разрешение конфликта внутри Владимирского княжества, либо как на столкновение владимирских князей с Новгородом и смоленскими князьями. Обусловлена такая ситуация двумя источниками версиями события: одна из них восходит к скупому сообщению ЛЛ, а другая к НПЛ, а от нее к Новгородско-Софийскому своду. В связи с краткостью первой большую популярность снискала новгородская версия событий, а через её призму подается изучение процессов во Владимиро-Суздальском княжестве. При этом делаются глобальные выводы относительно эволюции княжеской власти во Владимирском княжестве или развития вечевых институтов в городах-государствах Северной Руси.

Во-вторых, историографическая традиция битвы на Липице, начиная с 1920-х гг., очень слабо связана с источниковедением проблемы.

⁶⁵ Хрусталеv Д.Г. Русь: от нашествия до «ига» (30–40 гг. XIII в.). СПб., 2004. С. 16.

⁶⁶ ЛЛ. Стб. 442–444.

⁶⁷ ЛЛ. Стб. 442.

Исследователи, пеняя на слабую информативную отдачу ЛЛ и НПЛ, активно используют летописные памятники XV–XVI вв. Эти летописи пространны, художественно красочны, дают множество деталей и цифр. При том забывается, что большинство этих летописей восходят к новгородско-софийскому своду, вобравшему в себя большое количество материала, происхождение которого не всегда можно установить. В ряде случаев, когда это удастся сделать, приходится отрицать достоверность ряда сведений. Пренебрегая опытом А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова, Я.С. Лурье, Д.С. Лихачева, Г.М. Прохорова, А.Г. Боброва, В.А. Кучкина, Ю.А. Лимонова, А.Г. Кузьмина, Б.М. Клосса, исследователи создают свою картину события, которой в полной мере нельзя доверять. Обзор источниковедческих штудий применительно к решению вопроса о битве на Липице в данном очерке не проводился. Более целесообразными стали обращение и полемика с источниковедческими выкладками в ходе исследования. Две сферы гуманитарного знания – собственно историческая и источниковедческая – существуют независимо друг от друга в решении вопроса о битве на Липице. Эти настроения можно выразить словами Я.С. Лурье:

«Изучение летописных рассказов не только как носителей информации о том времени, о котором они повествовали, но и как памятников того времени, когда они были созданы, открывает перед историком такие возможности, каких не дает «потребительское» или иллюстративное использование памятников»⁶⁸.

§ 2. К источниковедческому вопросу о первичности НПЛ по отношению к НВЛ в рассказе о битве на Липице

После проведенного историографического обзора насущным выглядит решение задач сопряжения исторических и источниковедческих исследований. Корни историографического плюрализма уходят в события, связанные со смертью Всеволода Большое Гнездо и его завещанием, борьбой князей за Новгород и общерусской ситуацией на Руси. Битва на Липице, подобно узлу, стянула общерусские события и процессы вдоль Днепра и Верхней Волги, актуализировала династические связи владимирских, смоленских, черниговских князей. Вследствие

⁶⁸ Лурье Я.С. История России в летописании и в восприятии Нового времени // Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая (Избранное). СПб., 1997. С. 172.

этого её изучение невозможно без восстановления общерусского исторического фона 1210-х гг. Широта суждений определяется также пестротой источникового комплекса, из которого исследователи часто выбирают удобные сведения, подгоняя отобранный материал под готовую концепцию. Поэтому большая часть очерка посвящена заострению источниковых проблем изучения события. По ходу самого очерка будут актуализироваться, порой оспариваться, идеи и наблюдения источниковедов. Разбирать в историографической части их суждения нецелесообразно. Исключение надо сделать для общих замечаний относительно круга источников для изучения проблемы.

Круг достоверных источников, необходимых для научного изучения битвы на Липице, очертил Я.С. Лурье: НПЛ, Московский летописный свод конца XV в., НІВЛ, СІЛ, Новгородская Карамзинская летопись во второй выборке (далее – НК2), Московско-академическая летопись (далее – МАК), Тверской сборник (далее – ТВ)⁶⁹. Собственно текст «Повести» восстанавливается по НІВЛ, СІЛ, НК2, МАК и Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского (далее – НЛД). Последний памятник был опубликован недавно. По событиям первой трети XIII в. он вторичен по отношению к НІВЛ. Поэтому в очерке при упоминании «Повести о битве на Липице» будут подразумеваться НІВЛ, СІЛ, НК2, МАК, НЛД. Эти памятники восходят к новгородско-софийскому своду 1430-х гг., а через него – к своду митрополита Фотия, где пополнялось повествования НПЛ⁷⁰.

По устоявшемуся в историографии мнению, достоверным источником для изучения собственно битвы на Липице является НПЛ⁷¹. В 1987 г. прозвучало иное предложение А.В. Юрасовского:

«...у «Повести о Липицкой битве» был один протограф; при его использовании составитель НПЛ (НПЛ – А.К.) допустил значительные

⁶⁹ Лурье Я.С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV–XVI вв. // Куликовская битва и подъем национального самосознания. Труды отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). Т. XXXIV. Л., 1979. С. 96–115; *Он же*. Повесть о битве на Липице // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997. С. 461–462.

⁷⁰ Кучкин В.А. Рассказ в Новгородской IV и Софийской I летописях... С. 72.

⁷¹ Лурье Я.С. Повесть о битве на Липице... С. 113. По мнению П.П. Толочко и Б.А. Рыбакова, в НПЛ периода 1214–1218 гг. отразился личный летописец Мстислава Удатного: Толочко П.П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003. С. 190–192.

перестановки текста и его сокращения, вследствие чего более подробно и ближе к своему первоначальному виду Повесть сохранилась в Новгородской IV летописи»⁷².

Под эту идею А.В. Юрасовский подогнал вывод своего предшественника Я.С. Лурье:

«при составлении пространной редакции Повести составителем НІVЛ был использован «дополнительный источник, который также обнаруживает черты раннего происхождения и хорошей осведомленности»; «Лурье приходит к мысли о наличии двух источников Повести, каждый из которых лег в основу соответственно рассказа о Липицкой битве в НЛЛ и НІVЛ»⁷³.

Из исследований Я.С. Лурье все-таки следует иной вывод: в НІVЛ проявился дополнительный источник наряду с тем, что отразился в НЛЛ. Поэтому отрицание выводов Я.С. Лурье А.В. Юрасовским и предложение того, что в НЛЛ предельно был сокращен, по сравнению с НІVЛ, текст протографа, ошибочны. Весомым аргументом А.В. Юрасовского, неудобным для сторонников традиционной схемы⁷⁴, является то, что в НЛЛ посол Ларион обращается то к одному, то к нескольким лицам⁷⁵:

«Мы видим, что составитель НЛЛ жертвует здесь рядом подробностей, опуская целый ряд фактов... От проведенной операции остается почти незаметный след: в «комбинированной» речи Лариона осталась не замеченная летописцем НЛЛ несогласованность: в первой части послания обращение делается в первом лице множественного числа; во второй – в единственном («кланяем ти ся» – «пусти мужи мои»). Деталь немаловажная, она явно показывает, какой из текстов был первичен»⁷⁶.

⁷² Юрасовский А.В. О соотношении пространной и краткой редакций «Повести о Липицкой битве» в новгородском летописании // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования (далее – ДГ), 1987 г. М., 1989. С. 64.

⁷³ Там же. С. 59.

⁷⁴ Его просто пытаются обойти, например: «Мнение А.В. Юрасовского о том, что повесть о Липицкой битве в составе Новгородской Четвертой летописи сохранена в более близком по отношению к протографу виде в сравнении с Новгородской Первой летописью... представляется недостаточно обоснованным; текстологически более верными считаем построения Я.С. Лурье» (Валеров А.В. Новгород и Псков... С. 142).

⁷⁵ НЛЛ. С. 56, 256.

⁷⁶ Юрасовский А.В. О соотношении... С. 62.

НПЛ ст. извода	НІВЛ
<p><i>Мьстиславъ же и Костянтиъ на два Володимера съ новгородци сташа[2] на рѣцѣ Липичи [1]; и үзрѣша[3] пѣлаки стояща, и послаша[3] Ларiona сочьского къ Гюргю: «кланяемъ ти ся[4]; нѣтү ны[5] съ тобою обиды, съ Ярославомъ ны[5] обида; пүсти мұжи <u>мон</u>⁷⁹ новгородьци и новотържьци и, что еси зашьлъ волости нашеи⁸⁰ новгородьской Волокъ, въспяти; миръ с нами[6] възьми, а крестъ къ намъ[6] цѣлүи; а крѣви не проливаними[7]». <u>Отвѣташа</u> же[8]: «мира не хочемъ[9], мұжи ү мене[10]; а далече есте шли, и вышли есте акы рыбы на сүхо». И сказа Лариянъ тү речъ Мьстиславу и новгородьчемъ[11]⁸¹.</i></p>	<p><i>на Мьстиславъ же [и Володимиръ]⁸² с Новгородци[1] поставиша[2] свои полки близъ Юрьева и тү стояста[2], а Костянтинъ[1] далє стояше[2] съ своими полки, на рѣцѣ Липицѣ[1]. И оүзриша[3] полки стояще Ярославли и Юрьевы, и послаша[3] Ларiona съцкого къ Юрью: «кланяемъ ти ся [4]; нѣтү с тобою обиды, обида намъ[5] с Ярославомъ». <u>Отвѣщав же Юрь</u>[8]: «одинъ есмь братъ съ Ярославомъ»⁸³. И посласта[3] къ Ярославү, глаголюще: «пүсти мұжи Новгородци и Новоторжци; что еси зашелъ волости Новгородцин, Волокъ, воспяти, а миръ с нами [6] възьми, а крестъ к намъ[6] цѣлүи, а кровн не проливани[7]». <u>Отвѣщав же Ярославъ</u>[8]: «мира не хоцю [9], а мұжи оү менѣ[10]; а далече есте шли, и вышли есте акы рива на соүхо». И сказа Ларьянъ тү речъ княземъ и Новгородцемъ [11]; и паки посласта обѣма княземъ с послѣднѣю речью: «мы пришли есмя, брате Юрьи и Ярославе, не на пролитье кровн; не дан Богъ сътворити того! оуправимся, мы есме племенници; а дадимъ старшинство Костянтину, а посадите его въ Володимерѣ, а вамъ [земля] Сүздальская вся». Юрьи же рече: «рци братү Мьстиславоу и Володимерю: пришли есте, да куды хотите отгнати? А братү Костянтиноу молвимъ: перемоган насъ, тобѣ вся земля»⁸⁴.</i></p>

Наблюдение А.В. Юрасовского показательно. В НПЛ фраза, начинающаяся словами «кланяем ти ся», исходит от нескольких лиц (предводителей новгородцев, смолян, псковичей) и адресована Георгию. Во фразе от нескольких лиц совершен переход к одному лицу, о чем сигнализирует местоимение «мой», относящееся к пленным Ярославом новоторжцам и новгородцам⁷⁷. Очевидно, слово «мой» исходило от Мстислава Удатного. Есть смысл еще раз сравнить тексты о переговорах:⁷⁸

См. табл. на предыдущей стр.

Надо указать еще на ряд несогласованностей в числах. В НПЛ Ларион обращается (*кланяемъ ти ся; съ тобою*⁸⁵) к одному Георгию, а ответ Лариону исходит от нескольких (больше чем двух) лиц — *Отвѣташа же (отвѣцаша), Отвѣцаша*⁸⁶ (аорист III лица множественного (не двойственного) числа). В прямой речи ответа чередуются глагол настоящего времени II лица множественного числа (*не хотимъ*) и личное местоимение в родительном падеже единственного числа (*у мене*)⁸⁷.

Итак, вместо одного «шва», замеченного А.В. Юрасовским, обнаруживаются уже три несоответствия единственного, двойственного и множественного чисел. Поэтому схема А.В. Юрасовского, на первый взгляд, получает дополнительную аргументацию; поэтому надо бы по-

⁷⁷ НПЛ. С. 55, 254; НІВЛ. С. 185, 187; СІЛ. Стб. 263; МАК. Стб. 492–493; НК2. С. 107; НЛД. С. 80.

⁷⁸ В отрывках поочередно (курсивом, полужирно, чертой и повторно) выделены слова, на которые надо обратить внимание, соответствия пронумерованы одинаковыми числами в квадратных скобках.

⁷⁹ Местоимение «мой» отсутствует в НІВЛ, СІЛ, МАК, НК2, НЛД.

⁸⁰ Местоимение «нашей» отсутствует в НІВЛ, СІЛ, МАК, НК2, НЛД.

⁸¹ НПЛ. С. 56.

⁸² В квадратных скобках при издании НІВЛ помещались пропущенные буквы (Предисловие к I-му выпуску (1915) // НІВЛ. С. XXXI). В НК2 (С. 108), СІЛ (Стб. 265), МАК (Стб. 494), НЛД (С. 81) в этом фрагменте после Мстислава следует *Володимер(ъ)*.

⁸³ Эта фраза отсутствует в НПЛ.

⁸⁴ НІВЛ. С. 188–189.

⁸⁵ НПЛ. С. 56, 256.

⁸⁶ НПЛ. С. 56, 256.

⁸⁷ Там же.

лагать, что НІVЛ (XV в.) донесла текст, сокращенный в НПЛ старшего извода (XIII в.); поэтому надо бы воспринимать информацию НІVЛ о битве на Липице как более достоверную, нежели ту, что донесла НПЛ; поэтому все напластования фольклорно-народного, эпического жанров, традиционно считавшиеся вставками XV–XVI вв. (см. об этом ниже), надо бы отнести ко времени, близкому к событиям 1216 г., а значит – использовать их для получения достоверной картины события. Но при внимательном сравнении текстов НПЛ и НІVЛ (см. таблицу) видно, что создатели НІVЛ редактировали сообщение о Липице в НПЛ.

В НПЛ Мстислав и Владимир Мстиславичи, Константин **сташа** (аорист, III л. мн. ч.), в НІVЛ Мстислав и Владимир **поставиства** полки и **стояста** (аорист, III л. двойственного числа), а глагол **сташа** заменен **стояше** (имперфект, III л. ед. ч.). Кажется, все пока сходится со схемой А.В. Юрасовского. Однако затем в НІVЛ князя «объединяются»: вместе **оузриша** (в НПЛ – **узрѣша**; аорист, III л. мн. ч.) полки противника и **послаша** (вновь мн. ч.) Лариона. В обращении к Георгию местоимение «ны» (НПЛ) в НІVЛ выглядит «**намъ**» – это варианты личного местоимения I л. в дательном падеже мн. ч. То есть в НІVЛ были использованы обороты НПЛ во мн. ч., что противоречит предшествующему применению двойственного числа. Недоумение еще более возрастает, если сравнить обращения к Георгию и Ярославу в НІVЛ: в первом случае – мн. ч., во втором – двойственное (то есть послание шло от Мстислава и Владимира). Во втором обращении нет местоимения «**мои**», что естественно для двойственного числа; также личные местоимения «**нами**», «**намъ**» в форме множественного числа (естественно смотрятся в НПЛ) противоречат глаголу «**посласта**».

Под глаголом **не проливани** в НПЛ понимается призыв, направленный и к себе, и к слушающему, а в НІVЛ глагол **не проливаи** адресован Ярославу. Значит, на него возлагается вина за кровопролитие. В НІVЛ в кровопролитии обвинены Ярослав и Георгий:

«**паки посласта овѣма княземъ с послѣднѣю речью: мы пришли есмя, братѣ Юрьн и Ярославе, не на пролитие крови**»⁸⁸.

В НІVЛ ответ Ларион принес **княземъ и Новгородцемъ**, но второе послание к Георгию и Ярославу исходит опять-таки от двух лиц – **посласта**. В прямой речи второго послания, которое, судя по глаголу, исходит от двух лиц, обращаются несколько (больше 2-х) человек – **мы пришли есмя**.

⁸⁸ НІVЛ. С. 188–189.

Эти и другие детали, которые можно наблюдать в таблице, свидетельствуют, что для редактирования был взят текст, имеющийся в НПЛ. Редактирование шло в направлении расширения этого текста.

Источниковая схема А.В. Юрасовского разрушается, если приложить к тексту о Липице в НПЛ афоризм Ф. Искандера: «По высочайшей аккуратности текста угадывается подлог». Более достоверным кажется текст НПЛ, по времени более близкой к событиям, нежели в отдаленной НПЛ. Пусть даже этот текст не очень понятен современному читателю. А.В. Юрасовский не показал каких-либо истоков расширенного текста XV в. в истории летописания. К тому же, в XV в. летописание стало аренной ожесточенной публицистической борьбы и политическим аргументом. Текст НПЛ выглядит более нейтральным, нежели пространная «Повесть о битве на Липице» в НПЛ. Удобность для понимания исследователей именно «Повести...» может объясняться целью её авторов: сделать текст «прозрачным», преследуя определенную идею. Поэтому, сравнивая сообщения НПЛ и НПЛ о Липице, надо предпочесть первое второму по причине, по которой обесцениваются «сведения Татищева»:

«Татищевские известия»... обладают несомненным достоинством в глазах современного исследователя: они зачастую делают гораздо более понятными и логичными многие путанные или отрывочно сообщенные летописями событиями. «Татищевские известия» вносят логику и осмысленность в набор фактов, которые без Татищева трудно или невозможно свести в последовательный рассказ.⁸⁹

Эти рассуждения не могли бы противостоять аргументам А.В. Юрасовского, укажи он корысть создателей НПЛ в XIII в. в том, чтобы сделать текст о Липице сумбурным. А вот политическая заинтересованность книжников XV в. в «Повести...» очевидна (см. ниже). При проведении сознательного редактирования создатель НПЛ должен был хотя бы убрать «шов» между словами, обращенными к Георгию и Ярославу. Реально в текстах НПЛ между этими обращениями имеется лакуна, отраженная А.Н. Насоновым в подстрочнике⁹⁰. Это обстоятельство не учел А.В. Юрасовский.

Сложная передача диалогов в сообщении НПЛ о Липице имеет ана-

⁸⁹ Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.–Киев, 2005. С. 19–20.

⁹⁰ НПЛ. С. 56 (сноска № 1), 256 (сноска б).

логи в текстах берестяных грамот (№ 354, 358, 697), Русской Правды пространной редакции, новгородской духовной Климента⁹¹. А.А. Гиппиус считает, что эта характерная черта новгородских текстов – «“необъявленное” переключение сообщения на нового адресата», изменение ролевой структуры текста в пределах одной фразы при отсутствии внешних индикаторов самого изменения – порождена ориентацией на ситуацию, а не на саму логику текста. Это, в свою очередь, «свойственно... устной диалогической коммуникации», но не для литературного языка⁹². Разбирая сведение НПЛ о переговорах на Липице, А.А. Гиппиус пишет:

«Речь новгородского посла формально обращена к Юрию, однако, начиная со слов *пусти мужи мои...* адресатом её является уже Ярослав. Механизм такого переключения понятен: упомянув об «обиде», нанесенной Новгороду Ярославом, летописец, устами посла, начинает излагать содержание этой «обиды» и делает это в форме обращения к самому Ярославу, что никак специально не оговаривается. Получается... что речь новгородцев к Ярославу как бы «вложена» в их обращение к Юрию... Кажущаяся алогичность такого построения (ведь сказано, что посольство отправилось к Юрию!) нисколько не препятствует правильному пониманию ситуации. Читатель летописи уже знает, что Ярослав и Юрий стояли одним лагерем, и может понять, что в действительности посол был отправлен к ним обоим, и даже в большей степени к Ярославу, чем к Юрию. Конструкция же «послали к Юрию: “...”» – не более чем экономная замена более громоздкого «послали к Юрию и Ярославу, сказав Юрию: “...”; а Ярославу сказали: “...”». Не менее важно то, от чьего лица говорит посол. В начале и в конце его речи представлено недифференцированное «мы», за которым стоит Мстислав с новгородцами и союзными ему князьями; однако требования к Ярославу четко распадаются на сформулированное от лица Мстислава... и лица новгородцев... Аналогично и ответная речь, начавшись от лица всей княжеской коалиции... продолжается от лица одного Ярослава»⁹³.

⁹¹ Гиппиус А.А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). Т. XI. М., 2004. С. 189–192.

⁹² Там же. С. 190–191.

⁹³ Там же. С. 191–192.

Полностью разделяя эти выводы, мы хотим отметить еще одно обстоятельство, связанное с ними. Если текст НПЛ составлялся в XIII в., то запись о Липице могла производиться со слов очевидцев, что и отразилось в летописи. Это лишний довод в пользу первичности сведения НПЛ о Липице. А вот в XV в., когда сформировалась определенная нормированная традиция построения связанной речи, началась правка этого отрывка. А.А. Гиппиус, разбирая сведение НК2 о Липице, указывает:

«...редакторское перо коснулось в точности тех элементов текста, которые мы отметили выше. Редактор разбил первоначальную единую речь новгородского посла, введя ответ Юрия и отдельное обращение к Ярославу, устранил местоимение *люи*, вносящее отличную от новгородской точку зрения Мстислава, и, напротив, заменил множественное число на единственное в ответной речи, тем самым полностью выдержав её с точки зрения Ярослава»⁹⁴.

А.А. Гиппиус указал на редакторскую работу книжников из круга Новгородско-софийского свода. Между тем, истолкование сведений НПЛ проводилось и составителями Ермолинской летописи (далее – ЕРМ), ТВ. При их сравнении с текстами летописей новгородско-софийского свода (см. ниже) выявляется политическая тенденциозность редактуры последних.

Современное источниковедение придерживается традиционной схемы (по Я.С. Лурье) складывания «Повести о битве на Липице». Это проявилось в издании «Письменные памятники истории Древней Руси»:

«Рассказы обеих летописей (*НПЛ* и *СПЛ* – *А.К.*) восходят к общему источнику – Новгородско-Софийскому своду 30-х гг. XV в., а через этот свод – к своду 1423 г. митрополита Фотия. Именно здесь и было существенно пополнено повествование Новгородской I летописи»⁹⁵.

Если говорить о предыстории битвы на Липице в период 1212–1216 гг., то надо использовать еще ЛЛ, Летописец Переяславля Суздальского (далее – ЛПС) и др. Как и при разборе истории Переяславля-Русско-

⁹⁴ Там же. С. 192.

⁹⁵ Кучкин В.А. Летописные рассказы о Липицкой битве // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 72.

го, в исследовании битвы на Липице важную роль играют «сведения» В.Н. Татищева, оказавшие мощное воздействие на отношение историков XIX–XX вв. к сражению и к отдельным персоналиям.

§ 3. На грани войны и мира: путь к Липице

К Липице привел внутривосточный и династический кризис во Владимирском княжестве накануне смерти Всеволода Большое Гнездо. Согласно его решению, владимирский стол и власть в княжестве передавались сыну Георгию в обход старшего Константина. Выказывалось мнение, что в последовавшей борьбе между Всеволодовичами виноват был Георгий, узурпировавший власть после смерти отца, а Константин отстаивал свои права⁹⁶: незаметно акцент переносился с воли Всеволода Юрьевича на произвол Георгия. Значит надо рассмотреть вопрос о завещании Всеволода III.

В одном из исследований он освещался путем столкновения ЛЛ и сведения из «Истории Российской» В.Н. Татищева:

«В 1212 г., в 24-летнем возрасте, Юрий Всеволодович становится великим князем владимирским. Лаврентьевская летопись сообщает о смерти его отца... но не оговаривает специально вопросы престолонаследия. Лишь из контекста (и умолчания) летописных статей под 6720–6721 гг.... ясно, что вокняжение Юрия происходит в обход старшего брата Константина... Драматический рассказ В.Н. Татищева о завещании Всеволода Юрьевича не подтверждается известиями летописных сводов XIV–XVI вв.»⁹⁷.

Сообщение о совещании Всеволода Юрьевича с боярами, где было решено передать великокняжеский стол Георгию в обход Константина, есть в I редакции и во II редакции II части труда В.Н. Татищева:

⁹⁶ *Филатов Н.Ф.* Нижегородский край в русском летописании. Нижний Новгород, 2003. С. 11–12.

⁹⁷ *Шудалов Б.М.* Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород, 2003. С. 174.

I редакция II части «Истории Российской»	II редакция II части «Истории Российской»
<p>«Всеволод же посылал по Константина триичи, и не иде Константин. Князь же великий Всеволод, печален бысть о сем, созва бояры своя и епископа Иоанна ростовского и яви има. И бывшу в боярех прению многу, нецы правяще Константина, рекуще: «Княже, не достоин тако делити отчины. Не можно бо всей братии долго заедин быти, и егда востанут межи собою, то погубят отчину.</p> <p>А черниговстии, резанстии и смоленстии будут более того искати, абы братию повадити и силу их отяяти. Ач тебе чтут за старейшего и слушают, бояся силы твоея». Друзии же реша, яко не достоин Константину не слушати отца, сынове же вси равни отцу и дает отец ему же, что хочет. Тогда Всеволод посла по Юрия и вlade ему Владимир со всеми бояры и всех укрепи к⁹⁸ нему крестным целованием».</p>	<p>«Всеволод же посылал паки по Константина, но он пришел, о чем отец его опечалился тяжко и, созва бояр своих и епископа Иоанна, объявил им. О чем между бояр было прение великое. Одни оправдали Константина, глаголя: «Княже, не достоин тебе тако область делить. Не можно бо всем братиам долго быть в согласии, но егда поссорятся и восстанет брат на брата, разорят области, чего черниговские, резанские и смоленские наипаче будут искать, чтоб братьев поссорить и силу их умалить. И хотя тебя ныне вси почитают, яко отца, и слушают, токмо бояся силы твоей». Противно тому другие вину клали на Константина, что преслушал отца и не поехал, а к тому просит городов, не доволен будучи отцовым определением, а отцу сынове все равны и дает кому что хочет. Тогда Всеволод послал по Юрия и отдал ему Владимир со всеми бояры и укрепил к⁹⁹ нему всехротою».</p>

Несовпадение есть и в предшествующих этим известиям строках, где повествуется о первоначальном разделении Владимирской земли Всеволодом и о реакции (в прямой речи) на это Константина, просящего не отделять Владимир от Ростова. Есть различия и в примечаниях Татищева к этим известиям. В примечании 447 к тексту I редакции II части он писал, что отрицательное отношение летописца к Константину

⁹⁸ Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. М.—Л., 1964. С. 342–343.

⁹⁹ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. М.—Л., 1964. С. 186–187.

есть плод вражды к князю епископа Симона. Среди причин вражды указано желание Георгия:

«хотя неправо большого брата наследия лишить, имел причину злодействовать, а Симон как у него в милости был и при нем историю писал, то прилежал оного оскорблять, а Георгия оправдать»¹⁰⁰.

Во II редакции к причинам добавлено:

«...отец Константина мог подлинно не любить...»¹⁰¹.

В историографии Владимирского княжества впервые Татищев ввел «факт» личного неприятия Георгием Константина как причину изменения порядка престолонаследия. В силу того, что Татищев оправдывал Константина¹⁰², «факт» приобретает характер обвинения Георгия во влиянии на предсмертное решение отца. Действительно, в ЛЛ не сообщается о завещании Всеволода Юрьевича¹⁰³. Умолчание связано с проявлением в ЛЛ материалов ростовского летописания, прославляющего Константина и его детей¹⁰⁴. Поэтому использовать ЛЛ как эталон достоверности «татищевских» сведений нельзя. Кроме прочего, в угоду Константину «прикрытой» в ЛЛ оказалась и сама битва на Липице (отмечено Я.С. Лурье¹⁰⁵), что снижает её ценность как источника об этом событии.

Больше информации, чем ЛЛ, о завещании Всеволода дают другие летописи. Типографская летопись сообщает:

«Всеволодъ же да Володимеръ Юрью и всю братью порочу ему»¹⁰⁶.

¹⁰⁰ Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. С. 460–461.

¹⁰¹ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 260.

¹⁰² См. указанный в предыдущем очерке тезис: «К Константину Всеволодовичу автор «Истории» питал явную и неприкрытую симпатию»; «Эта симпатия шла так далеко, что Татищев любой ценой пытался найти оправдание неблагоприятным поступкам князя» (Толочко А.П. Указ. соч. С. 378).

¹⁰³ ЛЛ. Стб. 436–437.

¹⁰⁴ Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 135–137; Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л. 1967. С. 135, 147–148, 149.

¹⁰⁵ Лурье Я.С. Примечания // Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв... С. 268.

¹⁰⁶ Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. М., 2000 (далее – Типографская летопись). С. 86.

Сведение о представительном собрании, принявшем решение о передаче владимирского стола Георгию, есть в летописных памятниках XV–XVI вв.:

«Князя велики Всеволодъ посылааь в Ростовъ по сына, по князя по Костянтина, и дая ему по своему животу Володимерь, а Ростовъ Юрю; он же не поѣха, но хотяше Ростова к Володимерю. И посла к нему 2-е; онъ таки не поѣха. Всеволодъ же созва бояръ и вся люди и епископа Иоана, и дасть Володимерь Георгию, и приведе всѣхъ люден к цѣлованию на Юря и приказа же ему братью всю. То же слыша Костянтинъ, воздвиже во ся со гнѣвомъ на братью, паче же на Гергіа»¹⁰⁷

Всеволод созвал «... всѣхъ бояръ своихъ с городовъ и с волостей, епископа Иоана, и игумены, и попы, и купцы, и дворяны, и вси люди, и да сыну своему Юрю Володимерь по себѣ, и води всѣхъ къ кресту, и цѣловаша вси люде на Юри; приказа же ему и братню свою. Костянтинъ же слышевъ то и вздвиже брѣви себѣ съ гнѣвомъ на братню свою, паче же на Георгия»¹⁰⁸;

«Князь великий же Всеволодъ съзва бояре, и вси люди и епископа Иоанна, и дасть Володимерь Юрию, и приведе всѣхъ людей къ цѣлованию на Юри» (ТВ)¹⁰⁹; «Князь великий Всеволодъ созва всѣхъ бояръ своихъ съ городовъ и съ волостей, и епископа Иоана, и игумены, и попы, и купцы, и дворяны, и вси люди, и да сыну своему Юрю Володимерь по себѣ и води всѣхъ ко кресту, и цѣловаша вси люде на Юри; приказа же ему и братью свою. Костянтинъ же слышавъ то, и воздвиже брови своя со гнѣвомъ на братню свою, паче же на Георгия» (Воскресенская летопись)¹¹⁰; похоже в Никоновской летописи¹¹¹.

Сведения двух последних летописей важны, поскольку их использовал В.Н. Татищев¹¹². При их сравнении с «Историей Российской» вид-

¹⁰⁷ ЕРМ. С. 63.

¹⁰⁸ Московский летописный свод. С. 108.

¹⁰⁹ ТВ. Стб. 310.

¹¹⁰ Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VII. М., 2001 (далее – Воскресенская летопись). С. 117.

¹¹¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Т. X. М., 2000 (в случае ссылки на X т. ПСРЛ – Никоновская летопись). С. 63–64.

¹¹² *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Часть I. Л., 1968. С. 252, 254.

но, что в её рассказе о завещании Всеволода использовались сведения списков Никоновской летописи, не совпадающих с Воскресенской летописью:

«Того же лѣта князь велики Всеволодъ Юрьевичъ созва вся бояре свои, и начи смышляти о сынѣ своемъ Константинѣ, и много о семъ словесъ выша, и не може како ѹставити о немъ; таже посла по отца своего Ивана епископа, и много совѣтываше о семъ, но ѹбо князь велики Всеволодъ восхотѣ дати Володимерь другому сыну своему князю Юрю. И тако посла по сына своего по князя Юрья, и даде ему градъ Владимиръ со всѣми людми, и всѣхъ ѹкрѣпи къ нему крестнымъ целованіемъ, и даде ему и вся дѣти своя, а его братью. Князь же Константинъ, старѣйшій сынъ его, ѹслышавъ сіа, и разгорѣся яростію, и воздвиже брови своя з гнѣвомъ на князя Юрья, брата своего, и на всѣхъ думцевъ»; «Князь великии Всеволодъ созва всѣхъ бояръ своихъ з городовъ и съ волостей, и епископа Иоанна, и игумены, и попы, и купцы, и дворяны, и вси люди, и да сыну своему Юрю Володимеръ по себѣ, и води всѣхъ ко кресту, и целоваша вси люди на Юри. Приказа же ему и братью свою. Константинъ же слышавъ то, и воздвиже брови себѣ со гнѣвомъ на братью свою, паче же на Георгія, и на всѣхъ думцевъ, иже здумаша сіа тако сотворити»¹¹³.

В отрывке круг лиц, созданных князем, ограничен боярами. Авторский произвол В.Н. Татищева объясним монархизмом историка. Он «обрабатывал» сведения источников, как раз устраняя их драматический характер. «Авторским» вкладом В.Н. Татищева является прямая речь бояр, обсуждающих решение Всеволода. Надо отметить, что указание на гневный сдвиг бровей Константином на Георгия могло повлиять на замечание Татищева о том, что Георгий имел основания не любить Константина.

Ю.В. Кривошеев не доверяет этому рассказу Никоновской летописи:

«описанный в Никоновской летописи «алгоритм»... прослеживается на летописном материале конца XV в. Летописный рассказ 1471 г. (Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. М.–Л., 1949. С. 286. – А.К.)... зеркально отражает версию Никоновской летописи. В 1471 г. Иван III перед походом на Новгород советовался вначале с

¹¹³ Никоновская летопись. С. 63–64.

«боярской думой» и митрополитом, а затем заручился поддержкой «земли»... В варианте Никоновской летописи мы видим «переосмысливание» в соответствии с духом времени изложения Московского летописного свода 1479 г., а также памятников ростовского летописания XV в., непосредственно привлекавшихся при создании Никоновского свода... Но... предпочтительнее и основательнее является версия Московского летописного свода 1479 г., на которую и ссылаются современные исследователи»¹¹⁴.

Однако при подготовке похода на Новгород великий князь Иван III не советовался с боярами, как Всеволод Большое Гнездо, но:

«И в тои час князь велики розосла по братию свою и по всѣ епископы земли своя и по князи и по бояре свои, и по воеводы, и по вся воа своа. И яко же вси снисдошася к нему, тогда всѣм възвещает мысль свою, что ити на Новѣгород ратью»¹¹⁵.

Как видим, отрывки о советах князей в XIII в. и XV в. похожи лишь внешне. Догадка Ю.В. Кривошеева не выдерживает проверки на прочность вопросом: почему в Никоновской летописи исправили монархический тон сообщения летописи конца XV в. на демократический о прениях и спорах при созыве Всеволодом Большое Гнездо бояр?

Летописи свидетельствуют, что решение Всеволода III согласовывалось с представителями разных социальных слоев княжества. Тут справедливы слова М.Б. Свердлова, сказанные по поводу событий 1178 г.:

«Таким образом, «новые люди», «мѣзинни Володимерьстни», часть бояр и служилые люди решительно боролись за восстановление сильной великокняжеской власти. Их «правда» решительно отличалась по «содержанию» от «правды» ростовских и суздальских бояр. Всеволод выполнил эту задачу. Поэтому после его смерти летописец записал... конкретизированную к владими́ро-суздальской действительности фразу... Отсюда следует, что Всеволод... подчинил своей власти всю знать в огромном Владимиро-Суздальском княжестве. Она стала интегрирующим понятием – *его бояре*... Но великий князь Всеволод стремился обеспечить справедливое регулирование этих видов социальных

¹¹⁴ Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб., 1999. С. 63–64..

¹¹⁵ Московский летописный свод. С. 286.

и правовых отношений... осуществляя в то же время одну из основных функций княжеской власти»¹¹⁶.

Созыв людей со всего княжества в 1211 г. ускользнул от внимания М.Б. Свердлова. Он рассматривал завещание Всеволода Юрьевича в плоскости внутрдинастических отношений¹¹⁷.

Иначе к этому подошел Л.В. Черепнин, использовавший Московский летописный свод конца XV в.:

«При Всеволоде... возникает новый сословный орган, отдаленно напоминающий будущий земский собор... Акт утверждения наследника в присутствии и с согласия представителей городов и волостей должен был обеспечить единство Владимиро-Суздальской земли после смерти великого князя»¹¹⁸.

Идеи Л.В. Черепнина близки мыслям А.Е. Преснякова:

«Сопоставляя эти известия с ролью «бояр и всей дружины» в спорах о княжении по смерти Андрея Боголюбского, считаю характерной особенностью действий Всеволода стремление укрепить за Юрием старейшинство во всей Ростово-Суздальской земле на «ряде» со всеми влиятельными элементами главных её городов. В ряде этом, очевидно, участвовали и ростовицы – одни ли бояре ростовские, или и другие представители социальных верхов Ростова, трудно решить; поэтому на назначение Константину Ростова нельзя смотреть как на окончательный и полный выдел. Все содержание наших известий предполагает политическое единение князей и всей земли, в чем можно видеть результат объединительной работы Андрея, резче, чем когда-либо ранее, отделяет политическое старейшинство от владения того или иного князя теми или иными городами и волостями в Ростово-Суз-

¹¹⁶ Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI–первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 627–628.

¹¹⁷ Там же. С. 633.

¹¹⁸ Черепнин Л.В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начала XIII в. // Исторические записки. Т. 89. М., 1972. С. 394; *Он же*. Пути и формы политического развития русских земель XII – начала XIII в. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974. С. 39. См. также: Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1978. С. 55–56.

дальской земле. Старейшинство во всей земле приобретало новое основание, новую гарантию, независимую от соглашений между братьями»¹¹⁹.

Идеи Л.В. Черепнина не приняли И.Я. Фроянов и его ученики:

«Сообщение о собрании 1211 г... не выпадает из тех сообщений летописи, в которых говорится о вече»; «Мы ошибемся, если решим, что Константин, Юрий и Ярослав оказались на княжеских столах в Ростове, Владимире и Переяславле по воле одного лишь Всеволода. В их посажении земство принимало самое деятельное участие. Вокняжение Юрия во Владимире сопровождалось крестоцелованием, в котором принимали участие и князь, и «все люди» Владимирской волости. Перед нами приход к власти не феодального властителя, отгороженного от народной массы, а князя, избранного и утвержденного ею»¹²⁰; «...состоявшееся во Владимире собрание – это вечевое собрание...; вече 1211 г. во Владимире было как бы началом противоречий между северо-восточными городами... Собрание 1211 г. не являлось ни феодальным съездом, ни земским собором сословных представителей»¹²¹.

На свою с А.Ю. Дворниченко работу о городах-государствах сослался И.Я. Фроянов в другом труде, чтобы, еще раз заявив о собрании 1211 г. как о вече, обосновать собственную концепцию¹²². Но все выводы о вече в 1211 г. строятся на одной детали – крестоцелование, «в котором принимали участие и князь, и “все люди”». Ссылка здесь дается на Московский летописный свод, но там говорится, что люди целовали крест князю. О подобных действиях со стороны Георгия ни эта¹²³, ни другие летописи¹²⁴ не сообщают. Это подрывает аргументацию

¹¹⁹ Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси... С. 131.

¹²⁰ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1978. С. 248, 250.

¹²¹ Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб., 1999. С. 70–71.

¹²² Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.–СПб., 1995. С. 693–695.

¹²³ Московский летописный свод. С. 108–109: Георгіе же, сынъ его, съде по немъ въ Володимери, и сдѣмавъ съ братьею своею и с бояры и отпусти князи Рязаньскыѣ въ свою отчину.

¹²⁴ Об этом на основе идентичного сообщения Воскресенской летописи писал: Сергеевич В. Древности русского права. Т. II. С. 77.

И.Я. Фроянова. Источники могут свидетельствовать как о вечевом характере собрания 1211 г., так и против него.

Более взвешенно мнение М.Б. Свердлова о политическом строе Владимиро-Суздальского княжества при Всеволоде Юрьевиче как итоге объединения под его властью знати городов с учетом интересов народных масс. В 1211 г. результаты этой консолидации были использованы князем для скрепления решения о передаче власти Георгию Всеволодовичу. Но сплочение боярства оказалось неполным. Ростовские бояре претендовали на восстановление привилегированного статуса своего города и толкали Константина к тому, чтобы он требовал Владимира без отказа от Ростова. И в этом И.Я. Фроянов прав, при оговорке, что речь идет о боярстве, а не о городской общине Ростова. М.Б. Свердлов же преувеличил субъективный фактор в событиях 1211–1212 гг.

Нельзя вслед за Л.В. Черепниным считать, что княжество двигалось в сторону монархии. Летописи не дают возможности оценить замысел решения Всеволода Юрьевича и роль в нем князя Георгия. Нет данных, что за ним предполагалось закрепить властную монополию в княжестве. К тому же, он только недавно женился, а Константин уже имел сыновей. Прав Дж. Феннел в том, что нельзя доверять сведению Татищева о распределении городов между детьми лишь волей Всеволода¹²⁵. Скепсис обусловлен тем, что сведения летописей о разделении Залесской земли между Всеволодовичами расходятся, кроме случаев с Георгием и Константином. О распределении городов между детьми Всеволода Юрьевича, кроме В.Н. Татищева, свидетельствуют редкие летописи. Владимирский летописец, не сообщая о собрании Всеволодом представителей земли, в некрологе отметил:

«А сынома своимъ раздая града: князя Костянтина посади в Ростовѣ, а князя Ивана посади в Стародубѣ, князя Святослава въ Юрьевѣ. Сесь Святославъ Гавричъ въ Юрьевѣ Польскомъ церковь постави каменю святаго Георгия и другюю в Володимери а князя Андрѣя посади в Суздали, а Святослава посади в Переяславль в Рускии княжитъ, а князя Юрья благослови послѣ себе на великое княжение в Володимери»¹²⁶.

Иное распределение зафиксировано в ЛПС:

¹²⁵ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси... С. 97–98.

¹²⁶ Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. XXX. М., 1965. С. 83.

«Тогда в животе своем разда волости детям своим большему Костянтину Ростов, а потом Гюргю Володимерь, а Ярославу Переяславль, Володимеру Гюргеу, а меньшею Святослава и Иоанна вда Гюргю на руже река: ты им буди во отца место...»¹²⁷.

Уже из этих двух цитат видно, что проблема порядка предоставления сыновьям Всеволода городов не решена: разные варианты списка городов вызывают вопросы. ЛЛ не дает данных для понимания того, в каких городах сидели сыновья Всеволода. В других источниках о распределении столов между детьми Всеволода Юрьевича не сообщается. В.Н. Татищев так представил первоначальный замысел Всеволода Большое Гнездо:

I ред. – «Того ж году князь великий Всеволод нача изнемогати, посла в Ростов по сына своего старейшего Константина, вдая ему при себе великое княжение Володимерское, а другому сыну князю Юрию Ростов, Ярославу Переяславль, Святославу Юриев, Володимеру Суздаль, Иоанну Стародуб»¹²⁸;

II ред. – «Князь великий белоруский Всеволод Юрьевич начал изнемогати, послал в Ростов по сына своего Константина, хотя ему при себе отдать великое княжение Суздальское со всею областью, другому сыну Юрию, Ростов с города, третиему, Ярославу, Переяславль, Тверь и Волок, четвертому, Святославу, Юриев и Городец, пятому, Владимиру, Москву, шестому Иоанну, Стародуб»¹²⁹.

Сравнение сведений двух редакций труда Татищева показывает, что список II редакции расширен за счет прибавления городов к тем, что указаны в I редакции. Источники прибавления не известны. Очевидно, расширение происходило за счет распространения сведений о принадлежности тому или иному князю в разное время того или иного города. Так, Святослав имел отношение к Городцу. Также:

«Древнерусские источники, в том числе и те, которыми располагал

¹²⁷ Приложение. Окончание текста Летописца Переяславля Суздальского (1207–1214 гг.) / Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Т. XXXVIII. М., 1989. С. 164; Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 гг.). М., 1851 (Далее – ЛПС). С. 110. Цит. по: Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования... С. 693.

¹²⁸ Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. С. 342.

¹²⁹ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 186.

В.Н. Татищев, не позволяют считать Городец-на Волге частью удела Святослава Всеволодовича, княжившего в Юрьеве (Польском). На решение В.Н. Татищева «завещать» Святославу Городец повлияли, скорее всего, либо приведенные выше умозаключения историка о том, что Городец – это Юрьевец или Юрьев (*Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 186*), либо отправление Святослава Всеволодовича в 6728 (1220) г. в поход на болгар именно из Городца. Разумеется, версию В.Н. Татищева о завещании Городца в удел Святославу следует отвергнуть...¹³⁰

Владимир очутился в Москве в 1213 г. Иван оказался в Стародубе лишь в конце 1220-х гг. Источник списка Татищева нельзя изыскать во Владимирском летописце, чей составитель, очевидно, ранее историка XVIII в. восстанавливал пожалование Всеволода детям городами, исходя из сообщений о более поздних событиях¹³¹. Больше доверия вызывает список ЛПС, где учтен возраст детей Всеволода.

То есть уже после смерти Всеволода его сыновья, вероятно, сидели в городах, действовали с опорой на них. С этим Георгий должен был считаться. Первоначальным вариантом предсмертного решения Всеволода было получение Константином Владимира, а Георгием – Ростова¹³², но все сложилось наоборот. Георгий занял Владимир и получил власть над братьями. Именно последнее вызвало гнев Константина: он недоволен потерей старшинства среди братьев¹³³, а не какого-то статуса в княжестве. Это напоминает не сословно-представительную монархию будущего, а предсмертное решение Ярослава Мудрого¹³⁴, согласно которому власть над всеми князьями-родственниками получал киевский князь.

Итак, летописцы считали решение Всеволода одной из причин конфликта его детей. Но Я.С. Лурье почему-то писал:

«Владими́ро-сузда́льские князья не только не уважали прав Новгоро-

¹³⁰ Пудалов Б.М. Начальный период... С. 47.

¹³¹ В историографии просто фиксируется избыточность сведения Владимирского летописца по сравнению с Симеоновской летописью: *Муравьева Л.Л. Об общерусском источнике Владимирского летописца // Летописи и хроники. Сборник статей. 1973 г. М., 1974. С. 145–146.*

¹³² Московский летописный свод. С. 108.

¹³³ *Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси... С. 131.*

¹³⁴ Там же. С. 132.

да; они лишили также своего старшего брата, ростовского князя, престола его отца»¹³⁵.

И вот уже в нижегородском краеведении безотносительно к источникам и предшествующей историографии появилась идея о том, что Георгий Всеволодович отнял владимирский стол у брата Константина¹³⁶.

Борьба после смерти Всеволода шла между Георгием и Константином; другие братья были лишь союзниками кого-то из них, исключенным был Ярослав. Основные источники для реконструкции борьбы до 1215 г. – ЛЛ, Воскресенская, Типографская, Никоновская летописи, Московский свод и ТВ. Согласно ЛЛ, уже в 1212 г., после смерти отца, Георгий и Ярослав ходили к Ростову и «оумиришася» с Константином¹³⁷. В Московском летописном своде, Воскресенской, ТВ, Типографской летописях этому сведению предшествуют строки:

«Святославъ князь иде въ Ростовъ ко брату своему Костянтину, а Костянтинъ нача рать замышляти на Георгіа, хотя подъ нимъ взяти Володимеръ, Георгій же не хотя его къ себѣ пустити, иде на нь съ братьею, съ Ярославомъ, Володимеромъ и Иоаном; и бывшимъ имъ у Ростова, и тѣ умирившеся крестъ цѣловаша межи собою и разыдошася кнѣздо восвоися»¹³⁸; «А Святославъ иде къ брату Константину въ Ростовъ, а Константинъ нача рать замышляти на великого князя Георгіа. Тоже слышавъ князь великий Георгій иде Константина з братією, съ Ярославомъ, и Володимеромъ (и) Иваномъ; и дошедше Ростова умиршася»¹³⁹; «Того же лѣта Святославъ иде къ брату Костянтину в Ростовъ» (продолжения нет)¹⁴⁰.

В ЕРМ сведение о первой стычке детей Всеволода выдержано в духе Московского летописного свода, но без упоминания крестного целования¹⁴¹.

В указанном сведении ЛЛ Георгий инициировал конфликт. Тональность сведения доказывает верность гипотезы, что ЛЛ в освещении

¹³⁵ Лурье Я.С. Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 36.

¹³⁶ Филатов Н.Ф. Юрий Всеволодович // Нижегородский край: факты, события, люди. Нижний Новгород, 1997. С. 25.

¹³⁷ ЛЛ. Стб. 437; Березжков Н.Г. Хронология русского летописания... С. 103.

¹³⁸ Московский летописный свод. С. 109; Воскресенская летопись. С. 118.

¹³⁹ ТВ. Стб. 311–312.

¹⁴⁰ Типографская летопись. С. 86.

¹⁴¹ ЕРМ. С. 63.

событий 1212–1216 гг. отстаивает интересы Константина. Другие летописи именно его выставили виновником склоки: либо он замыслил поход на Георгия, либо сделал это после перебежки к нему Святослава, либо обдумал это вместе со Святославом. Как бы то ни было, возможная ссора Святослава с Георгием и уход первого в Ростов подтолкнули Константина к борьбе за свои права на старшинство. Никоновская летопись, сглаживая обвинения против Константина, делает равно виноватым в ссоре Георгия:

«Того же лѣта бѣжа князь Святославъ Всеволодичъ изъ Володимеря къ старѣйшему брату къ Константину въ Ростовъ, а онъ нача рать замышляти на брата своего Юрья, хотя подъ нимъ Владимера. Того же лѣта нача рать замышляти князь велики Юрьи на старѣйшаго брата своего Константина, и иде на него къ Ростову з братьею своею съ Ярославомъ, и Володимеромъ и Иваномъ, и дошедъ Ростова, и ѹмиршася, и разыдошася каждо во свояси»¹⁴².

Татищев занимает сторону Константина. Апологетика усилена «уникальными» сведениями. Не вдаваясь в различия I и II редакций, отметим общее: боярство симпатизировало Константину и просило его занять владимирский стол¹⁴³; в письме Константин требовал от Георгия Владимира и старшинства, указывая на нездравый ум отца перед смертью; гневный отказ Георгия, пренебрегшего советами бояр, и подготовка к войне против Константина; нежелание Святослава участвовать в этом походе и его уход в Ростов; в I-й редакции Святослав замышлял рать на Георгия, во II – призывал Константина воевать с ним, но тот отказался; поход Георгия с братьями и встреча с войском Константина; примирение по инициативе боярства¹⁴⁴. Несовпадение сведений обеих редакций, ощущаемая авторская подгонка текста не позволяют принять сведения Татищева как достоверные.

Учитывая сокращение известий в ЛЛ с целью подачи в выгодном свете Константина, основным источником по событиям 1212–1214 гг. в Залесской Руси должны стать летописи XV–XVI вв. Предлагается следующая трактовка событий. Константин, будучи недовольным отцовским решением, пребывал в изоляции, пока на его сторону по неизвес-

¹⁴² Никоновская летопись. С. 65.

¹⁴³ См. текст в первой таблице этой главы: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. С. 342–343.

¹⁴⁴ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 187; Т. IV. С. 343.

тным причинам (гнев по ЛПС) не перешел. Святослав. После этого Константин начал готовить войну с Георгием, что объединило остальных Всеволодовичей, совершивших превентивный поход к Ростову. Константин заключил ряд, условия которого в летописях не приведены. Ссылаясь на ЛПС, Дж. Феннел писал, что Георгий предложил Константину обменять Владимир на Ростов (первый вариант завещания Всеволода), но Константин требовал Владимир себе, а Ростов – сыну. Переговоры зашли в тупик, и обе стороны предпочли худой мир доброй ссоре¹⁴⁵. Если доверять сообщению ЛПС, то Константин – поборник сильной централизованной власти, желавший обойти волю отца, традиционный порядок разделения земли и интересы представителей всей земли. Вот где изыскиваются истоки монархического начала.

Под следующим 1213 г.¹⁴⁶ ЛЛ сообщает:

«Володимиръ снѣ Всеволожъ великаго князѣа въ Москвѣ... Но второе приходи Гюрги с Ярославомъ к Ростову и створиша порадъ с Константиномъ и идоста ѿ Ростова к Москвѣ Гюрги съ Ярославомъ и изведъ Гюрги из Москвы Володимира и посла и в Рускыи Переяславль на столъ на шуйнѣ свою»;

заканчивается статья сообщением о рождении у Георгия сына Всеволода (в крещении – Дмитрия)¹⁴⁷. В ТВ это сообщение разделено на 2 года: под 6720 г. – «Тогда же Володимиръ Всеволодичъ вѣжа къ брату Константину въ Ростовъ, Юрій же Всеволодичъ съ Ярославомъ (и) Иваномъ иде к нимъ на снемъ у Юріева, и смиришася. Тогда же лѣта родися у Юрія сынъ Димитрій. Константинъ посла брата своего Володимера на Москву, и пришедъ затворися въ ней; а Святославъ иде отъ Константина къ Юрію, и князь великій дасть ему Юріев Полской»¹⁴⁸; под 6721 г. – «...Константинъ нача рати замышляти, князь великій же Юрій съ братію, Святославомъ, и Ярославомъ (и) Давыдомъ Муромскимъ Володимеровичемъ идоша къ Ростову; а Константинъ то слыша, Кострому сожже. Князь великій Юрій приде къ Ростову, и бышася о рѣце Ишнѣ, и стояша николико (дней), земли той много зла створиша, и тако умиришася, и крестъ цѣловаша; и пондоша оттолѣ къ Мос(к)вѣ на Володимира, и миръ створше съ

¹⁴⁵ ЛПС. С. 111. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси... С. 85.

¹⁴⁶ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания... С. 103.

¹⁴⁷ ЛЛ. Стб. 437–438.

¹⁴⁸ ТВ. Стб. 312.

нимъ, и даша ему Пряяславль Руский, онъ же съ Москвы поиде въ Переяславль»¹⁴⁹.

Похожее сообщение есть в ЕРМ с тем отличием, что она перед сведением о замысле Константина повествует о пожаре во Владимире¹⁵⁰. Об этих событиях упоминается в Московском летописном своде и Воскресенской летописи с добавлением, что прежде, чем Владимир был посажен Константином в Москве, он ходил на Волок¹⁵¹. В Московском летописном своде, ЕРМ и Воскресенской летописях иначе, чем в ТВ, дана последовательность событий в 1213 г.: сначала Константин замыслил рать, Георгий с братьями и муромским князем пошел к Ростову, Константин послал полк, разгромивший Кострому, Георгий с братьями у Ростова бились у Идши и жгли окрестные села, потом был заключен мир¹⁵². В Типографской летописи годовая разбивка событий подобна временной сетке в ТВ, ЕРМ и Воскресенской летописях, но выделяется эпизод битвы на Идше¹⁵³:

«Того же лѣта приходи Гюрги с братьею на Костянтина к Ростову, и бишася о рѣкѣ Идшо и оумришася. В ту же порѣ посылаахъ и поже Кострому. Того же лѣта да Юри Володимерю брату Переяславль Руский. Он же с Москвы иде тамо»¹⁵⁴.

Это сведение содержит симпатию Константину. Похожая разбивка событий на два года, но со сдвигом на позицию (1213–1214 гг.), есть в Никоновской летописи. В известии о битве на Ишне (так в Никоновской летописи) в усобице равно обвинены Константин (начя замышляти рать) и Георгий (начя замышляти протнво его воинство много)¹⁵⁵. В одном из её списков есть знакомое сведение о том, что Владимир, прежде чем попасть в Москву, ходил на Волок¹⁵⁶.

Так же подает сведения ЛПС: инициатор второго столкновения в 1213 г. – Константин. В ЛПС указано, что он захватил Соль Великую и

¹⁴⁹ Там же. Стб. 312–313.

¹⁵⁰ Ермолинская летопись. С. 64.

¹⁵¹ Московский летописный свод. С. 109; Воскресенская летопись. С. 118, 119.

¹⁵² ЕРМ. С. 64; Московский летописный свод. С. 109; Воскресенская летопись. С. 119.

¹⁵³ Типографская летопись. С. 86, 87.

¹⁵⁴ Там же. С. 87.

¹⁵⁵ Никоновская летопись. С. 65–66.

¹⁵⁶ Там же. С. 66.

Кострому у Георгия, Нерехту – у Ярослава¹⁵⁷ (Соль Великая была основным поставщиком соли в Суздальской земле¹⁵⁸). Владимир Всеволодович с москвичами пытался захватить город Ярослава – Дмитров, но отступил¹⁵⁹.

В.Н. Татишев датировал эти сведения (вместе со смертью Всеволода III) под 1213 г. Он считал, что Владимир, обиженный Георгием, ушел к Константину, что битва на Ишне была вызвана походом Георгия с братьями на Ростов из-за того, что Константин не уступал Москву. Лишь после этих известий сообщается о рождении у Георгия сына Дмитрия¹⁶⁰. Татишев во II редакции II части, в отличие от летописей, первым по времени поставил переход Святослава к Георгию, а затем Владимира – к Константину:

после первого столкновения в 1212 г. «Святослав, оставя Константина, поехал к Юрию во Владимир. И Юрий отдал ему паки Юрьев... Владимир Всеволодич поссорился с братом Юрием и ушел из Владимира в Ростов, согласясь со Святославом. А Юрий с братьями Ярославом и Иоанном пошли к Юрьеву и тут Святослава умирили»¹⁶¹.

В I редакции Татишев следовал летописной канве: Владимир бежал в Ростов, Константин дал ему Москву, а Святослав вернулся к Георгию, который дал ему Юрьев¹⁶². В обеих редакциях написано, что Владимир был послан Георгием из Москвы к Всеволоду Чермному в Переяславль-Русский¹⁶³. Переставление фактов во II редакции и получение Владимиром Переяславля из рук Всеволода Чермного – результаты исследовательской интерпретации Татищева, обелявшего Константина и чернившего Георгия, а также подгонявшего сведения разных источников¹⁶⁴. Поэтому «сведения Татищева» по событиям 1212–1213 гг., не

¹⁵⁷ Приложение. Окончание текста Летописца Переяславля Суздальского. С. 165; ЛПС. С. 111.

¹⁵⁸ *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси... С. 98.

¹⁵⁹ Приложение. Окончание текста Летописца Переяславля Суздальского. С. 165; ЛПС. С. 111–112.

¹⁶⁰ *Татишев В.Н.* История Российская. Т. III С. 187–188; Т. IV. С. 343, 344.

¹⁶¹ Там же. Т. IV. С. 343, 344.

¹⁶² Там же. С. 343

¹⁶³ Там же. Т. III С. 188; Т. IV. С. 344.

¹⁶⁴ При изучении истории Руси начала XIII в. важную роль играет дата смерти Всеволода Чермного – см. Главу 3.

имеющих подтверждения в летописях, есть результат его авторской интерпретации.

Изучение же летописных сведений приводит к выводу, что первое столкновение в 1213 г. инициировал Владимир Всеволодович бегством к Константину. Причина бегства не ясна. Обида, по мнению Дж. Феннела, из-за того, что Георгий дал Владимиру лишь Юрьев, источниками не подтверждается. Как указывалось выше, порядок распределения городов в разных источниках – разный. Принципиально в этой разнице то, в каком городе сидел Владимир. Причину его ухода к Константину можно усмотреть в сложившейся ситуации двоевластия во Владимирском княжестве: два его политических центра – Ростов и Владимир – были в разных руках двух князей. В 1212 г. Георгий был согласен отдать Владимир Константину в обмен на Ростов, а Константин хотел оба города. Вероятно, переговоры под стенами Владимира закончились признанием этого двоевластия. Только так можно объяснить то, что Владимир бежит к Константину. Это действие потребовало своего оформления на снеме (съезде князей) под Юрьевым. Но дальнейшие поступки Константина с Владимиром и Святослава перечеркнули эти договоренности. Константин послал Владимира на Москву, хотя ею распоряжался Георгий. Святослав перебежал к Георгию, и тот дал ему Юрьев. И Константин, и Георгий жаловали земли, утверждая за собой прерогативы великого князя. После этого Константин стал закреплять свой статус великого князя, стремясь потеснить Георгия и Ярослава. Возможно, с последним связан выход Владимира к Волоку, чтобы перекрыть сообщение Ярослава с Новгородом. Затем Константин ударил по Соли Великой и Нерехте. Ярослав, чья Нерехта была разорена, видимо, играл весьма значимую роль в усобице. Это служит дополнительным косвенным контраргументом тезису о тенденции развития в сторону сословно-представительной монархии во Владимирском княжестве.

Ответные шаги Георгия и Ярослава показали, что они не собирались делать еще какие-либо уступки, кроме признания Константина великим князем, наряду с Георгием, при строгом разделении земель. Следующий после примирения поход на Москву, где сидел Владимир, показывает, что в пожаловании городами лидировал Георгий. Он отослал брата в Переяславль-Южный, где тот женился, а в 1215 г. попал в плен к половцам¹⁶⁵.

¹⁶⁵ ЛЛ. Стб. 438.

Двоевластие проявилось еще в появлении, датированном по ЛЛ 1214 г.¹⁶⁶, двух епископий, вместо одной, в Северо-Восточной Руси:

«Иѡа́ннъ епѣ́тъ Сѡздальскѣи ѡписася епѣ́и всея земли Ростовскѣя... Кнѣ́ Константинъ посла Пахомыа игумена ста́ Петра ѡца́ своего дхвѣнаго в Кыевъ к митрополитѣ Матфѣю и постави и епѣ́мъ Ростовѡмабра·вѣ·г· и въниде в свою епѣ́ю·генвара·вѣ·кн... Кнѣ́ Гюрги·снѣ́ Всеволожь· изведѣ́ Симона игумена блаженаго ѡ ржтѣвѣ стѣ́па Бѣ́а·постави и епѣ́мъ Сѡздалю·и Володимѣрю»¹⁶⁷.

Разделение церковно-административной единицы, инициатором которого мог быть Георгий, показывает, что он и его брат действовали как великие князья. Удобнее это объяснить тем, что Георгий признал право на великое княжение Константина лишь в пределах его ростовского владения. М.Д. Приселков с этим разделением связывал особенности ведения летописания в Залесской земле. В ЛЛ нет сведений, имеющих в Радзивилловской: в 1193 г. – поучения по поводу пожара, в 1194 г. – известия о ремонте церквей во Владимире и Суздале, произведенном епископом Иваном. М.Д. Приселков объяснил это расхождение так:

«Владимирский свод 1212 г. составлялся после смерти Всеволода, передавшего великое княжение Владимирское второму своему сыну Юрию, тогда как старший сын Константин получил Ростов. Весь Ростово-Суздальский край в церковном отношении представлял тогда единую епископию, глава которой находился в Ростове. В завязавшейся борьбе Константина с Юрием ростовский епископ Иван занял враждебную Юрию позицию, и в 1214 г. «володимѣрци с князем своим Гюрьем изгнаша Иоанна из епископства, зане не право творяще». Отражая недовольство князя Юрия и владимирцев, сводчик 1212 г., очевидно, и опустил из текста предыдущего летописного свода те два известия под 1194 г., в которых восхвалялась строительная деятельность и личность Ивана»¹⁶⁸.

С этим же сводом Георгия Всеволодовича Я.С. Лурье связывает еще одно тенденциозное добавление: в событиях 1175–1176 г. к подви-

¹⁶⁶ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания... С. 103–104.

¹⁶⁷ ЛЛ. Стб. 438.

¹⁶⁸ *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 38; см. об этом же на С. 132. Также там указано, что в ЛЛ зафиксировано, что после победы Константина епископ Иван ушел на покой.

гам Михалки (Радзивилловская летопись) «прислоняется» его брат Всеволод (Троицкая и ЛЛ). По мнению М.Д. Приселкова, эта редакция была сделана в 1177 г.¹⁶⁹ Я.С. Лурье предлагает 1212 г., когда под эгидой Георгия Всеволодовича составлялся Владимирский свод:

«...1212–1214 гг. – время, когда Всеволод умер и положение его сыновей Юрия и Ярослава, борющихся за власть, было сходным с положением Михалки и Всеволода в 1175–1177 гг.»¹⁷⁰.

Через призму церковного конфликта М.Д. Приселков характеризовал международный масштаб борьбы Георгия и Константина Всеволодовичей:

«Когда Юрий в 1212 г. обратился к Империи с просьбой об отдельном епископе для Владимира (свод 1212 г. мог служить исторической справкой, подтверждающей эту просьбу), Никейская империя охотно пошла навстречу этой просьбе, так как углубление распада Ростово-Суздальского княжества и вспыхнувшая здесь борьба сыновей Всеволода лучше всего гарантировала византийским политикам продолжение их влияния и власти над сильнейшими уже русскими княжествами. Борьба Константина и Юрия за Владимир этим выводилась из рамок события Ростово-Суздальского края и становилась предметом международного обсуждения. Это можно подтвердить тем, обычно забываемым, наблюдением, что Константин, обиженный теперь и со стороны Никеи, а не только отца, ищет международных связей, о чем свидетельствует присылка к нему в 1218 г., в пору его великого княжения во Владимире, церковных подарков из Константинополя: Константинополь в эти годы был столицей Латинской империи»¹⁷¹.

Так определялись предпосылки для Липицы внутри княжества. Они могли закончиться сохранением status quo, при котором оба брата правили бы как великие князья, каждый в своем княжестве. Поэтому слова Дж. Феннела, что после 1213 г. обе стороны собирали силы для неизбежного выяснения отношений¹⁷², есть лишь догадка. Более того,

¹⁶⁹ Там же. С. 134.

¹⁷⁰ Лурье Я.С. Примечания // Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 267–268.

¹⁷¹ Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. ... С. 136. В Примечаниях этой книги Я.С. Лурье поддерживает эту идею, указывая на её источники – см.: С. 268.

¹⁷² Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. С. 86.

Константин в 1215 г. помогал союзнику Георгия – брату Ярославу – в борьбе за Новгород против Мстислава Удатного¹⁷³. Именно борьба за Новгород, в которой преломлялись разные политические интересы общерусского характера, дала еще один импульс развитию событий, приведших к Липице.

С начала XIII в. за Новгород боролись владимирские и смоленские князья; интригу в эту схватку вносили столкновения боярских группировок, противостояние в Новгороде «антикняжеской» и «прокняжеской» партий. Борьба началась еще в 1208 г., когда торопецкий князь Мстислав покончил с присутствием в Новгороде Всеволода Юрьевича. Владимирский князь, связанный необходимостью восстановить присутствие на юге Руси и влияние на рязанских князей, не сумел вытеснить Мстислава из Новгорода. Он ушел оттуда добровольно зимой 1214/1215 года¹⁷⁴.

В период 1208–1214 гг. правители Владимира примирились с Юговичами и вернули себе Переяславль-Южный. Георгий Всеволодович, зять Всеволода Чермного (тестя рязанского князя Кира Михаила¹⁷⁵), заняв владимирский стол, освободил рязанских князей. Так начал действовать владимирско-черниговский союз, оформленный Всеволодом Большое Гнездо и Всеволодом Чермным. Вне этого союза оказались смоленские князья. Они в 1212 г., после смерти Всеволода Владимирского, покончили с гегемонией Чернигова на юге Руси. Вскоре скончался Всеволод Чермный. С этими событиями можно увязать посылку Владимира из Москвы в Переяславль, в чем Константин не возражал Георгию. Это единение братьев, подтверждающее ведение ими совместной внешней политики, могло подкрепляться желанием сохранить за собой влияние на юге Руси.

К 1215 г. оформились династические связи владимирских Всеволодовичей. Константин был женат на дочери смоленского князя Мстислава Романовича¹⁷⁶. Эта родственная связь была актуализирована в 1216 г.

¹⁷³ Московский летописный свод. С. 111; ЕРМ. С. 64–65; Воскресенская летопись. С. 120. На это обратил внимание Дж. Феннел: *Феннел Дж. Кризис средневековой Руси...* С. 98.

¹⁷⁴ НПЛ. С. 53, 252.

¹⁷⁵ Приложение. Окончание текста Летописца Переяславля Суздальского. С. 163; Летописец Переяславля Суздальского. М., 1851. С. 108 (Ссылка дана по: *Кузьмин А.Г. Рязанское летописание...* С. 132); Никоновская летопись. С. 56, 57, 63; *Татищев В. Н. История Российская*. Т. III. С. 180; Т. IV. С. 335.

¹⁷⁶ ЕРМ. С. 56; Московский летописный свод. С. 95; Воскресенская летопись. С. 103.

перед битвой на Липице: шурин Константина – Всеволод Мстиславич – вел с зятем переговоры в Ростове¹⁷⁷. Ярослав Всеволодович в 1213 г. женился на дочери Мстислава Удатного, двоюродного брата Мстислава Романовича¹⁷⁸. Георгий Всеволодович был женат на дочери Всеволода Чермного, черниговского князя; этот союз также обеспечивал связь с рязанскими князьями. В 1214 г. на дочери Глеба Святославича, брата Всеволода Чермного, женился Владимир Всеволодович. Князь Святослав Всеволодович был женат на дочери муромского князя Давыда Юрьевича, ходившего вместе с Георгием и Ярославом Всеволодовичами на Ростов в 1213 г. Брачная политика Всеволода Большая Гнездо при любом направлении его действий предусматривала сохранение запасного варианта. Условием эффективности этой политики было наличие сильного лидера. Когда Всеволод Юрьевич умер и его дети рассорились, многообразие брачных связей из средства воздействия на все русские дела превратилось в децентрализирующий фактор.

Поскольку Ярослав Всеволодович был зятем Мстислава Удатного, то его приглашение в 1215 г. новгородцами было обусловлено их стремлением иметь князя, но никак не символизировало победу просудзальской группировки. Но Ярослав начал действовать в привычном для владимирских князей русле новгородской политики: усиливать прерогативы княжеской власти, сокращать объем вольностей новгородского народоправства. Противостояние Ярослава и новгородцев закончилось отъездом его в Торжок и блокированием им продовольственных путей. 11 февраля 1216 г. в Новгороде появился Мстислав Удатный, потребовавший от зятя:

«сыну, кланяю ти ся; мѹжи мон и гостѣ пѹсти, а самѣ с Торжькѹ понди, а со мною любовь возьми»¹⁷⁹.

Характерно обращение Мстислава к Ярославу, как к сыну, что позволяет посмотреть на спор из-за Новгорода как внутрисемейную ссору. Источники не позволяют утверждать, что Мстислав Удатный имел единственную цель: спасти Новгород от своего злокозненного зятя. Хотя такое мнение может возникнуть, например, при чтении ТВ:

¹⁷⁷ Московский летописный свод. С. 112; Воскресенская летопись. С. 121; ЕРМ. С. 65; ТВ. Стб. 319; Никоновская летопись. С. 70.

¹⁷⁸ ЛПС. С. 111. Кучкин В.А. К биографии Александра Невского // ДГ. М., 1986. С. 74.

¹⁷⁹ НПЛ. С. 54–55, 254.

«И бысть въ Новѣгородѣ плачь и въплъ лють. Тогда же услыша Мьстиславъ Мьстиславичъ зло то, приѣха въ Новгородъ въ лѣто 6724, мѣсяца февраля 11 день, на память священномученика Власіа... И посла Мьстиславъ Мьстиславичъ къ зятю своему Ярославу въ Торжокъ..., глаголя: «сыну, кланяю ти ся, мужи мои и гость мои пѹсти, а самъ съ Торжкѹ понди, а со мною любовь возьми»; Князь же Мьстиславъ Мьстиславичъ поиде изъ Новгорода на Торжокъ на зятя своего Ярослава Всеволодовича, мѣсяца марта въ 1, на память святыхъ мученицы Евдокии, въ вторникъ по чистой недѣли, рекше по Зборѣ. Мьстиславъ же иде Серегеромъ, а съ нимъ Володимеръ Псковскій, и вниде въ свою волость, рече Новгородцомъ: «идите во зажитіа, толко головъ не емлите», и идоша, и исполнишася кормомъ, и своимъ и конскимъ. И быша врѣху Волги, оубѣ Святославъ Всеволодовичъ Ржевкѹ, городокъ Мьстиславъ, съ полки въ 10-ты тысящихъ; а Мьстиславъ же съ Володимеромъ Псковскимъ поиде въ борзѣхъ въ пяти сотѣ... И поиде Мьстиславъ, и взя Зовцовъ, и быша на Вѣзѹзѣ, и приде къ нему Володимеръ Рюриковичъ съ Смолняны»¹⁸⁰.

Сведение Никоновской летописи близко к вышеприведенному, но в нем есть строки под 6723 г., предвосхитившие его:

«Того же лѣта князь Мстиславъ Мстиславичъ Новгородскій со княземъ Володимеромъ Рюриковичемъ Смоленскимъ и со княземъ Владимиромъ Псковскимъ собравшея восхотѣша ити ратью на князя Ярослава Всеволодовича въ Торжекъ, и послаша к нему глаголюще: иди, брате Ярославе Всеволодовиче, изъ Торжкѹ въ свою отчину въ Сѹждаль; аще не идешь, быти промежи нас брани. Онъ же къ нимъ рече: якоже тебѣ есть вотчина, тако же и мнѣ, и не иде... В лѣто 6724... Того же лѣта князь Мстиславъ Мстиславичъ поиде съ Новгородци изъ Новгорода на зятя своего на князя Ярослава Всеволодовича... И поидоша Новгородци Серегеромъ, и быша верху Волги, и иде князь Мстиславъ Мстиславичъ со княземъ Володимеромъ Псковскимъ, и пришедъ взяша Зѹбцевъ, и быша на Волзѣ, и тамо приде къ нимъ князь Володимеръ Рюриковичъ Смоленскій съ Смолняны...»¹⁸¹.

¹⁸⁰ ТВ. Стб. 317, 318.

¹⁸¹ Никоновская летопись. С. 68–69.

В цитатах упомянут Владимир Рюрикович. О нем сообщается в памятниках, где говорится о выступлении Мстислава на Торжок 1-го марта. В Московском великокняжеском своде конца XV в. и Воскресенской летописи тексту этого основного сообщения¹⁸² предшествует уникальное известие о выдвигении из Переяславля к Мстиславу Владимира Рюриковича. Как показано ранее, этот маневр Владимира Рюриковича не противоречит хронологии и логике развития событий, но не совсем согласуется со сведениями ЕРМ и сводов 1497 и 1518 гг.

Зимой 1215/1216 гг. Мстислав Удатный вышел из Киева к Новгороду. Владимир (возможно, из Переяславля) и другие Ростиславичи собрались в Смоленске. Туда, к Мстиславу Удатному, новгородцы направили посольство. Он вошел в Новгород. Из-за упорства Ярослава, занявшего Торжок и блокировавшего новгородскую торговлю, Мстислав в начале 1216 г. (1 марта) начал борьбу против него. К нему позднее присоединились его родственники, в числе которых был и Владимир Рюрикович, пришедший из Смоленска. Возможно, что в Московском летописном своде, Воскресенской и ЕРМ летописях отразились материалы смоленского происхождения, которые Я.С. Лурье обнаруживал в основных источниках для реконструкции битвы на Липице¹⁸³. В данном случае – это уникальные сведения о подготовке похода смоленских князей под руководством Мстислава Удатного на Ярослава Всеволодовича. Этот поход на север мог быть попыткой Ростиславичей установить господство над Русью¹⁸⁴. Поэтому битва на Липице стала не только разрешением династического кризиса во Владимирском княжестве, но и этапом борьбы смоленских и владимирских князей за Новгород и следствием всех общерусских политических процессов, в которых, начиная с 1208 г., лидировали Ростиславичи.

Летописи свидетельствуют, что вторжение смоленских князей во Владимирское княжество было вызвано противостоянием Ярослава Всеволодовича и Мстислава Удатного из-за Новгорода. Оно способствовало раздуванию семейной ссоры между Всеволодовичами. Как указывалось выше, Георгий и Константин Всеволодовичи посылали

¹⁸² Московский летописный свод. С. 111; Воскресенская летопись. С. 119.

¹⁸³ Лурье Я.С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV–XVI вв. // Куликовская битва и подъем национального самосознания. Труды Отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). Т. XXXIV. Л., 1979. С. 114–115.

¹⁸⁴ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. С. 74, 78.

дружины Ярославу, оказывавшему давление на Новгород. Эти дружины громили Торопецкую землю, владение Мстислава Удатного. Об этом сообщается в летописании Владимиро-Суздальского княжества. В НІVЛ и СІЛ¹⁸⁵, а также в НПЛ эти сведения передаются фразой, относящейся уже к событиям 1216 г.¹⁸⁶, а не 1215 г., как в Московском летописном своде. Во фразе подчеркнута военно-моральное превосходство смоленских князей над владимирскими:

«...осѣле Святослав Ржевку, городыць Мьстиславль, съ полкы въ 10 тысящъ. Мьстиславъ же съ Володимеромъ съ Пльсковьскымъ понде вързѣхъ въ 5 сътъ: толико во всехъ вои вяшетъ; и пригони, ои повегли прочь; а Ярунъ вяше затворилъся въ градѣ въ 100 и отенся ихъ. И понде Мьстиславъ и възя Зубьчевъ, и быша на Возузѣ»¹⁸⁷.

В Московском летописном своде и Воскресенской летописи эти сведения продолжают сообщения о том, что дружины Святослава и Константина начали воевать в Торопецкой земле. В этих известиях не приносится Святослав Всеволодович и не возвеличиваются смоленские князья:

«...князь Святославъ осѣлъ въ городець Ржевку Мстиславль съ полкы, Мьстиславъ же со княземъ Володимеромъ Псковскимъ понде вборзѣ къ городу, а они въ то время отсутпиша прочь; Мстиславъ же вшедъ взя Зубцевъ»¹⁸⁸.

Связанно эти события изложены в ТВ: Ярослав, отклонив требования Мстислава, обратился к Георгию за помощью; Георгий и Константин прислали подмогу, разорившую Торопецкую землю; Мстислав Удатный вышел из Новгорода на зятя 1 марта 1216 г. и двинулся (вдоль Селигера) в верховьях Волги; Святослав Всеволодович с 10 тысячами воинов осадил Ржевку; Мстислав с Владимиром Псковским с 500 дружинниками прогнали Святослава; Ярун с сотней оборонял Ржевку; Мстислав взял Зубцов¹⁸⁹.

¹⁸⁵ Лурье Я. С. Повесть о битве на Липице... С. 113–114.

¹⁸⁶ НПЛ. С. 54–55, 254–255; НІVЛ. С. 185–186; СІЛ. Стб. 263–264.

¹⁸⁷ НПЛ. С. 55, 255. Эти же сведения есть в: НІVЛ. С. 186; СІЛ. Стб. 263.

¹⁸⁸ Цит. по: Воскресенская летопись. С. 120. Так же в: Московский летописный свод. С. 111.

¹⁸⁹ ТВ. Стб. 317–318.

Мстислав Удатный собрал силы, подчинявшиеся смоленским князьям: Владимир Мстиславич с псковской дружиной – это брат Мстислава Удатного; Владимир Рюрикович привел смоленскую рать¹⁹⁰. Кроме княжеских дружин в войске Ростиславичей были новгородцы и псковичи. Московский летописный свод и Воскресенская летопись указывают, что киевский князь Мстислав Романович дал Мстиславу Удатному своего сына Всеволода¹⁹¹.

На основании косвенных данных Д.И. Иловайский считал, что рязанские князья на Липице помогали Константину¹⁹². Источником этих данных для Д.И. Иловайского стала летопись, обозначенная как «П.С.Р.Л. I. 213». Если это – первый том Полного собрания русских летописей¹⁹³, то он включал ЛЛ и Троицкую летопись. Издатель тома, Я.И. Бередников, понимал под последней нынешнюю Московскую академическую летопись (МАК)¹⁹⁴. Учитывая то, что Д.И. Иловайский при написании «Истории Рязанского княжества» пользовался отдельным изданием ЛЛ, судя по Примечаниям, предположение о деятельном сочувствии рязанцев Константину в год битвы на Липице выведено из сведения МАК. Один раз Рязанская земля упомянута в речи боярина, воодушевлявшего Георгия и Ярослава:

«...уже бы кто вшелъ ратью в сильнѣю землю в Сзудальскѣю· уже бышелъ цѣль· хотѣ бы и всѣ Рѣскаѣ землѣ· и Галичскѣѣ· и Киевскѣѣ· и Смоленскѣѣ· и Черніговскѣѣ· и Новгородскѣѣ· и Рязанскѣѣ никакѣ протѣвѣ сѣи силѣ оупѣють аже нынешнїи пѣци»¹⁹⁵.

Я.С. Лурье так перевел эти летописные сведения:

¹⁹⁰ НПЛ. С. 255.

¹⁹¹ Об участии Всеволода Мстиславича в походе Мстислава свидетельствуют ЕРМ, Московский летописный свод конца XV века, Воскресенская, Никоновская летописи, сообщая о том, что Всеволод ездил в Ростов договариваться с Константином.

¹⁹² *Иловайский Д.И.* Рязанское княжество... С. 49–50, 175.

¹⁹³ Лаврентиевская и Троицкая летописи // ПСРЛ. Т. I. СПб., 1846.

¹⁹⁴ *Бобров А.Г.* Принципы издания древнерусских летописей // *Лихачев Д.С., при участии Алексеева А.А., Боброва А.Г.* Текстология. СПб., 2001. С. 729.

¹⁹⁵ Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку // ПСРЛ. Т. I. Вып. 3. М., 1997 (далее – МАК). Стб. 495; Подобные сведения встречаются в летописях, содержащих текст «Повести о битве на Липице»: СЛ. Стб. 267; НПЛ. С. 189; НК2. С. 108; НЛД. С. 81.

«...чтобы кто-нибудь пришел войной в сильную Суздальскую землю и выпшел цел. Хоть бы и вся Русская земля пошла на нас – и Галичская, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская, – но никто против нашей силы не устоит. А эти полки...»¹⁹⁶.

Очевидно, Д.И. Иловайский неверно интерпретировал летописное известие. Боярин указывал Георгию и Ярославу Всеволодовичам на прецеденты, когда на их землю нападали противники, среди которых были и рязанские князья. Возможно, исходя из этих слов и их понимания Иловайским, Д.Н. Александров без указания на источники заявил:

«Войско черниговских князей в 1216 году приняло участие в Липицкой битве на смоленской стороне»¹⁹⁷.

Данный тезис противоречит сведениям о проекте Георгия и Ярослава Всеволодовичей в случае их возможной победы. Они хотели отдать Киев черниговским князьям¹⁹⁸. Нелогично было бы так поощрять союзников врага.

Для утверждения тезиса об участии рязанских князей в битве на Липице есть еще аргумент, видимо, не рассматривавшийся Иловайским. А.Г. Кузьмин указал¹⁹⁹, что в Никоновской летописи указаны Александр Попович со слугой Торопом и Добрыня Златой пояс²⁰⁰, упомянутый также как Рязанич²⁰¹, что Добрыня Златой пояс назван и в числе погибших богатырей на Калке²⁰². Исходя из того, что в других летописях Александр Попович назван ростовским витязем, что Добрыня Златой пояс в паре с Александром Поповичем упомянут лишь в Никоновской летописи, что с именем Добрыни в Рязанской земле связаны памятники фольклора и топонимические легенды²⁰³, А.Г. Кузьмин сделал справедливый вывод:

«...в обоих рассказах (битва на Липице и битва на Калке – А.К.) появ-

¹⁹⁶ Повесть о битве на Липице // Библиотека литературы Древней Руси. Т. V. СПб., 1997. С. 79.

¹⁹⁷ Александров Д.Н. Феодальная раздробленность Руси. М., 2001. С. 187.

¹⁹⁸ СЛ. Стб. 267; МАК. Стб. 495; НВЛ. С. 190; НК2. С. 109; НЛД. С. 81.

¹⁹⁹ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 146.

²⁰⁰ Никоновская летопись. С. 70.

²⁰¹ Там же. С. 71–72.

²⁰² Там же. С. 92.

²⁰³ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 146–147.

ляются моменты, ведущие к прорязанскому автору. При этом речь снова идет не о заимствованиях из источника, а о подправлениях текста, известного по другим летописям²⁰⁴.

Поэтому надо отвести тезис об участии рязанских князей в битве на Липице.

События, приведшие к Липице, развивались так. Ярослав, будучи в Торжке, отверг требования Мстислава и обратился за помощью к братьям. При их поддержке он перенес боевые действия на Торопецкую землю²⁰⁵; Святослав Всеволодович, посланный ему на помощь, с отрядом, состоявшим из дружин Георгия и Константина, осадил Ржеву. 1 марта 1216 г. Мстислав Удатный выдвинулся из Новгорода к верховьям Волги и, соединившись с Владимиром Псковским, снял осаду Ржевы, где с небольшим числом ратников отбивался Ярун²⁰⁶. Героизм дру-

²⁰⁴ Там же. 147.

²⁰⁵ Перенос боевых действий на смоленскую землю может косвенно доказывать, что события рубежа 1215–1216 гг. разворачивались как противостояние владимирских и смоленских князей, что ультиматум Мстислава Ярославу Георгий и Константин расценили как вызов и их власти.

²⁰⁶ Фраза НПЛ, первичная по отношению к сведениям НВЛ и СЛ, затруднительна для современного понимания: Святослав осадил Ржеву, Мстислав и Владимир прогнали его, Ярун затворился в граде «и отбися нхъ». От кого отбивался засевший во Ржеве Ярун? Следующие упоминания Яруна в летописи дают основания считать его воеводой Мстислава Удатного. Цепь событий была такова: Святослав осадил Ржеву, где с малым отрядом отбивался Ярун; Мстислав и Владимир отогнали Святослава от Ржевы. К такому же выводу пришел ранее Б.М. Пудалов, решая вопрос об упоминании Городца в этих событиях: *Пудалов Б.М.* Начальный период истории древнейших... С. 50–51; В.Н. Татищев неверно понял данное известие, считая, что Ярун, воевода Ярослава, отбивался от Мстислава и Владимира Мстиславичей. Причем в данном случае появились иные числа: 5000 воинов Мстислава, 900 – Владимира (*Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 193; Т. IV. С. 347). Возможно, Ярун проявился в другом событии общерусского масштаба – битве на Калке в 1223 г. – см.: *Лурье Я.С.* Повесть о битве на Липице // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997. С. 463. Летописец, повествуя о Калке, указывает, что Ярун действовал в качестве главы разведки, как и в 1216 г. после осады Ржевки. После того, как Мстислав Удатный перешел Днепр, разбил татарский отряд Гемябега, убитого затем половцами, другие русские князья также форсировали Днепр «и послаша къ сторожех Яруна с Половцех»

жин Мстислава и Владимира, отряда Яруна в источниках «Повести...» подчеркивается их численностью, уступавшей отряду в 10 тысяч у Святослава. Это число – возможное преувеличение, подчеркивающее моральное превосходство Ростиславичей.

Святослав Всеволодович, видимо, вернулся к себе в Юрьев и стал собирать силы. Ведь информация о выступлении Георгия из Владимира сопровождается известием, что к нему присоединился Святослав с юрьевской силой. Отход в свои земли позднее осуществил и Ярослав.

Затем смоленские князья взяли Зубцов. Туда подошел Владимир Рюрикович со смолянами. Возможно, вместе с ним пришел Всеволод Мстиславич, шурин Константина. Летописи сообщают, что противники Ярослава определяли его местонахождение – Торжок или Тверь. К Твери была послана разведка во главе с Яруном, на Благовещенье²⁰⁷ обратившая в бегство воинов Ярослава и захватившая пленников. От пленных узнали, что Ярослав – в Твери²⁰⁸. Это противоречит сообщению НПЛ о том, что Ярослав был в Торжке, откуда выдвинулся позднее в Переяславль²⁰⁹. Вероятно, новгородский летописец, делая акцент на том, что Ярослав, уйдя из Торжка захватил с собой новгородцев и всех новоторжцев, просто отметил исходный (Торжок) и конечный (Переяславль) пункты его перемещения без упоминания Твери. Вопрос о местонахождении Ярослава был принципиальным. После взятия Мстиславом Ржевы новгородцы настаивали на том, что ударить надо по Твери: ведь при походе на Торжок разорялась бы Новгородчина²¹⁰. В СІЛ указано, что новгородцы хотели идти к Торжку, а князья стремились ударить по Твери, отказываясь разорять новгородские пределы²¹¹. Иначе сообщается в НПЛ: к Мстиславу и Владимиру некто обратился:

«княже, понди къ Торжкѹ. Рече же Мьстиславъ и Володимиръ

(НПЛ. С. 63, 266). При встрече с противником половцы, несмотря на желание Яруна вступить в бой, бежали, смяв расположение русских князей. Возможно, что начальник Яруна – Мстислав Удатный, углубившийся в степи и выславший разведку.

²⁰⁷ СІЛ. Стб. 264; НІВЛ. С. 187; НК2. С. 108; ЕРМ. С. 65; Московский летописный свод. С. 111; Воскресенская летопись. С. 120.

²⁰⁸ СІЛ. Стб. 264; НІВЛ. С. 187; НК2. С. 107; Московский летописный свод. С. 111; Воскресенская летопись. С. 120.

²⁰⁹ НПЛ. С. 55, 255.

²¹⁰ НК2. С. 107; НІВЛ. С. 186–187; НЛД. С. 80.

²¹¹ СІЛ. С. 264.

Плесковъскыи: «пойдемъ къ Переяславу; есть у нас третини друтъ»²¹²; похожее известие имеется в ТВ²¹³.

Под третьим другом надо понимать Константина. Узнав, что Ярослав в Твери, смоленские князья стали отпускать свои отряды в зажитье – грабежи владений переяславльского князя. ЕРМ и Воскресенская летописи сообщают, что после взятия Зубцова и прихода Владимира Рюриковича Мстислав Удатный и Владимир Псковский предложили Ярославу мир. Согласно ЕРМ, он отверг мир и выдвинулся к Твери из Торжка, опустошая новгородские земли²¹⁴. А в Московском летописном своде и Воскресенской летописи говорится, что Ярослав после взятия Зубцова и отказа от примирения узнал о грабежах в Тверской земле и ушел из Торжка в Тверь²¹⁵.

Цепь событий, противоречиво представленных в источниках, должна восстанавливаться так. Мстислав и Владимир Мстиславичи, отгнав Святослава Всеволодовича от Ржевы, захватили Зубцов, направили разведку в Тверскую землю, а также послали гонцов к Ярославу Всеволодовичу в Торжок с предложением о мире. Ярослав отказался мириться. Он, узнав о разорении своих владений, из Торжка ушел в Тверь, прихватив с собой жителей Торжка и знатных новгородцев. Ростиславичи, не зная местонахождения Ярослава, решили идти на Тверь (с последующим нацеливанием на Переяславль, с которым связывалось наличие третьего друга). О пребывании Ярослава в Твери узнали от его воинов, плененных 25 марта 1216 г. на Благовещение, на пятой неделе поста²¹⁶.

Затем Ростиславичи разорили верхневолжские Шошу и Дубну. Целью этих действий было отрезать Ярослава в Твери от союзников во Владимирской земле и лишить его материальной базы, ведь эти города вместе с Зубцовым и Тверью были его владением²¹⁷. Одновременно в Ростов к Константину Всеволодовичу был послан боярин Владимира – Яволод. Владимир с псковичами и смолянами провожал его до рубе-

²¹² НПЛ. С. 55, 255.

²¹³ ТВ. С. 318–319.

²¹⁴ ЕРМ. С. 65.

²¹⁵ Московский летописный свод. С. 111; Воскресенская летопись. С. 120.

²¹⁶ НПЛ. С. 187; НК2. С. 107.

²¹⁷ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 100.

жа²¹⁸. Как указывает НПЛ, целью похода на владения Ярослава было приблизиться к «третьему другу». Можно предположительно выбирать из вариантов: Ростиславичи надеялись обрести «друга» в лице Константина или уже с ним вели переговоры. Предпочтение надо отдать первому. Ведь Константин еще в конце 1215 г. помогал Ярославу против Новгорода и Мстислава. Только после Зубцова к Константину направился Яволод. Владимир Псковский провожал его «до рубежа» – видимо, до границы ростовских и переяславльских владений. Отряд Владимира обеспечивал безопасность посла в землях Ярослава, но вступать в Ростовскую землю не стал (чтобы «не спугнуть» союзника?). Также приход рати Владимира к границам владений Константина демонстрировал силу и оказывал давление на «третьего друга». Действия Ростиславичей и миссия Яволода раскололи Всеволодовичей – Константин заявил о готовности договориться с родичами своей жены:

«И устрѣте бремене от князя Костянтина съ любѣвью и съ поклономъ; пондоша къ Переяславлю, воююще. И быша на Городищи на рѣцѣ Саррѣ, у святѣн Маринѣ, въ великую суботу, мѣсяця априля въ 9; прииде князь Костянтинъ съ ростовъци, хрест цѣловаша»²¹⁹.

В поздних летописях это сведение дополнено деталями: речь воюемы Еремея, передававшего поклон от Константина, радость Константина по поводу «приезда» смолян, Константин с Еремеем направил 500 воинов в помощь Ростиславичам и просил прислать шурина Всеволода²²⁰. Часть летописей лишь отмечают, что Всеволод Мстиславич был направлен к Константину в Ростов. Примечательно сведение: рать Владимира Мстиславича устремилась на конях к Переяславлю, пометав возы²²¹. Это свидетельство того, что смоленско-псковский отряд Владимира освободился от обоза, сдерживающего их маневренность, и начал активно наступать. Это было возможно при условии, что им Константин обеспечивал снабжение.

²¹⁸ НК2. С. 108.

²¹⁹ НПЛ. С. 55 (цитата отсюда), 255. Такие сведения есть: НІВЛ. С. 187–188; СІЛ. Стб. 264–265. НК2. С. 108; НЛД. С. 80; ТВ. Стб. 319; ЕРМ. С. 65; Московский летописный свод. С. 112; Воскресенская летопись. С. 121.

²²⁰ НІВЛ. С. 187; СІЛ. Стб. 264–265; НК2. С. 108; НЛД. С. 80; Московский летописный свод. С. 112; Воскресенская летопись. С. 121.

²²¹ НІВЛ. С. 187; СІЛ. Стб. 264–265; НК2. С. 108; НЛД. С. 80; ЕРМ. С. 65; Московский летописный свод. С. 112; Воскресенская летопись. С. 121.

Источники, повествующие об этих событиях, не всегда дают возможность определить «авторство» действий. Так, Владимир Псковский, провожая Яволода, остался на рубежах Ростовской земли. Затем, судя по ряду летописей, он с псковичами и смолянами взял Кснятин²²² – город на ростовско-переяславском порубежье, а НПЛ упоминает Кснятин в числе городов, взятых смоленскими князьями в Поволжье²²³. Следуя Я.С. Лурье, надо признать достоверность первой версии. В основе признания – гипотеза о материалах смоленского летописания в источниках²²⁴. Получается, что переговоры с Константином велись через Владимира Псковского.

После дипломатического успеха смоляне и псковичи под руководством Владимира от ростовского порубежья пошли к Переяславлю. Ярослав Всеволодович покинул город и направился к Георгию. 9 апреля 1216 г. смоленско-псковско-новгородская коалиция соединилась с Константином Всеволодовичем у Сарского Городища²²⁵. Видимо, Мстислав Удатный с Владимиром Рюриковичем, узнав о достижении договоренности с Константином Всеволодовичем, повели войска в Ростовскую землю. Там же появился и Владимир Псковский, которого послали с войском в Ростов. В Фомино Воскресенье – 17 апреля 1216 г. – войска союзников стояли под стенами Переяславля. Там они узнали, что Ярослав Всеволодович вместе с новоторжцами и новгородцами ушел²²⁶. В летописях нет сведений о том, что Переяславль был взят приступом. Возможно, он сдался без боя, ведь Ярослав увел всю дружину. Поспешный уход Ярослава Всеволодовича из Переяславля объясняется тем, что его противники расположились в центре Северо-Восточной Руси – Ростовской земле, отделявшей владения Ярослава от Владимира и Юрьева, где сидели его братья Георгий и Святослав.

²²² НВЛ. С. 187; СЛ. Стб. 264; НК2. С. 108; НЛД. С. 80; Московский летописный свод. С. 111; Воскресенская летопись. С. 121.

²²³ НПЛ. С. 55, 255.

²²⁴ Лурье Я.С. Повесть о битве на Липице 1216 г в летописании XIV–XVI вв. // Куликовская битва и подъем национального самосознания. ТОДРЛ. Т. XXXIV. Л., 1979. С. 114.

²²⁵ НПЛ. С. 55, 255; НВЛ. С. 187–188; СЛ. Стб. 265; НК2. С. 108; НЛД. С. 80; ЕРМ. С. 65; Московский летописный свод. С. 112; Воскресенская летопись. С. 121; ТВ. Стб. 319.

²²⁶ НВЛ. С. 188; СЛ. Стб. 265; НК2. С. 108; НЛД. С. 80–81; ЕРМ. С. 65; Московский летописный свод. С. 112; Воскресенская летопись. С. 121.

Боевые действия до первой декады апреля 1216 г. велись смоленскими князьями. Примыкание Константина к союзу Ростиславичей в летописях не оговорено. Нет оснований считать, что оно было вызвано жадной свержения Георгия Всеволодовича. Проще объяснить это можно так: родственники жены предложили ему союз против Ярослава, с которым были столкновения в 1212–1214 гг. К тому же Константин ещё в 1215 г. косвенно участвовал в борьбе против Мстислава Удатного, а потому мог ожидать кары. Вместо нее ему предложили союз, одним из условий которого было предоставление материальной базы Ростовской земли. Противостоял противнику один Ярослав Всеволодович, в чью дружину входили переяславцы, жители Торжка и небольшое число новгородцев. Против Георгия и Святослава Всеволодовичей союзники до апреля 1216 г. не воевали, что подтверждает тезис о ссоре Ярослава с Мстиславом как главной пружине конфликта 1216 г. Обращение Ярослава к Георгию как к старшему среди Всеволодовичей подтолкнуло владимирского князя на борьбу с внешней силой, появившейся в княжестве.

§ 4. Об участии братьев и детей Георгия Всеволодовича в битве на Липице

Битве на Липице в 1216 г. посвящено много трудов. Поэтому в главе не содержится реконструкции битвы. Внимание заострено на отдельных деталях. Характерной чертой является то, что большинство исследователей доверяют «Повести о битве на Липице», дополняя её ярким рассказом лапидарные повествования ЛЛ и НПЛ. Анализ отдельных деталей и аспектов будет иметь цель доказать необходимость более осторожного использования «Повести» как источника, что и требовал Я.С. Лурье.

Коалиции Мстислава, согласно «Повести», противостояли силы Владимирского княжества: Георгий с владимирцами, Ярослав с новгородцами и новоторжцами и с переяславцами; городчане; также муромцы и бродники²²⁷. В источниках сообщается о братии, участвовавшей в битве на стороне Георгия и Ярослава, конкретно названы Владимир и Святослав.

Следует остановиться на участии в событиях 1216 г. Владимира Всеволодовича. С.М. Соловьев писал, что Георгий выдвинулся к Ли-

²²⁷ НПЛ. С. 188; СЛ. Стб. 265; НК2. С. 108; НЛД. С. 81; ЕРМ. С. 65; Московский летописный свод. С. 112; Воскресенская летопись. С. 121

пище с братьями Святославом и Владимиром²²⁸, хотя ранее отметил отpravку Владимира Георгием в Переяславль²²⁹. Никоновская летопись, по которой С.М. Соловьев описывал битву на Липице, не сообщает об участии в ней Владимира. Об этом говорится в «Повести...», использованной С.М. Соловьевым по другому поводу. Недавно А.В. Сиренов отметил, что в битве на Липице участвовал Владимир Всеволодович²³⁰. В рассказе о Липице А.В. Сиренов сослался на Никоновскую и Воскресенскую летописи, где не упомянут князь Владимир. Б.М. Пудалов, опираясь на СЛ, НЛД, Вологодско-Пермскую и Никаноровскую летописи, МАК, согласился с фактом участия Владимира Всеволодовича в войске Георгия на Липице²³¹.

Данные ЛЛ противоречат этому «факту». В 1213 г. после примирения с Константином Георгием направил Владимира в Переяславль-Русский²³², где тот в 1215 г. был пленен половцами и в 1218 г. вернулся²³³. Противоречивость источниковых сведений СЛ, НЛД, НК2, НЛД, МАК

(«Юри съ Святославомъ и с Володимеромъ вышелъ бѣше из Володимеря съ всею братиею»²³⁴; «И князь Юри Всеволодичъ съ С(вя)тославомъ и с Володимеромъ вышелъ из Володимеря»²³⁵; «А Юри съ Святославомъ и с Володимеромъ вышелъ бѣше из Володимеря съ всею братиею»²³⁶; «Юри со С(вя)тославомъ и с Володимеромъ вышелъ бѣше из Володимера со всею братиею»²³⁷)

для утверждения присутствия Владимира на Липице отметил Я.С. Лурье:

²²⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. Т. II. М., 1993. С. 615;

²²⁹ Там же. С. 609.

²³⁰ Сиренов А.В. Жизнь владимирского князя Георгия Всеволодовича на страницах русских летописей XIV–XVI вв. // Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. СПб., 2003. С. 11.

²³¹ Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших... С. 53–54.

²³² ЛЛ. Стб. 438. Сведение о направлении Георгием Владимира в Переяславль-Русский есть также в Московском летописном своде конца XV в., ТВ, Воскресенской, Типографской, Никоновской летописях. Даты в этой и следующей ссылке выверены по: Бережков Н.Г. Хронология русского... 103–105.

²³³ ЛЛ. Стб. 442.

²³⁴ НЛД. С. 188.

²³⁵ СЛ. Стб. 265.

²³⁶ НК2. С. 108.

²³⁷ НЛД. С. 81.

«Среди сыновей Всеволода Большое Гнездо был и Владимир (Дмитрий) Всеволодович, но согласно Лаврентьевской летописи, он был взят пленом половцами в 1215 г. и вернулся из плена только в 1217 г.»²³⁸

Но в памятниках, содержащих текст «Повести», не сообщается о пленении Владимира половцами. Нет этого известия и в НПЛ, чьи сведения были расширены и в Софийско-Новгородском своде, и в Вологодско-Пермской и Никаноровской летописях, отразивших свод 1472 г., в основе которого лежали сведения СИЛ–НИВЛ. В этих летописях упоминание Владимира на Липице – единственное²³⁹. Ни раньше, ни позже в «Повести...» он не встречается. Он не упомянут, когда говорится об участии побежденных. Сведение о Владимире Всеволодовиче на Липице не согласуется с событийной канвой пространного сообщения о битве.

В других летописях Владимир в битве на Липице выглядит иначе:

«князь Юрь з братьею вышелъ вѣ из Володимеря и со многуо силою»²⁴⁰; «князь же Юрь Всеволодичъ со Святославомъ съ прочею братіею вышли бяху изъ Володимеря»²⁴¹; «И Ярославъ выведе свою волость ис Переяславля, Владимира съ полку Юрія, Святъслава»²⁴²; «а Юрій въ Володимери такоже вои скопи, а Святославъ Юріевскій...»²⁴³.

Здесь Владимир – стольный город Северо-Восточной Руси. В этих летописях, кроме Рогожского летописца, есть сведения о пленении Владимира половцами в 1215 г. и его возвращении через три года. Вероятно, их наличие повлияло на то, что составители свода 1479 г. исправили ошибку свода 1472 г., в основе которого лежал софийско-новгородский свод. Поэтому сведение об «участии» князя Владимира в битве на Липице надо искать в источниках «Повести о битве на Липице».

²³⁸ Лурье Я. С. Повесть о битве на Липице // Библиотека... С. 463.

²³⁹ О Владимире Всеволодовиче на Липице сообщают Вологодско-Пермская и Никаноровская летописи, отразившие свод 1472 г.: Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. XXVI. М.–Л., 1959. С. 61; Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. XXVII. М.–Л., 1962. С. 38.

²⁴⁰ ЕРМ. С. 65.

²⁴¹ Воскресенская летопись. С. 121. Также см.: Московский летописный свод. С. 112.

²⁴² Рогожский летописец. Стб. 25.

²⁴³ ТВ. Стб. 319.

По мнению Я.С. Лурье, князь Владимир на Липице упомянут в НПЛ – источнике «Повести о битве на Липице»²⁴⁴. Но в НПЛ младшего извода

(«и скопи волость свою всю, а Юрьн свою, в Володимирѣ также, а Святославъ также»²⁴⁵)

слово **Володимирѣ** можно понять и как антропоним, и как полисо-ним. В НПЛ старшего извода это сведение читается однозначно:

«а Гюрги свою Володимери также, а Святослав также»²⁴⁶.

Это – город Владимир. Князь Владимир на Липице – ошибка прочтения, попавшая в «Повесть...». Московский летописный свод, ЕРМ, Воскресенская и другие летописи, где под Владимиром однозначно понимается стольный город, подтверждают эту гипотезу. Наличие ошибки в «Повести...» на фоне её исправления в более поздних летописях позволяет говорить о её сознательном характере. Ведь в исходном тексте известия о выходе Георгия в НПЛ **Владимир** (город) назван один раз, а в тексте «новгородско-софийского» происхождения – дважды (князь и город). Налицо – искусственность вставки и неестественность ошибки, чтобы считать её только результатом неверного прочтения.

Выявление данной ошибки и объяснение причин её появления дает аргумент в пользу схемы развития летописного сообщения о битве на Липице: от НПЛ к НІVЛ, НК2, НЛД, СІЛ. Эту естественную схему, обоснованную трудами Я.С. Лурье и В.А. Кучкина, попытался кардинально изменить А.В. Юрасовский. Объяснение ошибочного появления имени Владимира Всеволодовича в событиях 1216 г. противоречит всей логике рассуждений А.В. Юрасовского. Если в НІVЛ сохранили в более полном виде текст о битве на Липице, то тогда надо дать объяснение того, с какой целью составители НПЛ проводили его сокращения.

Сложнее решать вопрос об участии Святослава Всеволодовича в битве на Липице. В «Повести...» Святослав упомянут несколько раз: он послан с дружиной на помощь Ярославу и направлен в смоленские земли, в 1216 г. он безуспешно осаждал Ржеву (о маршруте его отхода данные летописи ничего не сообщают); затем Георгий, Ярослав и Святослав из Владимира²⁴⁷ двинулись к Липице; Святослав упомянут при

²⁴⁴ Лурье Я.С. Повесть о битве на Липице // Библиотека... С. 463.

²⁴⁵ НПЛ. С. 256.

²⁴⁶ НПЛ. С. 56.

²⁴⁷ НІVЛ. С. 188; СІЛ. Стб. 265; НК2. С. 108; НЛД. С. 81.

возможном разделе русских земель – ему Георгий и Ярослав хотели отдать Смоленск (об участии Святослава в беседе не сообщается, как и то, распространялась ли на него клятва братьев)²⁴⁸. Других сведений о Святославе на Липице нет, как неизвестно о полках из Юрьева и их участии в битве. Повествуется лишь о младшей братии: её силы стоят против рати Константина, Георгий и Ярослав обратились в бегство с меньшей братией²⁴⁹, Георгий Всеволодович с двумя неизвестными братьями выходит из Владимира к победителям.

В НПЛ сведения о Святославе на Липице кратки:

«Ярославъ приде Переяславлю и скопи волость свою всю, а Гюрги свою Володимери такоже, а Святослав такоже»²⁵⁰; «Ярослав... приде Переяславлю и скопи волость свою всю, а Юрьи свою, в Володимериъ такоже, а Святославъ такоже. И вынде ис Переяславля с полкы...»²⁵¹.

НПЛ сообщает о бегстве Георгия во Владимир днем 21 апреля 1216 г. и указывает, что к вечеру в город стали подходить раненные и нагие: когда туда прибыли братья, не сказано. Источники не сообщают о карательных и назидательных мерах победителей или прощении Константином Святослава. Есть еще важный момент: когда войска Георгия и Ярослава на Липице стали разбегаться, то часть воинов устремилась в расположенный неподалеку Юрьев²⁵², принадлежавший Святославу. Отсутствию данных о появлении Святослава после Липицы во Владимире противопоставляется молчание летописей, что он не ушел в Юрьев.

Очевидно, Святослав не появился во Владимире после Липицы, а остался в Юрьеве. Более того, НПЛ не сообщает, вышел ли он из Юрьева (где он и был на момент выхода Георгия из Владимира, если доверять НПЛ). Если нет, то он был лишь зрителем Липицкого побоища. Возникает вопрос: зачем Святославу Всеволодовичу надо было выходить из Владимира, ведь сражение состоялось недалеко от Юрьева? Следовательно, Святослав мог собрать свои войска именно там. Кроме того, в ТВ есть фраза между сообщением об ободрении Мстиславом войск и сведением о прибытии Владимира Мстиславича из Ростова:

²⁴⁸ НК2. С. 109.

²⁴⁹ НК2. С. 109.

²⁵⁰ НПЛ. С. 55–56.

²⁵¹ НПЛ. С. 255–256.

²⁵² НПЛ. С. 194; НК2. С. 110.

«Хотѣ же Костнатины поити къ Володимерю на Ярослава, и рече Мьстиславъ: «брате Костаньтине, еда како мы поидемъ мимо Юрьевъ, а они вдарятъ ѹ тыль и смятѹтъ ны?»²⁵³.

Эта фраза выглядит как вставка, связанная с обстоятельствами, возникшими еще до похода основных сил Всеволодовичей к Юрьеву. Вероятно, нанести удар в тыл мог Святослав. Возвращаться после битвы, если он вообще в ней участвовал, ему было уместнее в Юрьев. Поскольку победители ничего не совершили ни против Юрьева, ни против его князя, то можно допустить, что Святослав остался нейтрален во время схватки. Этот аргумент косвенно подтверждает вышеуказанное положение, что перечень сил, собранных Георгием и Ярославом, искусственно расширен.

После сомнений относительно присутствия Святослава и Владимира на Липице, нужно рассмотреть финальную сцену поражения Георгия. Он вышел к победителям из Владимира: в «Повести...» – с двумя братьями, в других летописях – с двумя сыновьями, в третьих – ничего не говорится о выходе Георгия к победителям с кем-либо. Эта пестрота сведений подсказывает мысль об этикетности ситуации окончательного поражения Георгия. Если с Георгием вышли младшие братья, то они признавали власть Константина, законного преемника Всеволода Юрьевича во Владимире.

Эти рассуждения сохраняют силу, если признать первичность НПЛ по отношению к источникам «Повести о битве на Липице». Если так, то в «Повести...» произошло развитие сообщений НПЛ, что Святослав собрал свою волюсть, что Георгий просто сдался на милость победителей и отбыл в Городец. Тогда составители «Повести...» расширили упоминание НПЛ о Святославе Всеволодовиче так, что он стал участником битвы на стороне Георгия и Ярослава в составе меньшей братии. Её состав в источниках не раскрыт. Если привлекать косвенные данные, то туда должны войти Владимир и Святослав. Но Владимир на Липице – плод художественного истолкования летописцем неясного места, а один Святослав не мог заполнить всю меньшую братию. Относительно меньшей братии информация могло бы дать сообщение о выходе Георгия из Владимира к победителям.

²⁵³ ТВ. Стб. 321.

См. также сведение из ТВ: «И бысть заутра, высла князь великий Юрій къ нимъ: «не дѣйте мене днесь, а заутра пондѹ изъ града... И наутрѣ изыиде къ нимъ съ поклономъ... И даша ему Городецъ Радилъ, и тако събрався въ судѣхъ... Князь Мьстиславъ съ Новгородци посадиша Костантина въ Володимери, на столѣ отни и дѣднѣ»²⁵⁴.

В Академическом XIV, Академическом XV, Оболенского, Архивском II, Публичном (Строгановском), Троицком III списках Никоновской летописи сказано, что Георгий вышел с двумя братьями²⁵⁵, а в Публичном VI (Лаптевском) – с двумя сыновьями²⁵⁶. В НПЛ это сведение органичивается словами:

«И бысть заутра, высла князь Юрьн с поклоном ко княземъ: не дѣйте мене днесь, а заутра пондѹ изъ города». И иде Юрьн изъ Володимира въ Радилъвъ городецъ»²⁵⁷.

Сравнивая все эти сведения, отметим, что в «Повести...» Георгий вышел с двумя братьями. В ЕРМ сообщается о выходе одного Георгия (не говорится о меньшей братии на Липице, но только о братии). В ТВ говорится лишь о братии на Липице и выходе одного Георгия. В НПЛ сообщается о просьбе Георгия победителям, а в тексте о Липице о братии не упоминается. Мог ли Георгий выйти со своими сыновьями, как это сообщают Московский летописный свод и Воскресенская летопись?

Георгий женился на дочери черниговского князя в 1211 г.²⁵⁸. ЛЛ сообщает о рождении у них сына Всеволода (Дмитрия) в октябре 1213 г.²⁵⁹. Рождение следующего сына (Владимира или Мстислава) Георгия Всеволодовича по ЛЛ можно датировать 1217 г.²⁶⁰, ко времени после Липицкой битвы. А если следовать сообщению Московского летописного свода и Воскресенской летописи, то Георгий вышел с двумя мальчиками. Нужны четкие доказательства того, что у Георгия Всеволодовича было два сына к апрелю 1216 г. Поэтому предпочтительным в плане достоверности является сообщение «Повести...» о двух братьях. Кто это мог быть?

²⁵⁴ ТВ. Стб. 324.

²⁵⁵ Никоновская летопись. С. 76.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ НПЛ. С. 56, 257 (цит. отсюда).

²⁵⁸ ЛЛ. Стб. 435. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания... С. 103.

²⁵⁹ ЛЛ. Стб. 438. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания... С. 103.

²⁶⁰ ЛЛ. Стб. 441. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания... С. 105.

У Всеволода Юрьевича было шесть сыновей: Константин, Георгий, Ярослав, Владимир, Святослав, Иван. На Липице братию, кроме первых трех, могли составлять 20-летний Святослав и 17-летний Иван. Иван не упомянут на Липице вообще. Как указано выше, нет оснований утверждать, что Святослав участвовал в битве.

Объяснить эти неувязки можно так. В НПЛ братия упомянута один раз: Георгий и Ярослав встали с ней на Гзе²⁶¹, но ранее говорилось лишь об одном Святославе, скопившем волость свою; не упомянут личный выход Георгия к победителям²⁶². В «Повести...» упомянута неоднократно младшая братия и расширено число союзников Георгия с Ярославом. Но младшие Всеволодовичи не участвовали в битве: Владимир (точно), Святослав (предположительно), а об Иване нет сведений. Тем не менее, введя в текст меньшую братию, составители «Повести...» вывели к победителям Георгия с двумя братьями. Под ними подразумевались Владимир и Святослав. Текст «Повести...» попал в свод 1472 г., где прошел переработку: вместо двух братьев появились два князя²⁶³. Составители свода 1479 г. (Московский летописный свод конца XV в., Воскресенская летопись) софийско-новгородский свод расширили за счет летописания Северо-Восточной Руси: факт пленения Владимира Всеволодовича половцами перечеркивал его участие в битве на Липице. Следовательно, состав братии уменьшился до одного брата. Здесь и пригодилось слово князи из свода 1472 г., распространенное на детей Георгия. Поэтому в Воскресенской летописи и Московском летописном своде он вышел с двумя сыновьями.

Интересная картина дана в сообщениях ЕРМ и ТВ. В них безлично братия упомянута дважды: Георгий и Ярослав встали с братией на реке Гзе (в ТВ: вместо братии – Ярослав), перед сражением – Георгий с братией встал на горе Авдове; в ТВ указывается, что Георгий пил всю ночь с братией. В ЕРМ и ТВ Георгий вышел из Владимира к победителям один. Очевидна связь между частотой упоминания братии в битве на Липице и сведениями о том, с кем Георгий вышел из Владимира: чем реже упоминается братия, тем плотнее круг родственников, выходивших с Георгием.

²⁶¹ НПЛ. С. 56, 256.

²⁶² НПЛ. С. 56, 257.

²⁶³ Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. XXVI. М.–Л., 1959. С. 65; Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. XXVII. М.–Л., 1962. С. 40.

§ 5. Муромцы, городчане, бродники в битве на Липице: летописная и историческая реальности

Отдельно надо сказать о муромской дружине²⁶⁴. Её мог возглавлять уже встречавшийся в событиях 1213 г. князь Давыд Юрьевич. «Повесть...» упоминает муромцев дважды: 1) они встали на поле битвы с Ярославом²⁶⁵; 2) Ярослав побежал вместе с муромскими князьями²⁶⁶. О дальнейшей судьбе муромцев и отношении к ним победителей не сообщается. Это показательно, поскольку НПЛ не говорит о муромцах в битве. Примечательно и обобщенно-безличное упоминание муромских князей на Липице: источники на то время не дают возможности говорить конкретно о правителях Мурома, кроме Давыда Юрьевича.

Для исследований, где затрагивается битва на Липице, характерно то, что ученые доверяют данным летописей XV–XVI вв. об участии в сражении бродников, городчан и муромцев, но в ранних источниках о них не говорится. Бродники и городчане указаны вместе в «Повести...». Настораживают уже симптоматичное молчание источников о мерах, предпринятых по отношению к этим союзникам побежденных Георгия и Ярослава, и отсутствие этих союзников в НПЛ. Бродники, муромцы, городчане, отсутствующие в рассказе НПЛ о событиях начала 1216 гг., появились в «Повести...»: 1) Когда Георгий двинулся на Липицу с муромцами, бродниками и городчанами²⁶⁷; 2) муромцы, бродники и городчане были в полках Ярослава в самом начале битвы²⁶⁸. Относительно городчан в «Повести о битве на Липице» и последующих летописях отмечено:

«В данном контексте городчане названы... как самостоятельный военный отряд («полк»), который, наряду с муромцами и бродниками, не входит в понятие «сила Суздальской земли». Упоминание городчан как отдельного полка... следует рассматривать как признак... обособления Городца, постепенно становившегося центром самостоятельной административной единицы, которая в сражении выставляет свой полк... Не исключено, что городчане (как и муромцы, и бродники)

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ НК2. С. 109.

²⁶⁶ НК2. С. 109.

²⁶⁷ НІВЛ. С. 188; СЛ. Стб. 265; МАК. Стб. 494; НК2. С. 108.

²⁶⁸ НІВЛ. С. 191; СЛ. Стб. 269; МАК. 1997. Стб. 497; НК2. С. 109.

рассматривались Юрием Всеволодовичем как вспомогательные отряды²⁶⁹.

Есть основания рассматривать городчан на Липице как вымысел-вставку в исходный текст НПЛ. Если так, то надо указать и на проблему: с какой целью в «Повесть о битве на Липице» вставлены городчане? Ведь понятен механизм «включения» Владимира и Святослава Всеволодовичей, братии, муромцев (раннее упоминание Давыда Юрьевича в действиях Георгия против Константина). Возможно, тут повлияло сведение, что Георгий после поражения отправился в Городец.

Эти сомнения были бы надуманными, если бы не сведения НПЛ о Липице. В них нет городчан и бродников. Исследователи доверяют сведениям о бродниках на Липице в 1216 г.: они вышли с Георгием из Владимира, а в битве были под началом Ярослава²⁷⁰. Б.М. Пудалов, обратив внимание на контекст их упоминания на Липице между муромцами и городчанами, вслед за А.В. Соловьевым²⁷¹ считает, что это население, зависимое от русских князей, проживало между Городцом и Муромом, неподалеку от места закладки в 1221 г. Нижнего Новгорода²⁷². Термин *Бродники* обозначал христианское население, примыкавшее вплотную к владениям владимирского князя. Возможно, оно могло даже именоваться как «Пургасова Русь»²⁷³. Слабым местом этих предположений является то, что они базируются на двух упоминаниях бродников в «Повести...» и в летописях, на которые она повлияла. Больше о бродниках применительно к битве на Липице и к Северо-Восточной Руси неизвестно, как и то, что стало с ними после сражения. Они внезапно появились и бесследно исчезли.

В русских летописях бродники упоминались редко. ЛЛ их не знает. В ИЛ они названы во второй половине 40-х гг. XII в.²⁷⁴: из контекста следует, что так именовалась группа населения южнорусских степей. В НПЛ бродники – участники битвы на Калке²⁷⁵: они предали Мстислава

²⁶⁹ Пудалов Б.М. Начальный период истории... С. 52.

²⁷⁰ НПЛ. С. 55–57, 255–257.

²⁷¹ Соловьев А.В. Городенские князья и Деремела (к толкованию «Слова о полку Игореве») // *Russia Mediaevalis*. Т. VII, 1. Munchen, 1992. P. 80.

²⁷² Пудалов Б.М. Начальный период истории... С. 205.

²⁷³ Там же. С. 206.

²⁷⁴ ИЛ. Стб. 342.

²⁷⁵ НПЛ. С. 63, 266.

Романовича и еще двух князей, нарушив крестоцеловальную клятву. Факт крестоцелования обуславливает вывод о христианстве бродников.

О бродниках косвенно сообщают Никита Хониат и венгерские грамоты начала XIII в. Разбор этих сведений и их интерпретаций Ф. Малингудисом, В.П. Шушариным, Н.Ф. Котляром провел Г.Г. Литаврин. Вопрос о вероисповедании бродников он оставил открытым. При соединении сведений иностранных источников с летописями Г.Г. Литаврин не обращался к сюжету с бродниками в 1216 г. Из контекста его исследования следует, что бродники были степным населением на восток и запад от Днепра вплоть до Венгрии и Болгарии²⁷⁶. Сведения о бродниках на Липице Г.Г. Литавриным не рассматривалось.

Доверяя известию о бродниках на Липице в летописях XV в., соединяя его с другими краткими сообщениями, надо делать масштабный вывод: бродники – славяноязычное население, тяготевшее к христианству – жили на границах Руси и в переходных, маргинальных в этническом и социально-политическом отношениях зонах от Дуная по степям до лесов в устье Оки. Но этот вывод зиждется на одиночных, фрагментарных упоминаниях бродников в разных памятниках. Их внезапное появление на Липице в летописях XV–XVI вв. показательно в связи с молчанием о них в 1216 г. в НПЛ. Но ведь только в НПЛ бродники упомянуты в битве на Калке, и та же НПЛ стала источником для текста «Повести о битве на Липице». Поэтому нужно решать вопрос, обычно оставляемый в стороне:

«Оставляя сейчас в стороне вопрос о возможности рассматривать бродников 1216 г. и 1223 г. как «одних и тех же», отметим лишь сам факт существования русского населения в приграничье или даже за пределами территории, контролируемой князьями»²⁷⁷.

Бродники в начале XIII в. известны как участники событий 1223 г. и неизвестны как участники битвы на Липице в древнем памятнике – НПЛ. Примечательно, что версия о битве на Калке в НПЛ, соединенная со сведениями ИЛ²⁷⁸, представлена в СИЛ, МАК и с поправками – в Мос-

²⁷⁶ Литаврин Г.Г. Два этюда о восстании Петра и Асеня // Литаврин Г.Г. Византия и славяне. Сборник статей. СПб., 1999. С. 353–362.

²⁷⁷ Пудалов Б.М. Начальный период истории... С. 206.

²⁷⁸ Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 818; Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976; С. 73; Буланин Д.М. Комментарии. Летописные повести о монголо-татарском нашествии // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. М., 1997. С. 469.

ковском летописном своде конца XV в. и Воскресенской летописи²⁷⁹. В них упомянуты старые бродники во главе с Плоскиней²⁸⁰. Поскольку в исходном памятнике – НПЛ – бродники упомянуты в битве на Калке, то можно объяснить их появление в битве на Липице в источниках, генетически связанных с НПЛ, как результат авторского редактирования с целью увеличить размеры войска Георгия. Ведь оно противостояло смоленским князьям, в том числе и тем, что были на Калке. Появление бродников, предавших на Калке смоленского князя, в войске Георгия усиливало его и Ярослава неправоту на Липице. Для возвеличивания смоленских князей могли быть соединены сведения ИЛ и НПЛ о Калке в единую версию летописей XV–XVI вв.²⁸¹

§ 6. Летописный текст XV в. о битве на Калке и его влияние на «Повесть о битве на Липице»

С другой стороны, текст о Калке в НПЛ, НК2, НЛД принципиально отличен от СИЛ, МАК. В нем не упоминаются бродники на Калке: произошло «выравнивание» удельного веса сведений о них. В ЕРМ (ее текст с XII в. до 1417 г. восходит к особой компиляции, отразившейся в своде 1479 г.²⁸²), бродники на Липице отсутствуют²⁸³ (хотя в Москов-

²⁷⁹ СИЛ. Стб. 281; МАК. 1997. Стб. 503–509. Московский летописный свод. С. 118–121; Воскресенская летопись. С. 129–133.

²⁸⁰ СИЛ. Стб. 281; МАК. 1997. Стб. 508. Московский летописный свод. С. 120; Воскресенская летопись. С. 132.

²⁸¹ Аргументом в пользу этой догадки является указание в СИЛ, что татары пришли на 10-й год княжения в Киеве Мстислава Романовича: СИЛ. Стб. 276; МАК. Стб. 503. Этой информации нет в ЛЛ, ИЛ, НПЛ. В Московском летописном своде и Воскресенской летописи это известие сведено к начальным словам сообщения о побоище на Калке, которых нет в ЛЛ, ИЛ, НПЛ: «...приндоша языци незнаемі, при великомъ князи Кіевскомъ Мстиславѣ Романовичѣ, внуцѣ Ростиславѣ Мстиславича» (Московский летописный свод. С. 118.; цит. по: Воскресенская летопись. С. 129). Это свидетельствует о том, то московские книжники убрали дополнительную малозначительную для них информацию о 10 годах, но внесли дополнение о Ростиславе Мстиславиче – родоначальнике смоленских князей.

²⁸² Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 260–274. См. также: Кюсс Б.М. Предисловие к изданию 2004 г. // ЕРМ. С. V.

²⁸³ ЕРМ. С. 64–66.

ском летописном своде есть), а на Калке бродники играют роль предателей князей²⁸⁴.

Нет бродников на Липице в ТВ²⁸⁵, чье известие, похожее на сведение ЕРМ, более пространно. Это обстоятельство заставляет думать, что текст ТВ о Липице вторичен тексту ЕРМ. Это допущение снимается сравнением текстов о Калке ЕРМ и ТВ. В ТВ есть большой фрагмент о Липице, связанный с именем Александра Поповича²⁸⁶. Имеющееся в летописях упоминание гибели этого героя в ТВ, по предположению Я.С. Лурье, обросло деталями легендарного характера²⁸⁷. Это предположение можно оспорить.

Битва на Калке подробно описывалась в летописях. Основные источники по этому событию – ЛЛ, ИЛ и НПЛ (далее – «основные» летописи) – не просто фиксируют это событие, а дают его историософское осмысление²⁸⁸. Именно версии «основных» летописей используются для изучения битвы на Калке. Ее дата указана в двух из них: в ЛЛ – 30 мая, на память святого Еремея²⁸⁹, в НПЛ – 31 мая, на память святого Еремея²⁹⁰. В летописях XV–XVI вв. – СЛ, НВЛ, НЛД, НК2 дана другая дата битвы на Калке – 16 (17) июня (без дня святого). Я.С. Лурье отметил:

«...во многих случаях фрагментарное изложение... повестей в НВ явно может быть возведено к их полным текстам в СЛ. Такое соотношение обеих летописей бросается в глаза уже при рассмотрении рассказа о битве на Калке в 6732 г. Рассказ в СЛ (как и ряд других больших рассказов СЛ–НВ...) представляет собой своеобразный монтаж из общерусского и новгородского летописания. Фрагменты из Новгородской I летописи здесь многократно перемежаются с фрагментами... рассказа, сохранившегося в Ипатьевской летописи, но в двух местах внутри этого текста вклиниваются тексты, не известные ни Новгородской I, ни Ипатьевской, ни Лаврентьевской летописям: сообще-

²⁸⁴ ЕРМ. С. 71. Сам текст про Калку напоминает аналогичный текст СЛ.

²⁸⁵ ТВ. Стб. 319–324.

²⁸⁶ ТВ. Стб. 336–338, 342.

²⁸⁷ Лурье Я.С. Повесть о битве на Липице... // ТОДРЛ. Т. XXXIV. Л., 1979. С. 111–112.

²⁸⁸ Данилевский И.Я. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001. С. 131–132.

²⁸⁹ ЛЛ. Стб 447. В примечаниях ЛЛ в 1926 г. отмечено: «Память св. мученика Ермия празднуется 31 мая».

²⁹⁰ НПЛ. С. 63, 267 (цит. по этой странице).

ние о том, что после битвы на Калке «иного воя кождо десятын прииде, и Александр Попович ту убиен бысть с инеми 10 храбров», и дата битвы – «месяца июня 16 день»... Заимствованные отрывки в НІV оказались... дальше от оригинала (в данном случае Новгородской I), чем в СІ»²⁹¹;

подобные идеи были высказаны Я.С. Лурье и по поводу НК:

«Рассказ о битве на Калке в 6732 г. основывается в СІ, НК и НІV на рассказе НІ, но в СІ этот рассказ передан полностью, а в НК (первая выборка²⁹²) обнаруживаются, как и в НІV, значительные сокращения и отступления от оригинала: половецкий хан Котян обращается не к Мстиславу Галицкому, а к Мстиславу Черниговскому, при перечислении даров, присланных Котяном Мстиславу, «вельблуды, буболы и девкы» заменены более пристойными и более понятными «златом, конями, паволоками»; сокращена речь татарских послов»²⁹³.

Я.С. Лурье не выяснил происхождение даты (16 июня) битвы на Калке в летописях, возводимых им к «своду 1448 г.». Поэтому его выводы уязвимы. Эта дата есть в ЕРМ, Рогожском летописце (далее – РОГ), летописи Авраамки (далее – АВР) и др. Их Я.С. Лурье считал «производными» от СІЛ–НІVЛ. В таком же «производном» памятнике, ТВ, 16-м июня датировано иное событие, а битва на Калке отмечена, как в ЛЛ:

«...а Володимеръ Рүриковичь, брата (ничь) Романовъ, внүкъ Ростиславль Мьстиславича, сѣде въ Кіевѣ, мѣсяца іюня 16 день. А злоба случилася мѣсяца маа 30, на память святаго мученика Бремѣа»²⁹⁴.

²⁹¹ Лурье Я.С. *Общерусские летописи XIV–XV вв.* Л., 1976. С. 73–74. Как заметила Т.Л. Вилкул, Я.С. Лурье допустил в этом суждении неточность. Ведь фраза о каждом десятом вернувшемся есть в НПЛ: «а прочии вои десятины приде кождо въ свояси» (НПЛ. С. 63, 267).

²⁹² Здесь опечатка: в первой выборке о битве на Калке не сообщается; это известие есть в НК2: НК2. С. 111.

²⁹³ Лурье Я.С. *Предисловие // НК.* С. 6–7. Это развитие идеи А.А. Шахматова – см. далее пространную цитату из труда А.А. Шахматова.

²⁹⁴ ТВ. Стб. 343. Подобное написание дат есть в Густынской летописи: Густынская летопись // ПСРЛ. Т. XL. СПб, 2003. С. 116. По нему еще в XIX в. А.А. Куник установил 16 июня как день битвы на Калке – см.: *Бережков И.Г. Хронология русского летописания...* С. 318.

Этот фрагмент ТВ не был учтен Я.С. Лурье, хотя на него обратил внимание Н.Г. Бережков и установил дату битвы на Калке. Позиция Я.С. Лурье объяснима обстоятельствами, не позволяющими полностью доверять хронологии ТВ: в нее уточнялись и вводились дополнительные даты и косвенная датирующая информация²⁹⁵ при том, что она представляет собой компиляцию летописей типа Троицкой, Воскресенской, НПЛ и СЛ²⁹⁶.

Признание дат битвы на Калке и вокняжения Владимира Рюрикови-

²⁹⁵ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях XI – начала XIII в. // Религии мира: история и современность, 2002. М., 2002. С. 92–93. Авторы указали, что составители Тверского сборника высчитывали даты рождения князей по месяцеслову по их именам. Есть расхождение в датировке похода Всеволода Юрьевича на половцев в 1198 г. В ЛЛ (Стб. 414–415) поход начался 30 апреля на память святого Иакова, а возвращение датировано 6 июня на память святого Дорофея в субботу. В ТВ – иная датировка похода: выступление в поход – 1 апреля без указания на святого, но возвращение – 6 июня на память Илариона (ТВ. Стб. 288), а не Дорофея. Действительно, память Илариона Нового (IX в.), игумена Далматской обители, отмечалась 6 июня (Полный православный энциклопедический словарь. Т. I. СПб., б.г. [Репринт: М., 1992]. Стб. 932), а память священномученика Дорофея (IV в.) – 5 июня. Память священномученика Дорофея Тирского могла отмечаться 5 июня по Уставу Великой Церкви и Иерусалимскому Уставу и 6 июня – по Студийскому Уставу (*Сергий (Спасский) архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т. II. Владимир, 1901 [Репринт: М., 1997]. С. 168, 171; *Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001. С. 355, 356). Память Илариона Нового отмечалась 6 июня (*Сергий (Спасский) архиеп.* Указ. соч. С. 170; *Лосева О.В.* Указ. соч. С. 356), хотя Служба в Минеях встречается – 5 июня, 9 июня, 5 июля, а Канон – 5 июня (*Сергий (Спасский) архиеп.* Указ. соч. С. 170). Можно предположить: в ЛЛ и близких ей источниках к дате 6 июня была приурочена память святого Дорофея по Студийскому Уставу, а при составлении ТВ в XVI в. 6 июня было привязано к Илариону. Его поминовение честко сопрягалось с 6 июня вне зависимости от вида Устава. Для XVI в. более характерно использование Иерусалимского Устава. Так составители ТВ устранили накладку поминовения Дорофея и Илариона, передвинув поминовение первого с 6 июня на 5 июня по Иерусалимскому Уставу. Похоже автор ТВ «работал» с датами сведений о битве на Липице, что будет показано ниже.

²⁹⁶ Это обстоятельство не отменяет факта редакторской работы при составлении ТВ и внесения новых материалов, вероятно, ростовского происхождения.

ча поздними вставками (не всегда достоверными) возможно при условии, что верна схема Я.С. Лурье: НІVЛ и НК2 вторичны по отношению к СІЛ, по отношению к ним вторичны РОГ, АВР, а их материалы с добавкой ростовского летописания, проявившегося в ЕРМ, сложились в один массив в ТВ. Без указания промежуточных звеньев Д.С. Лихачев в работе 1949 г. считал, что рассказ о Калке в ТВ восходит в целом к СІЛ²⁹⁷. Эти выводы можно оспорить, установив происхождение иной даты.

Обширность текста ТВ о битве на Калке обусловлена пространной вставкой об Александре Поповиче²⁹⁸. В СІЛ, НІVЛ, НК2 и НЛД, РОГ, АВР и ЕРМ сообщение ограничено указанием его гибели вместе с 70 богатырями (воями, храбрами)²⁹⁹. По сведению ТВ, они же служили киевскому князю. В СІЛ, ЕРМ, ТВ фраза о гибели витязя помещена между фрагментами текста НПЛ с именами 6 погибших князей и о бегстве Мстислава Мстиславича через Днепр³⁰⁰. В НІVЛ эта фраза вставлена между словами:

«Тогда оубненъ отъ Тотаръ надъ рѣкою над Калкомъ великин князь Кіевскіи Мъстиславъ Романовичъ, княживъ лѣтъ 10, а иныхъ князен 10 (далее – «оубниша» – про Александра Поповича, в НК2 вместо этого – «избниша», про 10 князей)» и «и люден множество, не бѣ числа, а иныхъ князен рѣками яша» (цит. по НІVЛ).

В них угадываются искажения фраз ЛЛ:

«Мъстиславъ старъи добръи кнѣзь тѣ оубненъ вѣи» è «и инѣ князинъ ѣ избвено вѣи а воларъ и проуи вон мноство»³⁰¹.

²⁹⁷ Лихачев Д.С. Летописные повести об Александре Поповиче // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 330.

²⁹⁸ ТВ. Стб. 336–338.

²⁹⁹ СІЛ. Стб. 282; НІVЛ. С. 203; НК2. С. 111; НЛД. С. 85; Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000 (далее – РОГ). Стб. 28; Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. М., 2000 (далее – АВР). Стб. 49 (строки об Александре Поповиче помещены в статью 6732 г., где кратко говорится о Калке; более пространно о ней сообщается в следующей статье под тем же 6732 г. (Стб. 49–50)). Это же сведение есть в ТВ (Стб. 342).

³⁰⁰ НПЛ. С. 63, 267.

³⁰¹ ЛЛ. Стб. 446. Эти же фразы ЛЛ использованы в реконструкции Троицкой летописи – см.: Приселков М.Д. Троицкая летопись. СПб., 2002. С. 306–307.

Это обстоятельство подтверждает, казалось бы, привычный ход рассуждений: известие об Александре Поповиче потребовало от составителя ТВ пространного экскурса в его биографию. Но фразы, сопровождающие известие в летописях, имеют разное происхождение: в СЛ, ЕРМ, ТВ – из НПЛ, а в НІВЛ, НК2, НЛД – возможно, из ЛЛ, но точно не из НПЛ.

Также в тексте СЛ о битве на Калке есть известия, отсутствующие в «основных» летописях и не указанные Я.С. Лурье:

- 1) «языци незнаемы» пришли «при Мстиславѣ князѣ Раманович(е), в десятое лѣто княжения его въ Киевѣ»³⁰²;
- 2) после отрывка из ИЛ о бегстве половцев от татар до Днепра – фраза: «А иных загна по Дону и в Луку моря, и тамо изомроша, убиваеми гнѣвомъ б(о)жимъ и пр(е)ч(и)стыя его м(а)т(е)ре»³⁰³;
- 3) ниже: «повѣдиша и татари инѣхъ языкъ 7»³⁰⁴;
- 4) между строками из НПЛ о втором посольстве татар и о панической переправе Мстислава Галицкого с 1000 мужами через Днепр сообщается: «И прииде ту вся земля Половетьская и вси нхъ князи, а ис Киева князь Мьстислав съ всею силою, Володимерь Рюриковичъ с черниговци, и вси князи рустини, и вси князи черниговьскыи, а из Смоленьска нарѣвѣ 400 муж и инѣмъ странамъ»³⁰⁵;
- 5) фраза «и ударюша на полци руския»³⁰⁶ относится к связкам частей НПЛ и ИЛ;
- 6) дате 16 июня предшествуют строки: «А молодыи князи привѣжали в

³⁰² СЛ. Стб. 276.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ Там же. Стб. 278. Слова о «нарубании» мужей, по мнению украинской исследовательницы Т.Л. Вилкул, взяты из «Повести временных лет», где они приводятся применительно к заселению городов, заложенных князем Владимиром. Действительно, в статье 988 г. (по ЛЛ) говорится о том, что Владимир начал ставить города по Десне, Востри, Трубешеву, Суле и Стугне, и «нарубал» туда людей от словен, кривичей, чуди и вятичей. Эти люди заселили поставленные Владимиром грады (ЛЛ. Стб. 121; ИЛ. Стб. 106). В годовой статье 991 г. (по ЛЛ) сообщается, Владимир, заложив град, «наруби» от других городов, много людей туда свел (ЛЛ. Стб. 122; ИЛ. Стб. 106). Данное обстоятельство указывает еще на один путь «обогащения» сообщений летописей XV–XVI вв.

³⁰⁶ Там же. Стб. 280.

³⁰⁷ Там же. Стб. 282.

НІВЛ	НКЗ	НЛД	Московский летописный свод конца XV в.	Воскресенская летопись	
<p>Явися звѣзда, глаголемая, китъ, рѣкше, яко копіе, простираема отъ востока до запада копеннымъ образомъ, и превысть за 17 дний»³⁰⁹.</p>	<p>Явися звѣзда, глаголемая, Идокигъ, рекше, яко копье, простираема от востока и до запада, и превысть за 16 дний»³¹⁰.</p>	<p>Явис(я) звѣзда, г(лаго)лемая Докитъ, яко копне, простираема от востока до запада копѣннымъ образомъ, и превыс(ть) за 17 дний»³¹¹.</p>	<p>Яви же ся звѣзда на западе тогда, от нея же бѣ луча не въ зракъ челоуѣком, но яко к полуденю, въсхождаше же с вечера по захоудѣ солнечнѣмъ, и бѣ величствомъ паче инѣх звѣздъ, превысть тако 7 днии, и паки явися луча та от нея къ востоку, и тако превысть 4 дни, и невидима бысть»³¹².</p>	<p>Яви же ся звѣзда на западѣ тогда, отъ нея же бѣ луча не во зракъ челоуѣком, но яко к полуденю, восхождаше же съ вечера по захоудѣ солнечнѣмъ, и бѣ величствомъ паче инѣхъ звѣздъ; и превысть тако 7 дний, и паки явися луча та отъ нея къ востоку, и тако превысть 4 дний, и невидима бысть»³¹³.</p>	
ЛЛ					
<p>Того лѣ. Явиса звѣзда на западѣ и бѣ ѿ неѣ луча не в зракъ убѣкитъ. но тако к полуденю по двѣ въсхождаши с вечера по захоудѣ снѣунѣмъ. и бѣ величство паче инѣ звѣздъ. и прѣвѣ тако 7 днѣ. и по 7 днѣ. явиса луча та ѿ неѣ ко встокъ прѣвѣ тако 4 днѣ. и невидана бѣ»³¹⁴.</p>	<p>Той же осени явися звѣзда на западѣ копейнымъ образомъ 12 днѣ»³¹⁵.</p>	<p>Тое же осени явися вѣзда западѣ копейнымъ образомъ по дванадесяте днѣ»³¹⁶.</p>	<p>Тое же лѣта явися звѣзда на западѣ, луча отъ неѣ копейнымъ образомъ, юже зовяху челоуѣци хвостата»³¹⁷.</p>	<p>РОГ</p>	<p>ТВ</p>
АВР					

малѣхъ людии, а князь Володимеръ Рюриковичъ приѣже в Киевѣ и сѣде на столѣ»³⁰⁷.

Вставки № 1, 4, 6 связаны со смоленскими князьями.

В НІВЛ, НК2, НЛД из этих эпизодов в измененном виде есть № 1 (но не в начале текста о Калке, а в завершении, будучи связанным с известием о гибели Мстислава Романовича), № 6 (о вокняжении в Киве Владимира Рюриковича). Если в СІЛ это известие № 6 предшествует дате 16 июня, то в НІВЛ, НК2, НЛД дата завершает рассказ о Калке, затем сообщается о поставлении митрополита Кирила (нет в СІЛ). Лишь потом следует:

«Волод[имерово] в Киев[ѣ]. А на великомъ княжени сѣд в Киевѣ Володимеръ Рюриковичъ»³⁰⁸.

Эти обстоятельства ставят под сомнение идею о вторичности текстов о Калке в НІВЛ, НК2, НЛД по отношению к СІЛ. Они основаны на материалах НПЛ с добавлениями уникальных сведений и начинаются словами (их в «основных» летописях нет) о приходе татар на землю Половецкую. Затем указывается, что Котян – тесть Мстислава Черниговского, хотя в НПЛ, СІЛ зятем половецкого хана назван Мстислав Галицкий. Также в версии НІВЛ, НК2, НЛД есть сведение о звезде, отсутствующее в СІЛ, текстуально связанное с битвой на Калке. В других летописях оно отделено от текста о Калке. (См. табл. на предыдущей странице.)

³⁰⁸ НІВЛ. С. 202–203; НК2. С. 111 (цит. по этой летописи); НЛД. С. 85.

³⁰⁹ НІВЛ. С. 202. Открывает текст о битве на Калке.

³¹⁰ НК2. С. 111. Открывает текст о битве на Калке.

³¹¹ НЛД. С. 85. Открывает текст о битве на Калке.

³¹² Московский летописный свод конца. С. 121. Завершает текст.

³¹³ Воскресенская летопись. С. 132.

³¹⁴ ЛЛ. Стб. 447. В следующей годовой статье после статьи о битве на Калке.

Также по местоположению, но с некоторыми разночтениями приводится текст о звезде в Симеоновской летописи. Она, в свою очередь, была привлечена для реконструкции этого сведения в Троицкой летописи – см.: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 307–308.

³¹⁵ АВР. Стб. 49. Помещено в предшествующей годовой статье под той же датой 6732 г.

³¹⁶ РОГ. Стб. 26. Статья 6730 г., отделенная от текста о Калке (6734 г.) хронологической сводкой.

³¹⁷ ТВ. Там же. Стб. 335.

В ТВ есть эпизоды № 2³¹⁸, 4 (в измененной форме)³¹⁹, 6 (в ином виде – лишь о вокняжении Владимира Рюриковича)³²⁰. В ТВ под 6732 г. перед текстом о Калке (также 6732 г.) упомянута звезда.

Сведения о звезде есть в конце годовых статей о Калке Московско-го летописного свода и Воскресенской летописи. Их сообщения о звезде восходят к известию, имеющемуся в повторной статье 1223 (6731) г. ЛЛ, после статьи с тем же годовым номером (о битве на Калке). Н.Г. Бережков датировал 1222 г. статью ЛЛ о звезде и определил её как комету Галлея: появилась в сентябре 1222 г. (сведение о ней, взятое из источника с сентябрьским или ультрамартовским стилем, следует в ЛЛ за сообщением о битве на Калке)³²¹. Я.С. Лурье определял Московский свод и Воскресенскую летопись производными от СИЛ–НИВЛ. Но ведь в СИЛ о звезде ничего не говорится, а в НИВЛ, НК2, НЛД сообщение о звезде иное.

Отличают тексты о Калке СИЛ и НИВЛ, НК2, НЛД числовые данные (в таблице сведения 3-х последних летописей сравниваются с СИЛ):

НИВЛ, НК2, НЛД	СИЛ (подобно в ТВ)
1. Звезда пребывала 17 (НК2 – 16) дней.	1. Сведения о звезде отсутствуют.
2. 10 татарских послов, убитых князьями.	2. Число убитых послов не оговорено.
3. Русские князья шли на врага 17 дней.	3. Время пути не оговорено.
4. Пал Мстислав Романович, княжив 10 лет.	4. Калка – на 10-й год княжения Мстислава Романовича в Киеве (в ТВ нет).
5. Иных князей пало 10 человек.	5. Нет числа погибших князей, дан их именной список.
6. Зло случилось на 16 июня.	6. Злоба случилась 16-го июня.

Возможно, в НИВЛ, НК2, НЛД символически связаны 17 дней звезды с числами в тексте (также имеющими связь): 17 дней звезды на небе – 17 дней пути до татар, 10 убитых послов – 10 лет киевского княжения Мстислава Романовича – 10 погибших князей; в НК2 16 дней звезды – 16 июня. В других памятниках этого нет: в НПЛ – 9-дневный поиск татар, гибнет Мстислав Романович с двумя князьями и еще 6 князей; в

³¹⁸ ТВ. Стб. 338. Завершает текст.

³¹⁹ Там же. Стб. 340.

³²⁰ Там же. Стб. 343.

³²¹ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания... С. 107.

ЛЛ гибель 2 Мстиславов и еще 7 князей, 10 000 киевлян; в ИЛ – 8-дневный поиск монголов.

Очевидно, текст о битве на Калке в НІВЛ, НК2, НЛД прямо не восходит к СІЛ и связан с текстом известия, имеющегося в ЛЛ, через обработку его сведения о звезде. Еще более явно сведения ЛЛ о звезде повлияли на Московский свод, Воскресенскую летопись, где битва на Калке датирована 16 (17) июня. В этот ряд не входит ТВ: сообщение о звезде предваряет текст о Калке (хронологически верно, если в звезде видеть комету Галлея осени 1222 г.) и не имеет числовых данных.

Похожее на тексты НІВЛ, НК2, НЛД о битве на Калке известие есть в АВР и РОГ. В последнем из-за плохой сохранности в ряде мест есть лишь фрагменты, что не мешает установить схожесть её известия 6734 г. о Калке³²² с НІВЛ, НК2, НЛД: те же числовые показатели; вместо Мстислава Галицкого указан черниговский тезка; дата битвы – 16 июня; угадывается сведение о поставлении митрополита в Киеве; сообщение 6730 г. о звезде. С опорой на текст РОГ и её хронологическую выкладку А.А. Шахматов считал, что в этом памятнике дошла ростовская повесть о Калке:

«Имея в виду, что предшествующес хронологической выкладке известие о комете и следующая за ней статья о Калкском побоище находят себе полное соответствие в тексте Летописи Авраамки, мы с уверенностью предполагаем, что источником как известия о комете и статьи о Калкском побоище, так и хронологической выкладки было для Рогожского летописца извлечение из свода 1448 г. Вопрос сводится к тому, откуда хронологическая выкладка попала в это извлечение, ибо совокупное свидетельство Новгородской 4-й и Софийской 1-й доказывает, что выкладка в своде 1448 г. читалась не под 1224, а под 887 г.? В связи с выкладкой находится следующая статья о Калкском побоище. Текст этой статьи, как она восстанавливается по Рогожскому летописцу и Летописи Авраамки, не может в извлечении из свода 1448 г. восходить к своду 1448 г., ибо резко расходится с текстом Софийской 1-й летописи, который... точно передает в этой статье текст этого свода. Но текст статьи о Калкском побоище в извлечении из свода 1448 г. оказывается почти тождественным с текстом Новгородской 4-й летописи. Не подлежит сомнению, что текст Новгородской 4-й в статье о Калкском побоище восходит к тексту свода

³²² РОГ. Стб. 27–28.

1448 г., который здесь, как и во многих других местах, подвергся сокращению. Отсюда... вывод, что составитель извлечения из свода 1448 г. местами пользовался текстом Новгородской 4-й летописи. Встретившись в своде 1448 г. с обширной вставкой о Калкском побоище, составитель извлечения из свода 1448 г. обратился к тексту Новгородской 4-й и извлек из него сокращенный текст повести. Но возможен и другой вывод... Краткая повесть о Калкском побоище могла быть извлечена из Ростовской летописи, а что в Ростовской летописи была такая повесть, видно из упоминания в конце повести по Новгородской 4-й об убиении на Калках Александра Поповича и с ним 70 богатырей; а об Александре Поповиче имеется ростовское сказание (ср. Тверской сборник). Не допустить ли, что краткая повесть о Калкском побоище в извлечении из свода 1448 г. восходит к той же Ростовской летописи?³²³

Не останавливаясь на подробном разборе этих идей, надо отметить, что А.А. Шахматов, исходя из абсолюта свода 1448 г., при разборе конкретного материала спасал этот абсолют. Ради этого он пожертвовал текстом СІЛ о Калке. Но тогда А.А. Шахматов все равно оставил открытым другой вопрос: а в СІЛ откуда взялся текст о Калке, если в своде 1448 г. была ростовская летопись? Даже такую «усеченную» аргументацию А.А. Шахматова нельзя принять, поскольку она построена на игнорировании того, что отношение сведения о звезде к тексту к битве на Калке различно в РОГ (отдельно) и в НІВЛ (в составе текста). Однако обращение А.А. Шахматова к ростовской летописной традиции и ТВ важно для дальнейших рассуждений.

Более внятно прописана эта информация в АВР. Под 6731 г. кратко сообщается о брани на Калке, где погиб Александр Попович³²⁴. Под 6732 г. говорится о поставлении митрополита Кирила и о появлении осенью звезды³²⁵. В статье под повторным 6732 г. следует текст о Калке, знакомый по НІВЛ, НК2, НЛД³²⁶. В АВР указано, что князей погибло 11 (в НІВЛ, НК2, НЛД – Мстислав Романович и 10 князей). Сближают РОГ и АВР с НІВЛ, НК2, НЛД числовые значения о битве на Калке: количество послов, дни пути. В текстах РОГ и АВР нет слов НІВЛ,

³²³ Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 819.

³²⁴ АВР. Стб. 49.

³²⁵ Там же.

³²⁶ Там же. Стб. 49–50.

НК2, НЛД о гибели Мстислава Романовича, княжившего в Киеве 10 лет³²⁷ и о вокняжении там Владимира Рюриковича; сообщение о звезде, близкое к ЛЛ и тем более близкое по размещению с ТВ, «оторвано» от битвы. По мнению Я.С. Лурье:

«Под 6734 г. в Рог. помещен рассказ о битве на Калке в той же явно сокращенной редакции, в которой он читался в НІV. Точно такая же версия рассказа о Калке, сходная с НІV, читается и в Авр. под 6732 г... причем вторичность её по сравнению с версией СІ обнаруживается из сопоставления с памятником, откуда СІ и НІV заимствовали этот рассказ, — с Новгородской I летописью. Мстислав Галицкий назван в Рог. и Авр., как и в НІV, Мстиславом Черниговским, вместо «вельблудов, буволов и девок» (дары половцев по Новгородской I и СІ) здесь фигурируют «злато» и «паволокы» и т. д. ... Шахматов предложил... объяснение: рассказ о Калке взят составителем «краткого извлечения» из одного из источников свода 1448 г. — ростовского свода. Но о составе предполагаемого свода мы... не знаем; во всяком случае, нет никаких оснований думать, что рассказ о Калке совпадал в нем с рассказом Новгородской I летописи. Между тем в Рог. и Авр. рассказ безусловно восходил к версии СІ–НІV, основанной на Новгородской I... со специфическими сокращениями и отклонениями, характерными именно для НІV»³²⁸.

Это объяснение не корректно, поскольку сообщение о звезде в РОГ и АВР, отсутствующее в СІЛ, отличается от НІVЛ и отделено от текста о Калке. Оно имеет иную редакцию и детали, выглядит более ранним. Поэтому есть смысл обратиться к наблюдениям А.А. Шахматова, объяснявшего совпадение текстов о Калке в НІVЛ и РОГ, АВР так:

«Из двух предложенных догадок, объясняющих, почему в извлечении из свода 1448 г. (восстанавливаемом по летописи Авраамки и Рогожскому летописцу) повесть о Калкском побоище оказывается тожде-

³²⁷ По НІVЛ, НК2, НЛД в общей сложности на Калке погибло 11 князей: Мстислав Романович и 10 иных. Отделение Мстислава от общей массы князей создало число 10, которое усилилось 10 годами его киевского княжения. В СІЛ список погибших князей составляется на основе версии ИЛ: Мстислав Романович с 2-мя князьями и еще 6 князей.

³²⁸ Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 89. Я.С. Лурье отверг выводы А.А. Шахматова его же тезисами, но не соотнёс их с источниками.

ственною с текстом Новгородской 4-й летописи, я даю предпочтение второй догадке, согласно которой это тождество зависело от пользования одним общим источником... Ростовскою летописью»³²⁹.

Я.С. Лурье, вслед за А.А. Шахматовым, указывая, что ЕРМ до XV в. основана на «особой обработке свода 1448 г.»³³⁰, писал о том, что она является ростовским владычным сводом³³¹. Это важно, так как в ЕРМ под 6732 г. есть текст о Калке³³² (на основе НПЛ с фрагментами ЛЛ³³³, ИЛ), близкий к РОГ, АВР, а через них – к НІВЛ, НК2 и НЛД.

СІЛ и ЕРМ совпадают в деталях текста о Калке: 1) нет сообщения о звезде; 2) половцы отогнаны по Дону в лукоморие, где многие умерли³³⁴; 3) перед фразой «Сни же злоба сключнися мѣсяца июня 16» сообщается, что Владимир Рюрикович воссел в Киеве³³⁵; 4) гибель Александра Поповича с 70-ю храбрами. Отличие ЕРМ от СІЛ и общие места с НІВЛ, НК2 и НЛД – упоминание под 6732 г. (в дублированной статье ЕРМ) о поставлении митрополита Кирила с указанием даты 6 января³³⁶.

Похожее сочетание сведений «основных» летописей о Калке есть под 6732 г. в ТВ³³⁷. В сообщении о Калке есть пространный текст об Александре Поповиче и о его участии в Липицкой битве. В предшествующей «Повести о Калкацком побоище...» статье, датированной тем же 6732 г., сообщается о поставлении митрополита Кирила 6 января и о

³²⁹ Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 819.

³³⁰ Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 89.

³³¹ Там же. С. 168–169.

³³² ЕРМ. С. 69–71.

³³³ К фрагментам ЛЛ относятся: 1) после сообщения о княжеском совете (сведенье есть в НПЛ и в ИЛ) идет сведенье (ЕРМ. С. 69), что князья послали во Владимир к князю Георгию за помощью, и он направил к ним Василька Константиновича (это известие есть лишь в ЛЛ); упоминание Василька важно, поскольку в ИЛ при описании совета указывается, что на нем отсутствовал Василько (речь шла о брате Даниила Галицкого – Васильке, но составитель мог понять под ним Василька Ростовского); 2) сообщение о погибших киевлянах – 30 000 (в ЛЛ – 10 000); 3) сообщение о том же Васильке Константиновиче, не успевшего к битве и вернувшегося назад. Нет сведений о звезде.

³³⁴ ЕРМ. С. 69.

³³⁵ Там же. С. 71.

³³⁶ Там же.

³³⁷ ТВ. Стб. 335–343.

хвостатой звезде³³⁸. Лишь в ТВ есть даты битвы на Калке – 30 мая и вокняжения Владимира Рюриковича в Киеве – 16 июня.

Поскольку в сообщении ТВ о Калке включен материал о битве на Липице, то интерес представляют указания Я.С. Лурье на следы смоленской летописной традиции в «Повести о битве на Липице»:

«Мы отмечали уже отражение в общем тексте СІ–НІV... до середины XII в. известий, совпадающих с Ипатьевской летописью; ...совпадения частично охватывают также известия XIII в. (большие фрагменты в рассказах СІ–НІV о битве на Калке и о нашествии Батяя...). К какому-то южнорусскому или западнорусскому источнику ведут нас, кроме совпадающих с Ипатьевской, и другие известия, относящиеся к тем же событиям, но не обнаруживаются в иных летописях»³³⁹; «Среди других источников у свода 1448 г. были и какие-то южнорусские или западнорусские; для нас в данном случае особенно интересна группа смоленских известий, отсутствующих в более ранних сводах и помещенная под 6738 (1230) г. – о смерти смоленского князя Мстислава Давыдовича (двоюродного брата Мстислава Удатного), землетрясения, затмения солнца и массовых смертях в Смоленске (текст сноски № 44: «Ср.: Я.С. Лурье. Общерусские летописи XIV–XV вв., с. 100, примеч. 99. Следы летописного памятника XIII в., связанного со смоленскими Ростиславичами, Дж. Феннел обнаружил в рассказе С1 (свода 1448 г.) о битве на Калке, где к перечислению русских потерь, взятому из Ипатьевской летописи, добавлены специальные сведения о смоленских «мужах» (J.L.G. Fennell. The Tatar Invasion of 1223: Source Problems...)»³⁴⁰.

Из стеммы «Повести о битве на Липице» Я.С. Лурье³⁴¹ следует: смоленский источник попал в свод 1448 г. и проявился в СІЛ, а затем (через посредников) – в НІVЛ, самостоятельно он через свод 1448 г. проявился в ТВ, а его ростовский источник повлиял на тот же свод 1448 г. При изучении известий о битвах на Липице и Калке эта схема дает сбой.

В качестве альтернативы можно предложить иную схему. Отразив-

³³⁸ Там же. Стб. 335.

³³⁹ Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв... С. 99–100.

³⁴⁰ Лурье Я.С. Повесть о битве на Липице... С. 114.

³⁴¹ Там же. С. 112.

шийся в ТВ самый пространственный текст о Калке стал основой обработки в других летописях XV–XVI вв. С одной стороны, движение было в сторону текста ЕРМ, где не говорится о звезде. Текст о Калке, запечатленный в ЕРМ, повлиял на работу сводчиков СИЛ, составивших новый текст путем совмещения материалов НПЛ, ИЛ и фрагментов ростовского и смоленского летописания (следы последнего уже видны в ТВ, усилены в ЕРМ).

Иной импульс был направлен в сторону РОГ и АВР: там сокращался материал, имеющийся в ТВ, с целью усиления просмоленских симпатий (ради этого пожертвовали смоленскими сообщениями о 10 годах княжения Мстислава Романовича и вокняжения Владимира Рюриковича). Также в РОГ и АВР есть информация о сезоне, когда появилась «звезда» – осень (нет в ТВ), что подтверждает аргументацию Н.Г. Бережкова о комете Галлея, наблюдавшейся осенью 1222 г. и запечатленной в летописях как «звезда».

Сообщение летописи о звезде, помещенное после рассказа о битве на Калке, следует сразу за известием о жаре, загорающихся болотах и борах³⁴². Как указано выше, «звезда» – комета Галлея – должна была явиться осенью 1222 г. Вероятно, в том же 1222 г. выдалось засушливое лето. Однако в ЛЛ и Троицкой летописи повествования об этих природных явлениях следуют после рассказа о Калке. Это свидетельствует о разных источниках известий о Калке и стихийных бедствий в ЛЛ и Троицкой. В Московском летописном своде и Воскресенской летописи такая же последовательность сведений: битва на Калке – засушливое, с пожарами и дымами, лето – звезда. Все это можно объяснить тем, что одним из источников рассказа о битве на Калке в ЛЛ стало обработанное южнорусское повествование, а известия о знойном лете и звезде восходят к летописанию Северо-Восточной Руси (косвенный аргумент от ландшафта: горят болота и боры). Рассказы о Калке и природных явлениях лишь соседствуют друг с другом без всякой внутренней символической связи, что бросается в глаза, поскольку в понимании летописцев XI–XIII вв.:

«...за грехи всех людей «земли», Бог и посылает свой гнев – пожары, «моры», «глады», нашествия иноплеменников»³⁴³.

³⁴² ЛЛ. Стб. 447; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 307–308.

³⁴³ *Лаушкин А.В.* Провиденциализм как система мышления древнерусских летописцев (X–XIII вв.): Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.02/ МГУ им. М.В. Ломоносова – М., 1997. С. 11–12.

Возможно, отсутствие предвосхищающей Калку символической нагрузки объяснимо тем, что известие о жарком лете соединено со сведением о звезде. Очевидно, уже на момент фиксирования звезды в летописях она воспринималась как знамение. А тогда:

«Сам факт знамения был для летописца указанием на некие грядущие события, смысл которого был всюду не вполне ясен. Летописцы явно не стремились непременно связать каждое знамение с излагаемыми событиями, и уж тем более были далеки от того, чтобы пытаться с их помощью предугадывать грядущие события, что означало бы вторжение в сферу «неисповедимых путей» Бога. Во всяком случае, связи между знамениями и событиями истории приведены в летописи *post factum*, причем составители летописей не скрывают этого. Однако сама по себе идея того, что знамения каким-то образом прозвещают будущее, отчетливо присутствует в их сознании. Причем знамение, по их представлениям, – это не фатальный знак неизбежного, а одно из средств, использующихся Богом для спасения людей»³⁴⁴.

Если так, то для фиксатора в Северо-Восточной Руси необычной звезды и пожаров не было связи между ними и Калкой (если он вообще что-либо знал о ней). Не было связи, когда все эти сведения механически объединялись. Время этого объединения – возможно, 1280-е гг., когда на основе новгородского источника с ростовскими добавлениями от 1281 г. (о роли Василька Константиновича) окончательно сформировалась «Повесть о битве на Калке» в ЛЛ³⁴⁵. Это добавление ростовского происхождения – лишь звено в цепи летописной традиции Ростова, связанное с летописаниями при епископе и князе³⁴⁶. Первую попыт-

³⁴⁴ Там же. С. 12.

³⁴⁵ Кучкин В.А. Летописные рассказы о битве на р. Калке // Письменные памятники истории Древней Руси... С. 76

³⁴⁶ Вопрос об этапах ростовского летописания XIII в. по-разному разбирался исследователями. Д.С. Лихачев опроверг идею М.Д. Приселкова о существовании летописных ростовских сводов 1239 и 1263 гг., предположив, что летописание в Ростове велось в период 1240–1260-х гг. под контролем княгини Марьи, вдовы Василька Константиновича. Ю.А. Лимонов фактически соединил идеи М.Д. Приселкова и Д.С. Лихачева, предоставив более дробную периодизацию ростовского летописания до создания свода 1278 г. Так или иначе, наличие ростовского блока материалов в конвое рассказа о Калке бесспорно: *Приселков М.Д.* История русского летопи-

ку символического истолкования связи между звездой, жарким летом и Калкой можно усмотреть в тексте ТВ.

В ТВ сведения о звезде и пожарах под 6732 г. уже предшествуют рассказу о Калке под отдельно указанным 6732 г. При этом привычное по ЛЛ, Троицкой, Воскресенской летописям и Московскому летописному своду следование событий (жаркое лето – звезда) изменено (звезда – жаркое лето). Именно звезда начинает истолковываться как знамение бедствия: её появление – битва на Калке. Перестановка известий в ТВ, в принципе правильная, объяснима с точки зрения приверженности его составителей перепроверке его дат. Перепроверка могла включать приведение дат в порядок по стилям. Поэтому по сентябрьскому стилю осенняя звезда предшествовала битве на Калке в мае.

Подобная тенденция проявляется и даже усиливается в РОГ и АВР (особенно здесь; в РОГ звезда датирована 6730 г., а Калка – 6734 г.). В них появилось сообщение о звезде, созерцавшейся осенью. Указание на сезон может быть не только эхом недошедшего источника, а усилением последствий «хронологической экспертизы» летописцев. Причем в РОГ и АВР звезда пребывала на небосклоне 12 дней, а в сообщении о Калке даны числа, близкие тем, что есть в НІVЛ, НК2, НЛД. Видимо, в последних памятниках числовые данные о звезде стали подстраиваться под числа отдельной «Повести о битве на Калке».

Фрагменты просмоленской летописной традиции проявились в ЕРМ–СІЛ и в РОГ, АВР–НІVЛ, НК2, НЛД. Несовпадение фрагментов в летописях указывает, что усиление просмоленских симпатий решалось вместе с задачей по смягчению проростовских тенденций (осталось лишь сообщение о гибели Александра Поповича на Калке в ЕРМ–СІЛ и в РОГ, АВР–НІVЛ, НК2, НЛД). Одновременно уменьшалась доля источника, восходящего к версии ЛЛ и Троицкой летописи о битве на Калке. Его меньше в ЕРМ по сравнению с ТВ. Составители СІЛ, используя текст о Калке, запечатленный в ЕРМ, отказались от работы с версией ЛЛ. Они избрали иной путь – монтаж сведений НПЛ и ИЛ с добавлением смоленских фрагментов.

В НІVЛ, НК2, НЛД лишь сведение о звезде сигнализирует об опосредованном влиянии летописания Владимирской Руси. Появление уже в РОГ и АВР, а затем и в НІVЛ, НК2, НЛД Мстислава Черниговского

сания... С. 147–151; *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л., 1947. С. 283–285; *Лимонов Ю.А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 147–155.

вместо Мстислава Галицкого – не просто ошибка. Это сознательная попытка сделать виноватым в поражении черниговского князя и оправдать смоленских князей. Это еще более укрепляет тезис о том, что составители текста о Калке в НІВЛ, НК2, НЛД избегали прямого воздействия НПЛ, где действия Мстислава Удатного поданы объективно, без осуждения, но и без оправдания³⁴⁷. Тогда как в СІЛ идейная подоплека НПЛ весьма ощутима. Форма «Мстислав Черниговский» есть в тексте ИЛ о Калке (он там – второстепенный персонаж)³⁴⁸. В НІВЛ, НК2, НЛД смоленская «струя», кроме прочего, проявилась в упоминаниях 10-го года княжения Мстислава Романовича и его выделении среди прочих погибших князей, вокняжения Владимира Рюриковича (нет в РОГ и АВР). Допущению о том, что эти фрагменты попали из СІЛ, противоречит разное и неповторяющееся сочетание смоленских сведений. Это более свидетельствует о смоленском источнике, самостоятельно привлекаемом составителями текстов в СІЛ и в НІВЛ, НК2, НЛД. Но основой текстов о Калке в НІВЛ, НК2 и НЛД стали сведения, имеющиеся в РОГ и АВР: их переработанные сообщения о звезде встраивались в текст о Калке путем согласования её сроков с числом потерь на битве, сроками перемещений и через отказ от неудобных деталей – появление «звезды» осенью в определенные сроки. Текст РОГ и АВР о Калке в первичен по отношению к тексту НІВЛ, НК2 и НЛД. В РОГ и АВР сведение о звезде близко к ТВ: её сроки не согласованы с числом потерь на Калке (в ТВ не указана осень, когда явилась звезда); сообщение о звезде не связано с текстом о Калке. А в НІВЛ, НК2 и НЛД сообщение о звезде литературно переработано и согласовано с числовыми значениями, куда вписалась дата битвы на Калке – 16 июня. Трудно предполагать, что сведчики РОГ и АВР «расслаивали» текст НІВЛ, НК2 и НЛД и заменяли известие о звезде, найдя ему эквивалент в источнике или производном памятнике ЛЛ или Троицкой летописи.

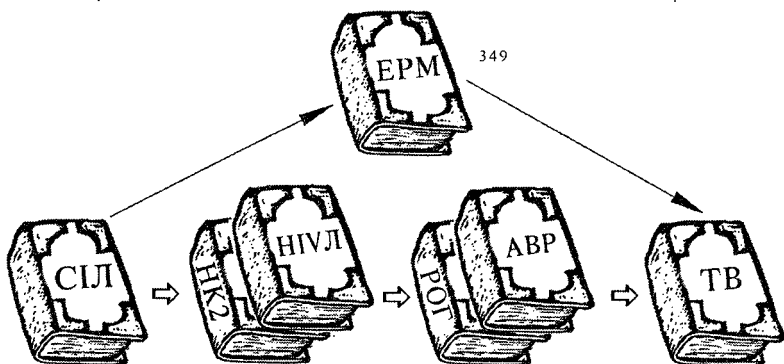
Поэтому вероятным выглядит объяснение появления иной, нежели в ЛЛ и НПЛ, даты битвы на Калке. Это – результат редактирования текста, отраженного в ТВ. Источник уникального сведения ТВ о вокняжении в Киеве Владимира Рюриковича надо возводить к ростовскому памятнику, где проявились смоленские известия.

³⁴⁷ Толочко П. П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003. С. 165.

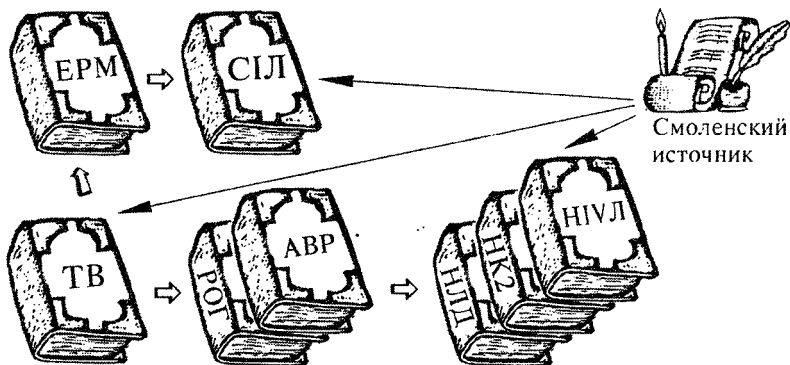
Автор указывает, что, в отличие от ИЛ, в НПЛ более точно отражен текст о Калке летописной киевской традиции.

³⁴⁸ ИЛ. Стб. 742.

В итоге схему движения в летописях XV–XVI вв. текста о Калке в противовес схеме Я.С. Лурье,

игнорирующей появление иной даты битвы, можно представить так:

³⁴⁹ Вторичность ТВ по отношению к Ерм Я.С. Лурье оговаривал, но указал и на некоторые «сбои» такого объяснения, что является аргументом для нашей схемы: «Своеобразные известия начальной части Ерм. читаются и в первой части Тверского сборника, доведенной до 6763 г... Такие совпадения могли бы объясняться влиянием Ермолинской и Львовской летописей на Тверской сборник; однако в дальнейшей части Тверского сборника, за XIII в., мы находим известия, отсутствующие в Ерм., но сохранившиеся зато в Сокращенных сводах и Уст. ... Не отразился ли в Тверском сборнике наряду с Ерм.–Льв. и общий протограф Ерм. и Сокращенных сводов?» (*Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 198*).

Появление в летописании XV–XVI вв. даты битвы на Калке – 16 июня 1223 г. – связано с сокращением двух датированных известий о самой битве и киевском вокняжении Владимира Рюрикавича, отразившихся в ТВ.

Я.С. Лурье обозначил проблему даты битвы на Калке и решал её через «свод 1448 г.». Но раньше, объясняя происхождение даты 16 июня, Н.Г. Бережков предположил наличие неизвестного источника ТВ, содержавшего дату вокняжения Владимира Рюрикавича³⁵⁰. Так выявляется самостоятельный текст о Калке в НІВЛ, НК2, НЛД. В отличие от текстов о Калке в СІЛ, ЕРМ, ТВ и др., составленных путем компиляции сведений «основных» летописей с добавлениями фрагментов просмоленского и проростовского летописаний, версия НІВЛ, НК2, НЛД представляет собой литературный текст, части которого взаимосвязаны между собой числовыми значениями потерь и дат, среди которых оказалась и дата 16 июня.

В силу той же логики можно предположить подобную «обработку» сведения о бродниках, чтобы они попали в битву на Липице. Тем более, что есть текст ТВ, где повествование о Калке имеет вставку о Липице. Этот текст отразил первую стадию работы над расширением материалов ІПЛ, ІЛ и ЛЛІ о битве на Липице и битве на Калке. Одновременно в «реальном» тексте ТВ о Липице отразились результаты этой первой стадии. Что неудивительно, если вспомнить, как в ТВ совместились рассказ о смерти Всеволода Чермного, а затем о его участии в битве. В ЕРМ могли отразиться те же результаты первой стадии совмещения в ТВ о Калке с его фрагментом битвы на Липице. На этой стадии легендарные сведения об Александре Поповиче, восходящие к ростовскому фольклору³⁵¹, сократились до упоминания о его гибели на Калке. В даль-

³⁵⁰ Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 318.

³⁵¹ Лихачев Д.С. Летописные повести об Александре Поповиче // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 318, 337–338, 347–348, 351–352; Лурье Я.С. Повесть о битве на Липице... С. 109. Интересны в этом случае наблюдения С.Н. Азбелева над текстом былины «Камское побоище». По его мнению, в основе повествования в названии искажено слово «Калкское». Аргументом для этого становится упоминание Алешы Поповича в числе главных персонажей, что указывает на связь с фольклорной традицией. На этот текст наслоились мотивы текстов о Липице и Куликовском поле – см.: Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. С. 142–149.

нейшем текст о Липице, имеющийся в ЕРМ, расширился в СИЛ–НИВЛ включением бродников, городчан, муромцев, Владимира и Святослава Всеволодовичей. Расширение повлияло на текст битвы о Калке в СИЛ–НИВЛ: в СИЛ пошли по пути составителей ТВ – сопряжение материала «основных» летописей со смоленскими и ростовскими сведениями, а в НИВЛ – составление особой «Повести» о битве на Калке через обращение к тексту, сохранившемуся в ЕРМ и РОГ. Поэтому бродники в битве на Липице – это звено в цепи книжных мероприятий по «увеличению войска» Георгия и Ярослава Всеволодовичей и результат «реванша» за Калку. Есть еще довод, не позволяющий принять сведения «Повести о битве на Липице» о войске Георгия и Ярослава как достоверные: быстро развивались события, и князья не успевали собрать бродников, муромцев...

Выводы проведенного исследования таковы. При выяснении состава войска Георгия и Ярослава Всеволодовичей, вышедшего на Липицу, надо доверять, прежде всего, НПЛ (на чем и настаивал Я.С. Лурье³⁵²). В «Повести...» состав войска преувеличен³⁵³ с целью показать мощь войска Всеволодовичей, объяснить их большие потери, число которых отсутствует в НПЛ и есть в СИЛ–НИВЛ. Можно утверждать лишь то, что в битве на Липице приняли участие дружины Георгия и Ярослава и, возможно, ополчения подчиненных им городов. Святослав Всеволодович, вероятнее всего, занял выжидательную позицию.

³⁵² Лурье Я.С. Повесть о битве на Липице... С. 113.

³⁵³ В историографии встречаются попытки еще более, по сравнению с летописями, увеличить войско Георгия и Ярослава – см.: «... в войско были набраны и холопы, несвободные члены общества. На это указывает лирическое отступление при рассказе о Липицкой битве. «Страшно же чудно и дивно, братье, поидоша бо сынове на отци, а отци на дети, брат на брата, раби на господу» (ссылка на Московский летописный свод). Последнее выражение «раби на господу» и указывает на несвободный контингент граждан в войсках» (Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 108).

§ 7. О потерях в битве на Липице в НПЛ
и в «Повести о битве на Липице»

В летописных текстах разнятся и сведения о потерях. Колоссально-го размера они достигают в «Повести...». Уместно посмотреть на соотношение числа потерь в каждом источнике в битвах на Липице и на Калке:

НПЛ: 1216 г. – бесчисленное число избивенных и повязанных воинов Георгия и Ярослава (также «паде вещьцисла»); перечислено поименно 5 (в младшем изводе – 4) новгородцев³⁵⁴;

1223 г. – погиб каждый десятый из русского войска³⁵⁵.

ЛЛ: число жертв Липицы не указано; на Калке – множество погибших и воинов, киевлян полегло 10 тысяч³⁵⁶.

ИЛ: о битве на Липице не сообщается; на Калке на числе погибших внимание не концентрируется.

ЕРМ: 1216 г. – число жертв не оговорено³⁵⁷; 1223 г. – вернулся из битвы каждый десятый воин, киевлян погибло 30 тысяч³⁵⁸.

ТВ: 1216 г. – из полка Георгия погибло 9000 и 200 и 30 и 3 человека, из полка Мстислава – 4 человека новгородцев и 1 смолянин; число погибших новгородцев повторяет сведение НПЛ младшего извода³⁵⁹; 1223 г. – пришел каждый десятый воин; киевлян погибло – 30 тысяч³⁶⁰.

СИЛ, МАК: 1216 г. – новгородцев пало лишь 5 человек и один смолянин, количество избивенных воинов Георгия и Ярослава не может постичь ум человеческий, в плен было поймано 60 человек³⁶¹, всего избито 9000 и 200 и 30 и 3³⁶²; 1223 г. – много убийств бесчисленных створилось, из битвы вернулся каждый десятый воин³⁶³.

НИВЛ, НК2, НЛД: 1216 г. – погибли 4 новгородца (поименный список) и 1 смолянин, погибших воинов Георгия и Ярослава не может

³⁵⁴ НИЛ. С. 56–57, 257.

³⁵⁵ НПЛ. С. 63, 267.

³⁵⁶ ЛЛ. Стб. 446–447.

³⁵⁷ ЕРМ. С. 66.

³⁵⁸ ЕРМ. С. 71.

³⁵⁹ ТВ. Стб. 323.

³⁶⁰ ТВ. Стб. 343, 344.

³⁶¹ СИЛ. Стб. 270.

³⁶² Там же. Стб. 271, МАК. Стб. 498–499.

³⁶³ Там же. Стб. 282, МАК. Стб. Стб. 509.

³⁶⁴ НИВЛ. С. 193, НК2. С. 110, НЛД. С. 82.

соотнести человеческий ум, захваченных в плен – 60, число избитых – 9000 и 200 и 30 и 3 (НК2 – 9233 мужа)³⁶⁴; 1223 г. – людей погибло множество, без числа³⁶⁵.

РОГ и АВР: 1216 г. – без числа (бесчислено много) погибло людей Ярослав³⁶⁶; 1223 г. – без числа погибло людей³⁶⁷.

Московский летописный свод конца XV в., Воскресенская летопись: 1216 г. из суздальских полков избито 9000 и 200 и 30 и 3 человека (Воскресенская летопись – 900 и 233), убито 5 новгородцев и 1 смолянин, пленено 60 суздальцев³⁶⁸; 1223 г. – вернулся каждый десятый воин, погибло множество людей, одних киевлян – 10 тысяч³⁶⁹.

Никоновская летопись увеличивает число погибших на Липице в Академическом XIV, Оболенского, Академическом XV, Архивном II, Публичном (Строгановском), Троицком III списках – «пятьсот и пятьдесят» новгородцев, смолян, ростовцев и псковичей, «семьнадесят тысяч и двести» воинов Георгия и братии (в Лаптевском (Публичном VI) списке – привычное число 9000 и 200 и 33 суздальца, 5 новгородцев и 1 смолянин; 60 плененных суздальцев)³⁷⁰. С Калки вернулся каждый десятый воин, полегло 60 000 киевлян, а остальных бесчисленно³⁷¹.

Итоги такой геометрической прогрессии подвел В.Н. Татищев, значительно приумноживший данные Никоновской летописи:

1216 г. – «...побито Юриевых и его братии 17 250, ростовцов же, смолян и новгородцев 2550»; «...избито Юриева полку 17 250, ростовец же, новгородцев и смолян 2550»³⁷²;

1223 г. – 70 000 погибших, вернулась в Киев 1/10 часть войска³⁷³; согласно I редакции – 70 000 погибших, из них – 60 000 тысяч киевлян, спаслась 1/10 часть³⁷⁴.

³⁶⁵ ННУЛ. С. 203, НК2. С. 111, НЛД. С. 85.

³⁶⁶ РОГ. Стб. 26, АВР. Стб. 48.

³⁶⁷ РОГ. Стб. 28; АВР. Стб. 50.

³⁶⁸ Московский летописный свод. С. 113, Воскресенская летопись. С. 123.

³⁶⁹ Московский летописный свод. С. 121, Воскресенская летопись. С. 132.

³⁷⁰ Никоновская летопись. С. 75.

³⁷¹ Там же. С. 92.

³⁷² *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 198; Т. IV. С. 350. При сложении двух чисел получается 20 000. Поэтому надо поправить В.П. Макарихина, считавшего, что это общее число указано в Никоновской летописи: *Макарихин В.П.* Новгород земли Низовской... С. 24.

³⁷³ Там же. Т. III. С. 218.

³⁷⁴ Там же. Т. IV. С. 364.

В историографии отмечено, что В.Н. Татищев судил о прошлом, доверяя поздним источникам, искажая их данные, на основе реалий своего бурного XVIII столетия³⁷⁵. К идеологическим, делопроизводственным реалиям этого времени можно добавить и военные. Человека XVIII в. не смущали войска численностью до нескольких десятков тысяч, что для Руси было явлением экстраординарным (например, Куликовское поле). В какой-то мере историк Татищев, как «пророк, обращенный в прошлое», предсказал громкие победы второй половины XVIII в. Румянцева и А.В. Суворова с соотношением потерь, близких к урону обеих сторон на Липице.

Говоря о поступательном росте потерь на Липице и на Калке в источниках XV, XVI вв. и, наконец, в сочинении XVIII в., уместно вспомнить оценку М.М. Бахтиным чисел в романе Рабле:

«Здесь и гротескное преувеличение, да еще с резким скачком (от шестисот сразу до тысячи трехсот)... и совершенная ненужность и чрезмерность точности, и невозможность прямого подсчета и, наконец, развенчивающее точность слово «более». Но характернее всего самая структура числа. Если бы мы прибавили единицу – тысяча триста двенадцать, – то число сразу успокоилось бы, закруглилось, завершилось, комический эффект резко бы снизился... Такова структура всех больших чисел у Рабле: все они подчеркнуто отклоняются от уравновешенных и спокойных, солидных чисел... Измените несколько его структуру... и вы убьете его гротескную душу. Во всем этом легко убедиться путем анализа любого большого числа у Рабле. Он строго выдерживает свой структурный принцип. Все его числа спокойны и незавершенны... На таком числе нельзя построить гармонической и завершенной вселенной. У Рабле господствует иная, чем в античности и высоком средневековье, эстетика числа»³⁷⁶.

Конечно, летописные известия о Липице, «Повесть о битве на Липице» и её развитие в поздних памятниках, «Повесть о битве на Калке» надо отнести к «высокому средневековью». Их цель: не высмеять, но обличить княжеские преступления, возвысить трагизм жертв. И, видимо, поэтому крайности сошлись: западноевропейское произведение,

³⁷⁵ См., например, с указанием историографии: Толочко А.П. «История Российской» Василия Татищева. С. 292–294, 303 387–396, 407–409 и др.

³⁷⁶ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 513–514.

выросшее на почве тысячелетней народной смеховой культуры, и исторические памятники русского средневековья с явным публицистическо-обличительным уклоном. Необходимо осознавать разницу: роман Рабле воплотил в себе эстетику числа сразу, а сообщения о Липице и Калке развивались от кратких до пространных. И все-таки в «Повесть о битве на Липице» для того, чтобы страстно осудить княжеское преступление, внесены элементы осмеяния и гротеска (попойка Георгия и Ярослава накануне битвы, их зазнайство и «соображения на двоих» относительно судеб Руси, желание удрать с поля боя при первых признаках опасности, обстоятельства бегства и указание числа загубленных коней). А если говорить о влиянии ростовского летописания на «Повесть...», то эти черты политической сатиры должны были там быть. А выросли они, как и сообщения о былинных подвигах Александра Поповича, из народно-фольклорной среды. Она же подпитывала осмеяние Георгия и Ярослава в смоленских и новгородских материалах. Видимо, в осмеянии сыграла свою роль и эстетика числа.

В НПЛ, ЛЛ, ЕРМ число жертв побежденной стороны не указано — их много, а новгородцев — 5. В ТВ и в «Повести» и зависимых от нее сообщениях летописей XV—XVI вв. появляется число 9233 и 60 пленных. В числе 9233 можно увидеть незавершенность, неправильность числа. Возможно, оно округлилось бы, если вместо 200 было бы 300: 9333. А в 9233 воплотились «и совершенная ненужность и чрезмерность точности, и невозможность прямого подсчета». В то же время это точное число, начиная с «Повести о битве на Липице», сопровождается указаниями, что количество погибших бесчисленно, что его не может постичь человеческий ум. Как не вспомнить бахтинское: «и, наконец, развенчивающее точность слово “более”». Число павших на Липице «беспокойно и незавершимо», но это беспокойство трагическое и обличающее, а не комическое, как у Рабле. Это беспокойная незавершенность, как и соотношение потерь — 9233 суздальцев и 4 (5; 6) новгородцев и смолянина — терзала летописцев, и вот в Никоновской летописи появились числа: 17 200 и 550 (какой «резкий скачок», по терминологии М.М. Бахтина!), дающее в сумме «нервное» 17 750. Эту беспокойную неровность устранил «последний летописец» Татищев: 17 250 и 2550 — в сумме: 20 000.

Для объяснения появления «точных», «незавершенных» чисел потерь в битве на Липице можно привлечь и более широко истолковать наблюдение А.В. Лаушкина относительно точности дат в летописях XI—XIII вв.:

«Точные даты как бы подчеркивают важность описываемого»³⁷⁷.

Точно так же наблюдение за числами потерь позволяет сказать, что пристальное внимание летописцев к ним обусловлено желанием показать важность события «битва на Липице». Ощущение важности битвы на Липице и повышение оценки этого события усиливались от века к веку, от летописного памятника к летописному памятнику, и начало этому процессу положили новгородские книжники XV в., решая свои политические проблемы.

Подобные «эксперименты» с числами можно наблюдать в рассказе о спасении Мстиславом Удатным и Владимиром Псковским Ржевки, где от Святослава Всеволодовича оборонялся Ярун:

НПЛ: Святослав осадил Ржевку с полком в 10 000, Мстислав и Владимир Псковский с 5-ю сотнями воинов отогнали его от города, где с сотней воинов оборонялся Ярун³⁷⁸.

Так же сообщается в СИЛ, НІVЛ, НК2, НЛД, МАК³⁷⁹.

ТВ: Святослав с 10000 осадил Ржевку, где с сотней воинов оборонялся Ярун, Мстислав и Владимир Псковский пошли против него с 5-ю сотнями воинов³⁸⁰.

В Московском летописном своде и Воскресенской летописи эти сведения продолжают сообщения о том, что дружины Святослава и Константина начали воевать в Торопецкой земле. В этих сведениях не снижается Святослав Всеволодович и не возвеличиваются смоленские князья – числа отсутствуют³⁸¹. Близкие и, очевидно, исходные строки этого известия можно найти в ЕРМ³⁸². Никоновская летопись умалчивает об этом эпизоде. Как показано выше, В.Н. Татищев вообще неверно понял данный эпизод. Можно предполагать, что именно эпизод со снятием осады со Ржевы в НПЛ и стал источником числовых значений для создателей «Повести» относительно потерь на Липицком поле. Цель

³⁷⁷ Лаушкин А. В. Провиденциализм как система мышления древнерусских летописцев... С. 9.

³⁷⁸ НПЛ. С. 55, 255.

³⁷⁹ НІVЛ. С. 186; СИЛ. Стб. 263; НК2. С. 107; НЛД. С. 80; МАК. Стб. 492.

³⁸⁰ ТВ. Стб. 317, 318.

³⁸¹ Цит. по: Воскресенская летопись. С. 120. Так же в: Московский летописный свод. С. 111.

³⁸² ЕРМ. С. 64–65.

преувеличения чисел в НПЛ остается неясной: или это описка, или сознательное искажение.

Итак, большинство чисел в «Повести» – дань литературному творчеству, развивающемуся на протяжении столетий. Критика их потребительского использования напоминает дискуссию историков относительно масштабов Ледового побоища и реального соотношения потерь на льду Чудского озера. А ведь существует тезис Ф. Броделя о маленьких армиях средневековья, умещавшихся на ладони³⁸³!

Критика потребительского подхода к числам, по-разному преподнесенных в источниках, необходима, поскольку именно от них, «раскрывающих» масштабы столкновения на Липице, отталкиваются авторы, рассуждающие о возможностях Георгия Всеволодовича во время нашествия Батые (см. соответствующую главу).

Поражение на Липице огромного, по СІЛ–НІVЛ, войска Георгия и Ярослава должно было подчеркнуть их неправоту перед лицом Ростиславичей и Константина. Появление таких идей в новгородском летописании XV в. могло быть обусловлено давлением на Новгород московских князей, потомков Ярослава Всеволодовича³⁸⁴. При этом Новгород искал противовес этому давлению в Литве, чья власть распространялась и на Смоленск. «Повесть о битве на Липице» писалась как политический памфлет против Ярослава. Об этом же свидетельствуют результаты отдельных текстологических наблюдений над «Повестью о битве на Липице».

³⁸³ Бродель Ф. Структуры повседневности. Возможное и невозможное. М., 1986. Т. I. С. 63.

³⁸⁴ Интересно в этом смысле известие о битве на Липице в РОГ (Стб. 25–26) и АВР (Стб. 48), где акценты смещены в сторону главенства Ярослава: он выводит войска Георгия и Святослава к Липице, он встает с братией на реке Хзе; именно он бежит с поля боя (о Георгии не сообщается).

§ 8. «Временная сетка» битвы на Липицы в летописях XIV–XVII вв.

Внимание привлекает календарь битвы на Липице и предшествующих событий в источниках:

НПЛ³⁸⁵:

11 февраля (память Мелентия Мелетийского – в младшем изводе НПЛ) 1216 г. в Новгород въехал Мстислав Удатный;

Мясопустная суббота 1216 г. (см. ниже цитату из труда Н.Г. Бережкова) – Ярослав захватил новгородцев;

1 марта 1216 г. (память святой Марии Египетской – в младшем изводе НПЛ) во вторник по чистой неделе Мстислав вышел против Ярослава;

в четверг (вероятно, 3 марта) к Ярославу из Новгорода побежали киятвопреступники;

9 апреля, в Великую субботу, 1216 г. Константин пришел на Сарское городище;

21 апреля 1216 г. (день святых Тимофея и Федора и цесарицы Александры – в младшем изводе НПЛ) состоялась битва на Липице;

зутра Георгий из Владимира выслал послов о мире к победителям.

В январском 1216 г. Пасха была 10 апреля. Следовательно, 9 апреля 1216 г., когда Константин пришел на Сарское городище, – Великая Суббота, канун Пасхи. Великий Пост в 1216 г. начался 21 февраля (понедельник). 21 апреля 1216 г. – Липицкая битва прилась на четверг. Н.Г. Бережков по тексту НПЛ старшего извода так соотнес даты:

«Суббота мясопустной недели приходилась в конце 6723 мартовского года на 13 февраля. Легко заметить, что то, о чем летопись рассказывает между этими двумя сообщениями, не укладывается в промежуток 11–13 февраля... Если предположить, что ошибочна вторая дата, то ошибка заключается в том, что «мясопустную» написано вместо должного «сыропустную» (20 февраля)»³⁸⁶.

³⁸⁵ НПЛ. С. 54–56; 253–257.

³⁸⁶ Бережков Н.Г. Хронология... С. 258.

В СЛ³⁸⁷ изложение событий январского 1216 г. таково:

1 марта (вторник) – Мстислав выдвинулся на Ярослава.

Четверток – к Ярославу побежали клятвопреступники;

Благовещенье (т.е. 25 марта; исходя из вычислений, в 1216 г. – пятница);

Победа разведки Яруна над людьми Ярослава в тверских пределах приурочена к 9 апреля, на Великъ д(е)нь – приход Константина к Сарскому городищу – назван;

на Фомину неделю 1216 г. новгородские и псковские полки стояли под Переяславлем и узнали, что Ярослава нет в городе; Фомино воскресенье (следующее после Пасхального) в 1216 г. пришлось на 17 апреля;

Победа на Липице относится к 22 апреля 1216 г. – в четверг во 2 неделю по Пасхе (расхождение с НПЛ: указана дата со смещением на 1 одно число (22 вместо 21), но приводится день недели (четверг), на который пришлось 21 апреля январского 1216 г.);

Зутра Георгий обращается к людям; перед этим сказано, что он прискакал во Владимир около полудня, а к вечеру и ночью стали подтягиваться побежденные воины – вероятно, речь идет о том же 21 апреля (22 апреля по СЛ), когда состоялась битва.

Победители весь день (вероятно, 21 апреля (22 апреля по СЛ) 1216 г.) простояли на Липице; потом пошли к Владимиру и в воскресенье (неделю) рано окружили город – вычисляется как 24 апреля 1216 г.; той же ночью загорелся княжеский двор – с 24 апреля по 25 апреля 1216 г.; во вторник в 2 часа ночи загорелся «город» и горел до света – 25 апреля 1216 г.; утром Георгий выехал из города мириться – 26 апреля 1216 г. Получается, что Георгий прискакал во Владимир в четверг 21 апреля 1216 г.; в воскресенье 24 апреля к Владимиру подошли победители; во вторник 26 апреля Георгий вышел мириться и, вероятно, тогда же отправился в Городец. В пятницу третьей недели по Пасхе победители двинулись к Переяславлю – 29 апреля 1216 г.; во вторник (2 мая 1216 г.) Ярослав бил челом Константину. В среду на Преполовление пришли князья к Переяславлю (Преполовление в 1216 г. пришлось на неделю с

³⁸⁷ СЛ. Стб. 263–274.

2 по 8 мая, среда на неделе Преполовения в 1216 г. – 4 мая). Той же ночью победители разошлись.

Идентичная СИЛ датировка событий есть в МАК³⁸⁸. В том числе и дата битвы – 22 апреля 1216 г., четверг. Литерное написание даты битвы (мѣд̑ апрѣля въ ·кв̑ · в ѿ · в · нѣ · по пасцѣк̑)³⁸⁹ в Суздальской летописи исключает ошибку при публикации МАК.

НІВЛ имеет некоторые отличия от СИЛ в датировках³⁹⁰.

Мстислав вступил в Новгород 11 февраля. 1 марта 1216 г. во вторник вышел Мстислав против Ярослава, в четверг побежали к Ярославу клятвопреступники. К дате победы Яруна над людьми Ярослава на Благовещенье (25 марта), имеющейся в СИЛ, добавлено в V неделю Великого поста.

В 1216 г. Пасха отмечалась 10 апреля, Великий Пост длился с 22 февраля по 9 апреля: Благовещенье пришлось действительно на 5 неделю Поста в пятницу. Встреча на Сарском Городище состоялась 9 апреля в Великий день. Смоленские князья подошли к Переяславлю в Фомину неделю. Дата Липицкой битвы, в отличие от СИЛ, указана точно – 21 апреля 1216 г. в четверг, во вторую неделю после Пасхи. Георгий в тот же день бежал во Владимир; вечером того же дня стали подтягиваться побежденные. Победители весь день простояли на Липице и к Владимиру приехали в воскресенье утром – 24 апреля 1216 г. Ночью загорелся княжеский двор во Владимире, во II-м часу ночи во вторник загорелся город, и Георгий выслал послов договориться о личной встрече утром. Утром переговоры состоялись, и Георгий «борзе» с семьей и владыкой отправился в Городец. Поход на Переяславль, где в злобе сидел Ярослав, начался в пятницу III недели после Великого дня. Во вторник IV недели Ярослав выехал на переговоры с Константином. В среду в Преполовение Константин подошел к Переяславлю. И в ночь того же дня победители стали расходиться.

Так же события зимы–весны 1216 г. датированы в НК2 и в НЛД³⁹¹.

В ТВ наблюдается совмещение дат³⁹², встречающихся в НПЛ, и отдельных дат, имеющихся в «Повести о битве на Липице». Даты НПЛ в ТВ дополнены за счет хронологической работы её составителей.

³⁸⁸ МАК. Стб. 492–502.

³⁸⁹ Там же. Стб. 498.

³⁹⁰ НІВЛ. С. 186–197.

³⁹¹ НК2. С. 107–111; НЛД. С. 80–83.

³⁹² ТВ. Стб. 317–325.

Мстислав въехал в Новгород 11 февраля на память святого Власия. Сообщается о действиях Ярослава в мясопустную субботу. Мстислав выступил против Ярослава 1 марта, во вторник по чистой неделе, на память святой мученицы Евдокии. В четверг к Ярославу побежали клятвopреступники. Победа Яруна над воинами Ярослава в Тверской земле упомянута без указания даты и праздника Благовещения (так же в НПЛ). Приход князей Ростиславичей на Сарское Городище состоялся 9 апреля, в великую Субботу, на память святого Евтихия. Только в ТВ упомянуты празднование Великого дня (Пасхи) 10 апреля 1216 г. и последующий приход Константина. Битва на Липице состоялась 21 апреля в четверг II-й недели по Пасхе, на память святого мученика Януария и дружины его. Сообщается о прибытии Георгия во Владимир без указания дня и времени суток, не говорится о приходе побежденных во Владимир вечером дня Липицкой битвы. Победители пришли к Владимиру в воскресенье рано утром. Ночью загорелся двор великого князя. Утром Георгий вступил в переговоры с противниками, а затем отплыл в Городец. Об урегулировании отношений победителей с Ярославом сообщается без дат, подобно НПЛ.

Скудной на даты оказывается ЕРМ³⁹³, сообщая лишь три из всего вышеуказанного набора (встреча на Сарском Городище – 9 апреля в Великий день; Липицкая битва – четверг II недели после Пасхи; приход победителей под Владимир – в воскресенье – и переговоры с ними Георгия утром). В ЕРМ не приведены даты, имеющиеся в других источниках: приход Мстислава в Новгород, его поход на Ярослава, победа Яруна, поход Ростиславичей на Переяславль, бегство Георгия во Владимир, начало переговоров Ярослава с Константином, приход победителей под Переяславль и их уход.

Из фактов, датированных в других источниках, Московский летописный свод и Воскресенская летопись сообщают следующие (если имеется датировка в летописи, то она указывается в перечне)³⁹⁴:

приход Мстислава в Новгород, поход Мстислава на Ярослава – во вторник 1 марта, бегство клятвopреступников к Ярославу в четверг, победа Яруна на Благовещенье, встреча князей на Сарском Городище и клятва Константина – 9 апреля на Великий день, поход к Переяславлю – в Фомину неделю, Липицкая битва – 21 апреля в четверг второй недели

³⁹³ ЕРМ. С. 64–66.

³⁹⁴ Московский летописный свод. С. 110–114; Воскресенская летопись. С. 120–124.

по Пасхе, бегство Георгия во Владимир и приход вечером того же дня раненых, пребывание победителей на Липицком поле весь день сражения, их приход к Владимиру утром в воскресенье, пожар в княжеском дворе ночью, ночью во вторник – новый пожар, утром – переговоры Георгия с победителями, отъезд в Городец, в пятницу III недели после Пасхи победители пошли к Переяславлю, переговоры Ярослава с Константином во вторник IV недели, приход князей к Переяславлю в среду на Преполовение, уход князей (без указания времени).

В Никоновской летописи из датированных в других источниках событий есть следующие³⁹⁵:

приход Мстислава в Новгород 11 февраля, победа Яруна в V-ю неделю поста на Благовещение Богородицы, встреча на Сарском Городище 9 апреля на Великий день, поход к Переяславлю в Фомину неделю. Далее текст распадается на два³⁹⁶:

<p>Академический XIV, Оболенский, Академический XV, Архивный II, Публичный (Строгановский), Троицкий III списки</p>	<p>Публичный VI (Лаптевский) список</p>
<p>1. Георгий бежит во Владимир в полдень, а собирался на битву перед обском; к вечеру стали приходить раненые.</p> <p>2. Битва была 22 апреля, в четверг второй недели после Пасхи.</p> <p>3. Победившие князя стояли на поле битвы до ночи.</p> <p>4. Победители пошли к Владимиру и стали у города в неделю до обеда, ночью загорелся град.</p> <p>5. В понедельник на ночь вторника загорелся град.</p>	<p>1. Битва произошла 21 апреля в четверг второй недели после Пасхи.</p> <p>2. Георгий прибежал во Владимир в полдень, а бой был в обед; к вечеру стали собираться раненые и нагие.</p> <p>3. Утром Георгий выступал перед владимирцами.</p> <p>4. Победившие князя стояли на поле битвы до ночи, утром пошли к Владимиру.</p> <p>5. Победители пошли к Владимиру и стали у города в неделю рано, ночью загорелся княжеский двор.</p>

³⁹⁵ Никоновская летопись. С. 68–77.

³⁹⁶ Никоновская летопись. С. 74.

<p>6. Утром Георгий вышел на переговоры; после урегулирования отбыл в Городец.</p> <p>7. Победители пошли к Переяславлю, к пришедшим под Переяславль Ярослав обращался в пятницу 5 недели по Великому дню; во вторник 4 недели по Пасхе Ярослав выехал к Константину.</p>	<p>6. Во вторник, во второй час ночи загорелся град и горел до рассвета.</p> <p>7. Утром Георгий вышел на переговоры, и ему дали мир.</p> <p>8. В тот же день Константин одарил князей дарами и водил владимирцев к кресту.</p> <p>9. Победители пошли к Переяславлю в пятницу 3 недели после Пасхи.</p> <p>10. Ярослав вышел на переговоры с Константином во вторник 4 недели.</p> <p>11. В среду на Преполовение князя пришли к Переяславлю.</p>
---	--

Интерес представляет последовательность хронологических данных в обеих редакциях труда В.Н. Татищева³⁹⁷.

I редакция II части «Истории Российской» В.Н. Татищева	II редакция II части «Истории Российской» В.Н. Татищева
<p>1. 11 февраля Мстислав идет в Новгород из Смоленска; требование Ярославу уйти из Торжка. Нет сведений о событиях на мясопустную неделю.</p> <p>2. 1 марта во вторник Мстислав и Владимир вышли против Ярослава; в четверг к Ярославу побежали клятвопреступники.</p> <p>3. Победа Яруна над воинами Ярослава – V-я неделя поста 25 марта (без указания Благовещения).</p> <p>4. Встреча на городище на Суре 9 апреля; наутро Великого дня – приход Константина.</p>	<p>1. 11 февраля Мстислав идет в Новгород из Смоленска; требование Ярославу уйти из Торжка. Нет сведений о событиях на мясопустную неделю.</p> <p>2. 1 марта во вторник Мстислав и Владимир вышли против Ярослава; в четверг к Ярославу побежали клятвопреступники.</p> <p>3. Победа Яруна над воинами Ярослава – V-я неделя поста 25 марта (без указания Благовещения).</p> <p>4. Встреча на городище на Суре 9 апреля; наутро в день Пасхи – приход Константина.</p>

³⁹⁷ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 192–199; Т. IV. С. 346–351.

5. Поход к Переяславлю 17 числа (без Фоминой недели).

6. Битва началась утром 21 апреля и закончилась в полдень того же дня, в четверг второй седмицы по Пасхе; Георгий прибежал во Владимир того же дня.

7. Утром 22 апреля победители пошли к Владимиру и пришли 24 апреля рано.

8. Ночью пожар в граде; утром Константин послал к Георгию требование покинуть город. Георгий запросил 3 дня на размышление.

9. 25 апреля ночью – новый пожар в граде; утром Георгий послал людей из Владимира для переговоров; утром из Владимира вышли Георгий, Иван и Святослав Всеволодовичи. Георгий покинул Владимир и отбыл в Городец.

10. Победители пошли к Переяславлю 28 апреля в пятницу (28 апреля 1216 г. – четверг).

11. 3 мая во вторник IV-й седмицы по Пасхе Ярослав приехал к Константину.

5. Поход к Переяславлю 17 числа (без Фоминой недели).

6. 19 апреля возвращение послов с ответом от Георгия (в первой редакции это сведение есть без указания даты).

7. 20 апреля – студёный и дождливый день (в первой редакции это сведение есть без указания даты).

8. Битва началась утром 21 апреля и закончилась в полдень того же дня, в четверг второй седмицы по Пасхе; Георгий прибежал во Владимир того же дня.

9. Утром 22 апреля победители пошли к Владимиру и пришли 24 апреля рано.

10. Ночью пожар в граде; утром Константин послал к Георгию требование покинуть город. Георгий запросил 3 дня на размышление.

11. 25 апреля ночью – новый пожар в граде; утром Георгий послал людей из Владимира для переговоров; утром из Владимира вышли Георгий, Иван и Святослав Всеволодовичи. Георгий покинул Владимир и отбыл в Городец.

12. Победители пошли к Переяславлю 28 апреля.

13. 1 мая Константин подошел к Переяславлю.

14. 3 мая во вторник IV-й седмицы по Пасхе Ярослав приехал к Константину.

Другая хронологическая традиция, точнее её отсутствие, представлена в ЛЛ и в летописях, близких к ней. В ЛЛ без дат сообщается о битве Георгия и Ярослава с Константином, о разделении ими власти³⁹⁸.

«Из летописей XV в. влияние Московского свода отражает обычно Типографская летопись, протограф которой был составлен в 80-х гг. в кругах, близких к ростовской епископии. Однако под 6725 г. здесь помещена не повесть о Липице, а краткое известие: «Бися Костянтин с братом Юрьем и Ярославом у Юрьева на поле, и одоле Костянтин и седе в Владимире, а Юрью да Суздаль», основанное, очевидно, на тексте типа Лаврентьевской, по которому оригинал Типографской был пополнен и в других местах»³⁹⁹.

Еще одна версия есть в РОГ под 6723 г.: рождение у Константина сына Всеволода – голод в Новгороде и высокие цены на продовольствие – Ярослав засел в Торжке и заковал 2000 купцов – описание голода в Новгороде (псы ели трупы на улицах) – Мстислав Мстиславич въехал в Новгород и целовал крест «за едино» и пошел с новгородцами на Ярослава – Ярослав вывел свою волость из Переяславля и Владимира с полками Георгия и Святослава – новоторжцы и лучшие люди новгородские держали перевет – Ярослав с братьями встали у Юрьева на реке Хзе – обращение Мстислава, Константина, двух Владимиров с Новгородцами к Георгию, чтобы он ушел, поскольку вражды против него нет – отрицательный ответ Георгия с фразой о рыбах на суше – пешие новгородцы без сапог идут брат на брата, отцы на сыновей, рабы на господе – пѣбоище 21 апреля – победа Мстислава над Ярославом – большие потери Ярослава⁴⁰⁰. Практически дословно повторяется это сведение в АВР⁴⁰¹. Только открывается статья 6723 г. не сообщением о рождении у Константина сына Дмитрия (в АВР нет), а известием о закладке Константином церкви в Ярославле (в РОГ более подробно – церковь Святого Спаса Преображения – завершает 6723 г.⁴⁰²).

Изучение хронологической канвы в различных источниках для реконструкции битвы на Липице позволяет развести летописи по группам:

1) НПЛ и ТВ. Ярко их сходство проявляется при сравнении текстов

³⁹⁸ ЛЛ. Стб. 439–440.

³⁹⁹ Лурье Я. С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании... С. 106

⁴⁰⁰ РОГ. Стб. 25–26.

⁴⁰¹ АВР. Стб. 48.

⁴⁰² РОГ. Стб. 26.

ТВ и НПЛ младшего извода: в ТВ меняются имена святых, чья память отмечается в тот или иной день; к встрече в великую субботу добавлено празднование Пасхи 10 апреля; дата битвы на Липице расширена указанием, что это произошло в четверг второй недели после Пасхи; добавлено только, что победители подошли к Владимиру в неделю. В этой группе летописей в сведениях корректно употребляется термин «неделя» – это воскресенье. Встреча на Саре происходит в Великую субботу, то есть накануне Пасхи. В ТВ, видимо, от составителей было добавлено сведение о праздновании всеми встретившимися князьями Пасхи на следующий день после встречи. Это добавление, подобно изменению, по сравнению с НПЛ младшего извода, имен святых надо признать следствием обратного исчисления⁴⁰³. (См. табл. на стр. 287–288.)

Относительно 11 февраля составители ТВ оказались более точными, нежели их коллеги по НПЛ: память священномученика Власия, епископа Севастийского, отмечалась в этот день, а вот память Мелетия, архиепископа Антиохийского (а не Мелетинского, как в НПЛ), отмечалась 12 февраля⁴⁰⁴. В датировке 1 марта точность ТВ выше, чем НПЛ, – это день памяти первомученицы Евдокии; память Марьи Египетской не отмечалась и в соседние дни⁴⁰⁵. На 9 апреля выпадает память мученика Евпсихия⁴⁰⁶ (откуда написание Евтихий в ТВ – ошибка в рукописи или грех публикаторов?). 21 апреля в НПЛ объединило имена 3 святых, память которых отмечалась в разные дни: о мученице царице Александре и мученике Феодоре, иже в Пергии, вспоминали 21 апреля⁴⁰⁷, а о преподобном Тимофее в Символех – 22 апреля, но основной праздник был 21 февраля⁴⁰⁸. Указанная в ТВ память священномученика Ианнуа-

⁴⁰³ На эту особенность Тверской летописи указали А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский: *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях XI – начала XIII в. // *Религии мира: история и современность*, 2002. М., 2002. С. 92–93. По их мнению, составители ТВ высчитывали даты рождения исторических деятелей по месяцеслову, отталкиваясь от их имен. Их гипотеза, призванная объяснить появление уникальных дат рождения в ТВ, может подтвердиться и этим примером, в основании которого лежит отличный от антропонимического принцип «обратного исчисления».

⁴⁰⁴ *Лосева О.В.* Указ. соч. С. 267–268.

⁴⁰⁵ Там же. С. 282.

⁴⁰⁶ Там же. С. 313.

⁴⁰⁷ Там же. С. 322.

⁴⁰⁸ Там же. С. 323.

НПЛ младшего извода	Тверской сборник
1. 6723 г. — Мстислав Мстиславич «прииде в Новгород мѣсяца февраля въ 11 день, на память святого отца нашего Мелентѣя архиепископа Мелетинского».	1. Мстислав Мстиславичъ «принѣхъ въ Новгородъ въ лѣто 6724, мѣсяца февраля 11 день, на память священномученика Власія».
2. «Князь же Ярославъ... новгородци съзва на поле за Рожество, в мясопустную субботу, вси мужи и гостевницѣ, и изыма вся, и искова и...».	2. «Ярославъ Всеволодичъ... (въ) мясопустную субботу, вси мужи и гости переимавъ и поковавъ...».
3. «В лѣто 6724. Мѣсяца марта въ 1 день, на память святыя Марьи Египтянинѣ, вторникъ по чистой недѣли, понде князь Мьстиславъ на зять свон, на Ярослава с новгородци, а в четвертокъ повѣгоша къ Ярославу преступници кресту».	3. «Князь же Мьстиславъ Мьстиславичъ понде изъ Новгорода на Торжокъ на зятя своего Ярослава Всеволодича, мѣсяца марта въ 1 день, на память святыя мученици Евдокии, въ вторникъ по чистой недѣли, рекше по Зборѣ; а въ четвертокъ тоя же недѣли повѣгоша къ Ярославу крестопреступници».
4. «И выша на Городици на рѣцѣ Саррѣ, у святѣи Маринѣ, в великую субботу, мѣсяца априля въ 9; и прииде князь Костянтинъ с ростовци, и крестъ цѣловаша».	4. «И приидоша на Городище на рѣкѣ Сарѣ, къ святѣи Марин, въ великую субботу, мѣсяца априля въ девятый день, на память святого Евтихія; и ту празнова Великъ день, априля 10. И ту прииде къ нимъ князь Константинъ съ Ростовци, и водиша Костянтина къ кресту».
5. «и үзрѣ Ярославъ полкъ повѣгше Юри, и тон вда плече, мѣсяца априля въ 21, на память святого Тимофѣя и Федора и Александры цесариця».	5. «Бысть сѣа повѣда въ четвергъ 2 недѣли по пасцѣ, мѣсяца априля 21, на память святого мученика Іануаріа и дружины его».

<p>6. —</p>	<p>6. «Князь великій же Юрій приѣже въ Володимерь...»</p>
<p>7. «Мъстиславъ же и Костянтинъ и два Володимера с полкы пондоша по Юрьи к Володимирию; и пришедше, сташа под городомъ, и тои ноци загорѣся город, княжь дворъ... И бысть заўтра, высла князь Юрьи с поклономъ ко княземъ: «не дѣйте мене днесь, а заўтра поиду из города». И иде Юрьи изъ Володимирия въ Радилловъ городецъ; и посадиша новгородци Костянтина въ Володимери на столѣ отнѣ».</p>	<p>7. «Князи же повѣдивъ, Константинъ, и Мстиславъ и два Володимера, съ полкы пондоша по Юрии къ Володимерю. Тогда же въ недѣлю рано придоша князи къ Володимерю, князь же Юрій посла къ нимъ пѹти прося съ молбою; они же всташа подъ городомъ. И тоя ноци загорѣся въ городѣ князя великого дворъ... И бысть заўтра, высла князь великій Юрій къ нимъ: «не дѣйте мене днесь, а заўтра поиду изъ града». И наўтріе изынде къ нимъ съ поклономъ.. И даша ему Городецъ Радилловъ, и тако събрався въ сѹдѣхъ... Князь Мъстиславъ съ Новгородци посадиша Костянтина въ Володимери, на столѣ отни и дѣднѣ».</p>
<p>8. «Мъстиславъ же понде съ новгородци къ Переяславию; и недя къ городу, понма дары; пославъ, поня дщерь свою... и придоша в Новъгород вси здравии».</p>	<p>8. «А потомъ пондоша къ Переяславию, и пришедшемъ нмь нача Ярославъ молитися о миру, и вышедъ ударн челомъ брату старѣйшому Костянтину... Князь великій же Костянтинъ управн Ярослава съ Мъстиславомъ...; а Мъстиславъ взя дочерь свою.. и понде къ Новгороду...; а князь великій Костнатинъ къ Володимеру на свой столъ, а Володимеръ къ Смоленску, а другый Володимеръ къ Києву».</p>

рия действительно приходилась на 21 апреля⁴⁰⁹. Память Феодора приходится на 21 февраля в соответствии со Студийским Уставом.

2) СЛ, НІВЛ: НК2, НЛД, Московский летописный свод, Воскресенская летопись и, казалось бы, ЕРМ. (См. таблицу на стр. 290–296.)

Легко заметить в отрывках из летописей общее – это выделение дат, связанных с Пасхой и Преполовлением. Последнее особенно примечательно, поскольку общепринятым считается, что праздник Троицы (а значит, связанное с ним Преполовление) был введен в широкий календарный обиход с начала XV в. стараниями Сергия Радонежского⁴¹⁰. В наиболее древних летописях использование Троицы и Преполовления в качестве уточняющей датирующей информации на порядок уступает датировке по другим праздникам и дням святых. Это может быть косвенным аргументом для того, чтобы предполагать обратное исчисление при создании памятников, по которым восстанавливается текст «Повести о битве на Липице». Кроме того, это обстоятельство может указать на время создания «Повести...» – после начала XV в. Так заставляет думать и употребление термина «неделя» – в двух смыслах: праздничный день (позднее – воскресенье), неделя – 7-дневный период (ранее – «седмица»⁴¹¹). Также надо отметить неточности в датах: в СЛ дата битвы на Липице – 22 апреля (вместо 21 апреля в 1216 г. в четверг). Также есть разнобой в том, когда отмечалась Пасха в 1216 г.: в СЛ, ЕРМ и Воскресенской летописях, Московском великокняжеском своде указано, что встреча на Саре состоялась 9 апреля на Великий день. Непонятно, какой смысл вкладывали летописцы в предлог «на»: в тот же день или накануне. НІВЛ, НК2, НЛД уже указывают, что встреча на Саре состоялась в Великий день, то есть предлагается считать 9 апреля 1216 г. Пасхаль-

⁴⁰⁹ Там же. С. 322.

⁴¹⁰ Тульцева Л.А. Календарные праздники и обряды // Русские. М., 1999. С. 637.

⁴¹¹ В.Н. Татищев в описании событий битвы на Липице в обеих редакциях «Истории Российской» использовал устаревший термин, обозначающий 7-дневный срок – *седмица*. Однако в тех установленных источниках, которыми пользовался В.Н. Татищев (Воскресенская, Никоновская летописи), употребляется термин «неделя». А это значит, что В.Н. Татищев сознательно уделял сведения своей «Истории» для придания ей достоверности: *Татищев В.Н.* История Российской. М.–Л., 1964. Т. III. С. 192–199; Т. IV. С. 346–351. Такой творческий прием историка XVIII в. отмечен: *Добрушкин Е.М.* О методике изучения «татищевских известий» // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1976 г. М., 1977. С. 81.

СЛ	НІУЛ	НК2	НІД	ЕРМ	Моск. лет. свод	Воскресенская
	Мстиславъ Мстиславлич ь въѣха в Новгородъ февраля 11	...Мстиславъ Мстиславлич вьеха в Новградъ февраля 11	Мстислав Мстиславлич въѣха в Новгород февраля 11			
Князь великий Мстиславъ поиде с ново- городци на зятя своего князя Яросла- ва месяца мар- та въ 1 день въ вторникъ	Марта въ 1 день въ вторникъ поиде князь Мстиславъ с Новгородци на зятя свои на Ярослава	Марта 1, въ вторникъ поиде князь Мсти- слав с новго- родци на зятя свои на Ярослава	Марта 1. во вторникъ. Поиде князь Мсти- слав с нов- городцкыи на зятя свои на Ярослава	Мсти- славъ поиде с Ново- городци на Яро- слова	Поиде Мстиславъ Мстиславлич с Новгород- ци на Яросла- ва на Всево- лодича марта въ 1	Поиде Мстиславъ Мстиславличъ съ Новото- родци на князя Яросла- ва Всеволо- дича, марта 1, во вторникъ...
А в четвер- токъ побѣго- ша къ Яро- славу кресто- преступници...	...а в чет- вергъ побѣ- гоша къ Яро- славу кресто- преступ- ници	...а в четвертокъ побѣгоша къ Ярославу крестопрес- тупници	...а в четвер- токъ побѣ- гоша ко Ярославу крестопрес- тупници	-----	А в четвер- токъ побѣго- ша къ Яро- славу кресто- преступници	...а въ четвер- токъ побѣго- ша ко Яро- славу кресто- преступници
То же бысть первая побѣ- да на них на Благовѣ- щение	...то же бысть првое побѣ- да на нихъ, въ Благовѣще- ніе святѣи	То же бысть перваа побѣда на них. на Благовешение Богородици, 5	...то же бысть 1 по- бѣда на них, в Благовѣ- щение	-----	Се же бысть на благовѣ- щение	...се же бысть на Благо- вѣщение

...и быша на Городицѣ на рѣцѣ Саррѣ у Святѣи Мари- ны апрѣля 9, на Великъ день. И ту приѣха Костянтинъ с ростовци... и крестъ целоваша	И быша на Городици на рѣцѣ Саррѣ, у святѣи Марины. апрѣля 9, в Великъ день; и тоу приѣха Къстянтинъ крязь с Ростовци... и крестъ целоваше	недели поста	недели поста	Богородици, 5 недѣли поста	Придо- ша же на Горо- дш ко святѣи Марьи, на рѣку Сару. на Великъ день. апрѣля 9	И быша на Городици на рѣцѣ Саррѣ у святѣи Марины 9 апрѣля, на великъ дснь, и ту прииде к ним князь Костянтинъ с Ростовци... и крестъ цѣловаша	И быша на Городици, на рѣцѣ на Са- рѣ, у святѣй Марии. апрѣля 9, на Великъ день; и ту прииде къ нимъ князь Костянтинъ съ Ростовци... и крестъ цѣловаша
...сташа противу Переяславу въ Фомину недѣлю	...сташа противу Переяславу, въ Фомину недѣлю.	недели поста	недели поста	Богородици, недели 5 поста	-----	...сташа противу Переяславу. въ Фомину недѣлю	...сташа противу Переяславу. въ Фомину недѣлю
Побѣдени же бывше полкы силнии суздальскыя мѣсяца апрѣля 22. в	Побѣдени же бывше полкы силнии суздальской земли мѣсяца апрѣля 21. в	недели поста	недели поста	Богородици, недели 5 поста	Побѣдени же бывше полкы силнии суздальские мѣсяца апрѣля 21. в	Побѣдени же бывше полкы силнии суздальские мѣсяца апрѣля 21. в	Побѣдени же бывше полкы силнии суздальскіе апрѣля 21. въ четвертокъ 2

Но тихо придоша к Володимерю и, объѣхавши его, става в недѣлю порану... И тое ночи заго- рѣся в городѣ княжь дворъ...	...но тихо придоша к Володимерю и, объѣхавши его, става в недѣлю до обѣда... И той нощи загорѣся в градѣ княжь дворъ... а въ вторник на ночь, въ 2 часъ, загорѣся же градъ и го- рѣ до свѣта... И высла князь Юрьи с покло- номъ: «Не дѣйте мене днесь, а завтра поиду изъ града». Завтра же рано высла Юрьи съ двѣма братья, и поклонися	...но тихо придоша к Володимерю и, объѣхав- ше его, ста- ша в неделю до обѣда... Той нощи в городѣ ся за- горѣ княжь дворъ... на утро же, на ночь в 2 часъ, загорѣся го- родъ, и горѣ до света... И высла князь Юрьи с по- клономъ: «Не дѣйте мене день, завтра поиду изъ города». А завтра же рано выѣхав Юрьи з две- ма братама,	В недѣ- лю же рано придо- ша кня- зи к Во- лодимере- рю, князь же Юрьи посла к нимъ, пути прося, и наутрии иде изъ града к нимъ; и даша ему миръ, и даша ему Ра- долово Градещь и тако в	...и на утрѣ придоша к Володимерю, и придоша к нему в недѣ- лю рано, и, объѣхавше его става, и тое ночи загорѣся в городѣ княжь дворъ... Въ вторник же въ 2 часъ нощи, оная загорѣся градъ, и горѣ и до свѣта... Князь же Юрьи высла ко княземъ с челобитьемъ, глаголя: «по- трыпите ми нынѣ, а за завтра иду изъ города». В	...и на утрѣ придоша къ Володимерю, и придоша къ нему въ недѣлю рано, и объѣхавше его става. И тое нощи загорѣся въ городѣ княжь дворъ... въ вторникъ, въ 2-й часъ нощи, оная загорѣся градъ, и горѣ и до свѣта... Князь же Юрьи высла ко княземъ с челобитьемъ, глаголя: «по- трыпите ми нынѣ, а за завтра иду изъ города». В
--	--	--	--	--	--

съ двѣма братья и поклонися княземъ Мьстиславу и Володимѣру...	съ двѣма братья и поклонися княземъ и ре- че Мьстисла- ву и Володи- мерю...	княземъ и рече Мстиславу и Володимѣру...	и поклонися князем и рече Мсти- славу и Во- лодимѣру...	судѣхъ поѣдѣхъ, со кня- гинею и з детми, и снимъ влады- ка Симонъ	утрѣ же рано выиде князь Юрьи съ двѣма сы- нома и покло- нися княземъ Мьстиславу и Володимѣру...	утри же рано выиде со 2-ма князь Юрьи со сынома своими, и по- клонися кня- земъ Мьсти- славу и Воло- димѣру... они же даша ему миръ и упра- виста ихъ; князю Ко- стянтину Во- лодимѣр, а князю Юрью Радиловъ Городецъ. И такъ на борзѣ вспрятавшес- я на лодыи в насады, владыка и княгини, и людие его вси поѣдоша внизъ	утри же рано выиде со 2-ма князь Юрьи со сынома своими, и по- клонися кня- земъ Мьсти- славу и Воло- димѣру... они же даша ему миръ и упра- виста ихъ; князю Ко- стянтину Во- лодимѣр, а князю Юрью Радиловъ Городецъ. И такъ на борзѣ вспрятавшес- я в лодыи в насады, вла- дыка и кнети- ни Юрьева и людис его вси, и поплы- ша вниз	утри же рано выиде со 2-ма князь Юрьи со сынома своими, и по- клонися кня- земъ Мьсти- славу и Воло- димѣру... они же даша ему миръ и упра- виста ихъ; князю Ко- стянтину Во- лодимѣр, а князю Юрью Радиловъ Городецъ. И такъ на борзѣ вспрятавшес- я в лодыи в насады, вла- дыка и кнети- ни Юрьева и людис его вси, и поплы- ша вниз
---	---	--	---	---	---	---	--	--

Князи же, здумавше, поидоша къ Переяславу в пятокъ 3 недѣли по Пасцѣ	...князи же, здумавше с Новгородци, поидоша къ Переяславу в пятокъ 3 недѣли по Вѣлицѣ дні	...князи же, здумавше с Новгородци, поидоша къ Переяславу в пятокъ 3 недѣли по Пасце	...князи же, здумавше с Новгородци, и поидоша к Переяславу в пятокъ 3 недѣли по Велице дни	-----	Князи же здумавше и поидоша к Переяславу в пятокъ 3 недѣли по пасцѣ	...князи же здумавше поидоша къ Переяславу. въ пятокъ 3 недѣли по Пасцѣ
И бысть въ вторникъ заутра, выѣха князь Ярославъ и удари челоуи князю Костянтинуи бысть вторникъ 4 недѣли выѣха Ярославъ самъ из города и удари челоуи князю Костянтину ..	И бысть вторникъ 4 недѣли. Выеха Ярославъ самъ из града, удари челоуи Костянтину братуи бысть вторникъ 4 недѣли, выѣха Ярославъ самъ из города, удари челоуи Костянтину брату ...		Въ вторникъ же 4 недѣли выиде из града, и удари челоуи старѣищѣму брату Костянтинуво вторникъ же 4 недѣли выиде из града, и удари челоуи старѣищѣму брату Костянтину ...
А въ среду на Преполовене приидоша къ Переяславу... И ту ношъ стоявше князи, поидоша князь великий Костянтинъ	...а въ среду на Приполовене приидоша къ Переяславу... И ту ношъ стоявше князи, поидоша князь великий Костянтинъ къ	А в среду в Преполовение приидоша къ Переяславу... И ту ношъ стоявше князи, поидоша розно, Костянтинъ к Володимеру, а	И тоя среды во Преполовение приидоша къ Переяславу... И ту ношъ стояша князи, поидоша розно: Костен-		...въ среду же на преполовение приидоша къ Переяславу... И поидоша князи розно, Костянтинъ к Володимеру, а Мъстиславъ	Въ среду же, на Преполовение, приидоша къ Переяславу... И поидоша князи розно, Костянтинъ к Володимеру, а Мъстиславъ

къ Володиме- рю, а Мъсти- славъ къ Новугороду, Вьлодимерь къ Смо- леньску, а други Володимерь къ Плескову...	Володимерю, а Мъстиславъ къ Новугороду, Володимерь къ Смо- леньску, а други Володимерь къ Пескову...	Мстислав къ Новуграду, Володимерь къ Смоленску, а други Володимерь къ Пскову...	тин къ Воло- димерю, а Мстислав къ Новугороду, други Володимерь – Пскову...	къ Новугороду, а Володимерь къ Пскову.	славъ къ Нову- городу, а Во- лодимерь къ Смоленску, а други Володимерь къ Пскову.
---	---	---	---	--	---

ным днем. Возможно, составители СИЛ под 9 апреля 1216 г. понимали Пасхальное воскресенье. Ведь одним из источников свода 1448 г. считается НПЛ младшего извода, а там четко указано, что встреча на Саре произошла 9 апреля в Великую субботу накануне Пасхи. В ТВ даже прибавили, что Пасху отмечали на следующей день после встречи.

Все эти наблюдения позволяют утверждать, что при календарном оформлении «Повести о битве на Липице» была произведена процедура обратного исчисления на основе совмещения её с пасхально-троицким циклом. О троицкой части говорит упоминание праздника Преполовления. Такая увязка дат не дает оснований для того, чтобы сомневаться в тех датах, что были дополнительно (по отношению к НПЛ) даны в «Повести о битве на Липице». Сомнения есть в том, что источник, откуда они взяты, не содержал привязки к пасхально-троицкому циклу. Тогда возникает вопрос о цели включения пасхально-троицкого исчисления в летописную основу «Повести о битве на Липице». Четких объяснений на этот счет дать нельзя, а потому надо лишь констатировать наличие проблемы.

При изучении хронологической составляющей «Повести о битве на Липице» возникают большие сомнения в том, как Я.С. Лурье соотносил с текстами её летописной основы ТВ:

«Не вызывает сомнения принадлежность рассказа в целом литературной традиции второй половины XV–XVI вв. и его вторичность по отношению к рассказам Н1 и Н4 – С1... Однако наличие у позднего компилятора по крайней мере одного

дополнительного источника представляется весьма вероятным... Ростовского присхождения и другие своеобразные черты рассказа Тв... Включение всех этих ростовских дополнений в рассказ Тверского сборника легко объяснимо: с Тверью связана только вторая часть этого сборника начиная с 6793 (1285) г.; весь предшествующий материал... восходит к иному, ростовскому источнику... Но это не значит, что приведенные ростовские детали были плодом творчества ростовского летописца XVI в. Уже наличие сходных известий о Константине и его «храбрых» в Сокращенном своде свидетельствует о существовании ростовского рассказа о битве на Липице в предыдущем столетии... Но ростовский компилятор, составитель Тверского сборника XVI в., и под 6724... передавал свой ростовский источник не в чистом виде, а в соединении с тем рассказом, который отразился в своде 1448 г. ...Очевидно, в Тв ростовский рассказ был соединен с рассказом, восходящим к смоленским Ростиславичам⁴¹².

Если выводы Я.С. Лурье верны, то надо объяснить присутствие хронологической сетки НПЛ в ТВ (да и само её попадание туда). Ведь в Сокращенных летописных сводах конца XV в. её нет:

«В лѣто 725. Бысть вон князю Юрью Всеволодичю съ княземъ Костянтиномъ с Ростовскимъ на рѣце на Где, и поможе вогъ князю Костянтиноу Всеволодичю, брату старѣишюму, и правда его же пришла. А были с ним два храбра: Добрыня Золотыи Поясъ да Александр Поповичъ съ своимъ слугою с Торопомъ» (цит. по своду 1493 г.)⁴¹³.

Для объяснения этого нужно усилить роль и значение НПЛ в появлении известия о Липицкой битве в ТВ. В процессе соединения ростовских и смоленских сведений, по Я.С. Лурье, важную роль в создании хронологической сетки сыграла НПЛ младшего извода. Возникает вопрос: когда была внесена эта сетка – до создания ТВ или после? Учитывая частые случаи обратного исчисления в ТВ, надо сказать, что в эту тенденцию вписывается исправление дат в последней по сравнению с НПЛ младшего извода по месяцесловам. Даты битвы на Липице оказались в центре внимания составителя ТВ. Поэтому отсутствие следов хронологической сетки «свода 1448 г.» должно указывать, что смолен-

⁴¹² Лурье Я.С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании... С. 108–109.

⁴¹³ Сокращенные летописные своды конца XV века // ПСРЛ. Т. XXVII. М.–Л., 1962. С. 234, 320.

ские материалы привлекались также ранее того, как сами были организованы по пасхально-троицкому циклу. При доказательстве вторичности ТВ по отношению к СИЛ–НИВЛ придется объяснять, почему составитель ТВ предпочел хронологическую сетку НПЛ младшего извода хронологической сетке СИЛ–НИВЛ. Поэтому исчисление по пасхально-троицкому циклу появилось на момент возникновения протографа «Повести» в СИЛ–НИВЛ.

Заметно хронологическое и текстуальное сходство ЕРМ и ТВ.

ЕРМ	ТВ
1. Мстислав вошел в Новгород (без даты).	1. Мстислав Мстиславичъ «пріѣхъ въ Новгородъ въ лѣто 6724, мѣсяца февраля 11 день, на память священномученика Власія».
	2. «Ярославъ Всеволодичь... (въ) мясопустную субботу, вси мужи и гости перенмавь и поковавь...».
3. «Мстиславъ поиде с Новогородці на Ярослава» (без даты).	3. «Князь же Мьстиславъ Мьстиславичъ поиде изъ Новгорода на Торжокъ на зятя своего Ярослава Всеволодича, мѣсяца марта въ 1 день, на память святыхъ мученици Евдокии, въ вторникъ по чистой недѣли, рекше по Зворѣ; а въ четвертокъ тоя же недѣли повѣгоша къ Ярославу крестопреступници».
4. «Прідоша же на Городищ ко святѣи Марьи, на рѣкѣ Сарѣ, на Великъ день, апрѣля 9».	4. «И прідоша на Городище на рѣкѣ Сарѣ, къ святѣи Маріи, въ великую субботу, мѣсяца априля въ девятый день, на память святаго Евтихія; и ту празнова Великъ день, априля 10. И ту пріиде къ нимъ князь Константинъ съ Ростовци, и водиша Костантина къ кресту».
5. «И повѣдиша Юрья и брата его в четвергъ 2 недѣли по Пасцѣ».	5. «Бысть сіа повѣда въ четвергъ 2 недѣли по пасцѣ, мѣсяца априля 21, на память святаго мученика Іануаріа и дружины его».

6. «И вѣже Юрьи в Володимерь».	6. «Князь великій же Юрій привѣже в Володимерь...»
7. «В недѣлю же рано придоша князи к Володимерю, князь же Юрьи посла к нимъ, пѹтї прося, и наутрни иде из града к нимъ; и даша емѹ миръ, и даша емѹ Радилово Градецъ, и тако в сѹдѣхъ побѣдѣ, со княгинею и з детми, и снимъ владыка Симонъ».	7. «Князи же повѣдивъ, Константинъ, и Мстиславъ и два Володимера, съ полкы поидоша по Юрін къ Володимерю. Тогда же вѣ недѣлю рано придоша князи къ Володимерю, князь же Юрій посла къ нимъ пѹтти прося съ молвою; они же всташа подѣ городомъ. И тоя ноци загорѣся вѣ городѣ князя великого дворъ... И бысть заутра, высла князь великій Юрій къ нимъ: «не дѣйте мене днесъ, а заутра поидѹ изъ града». И наутрїе изыиде къ нимъ съ поклономъ... И даша емѹ Городецъ Радиловъ, и тако събрався вѣ сѹдѣхъ... Князь Мъстиславъ съ Новгородци посадиша Костантина вѣ Володимери, на столѣ отни и дѣднѣ».
8. «...и потомъ поидоша к Переаславлю. И пришедшимъ имъ, нача Ярославъ молитися о миру и вышедъ, ударил челомъ братѹ стареншему Костянтину... Князь же Костянтинъ управил Ярослава со Мстиславомъ...; а Мстиславъ взя дочерь свою... и Новгородци поима иде к Новгородѹ, а Костянтинъ к Володимерю, а Володимеръ к Смоленскѹ, а другїи Володимеръ ко Псковѹ».	8. «А потомъ поидоша къ Переяславлю, и пришедшемъ имъ нача Ярославъ молитися о миру, и вышедъ ударил челомъ братѹ старѣйшему Костянтину.. Князь великій же Костянтинъ управил Ярослава съ Мъстиславомъ...; а Мъстиславъ взя дочерь свою, и что живыхъ Новгородцовъ поима, и поиде къ Новгородѹ...; а князь великій Костянтинъ къ Володимерю на свой столъ, а Володимеръ къ Смоленскѹ, а другїи Володимеръ къ Кїевѹ».

3) РОГ и АВР: только одна дата – Липицкая битва 21 апреля. Относительно этой группы Я.С. Лурье заметил:

«Сокращенная версия рассказа Н4 содержится в кратком летописном тексте, помещенном в начале Рогожского летописца и Летописи Авраамки» (А.А. Шахматов определял этот текст как «краткое извлечение из свода 1448 г.», но, судя по ряду статей, основой его была именно Н4).

Но почему-то, сокращая сведения «Повести...», летописец оставил лишь одну дату – 21 апреля. О смысловой направленности такой правки ничего нельзя сказать. Поэтому их можно объяснить сокращением материала.

Изучение хронологической традиции позволяет утверждать, что в ЕРМ и ТВ отразился этап соединения сведений НПЛ с материалами ростовского летописания. Затем эти даты оказались потеснены теми, что имеются в «Повести...». В «Повести...» даты появились, видимо, из смоленских материалов. Совпадающие с НПЛ и ТВ даты в «Повести» лишены связи с днями святых. Изучение хронологической канвы подтверждает, что составители «Повести» вольно расширяли и изменяли текст о Липице, имеющийся в ЕРМ и ТВ. Можно даже предположить, как это делалось. В ростовском летописании, где ощущается огромное влияние НПЛ, было произведено нехитрое вычисление Пасхи 1216 г.: после Великой Субботы должна следовать Пасха. Акцентирование внимания на этом проявляется в ТВ. После этого работа над материалами данного ростовского летописания, соединяемого с НПЛ, велась новгородскими книжниками. Полагаясь на здравый смысл, они пытались точно распределить по дням события после сражения, опять-таки отталкиваясь от праздника Пасхи. Здесь они следовали общим принципам, заложенным уже в летописании XI–XIV вв.:

«Летописцы чаще всего вносят точную дату, во-первых, в известия о тех событиях, которые в их сознании наиболее явственно увязываются с действием Божественного Промысла... Точные даты как бы подчеркивают важность описываемого»⁴¹⁴.

На наш взгляд, при составлении «Повести о битве на Липице» использовалась такая процедура: летописцы уточняли и дополняли даты,

⁴¹⁴ Лаушкин А.В. Провиденциализм как система мышления... С. 9.

чтобы для читателя была уяснена связь битвы с Божественным Промыслом, исполнителем которого были смоленские князья и новгородцы.

Возможно, что при введении дополнительных дат были использованы смоленские и ростовские материалы, но есть догадки о порождении отдельных чисел сознанием летописцев. Надо полагать, что и приурочивание победы Яруна над воинами Ярослава к Благовещению обозначилось при создании «Повести». Ведь:

«Образованный средневековый человек вел постоянный «диалог» с календарем. Совпадение плохого или хорошего события с крупным церковным праздником приобретало для него сакральный смысл и свидетельствовало об особом гневе или особой милости Бога»⁴¹⁵.

Расчет событий марта – апреля 1216 г. относительно Пасхи естественен. А потому также было уместно рассчитать Благовещение и привязать его к победе над воинами Ярослава, что уже само по себе обещает успешное завершение мероприятия, затеянного смоленскими князьями и новгородцами. К тому же НПЛ, ЕРМ и ТВ с их хронологической сеткой не дают этих данных. Если это так, то опять встречается обратное направление хронологической процедуры авторов «Повести о битве на Липице». Если в летописании XI–XIII вв. искал смысл в совпадении церковного праздника с событием, то создатели «Повести о битве на Липице» сами вкладывали этот смысл в возможно ими сфабрикованное «совпадение» победы Яруна и Благовещения.

В итоге можно заявить следующее. Несмотря на предположение о том, что при создании «Повести о битве на Липице» были использованы смоленские материалы, видимо, они не несли в себе хронологической сетки. На это указывает и то обстоятельство, что упоминания в «Повести» смоленских князей Мстислава Удатного и Владимира Псковского выдержаны в дружинно-былинном духе, для которого точное фиксирование дат не свойственно. Поэтому догадку, что новые временные данные «Повести» являются продуктом летописного творчества, надо отвести, предположив взамен, что эти даты возникли одновременно с произведением.

В заключение параграфа надо отметить, что изучение хронологии источников по битве на Липице, мотивации создания искусственных дат, поиск их символики в данном очерке обозначены как проблема.

⁴¹⁵ Там же. С. 10.

§ 9. Новгородская первая летопись – основной источник по битве на Липице

После 17 апреля обозначилась расстановка сил, готовившихся к схватке: Георгий и Ярослав вышли к реке Гзе, у Липицы встал Константин; Мстислав и Владимир Мстиславичи, Владимир Рюрикович встали у Юрьева, видимо, блокируя Святослава Всеволодовича⁴¹⁶. НПЛ повествует о попытке примирения Ростиславичей, Константина с Георгием и Ярославом. Эта попытка стала объектом пристального внимания А.В. Юрасовского. Отрицая сконструированную им схему, надо усложнить объяснение складывания «Повести о битве на Липице» (условно «версия Я.С. Лурье – В.А. Кучкина»), задействуя выводы предыдущего исследования.

Наблюдая за отрывками летописей, где повествуется о переговорах перед битвой на Липице, можно видеть, как «работает» схема формирования текстов летописных XV в., в основе которой лежит исходный текст, сохранившийся в ТВ.

См. таблицу на стр. 303–304.

При сравнении текстов видно, что они близки к друг другу несмотря на отдельные перестановки фраз. В ТВ появились фразы (например: «а съ тобою одинъ есмь человекъ; а то все ꙗ мене; и послаша второе, глаголюще: «мы не кровопролитіа ради приидохомъ, но управитися межн себѣ, едино бо есме племя; а старѣйшинство дати Константину, а вамъ Суздадская земля». Они же рѣша: «въземъ нас, всю землю възми»), расширенные и истолкованные в НІВЛ. Также в ТВ есть информация о втором посольстве, где более пространно обсуждаются тема кровопролития и цели прибывшей стороны. В тексте ТВ почти нет несогласованности чисел. В ТВ и НПЛ нет аналога ответа Георгия на второе послание в НІВЛ (Юрьн же рече: «рци братꙋ Мьстиславоꙋ и Володимерю: пришли есте, да кꙋды хотите отъйти? А братꙋ Костянтиноꙋ молвимъ: перемоган насъ, тобѣ вся земля»).

⁴¹⁶ НПЛ. С. 56, 256; ТВ. Стб. 320; НПЛ. С. 55, 255; НІВЛ. С. 188; СІЛ. Стб. 265; НК2. С. 108; НЛД. С. 81; МАК. Стб. 494; ЕРМ. С. 65; Московский летописный свод. С. 112; Воскресенская летопись. С. 121; РОГ. Стб. 25.

НПЛ ст. извода	ТВ
<p><i>Мьстиславъ же и Костянтиъ и два Володимера съ новгородци сташа[2] на рѣцѣ Липичи [1]; и ұзрѣша[3] пълкы стояща, и послаша[3] Лариона сочьского къ Гюргю: «кланяемъ ти ся [4]; нѣтъу ны[5] съ тобою обиды, съ Ярославомъ ны[5] обида; пүсти мұжи мои⁴¹⁷ новгородьци и новоторжци и, что еси зашьлъ волости нашени⁴¹⁸ новгородьскон Волокъ, въспяти; миръ с нами[6] възьми, а крестъ къ намъ[6] цѣлуй; а крѣви не проливаними[7]». Отвѣташа же[8]: «мира не хочемъ[9], мұжи ү мене[10]; а далече есте ши, и вышли есте акы рыбы на сүхо» И сказа Лариянъ тү речь Мьстиславу и новгородьчемъ [11]⁴¹⁹.</i></p>	<p><i>...а Мьстиславъ и два Володимера (съ) Новгородци [1] ү Юрѣва, а Костантинъ[1] на рѣцѣ Липицѣ[1]; и оүзрѣша[3] полкъ стоящъ, и послаша[3] къ великому князю Юрию Иларіона сотскаго, глаголюще: «кланяемъ ти ся[4], съ тобою намъ[5] обиди нѣтъ, но съ Ярославомъ; а съ тобою одинъ есмь чело-вѣкъ.» А ко Ярославу послаша[3]: «пүсти мұжи мои, Новгородци и Новоторжци, и что еси заншолъ волости Новгородские и Волокъ, отдай назадъ; а миръ възьми с нами[6], а крови не проливай[7], а крестъ къ намъ[6] цѣлуй.» Он же отвѣща[8]: «мира не хошү[9], а то все ү мене, мұжей не отдамъ[10]; а далече есте ши, и вышли яко рыба на сүхо.» И сказа Ларіонъ тую рѣчь Мьстиславу и Новгород-цемъ[11], и послаша второе, глаголюще: «мы не кровопролитіа ради приндохомъ, но ұправитися межи себе, едино во есме племя; а старѣйшинство дати Костантину, а вамъ Сүздадская земля». Они же рѣша: «въземъ нас, всю землю възьми»⁴²⁰.</i></p>
<p>⁴¹⁷ Местоимение «мои» отсутствует в НІВЛ, СІЛ, МАК, НК2, НЛД.</p>	

⁴¹⁸ Местоимение «нашей» отсутствует в НІВЛ, СІЛ, МАК, НК2, НЛД.

⁴¹⁹ НПЛ. С. 56.

⁴²⁰ ТВ. Стб. 320.

ТВ	ЕРМ
<p>а Мьстиславъ и два Володимера (съ) Новгородци[1] ꙗ Юрѣва, а Костянтинъ[1] на рѣцѣхъ Липицѣхъ[1]; и сꙋзрѣша[3] полкъ стоящъ, и послаша[3] къ великому князю Юрию Иларіона сотскаго, глаголюще: «кланяемъ ти ся[4], съ тобою намъ[5] обѣды нѣтъ, но съ Ярославомъ; а съ тобою одинъ есмь человекъ.» А ко Ярославу послаша[3]: «пꙋсти мꙋжи мои, Новгородци и Новоторжци, и что еси заншолъ волости Новгородскіе и Волокъ, отдай назадъ; а миръ възми с нами[6], а крови не проливай[7], а крестъ къ намъ[6] цѣлуй». Он же отвѣща[8]: «мира не хоцꙋ[9], а то все ꙗ мене, мꙋжей не отдамъ[10]; а далече есте шли, и вышли яко рыба на сꙋхо». И сказа Ларіонъ тꙋю рѣчь Мьстиславу и Новгородцемъ[11], и послаша второе, глаголюще: «мы не кровопролитіа ради придохомъ, но управитися межн себе, едино бо есме племя; а старѣйшинство дати Костянтину, а вамъ Сꙋздалская земля». Они же рѣша: «въземъ нас, всю землю възми»⁴²¹.</p>	<p>а Мстиславъ з братьею [1] ꙗ Юрѣва, а Костянтинъ[1] на рѣцѣхъ Липицѣхъ[1]. И послаша[3] къ Юрию, глаголюще: «кланяемъ ти ся[4], с тобою намъ[5] обѣды нѣтъ, но съ Ярославомъ; а съ тобою одинъ есмь» А къ Ярославу послаша[3]: «отпꙋсти, Новгородци и Новоторжци, и Волокъ вспяти и прочіе волости Новгородскіе; а миръ возмі безъ кровопролитіа[7]». И рече[8]: «мира не хоцꙋ [9], а отъ того не дамъ[10]». И посласта второе, глаголюще: «мы придохомъ не кровопролитна ради, но управити межн себе, едино бо есмя племя [12]; и старейшинство дати болшему Костянтину, а вамъ Сꙋздалская земля». Они же рѣша: «одолѣвъ намъ, всю землю возми»⁴²².</p>

⁴²¹ ТВ. Стб. 320.

⁴²² ЕРМ. С. 65.

Заметно, что текст ЕРМ более прост, не имеет отдельных деталей (посла Лариона). В текстах ТВ и ЕРМ нет отдельного ответа Георгия, причем в ЕРМ князь проявился лишь как адресат первого послания. В этом послании есть схожая для обоих памятников фраза, направленная к Георгию:

а съ тобою одинъ есмь человекъ; а съ тобою одинъ есмь

В ТВ её истолковать трудно, а в ЕРМ она подчеркивает единство Георгия и Ярослава. Выявляются еще особенности второго послания в ЕРМ:

И посласта второе, глаголюще: мы придохомъ не кровопролитна ради, но управити межы себе, едино бо есмь племя, и стареншинство дати бошему Костянтину, а вамъ Бүздалская земля.

Глагол *посласта* – в двойственном числе. Два лица, от которых исходило данное обращение, можно отождествить с Георгием и Ярославом (ведь Мстислав, его братия и Константин «действуют» в отрывке во множественном числе). Указание, что обращение было вторым, согласуется с тем, что Ярослав один раз ответил. Первая часть второго послания (*мы придохомъ не кровопролитна ради, но управити межы себе, едино бо есмь племя*) может быть связана с Георгием и Ярославом: они пришли не кровь проливать, но договориться внутри своего рода – среди детей Всеволода Большое Гнездо. Данную фразу можно рассматривать как требование Георгия и Ярослава, направленное к Ростиславичам, не вмешиваться в семейную ссору. Тогда вторая часть второго послания содержит ответ, без указания авторства, на это требование – вариант разрешения спора Всеволодовичей. Также в ЕРМ есть слова ответа Георгия и Ярослава на второе послание (*Онѣ же рѣша: «одолѣвъ намъ, всю землю возми»*). Эти слова могут содержать идею, изложенную в НІВЛ:

Юрьн же рече: рци брату Мьстиславу и Володимерю: пришли есте, да куды хотите отъити? А брату Костянтиноу молвимъ: перемогаи насъ, тобѣ вся земля.

<p>АВР (РОГ) (разный порядок слов не учитывается)</p>	<p>НПЛ ст. извода</p>
<p><i>Мьстиславъ же и Костянтинъ и 2 Володимера с Новгородци на Липици[1], и послаша[3] Новгородци къ Юрюю⁴²³: кланяемъ ти ся [4]⁴²⁴, нѣтѹ намъ[5] с тобою обиды, обида намъ [5] съ Ярославомъ, пѹсти мѹжи наши, и волость отпѹсти, а миръ с нами возми (в РОГ: елми), а крови не проливай[7]. Отвѣща имъ (в РОГ: Отвѣщаша же): <i>миру не хочемъ</i>[9], а мѹжи ѹ насъ (в РОГ: оу мене), а далече шли есте и вышли, яко рыбы на сѹхо»⁴²⁵.</i></p>	<p><i>Мьстиславъ же и Костянтинъ и два Володимера съ новгородци сташа[2] на рѣцѣ Липичи [1]; и ѹзрѣша[3] пѣлкъ стояща, и послаша[3] Лариона сочьского къ Гюргю: «кланяемъ ти ся[4]; нѣтѹ ны[5] съ тобою обиды, съ Ярославомъ ны[5] обида; пѹсти мѹжи мои⁴²⁶ новгородци и новотържци и, что еси зашьлъ волости нашен⁴²⁷ новгородской Волокъ, въспяти; миръ с нами[6] възьми, а крестъ къ нами[6] цѣлѹи; а крови не проливанми[7]». Отвѣташа же[8]: «мира не хочемъ[9], мѹжи ѹ мене[10]; а далече есте шли, и вышли есте аки рыбы на сѹхо» И сказа Лариянъ тѹ речъ Мьстиславу и новгородьчемъ[11]⁴²⁸.</i></p>

В РОГ и АВР был сокращен текст НПЛ. В АВР пытались устранить несоответствия между категориями числа в прямой и косвенной речи. Тексты этих памятников близки к ЕРМ тем, что отсутствует посол Ларион. Характерной чертой сообщений АВР и РОГ о Липице является «выпячивание» главенства Ярослава по сравнению с НПЛ. В приведенном отрывке её не заметить, но в сообщении о Липице она проявилась весьма ярко: Ярослав вывел свою волость из Переяславля, Владимира

⁴²³ В РОГ (Стб. 25) эта фраза выглядит так: *Мьстиславъ и Костянтинъ и два Владимира съ Новгородци къ Юриеву (Юрию).*

⁴²⁴ В РОГ (Стб. 25) эта фраза выглядит так: кланяемся.

⁴²⁵ АВР. Стб. 48; РОГ. Стб. 25.

⁴²⁶ Местоимение «мои» отсутствует в НІВЛ, СІЛ, МАК, НК2, НЛД.

⁴²⁷ Местоимение «нашей» отсутствует в НІВЛ, СІЛ, МАК, НК2, НЛД.

⁴²⁸ НПЛ. С. 56.

и Юрия, Святослава и новоторжцев; заканчивается это сообщение словами, что Мстислав победил Ярослава и людей Ярослава пало очень много.

СЛ	НІВЛ
<p>князь Мьстиславъ же и Володимеръ съ новгородци[1] постависта[2] свои полки близъ Юрьева и тѹ стояста[2]. А князь Костянтинъ[1] далече стояше[2] съ своими полки, на рѣцѣ Липицѣ [1]. И ѹзрѣша[3] полки стояще Ярославли и Юрьевы, и послаша[3] Лариона сотьскаго къ князю Юрью: «Кланяемся[4]. Нѣтѹ намъ[5] с тобою обиды. Обида намъ[5] с Ярославомъ». Отвѣщавъ же князь Юрьи [8]: «Одны есмя братъя съ Ярославомъ». И посласта[3] къ Ярославу, гла (аголю)ща: «Пусти ѹжи новгородци и новоторъжци! Что еси зашелъ волости Новгородския? Волокъ въспяти, а миръ с нами[6] възми, а кр(е)стъ к намъ[6] цѣлуй, а крови не проливан[7]». Отвѣщавъ же Ярославъ[8]: «Мира не хошу[9], а мѹжи оу мене[10]. А далече есте шан и вышли есте, акы рыба на соухо». И сказа Ларьянъ тѹ рѣчь княземъ[11]. И паки посласта къ овѣма князема послѣднюю рѣчь: «Мы пришли есмя, брате князь(ь) Юрьи и Ярославе, не на кровопролитне крови. Не дан в(о)гъ сътворити того. Управимся! Мы есмя племенници сѣбе, а дадимъ старенишнство</p>	<p>а Мьстиславъ же [и Володмиръ] с Новгородци[1] постависта[2] свои полки близъ Юрьева и тѹ стояста[2], а Костянтинъ[1] дале стояше[2] съ своими полки, на рѣцѣ Липицѣ[1]. И оузриша[3] полки стояще Ярославли и Юрьевы, и послаша[3] Лариона съцкога къ Юрью: «кланяемъ ти ся[4]; нѣтѹ с тобою обиды, обида намъ[5] с Ярославомъ». Отвѣщав же Юрьи[8]: «одинъ есмь братъ съ Ярославомъ». И посласта[3] къ Ярославу, глаголюще: «пусти мѹжи Новгородци и Новоторжци; что еси зашелъ волости Новгородции, Волокъ, воспяти, а миръ с нами[6] възми, а крестъ к намъ[6] цѣлуй, а крови не проливан[7]». Отвѣщав же Ярославъ[8]: «мира не хошу[9], а мѹжи оу менѣ[10]; а далече есте шан, и вышли есте акы рыба на соухо». И сказа Ларьянъ тѹ рѣчь княземъ и Новгородцемъ [11]; и паки посласта овѣма княземъ с послѣднѣю речью: «мы пришли есмя, брате Юрьи и Ярославе, не на пролитъе крови; не дан Богъ сътворити</p>

князю Костянтину. А посадите и в Володимерѣ, а вамъ земля Сүздальская вся». Князь Юрь же рече: «Рци братьи моеи, княземъ Мьстиславу и Володимеру: «Пришли есте да куды хотите отъ(ъ)ити». А брату князю Костянтину молви: «Перемога нас, тобѣ вся земля»»⁴²⁹.

того! оуправимся, мы есме племенници; а дадимъ старшинство Костянтину, а посадите его въ Володимерѣ, а вамъ [земля] Сүздальская вся». Юрь же рече: «рци брату Мьстиславу и Володимеру: пришли есте, да куды хотите отъити? А брату Костянтину молвимъ: перемоган насъ, тобѣ вся земля»⁴³⁰.

При несомненной схожести (вплоть до ошибочных употреблений местоимений, глаголов, чисел) имеется также и различие: упоминание имен Мстислава, Юрия (Георгия), Константина в СИЛ и МАК сопровождается словом князь; а в аналогичном отрывке НІВЛ этот термин отсутствует. Даже в обращении к Георгию и Ярославу титул прилагывается лишь к первому. Кстати, Ярослав вообще в отрывке СИЛ и МАК не назван князем. Лишь в ТВ Георгий единожды назван великим князем. На такое явление уже обращалось внимание⁴³¹.

Сравнение отрывков показывает, что их тексты восходят к НПЛ. Первый этап обработки её сведения отразился в ТВ и ЕРМ: редактирование осуществлялось путем вставки дополнительных сведений, предположительно из ростовского летописания. Оно, в свою очередь, вобрало сведения о Липице как из летописания Георгия, так и Константина. Последнее можно усмотреть в сообщении о Липице в ЛЛ: вмешательство новгородцев и Ростиславичей не упомянуто, а битва показана как этап борьбы за старшинство между Георгием и Константином. Цель этих вставок в согласовании противоречивого сообщения НПЛ. Материал ростовского летописания о Липице, видимо, дошел до сводчиков ЕРМ и ТВ в отрывках, с трудом поддающихся интерпретации. Это еще более запутало картину, а, с другой стороны, внесло и прояснение. На этом

⁴²⁹ СИЛ. Стб. 265–266. Почти идентичный текст в МАК: МАК. Стб. 494.

⁴³⁰ НІВЛ. С. 188–189.

⁴³¹ Шибанов М. А. Редакторские приемы составителя Софийской I летописи // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. Вып. 3. СПб., 2000. С. 389–390.

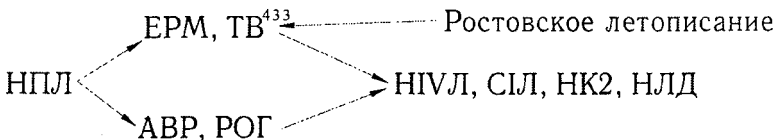
этапе произошло разделение речи Лариона на два обращения к Георгию и к Ярославу.

Дополнения в сообщениях о Липице в ТВ и ЕРМ были обыграны в «Повести...». Фраза о кровопролитии в НПЛ, приписываемая Ростиславичам, в ЕРМ в измененном виде принадлежит Георгию и Ярославу (о чем свидетельствует двойственное число):

И посласта второе, глаголюще: «мы придохомъ не кровопролитиа радї, но управити межы себе, едино бо есмя племя».

Возможно, это было первое чтение, затем попавшее в руки составителей «Повести» и поданное ими как обращение смоленских князей: вместо двух Всеволодовичей появилось двое их противников – Мстислав и Владимир. Видимо, при соединении сведений, имеющих в НПЛ и в ЕРМ, составители «Повести...» соединяли прямую речь от нескольких человек со словами, говорившимися от двух. Такая переориентировка обращения могла быть порождена просто непониманием этих слов. Это подтверждается ТВ, где слово *послаша* позволяет понять всю речь как обращение Ростиславичей. Также в ЕРМ и ТВ в первом обращении к Георгию идет речь об одном человеке. Эту фразу трудно понять. Составители «Повести» из нее сделали ответ Георгия, что он составляет одного человека с Ярославом.

Тексты о Липице в РОГ и АВР представляют собой сокращение текста НПЛ. При этом оно было не механическим, но наполненным определенной тенденцией – подать столкновение на Липице как конфликт Мстислава Удатного и новгородцев с Ярославом. Он – реальная пружина конфликта в РОГ и АВР; судя по тексту, он руководит даже Георгием. Эту антиярославову тенденцию могли вобрать в себя тексты «Повести...», если опять-таки судить по всему её тексту. Если рассматривать эволюцию текста о переговорах, можно представить следующую схему⁴³²:

⁴³² Она не отражает возможное прямое влияние текста НПЛ на НІВЛ, СІЛ, НК2, НЛД.

⁴³³ При этом подразумевается, что текст из памятника, подобного ТВ, повлиял

Важен еще один вывод: «Повесть о битве на Липице» создавалась в Новгороде с целью опорочить Ярослава Всеволодовича. Георгий авторов интересовал меньше. Интерес к Георгию на Липице питало ростовское летописание, что отразилось в ТВ. Но этот интерес не дает оснований для того, чтобы делать Георгия виноватым во всей этой истории с Липицей.

В «Повести...» сообщается о двух обращениях: одно к Георгию (поклон от Ростиславичей и Константина; уверение в отсутствии претензий и предложение уйти с миром, оставив Ярослава), другое к Ярославу (отпустить новгородцев и новоторжцев, вернуть Волок, целовать крест Ростиславичам и Константину и крови не проливать)⁴³⁴. В «Повести...» разделены ответы Георгия (одинъ есмь братъ съ Ярославомъ)⁴³⁵ и Ярослава (отказ от мира на условиях противника, фраза о рыбах на суше)⁴³⁶. В ТВ и ЕРМ к Георгию и Ярославу обращается Константин, и ему дан их единый ответ.

Летописный рассказ о первых переговорах имеет принципиальное значение. Ведь в историографии, как указывалось выше, часто виновником убоицы подается князь Георгий, узурпировавший великокняжеский стол, предназначенный для Константина. Так, А.В. Сиренов подал битву на Липице как итог противостояния Георгия и Константина⁴³⁷, хотя вышеприведенные сведения указывают, что для авторов «Повести...» конфликт возник в споре Мстислава Удатного и его зятя Ярослава Всеволодовича из-за Новгорода. Так же смотрели на столкновение ростовские книжники, больше интересовавшиеся спором Константина и Георгия. Поэтому «Повесть...» нельзя использовать как основной источник для реконструкции политики, деятельности и мотивационной подоплеки действий Георгия Всеволодовича. Более того, авторы, из-

ял на «Повесть о битве на Липице», чьи авторы свели сюжеты Калки и Липицы. Так могли появиться бродники на Липице в 1216 г.

⁴³⁴ НВЛ. С. 188; СИЛ. Стб. 265–266; НК2. С. 108; НЛД. С. 81; МАК. Стб. 494; Московский летописный свод. С. 112; Воскресенская летопись. С. 121.

⁴³⁵ НВЛ. С. 188 (цитата отсюда); СИЛ. Стб. 266; НК2. С. 108; НЛД. С. 81; МАК. Стб. 494; Московский летописный свод. С. 112; Воскресенская летопись. С. 121.

⁴³⁶ Там же.

⁴³⁷ Сиренов А.В. Жизнь владимирского князя Георгия Всеволодовича на страницах русских летописей XIV–XVI вв. // Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. СПб., 2003. С. 10–11.

влекающие из «Повести...» данные, неизбежно должны столкнуться с положительным образом Георгия. Лишь при вступлении рати во главе с Мстиславом Удатным на Владимирскую землю к нему присоединился Константин. Ярослав нашел поддержку у Георгия. Братскую солидарность можно поставить в заслугу Георгию. Надо указать еще на одну черту в этом отрывке «Повести»: выпячивание миротворческого настроения смоленских князей, пришедших упорядочить отношения между Всеволодовичами. Эта черта с доверием была воспринята в историографии.

§ 10. Источниковедческая критика отдельных сюжетов «Повести о битве на Липице»

Интересен сюжет, связанный с обсуждением предложений противника в шатре у Георгия и Ярослава накануне битвы⁴³⁸ (цит. по МАК):

«Тако князи възнесиса славою. Юрьи и Ярославъ видѣше оу себе силоу великую не пригаста мира и на часта пирити в шатрѣ съ своими волары. Бояринъ молвитъ твори миръ. князь Юрьи и Ярославъ меншага брѣа в вашей воли. вже бы по моему гаданію лѣче бы миръ сътворити. и дати старѣшинство князю Константину. ци зримъ вже прі нашихъ полцѣхъ тѣ мало Ростислава племяни. князи мѣдри сѣть и рѣни. и хоробрі. а мѣжи и Новогородци. и Смолене дерзи к боеви. а Мъстислава Мъстиславича и сами вѣдѣета. в томъ племяни вже дана емъ в Бѣга храбрость изо всѣхъ. а гна гаданта. и не люба вѣи рѣ си князю Юрью и Ярославъ. Нѣкто же воларъ князь Юрьевъ. Чреуч. княже Юрьи и Ярославъ. не было того ни при правдѣхъ. ни при дѣдѣ, ни при шцѣхъ вашемъ. вже бы кто вшелъ ратью в силнѣю землю в Сздалскѣю. вже въшелъ цѣлѣхъ. хотѣ бы и всѣ Рѣскаѣ землѣ. и Галичскѣѣ. и Киевскѣѣ. и Смоленскѣѣ. и Черніговскѣѣ. и Новогородскѣѣ. и Рязанскѣѣ. никако протѣв сеи силѣ оупѣютъ. аже нынешній поци. право наверхемъ и сѣдлы. И люба вѣи рѣчь князю Ярославъ. и созваша волары. и первы свои люди. на часта глати. се пришелъ бы товаръ в рѣкы. вам же вѣди кони брони. портты. а улѣа вже кто иметь живаго. то самъ вѣдѣ оубитъ. аще и золотомъ шито шблече вѣдѣ оуби. да не вставилъ ни еднаго же живаго. аще кто ис полкѣ оутечеть. не оубитъ имемъ. а

⁴³⁸ НІВЛ. С. 188; СІЛ. Стб. 266; НК2. С. 108; НЛД. С. 81; МАК. Стб. 494–495; Ермолинская летопись. С. 65; Московский летописный свод. С. 112; Воскресенская летопись. С. 121.

тѣ вѣшати или распинати а ѡ князѣ ѡже вѣдѣтъ оу насѣ в рѣкѣ то згадаемъ»⁴³⁹.

Этой сцены, запечатленной «Повестью...» и последующими памятниками, нет в ЕРМ, РОГ и АВР. Дважды она предствлена в ТВ — в повествовании о битве на Липице⁴⁴⁰:

«Князь же великій Юрій піаше всю тую ноць съ братією и з боляры, надѣяше бо ся на твердь и на множество вой, вѣ бо ихъ бес числа, яко бы мнѣти десять Суждаалтинъ на єдино҃го Новгородца. Піющимъ же имъ, рече нѣкто отъ прьвыхъ бояръ, Творимиръ, великому князю Юрію: «господине княже, добро бы сътворити миръ, а крови не проливати, а старѣйшинство бы дати Костнатину; аще бо и мало ихъ, но сѣтъ храбри отъ нашихъ Смолняне: а Мьстиславу, и самъ вѣси, яко въ всей братіи дасть емү Богъ храбрость;» вѣ бо Мьстиславъ легокъ и храверъ. Князь же великій вѣсмїася тому и рече: «яко по своей волѣ велитъ ми ся стола отца своего отступити? А кто вниде въ Суждалькую землю ратию, а здравъ изъ неа нынде? Се же глаголю, аще кто иметъ на бою человекѣка жива, то самъ бѣдетъ ѱбитъ, кромѣ точію на погонѣ, или кто привѣгнетъ въ нашъ полкъ; а о князехъ мы размыслимъ, а то вы есть товаръ пришелъ въ рѣкы». Рече инь нѣкто князю: «правъ еси, княже, право ихъ наврьжем сѣдлы». И повелѣ князь прьваго съвѣтовавашаго о миру, яко перевѣтника, изврещи вонъ; а съ темъ же послѣднимъ начаша веселитися и пити»⁴⁴¹;

и в повествовании о Калке в связи с Александром Поповичем⁴⁴²:

«и высть имъ вой на Липицахъ и на Юріевѣ горѣ, и тѣ всѣ полки великого князя Юрія избыти, в нихъже ѱвїенъ высть храверый и

⁴³⁹ МАК. Стб. 494–495.

⁴⁴⁰ Если в летописях, содержащих «Повесть...», сцена описана после переговоров, то в ТВ эти фрагменты разделены рассказами о расстановке сил Георгием и Константином и третьем посольстве. В измененном и более стройном виде этот отрывок в «Повести...» следует после сцены в шатре у Георгия и Ярослава.

⁴⁴¹ ТВ. Стб. 320–321.

⁴⁴² Битва на Липице здесь «раздвоена»: летописец выделил битву Георгия и Константина у Юрьева на реке Гзе, а затем затронул битву на Липице, где Георгий поддержал брата Ярослава в борьбе с Мстиславом.

безумный бояринъ Ративоръ, иже похвалися седлы наметати супротивныхъ»⁴⁴³.

Этот отрывок примечателен тем, что при обсуждении ситуации накануне битвы князя Георгий и Ярослав советуются с боярами, и один из них призывает согласиться с условиями мира. В большинстве летописей имя этого боярина – Творимир, тогда как в МАК и СЛ⁴⁴⁴ он действует без имени, молвя: твори миръ. По этому поводу Д.С. Лихачев заметил:

«Возможно, что в первоначальном рассказе о Липицкой битве в своде 1448 г. имя боярина Творимира не читалось. Летописец мог принять за него слова, сохранившиеся ныне в Софийской I летописи, с которыми боярин обращался к суздальцам... Однако могло быть и обратное, т.е. имя боярина Творимира было воспринято составителем Софийской летописи как обращение к князьям. За последнее говорит несогласованность формы единственного числа «твори» к двум князьям (Юрия и Ярославу), требовавшим множественного числа»⁴⁴⁵.

Помня о том, что в «Повести» активно, хотя и путанно, использовалось двойственное число, в данном случае нужно ожидать именно его применение, а не множественного числа. Поэтому все-таки верно последнее объяснение Д.С. Лихачевым имени Творимир в «Повести». Именно это объяснение и возобладало в последующей историографии. Так, для Я.С. Лурье это стало отправным пунктом для дальнейших рассуждений⁴⁴⁶.

В связи с Творимиром заслуживает внимания его антипод Ративор, о котором говорится в пространном сообщении об Александре Поповиче в ТВ. Похожее сообщение из Хронографа (ГПБ, F.XVII.17, XVII в. – не позже 1661 г.⁴⁴⁷) привел Д.С. Лихачев:

«На иных же боех той же Александр с теми храбрыми и Юрюту храброго уби и Ративора храброго, иже хотяше седлы войско Костянтиново (войско) наметати хвалыся, уби»⁴⁴⁸.

⁴⁴³ ТВ. Стб. 337.

⁴⁴⁴ СЛ. Стб. 266.

⁴⁴⁵ Лихачев Д.С. Летописные повести об Александре Поповиче // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 343.

⁴⁴⁶ Лурье Я.С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании... С. 109.

⁴⁴⁷ Лихачев Д.С. Летописные повести об Александре Поповиче... С. 334.

⁴⁴⁸ Там же. С. 335.

Д.С. Лихачев привел этот текст для опровержения мнения А.А. Шахматова относительно того, что пространное повествование в ТВ об Александре Поповиче на Калке является ростовским по происхождению и попало оттуда во многие летописи. Между тем, введение в научный оборот самостоятельного текста об Александре Поповиче может свидетельствовать как раз и о правоте А.А. Шахматова⁴⁴⁹. Если следовать логике Д.С. Лихачева, получается, что составители ТВ просто расширили скупое летописное известие о гибели на Калке Александра Поповича за счет былинных текстов ростовского происхождения. Тогда надо объяснять, как и зачем в текст о Калке попало краткое известие о гибели в 1223 г. Александра Поповича с богатырями. Убедительного объяснения сделано не было. Более убедительной является версия А.А. Шахматова. Её укрепил Я.С. Лурье:

«Перед нами, очевидно, фрагменты того же ростовского рассказа, который отразился в Тв и под 6724 г. ...; следы ростовского рассказа с участием Александра Поповича и других «храбров» сохранились... и в своде 1448 г. (С1–Н4), но именно в рассказе о Калке 6732 (1224) г., а в не рассказе о Липице. Запись ростовских преданий о Липице и Калке существовала... уже в XV в. (свод 1448 г., Сокращенные своды). Но ростовский компилятор, составитель Тверского сборника XVI в., и под 6724, и под 6432 г. передавал свой ростовский источник не в чистом виде, а в соединении с тем рассказом, который отразился в своде 1448 г.: под 6432 г.⁴⁵⁰ сохранилось упоминание о гибели «боярина Ратибора», который похвалился селты паметати супротивных», но этот Ратибор – персонаж явно параллельный и противостоящий столь же легендарному Творимиру... который, призывая к миру, похвалял «мудрость» и «рядность» князей «Ростиславля племени». Очевидно, в Тв ростовский рассказ был соединен с рассказом, восходящим к смоленским Ростиславичам»⁴⁵¹.

Возможный скрытый полемический аргумент Я.С. Лурье разрушал тезис Д.С. Лихачева о возникновении в XVI в. текста о Липице в составе сообщения о Калке в ТВ, но был построен на небесспорном

⁴⁴⁹ Идею А.А. Шахматова вновь озвучил: *Лурье Я.С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV–XVI вв. ... С. 109.*

⁴⁵⁰ Так в тексте. В этом и предыдущем случаях должно быть: 6732 г. (ТВ. Стб. 337).

⁴⁵¹ *Лурье Я.С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании... С. 109.*

основании: ТВ вторично по отношению «...к рассказам... Н4–С1»⁴⁵². Изучение летописного материала позволяет перевернуть схему Я.С. Лурье об отношении текстов о Липице и Калке в ТВ и «Повести...». По мнению ученого, в рассказе о битве на Липице в ТВ произошло соединение элементов «Повести» с ростовским летописанием⁴⁵³. Но, как показано выше, есть основания говорить, что тексты ТВ (хотя бы о битве на Калке) стали исходными для текстов СИЛ и НИВЛ, НК2, НЛД. Кстати говоря, наблюдения за хронологической сеткой подтверждают эти выводы.

В пользу изначальности былинного текста об Александре Поповиче говорит и то, что вставка Ратибора в ТВ является нелогичной. В летописях, восходящих к софийско-новгородскому своду, да и в сообщении о битве на Липице в ТВ, не указано имя боярина, хваставшего, что можно противника закидать седлами. Оно появилось только при описании битвы на Калке. Поэтому уместно предположить, что в ТВ при описании битвы на Калке дошел текст действительно ростовской традиции, затем использованный при создании «Повести о битве на Липице» и текста о Липице в самом ТВ.

Поэтому схему создания «Повести о битве на Липице» можно представить так: летописцы комбинировали материалы новгородского и ростовского летописания. При этом было сохранено имя боярина Творимира с устранением его антипода Ратибора. Он стал «жертвой» смоленских интересов, которые преследовались при создании «Повести». Причем однозначно можно считать Ратибора и Творимира плодом литературного творчества фольклорного происхождения. Появление в «Повести...» одного Творимира – результат целенаправленной литературной обработки в Ростове текстов, сохранившихся в ЕРМ и ТВ. При этом, в ТВ отразились оба этапа обработки: самого текста, близкого к «Повести о битве на Липице», и в сообщении о битве на Калке. Еще раньше «Повести...» в ТВ в сообщении о Липицкой битве появился один Творимир. Поэтому сомнительна мысль Я.С. Лурье:

«В повести появляется и совершенно новый персонаж – боярин с многозначительным именем Творимир, заявляющий владимирским князьям, что по его «гадашию» (мнению) им «лучше бы мир взяти и дати старейшинство (верховную власть)» старшему брату... Перед нами, таким образом, как раз упомянутая в предшествующей главе право-

⁴⁵² Там же. С. 108.

⁴⁵³ Лурье Я.С. Общерусские летописи... С. 110.

вая концепция – «договорное сознание» – почитание договора и скрепляющего его ритуала»⁴⁵⁴.

Если Творимир⁴⁵⁵ – литературный герой⁴⁵⁶, появившийся в «Повести...» после «ликвидации» антагониста Ратибора, то есть основания считать детали договоренностей в шатре недостоверными. Например, возможный раздел Руси между князьями в случае победы Георгия и Ярослава, встречающийся лишь в «Повести» и последующих памятниках: Георгий получил бы владимирскую и ростовскую земли, Ярослав – Новгород, Святослав – Смоленск, черниговские князья – Киев, а Галич достался бы опять-таки Всеволодовичам. Летописец ссылается на грамоты со взаимными обязательствами Георгия и Ярослава выполнить эти решения; эти грамоты, по словам летописца, попали в руки победителей после сражения на Липице.

Этим сведениям безоговорочно верил Дж. Феннел; принципиально признает реальность неосуществленных претензий, приписанных «князьям позднейшим новгородским летописцем», В.Я. Петрухин⁴⁵⁷. Однако есть основания не доверять летописным сообщениям о планах Всеволодовичей.

Во-первых, вызывает сомнения практика составления письменных грамот между братьями о будущем разделе. Тогда как, согласно «Повести», Мстислав Удатный и Владимир Псковский обошлись крестным целованием со стороны Константина накануне битвы как гарантией того, что он им не изменит. Во-вторых, оба Всеволодовича должны были со-

⁴⁵⁴ Лурье Я.С. Русские современники Возрождения. Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. Л., 1988. С. 36.

⁴⁵⁵ Примечательно, что С.М. Соловьев предпочел имя Андрея Станиславовича из Никоновской летописи имени Творимира из «Повести»: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. II. С. 615.

⁴⁵⁶ Лурье Я.С. Русские современники Возрождения... Л., 1988. С. 36. См. также: «“Творимир” здесь, судя по тексту Новгородской Карамзинской и Новгородской четвертой летописей, а также Тверского сборника, – собственное имя (а не обращение: «Твори мир...»). В Новгородской первой летописи этот персонаж не фигурирует. Имя это явно имеет символический характер, и весь рассказ чрезвычайно характерен для тенденций Новгородско-Софийского свода в целом» (Лурье Я.С. Комментарии. Повесть о битве на Липице // БЛДР. Т. V. СПб., 1997. С. 464).

⁴⁵⁷ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси... С. 87, 98; Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ, Князья, Религия... С. 230.

блюдать договоренности по отношению к черниговским князьям и Святославу, не знавшим об этих обязательствах. Согласно Д.С. Лихачеву, дипломатические переговоры в XI–XIII вв. велись устно, через послов⁴⁵⁸, что отражает высокую роль устного слова, которое фиксировалось в летописи как прямая речь. Интересны в свете решения данной проблемы и выводы В.Б. Кобрин относительно земельных актов. Указывая на отсутствие актов старше XIV в., В.Б. Кобрин пишет о документах второй половины XIV в.:

«В них нет еще четкой схемы построения формуляра: редко указывается, где расположена земля, которая стала объектом сделки; не всегда названы свидетели, имена которых позднее включались в акт совершенно обязательно...»⁴⁵⁹.

Аргументы Д.С. Лихачева и В.Б. Кобрин подрывают доверие к сведениям «Повести...» о договоренностях Георгия и Ярослава, решавших судьбы и черниговских князей. Письменное закрепление таких договоренностей более подходит под реалии XV–XVI вв. Примечательно, что летописи близкие по времени к битве на Липице, о планах Георгия и Ярослава ничего не сообщают, как не упоминают и о самих грамотах. Трудно представить и то, что Георгий и Ярослав Всеволодовичи, придя на Липицу, чтобы бороться с агрессором, решили поделить всю Русскую землю. Известия о прожектах Всеволодовичей на Липице, как и сведения о князе Владимире Всеволодовиче, и о бродниках, муромцах, и городчанах, появились в летописях в XV в., содержащих «Повесть...». Ничего о планах и договоренностях Георгия и Ярослава не сообщается в ЕРМ и ТВ, которые, очевидно, донесли более ранние тексты о Липице, нежели СИЛ, НИВЛ, НК2, НЛД.

Большинство новаций, встречающихся в «Повести...», служат усилению её обличительного пафоса. Ради этого авторы «Повести...» готовы были пойти на вымысел. «Повесть о битве на Липице» осуждает княжеские преступления. Георгий и Ярослав с точки зрения летописца – виновники распри. Более того, они покушались на другие земли – Смоленск, Новгород и опять-таки ничего не оставляли Константину. В предшествующих речах Георгий и Ярослав, обращаясь к боярам, при-

⁴⁵⁸ Лихачев Д.С. Русский посольский обычай XI–XIII вв. // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 152.

⁴⁵⁹ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 33–34.

зывали жестоко обходиться с врагами и пленных не брать⁴⁶⁰, а с захваченными князьями разобраться после сражения.

В тексте Георгий и Ярослав как отрицательные герои ведут себя по канонам нескольких литературных стилей: монументального историзма, эпического, эмоционально-экспрессивного. Д.С. Лихачев так характеризовал стиль монументального историзма:

«Однако и в отношении к отрицательным персонажам писатель XI–XIII вв. не в меньшей степени официален, чем в отношении к положительным героям... Отрицательный герой летописи – это внешний враг, всякий противник того князя, которому сочувствует летописец. Отрицательные персонажи летописца найдены не по их внутренним отрицательным свойствам, а по тому внешнему положению, которое они занимали в феодальной и классовой борьбе своего времени. Характерно, что многие отрицательные психологические свойства противника определены летописцем также с этой официальной, служебной позиции»; «Враг изображается обычно в момент своего выступления в поход *в силе тяжце*, или в момент своего поражения, когда он бежит с позором, *дав плечи*, или обнимает ноги победителя, *обещаясь работе быти е.ю*»; «Летописец – подданный и пишет о своем князе как подданный. Только о враге он пишет, что он совершил тот или иной поступок, движимый злобой, завистью, жадностью или гордостью (ассортимент психологических качеств и здесь невелик, анализ несложен) или побуждаемый к тому злым советчиком, послушавшись его дурного совета, дьяволом наученный или дьяволом сооблазненный»⁴⁶¹.

Георгий и Ярослав хвастливы, жестоки и вероломны по отношению к врагам, несправедливы в территориальных притязаниях. В то же время в «Повести...» летописец изобразил Георгия и Ярослава трусливыми: когда вострубили тревогу в полках Константина, они чуть не убежали. Они – неумелые военачальники: обладая численным превосходством, оставили на поле боя около 10 тысяч погибших и раненых. Их соперники – смоленские князья и Константин – не хотят битвы, предлагают мир на справедливых условиях, но, вынуждаемые к конфликту,

⁴⁶⁰ Б.М. Пудалов это известие, на наш взгляд, неправомерно использовал для реконструкции психологического облика Георгия Всеволодовича: *Пудалов Б.М. Начальный период истории... С. 175*

⁴⁶¹ *Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Т. 3. Л., 1987. С. 37, 41, 64.*

готовятся воевать, что укладывается в рамки исторического монументализма:

«Храбрость князей авторы XII–XIII вв. стремятся подчеркнуть не только в похвальных характеристиках им, но и в описании их действий. Одна из самых важных добродетелей князя – быть впереди своего войска, первым бросаться в схватку, побеждать врагов в рукопашной схватке»⁴⁶².

Примечательно, что в «Повести» победители не преследуют врагов, а стоят до ночи, что вписывается в каноны стиля исторического монументализма:

«Церемониальны не только встречи князя и его посажение на столе, но и такие, как езда «у стремени»... его стояние «на костях» после битвы, «обличающее» победу...»⁴⁶³.

В «Повести о битве на Липице» поведение князей Мстислава и Владимира Мстиславичей вырастает до размеров эпических подвигов, что характерно для литературы XII–XIII вв., сочетавшей исторический монументализм с эпическим стилем⁴⁶⁴. В «Повести...» видны черты другого стиля – эмоционально-экспрессивного. Особенно при подаче поведения Ярослава Всеволодовича. Опять есть смысл прибегнуть к цитированию Д.С. Лихачева:

«Христианские добродетели или пороки направляют людей в их деятельности. Злоба, ярость, гнев, зависть, гордость двигают поступками злых. Благочестие и ницелюбие, вера и смирение двигают силой добрых. Властители мечутся, обуреваемые страстями или совершают подвиги благочестия... Отсюда необычайная экспрессивность характеристик, отсюда гиперболы, стремление к грандиозности изображения, проникающее и подавляющее изложение. Под влиянием страстей властители совершают чудовищные злодеяния...»⁴⁶⁵.

Увеличение объема речей говорящих также служит аргументом к тому, что в «Повести...» задействовались материалы перехода от стиля исторического монументализма к эмоционально-экспрессивному стилю:

⁴⁶² Там же С. 50.

⁴⁶³ Там же. С. 40.

⁴⁶⁴ Там же. С. 76.

⁴⁶⁵ Там же. С. 91.

«Экспрессивность действий подчеркивается длинными речами, которые произносят действующие лица. Эти речи должны изобразить отношение людей к событиям и, главное, их душевное состояние в связи с этими событиями»⁴⁶⁶.

В силу этих рассуждений «Повесть о битве на Липице» нужно рассматривать как сложное, многоуровневое и многослойное произведение, в котором, несмотря на старания авторов, угадываются швы и противоречия при сведении данных разных источников.

Поэтому целиком доверять картине сражения в «Повести...» нельзя. Имеет смысл удовлетвориться скудным описанием битвы в НПЛ: новгородцы решили биться, как их предки, босыми и пешими; они набросились на полк Ярослава, обратив его в бегство; Георгий, увидев это, также побежал. Далее НПЛ отмечает большое число убитых и повязанных⁴⁶⁷.

Ярослав бежал в Переяславль (Залесский), где побросал в погреб новгородцев. В это время Мстислав и два Владимира с Константином устремились к Владимиру. Ночью в городе вспыхнули княжеский двор и крепость. Утром Георгий запросил пощады и ушел добровольно в Городец,

«и посадиша новгородци Костянтина въ Володимири на столѣ отни».

Затем Мстислав направил к Переяславлю новгородцев, получил свою дочь и плененных Ярославом новгородцев.

В «Повести...» устройтелем мира в Залесской земле показан Мстислав Удатный. Он, а не новгородцы, посадил на великокняжеский стол Константина и отправил Георгия в Городец. Далее к Переяславлю пошли все полки победителей. В конце концов, Ярослав сдался, и Мстислав забрал свою дочь и оставшихся в живых новгородцев.

Как указывалось выше, НПЛ главным разжигателем ссоры выводит Ярослава. «Повесть о битве на Липице» усиливает эту тенденцию:

1) Ярослав уповаet на численное превосходство, а его соперники — на духовную мощь, говоря: «Ты, Ярослав, с силою, а мы с крестом»;

2) во фразе о рыбах, вышедших на сушу, Ярослав напоминает о заложниках, которые оказались у него;

3) во фразе об итогах сражения больше осуждается Ярослав, не-

⁴⁶⁶ Там же. С. 87.

⁴⁶⁷ НПЛ. С. 56, 256–257.

жели Георгий: люди сетуют на клятвопреступление Ярослава, ставшее причиной конфликта;

4) в Переяславле, куда, загнав пять коней, примчался Ярослав, ему мало прежних зла и крови, и он бросает смолян и новгородцев в поруб⁴⁶⁸;

5) можно усмотреть противопоставление Георгия и Ярослава в событиях после Липицы: Георгий идет на переговоры, а значит, получает милость победителей и уходит в Городец, а Ярослав все еще пребывает в злобе, затворясь в Переяславле, и надеется там отсидеться. Но когда к городу подошли полки, он запросил о мире; затем бил челом Константину и просил не выдавать его Мстиславу и Владимиру;

6) Георгий, отбывая в Городец, плачет:

«С҃уди б(о)гъ братѹ моему князю Ярославу, оже мя сего доведе»⁴⁶⁹.

§ 11. О соотношении летописных текстов о битве на Липице и об убийстве рязанских князей в Исадах

Есть еще один летописный сюжет, связанный текстологически с «Повестью о битве на Липице» – это сообщение о междоусобной резне рязанских князей в Исадах в 1217 г. В памятниках, содержащих «Повесть...», о ней скупо сообщается в статье, пространно излагающей о битве на Липице – под тем же годом. Исследователи считают, что в основе любого летописного сообщения о преступлении в Исадах лежит рязанский летописный текст.

Рязанский текст известия о резне в Исадах представлен в НПЛ старшего извода⁴⁷⁰, куда он попал из рязанской летописи, составленной для Ингваря Игоревича, избежавшего Исад⁴⁷¹. По отношению ко всему тек-

⁴⁶⁸ Сведения о паническом бегстве подтверждают результаты исследования шлема Ярослава Всеволодовича: Янин В.Л. Ещё раз об атрибуции шлема Ярослава Всеволодовича // Древнерусское искусство. Художественная культура Домонгольской Руси. М., 1972. С. 235–244.

⁴⁶⁹ СЛ. Стб. 273.

⁴⁷⁰ НПЛ. С. 58.

⁴⁷¹ Комарович В.Л. История русской литературы. Т. II. Ч. I. М.–Л., 1945. С. 74–77; Лихачев Д.С. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 261–262; Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 148; Дмитриев Л.А. Рассказ о преступлении рязанских князей (комментарии) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. V. СПб., 1997. С. 464–465; Кучкин В.А. Летописный

сту НПЛ это известие носит вставной характер; отсутствие этого известия в НПЛ младшего извода объясняется «следствием утраты листа в протографе младшего извода»⁴⁷². Сообщение ЛЛ⁴⁷³ также донесло до нас рязанское известие, но его нельзя считать первичным из-за грубой описки в дате⁴⁷⁴. Оно попало в ЛЛ и НПЛ из какого-то общерусского свода: ведь

«повествование об усобице содержится также во многих летописях, не связанных»

ни с ЛЛ, ни с НПЛ⁴⁷⁵. Надо внести дополнения в наблюдения А.Г. Кузьмина: и ЛЛ, и НПЛ приводят одно и то же число, но разным месяцем убийства в Исадах – 20 июня на день святого пророка Ильи в ЛЛ и 20 июля на святого пророка Илью в НПЛ. Неточность в датировке события составителем ЛЛ можно считать результатом описки. Также в ЛЛ трагедия в Исадах «произошла» в том же году, что битва на Липице⁴⁷⁶ (оба события помещены в годовой статье 6725 г.), а в НПЛ готовые статьи Липицкой битвы (6725 г.) и резни в Исадах (6726 г.) разделены добавочной статьей 6726 г. В ЛЛ и НПЛ не сообщается, что братоубийцы бежали «в Половцы», а на рязанском столе утвердился Игорь Ингваревич.

По мнению Н.Г. Бережкова, годовая статья ЛЛ состоит из сообщений о битве на Липице в 1216 г. и о резне в Исадах в 1217 г.⁴⁷⁷; в НПЛ статьи 6726 и 6725 гг. надо отнести к одному 6725 г. и перевести его как 1217 г.; соответственно, битву на Липице нужно датировать 1216 г.⁴⁷⁸.

рассказ об убийстве рязанских князей // Письменные памятники истории Древней Руси... С. 73.

⁴⁷² Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник 6 (16). СПб., 1997. С. 13–14; Гимон Т.В. Ведение погодных записей в средневековой анналистике (Сравнительно-историческое исследование): Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.03 / Российский государственный гуманитарный университет. – М., 2001. С. 19; Гимон Т.В. Новгородское летописание XII–XIII вв.: проблема отбора событий для фиксации // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 337.

⁴⁷³ ЛЛ. Стб. 440–441.

⁴⁷⁴ Кучкин В.А. Летописный рассказ об убийстве рязанских князей... С. 74.

⁴⁷⁵ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 148–149.

⁴⁷⁶ Также в: Симеоновская летопись. С. 49.

⁴⁷⁷ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. С. 105.

⁴⁷⁸ Там же. С. 105, 258–259.

В СІЛ краткое известие без даты об Исадах помещено в одну статью «Того же лѣта князь Глѣбъ изби в Рязани братью свою, учинивъ лѣсть»

(6725 г.) с сообщением о Липице (между ними сообщение о походе Всеволода Мстиславича на Ригу)⁴⁷⁹; почти так же, но с изменением годовой статьи (6724 г.), поданы сведения в НІВЛ, НК2, НЛД⁴⁸⁰. В этих памятниках не указано, что Глеб и Константин Владимировичи после злодеяния бежали к половцам, а уцелевший Игорь Ингваревич стал рязанским князем.

В Московском летописном своде и Воскресенской летописи сообщение о битве на Липице помещено в годовую статью 6724 г., а пространное известие об убийстве в Исадах составляет большую часть статьи 6725 г.⁴⁸¹. По ряду текстовых параллелей видно, что составители протографа, которым пользовались летописцы, взяли в качестве исходного текст, близкий к ЛЛ. В частности, имеется резюме летописца, имеющееся в ЛЛ, — «си же злоба сключися», далее следует дата (в НПЛ к дате привязаны слова, что рязанские князья скончались). В отличие от ЛЛ, в Московском летописном своде и Воскресенской летописи нет рассуждений о преступлении Каина, предваряющих рассказ о событии; также в этих памятниках и ЛЛ нет слов НПЛ (или их перефразировки), заключающих повесть:

«Съ же оканьнын Глѣбъ и Костянтинъ, брат его, онѣмъ ѹготова царство небесное, а собе мѹкѹ вѣчнѹю и съ дѹмьци своими».

То есть текст, имеющийся в Московском летописном своде и Воскресенской летописи, отличается от близкого сообщения ЛЛ и от известия НПЛ снижением обличительного пафоса, выдержанного в рамках библейских ценностей. В Московском летописном своде и Воскресенской летописи указана правильная дата (если за эталон взять сведение НПЛ) кровавой распри в Исадах — 20 июля, но без увязки с Ильиним днем. Точная дата без упоминания приходящегося на нее праздника указывает на то, что составитель Московского летописного свода пользовался источником, отразившим протограф ЛЛ. Видимо, из этого прото-

⁴⁷⁹ СІЛ. Стб. 263–274.

⁴⁸⁰ НІВЛ. С. 186–197; НК2. С. 111; НЛД. С. 80–83.

⁴⁸¹ Московский летописный свод конца XV века... С. 114–115; Воскресенская летопись. С. 120–125.

графа в Московский летописный свод и Воскресенскую летопись попали сведения о том, что братоубийцы бежали к Половцам, а в Рязани утвердился Ингварь Игоревич.

Близок к сообщению Московского летописного свода и Воскресенской летописи текст о резне в Исадах в Никоновской летописи⁴⁸². Он имеет те же особенности, что и сведения этих двух памятников. К ним добавляются те, что зафиксировал А.Г. Кузьмин⁴⁸³:

1) текст сообщения начинается уникальной фразой

«пръвіе ѹбо сін оклеветаша дядей своихъ и братью свою и много крови пролиаша, и ѹбийство сотвориша, таже ныне въторое ѹмыслиш избити всю братію»,

свидетельствующей о её принадлежности тому же автору, что писал строки Никоновской летописи о событиях 1207–1208 гг.;

2) в основе рассказа Никоновской летописи под 1217 г.

«лежит изложение Симеоновской, а не Лаврентьевской летописи»,

поскольку в Симеоновской пропущен один из убитых – Святослав (такой пропуск есть в Никоновской летописи); Никоновская летопись, как в событиях 1207–1208 гг., добавляет к имени Ростислава отчество *Святославич*.

Суждение А.Г. Кузьмина, что

«...Лаврентьевская летопись ошибочно датирует событие 20 июня, в то время как другие летописи, в том числе Симеоновская и Никоновская, дают 20 июля, которому и соответствовал Ильин день»

представляется излишним усложнением схемы развития летописного сообщения. Достаточно признать 20 июня в ЛЛ ошибкой писца, и тогда правильность даты в других летописях объясняется более точным копированием текста протографа, который лежал в основе ЛЛ.

В более кратком варианте (по сравнению с Московским летописным сводом и Воскресенской летописью), с разнесением по разным годовым статьям битвы на Липице и резни в Исадах, с еще большей степенью десакрализации оценок текст (простая констатация факта с указанием, что Глеб был научен сатаной, что Ингварь Игоревич не успел прибыть на совет и был защищен (безлично) от лютой смерти; не гово-

⁴⁸² Никоновская летопись. С. 77–78.

⁴⁸³ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 149.

рится, что время Ингваря Игоревича еще не пришло), близкий к ЛЛ, есть в ЕРМ⁴⁸⁴. Так же (лишь указывается, что Ингваря Игоревича спас Бог), что и в ЕРМ, сообщается о преступлении в Исадах в ТВ⁴⁸⁵. И в ТВ и ЕРМ не указаны дата события и Ильин день. Это необычно для ТВ, отличающейся вниманием к хронологии, к её уточнению и даже обратному исчислению, дополнительному привязыванию к датам памяти соответствующих святых. ТВ и ЕРМ также указывают, что Глеб и Константин Владимировичи после преступления бежали к половцам, но, в отличие от Московского летописного свода конца XV в., Воскресенской, Симеоновской, Никоновской летописей, умалчивают о судьбе рязанского стола.

Поэтому, исходя из совокупности вышеприведенных наблюдений, можно получить более сложную картину взаимоотношений летописных сообщений о драме в Исадах в 1217 г., нежели это представлено А.Г. Кузьминым. В основе всех известий об этом событии лежит текст рязанского свода, отразившийся в ЛЛ, усиленный прорязанскими симпатиями в НПЛ. Тем не менее НПЛ нигде больше не повлияла на формирование этого известия. К этому рязанскому своду-протографу, возможно минуя ЛЛ, восходит традиция ЕРМ и ТВ. Традиция, более связанная с ЛЛ, представлена в Московском летописном своде конца XV в., Симеоновской, Воскресенской и Никоновской летописях несмотря на то, что сведения о битве на Липице и о резне в Исадах разведены по разным годовым статьям.

Краткую строчку о князе Глебе, убившем брата, в СИЛ, НИВЛ, НК2, НЛД нельзя считать реликтом какого-то памятника. Такое сокращение присутствует лишь в тех летописях, где представлен пространственный текст «Повести о битве на Липице». Будучи посвященной конкретному княжескому преступлению Георгия и Ярослава, она могла бы быть затенена даже той записью об убийстве в Исадах, что есть в ЕРМ и ТВ. Убийства родного и двоюродных братьев явно «перевешивают» борьбу Ярослава за Новгород и Георгия и Константина за старшинство во Владимирской земле. Очевидно, источником краткой записи в СИЛ, НИВЛ, НК2, НЛД стала НПЛ старшего извода через посредство текста ЕРМ и ТВ. И в ней, и в этих памятниках отсутствуют последующие сведения о попытке Глеба Владимировича утвердиться в Рязанской земле и об отпоре, данном Ингварем Игоревичем, о помощи, оказанной владимирс-

⁴⁸⁴ ЕРМ. С. 66.

⁴⁸⁵ ТВ. С. 325.

ким князем Георгием Всеволодовичем князю Ингварю. Примечательно, что именно в летописях традиции «Повести о битве на Липице» в одной годовой статье оказались объединенными битва на Липице и преступление Глеба Владимировича, подобно ЛЛ. Однако если в последней это явление появилось благодаря сведению статей разных стилей, то в СИЛ, НИВЛ, НК2, НЛД это могло стать результатом сознательного сверстывания в одну статью сведений о двух княжеских преступлениях. Таким образом, сообщение о резне в Исадах в СИЛ, НИВЛ, НК2, НЛД текстуально связано с «Повестью», если даже не входит в её состав. За это говорит и краткость сообщения о преступлении в Исадах.

При проведении такого редактирования составители «Повести» провели ряд операций. С учетом того обстоятельства, что составители «Повести» стремились максимально отдалиться от традиции, представленной в ЛЛ, то соединение, подобно ей, в одной годовой статье сообщений о Липице и об Исадах было сознательным приемом. Это ярко обнаруживается сравнением подачи материала в предшествующих текстах (НПЛ, возможно – ЕРМ и ТВ) и в последующих (Московский летописный свод, Воскресенская летопись): Липица и Исады разнесены по разным годовым статьям. Причем и в предшествующих, и в последующих памятниках по отношению к «Повести» Исады описаны более подробно. Если признать верным допущение, что составители «Повести» воспользовались текстом, дошедшим до нас в составе ЕРМ и ТВ, то понятна логика и насущность исправления этого материала. И без того слабый обличительно-публицистический пафос текстов о Липице в ЕРМ и ТВ снижается следующим годовым сообщением, где, кроме резни в Исадах, сообщается о примирении Георгия и Константина⁴⁸⁶.

§ 12. Липицкая битва – общерусское событие: в жизни и в летописании

В рассуждениях о возможных мерах против побежденных уже была затронута проблема последствий Липицкой битвы для Владимиро-Суздальского княжества в частности и всей Руси в целом. Необходимо поддержать точку зрения Дж. Феннела, что участие Ростиславичей во внутренних делах Владимиро-Суздальского княжества было связано со

⁴⁸⁶ ТВ. Стб. 326; ЕРМ. С. 66. В ТВ известия об Исадах и примирении братьев отделены сообщением об уходе из Новгорода Мстислава Удатного.

стремлением установить влияние на территории Руси. Этот процесс начался после смерти Всеволода Чермного в 1212 г.: Ростиславичи овладели Киевом; Мстислав Удатный влиял на процессы в Галицко-Волынской земле; возможно, в 1215 г. смоленским князьям, после пленения Владимира Всеволодовича половцами, удалось утвердиться в Переяславле хотя бы для защиты южнорусских рубежей. Еще одним спорным участком был Новгород. Вероятно, после ухода Мстислава на юг Ярослав был приглашен туда как зять, долженствовавший продолжать политику тестя. Однако на этом поприще Ярослав оказался достойным преемником своего отца и начал давить на Новгород, добиваясь безоговорочного признания своей власти. Это вызвало противодействие со стороны Ростиславичей. Не зря их коалиция стала готовиться еще на юге. Вероятно, этот же вопрос был принципиальным для всех Всеволодовичей: и Георгий, и Константин, и Святослав помогали Ярославу бороться против тестя. Для Ростиславичей этот спор был выяснением отношений с владимирскими князьями из-за власти в Новгороде. Династическая неурядица во Владимирском княжестве заинтересовала их только с целью раскола коалиции противника. Ни о каком отстаивании прав Константина речи не шло – это стало платой за его переход на сторону Ростиславичей.

Интересуясь исключительно Новгородом, Ростиславичи после Липицы ничего не стали делать, чтобы контролировать нужный им расклад сил во Владимирском княжестве. На престоле во Владимире сидел благодарный им Константин, восстановивший власть среди братьев, и не помышлявший посягать на Новгород, и не дававший делать это братьям. Ростиславичи были удовлетворены таким положением вещей. Это похоже на политический почерк. В 1212 г., нанеся поражения Ольговичам, они удовлетворились тем, что отказались от борьбы за Галич и Киев, но не стали оказывать давление на сам ход процессов в Черниговском княжестве. Единичное упоминание Владимира Рюриковича как князя переяславльского не позволяет говорить о том, что он или его родня сохранили за собой Переяславль-Южный, который был владением владимирских князей. То есть Ростиславичи признавали законные права других династий на их владения и пытались доминировать путем занятия Киева и Новгорода, а также спорных столов. Как мы помним, со времен Всеволода Большое Гнездо владимирская политика в Рязани и в Новгороде была принципиально иной и была направлена на слом сопротивления там.

В силу этих выводов нельзя вслед за различными исследователями говорить о вмешательстве Ростиславичей, новгородцев или псковско-новгородской коалиции во внутренние дела Владимирского княжества и о целенаправленном воздействии на расклад сил там. Все победители отстаивали свои интересы от угрозы со стороны преемников Всеволода Большое Гнездо. Поэтому и условия были так мягки. Всех больше пострадал, наверное, Ярослав, да и то лишь из-за родственных отношений. Тесть Мстислав Удатный отобрал у него свою дочь. Этот эпизод стал важным аргументом для ряда ученых в отрицании того, что Мстислав Удатный мог быть дедом Александра Невского.

Как показал В.А. Кучкин, именно дочь Мстислава Удатного стала матерью будущего полководца, громившего шведов и немцев. То есть жена Ярославу была возвращена, а потому, можно сказать, его отношения с тестем были налажены. На этой основе отношения смоленских и владимирских князей были быстро восстановлены.

На некоторое время было покончено с владимирским влиянием в Новгороде. Как показали события зимы 1217–1218 гг. с участием Семена Емина⁴⁸⁷, после смерти Константина до вокняжения Всеволода Георгиевича в Новгороде споры Георгия и Ярослава Всеволодовичей с новгородцами носили характер пограничных столкновений и территориальных разногласий. В целом, если доверять сведению об участии Ярослава в походе на Полоцк⁴⁸⁸, что совпало с действиями новгородцев против немцев в Ливонии, то можно считать, что, находясь в русле политики смоленских князей, переяславльский князь действовал и в интересах внешней политики Новгорода. Сама силовая политика по отношению к Новгороду со стороны владимирских князей проистекала от Ярослава. Ведь после того, как в начале 1220-х гг. Новгород покинул смоленский князь, новгородцы пригласили сына Георгия Всеволодовича к себе на престол. Возобновление прессинга на новгородцев было связано опять с Ярославом.

Внутри Владимиро-Суздальского княжества ситуация после Липицы кардинально не изменилась. Константин через некоторое время вернул Георгия Всеволодовича из Городца и дал ему Суздаль. По сути, произошел раздел земли на отдельные княжения при признании старшинства среди братии Константина. Незадолго до смерти это старей-

⁴⁸⁷ НПЛ. С. 59, 260.

⁴⁸⁸ НПЛ. С. 263.

шинство Константин передал Георгию Всеволодовичу, и тот не покушался на территориальные права братьев, племянников-Константиновичей. Такой вывод не согласуется с идеей Л.В. Черепнина, что власть в Северо-Восточной Руси эволюционировала в сторону развития сословно-представительной монархии. Более тут подходит характеристика А.Е. Преснякова. Такое поведение Георгия Всеволодовича после 1217 г. является косвенным аргументом в пользу того, что его деятельность в период 1212–1216 гг. не затрагивала владельческих интересов его близких родственников. Противоположная мысль появляется в трудах тех историков, которые используют летописи без их предварительной источниковедческой критики.

Исход битвы на Липице покончил с общерусским значением власти владимирского князя, которого добивались Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо. Конечно, это значение стало потом восстанавливаться благодаря выстраиванию новых отношений с черниговскими князьями, смоленскими князьями, Новгородом.

В качестве предположения можно выдвинуть еще один из результатов битвы на Липице – это резня рязанских князей в Исадах в 1217 г. Во всех летописных памятниках сообщение об этом событии следует (чаще всего, в той же годовой статье) за сообщением о Липицком побоище. Истоки этой драмы надо искать в действиях тех же владимирских князей. Всеволод Большое Гнездо в 1207 г. подчинил Рязань себе, часть семейства её князей пленил. Они были в заточении до самой его смерти. После нее Георгий Всеволодович выпустил рязанских князей, которые начали отстаивать свои права внутри княжества, чем была обострена ситуация. Между рязанскими князьями разыгралась кровавая драма. Примечательно, что среди убитых был Кир Михаил – свояк Георгия Всеволодовича. Да и сам он, вновь став великим владимирским князем, помогал рязанскому князю Ингварю Игоревичу совершить превентивный поход на половцев – союзников Владимировичей. С другой стороны, зачинщик этого преступления Глеб Владимирович по линии жены (дочери Давыда Ростиславича) доводился родственником смоленским князьям. Они помогали Константину вернуть владимирский стол. Победа Константина при поддержке Ростиславичей, политическая ссылка Георгия Всеволодовича, смерть Глебовичей могли подтолкнуть Глеба Владимировича к новой попытке заполучить власть путем устранения конкурентов в Исадах в 1217 г., в том числе и Кира Михаила со своим братом Изяславом. Поэтому нельзя отрицать связи между двумя

событиями: битвой на Липице и резней в Исадах, в основе которых лежали княжеские преступления⁴⁸⁹. Убийцы, Глеб и Константин, воспользовались тем, что Всеволодовичам было не до Рязани, и поспешили решить свои династические проблемы.

Битва на Липице стала событием общерусского масштаба. В силу этого значения она запомнилась современникам, и к ней обращались потомки, пытаясь извлечь из нее уроки. Будучи многосторонним событием, битва на Липице стянула на себя тенденции политического развития всей Руси, её Северной части и Владимиро-Суздальского княжества. В историографии её преломление носило односторонний, с одной какой-то точки зрения (владимирской, ростовской новгородской, смоленской и комбинированной) характер. Этому способствовало привлечение того или иного источника, а не всей их совокупности (основательный шаг к использованию всего источникового массива сделал Я.С. Лурье). Битва подвела итог целой эпохе (последняя треть XII – начало XIII вв.), которая характеризовалась борьбой за общерусское доминирование таких политических гигантов, как Роман Мстиславич, Всеволод Чермный, Всеволод Большое Гнездо, Рюрик Ростиславич. Им на смену начали приходить сообщества князей (опять-таки по территориально-политическому признаку) смоленских, части владимирских, черниговских и рязанских. Внутри этих группировок могли быть разногласия, и тогда недовольные ущемлением своих прав искали защиты в других группировках, подобно Константину Всеволодовичу. Безусловному доминированию владимирского князя Всеволода пришел конец. Была разрушена вся политическая система «сдержек и противовесов». И пусть смоленские князья вышли победителями из этой схватки, их доминирование было временным. Эпоха гегемонии уступила место «политической олигополии», когда разные княжеские группировки стремились решать разногласия на договорной основе.

С другой стороны, резкое размежевание владимирских (в лице Ге-

⁴⁸⁹ Примечательно, что в СЛ, НЛВЛ, НК2, НЛД «Повесть о битве на Липице» и краткое (в одну строку) сообщение о преступлении в Исадах помещены в одну годовую статью, подобно ЛЛ. Но если в ЛЛ это совмещение стало результатом подгонки сведений разных стилей, то в памятниках СЛ–НЛВЛ это можно считать целенаправленным действием, поскольку в других памятниках, в которых использовались источники «новгородско-софийского» свода, сообщение о рязанской резне в Исадах в 1217 г. дается более пространно.

оргия и Ярослава Всеволодовичей) и смоленских князей оказалось недолговечным, несмотря на то, что в историографии присутствует мощный аргумент – лишение Мстиславом Удатным Ярослава Всеволодовича жены. Тем не менее именно она стала матерью детей Ярослава. То есть она была возвращена князю. На это указывают и некоторые косвенные сведения источников об участии Ярослава в акциях Мстислава Удатного. Георгию Всеволодовичу ничего не мешало потом нормально общаться с Владимиром Рюриковичем и другими смоленскими князьями, в том числе и с теми, кто был на Липицком поле.

Изменились отношения Владимиро-Суздальского княжества с Новгородом. Уже в 1220–1230-е гг. Ярославу Всеволодовичу не раз приходилось отступать перед единой волей новгородцев, противопоставивших ему Михаила Всеволодовича Черниговского.

Подводя итоги, нужно отметить, что изучение сведений источников о Липицкой битве и предшествующих событий подтвердило правоту Я.С. Лурье в том, что главным источником для историка является НПЛ. К летописям же, откуда извлекается «Повесть о битве на Липице», к их уникальным сведениям надо подходить осторожно, особенно касаясь деталей самого Липицкого побоища. Зато перед ним все эти летописи могут давать правдоподобные подробности маршрутов княжеских дружин и столкновений. В остальном действительно сильна доля литературного сочинительства в «Повести о битве на Липице». Важными источниками в изучении события после НПЛ являются ТВ и ЕРМ.

На примере развития летописного сведения в литературное произведение, запечатленное в летописях XV в., можно изучать использование истории вообще и летописей в частности как аргумента в политической и публицистической борьбе в эпоху средневековья. Даже на этом уровне осуществлялось воздействие событий второго десятилетия XIII в. на реальность XV–XVI вв. Однако очевидное нарушение достоверной картины события в СЛ, НІVЛ, НК2, НЛД заставило составителей Московского свода конца XV в. и Воскресенской летописи устранить очевидные искусственные вставки (князя Владимира Всеволодовича; заменить братьев, вышедших с Георгием Всеволодовичем из Владимира, на его детей). Такая работа книжников противоречит заявлению Я.С. Лурье о том, что они создавали официозную версию события⁴⁹⁰, удобную для московского правителя. Таковая была сделана позже при

⁴⁹⁰ Лурье Я.С. Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании... С. 113.

создании Степенной книги, что, собственно, Я.С. Лурье и подтвердил. При сравнении текстов о Липице в СІЛ, НІVЛ, НК2, НЛД с текстами в Московском летописном своде и Воскресенской летописи неизбежен вывод, что данное событие «подгонялось» под политический заказ именно в первой группе летописей, связанной происхождением с Новгородом. А вот великодержавная Москва тогда же способствовала установлению достоверной картины события на Липице. Этот частный случай потиворечит общей концепции, которой придерживался Я.С. Лурье. Согласно ей именно Москва в XV–XVI вв. вытравляла из летописания следы достоверной истории.

Для усиления неправоты Ярослава и Георгия Всеволодовичей в 1216 г. и оправдания его брата Константина новгородские книжники воспользовались материалами ростовского летописания в том виде, как они сохранились в ТВ. Оттуда же пришла идея совместить в «Повести о битве на Липице» обороты и детали описания битвы на Калке (в частности, бродники). В связи с такой процедурой новгородские книжники стали изменять текст сообщения о битве на Калке. Причем это происходило в двух направлениях: к СІЛ и к НІVЛ, НК2, НЛД. В трех последних памятниках такая переработка привела к созданию особой редакции «Повести о битве на Калке».

Общерусскому значению и масштабу Липицкой битвы не противоречат более скромные, нежели в источниках, размеры войск и потери. Следуя гипотезам, надо отрицать участие в битве на Липице Святослава Всеволодовича (или признать его нерешительность, проистекавшую еще от той позиции, что проявил в схватках между братьями Георгием и Константином), его брата Владимира, бродников. Поэтому реальные масштабы сражения также нельзя преувеличивать. Под сомнение надо поставить сведения о численности войск владимирских князей и потерь обеих сторон, которые приводятся в СІЛ–НІVЛ. Виновником всех событий 1216 г. надо признать Ярослава Всеволодовича, впрочем, как это и показано в СІЛ–НІVЛ. Возможно, это было сознательной переработкой текста: ведь в XV в. Новгород терял независимость под натиском потомков Ярослава Всеволодовича. Его в качестве антигероя пытались противопоставить идеалу князя в лице Мстислава Удатного. Возможно, чтобы не создавать препятствий для дискредитации Ярослава Всеволодовича, новгородскими книжниками было максимально сокращено известие об избиении рязанских князей в Исадах, помещенное в памятниках СІЛ–НІVЛ в ту же статью, что и повествование о битве на Липи-

це. Это подходило для показа княжеских преступлений, но коварство и жестокость Глеба Владимировича в том виде, как это изложено в ЛЛ и НПЛ старшего извода, превосходило все прегрешения Ярослава Всеволодовича. Его действия привели смоленских князей с новгородцами и псковичами в Залесскую землю и стали катализатором обострения противоречий между братьями Георгием и Константином. Анализ истоков и причин этих противоречий показывает, что главным их источником стало решение Всеволода Большое Гнездо о передаче власти и распределении земель между своими сыновьями.

В силу этих соображений есть необходимость «реабилитировать» князя Георгия Всеволодовича после того, как он несколько раз был обвинен в историографии в ущемлении прав старшего брата Константина и в разжигании усобицы. Он действовал сообразно своему времени: поставленный старшим среди племени Всеволода Большое Гнездо, он, как мог, был арбитром во внутрисемейных делах, защитником своего княжества, когда на него вступили вражеские рати, не отступился от беспокойного брата Ярослава Всеволодовича в тяжелую для того минуту. По большому счету, негативистская тенденция в освещении образа Георгия Всеволодовича есть лишь в ТВ, в тексте которой в силу выпячивания ростовских интересов владимирский князь действительно изображен трусливым, внешне непривлекательным. Вероятно, текст, имеющийся в ТВ, стал исходным в создании «Повести о битве на Липице» на стадии соединения материалов новгородского владычного летописания⁴⁹¹, ростовской и смоленской летописной традиции. В этом процессе эпический образ князя с негативными чертами оказался вытеснен демоническим образом Ярослава Всеволодовича и приобрел второстепенный характер.

⁴⁹¹ Гимон Т.В. Ведение погодных записей в средневековой анналистике (Сравнительно-историческое исследование): Автореф. дис. . . канд. ист. наук: 07.00.03 / Российский государственный гуманитарный университет. — М., 2001. С. 17.

ГЛАВА V. ГЕОРГИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ – ОСНОВАТЕЛЬ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

§ 1. Нижний Новгород в Лаврентьевской летописи и Старый Городок в Нижегородском летописце

бшепринятую дату основания Нижнего Новгорода (1221 г.), указанную в Лаврентьевской летописи (далее – ЛЛ) и в других летописных сводах, принимают не все исследователи. Краеведы и отдельные историки, начиная с XVIII в.¹, пытаются искать прошлое города глубже начала XIII в. Но, только увязывая историю Нижегородчины с процессами и событиями, имевшими место в Древней Руси, можно значительно обогатить картину прошлого России и Нижегородского края. Иначе основание Нижнего Новгорода до его летописного «срока» останется лишь эпизодом, не имеющим связи ни с прошлым края, ни с его историей, отраженной в источниках с 1221 г.

Версия раннего (до 1221 г.) основания города зиждется на трех основаниях.

Первое – это сообщение о походе Мстислава, сына Андрея Боголюбского, на Волжскую Булгарию в 1171/1172 гг. Согласно летописи, Мстислав Андреевич с сыновьями муромского и рязанского князей две недели зимой безрезультатно ждал на устье Оки подхода основных сил. Понятно, что при отсутствии здесь населенного пункта, в снегах это было сделать проблематично. При возвращении войско победителей, обремененное добычей, преследовалось булгарами. Преследование прекратилось за двадцать верст до устья Оки, куда успел добраться Мстислав². Пред-

¹ Если к краеведам причислить составителя «Нижегородского летописца», то хронологическую границу традиции удревнения основания Нижнего Новгорода надо опустить к XVII веку.

² Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М., 1997 (далее – ЛЛ). Стб. 364; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М., 1998 (далее – ИЛ). Стб. 564–565.

полагается, что болгар могла напугать крепость³, хотя о ней прямых сведений в источнике нет.

Известия о «старом городке» являются аргументами для локализации предполагаемых населенного пункта и крепости до 1221 г. «Городок» оказался погребенным осыпнем, дата которого в разных источниках разная. Сведения о «городке» сохранялись до начала XVII в.⁴ Это второе основание догадки. К третьему относятся и не совсем внятные сведения В.Н. Татищева, записи легенд краеведами XIX в. Легендарные сведения, записанные в XIX в., ничего дать не могут без других свидетельств.

При столь малой отдаче источников неизбежны попытки увязать эту реконструкцию с историей Владимиро-Суздальского княжества. Лишь так можно проверить близость к истине удревнительной истории. Иначе «восстановление» истории Нижнего Новгорода не даст ничего нового по сравнению с результатами изысканий краеведов XIX–XX вв. Деятели Нижегородской ученой архивной комиссии первыми стали разрабатывать версию о рождении города на устье Оки до 1221 г. Именно оторванность, беспочвенность их поисков по отношению к истории средневековой Восточной Европы определяли уязвимость их исследований. Наиболее удачным «встраиванием» реконструированного древнерусского поселения в общеисторическую канву видится опыт Ю.В. Сочнева⁵. Он удачно обработал и согласовал летописные сообщения о походе 1172 г. и известия о «старом городке», а также записи легенд прошлого века.

³ Нижегородский край в документах, цифрах, рассказах, мнениях (хрестоматия). М., 1992. С. 258; *Сочнев Ю.В.* Еще раз к вопросу о «старом городке» и времени основания Нижнего Новгорода // Нижегородский край в эпоху феодализма. Нижний Новгород, 1991. С. 17–19; *Филатов Н.Ф.* От укрепленного «городка» на устье Оки до Нижнего Новгорода // Нижегородский край: факты, события, люди. Нижний Новгород, 1997. С. 24–25; *Он же.* Старый городок XII века в устье Оки – предшественник Нижнего Новгорода // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 1999. С. 105; *Он же.* Нижегородский край в русском летописании. Нижний Новгород, 2003. С. 9.

⁴ Нижегородский край в документах... С. 26–27; *Филатов Н.Ф.* Старый городок XII века в устье Оки... С. 107–108; *Он же.* Нижегородский край в русском летописании... С. 43–44.

⁵ *Сочнев Ю.В.* Об основании Нижнего Новгорода и землевладении Владимирского Успенского собора // Исследования по истории России. Нижний Новгород, 1996. С. 14.

Но объяснение автором того, что в сообщении о событиях 1172 г. болгары отказались от погони лишь потому, что Мстислав достиг устья Оки, нельзя принять.

Все построения автора состоят из гипотетических предположений, нанизываемых одно на другое. Причем одно предположение часто является основанием другого. Не случайно употребление исследователем сослагательного наклонения. Увы, предлагаемые решения могут быть опровергнуты так же, как и утверждались. Сам Ю.В. Сочнев заметил, что нужны дополнительные исследования, из которых основные надежды возлагаются на результаты археологических изысканий⁶.

Эти надежды могут оказаться напрасными. Ю.В. Сочнев справедливо отменил возможную результативность археологических поисков в заречной части Нижнего Новгорода, полагая, что крепости там не могло быть по причине изобилия болот, озер, речушек и весеннего подтопления⁷. Глубокая освоенность нагорной части города, оползни и обвалы дают мало шансов археологам подкрепить или опровергнуть взгляд на «донижегородскую историю»⁸.

Данные археологии могут помочь в ином плане. Петербургскими (ленинградскими) археологами разработана концепция протогородов в VIII–X вв. на территории Восточной Европы. Согласно данной концепции, протогорода предшествовали Ростову, Ярославлю, Переяславлю-Залесскому, Белоозеру, Мурому, Рязани, некоторым городам Новгородчины и Псковщины, городам Волжской Булгарии. Эти открытые торгово-ремесленные поселения (ОТРП) сочетали в себе функции рынка, перевалочной базы, гостиного двора. Все это вызывалось необходимостью обслуживать трансконтинентальные магистрали (связь по Волге развитых Востока и Западной Европы) в условиях слабого экономического развития тех территорий, на которых они пролегали. В протогородах Восточной Европы были представлены и славяне, и финно-угры, и балты, и скандинавы, и тюрки. Пестрый этнический состав ОТРП не случаен. ОТРП возникали там, где местное население не было готово включиться в экономическую жизнь торговых путей. Поэтому эту задачу решали чужаки. В то же время автохтоны должны были быть доста-

⁶ Сочнев Ю.В. Об основании Нижнего Новгорода и землевладении... С. 25.

⁷ Сочнев Ю.В. Еще раз к вопросу о «старом городке»... С. 18–19.

⁸ Таловин Д.С. Археологическое изучение территории Нижнего Новгорода // Нижегородский край: факты, события, люди. Нижний Новгород, 1997. С. 17.

точно терпимы, чтобы мириться с присутствием иноплеменников. По мере экономического развития этих территорий и их подпадания под власть Древнерусского государства и Волжской Булгарии ОТРП, угадая, уступили место средневековым городам⁹.

На месте основания Нижнего Новгорода было много от тех условий, в которых возникали ОТРП. Здесь встречались Ока и Волга, связывая ОТРП Верхнего Поволжья, территорий будущих Владимиро-Суздальского и Муромо-Рязанских княжеств. Отсюда Волга устремлялась к ОТРП, располагавшимся на землях будущей Волжской Булгарии, а далее уходила на юг с его изобилием серебра. То есть на месте основания Нижнего Новгорода могли располагаться и перевалочные пункты, и места товарообмена. Будущая Нижегородчина была местом встречи различных этносов: славянские потоки XII–XIII вв. с северо-запада, запада и юго-запада встретились с локальными славянскими группами, пришедшими сюда раньше и жившими среди мещеры и мордвы, как считал В.В. Седов (см. ниже). Данный район буквально был создан для возникновения ОТРП. Увы, археология не может доказать наличие ОТРП в этом районе. Хотя надо признать, что изыскания протогородов Верхней Волги, Муромо-Рязанского Поочья велись целенаправленно и имеют давнюю традицию. Чего у нас нет. Но даже отрицая наличие ОТРП, нельзя просто откинуть мысль о существовании в районе устья Оки поселений, обусловленных выгодностью географического расположения.

А.Е. Пресняков в начале XX в. предполагал, что взлет и расцвет Владимиро-Суздальского княжества в XII–XIII вв. были невозможны без богатого прошлого, не отразившегося в письменных источниках. По мнению ученого, Залесская земля до включения в орбиту древнерусской государственности была развита, имела широкие экономические связи¹⁰. Эта идея блестяще подтвердилась при исследовании ОТРП. Поэтому логично предполагать определенную предысторию и у Нижнего Новгорода. Ведь сразу после 1221 г. и до татаро-монгольского нашествия он часто фигурировал на страницах летописей (столкновения с мордвой, строительство). Таким образом, существование населенного пункта, подобного ОТРП, на месте современного Нижнего Новгорода

⁹ Даркевич В.П. К проблеме происхождения древнерусских городов // Истоки русской культуры. М., 1997. С. 168–170; Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1989. Главы V–VIII; Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 374–376.

¹⁰ Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 38–40.

можно предполагать. Если в других землях ОТПП угасти, то здесь в силу того, что данная территория не попала под власть какого-либо государственного образования, протогород существовал и обслуживал речные пути и округу.

В.В. Седов утверждал, что в ряде мест Нижегородского Поволжья славяне присутствовали с третьей четверти I тыс. н.э. Этноним этих ранних славян остался неизвестен. Но их материальные атрибуты (браслетообразные височные кольца) распространены от Смоленщины до запада Волго-Окского междуречья. Предполагается, что во второй половине I тыс. н.э. эти славяне ассимилировали мерю и мешеру, переняв их этнонимы¹¹. На наш взгляд, этим можно снять противоречие следующего плана: как могли славяне ассимилировать в X–XI вв. мерю и мешеру и «не справиться» с мордвой и предками марийцев, с которыми они только соприкасались. Процесс ассимиляции мери и мешеры начался раньше и тянулся дольше, чем предполагали исследователи. Выводы В.В. Седова наводят на мысль, что приход славян на крайний восток Волго-Окского междуречья во время Древнерусского государства был вторичен. Славяне здесь жили, если верить В.В. Седову, давно, но не входили в состав Древнерусского государства. Первоначально оно включало в свой состав племена, жившие на берегах Днепра, Верхней Волги, Верхнего и Среднего Поочья, Волхова и Западной Двины, а также племена, жившие между этими реками. Славяне на периферии не вошли в состав Киевского государства. К тому же, на земли устья Оки могли претендовать и болгары, что доказывается ожесточенной борьбой между ними и русскими князьями в XII–XIII вв. До будущей Нижегородчины не могла еще дотянуться власть киевского князя, с трудом контролировавшего Верхнюю Волгу через Новгород¹². Включение этого района в сферу влияния стало возможным с наступлением эпохи раздробленности, когда владимирские Рюриковичи смогли более комфортно, не отвлекаясь на борьбу за Киев, решить эту задачу. Обособленную позицию группы славянства можно предположить, если вспомнить борьбу древнерусских князей за включение в состав Руси территорий белых хорватов и вятичей.

Если так, то территория будущего Нижнего Новгорода долго была своеобразным «буфером» между Русью и Булгарией. В отношении пос-

¹¹ Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 222–226, 228–229, 371–372.

¹² Ключевский В.О. Русская история. Кн. I. М., 1993. С. 253–254.

ледней это доказывается тем, что болгарская погоня почему-то засмущалась громить русскую рать на устье Оки в 1172 г. Этого не могло бы произойти на своих землях. «Буферная» зона была развита в экономическом плане и представляла самодостаточный организм с налаженными коммуникациями. Иначе не объяснить, как русская рать зимой 1172 г. могла добраться до болгар и уйти обратно. Этнические группировки территории были связаны между собой. Этим можно объяснить агрессивную активность мордвы по отношению к Нижнему Новгороду после 1221 г.¹³ Финно-угры должны были испытывать дискомфорт от разрыва налаженных связей, центр которых стал смещаться в сторону Владимирского княжества.

Это приводит к решению другой проблемы. Почему мордва не воевала за эти места раньше, если там мог находиться укрепленный городок, форпост влияния владимирских князей. То есть этого форпоста не существовало. Мог располагаться населенный пункт (и даже не один) с пестрым этническим составом, независимый от русских князей.

Даже на территории Древнерусского государства князья были вынуждены бороться за утверждение своей власти в населенных пунктах, которые мы привычно называем городами. Так, в летописях указывается, что в Белгороде (Киевском) князь Владимир Святославич заложил град в 991 г., но населенный пункт с этим названием в том же источнике упоминался раньше¹⁴. Такая же формула («заложил град»), как и в случае традиционной даты основания Нижнего Новгорода, встречается в летописи по отношению к Суздалью в 1192 г., хотя никто не будет объявлять упоминания города до этого времени абсурдом¹⁵. Закладка града была прежде всего основанием укрепления. А крепость, заложенная князем, свидетельствовала о переходе данного населенного пункта под его суверенитет.

Фраза о закладке града встречается в летописном сообщении о переносе Переяславля-Залесского на другой берег озера Клешино Юрием Долгоруким в 1152 г.: «В лѣто 6660... Георгій князь... Переяславль градъ переведеъ от Клешиеніа, и заложи великъ градъ»¹⁶. Интересно то, что исследователи помещают «старый городок» не на месте града в 1221 г., а

¹³ ЛЛ. Стб. 448–449, 450–451, 459.

¹⁴ ЛЛ. Стб. 122; ИЛ. Стб. 106.

¹⁵ ЛЛ. Стб. 409.

¹⁶ Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. М., 2000. С. 77; Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 222–223.

выше по Оке. Таким образом, внук Юрия Долгорукого, Георгий Всеволодович, град заложил на другом месте, чем порывал связи со старым поселением (если оно существовало). «Старый городок» не мог быть во второй половине XII в. прямым предшественником Нижнего Новгорода, как это допускают некоторые исследователи¹⁷. Факт основания града на устье Оки не противоречит возможности существования здесь населенных пунктов до 1221 г. Увы, для предполагаемых населенных пунктов на устье Оки нет археологических соответствий, не говоря уже о письменных источниках. И вышеизложенную версию об ОТП на устье Оки надо рассматривать тоже как догадку.

До сих пор делаются попытки увязать остатки городища на правом берегу Оки вверх по течению от Благовещенского монастыря (для нижегородцев: у Ромодановского (Казанского) вокзала) со Старым Городом, «предшественником» Нижнего Новгорода. Сославшись на исследование И.А. Кирьянова, Н.Д. Русинов отнес Старый Город (вернее, его остатки) к поселению городецкой культуры I–V вв. н.э. Носителями этой культуры были финно-угры. Поселение престало существовать за 700 лет до возникновения древнерусского Нижнего Новгорода¹⁸. Последнее исследование этого Городища показало его еще более ранний характер (вторая четверть II тыс. до н.э. и VII–III вв. до н.э.)¹⁹, что исключает какую-либо этническую привязку. Поэтому надо отвергнуть мысль о том, что данное поселение было предшественником Нижнего Новгорода. И здесь не надо упрекать в заблуждении сторонников Старого Городка. Они, как и краеведы XIX в., следовали народным легендам и поздним летописным сообщениям.

Косвенный характер летописных сообщений 1172 г., 1369–1370-х гг., 1445 г., документов XV–XVII вв. и легенд, записанных в XIX в., вынуждает сторонников идеи о существовании града на устье Оки до 1221 г. выстраивать цепь взаимообусловленных предположений для доказательства связи Старого Городка и Нижнего Новгорода. Дополнительную

¹⁷ Сочнев Ю.В. Об основании Нижнего Новгорода и землевладении... С. 18–19; Филатов Н.Ф. Нижегородский край в русском летописании... С. 43–44.

¹⁸ Русинов Н.Д. Старый городок // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994. С. 214.

¹⁹ Грибов Н.Н. Отчет об археологической разведке на территории Нижегородского района г. Н-Новгорода, в Богородском и Кстовском районах Нижегородской области в 2004 году // Архив Института Археологии РАН. Р.–1. С. 22.

путаницу вносит наличие двух археологических памятников, расположенных по соседству и идентифицируемых со Старым Городком: это уже упомянутое городище у Оки²⁰ и Городище, расположенное на горе за Гребешком²¹. Все это делает почву научного построения зыбкой. При этом игнорируется или гипотетически оговаривается самое достоверное сообщение ЛЛ об основании Нижнего Новгорода в 1221 г. Но ведь отсутствие в ней указаний на более раннюю «историю» Нижнего Новгорода не может компенсироваться их набором из «Нижегородского летописца» XVII в. и «Китежского летописца» XVIII в. Пользоваться ими

«...в научных построениях практически невозможно без корреляций ...известий с данными, уже введенными в научный оборот, общерусских сводов»²².

Ничего для упрочения этой версии не дает и ономастический материал.

§ 2. Топонимика в решении вопроса об основании Нижнего Новгорода

В топонимике выделяются две основных версии происхождения названия *Нижний Новгород*. Согласно первой, град на устье Оки 1221 г. получил название как «новый» город в не освоенной славянами земле; «нижним» он считается с XIV в. по отношению к Новгороду на Волхове и потому, что находится в Низовской земле. К сторонникам этой точки зрения относятся В.А. Кучкин, В.П. Макарихин, Б.М. Пудалов, Т.В. Гусева, Н.Д. Русинов, В.Н. Русинов²³.

²⁰ Там же.

²¹ Грибов Н.Н. Охранные раскопки средневековых поселений в окрестностях Нижнего Новгорода // Археологические открытия 2003 года. М., 2004. С. 119–120; *Он же*. Русское городище второй половины XV в. из Нижегородской округи // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2005. С. 69–77; *Он же*. Исследования в г. Н. Новгороде и в его округе // Археологические открытия 2004 года. М., 2005 (в печати).

²² Макарихин В.П. Летописные источники по истории Нижнего Новгорода и Нижегородского Поволжья XIII–XV в. Горький, 1984. С. 41–42.

²³ Кучкин В.А. Основание Нижнего Новгорода // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI века. Нижний Новгород, 2002. С. 97; Макарихин В.П. Новгород Земли Низовской. Повествование о ве-

Сторонники второй версии утверждают, что «нижним» град стал по отношению к населенному пункту, располагавшемуся вверх по Оке и называвшемуся Старый Городок (или им мог быть Городец на Волге); в противопоставлении значению «Старый» в названии града 1221 г. появилось прилагательное *Новый*. Эта версия была сформулирована П.И. Мельниковым-Печерским в докладе на IV археологическом съезде в Казани в 1877 г.²⁴. В 1947 г. её возродил Н.М. Добротвор²⁵. Её апологетом в 1956 г. выступил И.А. Кирьянов²⁶. Затем он выдвинул ряд оговорок. В 1990-е гг. эту концепцию реанимировал Ю.В. Сочнев. Эту точку зрения разделял Н.Ф. Филатов²⁷. Под эту догадку подверстаны данные летописей XV–XVII вв. о закладке *Нижнего Новгорода*.

ликом князе Юрии Всеволодовиче. Нижний Новгород, 1994. С. 33–38, 61–62; *Он же*. Нижегородский край XIII–XIV веков по данным русских летописей // Нижегородский край в эпоху феодализма. Горький, 1991. С. 3–5; *Пудалов Б.М.* Письменные источники по истории Нижегородского края (XIII – начало XVIII веков). Нижний Новгород, 2001. С. 32–33; *Он же*. Начальный период древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород, 2003. С. 100–101, 210; *Русинов Н.Д.* Этимологические заметки по русской лексике // Лексика, терминология, стили. Горький, 1973. С. 52–53; *Русинов В.Н.* Как и когда возникло название Нижний Новгород // Тезисы региональной научно-практической конференции «Исторические наименования – память народа». Горький, 1990. С. 46–47; *Гусева Т.В.* Городец и Нижний Новгород в свете археологических данных // Хрестоматия по истории. Выпуск 2. Документы и материалы по проблемам русской колонизации Нижегородского Поволжья и основания Нижнего Новгорода / Сост. Ю.В. Сочнев. Нижний Новгород, 2001. С. 75.

²⁴ Текст доклада переиздан: *Мельников П.И.* О Старом и Новом городах в Нижнем Новгороде // Русская колонизация Поволжья и основание Нижнего Новгорода. Сборник материалов и документов / Сост. Ю.В. Сочнев. Нижний Новгород, 2005. С. 12–17.

²⁵ *Добротвор Н.М.* История города Горького. Горький, 1947.

²⁶ *Мельников П.И.* О Старом и Новом Городах в Нижнем Новгороде // Хрестоматия по истории. Выпуск 2. Документы и материалы по проблемам русской колонизации Нижегородского Поволжья и основания Нижнего Новгорода / Сост. Ю.В. Сочнев. Нижний Новгород, 2001. С. 13–16; *Кирьянов И.А.* К вопросу о времени основания г. Горького. Горький, 1956. С. 32.

²⁷ *Филатов Н.Ф.* От укрепленного «городка» на устье Оки до Нижнего Новгорода...; *Он же*. Старый городок XII века в устье Оки...; *Он же*. Нижегородский край в русском летописании... С. 14.

Остальные объяснения названия являются комбинированными вариациями этих двух версий. Компромиссную позицию занял Л.Л. Трубе. Он согласился, что «Новым» город стал по отношению к своему предшественнику, более древнему населенному пункту, располагавшемуся недалеко от устья Оки. «Нижним» он был назван, поскольку находился в Низовской земле²⁸. Л.Л. Трубе не вдавался в дискуссии историков и выбрал те версии, которые были ему ближе. Другая комбинированная точка зрения о «новом» характере города на устье Оки относительно Городца, выдвинутая А.Н. Насоновым²⁹, была отвергнута Л.Л. Трубе. Лингвистически идеи А.Н. Насонова обосновал позднее Н.Д. Русинов³⁰.

Надо указать, что в споре о происхождении названия *Нижний Новгород* нельзя потребительски использовать определение «Нижний» из Московского летописного свода конца XV в., Владимирского летописца, Симеоновской летописи, дополняя им сообщение ЛЛ, поскольку

«...эти источники являются поздними по происхождению и содержат позднейшую редакцию известий о начале Нижнего Новгорода, возникшую в то время, когда топоним Новгород Нижний и Нижний Новгород получал все более широкую известность»³¹.

На это обстоятельство указали В.А. Кучкин и В.Н. Русинов. В самом раннем и достоверном источнике по вопросам ранней нижегородской истории – ЛЛ – заложенный в 1221 г. град именуется *Новъград*³². Отсутствуют указания на его «нижний» или «низовский» характер. Это надо объяснять, помня, что ЛЛ создавалась в Нижнем Новгороде³³. Если

²⁸ Трубе Л.Л. Достопримечательные географические названия земли Нижегородской. М., 2001. С. 11–12.

²⁹ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 152.

³⁰ Русинов Н.Д. Этимологические заметки по русской лексике... С. 51–53.

³¹ Русинов В.Н. Как и когда возникло название Нижний Новгород... С. 46–47; на это необходимое условие в дискуссии об основании Нижнего Новгорода постоянно указывает В.А. Кучкин – см.: Кучкин В.А. Основание Нижнего Новгорода... С. 83.

³² ЛЛ. Стб. 445, 468.

³³ Клоос Б.М. Предисловие к изданию 1997 г. // ЛЛ. С. G–I; Русинов Н.Д. К вопросу о происхождении Лаврентьевской летописи: лингвистические заметки о её писцах // Эволюция и предьстория русского языкового строя. Горький, 1981; Русинов Н.Д. О происхождении текста Лаврентьевской

летописец XIV в., повествуя о закладке родного города, не употребил форманта *Нижний*, то это нельзя игнорировать. Поэтому местные нижегородские известия ЛЛ по XIII в. предпочтительнее комментариев тех же событий, отраженных в «Нижегородском летописце» XVII в.

Переходя к закономерностям ономастики, нужно отметить, что название должно выделять обозначаемый объект из ряда подобных. Это правило обусловлено действием принципа топонимического негативизма: топоним подчеркивает уникальные, единичные, неповторимые черты объекта³⁴. Учитывая эту закономерность, соблазнительно объяснить определение *Новый* в названии города только потому, что раньше там находился *Старый Городок*. Такой вывод неизбежен, если потребительно относиться к методикам ономастики. Ведь действие закономерности относительного негативизма проявляется в зависимости от **позиционности** и **ситуативности** в возникновении каждого конкретного названия.

Ситуация определялась тем, что Нижний Новгород был основан в ходе активной военно-политической деятельности залесских князей. Их внешнеполитические интересы охватывали территорию всего Древнерусского государства и выходили за его пределы³⁵. Трудно от князей ожидать глубокой вовлеченности в проблемы микрорегиона устья Оки и детального знакомства с микротопонимикой устья Оки, чтобы она была положена в основу названия *Новъград*. Позиционность названия обусловлена тем, что топоним *Новгород* появился раньше топонима *Старый Городок*.

летописи // Идеология и культура феодальной России. Горький, 1988; Макарихин В.П. Летописные источники... С. 10–11; Пудалов Б.М. Благовещенский монастырь и нижегородское летописание XIV–XV вв. // Ученые записки Волго-Вятского отделения Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Вып. 10. Н. Новгород, 2002.

³⁴ Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965. С. 33–37, 38–42; Кобрин В.Б. Историческая ономастика // Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Ключи к тайнам Клио. М., 1994. С. 230–231, 232–233; Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996. С. 6.

³⁵ Кузнецов А.А. Основные направления внешней политики владимирских князей (30-е гг. XII – 30-е гг. XIII в.) // Мининские чтения. Нижний Новгород, 1992; Он же. О политической доктрине владимирских князей // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Сборник научных трудов аспирантов. Нижний Новгород, 1995.

«Которое название старше: *Старый Оскол* или *Новый Оскол*? Допустить, что *Старый Оскол* старше, — значит, разделить участь поверившего в подлинность монеты с датой «75 лет до Р.Х.». Только после того, как возник *Новый Оскол*, прежний просто *Оскол* становится *Старым*»³⁶.

Н.Д. Русинов доказал, что название *Старый Городок* было производным ойконима *Нижний Новгород*, то есть возникло позже. Предполагается, что *Старым Городком* назывались остатки поселения, заброшенного задолго до основания Нижнего Новгорода. По мнению Н.Д. Русинова, остатки древнего поселения были обнаружены позже основания Нижнего Новгорода и получили название *Старый Городок* уже по отношению к нему³⁷. В древнерусской истории объект *Старый Городок* отсутствовал. Есть косвенные подтверждения этой идеи из области топонимики. Формант *-ок* в топониме *Городок*, подобно термину *городище*, означал «остатки заброшенного и нежилого укрепления, крепости»³⁸.

Таким образом, топоним *Старый Городок* возник позже полисонома *Новгород*, что следует из законов ономастики и исторических реалий. К 1221 г. микрорегион устья Оки не входил во владения Владимирского княжества. В противном случае там присутствовал бы опорный пункт с названием, которое фиксировалось бы в источниках, и можно было ожидать походов мордвы на Нижний Новгород (или на его предшественник) до 1221 г.³⁹ Князья и первые жители Нижнего Новгорода в 1221 г. не знали об остатках поселений вверх по Оке. Знакомство произошло позже и вызвало к жизни название *Старый Городок*. Оно потребовало объяснения, а потому появились легенды о болгарской крепости, Абрамовом городке, дожившие до XIX в. Их записали первые нижегородские краеведы. Но до того они могли попасть в местное летописание XVII в. По мнению М.Я. Шайдаковой, сообщения «Нижегородского летописца» о Старом Городке, датированные «шестой тысячью лет» в массиве сведений «сдьмой тысячи лет», носят характер слухов, припоминания, легенд.

Апологетам удревнения Нижнего Новгорода приходится встраивать в историю XII века. Старый Городок до 1221 г. Н.Ф. Филатов выдвинул

³⁶ Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965. С. 93.

³⁷ Русинов Н.Д. Этимологические заметки по русской лексике... С. 51.

³⁸ Никонов В.А. Топонимический словарь. М., 1966. С. 108.

³⁹ ЛЛ. Стб. 448–449, 450–451, 459.

мнение, что Старый городок был основан Юрием Долгоруким в 1152–1154 гг. вместе с Переяславлем, Юрьевым, Кидекшей, Дмитровым, Звенигородом, Городцом на Волге⁴⁰. Источник такого предположения найден у В.О. Ключевского, давшего с опорой на В.Н. Татищева приведенный выше перечень городов (кроме Старого Городка), заложенных при Юрии Долгоруком:

«Татищев... говорит, что с княжения Юрия Долгорукого в своих источниках, теперь исчезнувших, он начал встречать целый ряд других новых городов в Северной Руси... Городец на Волге, Кострома, Стародуб на Клязьме, Галич, Звенигород, Вышгород... и др.»⁴¹.

На некритическое следование мыслям великих историков о широкой градостроительной деятельности Юрия Долгорукого обращал внимание А.Е. Пресняков, и на этом детально останавливался В.А. Кучкин⁴².

Историки со ссылкой на источники отмечают закладку в 1152–1154 гг. Кснятина, Юрьева, Дмитрова и Москвы⁴³. В историографии допускается, что в 1152–1154 гг. для прекращения набегов булгар в центре княжества могли быть заложены Звенигород (впервые упомянут в XIV в.) и Кидекша, прикрывшая подходы к Суздалью (В.А. Кучкин, Ю.А. Лимонов).

Городец, по мнению большинства историков, не мог появиться в данный период, так как Юрий Долгорукий не вел наступательной войны с булгарами, но только оборонялся, поэтому и перекрывал подходы к центру княжества. Городец возник в ходе продвижения древнерусской государственности на восток в 1172 г., в княжение Андрея Боголюбского⁴⁴. Исключение из указанного списка Городца и включение туда Москвы меняет общую картину и решение всей проблемы. Данные исторической географии и политической истории показывают, что град у устья Оки не мог украшать Дятловы горы при Юрии Долгоруком.

Против В.Н. Татищева свидетельствует топонимика. Названия городов, чье существование в середине XII в. доказано исторической

⁴⁰ *Филатов Н.Ф.* Старый городок XII века в устье Оки... С. 104; *Он же.* Нижегородский край в русском летописании... С. 43.

⁴¹ *Ключевский В.О.* Русская история. М., 1993. Кн.1. С. 255–256.

⁴² *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV в. М., 1984. С. 85.

⁴³ *Дубов П.В.* Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 223; *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории... С.92; *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. Л., 1987. С. 22.

наукой, выстраиваются в именные ряды согласно действию закона ряда, сформулированного В.А. Никоновым. *Юрьев* и *Дмитров* названы в честь патронов Юрия Долгорукого и его сына Дмитрия-Всеволода. В основе названия *Къснятинъ* лежит антропоним Константин⁴⁵. Владимир назван именем князя-основателя в начале XII в. К этому типу наименования примыкает *Переяславль-Залесский* (город был не основан Юрием Долгоруким, но перенесен на другое место). В основе названия лежит антропоним⁴⁶. Названия *Переяславль* и *Кснятин* (упомянут в «Поучении» Владимира Мономаха под 1096 г., недалеко от Переяславля на берегу Сулы⁴⁷) можно также отнести и к другому ряду, построенному из названий, перенесенных из южной Руси. Название *Звенигород* продолжает ряд, начатый *Переяславлем* (хотя впервые Звенигород упоминается в XIV в.). В данный топонимический ряд, вслед за В.О. Ключевским, можно поставить *Стародуб*, *Вышгород* и *Галич*, которые возникли в разное время⁴⁸. Следуя справочнику В.П. Нерознака, необходимо признать их общевосточнославянский или общеславянский характер, но в Северо-Восточной Руси они упомянуты позже своих южнорусских «тезок». Заметна связь ойконима *Звенигород* с особенностями местности. В ряде гидронимов Поочья и Верхнего Поволжья имеются форманты *-звень*, *-звинь*⁴⁹. *Москва* получила название по реке, на которой была основана. В названии *Кидекша* есть формант *-кша*, характерный для финно-угорских гидронимов и означающий в ряде языков этой группы реку или ручей⁵⁰. Само название города переводится в справочной литературе как «река с каменным руслом». Характерно, что Кидекша стоит на реке Каменка. Последнее название, вероятно, является калькой финно-угорского гидронима, давшего имя населенному пункту. То есть *Звенигород* относится еще к одному ряду ойконимов, образованных от гидронимов.

Городец, тем более *Старый Городок* и *Нижний Новгород* не впи-

⁴⁴ Кучкин В.А. Формирование государственной территории... С. 91–92; Он же. Основание Нижнего Новгорода... С. 96.

⁴⁵ Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 100–101.

⁴⁶ Там же. С. 134–135.

⁴⁷ ЛЛ. Стб. 250.

⁴⁸ Ключевский В.О. Русская история. М., 1993. Кн. 1. С. 255–256.

⁴⁹ Нерознак В.П. Названия... С. 76–77.

⁵⁰ Кобрин В.Б. Историческая ономастика // Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Ключи к тайнам ... С. 234.

сываются ни в один из рядов названий населенных пунктов, возникших при Юрии Долгоруком или раньше. Зато по смысловой и морфологической трактовке есть резон «построить» из них самостоятельный ряд. *Городец* и *Нижний Новгород* ставятся в ряд в гипотезе А.Н. Насонова–Н.Д. Русинова.

Согласно Н.Д. Русинову, слово *Нижний* в названии Нижнего Новгорода появилось по отношению к Городцу-Радилову. Он передал Нижнему Новгороду функции центра и крепости новых земель.

«...Городец (радилов) в древности именовался просто **Город** – без суффикса **-ыц->-ец-**. Так, в Лаврентьевской летописи прилагательное от названия этого города употреблено (в предложном падеже единственного числа) как **городском**, а не **городьскомъ** или **городецком**... В Нижегородском летописце... тоже есть аналогичный случай употребления **Городьское** вместо **Городецкое**.⁵¹

Н.Д. Русинов разрешил проблему «предшественника» Нижнего Новгорода, отказавшись искать его в Старом Городке выше по Оке, и обнаружил его выше по Волге в реальном Городце. К тому же во фразе ЛЛ «паче же в Новьградъ, втории постави на Волзе оустъ Окы» угадывается

«...уточнение **втории** в сочетании с **на Волзе** применительно к **Новьградъ**...»,

которое указывает на сопоставление Нижнего Новгорода с Городцом⁵². *Нижегородец* было производным не от названия города, но от сочетания *ниже город*. Сами жители города долгое время считали себя *нижегородцами*, то есть живущими в селении, имеющем тот или иной «нижний» характер. В гипотезе А.Н. Насонова – Н.Д. Русинова удачно объясняется происхождение обеих частей полисонима *Нижний Новгород* на момент закладки города. Эта же гипотеза позволяет отвергнуть предложенную Мельниковым-Печерским связь названий *Старый Городок* и *Нижний Новгород*. Взамен её можно предложить другую: название *Нижний Новгород* первично по отношению к топониму *Старый Городок*. Так можно выстроить топонимический ряд начиная от древнего названия и кончая самым «молодым»: *Городец – Новьгород (Нижний Новгород) – Старый Городок*.

⁵¹ Русинов Н.Д. Этимологические заметки по русской лексике... С. 51–53.

⁵² Там же.

В.А. Кучкин настаивает на другом решении. Он подчеркивает, что название возникло безотносительно к Городцу или Старому Городку. Прилагательное «Нижний» (в связи с Низовской землей) в названии появляется в источниках не ранее середины XIV в. (на летописном материале эту точку зрения подтвердил В.Н. Русинов⁵³), когда понадобилось развести Новгороды на Волге и Волхове. Это соображение В.А. Кучкин подкрепил результатами наблюдений за письменными источниками.

Зато В.А. Кучкин и Н.Д. Русинов, расходясь в датировке и причинах появления в названии форманта *Нижний*, согласны в том, что термины *Нижний Новгород старый* и *Нижний Новгород меньшей* относились либо к ветхим укреплениям, поновлявшимся в XV–XVI вв., либо к объекту внутри посада. Их нельзя отождествлять со Старым Городком, находившимся вне городской черты⁵⁴. Значит, нет связи и тождественности названий *Старый Нижний Новгород* и *Старый Городок*. Последнее фиксируется источниками с XVI в. Ученые отметили и то, что данные летописей об оползне, с чем связано сведение о Старом Городке в ЛЛ и Нижегородском летописце, запутаны, датировки известий о катастрофе расходятся на двести лет. В самом раннем сообщении говорится об оползне XIV в., засыпавшем слободу в районе Гребешка. В поздних сообщениях уже говорится о Старом Городке. Поэтому однозначно локализовывать мифический предшественник Нижнего Новгорода в районе Гребешка нельзя. Этот «Старый городок», по мнению В.А. Кучкина, представлял собой крепость⁵⁵. Это предположение блестяще подтвердилось результатами археологических исследований: это была небольшая крепость, где размещался московский гарнизон⁵⁶.

⁵³ Русинов В.Н. Как и когда возникло название Нижний Новгород ... С. 46–47.

⁵⁴ Русинов Н.Д. Нижегородский Новгород Старый в общерусских летописях // Тезисы Региональной научно-практической конференции «Исторические наименования – память народа». Горький, 1990.

⁵⁵ Кучкин В.А. О Нижних Новгородах... С. 231; *Он же*. Основание Нижнего Новгорода... С. 96.

⁵⁶ Гривов Н.Н. Охранные раскопки средневековых поселений в окрестностях Нижнего Новгорода // Археологические открытия 2003 года...; *Он же*. Русское городище второй половины XV в. из Нижегородской округи // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2005. С. 73–75; *Он же*. Исследования в г. Н-Новгороде и в его округе // Археологические открытия 2004 года. М., 2005 (*в печати*).

П.В. Чеченков указал, что отождествление П.И. Мельниковым Нижнего Новгорода Старого и Старого Городка «Нижегородского летописца» сразу требовало дополнительной аргументации. Но исследователи либо поддержали это допущение, либо начали его опровергать. Тем самым придали ему статус научной гипотезы⁵⁷. Между тем, слова «старый город», на который сошел оползень, являются поздней вставкой в списки Нижегородского летописца⁵⁸. Более того, есть все основания предполагать, что автором этой вставки был сам П.И. Мельников, уже замеченный в подобном при отстаивании идентичности Кузьмы Сухорука и Кузьмы Минина⁵⁹.

Известия о Старом Городке появились в письменных источниках XVI в. и встречались до начала XVII в. Летописи, отразившие попытки народной этимологии названия *Старый Городок*, вобрала в себя легенды. На летописные сообщения наслоились отдельные реальные исторические сведения, и получился феномен народных легенд, зафиксированных в «Нижегородском» и «Китежском» летописцах, в преданиях, записанных в XIX в.

В.П. Макарихин показал, что в основе легенды об Абрамове городке лежат отголоски летописных сообщений о болгарском городе Бряхимове. Он, в отличие от «кочующего» Абрамова городка, имел четкое местоположение при устье Камы⁶⁰. В качестве предположения ученым дается еще один источник данной легенды. В 1229 г. купец-христианин Авраамий, нерусского происхождения, был замучен волжскими булгарами за отказ перейти в ислам. Это вызвало осложнения владимирско-булгарских отношений. Тело мученика с почетом было ветрено в Залесской земле⁶¹.

В слове *Новгород*, на наш взгляд, первоначально переплелись два значения: «новый город на Волге в неизвестной земле» и Новгород как «противовес Новгороду на Волхове».

⁵⁷ Чеченков П.В. Нижегородский кремль XIV–XV веков // Нижегородский кремль. К 500-летию... Материалы второй областной научно-практической конференции... С. 113.

⁵⁸ Кучкин В.А. О Нижних Новгородах – «старом» и «меньшом» // История СССР. 1976. № 5. С. 227, 229.

⁵⁹ Пудалов Б.М. Начальный период истории... С. 88.

⁶⁰ Макарихин В.П. Нижегородский край XIII–XIV веков по данным русских летописей... С. 107–108; Макарихин В.П. Новгород Земли Низовской... С. 34.

⁶¹ ЛЛ. Стб. 452–453; Макарихин В.П. Новгород Земли Низовской... С. 44.

После окончательного возвращения великокняжеского владимирского стола Георгием Всеволодовичем в 1218 г. начинается восстановление утерянного влияния владимирского князя. В отношении Новгорода эту политику проводил брат великого князя владимирского Ярослав. Еще со времени правления отца Ярослав считал Новгород своим, имел там сторонников, прекрасно ориентировался в расстановке внутривнутриполитических сил. Поэтому Ярослав противился попыткам утверждения в Новгороде Георгия и его сына Всеволода. В дальнейшем произошло своеобразное разделение внешнеполитической деятельности Владимировского княжества: Георгий контролировал восток, а Ярослав боролся за Новгород.

В названии Нижнего Новгорода можно видеть отголосок этих событий, синхронных основанию. Георгий основывал «свой» *Новгород*, который перехватывал у северного антипода контроль над Волжской торговлей, экономическую инициативу. Это не противоречит идее новизны, сопрягается с идеей «низовости». В народном сознании потом оба Новгорода были связаны между собой. Именно предания говорят о том, что после присоединения Новгорода Великого к Московскому государству многие его жители были переселены в нижегородские пределы. Об этих устойчивых представлениях свидетельствуют народные этимологии многих топонимов Нижегородского края. Они связаны с «новгородским» влиянием XV в.⁶² Кроме этих и некоторых иных косвенных свидетельств подтверждений вливания новгородцев в нижегородское население в конце XV в. нет.

Но это не отменяет допущения, что название *Новгород* подразумевало связь с названием *Городец*. По отношению к нему первоначально Нижний Новгород и мог быть «Нижним», хотя в источниках этого нет, и лишь ономастика подсказывает эту мысль. В XIV в. это значение сменилось идеей противопоставления Новгорода Великого и Нижнего Новгорода.

Соотнесение результатов лингвистических, историко-географических, источниковедческо-историографических и исторических исследований позволяет представить междисциплинарное решение проблемы основания Нижнего Новгорода. Лингвистика не подтверждает наличие рядом с устьем Оки функционировавшего в XII в. Старого Городка.

⁶² См. подробнее: *Морохин Н. В.* Нижегородский топонимический словарь. Нижний Новгород, 1995. – Статьи: *Балахна, Валтово, Вача, Ильмень, Новгородка.*

Нижний Новгород был основан как форпост распространения владимирского политического влияния по воле князя Георгия Всеволодовича после конфликта с Волжской Булгарией в 1219–1221 гг.⁶³. Булгары отказались от притязаний на земли в устье Оки. Лишь после этого князь Георгий Всеволодович заложил крепость, ставшую опорой княжеской колонизации, русского продвижения на Восток, освоения Среднего и Нижнего Поволжья.

В первоначальном названии *Новъгород* отразилась связь с Городцом: появился еще один, новый, город на Волге. В названии отразились и перипетии борьбы княжества с Новгородом на Волхове, династические проблемы детей Всеволода Большое Гнездо. Связь с Новгородом и с Городцом в названии града на Дятловых горах, подразумевавшаяся при основании, стала определяющей в XIV в., и в полисониме появилось слово *Нижний*. Летописный *Старый Городок* – фикция, возникшая для объяснения остатков древних поселений. Эта фикция обусловила ряд легенд и преданий, бытовавших в народной среде и попавших в летописи.

§ 3. Георгий Всеволодович – основатель Нижнего Новгорода

Другая проблема ранней нижегородской истории связана с именем основателя города. Казалось бы, уж в отношении Нижнего Новгорода такой проблемы не должно было возникнуть. Согласно ЛЛ, город был заложен в 1221 г. владимирским князем Георгием Всеволодовичем. Один из нечастых случаев, когда имеется время основания и имя основателя. Тем не менее была предложена иная точка зрения: заложил град на устье Оки в 1221 г. ростовский князь Василько Константинович (племянник Георгия Всеволодовича). Версия об основании Нижнего Новгорода в 1221 г. Васильком Константиновичем не является гипотезой и должна быть классифицирована как догадка в противовес отмеченному в летописях факту закладки города Георгием Всеволодовичем⁶⁴.

⁶³ ЛЛ. Стб. 444–445.

⁶⁴ «Гипотеза – научное предположение, рационально объясняющее явление. Такое понятие не приложимо к тексту летописной записи 1221 г. Запись вполне реальна, как реален... и сам исторический факт, в ней отраженный. Сомнений в том, что летопись сообщает именно об основании Нижнего Новгорода и именно в 1221 г., быть не может» – см.: Кучкин В.А. Основание Нижнего Новгорода // Нижегородский кремль. К 500-летию... С. 84.

Началом утверждения этой догадки стало издание в 1994 г. учебного пособия для учителей и старшеклассников «Нижегородский край: факты, события, люди». В 1997 г. вышло его второе издание⁶⁵. В пособии ярко была представлена авторская «концепция» основания Нижнего Новгорода Васильком Константиновичем: принижение роли Георгия Всеволодовича, восхваление Василька Константиновича и прямое упоминание его как основателя. И это – после выхода рецензии методиста Н. Ильина на «Нижегородский край: факты, события, люди» образца 1994 г. Рецензент указал на необоснованность принижения Георгия Всеволодовича и сомнений по поводу традиционной версии основания Нижнего Новгорода⁶⁶.

Обычно между предложением нового в науке, его утверждением и переносом в школьные учебники проходит 15–20 лет. В данном случае «свежая» догадка, оспариваемая всеми специалистами по истории Древней Руси (историками, филологами, археологами), сразу «вбрасывается» в пособия для средних школ. Более того, в августе 2001 г. нижегородская газета «Новое дело» опубликовала интервью с доктором исторических наук, профессором Н.Ф. Филатовым под названием «Здесь был Вася...»⁶⁷, где были приведены новые аргументы в пользу заслуг Василька Константиновича в деле основания Нижнего Новгорода. И лишь после этого в 2003 г. вышла научная (если судить по формальным показателям) работа Н.Ф. Филатова, где приведены ставшие привычными «аргументы» в отстаивании приоритета Василька Константиновича в нижегородской истории⁶⁸. После смерти Н.Ф. Филатова вышла его книга о Городец, где уже традиционно для него трактовалась ранняя нижегородская история⁶⁹.

⁶⁵ Нижегородский край: факты, события, люди. Нижний Новгород, 1994; *Филатов Н.Ф.* От укрепленного «городка» на устье Оки до Нижнего Новгорода. Юрий Всеволодович. Василько Константинович // Нижегородский край: факты, события, люди. Нижний Новгород, 1997. С. 24–27.

⁶⁶ *Ильин Н.* «Недозревший плод» или критические заметки об одном местном издании // Нижегородский альманах. Выпуск I. Нижний Новгород, 1995. С. 105.

⁶⁷ *Филатов Н.Ф.* Здесь был Вася... // Новое дело. Нижний Новгород. № 38(90) за 10–16 августа 2001 г. Последующие газетные публикации профессора Н.Ф. Филатова на эту же тему здесь не упоминаются и не учитываются.

⁶⁸ *Филатов Н.Ф.* Нижегородский край в русском летописании. Нижний Новгород, 2003. С. 14, 44.

⁶⁹ *Филатов Н.Ф.* Городец на Волге XII–XIX вв. Нижний Новгород, 2005.

Надо отметить сразу, что все специалисты по древней нижегородской истории считают, что город на устье Оки был основан в 1221 г. как политический центр владимирским князем Георгием Всеволодовичем. Эта точка зрения обоснована результатами изучения достоверных сведений древних письменных источников. Но первым контрдоводом, высказанным в интервью «Здесь был Вася...» и в монографии, стало обращение к тексту Холмогорской летописи. Согласно ей, якобы, Нижний Новгород был основан Васильком Константиновичем. Иные источники, в их числе и ЛЛ, недостоверны для автора догадки потому, что закладка града в них приписывается Георгию Всеволодовичу. Однако среди всех летописей по вопросу основания Нижнего Новгорода самой достоверной в науке считается именно ЛЛ, созданная, вероятнее всего, в Нижнем Новгороде в 1377 г. (через полтора века после его основания). Благодаря трудам летописеведов, ядро самых ранних, близких к основанию Нижнего Новгорода сведений найдено в ЛЛ. Поэтому при решении проблемы основания Нижнего Новгорода нет необходимости в привлечении Холмогорской летописи, написанной на Русском Севере, на рубеже XVI–XVII вв.⁷⁰:

1220 г. — «Гѣургии великѣи княѣ снѣ Всеволожь посла брата своего Стѣслава с полкы и воеводами на безбожнѣа Болгарѣ и тако приде Стѣславъ подѣ граѣ ихѣ Сѣшелѣ и изидоша из лодки вси полци пѣши видѣвше же си безбожнии Болгарѣ скоро dospѣвшевки на кони а дрѣзнии пѣши оустренишася на бои и изидоша из града противѣ наши же силою крѣта утѣнаго укрепленѣи пондоша противѣ имѣ стрѣлающе га они же забѣгши за плотѣ выхѣтсѣ крѣпко наши же расѣкше плотѣ вѣиша га в граѣ и шѣаша оѣ ни врата и зажгоша граѣ ихѣ и взѣаша и на щитѣ и поможѣ Бѣ Стѣславѣ. Того же лѣ Прѣстависѣ митрополитѣ Кѣиерскѣи Матфѣи. Тоѣ зимѣ Прѣстависѣ княгинѣи Костантинова Сѣгафѣи черноризица мѣа генварѣ».

1221 г. — «...Того лѣ Великѣи княѣ Гюрги снѣ Всеволожь заложѣ граѣ на обѣстѣ Сѣкѣ и нарѣ имѣ емѣ Новѣграѣ»⁷¹.

⁷⁰ Предисловие / Холмогорская летопись. Двинской летописец // ПСРЛ. Т. XXXIII. Л., 1977. С. 3–6; Лурье Я.С. История России в летописании и в восприятии нового времени // Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 36.

⁷¹ ЛЛ. Стб. 444–445.

Остальные летописи, в их числе и Холмогорская, дают более пространные сведения об обстоятельствах, предшествовавших основанию Нижнего Новгорода, которые требует источниковедческого анализа. По логике Н.Ф. Филатова получается: ЛЛ донесла официальное видение событий 1220–1221 гг. из Владимира, а Холмогорская летопись вдруг дала истинные сведения, сохраненные в Ростове?! Только так можно понять идеи о том, что все значительные деяния приписывались великим князьям, а реальные герои попадали в тень. Так, якобы, действовал традиционный средневековый «этикет»⁷².

Попробуем в этом разобраться. Холмогорская летопись имеет в числе прямых предшественников Ростовскую (Архивскую) летопись⁷³. Этот факт заставляет пристальнее всмотреться в известия Холмогорской летописи, чтобы обоснованно доказать, что возможные известия о главной роли Василька Константиновича в деле основания Нижнего Новгорода не являются результатом чрезмерного его прославления. Этого делать не приходится, так как Холмогорская летопись в сведениях по основанию Нижнего Новгорода по духу и букве близка передаче этих событий ЛЛ. А та, в свою очередь, описывая события первого сорокалетия XIII в., дала ростовские материалы⁷⁴. Если сведений по основанию Нижнего Новгорода ростовским князем Васильком Константиновичем там нет, то это тем более трудно ожидать от Холмогорской летописи. В ней этих сведений тоже нет.

1220 г. — «В лето 6728. Князь великий Юрье посла брата Ярослава (описка, надо — Святослава⁷⁵ — А.К.) на болгары со всеми вой своими, а Ярослав своя вой послав, а Василко Костянтинович с ростовци и устюжане, а Давыд Муромский посла сына Святослава, а брат его Юрье сына Олга...». (Рать, видимо, разделилась, так как, возвращаясь с

⁷² Филатов Н.Ф. Нижегородский край в русском летописании. Нижний Новгород, 2003. С. 7.

⁷³ Лурье Я.С. История России в летописании и в восприятии нового времени // Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С.33, 39. Название Ростовской летописи не дает обязательных оснований считать, что она содержит ростовские летописные материалы.

⁷⁴ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 38.

⁷⁵ Упорное некритическое предпочтение Н.Ф. Филатовым именно Холмогорской летописи привело его к ошибке: в его тексте поход возглавлял Ярослав, а не Святослав — см.: Филатов Н.Ф. Городец на Волге XII–XIX веков. Нижний Новгород, 2005. С. 18.

победой, Святослав Всеволодович встретил на устье Камы – А.К.) «... Воислава Добрынича с ростовци и со устюжане, и с полоном многим, ти бо по Камы взяша городов много и сел, и вся области те поплениша, а людей иссекоша...». (По возвращению войск Георгий Всеволодович стал готовить более масштабный зимний поход на болгар. Они запросили мира – А.К.) «Он же не прият мольбы их, и нача вон совокупляти, а Василку повеле на Городец поити, а сам прииде на Омут. И ту приидоша к нему нини послы болгарстии с мольбою. Он же не позре на них, и отпусти их без мира, и прииде на Городец. А Василку уже пришедшу. Болгаре же, слышавше, убояшася, послаша нных послов со многими дары и челобиттием. И прият мольбу, и дав им мир по давному, как было при отце его Всеволоде, и посла вводити их всех в роту, а сам воротись».

1221 г. «...Новград Нижний. Того же лета заложи князь Юрье Новгород Нижний на устье реки Оки...»⁷⁶.

Согласно Холмогорской летописи в походе 1220 г. на болгар участвовали ростовцы и устюжане под руководством Василька Константиновича, дружины муромских князей. При этом надо отметить, что Василько Константинович в битвах не участвовал: ростовцы везде сражались под командой его воеводы Воислава Добрынича. После победоносного рейда Георгий Всеволодович стал организовывать более масштабный поход против болгар. Он направил племянника Василька в Городец с дружиной, а сам двинулся туда через Омут, где отверг второе посольство болгар о мире. Уже в Городце Георгий вступил в переговоры с булгарами и заключил с ними мир (а не с мордвой, как было заявлено в интервью «Здесь был Вася...», а затем и в монографии).

Упоминание мордвы не является опечаткой, так как и в пособии «Нижегородский край: факты, события, люди» заявлено, что после заключения мира с булгарами князь Василько оформлял договорами отношения с местным населением. Здесь мы видим типичный пример того, как одна догадка порождает другую. Если Василько Константинович оставался в Городце с 1220 г. до 1221 г., то он чем-то должен был заниматься (хотя бы договариваться с аборигенами). Но в источниках об этой стороне деятельности отрока Василька сведений нет⁷⁷.

⁷⁶ Холмогорская летопись. Двинской летописец // ПСРЛ. Т. XXXIII. Л., 1977. С. 61–62.

⁷⁷ Холмогорская летопись... С. 62. Холмогорская летопись восходит к тради-

Догадке, что племянник Георгия остался в 1220 г. заключать мир с булгарами или с мордвой и основал Нижний Новгород, противоречит достоверное известие ЛЛ о смерти 24 января 1220 г. матери Василька Константиновича Агафьи и её похоронах в Ростове⁷⁸. Другие летописи (например, Тверской сборник) указывают, что печальное событие произошло сразу после заключения мира в Городце⁷⁹. В ЛЛ статьи 6728 (1220) г. и 6729 (1221) г. являются мартовскими⁸⁰. Поэтому смерть матери Василька в январе мартовского 6728 г. приходится на январский 1221 г. (то есть по современному летосчислению). Кончина княгини Агафьи случилась вскоре после заключения мира с булгарами в Городце. Допущение об основании Нижнего Новгорода князем Васильком строится на факте умолчания в Холмогорской летописи о его возвращении из Городца вместе с Георгием Всеволодовичем. Но логично и другое: князь-отрок должен был устремиться на похороны своей матери в Ростов. Таковой была и остается система ценностей в православном обществе. Если бы Василько успел принять клятву булгар, то должен был присутствовать на похоронах матери. О его возвращении после похорон в Городец не сообщается. Поэтому надо верить летописям, что в 1221 г. князь Георгий основал Нижний Новгород. Холмогорская летопись не подтверждает выводов об участии Василька Константиновича в основании Нижнего Новгорода. А рассуждения типа

«...был этикет, принцип, по которому все важные события в той или иной земле всегда приписывались их князю»

есть попытка «подломать» источник под идею, что нарушает принципы исследования. В летописании XII–XIII вв. таких «этикетов» не отмечено.

Для придания правдоподобности версии о главной роли князя-отрока Василька в деле строительства Нижнего Новгорода автор догадки пытался формировать негативное отношение к владимирскому князю Георгию Всеволодовичу и противопоставлять ему в качестве положительного героя племянника. Во-первых, Георгий оказался виноватым в

ции Московского летописного свода конца XV в. В этом своде указано, что из Городца Георгий Всеволодович отправил своих мужей с болгарскими послами брать клятву на верность с болгарских князей и их земель (Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. XXV. М.–Л., 1949. С. 116–117). Василько в сюжете с послами даже не упомянут.

⁷⁸ ЛЛ. Стб. 445.

⁷⁹ Тверской сборник // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. Стб. 332.

⁸⁰ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 106.

том, что перед смертью Всеволод Большое Гнездо с согласия представителей населения Владимирского княжества передал великий стол ему, а не старшему брату Константи́ну. Вместо реальных обстоятельств переезда Георгия Всеволодовича в Городец после битвы на Липице заявляется, что он

«...был вынужден бежать ...в выделенный ему Городец на Волге»⁸¹.

Оставляя в стороне логическую и источниковедческую несуразность данной цитаты, отметим, что Георгий бежал после Липицы во Владимир, пытался организовать новый отпор, но был вынужден сдаться на милость Мстислава Удатного и новгородцев⁸². И Городец Георгий получил от него, как это указано в Новгородской первой летописи (далее – НПЛ)⁸³ и последующих сводах. А новый великий владимирский князь Константин был вынужден согласиться с этим и позднее вступить в переговоры с братом Георгием, договорившись о передаче ему после своей смерти власти в княжестве. В ЛЛ не говорится о бегстве Георгия в Городец. Там сказано, что Константин и Георгий после Липицы примирились, разделили власть, и Георгий вокняжился в Суздале⁸⁴.

Во-вторых, Георгий оказался виноватым в том, что Константин, умирая, передал ему, «а не сыну Васильку, великокняжеский стол»⁸⁵. Но здесь необходимо винить не Георгия и Константина Всеволодовичей, а Ярослава Мудрого, установившего порядок передачи власти старшему в роду по так называемому лествиничному правилу. Такой порядок доминировал в большинстве русских земель XII–XIII вв.: престол наследовался поочередно всеми братьями великого князя по принципу старшинства, а потом переходил к сыновьям старшего из них в той же последовательности⁸⁶.

В-третьих, Георгий объявлен главным виновником поражения Руси в 1238 г. Аргументы против этого тезиса выставлены в главе о роли Георгия Всеволодовича в отражении монгольского нашествия. Главное в них то, что летописные данные передергиваются и искажаются. Эти

⁸¹ *Филатов Н. Ф.* Юрий Всеволодович // Нижегородский край: факты... С. 25.

⁸² См. главу о Липице в этой книге.

⁸³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 56, 256–257.

⁸⁴ ЛЛ. Стб. 440.

⁸⁵ *Филатов Н. Ф.* Юрий Всеволодович // Нижегородский край: факты... С. 25.

⁸⁶ Там же.

манипуляции служат иллюстрацией к критическим словам Н.Ф. Котляра:

«Летописи все чаще используются сугубо потребительски – для извлечения фактов, имен и пр. При этом неспециалисты обыкновенно не заботятся о выяснении происхождения и состава той или иной записи, её толковании, степени аутентичности и др., наконец – исторической ценности летописи. Они не делают разницы между древними авторитетными летописями... и многочисленными поздними сводами (XVI–XVII вв.), происхождение древнерусских известий которых зачастую сомнительно, а их корни загадочны»⁸⁷.

Цель таких манипуляций: показать Василька основателем Нижнего Новгорода, а Георгия Всеволодовича – антигероем истории Отечества и «недостойным» для акта закладки города:

«Но всегда найдется любитель нарушить традицию ради сенсации. Особенно когда сенсация направлена на то, чтобы отнять славу у “недостойных” и прибавить её “достойнейшим”»⁸⁸.

Но попытки извлечь из летописей отдельные сведения и создать из них психологически неприглядный облик князя XII–XIII вв. безнадежны, если он с самого начала не представлен отрицательным персонажем. В то время в восприятии и отображении действительности в произведениях искусства господствовал стиль монументального историзма. Он проявлялся в летописях следующим образом:

«Рассматривая характеристики князей в летописи, мы легко заметим, что они сотканы не столько из психологических, сколько из политических понятий. Не характер князя отражен в его характеристике, а его деятельность, его поведение, его политическое лицо... Летописец оценивает не психологию князя, а его поведение, при этом поведение *политическое* в первую очередь... Доброму князю сопутствует добрая слава, дурному – дурная... Летописец никогда не вступает в интимное общение с героем своего повествования, не входит в психологическое объяснение его поступков...»⁸⁹.

⁸⁷ Котляр Н.Ф. Предисловие // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005. С. 5–6.

⁸⁸ Можейко И.В. 1185 год. Восток – Запад. М., 1989. С. 314.

⁸⁹ Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д.С. Избранные работы в трех томах. Т. 3. Л., 1987. С. 63–64.

Если современники не искали психологического объяснения поведения героев летописей, то в наше время это делать вообще бесполезно. Нельзя найти в источниках того, чего в них нет. Мы должны принимать героев повествования XII–XIII вв. так, как они изображены в летописях. В них великому князю владимирскому Георгию Всеволодовичу, ростовскому князю Василию (Васильку) Константиновичу воздается добрая слава. Нельзя покушаться на нее, не неся моральной ответственности перед памятью самих князей и их описателей.

Нет оснований для превращения догадки об основании Нижнего Новгорода ростовским князем Васильком Константиновичем в гипотезу. При этом ситуация с решением вопроса об основании и основателе Нижнего Новгорода не является уникальной. Много параллелей прослеживается с обсуждением вопроса об основании Москвы.

§ 4. Историографические дискуссии об основании Москвы и Нижнего Новгорода

В новейших дискуссиях о ранней истории Москвы и Нижнего Новгорода есть общие черты. Против мнений, базирующихся на выверенных данных летописей, близких к основанию городов событиями, выдвигаются иные, стремящиеся удревнить возраст городов. Даты оснований Москвы (первое упоминание в 1147 г. в ИЛ⁹⁰) и Нижнего Новгорода (сообщение о закладке Георгием Всеволодовичем в 1221 г. в ЛЛ⁹¹) признаются неверными на основе данных нарративов XVI–XVII вв. и других источников.

Для ранней истории Москвы таковыми признаются «Повесть о зачале Москвы»⁹² и сведения «Истории Российской» В.Н. Татище-

⁹⁰ ИЛ. Стб. 339–340.

⁹¹ ЛЛ. Стб. 445, 468–469.

⁹² Повесть о зачале Москвы // Материалы по истории СССР. Т. II. Документы по истории XV–XVII вв. М., 1955. С. 229–236; Повесть о зачале Москвы. – В кн.: Повести о начале Москвы. М.–Л., 1964. Датировка создания этих сказаний остается дискуссионной в историографии. М.Н. Тихомиров, Л.Н. Пушкарев датировали создание памятника – XVI в., М.А. Салмина – рубежом XVI–XVII в., С.К. Шамбинаго и Е.А. Бауэр считали, что литературные памятники созданы в середине XVII в.: Шамбинаго С.К. Повести о начале Москвы // Труды отдела древнерусской литературы. Т. III. М.–Л., 1936. С. 59–98; Бауэр Е.А. К датировке Повести о начале Москвы // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и

ва⁹³. Интересно то, что первый источник используется «удревнителями» возраста Москвы, а «История Российская» – сторонником традиционной точки зрения О.М. Раповым⁹⁴. Он полагал, что в Раскольничьей летописи, использованной Татищевым, дошли сведения протографа, который лежал и в основе ИЛ. А потому-то Раскольничья летопись и донесла ряд сведений, нигде больше не зафиксированных и восходящих к тому протографу. Правда, сам О.М. Рапов признал, что текст, переданный Татищевым, близок к «Повести о начале Москвы». На этом основании О.М. Рапов считал, что Москва была заложена в 1147 г., сразу после конфискации земель боярина Кучки. Это утверждение служит для опровержения другой мысли. Согласно ей Москва как княжеский город была возведена лишь в 1156 г., что не отменяет летописного сообщения 1147 г. (эту точку зрения защищают В.А. Кучкин и А.Л. Хорошкевич). По поводу построений Рапова А.Л. Хорошкевич отметила, что доверие к плоду досужих вымыслов летописцев XVII–XVIII вв., воплотившемуся в Раскольничьей летописи, сыграло с ним злую шутку. Использование Раповым сведений, почерпнутых у Татищева, нужно для того, чтобы отвергнуть мнение о несовпадении первого упоминания Москвы в источниках и получении ею статуса города.

гуманитарные перспективы. М., 2001. С. 115–116. Правда, литературную основу памятника Л.В. Пушкарев осторожно датировал второй половиной XIV в.: «Сказания о начале Москвы возникли и были записаны в тот период, когда Москва еще не стала «многими царствами и странами обладати», когда вопрос «яко Москве-граду царством слыти» был вопросом животрепещущим и спорным. Бытовавшие в читательской среде различные варианты этих сказаний... вызывали недоумение читателей и переписчиков, которые не могли разобраться в истинности сообщаемых сведений. Анализ различных списков дает... возможность предположить, какую же версию о начале Москвы считали наиболее достоверной читатели и переписчики XVII–XVIII вв., а это, в свою очередь, дает материалы для выяснения читательских интересов древнерусских книжников» (*Пушкарев Л.В.* Вводная статья // Повесть о зачале Москвы / Материалы по истории СССР. Т. II. Документы по истории XV–XVII вв. М., 1955. С. 214–215, 228).

⁹³ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. М.–Л., 1963. С. 170–171, 270; Т. III. М.–Л., 1964. С. 249.

⁹⁴ *Рапов О.М.* Москва родилась в понедельник // Родина. 1997. № 8; *Он же.* «Полюбя же вельми место то, заложил град» (к вопросу о времени основания Москвы) // Вестник Московского государственного университета. Серия VII. История. 1997. № 5. С. 12–13.

В.А. Кучкин не ставит под сомнение факт пребывания в Москве Юрия Долгорукого в 1147 г. Однако, используя данные Тверской летописи (текст восходит к ростовскому летописному памятнику 1534 г.), он утверждает, что Москва получила статус города после возведения укреплений в 1156 г., во время последнего визита Юрия Долгорукого в Ростово-Суздальскую землю⁹⁵. Во всех летописях для 1156 г. деятельность Юрия Долгорукого на юге Руси не прослеживается. Это является косвенным аргументом в пользу идеи о пребывании князя в это время в Залесской земле и заботе о возведении укреплений на реке Москве. С этим мнением согласна А.Л. Хорошкевич⁹⁶. Использование В.А. Кучкиным и А.Л. Хорошкевич летописного памятника XVII в., казалось бы, дает шанс их оппонентам для критики⁹⁷. Правда, последних не смущает, что исследователи, пользующиеся Тверской летописью, предварительно провели её источниковедческую критику. В её ходе была обоснована правомерность использования Тверской летописи при решении вопросов ранней истории Москвы.

Согласно письменным источникам XVI–XVII вв. (о закладке Москвы Олегом, «О зачале царствующего великого града Москвы», о Даниле Ивановиче (пришел из Новгорода) в 1212 г.), земли Москвы были обжиты боярином Кучкой, а затем их присвоил князь⁹⁸. Для обоснования догадки о «красных селах боярина Кучки» привлекаются данные археологии – дирхемы IX в.⁹⁹, печать митрополита рубежа XI–XII вв.¹⁰⁰ (несмотря на возражения В.Л. Янина, атрибутировавшего печать, против использования её как источника для обоснования существования

⁹⁵ Кучкин В.А. Москва в XII – первой половине XIII в. // Отечественная история. 1996. № 1. С. 4–5.

⁹⁶ Хорошкевич А.Л. Почему Москва не называется Кучковым? // Родина. 1997. № 9. С. 29.

⁹⁷ Латышева Г.П., Рабинович М.Г. Москва и Московский край в прошлом. М., 1973. С. 61; Рабинович М.Г. Древний центр Москвы // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 112.

⁹⁸ Латышева Г.П., Рабинович М.Г. Москва и Московский край в прошлом... С. 50–52, 57–61; Рабинович М.Г. Древний центр Москвы... С. 108–112.

⁹⁹ Рапов О.М. Москва родилась в понедельник... С. 31; Рапов О.М. «Полюбя же вельми место то, заложил град»... С. 3–4; Рабинович М.Г. Древний центр Москвы... С. 109.

¹⁰⁰ Латышева, Рабинович М.Г. Москва и Московский край в прошлом... С. 58; Рабинович М.Г. Древний центр Москвы... С. 108–109.

города или другого населенного пункта на месте Москвы до 1147 г.¹⁰¹), новгородская берестяная грамота 1180-х гг. с упоминанием Кучкова¹⁰².

Для опровержения даты основания Георгием Всеволодовичем Нижнего Новгорода в 1221 г. используется «Нижегородский летописец» XVII в.¹⁰³ и сведения Софийской II, Никоновской летописей, Московского свода 1479 г. о событиях в Нижнем Новгороде в 1445 г.¹⁰⁴ и Холмогорская летопись. «Нижегородский летописец» повествует о Старом городке, якобы основанном суздальскими князьями, правившими до князей владимирских¹⁰⁵. Со Старым городком вслед за исследователем XIX в. П.И. Мельниковым-Печерским отождествлялись остатки поселения, находившиеся выше устья Оки¹⁰⁶, но есть и другие мнения относительно локализации предшественника Нижнего Новгорода. Реанимация данных идей происходит несмотря на их критику В.А. Кучкиным, прозвучавшую в 1976 г. Одни последователи П.И. Мельникова-Печерского пытаются преодолеть эту критику: Ю.В. Сочнев ввел в дискуссию царскую грамоту 1593 г. с упоминанием Старого городка. Другие авторы просто повторяют мнение Мельникова-Печерского, игнорируя иные исследования по проблемам ранней нижегородской истории.

В среде противников утверждения основания Нижнего Новгорода в 1221 г. нет единого мнения о времени появления древнерусского по-

¹⁰¹ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. М., 1970. С. 149–150; Янин В.Л. Искать Москву в XI веке не приходится... // Родина. 1996. № 10. С. 32; Рапов О.М. Москва родилась в понедельник... С. 31; Рапов О.М. «Полюбя же вельми место то, заложил град»... С. 3–4.

¹⁰² Янин В.Л. Искать Москву в XI веке не приходится... С. 33; Хорошкевич А.Л. Почему Москва не называется Кучковым... С. 29–30.

¹⁰³ Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886. С. 27–28.

¹⁰⁴ Разбор применения данных этих летописей для удревнения Нижнего Новгорода был дан В.А. Кучкиным в статье: Кучкин В.А. О Нижних Новгородах – «Старом» и «Меньшом» // История СССР. 1976. № 5. Надо признать, что уровень аргументации апологетами древности Нижнего Новгорода ныне таков (за исключением Ю.В. Сочнева), что критика В.А. Кучкиным в 1976 г. подобных построений применима и сейчас.

¹⁰⁵ Нижегородский летописец... С. 28.

¹⁰⁶ Мельников-Печерский П.И. О старом и новом городах в Нижнем Новгороде // Труды IV археологического съезда. Т. I. Казань, 1884; Кирьянов И.А. К вопросу о времени основания г. Горького. Горький, 1956. С. 13–17; Сочнев Ю.В. Еще раз к вопросу о «старом городке»... С. 21–23; Филатов И.Ф. Старый городок XII века в устье Оки... С. 107–108.

литического центра «Старый городок». Н.Ф. Филатов, как указывалось выше, отнес его рождение к эпохе градостроительства Юрия Долгорукого в 1152–1154 гг.: Старый городок возник одновременно с Переяславлем-Залесским, Юрьевым-Польским, Кидекшей, Дмитровым, Звенигородом, Городцом на Волге. Ю.А. Сочнев отнес время появления русского града на устье Оки к периоду 1164–1172 гг. Нет общего знаменателя и в решении вопроса о судьбе поселения «Старый городок». Сочнев, используя легенды, записанные в XIX в., считает, что Старый городок был заброшен после болгарского погрома в 1183 г. По мнению Н.Ф. Филатова, это предшественник Нижнего Новгорода дожил до 1221 г. и пережил «второе рождение» на близком месте.

Села Кучки и Старый городок объявляются прямыми предшественниками Москвы и Нижнего Новгорода соответственно, и их возраст удревнен. Общей погрешностью «древних» версий является, на наш взгляд, подмена факта освоения территорий будущих городов фактом перехода земель под влияние Древнерусского государства и строительством городов. Само появление города в Восточной Европе было культурно-политическим фактом, порожденным логикой развития Древней Руси и распространения её власти от центра к периферии, как считает В.П. Даркевич¹⁰⁷. Поселения на месте Москвы и Нижнего Новгорода стали городами после подтверждения этого статуса властью князя. Вне этих обстоятельств города в XII–XIII вв. не возникали. Вопрос о степени освоения славянами территорий будущих городов напрямую связан с решением проблемы предшественников. Если Нижний Новгород возник в 1221 г. на месте городского поселения, заселенного славянами, или булгарами, или финно-уграми, то нужны данные, подтверждающие это. В случае славянского заселения нужно доказывать древнерусскую политическую колонизацию микрорегиона устья Оки до начала XIII в., чему подтверждений нет. То же самое надо делать при догадке о болгарском городе. В случае же с финно-уграми надо ставить вопрос о феномене финно-угорского города в Поволжье в XII в. Археология таких фактов пока не зафиксировала. Если Москва возникла на стыковой территории Черниговского, Рязанского, Смоленского, Ростово-Суздальского княжеств, то археологические находки подтверждают гипотезу

¹⁰⁷ Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов Древней Руси // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 53–58; Даркевич В.П. К проблеме происхождения древнерусских городов // Истоки русской культуры. М., 1997. С. 168–170.

тезу о нахождении на месте будущей столицы славянских поселений. С этим согласился В.А. Кучкин, который в 1984 г. писал:

«Неустойчивость в XII в. названия города – древнейшая форма «Московъ», а также «Москва», «Московъ», его второе наименование – Кучково («идоша с пимь до Кучкова, рекше до Москвы») – свидетельствуют о сравнительно позднем появлении здесь княжеской крепости... Приведенные данные, конечно, не могут пролить свет на время существования поселения на месте будущей Москвы»¹⁰⁸.

В 1996 г. исследователь, опираясь на данные археологических изысканий, не стал отвергать идею о существовании славянского земледельческого поселения на месте Москвы до 1156 г.¹⁰⁹. Но он не принял мысль о «красных селах» боярина Кучки, будто бы стоявших на месте Москвы до основания города. Кучкин не согласен с мнением, что Кучок или Кучко был боярином, но лишь – княжеским наместником, по имени которого было названо село недалеко от Москвы. Сославшись на исследования археолога Т.Д. Пановой¹¹⁰, В.А. Кучкин говорит о том, что только крепость строилась на обжитом месте. То есть строительство кремля, совпадающее с наделением Москвы статусом города, произошло при Юрии Долгоруком. Т.Д. Панова указала на то, что сторонники существования населенного пункта на месте Москвы до 1147 г. оперируют данными, полученными на рубеже 50–60-х гг. XX в. А наука уже значительно продвинулась вперед:

«Данные о мощности и характере культурного слоя древнего центра Москвы позволяют утверждать, что освоение людьми Боровицкого холма началось в середине XII в. (именно с Боровицким холмом связаны представления о Москве X или XI вв. – А.К.)»¹¹¹.

А.Л. Хорошкевич также выступает против идентификации селений

¹⁰⁸ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С.77.

¹⁰⁹ Кучкин В.А. Москва в XII – первой половине XIII века... С. 6–7.

¹¹⁰ Панова Т.Д. Культурный слой московского Кремля // Вестник Московского государственного университета. Серия X. История. 1990. № 3. С. 67.

¹¹¹ Панова Т.Д. Новые данные об исторической топографии средневековой Москвы // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). М., 1997. С. 101.

близ Москвы с «красными селами Кучки», считая последние легендарными¹¹².

Сторонники удревнения Москвы и Нижнего Новгорода используют для утверждения своих версий топонимику. Поселение, предшествовавшее Москве, названо ими Кучковым. После перехода владений Кучки к Юрию Владимировичу на него распространилось название «Москва»¹¹³. Но очевидно, что здесь имянаречение произошло по типу «река дает название городу»; в названии города, будь оно балтского или славянского происхождения, отражается связь с водоемом, речной, полной влагой, местностью¹¹⁴. Верной видится иная версия: после возникновения города на берегах Москвы-реки он мог недолго называться **Кучковъ** по имени боярина¹¹⁵. Не исключено: Кучковым именовалось поселение неподалеку от Москвы, а Москва была селом, ставшим волей Юрия Долгорукого в период 1147–1156 гг. городом и включившим в свой состав Кучковъ¹¹⁶. А.Л. Хорошкевич, проанализировав топонимы с формантом «Кучково, Кучков», указала, что они употребляются лишь в историческом контексте XIV–XVII вв. Исследовательница отождествила Кучков XII в. с Кучковым полем XVII в. и вывела поселение за пределы первоначальной Москвы.

Топоним «Старый городок» объявляется исходным для названия «Нижний Новгород»: Новым город назван по отношению к старому поселению, Нижним – по отношению к нему же, стоящему вверх по Оке¹¹⁷. Сторонники же традиционной точки зрения считают, что Нижний Новгород был назван Новгородом в противовес Новгороду на Волхо-

¹¹² Хорошкевич А.Л. Почему Москва не называется Кучковым... С. 30.

¹¹³ Латышева Г.П., Рабинович М.Г. Москва и Московский край в прошлом... С. 50–54, 55–60. Рапов О.М. Москва родилась в понедельник... С. 33–35; Рабинович М.Г. Древний центр Москвы... С. 107–108.

¹¹⁴ Нерозник В.П. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 112–113, 114–115; Кобрин В.Б. Историческая ономастика // Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Ключи к тайнам... С. 235; Хорошкевич А.Л. Почему Москва не называется Кучковым?... С. 28–29.

¹¹⁵ Кучкин В.А. Москва в XII – первой половине XIII века... С. 8.

¹¹⁶ Хорошкевич А.Л. Почему Москва не называется Кучковым... С. 30.

¹¹⁷ См.: Кирьянов И.А. К вопросу о времени основания г. Горького. Горький, 1956; Сочнев Ю.В. Еще раз к вопросу о «старом городке»...; Филатов Н.Ф. Старый городок XII века в устье Оки...

ве¹¹⁸ или по отношению к более древнему городу края Городцу¹¹⁹. Можно предложить и синтезную версию: название града на устье Оки соотносило его с Новгородом и Городцом. Формант «Нижний» утвердился в названии с XIV в. и фиксировал расположение города ниже по Волге по отношению к Городцу¹²⁰ или формант «Нижний» отразил нахождение города в Низовской земле (В.А. Кучкин). Ойконим «Старый город» возник позже названия «Нижний Новгород». Нижегородцы истолковали существование остатков поселения и крепости XV в. названием «Старый городок»: старый по отношению к Новому городу¹²¹.

Вставка в «Нижегородском летописце» XVII в. о Старом городке¹²², основанном суздальскими князьями, могла быть порождением политической борьбы второй половины XIV в., когда Москва вела борьбу за великое княжение с нижегородскими князьями и за присоединение Нижнего Новгорода. Суздальские князья, чьей резиденцией был Нижний Новгород, противопоставляли идею его подчинения великому князю владимирскому из Москвы идею старшинства суздальского князя и его законного права владения Нижним Новгородом. Так мог оказаться востребованным Старый городок. Но это является догадкой, не имеющей прямого подтверждения.

¹¹⁸ Кучкин В.А. Основание Нижнего Новгорода // Нижегородский кремль... С. 97. В.А. Кучкин оговаривает, что противопоставление Нижнего Новгорода и Новгорода Великого стало осознаваться лишь в XIV–XV вв. Макарихин В.И. Нижегородский край XIII–XIV веков по данным русских летописей // Нижегородский край в эпоху феодализма. Горький, 1991. С. 3–5; Макарихин В.П. Новгород Земли Низовской. Повествование о великом князе Юрии Всеволодовиче. Нижний Новгород, 1994. С. 33–38.

¹¹⁹ Русинов Н.Д. Этимологические заметки по русской лексике // Лексика, терминология, стили. Горький, 1973. С. 52–53; Гусева Т.В. Городец и Нижний Новгород в свете археологических данных // Хрестоматия по истории. Выпуск 2. Документы и материалы по проблемам русской колонизации Нижегородского Поволжья и основания Нижнего Новгорода / Сост. Ю.В. Сочнев. Нижний Новгород, 2001. С. 75.

¹²⁰ Русинов Н.Д. Этимологические заметки по русской лексике... С. 52–53; Русинов В.Н. Как и когда возникло название Нижний Новгород // Тезисы региональной научно-практической конференции «Исторические названия – память народа». Горький, 1990. С. 46–47.

¹²¹ Русинов Н.Д. Этимологические заметки по русской лексике... С. 51–52.

¹²² См. подробнее: Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987.

Упоминания летописей о Старом Нижнем Новгороде в связи с борьбой с Улу-Мухаммедом в 40-е гг. XV в.¹²³, вопреки мнению об идентичности его со Старым городком, также являются вставкой и говорят об обветшавших укреплениях или о Кремле¹²⁴. В этом обоснованном мнении совпадают В.А. Кучкин и Н.Д. Русинов.

Еще одна общая черта присутствует в историографии основания Москвы и Нижнего Новгорода. Ряд исследователей доверяют сообщению В.Н. Татищева об аморальном поведении Юрия Долгорукого, жившего с женой боярина Кучки и убившего последнего¹²⁵. Предполагается, что здесь содержатся сведения, таившиеся веками и прорвавшиеся в летописании XVI–XVII вв.¹²⁶. Но С.К. Шамбинаго, Л.В. Пушкарев, М.А. Салмина и М.В. Плюханова показали, что легенда о казни Кучки и основании Москвы восходит к общелитературному сюжету о жертве перед закладкой града, которому уготована великая будущность¹²⁷. М.В. Бибиков показал развитие этого сюжета из правовых исторических и эсхатологических произведений Византии: из славянской Кормчей книги XIV в. к Номоканону, а от него – к кодексу Юстиниана. Византийская правовая мысль выводила царскую власть от начала главного города, при основании которого пролилась кровь и явились определенные знамения. Такие же мотивы М.В. Бибиков находит в «Повести о зачале Москвы». Сам сюжет с кровопролитием стал неотъемлемой частью утверждения Москвы как столицы нового царства¹²⁸. Можно пред-

¹²³ Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910. С. 151; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XII. М., 2000. С. 63–64; Софийская вторая летопись / ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 103–104.

¹²⁴ Кучкин В.А. О Нижних Новгородах – «Старом» и «Меньшом» // История СССР. 1976. № 5. С. 231; Русинов Н.Д. Нижний Новгород Старый...

¹²⁵ Татищев В.Н. История Российская. Т. II. М.–Л., 1963. С. 170–171, 270; Т. IV. М.–Л., 1964. С. 249.

¹²⁶ Рапов О.М. Москва родилась в понедельник // Родина. 1997. № 8. С. 33–34.

¹²⁷ Шамбинаго С.К. Повести о начале Москвы // Труды отдела древнерусской литературы. Т. III. М.–Л., 1936. С. 59–98; Пушкарев Л.В. Вводная статья // Повесть о зачале Москвы... С. 222; Салмина М.А. Исследования // Повести о начале Москвы. М.–Л., 1964. С. 168–170; Плюханова М.В. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 158.

¹²⁸ Бибиков М.В. «Повесть о зачале Москвы» в свете византийских идей о начале городов // Источниковедение и краеведение в культуре России. Сборник к 50-летию служения Сигурда Отговича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 96–99.

положить, что на этот сюжет наложились летописные известия об участии Кучковичей в убийстве Андрея Боголюбского. Тогда автору только надо было домыслить мотивы их поступка. Как показал А.И. Филюшкин, именно мотив жертвы при закладке града актуализировал концепцию преемственности Москвы от Константинополя из числа иных концепций (в связи с падением ордынского ига; преемственность из Киева; преемственность от Вавилона; преемственность от Иерусалима)¹²⁹. В.А. Кучкин также исходит из того, что села боярина Кучки и сообще-

¹²⁹ *Филюшкин А.И.* Понятие «царствующего града» в русской общественной мысли XV–XVII вв. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). М., 1996. С. 12, 13–14. Увязать мотивы жертвы при строительстве и великой будущности царственного града пытается итальянский исследователь Марчелло Гардзанини. Он привлекает аналоги из европейской истории и литературы, которые могли быть известны русским книжникам: 1) тесная связь «Послания» Филофея с «Повестью» («Повесть» начинается с прямого цитирования «Послания», в котором говорится о падении Первого и Второго Рима и о неколебимости Третьего до скончания века); намерение автора «Повести» состояло в том, чтобы применить это положение к истории основания Москвы – общее знамение при возникновении «трех Римов» – кровопролитие; 2) описание смертного приговора Кучко – знамение при строительстве Капитолия; 3) эпизод с князем Андреем – дворцовый заговор, подобный заговору против Никифора Фоки; 4) Москва – царственный город: Кремль, Успенский собор (икона Владимирской Богоматери), Архангельский собор, где похоронены государи (см.: *Гардзанини М.* К вопросу о новой интерпретации «Повести о начале Москвы» // ДР. ВМ. 2003. № 4 (14). Декабрь. С. 12). Только интерпретация М. Гардзанини не является такой уж новой. Похожие выводы о возрождении идей старца Филофея в «Повести о зачале Москвы» делал С.К. Шамбинаго. С этим не согласился Л.В. Пушкарев. Указывая, что в «Повести о зачале Москвы» проявилась общая тенденция пропаганды идей восхваления Москвы как символа самодержавной власти, он отвергал идею о простом воплощении идей Филофея в этом произведении. Также, указывая на аналоги в мировой истории, Л.В. Пушкарев отыскивал примеры в памятниках отечественной исторической публицистики – это закладка Свяжска в «Казанском летописце» (*Пушкарев Л.В.* Вводная статья // Повесть о зачале Москвы... С. 225–226). Тем не менее, выводы Гардзанини, Пушкарева, Шамбинаго, Бибикова, Филюшкина свидетельствуют об одном: нельзя воспринимать «Повесть о зачале Москвы» как исторический источник; это было литературное произведение, весьма вольно интерпретировавшее исторические факты.

ние о расправе князя над ним есть плод литературного сочинительства XVII в.

Есть совпадения в этом сюжете и у нижегородской истории. В ЛЛ после сообщения о гибели князя Георгия Всеволодовича и перенесения его останков во Владимир следует его посмертная похвала¹³⁰. Кроме ЛЛ, этой похвалы нет в других источниках. Очевидно, похвала князю появилась во время создания ЛЛ в Нижнем Новгороде. Автором этой похвалы можно считать епископа Суздальского, Нижегородского и Городецкого Дионисия. Аргументы в пользу этого предположения привели В.Л. Комарович и Б.М. Пудалов. В XIV в. в Нижнем Новгороде, если соглашаться с доказательствами В.Л. Комаровича и Б.М. Пудалова, активно утверждался культ его основателя владимирского князя Георгия Всеволодовича. Это утверждение было связано с тем, что княжество Нижегородское имело статус великого. Поэтому внимание было обращено на личность его основателя, павшего в битве с захватчиками. Соседство в похвале идеи жертвенности и градостроительства князя Георгия Всеволодовича актуализировало архетип «жертва при основании града». Так создавался прочный общественный миф, который с XIV в. дожил в Нижнем Новгороде до наших дней.

Такова еще одна параллель в средневековых историографиях Москвы и Нижнего Новгорода XIV–XVI вв. Их руководители утверждали свое право на великокняжескую власть, апеллируя к жертве при закладке града. Очевидно, что московское обоснование, возникнув позже нижегородского, прожило дольше: похвала князю Георгию есть лишь в ЛЛ.

Относительно летописных и литературных сведений об амурных похождениях князей при основании Москвы нужно отметить, что они противоречат общему состоянию духовной культуры в XI–XIII вв. Господствовавший в летописании и литературе домонгольской Руси стиль исторического монументализма проявлялся во всем духе мышления и поведения любого человека того времени¹³¹. Пронесение через века

¹³⁰ ЛЛ. Стб. 467–468.

¹³¹ Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси... С. 63–64. Интересно то, что даже читателю XVII–XVIII вв. «Повесть об убиении Даниила Московского» казалась «лживой»: «...элемент любовной авантюры настолько силен в ней, что смущает не освободившегося еще от норм церковной морали читателя и заставляет его относить эту повесть к числу литературных, а не исторических» (Пушкарёв Л.В. Вводная статья / Повесть о зачале Москвы... С. 223–224).

сведений XII–XIII вв. о безнравственном поведении князя и их прорыв в какой-либо памятник XVI–XVII вв. невозможны.

При удревнении основания Нижнего Новгорода пошли еще дальше. Георгий Всеволодович был объявлен нарушителем правил наследования владимирского стола, зачинщиком усобицы, завершившейся на Липицком поле, косвенным виновником гибели князей в битве на Калке и мнимым основателем Нижнего Новгорода, существовавшего со времен Старого городка. Тон рассуждений обвинителя князя Георгия таков, что главной виной последнего стала «позорная» гибель на реке Сить в 1238 г., где ему отрубили голову¹³², что делает невозможным факт основания им Нижнего Новгорода в 1221 г. И в противовес реальному основателю града на устье Оки выдвигается князь Василько Константинович как эталон безупречности¹³³. Налицо стремление дать древнерусским источникам современное толкование и выдать его за достоверное. В качестве источника, призванного подкрепить догадку об основании Нижнего Новгорода Васильком Константиновичем, используется Холмогорская летопись. В ней говорится о нахождении ростовского князя Василька в Городце, а о возвращении его в Ростов ничего не сообщается. На данном летописном умолчании допускается мысль о том, что Нижний Новгород в 1221 г. основал Василько, хотя об этом нигде ничего не говорится¹³⁴. Б.М. Пудалов, проведя анализ происхождения летописного сообщения о событиях в Городце в 1220 г., обнаружил его первоначальное ядро. Оно сохранилось в Московском летописном своде конца XV в. Согласно этим сведениям Василько только отправлял войска в поход против болгар и пошел в Городец. Георгий Всеволодович не приводил болгарских послов к присяге в Городце, а отправил своих мужей в Волжскую Булгарию приводить к клятве её князей¹³⁵.

Есть еще одна параллель в дискуссиях об основания городов Москвы и Нижнего Новгорода. Н.А. Соболева процитировала отрывок из «Русского вестника» за 1808 г.:

¹³² *Филатов Н. Ф.* Юрий Всеволодович. Василько Константинович // Нижегородский край. Факты... С. 24–27.

¹³³ Там же.

¹³⁴ *Филатов Н. Ф.* Здесь был Вася... // Новое дело. № 38(90) за 10–16 августа 2001 г.

¹³⁵ Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. М.—Л., 1949. С. 116–117.

Москву «устроил великий князь Георгий (Юрий) Владимирович Долгорукий и в герб Москвы дал ангела своего великомученика Георгия, т.е. всадника на коне, попирающего копьём змия»¹³⁶.

Этот историко-геральдический курьез, нацеленный не на удревнение Москвы, а на доказательство ветхости её герба, можно было бы не упоминать, если бы в 2001 г. «геральдический аргумент» не был использован при обосновании мнения, что во втором рождении Нижнего Новгорода участвовал ростовский князь Василько Константинович:

«...у Нижнего Новгорода и у Ростова одинаковые гербы с изображением оленя. Разве может это быть случайным?»¹³⁷.

Исследователям пришлось объяснять широкой нижегородской публике, что все-таки разные гербы Ростова и Нижнего Новгорода изготовлены иностранцем Ф. Санти при Петре I, а утверждены лишь при Екатерине II. К тому же сфрагистические исследования показывают, что «нижегородский» олень «старше» «ростовского». Последнему предшествовало изображение птицы на печати Ивана Грозного. Ростовский олень появился на городской печати лишь в XVII в., а нижегородский существовал и раньше.

Анализ споров по основанию Москвы и Нижнего Новгорода позволяет сделать ряд обобщений. Догадки о более ранних датах основания городов зиждятся на данных письменных источников XVI–XVII вв. При обращении к ним признаются недостоверными сведения более древних источников (в дискуссии об основании Москвы сопрягаются данные разновременных письменных источников) и нарушается принцип объективности при их толковании. Археологические материалы ничего не дают без предварительного согласования взглядов на сущность древнерусского города. В обеих дискуссиях привлекается топонимика, подтверждающая, при строгом научном подходе, традиционные версии основания городов. Различия в московской и нижегородской историографических традициях заключаются в том, что ученые, удрежняющие возраст столицы, апеллируют к реальным фактам, но не всегда дают их корректное истолкование. Доверие к сведениям XVI–XVII вв. присутствует и у сторонников древности Москвы, и в меньшей степени у за-

¹³⁶ *Соболева Н.А.* Герб Москвы: к вопросу о происхождении // Отечественная история. 1997. № 3. С. 6.

¹³⁷ *Филатов Н.Ф.* Здесь был Вася...

цитников традиционной версии. Под влиянием сторонников версии появления Москвы ранее 1147 г. адепты традиционной гипотезы ныне не столь отрицательно относятся к мысли о славянских поселениях на территории нынешней столицы России. Археологические находки заставили внимательнее присмотреться к «Повестям о начале Москвы», что отразилось в решении топонимических вопросов В.А. Кучкиным и А.Л. Хорошкевич. Оба исследователя не нуждаются в «красных селах боярина Кучки» для решения проблем ранней московской истории и привлекают археологические данные. Одно объединяет обоих исследователей и О.М. Рапова: мысль о том, что древнерусский политический городской центр Москва (Москов) возник не ранее 1147 г.

Увы, ученые, удрежняющие возраст Нижнего Новгорода на основе поздних письменных источников XVI–XVII вв., не имеют археологических и иных аргументов. «Нижегородский летописец» не выдерживает источниковедческой критики в подаче событий на устье Оки до 1221 г. М.Я. Шайдакова показала, что в пассаже о Старом городке имела место вставка, содержащая народную легенду XVII в. Летописные рассказы о событиях 1445 г. под Нижним Новгородом в Московском своде 1479 г., Софийской II летописи, Никоновской летописи, упоминающие «старый» Нижний Новгород, подразумевают Нижегородский Кремль или старые городские укрепления. Под «меньшим городом» подразумевался укрепленный острог. Доверие к сведениям XVII в. и подгонка под них известий ЛЛ или их игнорирование концентрируются в трудах «удревнителей». Отсутствие археологических и иных аргументов лишает сторонников древней нижегородской, до 1221 г., истории главного преимущества их коллег в московской дискуссии. Поэтому версии о существовании поселений на устье Оки во второй половине XII в. остаются лишь непроверенными догадками. Ведь они базируются только на источниках XVI–XVII вв.

Эти обстоятельства делают невозможным плодотворный диалог, подобный диалогу в решении вопроса о дате основания Москвы, в нижегородской дискуссии. Поэтому параллели в проведении дискуссий заканчиваются, когда речь заходит о реальных результатах. Московская дискуссия выглядит выгоднее в академическом свете, нежели нижегородская.

Интересно отметить еще одну особенность: в обеих дискуссиях последовательное участие принимает В.А. Кучкин. Его веское слово в нижегородских спорах не опровергнуто, поскольку он обобщил весь

источниковый материал. Также он поступает и в «московской полемике». Последовательность в обоих случаях определяется тем, что к обеим проблемам историк подходит с точки зрения социально-политических процессов в Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. И потому видна внутренняя связь между решениями обоих вопросов.

Завершая разговор об общем в дискуссиях об основании Москвы и Нижнего Новгорода, надо отметить, что сведения источников XVII–XIX вв. содержат идею удревнения городов, их славной истории, отражают рост самосознания горожан XVII вв. В городах и населенных пунктах, находившихся на бывшей территории Владимирского княжества, усиливаются настроения возвести историю именно к прошлому этого древнерусского политического образования (исключение составляет, пожалуй, Владимир, основание которого стали приписывать Владимиру Святому). При этом задействовались легендарные сведения, создавались топонимические легенды. На эту основу в XIX в. накладывались представления ученых: даты по эре от Рождества Христова, привязка места событий к реалиям XIX в.¹³⁸. В качестве примера можно привести легенду об основании Коврова при Андрее Боголюбском, где персонажем легенды является охотник Елифан. А в документах XVII в. упомянут запустевший двор Василия Елифанова¹³⁹. Современные ковровские исследователи связывают эти два источниковых указания¹⁴⁰, что весьма несправомрно.

§ 5. «Этническая история» основания Нижнего Новгорода

Отсутствие должного научного критицизма в трудах удревнителей нижегородской истории, легко совмещающих пестрые источниковые факты из разновременных и разножанровых памятников, приводит к тому, что их аргументы легко используются творцами национальных историй. Причем постановка ими проблемы и её наилегчайшее (через догадки) решение вполне закономерно вытекают из самой ревизии сообщения ЛЛ:

«Очевидным кажется ответ, предлагаемый древнерусскими летописями, – 1221 год; но тут же появляется новый вопрос: не предшество-

¹³⁸ Например, легенда об Абрамовом городке.

¹³⁹ *Кривошеев Ю. В.* Гибель Андрея Боголюбского: Историческое расследование. СПб., 2003. С. 102–103.

¹⁴⁰ Из прошлого Ковровского края. Ковров, 2000. С. 13–15.

вало ли созданию «Новгорода на усть Оки» некое городское поселение, возникшее еще раньше? А после этого вопросы всплывают один за другим. *Была ли этот город-предшественник... русски.и, болгарски.и и.и.и. лордовски.и поселение.и?* (выделено нами – А.К.) Кто и при каких обстоятельствах основал этот город? Каковы свидетельства в пользу существования «Старого городка» до начала XIII в. и можно ли это подтвердить материалом письменных и археологических источников? И, наконец, самое важное: насколько вообще надежны показания летописей, позволяющие считать 1221 г. годом основания Новгорода Нижнего, а Юрия Всеволодовича – его основателем?¹⁴¹

В газете нижегородских мусульман «Медина аль-Ислам»¹⁴² была опубликована статья Д.З. Хайретдинова, посвященная вопросу основания Нижнего Новгорода. В ней заостренным оказался важный аспект: использование прошлого как аргумента в политических, этноконфессиональных спорах, замалчивание исторической правды ради достижения политического капитала. Действительно, очень болезненная тема для профессионального самосознания историков. С одной стороны, им приходится поступаться целью своей деятельности – достоверным, истинным восстановлением прошлого. С другой стороны, искажение картины прошлого в угоду власти ведет к общественному недоверию к представителям цеха Клио. Свидетельств этому – множество. Еще великому С.М. Соловьеву пришлось выдерживать натиск министра просвещения Ширинского-Шихматова из-за естественного желания исследователя подвергнуть сомнению устоявшиеся «истины»: «Правительство этого не хочет! Правительство этого не хочет!»¹⁴³. Поэтому нормально воспринимается реакция Д.З. Хайретдинова на попытку местных властей создать в Нижнем Новгороде культ его основателя с религиозным оттенком. Однако не все аргументы данной статьи можно принять. Общим правилом уже стало кивать на власти, скрывающие правду от народа.

¹⁴¹ Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород, 2003. С. 79–80.

¹⁴² Хайретдинов Д. Кто основал Нижний? или Да здравствуют идеологи! // Медина аль-Ислам. 2005/1426. 3 (6). Март – апрель (сафар). С. 1, 3. Все ссылки на Д.З. Хайретдинова в данной главе даются по этой публикации.

¹⁴³ Цит. по: Лурье Я.С. История России в летописании и в восприятии нового времени // *Он же*. Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 20.

Так, в 2000 г. газета «Новое дело», поместив материал профессора Н.Ф. Филатова об «основателе» Нижнего Новгорода – Васильке Константиновиче, сопровождала его словами, смысл которых сводился к следующему: власти долго скрывали от нижегородцев имя истинного основателя их города. Правда, без ответа остался естественный вопрос: а зачем власти, особенно советские, это делали?

В статье Д.З. Хайретдинова филиппики направлены в адрес идеологов за то же «сокрытие истины» об основании Нижнего Новгорода. Первоначальным желанием было написать ответ, содержащий ряд профессиональных поправок к этому страстному, заинтересованному исследованию. Однако по мере углубления в текст росло убеждение, чтоopus историка Д.З. Хайретдинова наполнен умышленными искажениями, смещениями акцентов, круто замешанных на эмоциях. С ними трудно спорить. Поэтому упор делается на научной критике аргументов Д.З. Хайретдинова.

Статья Д.З. Хайретдинова содержит ряд взаимоисключающих идей. Так, главной целью автора стало доказательство того, что до 1221 г. на устье Оки располагалось мишарско-буртасское (или болгарское) население. В науке, да и в русских летописях принято разделять мещеру¹⁴⁴ – финно-угорскую народность, мещеряков – результат слияния финно-угров с тюрками (при культурном доминировании последних) и самих татар-мишарей – потомков мещеряков. Мещера «Повести временных лет» (на нее надо ссылаться, а не на газету «Нижегородская правда») – это финно-угры. Буртасы, по мнению современных исследователей, составили основу мишарей¹⁴⁵, но давайте посмотрим, как их локализует вслед за арабскими авторами Д. Хайретдинов – по Волге между Хазарией (Нижняя Волга) и Волжской Булгарией (Волго-Камье). Это все-таки далеко от нынешней Нижегородчины. С.Ф. Фаизов, на которого ссылается Д.З. Хайретдинов, пишет о месте расселения буртасов – нынешняя Пензенская область¹⁴⁶. А от нее до устья Оки простиралась земля мордвы. Поэтому надо отделить древнюю мещеру от буртасов (их взаимодействие началось после образования Ордынского государства).

Противоречат словам Д.З. Хайретдинова о мишарях на устье Оки его же рассуждения о болгарском поселении на месте Нижнего Новгорода. Они определены тем, что:

¹⁴⁴ О тюркской природе мещеры заявил в 2001 г. А.М. Орлов.

¹⁴⁵ Фаизов С.Ф. Ислам в Поволжье. VIII–XX вв. М., 1999. С. 7.

¹⁴⁶ Там же. С. 7–8.

«На сегодняшний день можно считать доказанным, что граница Волжской Булгарии находилась... в районе Оки».

С той же уверенностью и большей основательностью нужно заявить, что граница Волжской Булгарии проходила не в районе Оки, а располагалась много восточнее и юго-восточнее. Никто из ученых до сих пор не доказал, что рубеж Булгарии проходил в районе Оки. Такой аргументации нет в цитируемой по другому поводу Д.З. Хайретдиновым книге С.Ф. Фаизова. Сведений об этом нет в путевых записках арабского путешественника середины XII в. Хамида абу-ал-Гарнати¹⁴⁷. Стесняясь своей неосведомленности, автору этих строк очень хотелось бы увидеть систему доказательств Д.З. Хайретдиновым тезиса об Окском рубеже Волжской Булгарии.

В качестве контраргумента можно предложить ещё один: ученые, отстаивающие догадку о Старом городке на устье Оки, поселении суздальских князей, доказывают его существование фактом похода на болгар в 1172 г. князя Мстислава. Он с дружиной две зимние недели ждал союзников на устье Оки. Будучи научно отвергнутым как обоснование версии о Старом Городке, это сведение противоречит и догадке о болгарском городском поселении в то время. Иначе Мстиславу пришлось бы захватывать болгарский форпост, что неминуемо отразилось бы в летописях. Эти данные противоречат тезису о границе болгарских владений по устью Оки. Ему же противоречат заявления самого Д.З. Хайретдинова: то он рассуждает о болгарском городе, то о мишарском-буртасском поселении. Это противоречие не разрешается заявлением, что на устье Оки, где до 1221 г. существовал неизвестный ни письменным источникам, ни науке тюркский народ, сошлись границы «государств Булгарии, Буртаса и Мешеры». Ну ладно, славян там не было, но куда девать мордву, с которой после 1221 г. (а не с булгарами, как утверждает Д.З. Хайретдинов) воевали владимирские князья¹⁴⁸. Кстати, если, по мнению Д.З. Хайретдинова, Булгария до 1230 г. вела войну за устье Оки, то почему в стороне остались только ему известные «государства Буртаса и Мешеры», выходявшие к устью Оки? Да и можно ли говорить об этих государствах в микрорегионе востока Волго-Окского междуречья, если нет признаков какой-либо государственности. К их числу относятся города, чьих следов здесь до 1221 г. нет ни в письмен-

¹⁴⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 244–246.

¹⁴⁸ ЛЛ. Стб. 448–449, 450–451.

ных, ни в археологических источниках. Есть лишь мозаика, собранная Д.З. Хайретдиновым из мнений краеведов XIX в. Говорить о древнем присутствии тюрок при впадении Оки в Волгу на этом основании нельзя. Да, со ссылкой на А.П. Мельникова указывается, что на месте Лыскова был болгарский Сундовит, на месте Балахны – город болгарский¹⁴⁹. А где источники его указаний? Про болгарского предшественника Балахны А.П. Мельников писал со ссылкой на смутную народную легенду в предположительном тоне. С таким же успехом можно утверждать, что на месте Лыскова и Балахны были русские города Лысково и Балахна. Саров – по легенде Сараклыч. Только Сараклыч по этой же, достаточно поздней легенде – татарский город, а значит должен был возникнуть, как минимум, во второй половине XIII в. Поэтому он не доказывает «факт» болгарского присутствия в этой части Нижегородчины. Археологи же в Сарове и его округе находят лишь мордовские вещи, свидетельствующие об освоении еще в домонгольское время этих земель финно-уграми¹⁵⁰.

При рассмотрении в отдельности версий о болгарском или о буртасско-мещерском городе обнаруживается их уязвимость даже для непрофессиональной критики. Рассмотрим болгарскую догадку Д.З. Хайретдинова. Её основание – сведение В.Н. Татищева, действительно величайшего историка, но... XVIII в. Историческая наука поступательно развивается, давно преодолев это мнение В.Н. Татищева о болгарском предшественнике Нижнего Новгорода. Действительно, в обеих редакциях «Истории Российской» В.Н. Татищев пишет о болгарском граде –

¹⁴⁹ См. переиздание: Мельников А.П. Нижегородская старина. Нижний Новгород, 1992. С. 35, 45.

¹⁵⁰ Грибов Н.Н. Раскопки на городище Саровском // Археологические открытия 1994 года. М., 1995. С. 84; Грибов Н.Н., Иванова Н.В. Археологические работы на Саровском городище // Археологические открытия 1995 года. М., 1996. С. 118–119; Грибов Н.Н. Охранные раскопки в Нижегородской области // Археологические открытия 1996 года. М., 1997. С. 97–98; Грибов Н.Н. Средневековое городище на месте бывшего Саровского монастыря // Древности Нижегородского Поволжья. Вып. 1. Нижний Новгород, 1997. С. 31–57; Грибов Н.Н. Погребально-обрядовый комплекс Саровского городища; Иванова Н.В. Материальная культура насельников Саровского городища // Материалы второй и третьей научно-практических конференций по проблемам истории, культуры и воспитания. Саров, 1999. С. 199–204; 205–212; Подурец А.М. Саров: памятник истории, культуры, православия. Саров, 1999. С. 9–14.

предшественнике Нижнего Новгорода¹⁵¹. Но что это за строка: уникальное известие (его нет в надежных проверенных источниках) или мысль самого Татищева? Ответ на вопрос дал крупнейший знаток нижегородских древностей В.А. Кучкин:

«Слишком различны характеристики этого болгарского города в первоначальном и последующих рассказах В.Н. Татищева (просто болгарский предшественник Нижнего Новгорода и старый болгарский город, разоренный русскими). Если историк при написании своего труда и при дальнейшем его редактировании пользовался одной и той же летописной записью, то трудно объяснить, почему в разное время он извлекал из нее разные сведения. Скорее, замечания о древнем болгарском городке при слиянии Оки с Волгой – плод научных изысканий самого В.Н. Татищева. Чем при этом руководствовался историк XVIII в., определенно сказать нельзя... Возможно, что В.Н. Татищев своеобразно интерпретировал летописный рассказ о зимнем походе 1171/1172 г. сына Андрея Боголюбского Мстислава на болгар, в котором называлось устье Оки и говорилось о взятии русскими дружинами болгарского городка»¹⁵².

Критический нажим на В.Н. Татищева усилил Б.М. Пудалов:

«В сообщении В.Н. Татищева об основании Нижнего Новгорода «...сделано две вставки: 1) город в устье Оки заложен «от болгар»; 2) «бе бо ту **первее** город **болгорский**». Причина появления первой вставки сомнений не вызывает: она – плод логического заключения автора, обратившего внимание на предшествующую летописную статью под 6728 (1220) г., где рассказывается о войне великого князя владимирского Юрия Всеволодовича с Волжской Булгарией. Впрочем, это умозаключение В.Н. Татищева несколько искажает историческую действительность, так как защита «от болгар», судя по последующим событиям 1220–1230-х гг., была не единственной целью закладки Нижнего Новгорода. О том, что данная вставка была сделана самим В.Н. Татищевым, свидетельствует её отсутствие в тексте второй редакции «Истории Российской»... Происхождение второй татищевской вставки неясно. Хотя её грамматическая конструкция – «бе бо ту пер-

¹⁵¹ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 212; Т. IV. М.–Л., 1964 С. 360.

¹⁵² Кучкин В.А. Основание Нижнего Новгорода // Нижегородский кремль... С. 85.

все» – вроде бы указывает на древнерусский источник (во второй редакции текст поновлен: «где издавна был град болгарский»), но в сохранившихся летописных сводах эта фраза отсутствует, а вероятность использования какого-то иного авторитетного, но не дошедшего до нас источника ничтожно мала в свете того, что известно сегодня ученым об источниках «Истории Российской» и авторских принципах В.Н. Татищева. Поэтому более правдоподобным представляется сочинение текста вставки самим историком – либо на основе опять-таки умозаключений, либо на основе местного источника (возможно, фольклорного)¹⁵³.

Мысль В.Н. Татищева противоречит более раннему его заявлению относительно Городца в 1177 г.:

«Городец есть село на Волге доднесь в Балахонском уезде, а другое есть в Нижегородском. Но сие тогда построено не было, понеже за Окою владение было мордовских князей, и Нижняго тогда еще не было»¹⁵⁴.

То есть в 1176 г. Нижнего Новгорода не было и никакого «болгарского» населенного пункта не упомянуто. Поэтому в промежуток 1176–1221 гг. должен был возникнуть болгарский город, русские должны были его разорить, а затем основать Нижний Новгород. Подтверждений этой догадке нигде нет.

Другой великий ученый XIX в. Н.М. Карамзин, вопреки Д.З. Хайретдинову, не поддерживал В.Н. Татищева. Карамзин высказался так:

«Георгий, будучи тогда сам на берегах Волги, имел случай снова осмотреть их, выбрал место и чрез несколько месяцев заложил Нижний Новгород, там, где сливаются две знаменитые реки нашего отечества и где скоро поселилось множество людей, привлеченных годами торговли и судоходства»¹⁵⁵.

В Примечании Н.М. Карамзин лишь указал на В.Н. Татищева:

«По харатейным летописям Новгород Нижний заложен в 1221 году.

¹⁵³ Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья... С. 80–81.

¹⁵⁴ Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. С. 450–451.

¹⁵⁵ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 452–453.

Татищев пишет, что на сем месте находился прежде Болгарский город, разоренный Россиянами».

Только при большом желании можно усмотреть поддержку Н.М. Карамзиным В.Н. Татищева в этих словах. Слова Д.З. Хайретдинова про целую плеяду дореволюционных историков, признававших нахождение будущей Нижегородской земли в составе Булгарии, не убеждают: ведь приведена фамилия одного Милотворского. Другие историки говорили о мордовских племенах или о раннем проникновении русских на восток Волго-Окского междуречья.

В 1220 г. Георгий Всеволодович из Городца направил своих мужей с болгарскими послами к их правителям, чтобы те дали клятву, скрепляющую мир (отсюда не следует вывод Д.З. Хайретдинова, что «часть болгарской земли подчинилась суздальскому великому князю»). После чего и основывается Нижний Новгород. Затем до 1230 г. (вернее, до 1229 г., если переводить по правилам) за Нижний Новгород и около него идет борьба владимирских князей и мордвы. Причем мордва расколота: одна часть во главе с Пурешей ориентируется на владимирских князей, другая во главе с Пургасом – выступает против них. Один раз в борьбу вмешался болгарский князь, выступив против Пуреши, но, узнав о разорении Георгием мордовских сел, бежал прочь. Позднее Пургас был побежден¹⁵⁶. Эти события, среди которых появление болгарского правителя было лишь эпизодом, происходили в 1228–1229 гг. В них нельзя усмотреть борьбу болгар и русских за устье Оки. Соглашение 1230 г. между Владимирским княжеством и Булгарией не касалось вопроса о принадлежности устья Оки: ведь в источниках об этом ничего не говорится. В силу этих рассуждений «болгарский» город – лишь умозрительная конструкция Д.З. Хайретдинова, ставшего жертвой простодушного доверия мыслям В.Н. Татищева.

Для критики построений Д.З. Хайретдинова о тюркском предшественнике Нижнего Новгорода надо делать пространные экскурсы в труды историков и краеведов, краткие, но многочисленные свидетельства источников. Попытаемся сделать это лаконично. Фразу И.А. Кирьянова от 1956 г.:

«в настоящее время большинство историков и краеведов в принципе согласны с мнением о том, что в устье реки населенный пункт существовал еще до основания Нижнего Новгорода»¹⁵⁷

¹⁵⁶ ЛЛ. Стб. 451–453.

¹⁵⁷ Кирьянов И.А. К вопросу о времени основания г. Горького... С. 4.

– можно использовать лишь с той оговоркой, что сам исследователь в предшественнике видел русское поселение. Для характеристики состояния умов по разбираемому вопросу 1956 г. – это вчерашний день. Через 20 лет после брошюры И.А. Кирьянова вышла фундаментальная статья В.А. Кучкина¹⁵⁸, где наглядно, в полемике с И.А. Кирьяновым, было доказано, что исследования письменных и устных источников не подтверждают идей о предшественнике (славянском, финно-угорском, тюркском) Нижнего Новгорода до 1221 г. В 2001 г. В.А. Кучкин вернулся к этой проблеме, еще более детализировав прежние выводы. Им были разобраны поздние по отношению к летописным сведениям «русская», «мордовская», «булгарская» легенды о предшественнике Нижнего Новгорода¹⁵⁹, показаны их несостоятельность и развитие до уровня научного мифа в трудах историков и краеведов XIX–XX вв. Общий вывод исследователя неутешителен для Д.З. Хайретдинова:

«Основанная в 1221 г. крепость получила название Новгород. Это название не противостоит каким-то другим названиям (например, Старому городу, Городцу) как иногда считается в научной литературе, а означает строительство города на новом, еще не обжитом месте. Определение «Нижний» город получил не при своем основании, а значительно позже»¹⁶⁰.

К подобному выводу после тщательного разбора мнений и версий предшественников пришел Б.М. Пудалов¹⁶¹. Поэтому странно видеть, как Д.З. Хайретдинов реанимирует устаревшие и раскритикованные аргументы.

Например, он в качестве достоверного источника использует предание об Абрамовом (**Ибрагимовом**) городке. Предварительно Д.З. Хайретдинов назвал его **Ибраимовым** городком, чтобы сделать свою аргументацию убедительней. Из песни слова не выбросишь. Так и из названия, которое служит аргументом, нельзя выкидывать звук. Такой «лингвистический» прием – не в пользу автора статьи. Если для современного языка мишарей выпадение «h» – норма, то не факт, что

¹⁵⁸ Кучкин В.А. О Нижних Новгородах – «старом» и «меньшом» // История СССР. 1976. № 5.

¹⁵⁹ Кучкин В.А. Основание Нижнего Новгорода // Нижегородский кремль... С. 85–89.

¹⁶⁰ Там же. С. 97.

¹⁶¹ Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших... С. 186–188, 210.

она была 800 лет назад. Ведь язык постоянно развивается. Поэтому пока все-таки – **Ибрагимов** городок, как он назван в записях легенды. Она стала для Д.З. Хайретдинова обоснованием догадки о мишарском предшественнике Нижнего Новгорода.

Эта легенда впервые появилась в работе 1850-х гг. П.И. Мельникова-Печерского «Очерки мордвы» (последнее издание в 1909 г., в VII т. полного собрания сочинений П.И. Мельникова). Текст самой легенды в версии П.И. Мельникова-Печерского приведен в сборнике, составленном Ю.В. Сочневым¹⁶². Там речь идет исключительно о мордвине Абрамке и Абрамовом городке. Есть основания полагать (совпадения деталей, заявление, что легенда записана со слов любителя и собирателя древних манускриптов), что именно эту легенду изложил П.И. Храмовский в «Истории и описании Нижнего Новгорода» в 1857 г., добавив сведения из летописей и свои домыслы¹⁶³. Среди последних – имя **Ибрагим**, название **Ибрагимов городок**. Частотность употребления Н.И. Храмовским имен **Абрам** и **Абрамов городок** по сравнению с **Ибрагимом** и **Ибрагимовым городком** (13:3) свидетельствует об искусственной вставке последних. Цель вставки: объяснить немордовское имя Абрам географически близкой исламско-тюркской средой. Другой вариант легенды был изложен А.С. Гациским в «Нижегородке» (1877 г.) с частотностью имен **Абрам** и **Ибрагим** – 15:2¹⁶⁴. Излагая легенду, А.С. Гациский привел мнение П.И. Мельникова:

«Легенда эта подозрительного свойства, относительно подлинности её. Может ли быть, чтобы в ней сохранилось имя Мстислава? Состряпать-то сочинители хорошенько легенду не умели»¹⁶⁵.

Итак, человек, впервые приведший эту легенду, указывает на её недостоверность и явно фальсифицированный характер. Это дает осно-

¹⁶² Мельников П.И. Легенда об «Абрамовом городке» / Мельников П.И. Очерки мордвы. Полное собрание сочинений П.И. Мельникова. Т 7. М.–СПб., 1909. С. 414–415 // Русская колонизация Поволжья и основание Нижнего Новгорода. Сборник документов и материалов. Сост. Ю.В. Сочнев. Нижний Новгород, 2005. С. 7.

¹⁶³ См. последнее издание: Храмовский Н.И. История и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1998. С. 21–23, 525.

¹⁶⁴ См. последнее издание: Гациский А.С. Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 2001. С. 43–44.

¹⁶⁵ Там же. С. 44.

вания считать, что он сам и был автором этой легенды, обросшей дополнительными сведениями у Н.И. Храмовского¹⁶⁶. Такое отречение от собственного детища можно объяснить тем, что П.И. Мельников к этому времени уже выдвинул иную догадку – о русском предшественнике Нижнего Новгорода.

Даже если предполагать достоверность легенды, изложенной в трудах П.И. Мельникова, Н.И. Храмовского (он на основании легенды говорил о мордовском поселении), А.С. Гациского (тоже видел мордовское поселение), то более частое употребление имени **Абрамка** не дает оснований говорить об Ибрагимовом городке только для того, чтобы «рассуждать» о выпадении звука *h*. Остается лишь недоумевать, почему Д.З. Хайретдинов из нескольких легенд, изложенных в трудах нижегородских краеведов, остановился на одной. Он не использовал легенду о Дятловых горах, летописное сообщение XVII в. о Старом городке, якобы заложенном суздальскими князьями задолго до 1221 г. Ведь, выбирая из круга поздних источников один, нужно убедительно отводить другие. Это сделано не было, видимо, из отсутствия в текстах тюркских корней... Хотя нет, упоминается мордовская песня о русском князе Мурзе, подчинившем мордву на устье Оки. Об этой песне мы знаем из труда того же А.С. Гациского¹⁶⁷, не характеризовавшего её как старинную. Это важно, поскольку её «древность» Д.З. Хайретдинов использует как подпорку своим «тюркологическим» изысканиям. Если даже согласиться с тем, что песня о Мурзе действительно древняя, то надо указать на то, что произведения фольклора – это не газетная хроника; а сложный многослойный жанр, из памятников которого факты извлекаются в ходе кропотливых источниковедческих процедур, а не после «кавалерийского» перекраивания его на свой манер. Тюркское имя русского князя – не такая уж редкость. Средневековье – и домонгольское, и постмонгольское – время, когда тюркские имена были в ходу у русских людей всех слоев общества. Имя **Мурза** отсылает к ордынским политическим порядкам, ко времени после 1221 г., то есть уже после основания Нижнего Новгорода.

Отдавая должное осведомленности Д.З. Хайретдинова в символике исламских архитектурных декоров, надо отметить его такую же неосведомленность о символике православного искусства. Говоря о распространенности 6-конечной звезды в исламской культуре, Д.З. Хай-

¹⁶⁶ Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших... С. 82–83.

¹⁶⁷ Гациский А.С. Нижегородский летописец... С. 42

ретдинов ограничился указанием на мечеть Владикавказа XIX в., но для этого нужно больше примеров (и при желании их можно было бы найти). А раз так, то довод можно уравновесить нижегородской церковью Трех Святителей тоже конца XIX в. В её декоре есть 6-конечные звезды. 6-конечная звезда в христианском искусстве существовала независимо от масонской субкультуры, наряду с 8-конечной звездой. Говорить о влиянии масонов на православное искусство – просто безграмотно. 6-конечная звезда встречается в убранстве православных храмов, икон... Её изображение часто символизировало Полярную звезду. Д.З. Хайретдинов исходит из того, что Михаило-Архангельский собор, где пол составлен из плиток с 6-конечными звездами, построен в XIV в. на месте своего каменного предшественника. От него якобы и остались плитки¹⁶⁸. Но для этого надо провести собственную датировку по принципу: «Отвергаешь – предлагай своё», чего Д.З. Хайретдинов не сделал. Он также не учел исследование Б.М. Пудалова, показавшего сомнительность представления о постройке каменного храма Михаила Архангела в 1227 г. Это представление покоится на известии Типографской летописи особой редакции, где вместо названия Спасо-Преображенского собора, читаемого в других летописях, есть слова о храме Михаила Архангела¹⁶⁹. Оттуда известие о строительстве каменного собора Михаила Архангела попало в памятник XVII в – Нижегородский летописец¹⁷⁰. Вывод один: каменный храм Михаила Архангела появился в Нижнем Новгороде только в XIV в. вместе с плитами с 6-конечными звездами.

После этого крыша здания – болгарско-буртасская цивилизация на устье Оки – рухнет. Странно было видеть в газете нижегородских мусульман слепое доверие представителя татарской ученой интеллигенции (если судить по фамилии) к сведениям православной агиографии. Ведь вера в прирастание головы Георгия Всеволодовича к телу не служила контраргументом безосновательному высказыванию Д.З. Хайретдинова:

¹⁶⁸ Впервые этот довод прозвучал в книге А.М. Орлова: *Орлов А. М. Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы*. Нижний Новгород, 2001. Был повторен им в том же номере газеты Аль-Медина, где публиковалась статья Д.З. Хайретдинова (с. 8).

¹⁶⁹ РГБ. Ф. 178 (собр. МДА.). Оп. III. № 146. Л. 329 об. – указано по: *Пудалов Б. М. Начальный период истории древнейших... С. 157–159.*

¹⁷⁰ Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886. С. 2.

«Новый город – лишь перестроенный населенный пункт... силой завозанный суздальскими князьями у мусульман...».

Да и высказывание это ново для исторической науки, чтобы его кто-то мог бы нелепо «уравновесить» чудом из культа Георгия Всеволодовича. У профессиональных историков «православная» подоплека основания Нижнего Новгорода вызывает свои нарекания. Так, в последнее время властями настойчиво подчеркивается равноправная с князем роль епископа Симона в закладке «града на устье Оки». Источники об участии Симона в этом действе сведений не дают.

Непонятен список кандидатур на роль основателя града на устье Оки, раздражающих Д.З. Хайретдинова: Георгий Победоносец, Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, Георгий Всеволодович, Юрий Всеволодович, Василько Константинович... Да, конечно, Георгий Победоносец – представитель сонма святых христианской церкви – не мог быть основателем Нижнего Новгорода по соображениям географии и времени его деятельности. Но вывод о том, «что Георгий Победоносец не имеет никакого отношения к России», звучит приблизительно так же, как (да простят меня за столь дерзкое сравнение) «Пророк Мухаммад не имеет никакого отношения к России». Ведь несть числа людям в России, носящим имена Георгия, Юрия, Егора (наверное, можно было бы сразу объяснить читателям, что Георгий, Юрий и Егор в средневековой Руси были формами одного и того же канонического имени). Населенные пункты России носят названия Юрьев, Юрьевец и др. В Юрьев день осенний до 1581 г. крестьяне могли уходить от помещика. В государственной символике России, начиная с Петра I, образ Георгия Победоносца играет важную роль. Юрий Долгорукий и его сын Андрей Боголюбский уже давно серьезными учеными не рассматриваются в качестве основателей Нижнего Новгорода: «спорят» отец и сын из-за Городца. Василько Константинович не подходит на роль основателя после вердикта, вынесенного в 2002 г. В.А. Кучкиным, а чуть позднее – Б.М. Пудаловым.

В исторической науке принято озвучивать новые выводы и решения после их согласования с взглядами предшественников и отказа от того, что не выдержало критики. Это является правилом хорошего тона и проявлением уважения к читателю, когда историк предлагает новации широкой общественности. Этого не было сделано Д.З. Хайретдиновым. Он использовал доводы, ранее сокрушенные научной критикой. Поэтому для Д.З. Хайретдинова необходимо было отвергнуть критику

В.А. Кучкина и Б.М. Пудалова, чтобы придать прежним аргументам новую силу. Насколько известно, таких попыток Д.З. Хайретдиновым на научном уровне сделано не было. Хотя возможности для сообщений и публикаций были и есть. На протяжении нескольких лет ежегодно проводилась научная конференция «Нижегородский кремль», раз в два года «Городецкие чтения» собирают историков, в декабре 2004 г. в Нижнем Новгороде прошла конференция «Города Поволжья в Средние века: между Европой и Азией», в течение 10 лет с разной периодичностью проводятся «Мининские чтения». На этих форумах, проходивших с участием ученых Татарстана, Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, обсуждались вопросы основания Нижнего Новгорода и ранней истории его региона. Возможность для этого предоставлялась и на конференции, посвященной 10-летию ДУМНО. Причем обсуждения этого научного вопроса не имели заготовленного ответа в отличие от предложения Д.З. Хайретдинова («...предлагаем создать какую-нибудь научную конференцию по вопросу: «Кто основал Ибраимов город?»» – ответ ясен: **Ибраимов город** «заложил» Д.З. Хайретдинов).

На страницах «Аль-Медины» родилась очередная национальная версия основания Нижнего Новгорода до 1221 г. Мордовская («Нижний Новгород построен на костях покоренной мордвы») и марийская версии (в 1920–1930-е гг. марийские археологи безуспешно искали свои древности в городе и его окрестностях) были преодолены несколько десятилетий назад, русская версия (Старый городок) почилла недавно. Мишарско-буртаской догадке Д.З. Хайретдинова прижиться в науке, видимо, вообще не суждено: аргументы основаны на авторском произволе по отношению к поздним источникам, трудам отдельных историков и на игнорировании летописей. Без них рассуждать о ранней нижегородской истории бесперспективно. Поэтому остался неизблемым вывод: в 1221 г. Георгий Всеволодович основал Новгород на устье Оки, где до этого не было городских поселений, связанных с финно-уграми, славянами, тюрками.

Борясь против призрака идеологически выдержанного великорусского шовинизма, Д.З. Хайретдинов сам впал в мифологию угнетенного национализма, пожертвовав исторической достоверностью, чтобы достичь «победы» в публицистической софистике. Это дискредитировало благородную цель его статьи – разоблачение политического флирта с историей.

Несколько месяцев спустя после выхода статьи Д.З. Хайретдинова увидела свет книга Е.В. Арсюхина¹⁷¹, где затрагивается ранняя история Нижнего Новгорода. Охарактеризованная как историко-публицистический очерк книга снабжена всеми необходимыми формальными показателями научного исследования, кроме одного. Автор явно не обременен культурой научно-справочного аппарата, что не дает возможности искушенному читателю проверить истинность исходных посылок авторских построений.

«Утверждение не имеет права появляться в тексте, если его нельзя проверить; и для историка, приводящего какой-то документ, указание на то, где его, скорее всего, можно найти, равносильно исполнению общеобязательного долга быть честным...»¹⁷².

Игнорирование общеобязательного правила даже для историко-публицистического очерка тем более раздражает, что автор избрал «метод» Л.Н. Гумилева: охватить своим построением максимально большие временное, географическое, религиозное и этническое пространства. При отсутствии справочного аппарата это затрудняет проверку построений Е.В. Арсюхина. Поэтому внимание будет обращено лишь на один «кирпичик» конструкции Е.В. Арсюхина, связанный с вопросами основания Нижнего Новгорода. В следующей главе будет затронута мысль Е.В. Арсюхина о поведении князя Георгия во время Батыева нашествия.

Книга, посвященная 1000-летию Казани, была отрецензирована Д.З. Хайретдиновым. Подобно газетной статье Д.З. Хайретдинова, книга Е.В. Арсюхина раскрывает «тюркско-исламскую предысторию» града на устье Оки до 1221 г. В отличие от рецензента Е.В. Арсюхин дает более стройную версию истории предшественника Нижнего Новгорода, но имеющую общий с газетной публикацией изъян: навязывание источникам своей воли, доверие поздним легендам и мнениям отдельных авторов.

Ещё не встав на исследовательский путь, Е.В. Арсюхин заявил:

«Крепость на месте Нижнего Новгорода, построенная Волжской Булгарией, управляемой человеком по имени Ибрагим, крепость, в ко-

¹⁷¹ Арсюхин Е.В. Полумесяц над Волгой: историко-публицистический очерк. Нижний Новгород, 2005.

¹⁷² Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 52.

торой с холма, где ныне Архангельский собор, раздавался призыв к молитве, стала первой твердыней... которую пришлось сокрушить, чтобы двинуться на восток»¹⁷³.

Эта идея, которую автор пытается доказать, на отдельных страницах становится самостоятельным аргументом, что замыкает весь труд в порочный круг.

Поскольку к ранней нижегородской истории относятся и страницы прошлого Городца, есть необходимость остановиться на их разборе. В качестве введения в «творческую лабораторию» Е.В. Арсюхина надо процитировать слова, не относящиеся напрямую к Городцу, но связанные с 1164 г. Его многие исследователи считают датой основания Городца. С походом владимирского князя на болгар 1164 г. Е.В. Арсюхин своеобразно связал и храм Покрова на Нерли:

«Факт, что знаменитый храм Покрова на Нерли... построен из камня, который болгары отдали владимирцам как трофей после своего военного поражения. Но, конечно, немало осталось людей, которым неприятна сама мысль о заимствовании чего-либо с Востока и которые продолжают говорить о «варяжском», «готическом» облике владими́ро-суздальского зодчества»¹⁷⁴.

На следующей странице идут досужие размышления, без указания какого-либо реального факта, зафиксированного источниками, строительства болгарскими на Руси зданий, о мощном воздействии болгарской архитектурной школы на строительство на Руси. Вот так, начали с камня, а закончили болгарскими мастерами, которые избушку освоили раньше славян¹⁷⁵. Однако ни в одном источнике не сообщается, что болгары, надрываясь, тащили материал для русского храма или что победители это делали за них. Во Владимирской земле достаточно белого камня¹⁷⁶, чтобы заменить «контрибуцию» камнем на что-то более существенное.

Для Е.В. Арсюхина также является «фактом», что незадолго до 1164 г. Андрей Боголюбский захватил болгарскую крепость, на месте которой

¹⁷³ Арсюхин Е.В. Полумесяц над Волгой... С. 13.

¹⁷⁴ Там же. С. 60.

¹⁷⁵ Там же. С. 61.

¹⁷⁶ Раннопорт П.А. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб., 1994. С. 39.

основал Городец, затем организовал грандиозный поход на Булгарию. Затем князь повторил успех в 1172 г. По мнению Арсюхина, эти акции совершались для того, чтобы профинансировать бурное строительство во Владимирском княжестве и снабдить его рабочими руками¹⁷⁷.

В этих стяжательских поисках владимирские князья отвоевали крепость, которой затем суждено было стать Городцом. Однако этот вывод был получен Е.В. Арсюхиным путем предположений на основе косвенных данных¹⁷⁸. Затем Е.В. Арсюхин активно ищет следы болгарского пребывания на правом берегу Волги, ближе к нынешнему Нижнему Новгороду, и находит их в труде А.М. Орлова¹⁷⁹, где нет никаких ссылок на источники и есть лишь неуклюжее использование топонимических данных¹⁸⁰. Лихо разделавшись с проблемой проникновения Булгарии в правобережье Волги, автор сразу заявляет о лживости гипотезы о возникновении Нижнего Новгорода в 1221 г. на пустом месте¹⁸¹. Включая «чистую логику», он рассуждает о том, что русские обосновались в устье Оки после войны с булгарами в 1220 г.; что если эта территория принадлежала Булгарии (это личное мнение Е.В. Арсюхина), то в силу выгоды географического положения они должны были возвести здесь свою крепость. После этого он развенчивает догадку Н.Ф. Филатова о Старом Городке – предшественнике Нижнего Новгорода, делая упор на критике его построений на базе летописного сообщения о зимнем походе Мстислава Андреевича в 1171/1172 гг. и позднего сообщения о Нижнем Новгороде Старом¹⁸². Почему-то в стороне остались штудии В.А. Кучкина, критиковавшего подобные идеи более основательно. Решительно отводит Е.В. Арсюхин мордовскую версию, поскольку, по его мнению, мордва входила в состав многонационального Булгарского государства. Отталкиваясь от этих рассуждений о сведениях В.Н. Татищева, разобранных выше, Е.В. Арсюхин априори считает болгарскую крепость предшественницей русского Нижнего Новгорода¹⁸³.

¹⁷⁷ Арсюхин Е.В. Полумесяц над Волгой... С. 66–67.

¹⁷⁸ Там же. С. 74–75.

¹⁷⁹ Арсюхин не указал этот труд – см.: Орлов А.М. Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы. Нижний Новгород, 2001. С. 36–37.

¹⁸⁰ Арсюхин Е.В. Полумесяц над Волгой... С. 77–79.

¹⁸¹ Там же. С. 80. Достаточно привести уже упоминаемые слова В.А. Кучкина о том, что термин «гипотеза» не приложим к летописной записи.

¹⁸² Там же. С. 80–82.

¹⁸³ Между тем, археологические исследования свидетельствуют об ином –

Обращаясь к В.Н. Татищеву, Е.В. Арсюхин не упомянул самый важный аргумент сторонников Старого городка – сообщение Нижегородского летописца. Без его критики рассуждения Арсюхина не стоят и ломаного гроша.

Ведь эти измышления отталкиваются от легенд, недостоверность которых очевидна. Вспомнили легенду о Скворце и Дятле¹⁸⁴. Затем вспоминается о Соловье-разбойнике и на этой основе говорится о достоверности легенды о предводителях мордвы, носивших «птичьи» имена-тотемы¹⁸⁵. Сама мордва входила в состав Волжской Булгарии. Между тем, как было показано выше, многие легенды сочинялись задним числом, а потому сочинители могли для достоверности имена мордовских правителей подверстать под «птичье» имя Соловья-разбойника. Далее вспоминается об оппозиции «светский царь – сакральный царь», встречаю-

нижегородская крепость в 1221 г. возводилась на материке, следов предшествующих поселений там попросту нет – см.: *Кирьянов И.А., Черников В.Ф.* У истоков истории г. Горького. К итогам археологических раскопок в Нижегородском кремле // *Горьковская правда.* № 252. 23 октября. 1964. С. 4; *Гусева Т.В.* Археологическое исследование Нижнего Новгорода. Итоги и перспективы; Городец и Нижний Новгород в свете археологических данных XII– XIII вв.; Культурный слой Нижнего Новгорода как исторический источник // *Русская колонизация Поволжья и основание и Нижнего Новгорода. Сборник материалов и документов.* Сост. Ю.В. Сочнев. Нижний Новгород, 2005. С. 66–70, 72, 74–75 (в сборнике документов и материалов представлены работы Т.В. Гусевой разных лет, из разных сборников). Также см. проигнорированный Е.В. Арсюхиным тезис В.А. Кучкина: «До настоящего времени на территории Нижнего Новгорода не найдено и археологических остатков каких-либо поселений или погребений ранее XIII в. Тем не менее, подозревать существование древних поселений (или поселения) в городской черте современного Нижнего Новгорода можно, поскольку места слияния рек, особенно столь крупных, как Волга и Ока, издавна осваивались человеком. Но до обнаружения археологических материалов, подтверждающих высказанную мысль, последняя остается не утверждением, а лишь предположением» (*Кучкин В.А.* Основание Нижнего Новгорода // *Нижегородский кремль...* С. 84–85).

¹⁸⁴ *Арсюхин Е.В.* Полумесяц над Волгой... С. 83. При этом была допущена ошибка: автор назвал гору, на которой стоит Нижегородской кремль, Дятловой. Хотя она называется Часовой. Дятловыми горами называется гряда возвышенностей на правом берегу Волги.

¹⁸⁵ Там же. С. 83.

шейся в древности у разных народов... Такой бы «ясности мышления» историкам... и им бы нечем было бы заниматься.

Четким видится решение вопроса и об Ибрагимовом городке: ведь тут на помощь также приходят легенды. Они были разобраны в разделе, посвященном опусу Д.В. Хайретдинова. К сожалению, Е.В. Арсюхин не указал, каким вариантом легенды он пользовался. Ведь в том варианте, что привел он, говорится о мечети¹⁸⁶. Наука такого текста не знает... Возможно, он использовал тот вариант, что стал результатом развития текста, проявившегося в трудах П.И. Мельникова-Печерского и Н.И. Храмцовского. Между тем, любовь к ономастическим аргументам должна была выручить Е.В. Арсюхина здесь. Ведь:

«В самом деле, имя мордвина Абрама – древнееврейское (Авраам), а не мордовское. Древнееврейские имена усваивались населением всей Европы вместе с христианством, а в XIII в., когда был основан Нижний Новгород, мордва не была еще крещена. Приводится и другое имя Абрама – Ибрагим. Но в мусульманском варианте такое имя могло быть воспринято мордвой при принятии ислама. Хотя ислам в Поволжье появился достаточно рано, первыми его приняли болгары, но распространяться он начал лишь с XIV в. Поэтому, судя по именам, легенда донесла не раннее предание, возникшее при освоении русскими устья Оки в третьем – четвертом десятилетиях XIII в., а представления людей значительно позднего времени, интересовавшихся прошлым своего города. Извлекать из легенды какие-то реальные сведения, относящиеся к XIII в., невозможно»¹⁸⁷.

Ссылка на легенду, приведенную Н.И. Храмцовским, некорректна, поскольку этот историк, которого по причине сочинительства можно величать «нижегородским В.Н. Татищевым», лишь развил сюжет, прописанный П.И. Мельниковым-Печерским. Поэтому дальнейшие рассуждения о названии Ибрагимова городка (Ибрагим-Балик, Джунне-Кала, Шехр-Ибрагим)¹⁸⁸ можно сравнить лишь с поиском типологии в названиях «Новгород» и «Новая Гвинея».

¹⁸⁶ Там же. С. 85. Этот вариант без ссылки на источники дал: Орлов А.М. Нижегородские татары... С. 36–37.

¹⁸⁷ Кучкин В.А. Основание Нижнего Новгорода // Нижегородский кремль... С. 86.

¹⁸⁸ Арсюхин Е.В. Полумесяц над Волгой... С. 86–87.

Однако сам автор на этом не останавливается и развивает мысль, подобно Хлестакову, все дальше и дальше – к основанию Казани. По мнению Е.В. Арсюхина, после погрома русскими Ибрагимова городка в 1171 г. Ибрагим *откочевал*¹⁸⁹ (легкость в мыслях необыкновенная: можно сказать, городской голова, а шляется меж рек, как бродяга) на восток и основал Казань в названии Бряхимов. Становится все веселее и веселее: книга посвящена 1000-летию Казани, но автор пишет:

«...мы не будем здесь предавать острой критике версию о том, что Казань основана 1000 лет назад... Однако если Казань и была основана в X веке, она оставалась до поры куда как скромным поселком, вряд ли даже укрепленным. Ниже мы покажем, что перевод основного контингента болгарских сил из Шехр-Ибрагим произошел именно в Казань, в результате чего это поселение получило новый импульс к развитию»¹⁹⁰.

Затем автор рассуждает со ссылками на Казанский летописец¹⁹¹ о том, что Казань выросла из переселенцев города Бряхимова¹⁹², в котором надо видеть Ибрагимов городок. Можно было бы согласиться, если бы не недостоверность и искусственность легенд об Абрамовом город-

¹⁸⁹ Так в тексте. Там же. С. 88.

¹⁹⁰ Там же. С. 88.

¹⁹¹ Автор не сделал ссылок, поэтому для удобства читателей сообщим, что они приведены здесь: История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000. Стб. 10–13, 207–210.

¹⁹² В данном случае – это реанимация давно развенчанной идеи Н.М. Добротвора – см.: *Добротвор Н.М.* История города Горького. Горький, 1947. С. 8–10. См. критику этих построений: «Доказательства в пользу версии Н.М. Добротвора попытался привести в одной из своих ранних работ нижегородский ученый-историк И.А. Кирьянов, отождествивший «Абрамов городок» с болгарским городом Бряхимовым. В рассуждениях И.А. Кирьянова ключевую роль играли этимологические сопоставления («Абрам > Ибрагим > Бряхим») и локализация Бряхимова в двух списках «Казанской истории» как города на Оке. Однако древнерусское «Сказание о Владимирской иконе Божьей матери» (XII в.), а также наиболее ранние и авторитетные списки «Казанской истории» (XVII в.) сообщают о расположении города Бряхимова на Каме, так что чтения двух поздних списков «на Оке реке» – явная ошибка переписчика их протографа» (*Пудалов Б.М.* Начальный период истории... С. 86–87). Также см.: *Кучкин В.А.* Основание Нижнего Новгорода... С. 89–90.

ке, выросших из краеведческой среды. Надо отметить, что данные Казанского летописца повлияли на складывание легенд об Абрамовом городке. По сути, эти краеведческие «легенды» объясняли сведения Казанского летописца применительно к ранней нижегородской истории. В который раз приходится констатировать, что источниковедческая неосведомленность, игнорирование историографии и потребительское её использование играют злые шутки с такими «исследователями» нижегородских древностей, как Хайретдинов и Арсюхин.

Сама постройка Нижнего Новгорода также своеобразно подана Арсюхиным. Корыстные жители Руси, недовольные набегом булгар на земли Чуди¹⁹³, в 1220 г. взяли Ошель¹⁹⁴. Из контекста повествования следует, что владимирские князья мстили за разорение новгородских владений. Однако более полувека назад было указано, что территория, с которой Новгород собирал дань, не простиралась так далеко¹⁹⁵. Мнением о походе владимирских князей в ответ на разорение новгородских владений Арсюхин проявляет полную неосведомленность в политической ситуации раздробленной Руси начала XIII в. В тот момент в Новгороде княжили смоленские Ростиславичи, враждовавшие с Георгием и Ярославом Всеволодовичами. Поэтому совершать поход в отместку за Новгород последним было не с руки. Сами булгары точно так же, как и Арсюхин, не разбирались в политических отношениях русских государственных образований. Их целью было, вероятно:

«...с севера (а не с востока, откуда обычно ожидалось нападение) выйти к Городцу, центру русского Среднего Поволжья, и, если повезет, захватить город «изгоном» либо отсечь от остальных земель великого княжества Владимирского»¹⁹⁶.

Затем автор демонстрирует недюжинные способности в области летописной хронологии, согласно которой основание Нижнего Новгорода варьируется от 1199 г. до 1222 г.¹⁹⁷ Увы, даже изобретения велосипеда не вышло, поскольку в литературе по исторической хронологии этот временной разнობой давно объяснен использованием летописцами

¹⁹³ На самом деле набег был совершен на Югру.

¹⁹⁶ Арсюхин Е. В. Полумесяц над Волгой... С. 90.

¹⁹⁵ Насонов А. И. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 113.

¹⁹⁶ Пудалов Б. М. Начальный период... С. 115.

¹⁹⁷ Арсюхин Е. В. Полумесяц над Волгой... С. 91.

нескольких разновидностей эр от сотворения мира, а также мартовского, ультрамартовского и сентябрьского стилей.

Говоря о монументальных замыслах Георгия Всеволодовича, Е.В. Арсюхин пытается его уличить в уподоблении киевским князьям, намекая на наименование реки Нижнего Новгорода – Почайна. Ведь так же называется река в Киеве¹⁹⁸. Однако исконно река в Нижнем Новгороде называлась *Почага*. Это название встречается в памятниках письменности до XVIII в. Очевидно, что данный гидроним является финно-угорским. Лишь с XVIII в. появляется *Почайна*, под которую сочинили топонимическую легенду, приписывающую переименование реки Георгию Всеволодовичу¹⁹⁹. В какой уже раз Е.В. Арсюхин, доверяя поздним легендам, заблудился и ввел в заблуждение других.

Также Е.В. Арсюхин доверился расхожему мнению о строительстве Михаило-Архангельского собора. Вместе со Спасо-Преображенским храмом этот памятник служит Арсюхину аргументом для того, что их строили местные жители или специалисты из Булгарии²⁰⁰. Исключение данного храма, вслед за Б.М. Пудаловым, из перечня первых каменных построек Нижнего Новгорода аннигилирует этот тезис Арсюхина. Последний, говоря о событиях 1221–1228 гг., наделал много ошибок. Мордовский князек Пуреша стал у него половцем, который воюет с булгарами, усмотревшими нарушение договора²⁰¹. Из обзора этих событий Арсюхин вывел проблему:

«Спрашивается, зачем нужны были эти и другие походы, если пока со стороны Булгарии не было никаких попыток отнять устье Оки... и не было таких попыток со стороны мордвы?»²⁰².

Ответ содержится в ЛЛ: замиряли мордву. Другой информации источники – ни ранние, ни поздние – не дают. Булгарский князь вмешивался в эту борьбу лишь один раз, да и то поспешил уйти, узнав о близости русских дружин. Очевидно, переделывание Пуреша из мордвина в половца²⁰³ стало нужным Е.В. Арсюхину для того, чтобы представить

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Русинов Н.Д. Почага. Почайна // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994. С. 166–167.

²⁰⁰ Арсюхин Е.В. Полумесяц над Волгой... С. 91–92.

²⁰¹ Там же. С. 92–94.

²⁰² Там же. С. 93.

²⁰³ Эта идея, что Пуреша был половцем, основана на недоразумении

мордву единым целым, входившим в состав того же Булгарского государства. Опять-таки, такой картины из источников не следует, а потому такие представления надо отнести к области фантастики, причем ненаучной.

В очередной раз приходится констатировать, что пренебрежение ранними источниками, прежде всего ЛЛ, и предпочтение, отдаваемое легендам, при согласовании со смутными сведениями поздних летописей, порождают «гремучую смесь» авторского произвола с проблесками исторического исследования. Эта «смесь» в историографии Нижнего Новгорода и деятельности Георгия Всеволодовича напоминает те же опусы А.Т. Фоменко и пр., хотя от этого попытался отмахнуться сам автор в аннотации, выдумав особый термин «исторический монастыризм», которого ему удалось избежать.

В заключение обзора «версий» Хайретдинова и Арсюхина надо констатировать, что их изыскания по нижегородской истории подпадают под категорию непрофессиональных штудий, на которые так щедра историография основания Нижнего Новгорода:

«...полемику сторонников и противников «удревнения» истории города в устье Оки нельзя рассматривать как споры исследователей нижегородских («любящих свой город») и столичных («равнодушных к чужой истории»). Это, конечно, абсурд, ибо не только московские, но и многие нижегородские исследователи не разделяют версии о «Старом городке». Нельзя преподносить эту полемику и как извечную проблему «отцов и детей», споры «передовой молодежи с престарелыми ретроградами» или, напротив, «юных дилетантов с опытными специалистами». Основа возникших свыше ста лет назад дискуссий – не происхождение и не возраст участников, а... профессионализм или отсутствие такового»²⁰⁴.

Е.В. Арсюхина. В ЛЛ. (Стб. 451) и некоторых других летописях говорится о том, что Пургас был побежден сыном Пуреша с половцами. В том же столбце ЛЛ указано, что Пуреша был ротником Георгия. Против этого ротника и пришел воевать булгарский князь. Историки полагали, что Пуреша был мордвином. Видимо, для Е.В. Арсюхина этническим критерием является командование человеком отрядом людей того или иного этноса. Кем же по национальности тогда был И.В. Сталин?

²⁰⁴ Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших... С. 102.

§ 6. Основание Нижнего Новгорода в несостоявшейся дискуссии М.К. Любавского и А.Е. Преснякова

В 2003 г. вышло исследование Бориса Моисеевича Пудалова по ранней истории Городца и Нижнего Новгорода. Кроме прочего, эта нужная для исследователей нижегородских древностей книга примечательна тем, что автор указал на две полярные точки зрения в отечественной историографии начала XX в. на характер славяно-русской колонизации Восточной Европы в XII–XIII вв. Указывая, что Городец и Нижний Новгород возникли в результате усилий княжеской власти по освоению малолюдных пространств²⁰⁵, Б.М. Пудалов поддержал тезис о княжеской колонизации посредством возведения крепостей (А.Е. Пресняков²⁰⁶) и отверг мысль о народной, аграрно-промысловой колонизации, в ходе которой складывались предпосылки для возникновения городов (М.К. Любавский²⁰⁷). Тем самым была актуализирована проблема характера колонизации России в узкий промежуток времени конца XII – начала XIII вв. Открытие нереализованной дискуссии есть заслуга Б.М. Пудалова. Хочется лишь сделать несколько добавлений, более подтверждающих и, возможно, углубляющих его выводы применительно к решению проблем, связанных с исследованием основания Нижнего Новгорода.

М.К. Любавский – это историк, чье имя было возвращено науке сравнительно недавно²⁰⁸, оказался востребованным благодаря своим ис-

²⁰⁵ Там же. С. 198–202.

²⁰⁶ *Пресняков А.Е.* Княжое право в древней Руси // *Пресняков А.Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 164–165. Кроме этой ссылки, приведенной Б.М. Пудаловым, идеи А.Е. Преснякова об окняжении территории Древней Руси как о насильственном процессе встречаются в его лекциях: *Пресняков А.Е.* Княжое право в древней Руси... С. 323–324, 338–339, 374–375, 386–387, 394–395, 404–405 и др.

²⁰⁷ *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 158; *Он же.* Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1918. С. 107, 112; *Он же.* Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000. С. 20–21, 79–80, 90.

²⁰⁸ См. литературу о жизни, судьбе, свершениях в науке и научных взглядах М.К. Любавского: *Дегтярев А.И., Иванов Ю.Ф., Карев Д.В.* Академик М.К. Любавский и его наследие // *Любавский М.К.* Обзор русской колонизации. М., 1996; *Ивина Л.И.* Внутреннее освоение земель Северо-Восточной Руси в XIV–XVI вв. в освещении русской дореволюционной и советской историографии // *История и историки. Историографический*

торико-географическим исследованиям. Взгляды М.К. Любавского восходили к воззрениям С.М. Соловьева и В.О. Ключевского²⁰⁹.

В.А. Кучкин в труде о формировании государственной территории Северо-Восточной Руси указывал на недочеты в исследовании А.Е. Преснякова, используя доводы М.К. Любавского²¹⁰. Также В.А.Кучкин критиковал и М.К. Любавского, используя аргументы из арсенала А.Е. Преснякова. Подобный прием в отношении взглядов М.К. Любавского и А.Е. Преснякова стал исключением: в советской и постсоветской историографии их точки зрения не было принято сталкивать. Так, Л.И. Ивина в историографическом обзоре исследований внутренней колонизации России, критикуя М.К. Любавского, не упомянула А.Е. Преснякова²¹¹.

ежегодник. 1982–1983. М., 1987. С. 37–64; *Карев Д.В.* История отечественного архивоведения в творческом наследии академика М.К. Любавского // *Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины.* М., 1980; *Кривошеев Ю.В., Рисинская Т.А.* М.К. Любавский и его курс исторической географии России // *Любавский М.К.* Историческая география России...; *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси... С. 27–29; *Семенков В.В., Рабжаева М.В.* Государство и колонизация (Некоторые замечания по прочтении книги М.К. Любавского «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века») // *Отечественная история.* 1998. № 6. С. 174–177; *Сидоров А.В.* Любавский М.К. // *Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года.* Энциклопедия. М., 2000. Т. 3; *Сидоров А.В., Старостин Е.В.* Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936) // *Историки России. Биографии.* М., 2001. С. 369–377; *Ливанова Т.Г.* Матвей Кузьмич Любавский. Хроника жизни // *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004; *Дворниченко А.Ю.* Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М.К. Любавского // *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства... Также результаты исследований М.К. Любавского активно осваивались и вводились в научный оборот А.Н. Насоновым в исследовании: *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

²⁰⁹ *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV в. М., 1984. С. 27–28; *Кривошеев Ю.В., Рисинская Т.А.* М.К. Любавский и его курс исторической географии России // *Любавский М.К.* Историческая география России... С. 15–16.

²¹⁰ *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории... С. 27.

²¹¹ *Ивина Л.И.* Внутреннее освоение земель... С. 48–49.

Бесконфликтное сосуществование полярных концепций колонизации Северо-Восточной Руси рубежа XII–XIII вв. в советской историографии определялось отсутствием непосредственной полемики между А.Е. Пресняковым и М.К. Любавским. Это можно объяснить тем, что для А.Е. Преснякова этот вопрос был «сам по себе... второстепенный»²¹². А.Е. Пресняков сформировал свое мнение по поводу характера колонизации в Северо-Восточной Руси XII–XIII вв., согласованное с его концепцией окняжения территорий Восточной Европы.

Еще одной причиной отсутствия дискуссии стали незначительность территории и малый интервал времени разбираемой колонизации: Волго-Окское междуречье в 60-е гг. XII – 30-е гг. XIII вв. Обоих исследователей интересовали более крупные проблемы. Но все-таки М.К. Любавский отозвался на выход труда А.Е. Преснякова «Образование Великорусского государства»: было отмечено, что А.Е. Пресняков сосредоточил внимание на эволюции княжеской власти, обойдя вниманием её материальный фундамент. Последний, представленный массивом обширных территорий, дал ресурс для образования Великорусского государства²¹³. Но эта критика вышла за рамки истории XII–XIII вв.: А.Е. Пресняков и М.К. Любавский говорили о XIV–XV вв. Л.И. Ивина также сделала упор на взгляды М.К. Любавского на колонизацию XIV–XVI вв., критикуя его за невнимание к крестьянской колонизации, обделение её в пользу монастырской колонизации²¹⁴.

Нереализованность дискуссии определялась еще и тем, что у обоих историков было очень много общего в рассуждениях. Настолько много, что часто их фамилии ставились вместе в историографических обзорах. Так, А.Н. Насонов писал в одном абзаце:

«Русская буржуазная историография начала нынешнего века не предложила каких-либо новых точек зрения на образование территории древнерусского государства. Пресняков... полагают, что процесс перехода от родоплеменных объединений к не племенным... неуловим для исследователя... М.К. Любавский в 1929 г. опубликовал труд «Образование основной государственной территории великорусской народности»... Как и когда образовалась здесь (верхневолжский и ок-

²¹² Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси... С. 164.

²¹³ Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929. С. 2.

²¹⁴ Ивина Л.И. Внутреннее освоение земель... С. 48–49.

ский бассейны – А.К.) государственная территория, читатель не узнает... Образование государственной территории толкуется им как процесс колонизации»²¹⁵.

Оба ученых указывали на слабую заселенность финно-уграми Восточной Европы и признавали слабость предшествующих концепций рождения и развития Древнерусской государственности в силу их односторонности; призывали соединить достижения каждого историографического направления и делали это в своих трудах. Но выводы у них получились разные.

М.К. Любавский считал, что варяги пришли в славяно-финно-балтское общество, уже готовое к «прививке» и развитию государственности. В этом процессе важную роль играли уже возникшие в ходе стихийной славянской колонизации города²¹⁶. Для А.Е. Преснякова не было

«оснований искать носителей организующих городской строй сил вне князей, вне варяжских вождей».

Следуя теории окняжения, А.Е. Пресняков рассматривал процесс освоения Восточной Европы как распространение власти князей, часто путем насилия. В этом тезисе А.Е. Пресняков предвосхитил, но не высказал, актуальную ныне мысль о несовпадении территорий расселения восточных славян и Древнерусской государственности.

М.К. Любавский отождествлял ареал восточного славянства с территорией древнерусской государственности. Например, наличие восточного славянства на Дону до начала XII в. М.К. Любавский объяснил распространением в тех местах восточнославянской государственности. Затем в результате усиления половецкого натиска славяне покинули эти земли²¹⁷. Данное объяснение строилось на умозрительных допущениях, чтобы объяснить факт пребывания на Дону славян, и никак подтверждалось источниками.

Говоря об освоении Северо-Восточной Руси на рубеже XII–XIII вв., исследователи разошлись. По М.К. Любавскому, славянская колони-

²¹⁵ *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 14.

²¹⁶ *Любавский М.К.* Лекции по древней русской истории... С. 81, 83, 125; *Дегтярев А.И., Иванов Ю.Ф., Карев Д.В.* Академик М.К. Любавский и его наследие // *Любавский М.К.* Обзор русской колонизации. М., 1996. С. 50–51.

²¹⁷ *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации... С. 124–125.

зация, подстегиваемая княжескими усобицами и набегами половцев, раздвигала редких по численности аборигенов, воспроизводя опробованный ранее процесс основания городов. На города затем опирались князья в своей деятельности. Так, для М.К. Любавского обзор истории колонизации стал

«обзором внешней колонизации, создававшей... государственную территорию»²¹⁸.

А.Е. Пресняков же указал на интенсивное экономико-политическое развитие центра Северо-Восточной Руси до начала XII в. Эта земля сравнительно рано вошла в состав Древнерусского государства. Чтобы объяснить данное явление, А.Е. Пресняков выдвинул тезис о важной роли Волжского пути в возникновении городов²¹⁹. Он мог видеть градообразование в Поволжье, подобно М.К. Любавскому:

«Приходится признать правоту М.К. Любавского... обобщившего свидетельства источников о заселении Верхневолжского и Окского бассейнов и пришедшего к выводу, что, начиная с доисторических времен, основную роль в нем сыграло стихийное народное движение. Именно народной колонизации обязаны своим появлением многочисленные погосты и волости, села и сельца. Намного позже в колонизационном процессе проявится организующая роль феодалов, князей и бояр»²²⁰.

Н.Ф. Котляр, чья цитата приведена, последней её фразой приближается к мысли А.Е. Преснякова об окняжении (об огосударствлении) тех земель, которые были уже освоены славянами. Поэтому допустимое примыкание А.Е. Преснякова к идеям М.К. Любавского относительно характера раннего освоения Волго-Окского междуречья не противоречит общему видению первым последующего процесса политического строительства.

²¹⁸ Любавский М.К. Лекции по древней русской истории... С.107; *Он же*. Историческая география России... С. 21, 104; *Он же*. Обзор русской колонизации... С. 74 (цитата отсюда).

²¹⁹ Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 39; Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–X веков. Л., 1978. С. 146; Дубов И.В. Города, величием сияющие. Л., 1985. С. 135. *Он же*. Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 167.

²²⁰ Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 56.

По мнению А.Е. Преснякова, князья с середины XI в. нашли опору в боярстве Ростова и Суздаля, чтобы бороться за лидерство с другими Рюриковичами. Несколько позже началось активное политическое освоение Северо-Восточной Руси. Это замечание послужило А.Е. Преснякову основой для развенчания мифа о Юрии Долгоруком – основателе многих городов на востоке Ростово-Суздальской земли. А.Е. Пресняков указал, что миф был создан трудами С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, доверившихся указаниям В.Н. Татищева²²¹. Это указание А.Е. Преснякова укрепил В.А. Кучкин²²². В свою очередь, данная мысль сыграла важную роль в аргументации Б.М. Пудалова. Отрицая градостроительный бум на восточных окраинах Ростовской земли при Юрии Долгоруком, А.Е. Пресняков отверг генетическую связь между населением городов Юга и Северо-Востока Руси. Тем самым негласно отвергался тезис М.К. Любавского о значении народной колонизации в XII в. в окультуривании Залесской земли. Этот вывод А.Е. Преснякова был подтвержден советской историографией 1980-х гг. Историки указали, что Юрий Владимирович не стремился к расширению Ростово-Суздальского княжества в северо-восточном направлении²²³.

До вокняжения Юрия Долгорукого в Залесской земле градостроительная деятельность не прослеживается, за исключением Владимира Мономаха. Он заложил на пути набегов волжских булгар в 1107 г. Владимир²²⁴. При Юрии Долгоруком появление новых городов было обосновано В.А. Кучкиным. Но эти города возникали на северо-западе и юго-западе княжества с целью оформления границ с черниговской, смоленской и Новгородской землей и укрепления центра княжества²²⁵. В свете рассматриваемой проблемы важно и то, что эти города возни-

²²¹ Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства... С. 38, 40–41.

²²² Кучкин В.А. Формирование государственной территории... С. 85.

²²³ Насонов А.Н. «Русская земля»... С. 186, 187, 191, 195; Кучкин В.А. Формирование государственной территории... С. 84, 85.

²²⁴ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 181–183; Кучкин В.А. Формирование государственной территории... С. 72; Кучкин В.А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII–XIII в. // Историческая география России XII – начала XX в. М., 1975. С. 34–35. Оба исследователя сделали этот вывод на основе сведений о браке Юрия Долгорукого и дочери половецкого хана Аепы – см.: ЛЛ. Стб. 282; ИЛ. Стб. 259.

²²⁵ Кучкин В.А. Формирование государственной территории... С. 77–78, 79–81, 82–84.

кали по инициативе княжеской власти (тезис сыграл важную роль в рассуждениях Б.М. Пудалова об обстоятельствах основания Городца и Нижнего Новгорода), действовавшей в интересах местной знати. Только так, очевидно, можно было добиться её поддержки для действий князя на юге Руси. И хотя А.Е. Пресняков, утверждая за Андреем Боголюбским форсированную колонизацию, не сказал о возникновении при нем Городца, это обосновали А.Н. Насонов, В.А. Кучкин, Б.М. Пудалов²²⁶. Городец, как и позднее Нижний Новгород, вырос в необжитой земле, что еще раз косвенно подкрепляет тезис о важной роли княжеской власти в основании этих городов.

В советской историографии взгляды А.Е. Преснякова и М.К. Любавского на колонизацию классифицировались как немарксистские²²⁷, а потому часто без обсуждения отводились в сторону. Это могло быть еще одной причиной нежелания актуализировать спорные воззрения историков на характер освоения Северо-Восточной Руси XII – начала XIII вв. Но одновременное появление в начале XX в. и дальнейшее сосуществование практически полярных точек зрения на один процесс показывало, что решение вопроса назрело. Откладывание этого вело к тому, что среди исследователей стало комфортным прибегать к удобной для себя точке зрения.

Можно утверждать, что в классическом труде Б.Д. Грекова «Киевская Русь» возобладал подход М.К. Любавского. Ведь он высказал мысль о том, что в восточнославянском обществе накануне развития государственности имелись все предпосылки и причины для этого. Н.Ф. Котляр считает основным способом включения территорий с неславянским населением мирную колонизацию. А.Н. Насонов и В.А. Кучкин в своих штудиях двигались в рамках направления, намеченного А.Е. Пресняковым. Об этом свидетельствуют названия их трудов, где присутствуют термины «государство» и «государственная территория». Л.И. Ивина подчеркнула, что А.Н. Насонов в отличие от М.К. Любавского

«не отождествлял процесс образования государственной территории

²²⁶ Насонов А.Н. «Русская земля»... С. 190, 191; Кучкин В.А. Формирование государственной территории... С. 91–92; Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших русских городов... С. 73–75, 210.

²²⁷ В качестве примера см.: Насонов А.Н. «Русская земля»... С. 14, 15; Кучкин В.А. Формирование государственной территории... С. 25–29.

с процессом колонизации... А.Н. Насонов ставил проблему освоения земель в совершенно определенном и вместе с тем в специфическом плане, имея в виду распространение государственных интересов и подчинение земель их влиянию».

По мнению Л.И. Ивиной, А.Н. Насонов не преувеличивал значения колонизации, проявившегося в трудах В.О. Ключевского и П.Н. Милюкова²²⁸. Присоединяясь в решении вопроса о характере освоения востока Волго-Окского междуречья к точке зрения А.Е. Преснякова, исследователь не должен умалять значение вклада М.К. Любавского хотя бы потому, что он

«...признавал первостепенное значение социально-экономических факторов в объединении земель, но ему не удалось последовательно провести эту мысль»²²⁹.

Идеи М.К. Любавского проявились в труде Б.Д. Грекова «Киевская Русь», оказавшем существенное влияние на развитие историографии Древней Руси. Также были приняты советской историографией выводы М.К. Любавского относительно центральных органов Литовского государства²³⁰.

В.А. Кучкин и А.Н. Насонов использовали и результаты исследований М.К. Любавского относительно локализации конкретных географических объектов. Акцентируя внимание читателя на правоте А.Е. Преснякова в толковании процесса градостроительства в Северо-Восточной Руси рубежа XII–XIII вв., Б.М. Пудалов заявил, что

«в обеих концепциях есть рациональное зерно... Правильность, научность или ошибочность научных взглядов... зависит от выбора объекта исследования: теория мирной славянской колонизации, справедливая для районов Руси XI в., вступает в противоречие с источниками, когда её пытаются применить к пограничным землям в XII–XIII вв.»²³¹.

Еще раньше на различия в характере колонизации разных земель указал П.Н. Милюков:

²²⁸ Ивина Л.И. Внутреннее освоение земель... С. 52–53.

²²⁹ Там же. С. 48.

²³⁰ Дегтярев А.И., Иванов Ю.Ф. и др. Академик М.К. Любавский и его наследие... С. 16, 64.

²³¹ Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших... С. 200–201.

про новгородскую колонизацию – «Им не понадобилось ни сгонять их с места, ни завоевывать, ни ассимилировать»²³²; про освоение Залесской земли – «Начало наступления под прикрытием княжеской власти – отмечено постройкой в 1172 г. Городца недалеко от впадения Оки в Волгу. В те времена... владими́ро-сузда́льские войска вместе с му́ромо-ряза́нскими собирались на «устье Оки»... а морд́ва соседила по Оке с му́ромой, отбиваясь от русского населения»²³³.

В этих трактовках П.Н. Милюков, принадлежавший к школе В.О. Ключевского, куда ближе находится к А.Е. Преснякову, нежели к своему учителю или М.К. Любавскому.

Понимание того, что для градообразовательных процессов в домонгольской Руси нельзя выработать единого знаменателя, проявилось в отечественной историографии не так давно. Мысли о разной природе процесса градообразования (в зависимости от периода домонгольской истории и от региона Древней Руси), о разной роли городов в освоении различных регионов высказал В.П. Даркевич при обзоре теорий градообразования применительно к древнерусскому материалу²³⁴. Он указал, что

«...процессы урбанизации и становления Древнерусского государства в их теснейшей взаимосвязи как-то ускользали от исследовательского начала»²³⁵.

Дальнейшие рассуждения В.П. Даркевича демонстрируют, что он признает и важную роль князей, военной аристократии, и народной колонизации в основании городов в зависимости от их расположения, этнополитического и культурного окружения²³⁶. Учитывая это, надо вслед за Б.М. Пудаловым указать на невозможность распространения на процесс образования Городца и Нижнего Новгорода логики идеальной модели градообразования X–XIII вв., выработанной М.К. Любавским. Владимирская Русь второй половины XII – начала XIII вв. дала уникальные и вместе с тем многообразные образцы этого процесса, в котором главную роль играла княжеская власть.

²³² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. I. М., 1993. С. 446.

²³³ Там же. С. 448–449.

²³⁴ Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов Древней Руси // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 51–52.

²³⁵ Там же. С. 52.

²³⁶ Там же. С. 53–54.

Вывод о том, что города основывались в Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. в результате княжеской политики, А.Е. Пресняков, а затем А.Н. Насонов, В.А. Кучкин и Б.М. Пудалов подтвердили результатами кропотливой работы с источниками. Из изучения эволюции этой княжеской политики XII–XIII вв. были выведены гипотезы о периодизации и направленности целевого освоения территории Залесской Руси.

Первым в этом ряду был Владимир Мономах, основавший Владимир-на-Клязьме после набега болгар в 1107 г. на Суздаль. Поддержку идей А.Е. Преснякова, А.Н. Насонова, В.А. Кучкина, Б.М. Пудалова в мысли о том, что до Андрея Боголюбского в Северо-Восточной Руси не было целенаправленной колонизации, что князья, втянутые во внутри-русские дела, не помышляли о расширении пределов, можно аргументировать отдельными примерами из политической практики Владимира Мономаха. На юге Руси он боролся с кочевниками, но не предпринимал активных действий для территориального продвижения и закрепления в Степи, для выноса туда новых рубежей. Внешнеполитическое кредо князя было продемонстрировано на съезде в 1103 г. в городе Долобске ответом на отказ дружины Святополка идти на половцев:

«дивно има дружино • вже лошади жалүете • кюже то шреть • а сего чөмү не промышлите • вже то начнеть шрати смердъ • и приехавъ Половчиннъ оударить и стрѣлюю • а в село кго фхавъ иметь женү кго • и дѣти кго • и все кго имѣнье • то лошади жаль • а самого не жал ли»²³⁷.

Необходимость борьбы с врагом обосновывается задачей **защиты, обороны** смердов. На эту фразу со времен Б.А. Романова, использовавшего её для подкрепления тезиса о ценности коня смерда для княжеской дружины²³⁸, обращалось мало внимания. А она характеризует мотивационную сторону внешнеполитической деятельности Владимира Мономаха и других князей на съезде.

Подобную мотивацию можно показать на примере заселения города Желни недалеко от Переяславля-Русского. В 1116 г. сын Владимира Мономаха, Ярополк, переселил в Посулье часть плененного населения

²³⁷ Цит. по: ЛЛ. Стб. 277. Речь Владимира Мономаха содержится и в: ИЛ. Стб. 252–253.

²³⁸ Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси: Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М., 2002. С. 102–105.

Друцка²³⁹, взятого Мономахом во время похода на Минск²⁴⁰. Примечательно, что Ярополк Владимирович, сидевший в Переяславле, укрепляет старую границу, а не продвигает её в глубь Степи. И все это несмотря на то, что Владимир Мономах вел политику давления на половцев. Объяснить это можно тем, что превентивные походы на кочевников должны только были обезопасить Русь от их нападений. Ни о каком-либо расширении границ на юго-восток речи не шло. Поэтому-то и укреплялись населенные пункты на прежней границе Руси и Степи. Подобное происходило и при закладке Владимира-на-Клязьме. Исходя из потребностей защиты центра Залесской земли как от болгар, так и со стороны Чернигова, Мономах заложил город Владимир. Прямой причиной этого стал набег болгар на Суздаль в 1107 г.²⁴¹. Налицо градостроительные действия князя от обороны.

Юрий Долгорукий также заботился об обороне княжества от других князей, укрепляя восточные рубежи и центр княжества для предотвращения походов болгар. Настоящее продвижение на восток началось при Андрее Боголюбском, но было прервано его смертью в 1174 г. и последовавшими неурядицами, борьбой за власть. Затем Всеволоду Большое Гнездо пришлось восстанавливать утерянное значение владимирского князя в общерусском масштабе. Этот процесс затянулся, и князь надолго был отвлечен борьбой за Новгород и за влияние на южнорусские дела. После смерти князя в 1212 г. началась долгая междоусобная борьба его детей. После смерти Константина в 1218 г. произошло вынужденное разделение внешнеполитической деятельности между Ярославом и Георгием Всеволодовичем. Отдав новгородские дела под надзор Ярослава, Георгий повернул свой взгляд на восток. И прав

²³⁹ ЛЛ. Стб. 291; ИЛ. Стб. 283. Данные переселения подтверждаются археологическими материалами: *Моця А. Н.* Сведения об этническом составе летописной Желни по данным могильника // *Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева.* Минск, 1983. С. 84.

²⁴⁰ ЛЛ. Стб. 290–291; ИЛ. Стб. 282–283.

²⁴¹ Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. М., 2000. С. 73. О связи между фактами болгарского набега на Суздаль в 1107 г. и основанием Владимира-на-Клязьме в 1108 г., известия о которых содержатся в разных источниках, писали А. Н. Насонов и В. А. Кучкин: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории... С. 181–183; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории... С. 72; *Кучкин В. А.* О маршрутах походов древнерусских князей... С. 34–35.

Б.М. Пудалов, усматривая в деятельности князя Георгия Всеволодовича по окняжению устья Оки неординарность и значимость его фигуры²⁴². Князь, заложив Новгород на устье Оки, продолжил процесс освоения Поволжья, начатый Андреем Боголюбским.

Аргументированная поддержка Б.М. Пудаловым взглядов А.Е. Преснякова позволила объяснить особенности начального периода истории Нижнего Новгорода. Ведь именно эта проблематика в силу курьезов и недоразумений обсуждается в нижегородской историографии. После тщательного текстологического анализа Б.М. Пудалов пришел к выводу, что догадка о существовании Старого Городка, основанного «суздальскими князьями» на месте будущего Нижнего Новгорода, историко-ведчески не подтверждается; что город в 1221 г. был основан на пустынном месте.

В данном случае, опираясь на исследования А.Е. Преснякова, Б.М. Пудалов невольно использовал и подкрепил мысль М.К. Любавского о малочисленности неславянского населения на устье Оки²⁴³. Это очень важно, поскольку в ряде публикаций утверждается, что этими местами изначально владела мордва или они были заняты мордвой после того, как там была разгромлена русская крепость, чье существование допускалось на основе сообщения ЛЛ от 1172 г.²⁴⁴. Н.Ф. Котляр, указывая на полную правоту М.К. Любавского в решении вопроса об освоении верхней Волги и Оки, настаивает, что мирная славянская колонизация была основным путем включения иноязычных племен в состав Древнерусского государства²⁴⁵. Но построения Н.Ф. Котляра рушатся, если их возводить на материалах ранней нижегородской истории. Действительно, на территории Нижнего Новгорода и его окружи не найдены

²⁴² Пудалов Б.М. Начальный период истории... С. 198, 202, 208, 211.

²⁴³ Мысль о слабой заселенности финно-уграми территории Волго-Окского междуречья в момент прихода туда славян (IX в.) высказывалась с опорой на археологический материал – см.: Дубов И.В. Спорные вопросы этнической истории Северо-Восточной Руси IX–XIII вв. // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 22.

²⁴⁴ См. например: Филатов Н.Ф. От укрепленного «городка» на устье Оки до Нижнего Новгорода...; Он же. Старый городок XII века в устье Оки – предшественник Нижнего Новгорода // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 1999.

²⁴⁵ Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность... С. 56.

«остатки разрушенных и сожженных поселений и протогородов, костяков людей, умерших насильственной смертью»,

то есть всего того, что свидетельствует о насильственном (в том числе и политическом) освоении²⁴⁶ этой территории. Но это политическое освоение исключается в том случае, если бы владимирский князь основал город «без согласования», путем военно-политического давления, с Волжской Булгарией²⁴⁷, если бы набеги мордвы на Нижний Новгород в 1220-х гг. не исходили бы откуда-то извне. Мордва, которую не сгоняли с устья Оки (об этом нет ничего в источниках) в 1221 г., попросту там не жила.

Б.М. Пудалов показал, что мордва стремилась расположиться подалее от берегов крупных рек, дабы не находиться на острие удара русских дружин, болгарских отрядов. Точным является замечание Б.М. Пудалова, что походы мордвы на Нижний Новгород в 1220-х гг. были грабительскими рейдами наудачу, что мордва приходила из мест, относительно удаленных от устья Оки. Удаленность мордвы от берегов крупных рек можно подкрепить типологическим примером из результатов топонимических исследований на юго-востоке ареала мордвы. По мнению И.Д. Воронина:

«Не добрая охота заставляла мордву в XIII, XIV и XV веках прижиматься к лесам и укрываться в них, а неволя, страшные опустошительные набеги кочевников»²⁴⁸.

Те же опасности могли подстергать мордву на устье Оки.

И еще на одно обстоятельство надо обратить внимание. Догадка о Старом городке, пущенная с легкой руки П.И. Мельникова, опершегося на некие легенды, наложилась у некоторых исследователей XX в. на построения В.О. Ключевского и М.К. Любавского (даже если их труды не читались, опосредованное влияние наследия этих ученых на развитие историографии трудно переоценить). У последнего это выразилось очень четко:

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Эти события были реконструированы на базе источниковедческого исследования: Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших... С. 182–183.

²⁴⁸ Воронин И.Д. К вопросу о мордовской топонимике // Записки научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 13. Саранск, 1951. С. 281–282.

«Несомненно, что вначале главная роль принадлежала чисто народному, стихийному движению сюда славяно-русского населения. Вторгаясь в страну, уже занятую другими племенами, славянские колонисты устраивались в укрепленных поселках-городках и из них уже расселялись по окрестностям и деревням. Значительная часть городищ делались ненужными и исчезали, но некоторые превращались в большие города, становившиеся торговыми, политическими и культурными центрами, как, например, Белоозеро, Ростов, Суздаль и др.»²⁴⁹.

Этими строками выражена позиция в историографии, готовившей конкретные построения о предшественнике Нижнего Новгорода до 1221 г.: до устья Оки докатилась волна народной славянской колонизации, вырвавшаяся в основании града. Позднее он мог быть заброшен, сметен булгарами или местными племенами, как это оговаривалось последователями П.И. Мельникова-Печерского. Затем, по мнению М.К. Любавского, следовала боярско-княжеская колонизация. Нижний Новгород, как считал М.К. Любавский, оказался крайним пунктом распространения народной колонизации, путь дальше которой преградило сильное мордовское племя²⁵⁰.

Такое объяснение процесса освоения региона устья Оки могло появиться по аналогии с предшественниками Ростова и Белоозера, открытых к началу XX в. археологами и трактуемых в современной науке как протогорода. Допущение подобного рода для Нижнего Новгорода было несколько ранее предпринято автором данных строк. На данный момент после выхода книги Б.М. Пудалова подтверждения этой догадки не найти в письменных источниках, надежд на археологическое подтверждение также мало, и потребность в ней отпадает.

Долгая зияющая открытость проблемы характера освоения Волго-Окского междуречья на рубеже XII–XIII вв. и нежелание (в силу политико-идеологических причин) её решать способствовали оживлению дискуссий в нижегородском масштабе (казалось бы, ненужных после выхода исчерпывающих исследований В.А. Кучкина, Н.Д. Русинова, В.П. Макарихина) по поводу возможного предшественника Нижнего Новгорода (или его истории до 1221 г.) и времени основания Городца.

Советскую историографию волновали глобальные вопросы социально-экономического свойства. Поэтому частные, конкретные пробле-

²⁴⁹ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации... С. 158.

²⁵⁰ Там же. С. 155–156.

мы были отданы на откуп местным краеведам. Они концентрировали всю массу сведений, не проводя их критического отбора, и создавали свои или возрождали чужие мифы. Это, безусловно, тормозило процесс накопления достоверных исторических знаний и пагубно отражалось на формировании общественного отношения к истории. Подобное происходило в нижегородской исторической науке, все еще решающей давно решённые вопросы дат, обстоятельств и «авторов» основания Городца и Нижнего Новгорода.

§ 7. Выводы

Из всего вышеизложенного следует банальный вывод, что древнерусский город – Нижний Новгород – был основан в 1221 г. по воле владимирского князя Георгия Всеволодовича. Город возник в результате колонизации, проводившейся по воле княжеской власти с 1160-х гг. Это колонизация носила военно-политический характер. Спор из-за земель, где проживали мордовские племена, велся между Волжской Булгарией и Владимирским княжеством. Успех Владимирского княжества был обусловлен более ранним освоением Волги с постройкой Городца.

Изучение проблемы основания Нижнего Новгорода на фоне историографии показывает, что оно «вписывается» в общерусские социально-политические процессы XII–XIII вв. и подчиняется их специфической логике на территории Владимирского княжества. Для историографии основания Нижнего Новгорода характерны те же проблемы, что и для ранней истории других городов Волго-Окского междуречья: Москвы, Ярославля, Городца, Владимира, Ростова и др. Отличие нижегородского сюжета от прочих заключается в большей оторванности от источниковой базы, большей роли легенд, его замкнутости в самом себе – без связи с общерусскими процессами, серьёзной зависимости от «этнических историй» татар, русских, мордвы. Эта зависимость объясняется периферийностью и этнической маргинальностью микрорегиона устья Оки с древности по сей день.

Источниковая база для изучения истории основания Нижнего Новгорода практически исключает какие-либо иные трактовки этого события, кроме той, что изложена в ЛЛ. Новгород на устье Оки был основан по воле Георгия Всеволодовича в 1221 г., на следующий год после военно-дипломатического поражения булгар. Такой точности источниковых сведений, пожалуй, не найти для той же Москвы (подобно Городцу есть только первое упоминание как уже существующего горо-

да), Ярославля, Ростова... Точность указаний источника подтверждается и похвалой князю Георгию, следующей после сведения о его гибели²⁵¹. Эта похвала, где была установлена связь между основанием Нижнего Новгорода и гибелью князя на Сити, стала основой для общественного мифа. Из него уже не вытравить имя основателя города в 1221 г. Данный общественный миф является мощной преградой попыткам ревизии ранней истории Нижнего Новгорода в псевдоисторических исследованиях, построенных на привлечении поздних источников, домыслов любителей старины и интересов творцов «этнических историй». В данном случае мы имеем редкий пример совпадения научной истории и общественного мифа относительно основания Нижнего Новгорода. Это обстоятельство внушает оптимизм в том, что все попытки пересмотреть установившуюся гипотезу основания Нижнего Новгорода в 1221 г. владимирским князем Георгием Всеволодовичем обречены на провал. Даже если этим попыткам суждено войти в научную среду, то лишь там (да еще в ограниченных этническо-конфессиональных группах) они и останутся, не имея возможности изменить общественный миф. Для его сокрушения нужно «убрать» одну градостроительную жертву и заместить вакантное место иной. Источники не дают для этого возможности.

²⁵¹ ЛЛ. Стб. 467–468.

ГЛАВА VI. ГЕОРГИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ В БОРЬБЕ С ТАТАРО-МОНГОЛЬСКИМ НАШЕСТВИЕМ (ИСТОРИОГРАФИЯ)

§ 1. Б.Д. Греков о роли Георгия Всеволодовича в борьбе с татаро-монгольским нашествием

«центральной» историографии князь Георгий Всеволодович наиболее часто упоминается в сюжетах, связанных с битвами на Калке в 1223 г. и с Батыевым нашествием. Они рассматриваются в данной главе. Глава не претендует на полный охват историографии этих проблем: в стороне останутся сочинения, где Георгий Всеволодович упомянут просто, без всякой оценочной нагрузки. Обойденными вниманием окажутся труды 1920–1930-х гг., когда происходил сложный и противоречивый переход от русской дореволюционной историографии к исторической науке на марксистской основе. С другой стороны, историография XX в. не порывала связи с трудами историков

XVIII–XIX в., особенно в части фактографии. Поэтому при необходимости будут делаться экскурсы к трудам Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, Д.И. Иловайского.

В данной главе не решалась задача реконструкции событий 1223 г. и 1237/1238 гг. как самостоятельная исследовательская проблема. Отдельные её аспекты будут затронуты лишь в связи с необоснованно отрицательными оценками деятельности владимирского князя Георгия Всеволодовича. Отводя в сторону не подтвержденные источниками выводы, автор этих строк считает, что Б.М. Пудалов наиболее точно восстановил и дал оценку деятельности Георгия Всеволодовича в те грозные годы¹. Это убеждение, снимающее обязательство приводить собственную историческую реконструкцию, впрочем, не отменяет возможность критики в адрес Б.М. Пудалова. Поэтому в заключительном параграфе главы будут предложены лишь историографические наблюдения.

В труде Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского «Золотая Орда и её паде-

¹ Пудалов Б.М. Русские земли Среднего Поволжья (вторая треть XIII – первая треть XIV в.). Нижний Новгород, 2004. С. 30–69.

ние» упомянут Георгий Всеволодович во время татаро-монгольского нашествия. Оценку деятельности князя в 1223 г. и в 1237–1238 гг. Б.Д. Греков предварил обзором ситуации в Восточной Европе начала XIII в.:

«К концу XII в. Киевское государство уже окончательно распалось. На его огромной территории образовалось несколько независимых феодальных княжеств, каждое из которых делится на более мелкие части, не очень крепко связанные друг с другом, со своими политическими центрами. Феодальные войны... делали политическое существование этих разрозненных единиц крайне неустойчивым. Целые области, еще недавно входившие в состав Киевского государства... делались жертвой более сильных феодальных образований»².

После этого пассажа читатель подготовлен к восприятию поведения Георгия Всеволодовича во время битвы на Калке:

«Обращался Мстислав за помощью и к владими́ро-суздальскому князю Юрию Всеволодовичу, который, однако, не спешил на выручку к своему старому сопернику, с которым он боролся из-за власти в Новгороде»³.

Материал для подтверждения данного умозаключения можно почерпнуть из первой главы второй части книги «Состояние Руси накануне татарского нашествия». Там интерпретируются летописные сообщения о выходе Новгорода из-под власти Всеволода Большое Гнездо. Этот процесс был связан с вокняжением в Новгороде Мстислава Удатного. Б.Д. Греков соотнес утверждение Мстислава в Новгороде с событиями 1212–1217 гг. во Владимирской земле.

При описании самой битвы на Калке и её анализе Б.Д. Греков, как это явствует из приведенных им цитат, опирался на данные Новгородской первой (далее – НПЛ), Ипатьевской (ИЛ) и Лаврентьевской (ЛЛ) летописей⁴. В них и в других летописях отсутствует мотивировка отказа Георгия помочь южнорусской коалиции князей из-за новгородских споров. Поэтому мотивировку и сам «отказ» можно отнести к результатам авторского анализа Б.Д. Грекова. Борьба за Новгород до 1220 г. иначе выглядит в источниках, нежели это представлено Б.Д. Грековым (см. подробнее в главе о Липице).

² Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М.–Л., 1950. С. 179.

³ Там же. С. 202.

⁴ Там же. С. 202–205.

После Липицы лишь с 1218 г. Георгий и Ярослав Всеволодовичи пытались влиять на борьбу боярских группировок, подрывая позиции смоленских Ростиславичей⁵, княживших в Новгороде. Ярослав Всеволодович более своего старшего брата боролся за власть над Новгородом. Только в 1223 г. (уже после битвы на Калке) Георгий Всеволодович согласился дать новгородцам своего шурина, черниговского князя Михаила Всеволодовича⁶, участника княжеского совета перед Калкой⁷. Дж. Феннел отметил, что в период 1223–1237 гг. ситуация вокруг Новгорода

«...отмечена распрями между братом великого князя Юрия Ярославом и новоявленным победителем из возрожденного Чернигова Михайлом Всеволодовичем»⁸.

Далее по другому поводу Дж. Феннел про отношения Георгия Всеволодовича и Михаила Всеволодовича в период 1223–1237 гг. писал:

«Отношения Юрия с князьями Южной Руси были мирными. Его дружественные связи с Ольговичами из Чернигова восходят к договору между его отцом Всеволодом III и черниговским князем Всеволодом Чермным и к женитьбе Юрия на дочери Всеволода Чермного в 1211 г... С тех пор ничто не нарушало этот союз с родом его жены, более того, он укреплялся не только дальнейшими династическими браками, но также военным и дипломатическим выступлением Юрия на стороне своего шурина. Ни в летописи Юрия, ни в какой другой мы не находим сообщений о каких-либо враждебных действиях, совершенных Юрием против Михаила или Михайлом по отношению к Юрию»⁹.

С учетом результатов исследования истории Переяславля надо еще раз подчеркнуть, что Георгий опосредованно конфликтовал с шурином. В споре последнего с братом Ярославом владимирский князь неявно, но неизменно поддерживал более близкого родственника.

⁵ НПЛ. С. 59–60, 260–261. Открытых враждебных действий против новгородцев и их князя Георгий и Ярослав не предпринимали. См. также Главу I о Переяславле-Южном, где предполагается, что Ярослав признал власть тестя – Мстислава Удатного.

⁶ НПЛ. С. 64, 268. См. Главу I о Переяславле.

⁷ ИЛ. Стб. 741.

⁸ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси... С. 107.

⁹ Там же. С. 109.

При описании татаро-монгольского нашествия 1237–1238 гг. Б.Д. Греков, опираясь на сведения Татищева, писал, что толпы болгар в 1236 г. просили князя Георгия расселить их в пределах своего княжества¹⁰. Обладая только этими сведениями, Б.Д. Греков не стал делать вывод о том, что Георгий Всеволодович и другие князья знали о грядущей опасности и могли подготовиться к её отражению. Это может быть объяснено фразой Б.Д. Грекова, высказанной по другому поводу:

«Русские источники дают очень немного материала для изучения военных действий Бату. Летописи говорят об этом походе кратко, констатируют лишь факты»¹¹.

Но оснований для такого утверждения Б.Д. Греков не дал: на двух из 7 страниц III главы «Поход Бату (1235–1238)» он лишь дважды сослался на ЛЛ. В остальных случаях либо использовались сведения восточных источников, либо информация черпалась у Д.И. Иловайского, А.Е. Преснякова, французов Лависа и Рамбо.

При описании последних дней Рязани в декабре 1237 г. Б.Д. Греков заметил, что её князья особенно рассчитывали на помощь Владимирского княжества, но не получили её.

«Между Владимиром и Рязанью создались очень сложные и далеко не дружественные отношения»¹².

После описания жесткой политики Всеволода Большое Гнездо в отношении Рязанского княжества Б.Д. Греков отметил, что Георгий, став в 1212 г. владимирским князем, отпустил плененных его отцом рязанских князей. В их среде начались распри: Глеб Владимирович перебил на пиру своих родственников. Но его противник прибег к помощи Георгия Всеволодовича (надо полагать, вокняжившегося второй раз, уже после смерти Константина – А.К.), и Глеб Владимирович был изгнан. Отсюда Б.Д. Греков сделал однозначный вывод:

«При явном стремлении владимирского князя Юрия не допускать в Рязани никаких перемен, способных увеличить силу этого княжества, трудно было рассчитывать, чтобы Юрий Всеволодович откликнулся на призыв оказавшейся в тяжелом положении Рязани. А ведь в это

¹⁰ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение... С. 208.

¹¹ Там же. С. 207.

¹² Там же. С. 210.

время владимирский князь имел возможность послать на помощь Рязани не только свои владимирские полки, но и новгородское войско¹³.

Современное состояние исторических знаний не дает оснований говорить о том, что владимирский князь желал зла Рязани и манипулировал жизнями её правителей и жителей. Эти умозаключения объясняют противоречивые сведения источников о монгольском нашествии в 1237–1238 гг., но не опираются на них. Большое значение в этом играют известия НПЛ, а в ней, по мнению ряда историков, отразился рязанский летописный памятник. То есть в НПЛ представлен взгляд рязанца на события 1237–1238 гг.

«Так же, хотя и по иным мотивам, отнеслись к просьбе Рязани и князя черниговские и северские. Они отказались помочь Рязани потому, что рязанцы, в свою очередь, отказались прийти на помощь черниговцам в битве на Калке»¹⁴.

Многие из подобных умозаключений Б.Д. Греков нашел в труде Д.И. Иловайского «История Рязанского княжества», изданном в 1858 г. (по нему же Б.Д. Греков цитировал «Сказание о нашествии Батые»)¹⁵. Так, Д.И. Иловайский считал, что Георгий Всеволодович, откликшись он на просьбу рязанцев, мог послать на помощь Рязани владимирские и новгородские полки¹⁶. Там же встречается указание на сведения В.Н. Татищева, утверждавшего, что черниговские князья не помогли Рязани, припомнив отказ её князей прийти на Калку в 1223 г.¹⁷. Однако эти сведения Татищева не подтверждаются источниками. Умозрительный характер, рационализм объяснений позволяет отнести их к результатам исследовательских толкований самого В.Н. Татищева. Поэтому на примере труда Б.Д. Грекова можно видеть развитие историогра-

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 210–211.

¹⁵ Там же. С. 211. Источник, из рукописи которого Б.Д. Греков привел цитату, был опубликован под названием «Повесть о разорении Рязани Батыем»: Воинские повести Древней Руси. М.–Л., 1949. С. 15.

¹⁶ Иловайский Д.И. История Рязанского княжества // *Он же*. Рязанское княжество. М., 1997. С. 71.

¹⁷ Там же. С. 70. Ссылка на В.Н. Татищева приводится по академическому изданию его труда: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. М.–Л., 1964. С. 232.

фической линии, истоки которого берут начало в труде В.Н. Татищева, наполняясь новым смыслом в книге Д.И. Иловайского.

Б.Д. Греков, создавая картину похода татаро-монголов в 1237–1238 гг. на Северо-Восточную Русь, с доверием отнесся к труду Д.И. Иловайского. Из него Б.Д. Грековым была почерпнута большая часть фактов, а не из источников. Но упоминания того, что Георгий Всеволодович был властен настолько, чтобы послать новгородские полки (что не подтверждается источниками), что отказ черниговских князей помочь Рязани читается лишь у Татищева, вынуждают более внимательно посмотреть на источниковедческие приемы поборника рязанских древностей.

Д.И. Иловайский указывал, что Георгий Всеволодович все-таки послал дружины во главе с сыном Всеволодом. Они были разбиты под Коломной. Причем Д.И. Иловайский повторяет тон НПЛ:

«Великий Князь Владимирский поздно убедился в своей ошибке и спешил изготавиться к обороне только тогда, когда туча надвинулась уже на его собственную область. Неизвестно, зачем он выслал навстречу татарам сына Всеволода с Владимирской дружиной, как будто она могла загородить им дорогу»¹⁸.

А этот факт посылки войска под Коломну и свидетельствует, что Георгий стремился помочь Рязани, поскольку Коломна была частью Рязанского княжества. Иловайский при освещении событий нашествия на Рязань с доверием пользовался всеми данными ЛЛ, ИЛ, НПЛ, Никоновской летописей и Сказанием о принесении Корсунской иконы. Складывание Сказания историк отнес к XVI в. Основа датировки – явные стилистические и языковые напластования, но

«...заметно, что сказание имеет историческую основу и во многих отношениях может служить важным источником при описании Рязанской старины».

Этот вывод был сделан на основании приписки о том, что к Сказанию приложил руки Евстафий, участник принесения иконы. Особенно Д.И. Иловайского привлек колоритный эпизод Сказания о Евпатии Коловрате¹⁹. Источниковедческой критики этих текстов Д.И. Иловайский не провел. Он выборочно пользовался их данными, произвольно снимая противоречия, и создавал свой рассказ.

¹⁸ *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества... С. 72.

¹⁹ Там же. С. 69–70, 71.

Труд Д.И. Иловайского стал кладезем фактов для Б.Д. Грекова. Так готовилась почва для рассуждений о предательстве князем Георгием Всеволодовичем общерусских интересов в 1223 г. и в 1237–1238 гг. Прием компиляции проявился и в других местах монографии «Золотая Орда и её падение»: в IV-й главе «Второй поход Бату на Русь (1239–1240)» использовался труд М.С. Грушевского. На наш взгляд, такое использование (через вторые руки) источников нельзя ставить в вину Б.Д. Грекову. Он действовал в традиции, которая была намечена до революции 1917 г. представителями московской исторической школы. В ней возобладал подход использования в качестве источников фактов трудов С.М. Соловьева. Считалось, что С.М. Соловьев восстановил фактическую историю России; при этом исследователь мог владеть источниковой базой.

Погром, учиненный монголами в 1238 г. во Владимирском княжестве, Б.Д. Греков описал хрестоматийным к тому времени образом. Татаро-монголы пошли на Владимир кружным путем через Коломну и Москву, чтобы отрезать Георгию возможность отступления на Москву.

«Под Коломной татарская армия встретила войска Юрия Всеволодовича и их разбила».

После взятия Москвы завоеватели двинулись на Владимир, который пал одновременно с Суздалем – 7 февраля. А Георгий уже был между Угличем и Бежецком, где собирал войска.

«Бату направил свое войско навстречу армии Юрия Всеволодовича. Встреча произошла на реке Сити. Русское войско было разбито, Юрий пал в бою. Это произошло 4 марта, а 5 марта особый татарский отряд, несколько раньше отправленный к Торжку, чтобы перерезать владимирцам соединение с Новгородом, взял Торжок»²⁰.

Такое описание есть уже у Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева во втором томе (на первый том его Б.Д. Греков ссылался).

Исследование Б.Д. Грекова отразило тогдашнее состояние исторической науки, стремившейся к созданию концепций, удовлетворявших марксистской идеологии. В этом русле история раздробленной Руси подавалась как период неизбежный, закономерный и прогрессивный в

²⁰ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение... С. 212.

²¹ Горская Н.А. Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 598, 600.

развитии любого феодального государства. Поэтому Б.Д. Греков ни в чем не обвинял Георгия Всеволодовича. Более того, фигура князя была удобной для персонифицированного показа отрицательных последствий раздробленности в период нашествия: Георгий Всеволодович действовал как типичный политический деятель, защищавший интересы своего княжества.

В силу увлеченности следования выбранной концепции источниковедческое исследование уходило на второй план. А ведь именно оно и позволяет определить малый объем известий, которые можно использовать для создания достоверной картины битвы на Калке и монгольского нашествия 1237–1238 гг. Создание небольшого комплекса известий достигается и отсечением фактов, явившихся результатом литературного вымысла, эсхатологической трактовки, поздних объяснений. Только в этом случае можно снять с Георгия Всеволодовича ряд обвинений даже объективистского толка.

Критика труда Б.Д. Грекова позволяет отказаться от предположения, что Георгий Всеволодович не послал дружины к Калке, так как не хотел помогать Мстиславу Удатному. Если к этому отрицанию добавить известие, что на Калку Георгий Всеволодович все-таки направил рать во главе с Васильком Константиновичем, то можно говорить о том, что Георгий Всеволодович стремился помочь. Но времени было мало, и дружина Василька Константиновича не успела. Б.Д. Греков и другие историки недостаточно уделяли внимания фактору времени, необходимого для того, чтобы во Владимир доставить известие о приходе орд в 1223 г. и в 1237–1238 гг., чтобы потом принять правильное решение. Этим можно объяснить спутанные сообщения НПЛ, что Георгий отказался послать войска на помощь Рязани в 1237 г., а затем направил дружины к Рязани.

§ 2. Особенности реконструкции событий зимы 1237/1238 гг. в Северо-Восточной Руси Д.С. Лихачевым

Симптоматичным для состояния тогдашней исторической науки можно считать некритическое использование данных «Повести о разорении Рязани Батыем». Б.Д. Греков ссылался на некий рукописный сборник XIV в., содержащий текст данного памятника. Эта ссылка должна была попасть в монографию еще в 1937 г., когда Б.Д. Греков приступил к работе над темой татаро-монгольского нашествия на Русь²¹. Иначе не объяснить факт игнорирования выхода в свет в 1949 г. «Воинских повестей Древней Руси»²², где «Повесть о разорении Рязани Батыем» была напечатана по Волоколамскому списку XVI в. и по списку Хронографа 1599 г. Д.С. Лихачев подготовил Приложения и Комментарий географический и исторический к этому произведению. В них ученый следовал тексту памятника, подверстывая под него тексты летописных источников:

«На рязанском столе сидел Юрий Ингорович, шесть лет пробывший в заключении во Владимире при Всеволоде Юрьевиче, но уже давно отпущенный его сыном Юрием Всеволодовичем. Он был чист от обвинений в интригах против своих младших рязанских князей и ничем не нарушил за последние годы добрых отношений с соседним Владимирским княжеством. Но ни владимирские, ни черниговские князья не пришли ему на помощь, когда войска Батыея вошли в пределы Рязанского княжества... Положение на Руси было почти то же, что и при авторе Слова о полку Игореве, с той только разницей, что теперь последствия разъединения оказались во сто крат тяжелее. Сильнейший князь северо-восточной Руси – Юрий Всеволодович Владимирский... не внял мольбам рязанских князей, не пошел им на помощь»²³.

Д.С. Лихачев, приводя детали поведения Георгия Всеволодовича во время прихода врага на Рязанскую землю, исходит из достоверности сведений «Повести о разорении Рязани Батыем»:

«Это эпическое предание о гибели рязанских князей в битве с Батыем проникло и в летопись, с тою только разницей, что летопись не

²² Воинские повести Древней Руси. М.–Л., 1949.

²³ Лихачев Д.С. Повесть о разорении Рязани Батыем // Воинские повести Древней Руси. М.–Л., 1949. С. 122–123.

называет имен рязанских князей. По рассказу летописи, рязанские князья послали гордый ответ Батыю: «олна нас всех не будеть, то же все то ваше будеть» (Новгородская летопись по Синод. списку, СПб., 188, стр. 247). И собираются на реку Воронеж на битву с Батыем. Предварительно они посылают к великому князю владимирскому Юрию Всеволодовичу с мольбою о помощи и, получив отказ, выходят одни и гибнут в неравном бою²⁴.

Негативное впечатление усиливается упоминанием оценок действий (или бездействия) князя Георгия Всеволодовича, имеющих только в списке «Повести о разорении Рязани Батыем» XVII в.:

«Эту же обличительную сторону Повести развивает и автор одной из её переработок начала XVII в.; рассказывая об отказе Юрия Владимирского помочь рязанским князьям, автор добавляет от себя: «Все то дьяволу гордость влагаючи в них, яко же и до ныне. Не перед многими бо леты преж сего пришествия поганых бишася братия великие князи между собою о власти, и много крови пролияша» (список Библиотеки Академии Наук СССР, № 38.4.40). Братоубийственные раздоры рязанских князей были в памяти автора еще в XVII в., он сравнивал их со «смутой» своего времени²⁵.

Кроме того, что Д.С. Лихачев не объяснил, кто же обличается в списке XVII в. – Георгий Всеволодович или рязанские князья, – неясным осталось для читателя, как относиться ко всему отрывку. То ли он является историческим источником, то ли – литературным произведением, которое как источник надо использовать с определенными оговорками. Рассуждения об атмосфере вокруг «Повести о разорении Рязани» ведут к тому, что надо за исторический факт принимать отказ Георгия Всеволодовича помочь Рязани. К этому подводят и другие рассуждения Д.С. Лихачева:

«Талантливые наблюдения В.Л. Комаровича, выделившего в составе поздних русских летописей остатки летописного свода Ингваря Ингоревича... позволяют нам вскрыть... публицистическую ноту, на которой, в конечном счете, держится и все лирическое напряжение Повести... В.Л. Комарович писал: «этот свод в целом имел одну разительную черту: он был сплошной обвинительной речью патриота-на-

²⁴ Там же. С. 129.

²⁵ Там же. С. 135.

родолюбца против прямых, как казалось ему, виновников бедствия, против русских князей». Эта особенность резко выступает и в том рассказе летописца Ингваря Ингоревича о Калкской битве, который сохранился в новгородской летописи. Летописец подчеркивает в этом рассказе «недоумение», т.е. неразумие русских князей, противопоставивших татарам несогласованные действия русских дружин. Киевский князь Мстислав даже на поле брани действовал несогласованно и не помог другим русским князьям, оказавшимся в критическом положении, когда их покинули союзные им половцы... Еще более решителен летописец Ингваря Ингоревича в осуждении Юрия Всеволодовича Владимирского за отказ в помощи рязанским князьям при нашествии Батгя»²⁶.

Далее Д.С. Лихачев привел цитату (выделена подчеркиванием) из НПЛ старшего извода по Синодальному списку:

«Послаша же рязаньстнии князи къ Юрью Володимирьскомуу, просяче помочи, или самому поити. Юрь же самъ не поиде, ни послуша князини рязанскихъ молбы, но самъ хотѣ особь брань створити. Но уже бяше божию гнѣву не противитися, яко речено бысть дрѣвле Исусу Наугину богомъ; егда веде я на землю обѣтованую, тогда рече: азъ пошлю на ня преже вас недоумѣние, и грозу, и страхъ, и трепетъ. Также и преже сихъ отъя господь у нас силу, а недоумѣние, и грозу, и страхъ, и трепетъ вложи в нас за грѣхы наша. Тогда же иноплемьеници погании оступиша Рязань и острогомь ограднша и; князь же Рязанскыи Юрь затворися въ градѣ с людьми; князь же Романъ Ингоровичъ ста битися противу ихъ съ своими людьми. Князь же Юрь Володимирьскыи тогда посла Бремѣя въ сторожихъ воеводою, и сняся с Романомъ; и оступиша ихъ Татарове у Коломны и вишася крѣпко, и прогониша ихъ к надолбомъ, и ту убиша князя Романа и Бремѣя, и много паде ту съ княземъ и съ Бремѣемъ»²⁷.

О приведенной летописной цитате Д.С. Лихачев написал, что она «буквально повторяется в Повести разорении Рязани Батгем – в одной из основных её редакций в сокращении, а в другой полностью»²⁸.

²⁶ Там же. С. 133–134.

²⁷ НПЛ. С. 74–75.

²⁸ Лихачев Д.С. Повесть о разорении Рязани Батгем... С. 134–135.

Приведенными примерами Д.С. Лихачев подтвердил эту мысль. Причем, по его мнению, во втором примере строка имеет авторское расширение составителя:

Такоже и преже сихъ отъя господь у нас силу, а недоумѣнне, и грозю, и страх, и трепетъ вложи в нас за грѣхы наша.

Фразу «преже сих» Д.С. Лихачев предложил истолковать так:

«еще до прихода татар русские князья вели небратолюбную политику»²⁹.

Все эти рассуждения строятся на убеждении, что НПЛ наиболее достоверна в рассказе о нашествии на Рязань в 1237–1238 гг., а потому она и явилась единственным источником, на основе которого реконструировалась картина, преломленная в «Повести о разорении Рязани Батыем». Но своими рассуждениями Д.С. Лихачев вслед за В.Л. Комаровичем показал связь между НПЛ и «Повестью о разорении Рязани...» и так замкнул доказательство в круг. Причем за рамками реконструкции остались ЛЛ и ИЛ, дающие несколько иную картину. Даже приведенная летописная цитата, расширенная нами, показывает, что Георгий Всеволодович все-таки помог Рязани, направив к Коломне войско во главе с Еремеем. В ЛЛ говорится, что сын Георгия Всеволодовича – Всеволод – бился с татарами у Коломны, и там погибло много людей, среди которых был воевода Еремей Глебович³⁰. В ИЛ, где за рассматриваемый период времени отразилось галицко-волынское летописание, сказано прямо:

«кюртъ Михаиловичъ же обтече со своими людьми. до Сождала. и поведа великому князю Юрьеві безбожнѣ Ягаранѣ приходѣ. нашествіе. то слышавѣ великий князь Юри. посла сѣна своего Всеволода. со всеми людьми. и с нимѣ куртъ Михаиловичъ. Батыеви же обстремлешюса на землю Сождальскою и срѣте и Всеволодѣ. на Колоднѣ и вившимса имѣ. и падѣшиимѣ многимѣ»³¹.

Это было то единственное, что мог сделать владимирский князь Георгий Всеволодович в условиях противоречивости информации и быстро меняющейся обстановки. Возможно, что текст НПЛ отражает лихорадочность действий князя: то отказ помочь в надежде самому сотво-

²⁹ Там же. С. 135.

³⁰ ЛЛ. Стб. 460.

³¹ ИЛ. Стб. 779.

рять брань, то посылка войска Еремея под Коломну. Б.Д. Греков и Д.С. Лихачев мало уделяли внимания фактору времени, за короткий промежуток которого происходили события. И за этот промежуток времени надо было принять решение, собрать войска... Отрывок из НПЛ может не только осуждать отказ Георгия Всеволодовича, которого не было, но просто быть сочувствующим объяснением действий князя.

Такой образ князя Георгия Всеволодовича был создан Д.С. Лихачевым при подготовке текста важного литературного и исторического памятника «Повесть о разорении Рязани Батыем». И это несмотря на то, что Д.С. Лихачев определил время создания Повести – от 1270-х до 1350-х гг., несмотря на то, что им было определен источник «Повести» – рязанское летописание (отразилось в НПЛ), княжеский рязанский помянник, народные сказания³². С одной стороны, читатель имел хорошее текстологическое и источниковедческое пояснение, а с другой – не подтвержденное всей совокупностью достоверных источников видение фигуры и действий Георгия Всеволодовича. Объяснение этому можно найти в том, что как литературовед Д.С. Лихачев пошел вслед за идеологией источников («Повести о разорении Рязани» и НПЛ), очарованный силой их художественной выразительности и убедительности, на фоне которых сведения ЛЛ и ИЛ выглядели бледней и скупей. И это издание в серии «Литературные памятники» повлияло на восприятие в общественном сознании образа и деятельности Георгия Всеволодовича в 1237–1238 гг. В другом своем замечательном труде (дважды издан отдельно) «Великое наследие» Д.С. Лихачев практически дословно повторил все указанные выводы и рассуждения по поводу Георгия Всеволодовича³³.

В связи с тем, что Д.С. Лихачев ссылаясь на исследования В.Л. Комаровича, есть необходимость обратиться к его труду «К литературной истории повести о Николе Зарайском». Создание этого труда умирающим в блокадном Ленинграде В.Л. Комаровичем носило драматический характер³⁴. Сразу после войны это произведение было опубликовано Д.С. Лихачевым. Нельзя с ним не согласиться, что «...глава вполне «нормальная», никто не поверил бы, что она написана умираю-

³² Лихачев Д.С. Повесть о разорении Рязани Батыем... С. 139–141.

³³ Указаны страницы, где повторяются процитированные или переложенные в этой статье мысли Д.С. Лихачева: Лихачев Д.С. Великое наследие. М., 1979. С. 260–261, 269–271, 274–276.

³⁴ Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 342–343.

щим»³⁵. Из рассуждений В.Л. Комаровича для нас важно, что цикл Повестей о Николе Зарайском сложился в начале XVI в.³⁶ Эта датировка важна для нас, так как послужила отправной для рассуждений Д.С. Лихачева в научном исследовании, опубликованном в «Трудах Отдела древнерусской литературы». Д.С. Лихачев считал, что основные воинские повести цикла, куда входит повествование о Батыевом нашествии, были созданы в первой половине XIV в. При этом цикл повестей о Николае Зарайском носит локальный, местный характер³⁷. То есть можно говорить, что летописное известие НПЛ о Батыевом нашествии первично по отношению к тексту Повести о Батыевом нашествии. Если этот текст восходит как к НПЛ, так и к материалам рязанского летописания³⁸, то ряд его деталей фольклорного происхождения надо признать недостоверными. В частности, недостоверным сообщением является рассказ о Евпатии Коловрате³⁹. Об этом свидетельствуют результаты исследований В.П. Адриановой-Перетц:

«Повесть сохранила основную идею народного предания о Евпатии: врага можно утратить, а значит – и победить мужественным отпором его грубой силе. Эта идея не имеет ничего общего с настроением подавленности, обреченности, которым проникнуты другие книжные рассказы о битве на Калке и о нашествии Батия, убеждающие читателя, что только «покаяние и молитва» могут спасти от посланного богом за грехи врага»⁴⁰.

³⁵ Там же. С. 343.

³⁶ Комарович В.Л. К литературной истории Повести и Николе Зарайском // ТОДРЛ. Т. V. М. – Л., 1947. С. 72.

³⁷ Лихачев Д.С. Повести о Николае Зарайском // Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 236; Лобакова И.А. Комментарий // Библиотека литературы Древней Руси. XIII век. Т. V. СПб., 1997. С. 473.

³⁸ Следы рязанского летописания Д.С. Лихачев, вслед за В.Л. Комаровичем, нашел в двух эпизодах НПЛ (о резне в Исадах и о Батыевом нашествии на Рязань): Лихачев Д.С. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батием» // Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 261–263.

³⁹ Там же. С. 262–263.

⁴⁰ Адрианова-Перетц В.П. Историческая литература XI – начала XV века и народная поэзия // Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 46.

§ 3. «Очерки истории СССР...» и их влияние на решение вопроса о роли Георгия Всеволодовича в отражении монгольского нашествия в историографии

Несколько иначе образ Георгия Всеволодовича подан в монументальном труде «Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв.». В разделе, посвященном истории Переяславского княжества, Б.Д. Греков заявил, что после битвы на Липице связь Владимиро-Суздальского княжества с Переяславской землей ослабела. Поэтому весьма обтекаемой и ни к чему не обязывающей видится следующая фраза:

«В 1223 г. переяславская рать принимала деятельное участие в первой битве Руси с татарами на Калке»⁴¹.

Поскольку история Переяславля-Русского в первой половине 1220-х гг. не выяснена в силу состояния источников, эту фразу Б.Д. Грекова надо признать его догадкой. Эта фраза провоцирует поставить вопрос о возможном участии полков Георгия в битве на Калке, кроме недошедшего Василька Константиновича. Этими соображениями можно объяснить и сведение ИЛ о неучастии Георгия Всеволодовича в совете князей перед битвой:

«Юрьѧ же князѧ великого Суздальскаго не бы в томъ свѣтѣ»⁴².

А.К. Усманов в разделе о народах Поволжья и Приуралья в IX – первой четверти XIII в. отметил: в 1229 г. болгары объединились с Георгием

«после поражения болгарских сторожевых отрядов монголами в бою на р. Яике»⁴³.

Можно бы сделать вывод, что Георгий Всеволодович готовился к встрече монголов, если бы не известие, на котором основано умозаключение:

«Саксини и Половци възвѣгоша из низу к Болгаромъ перед Тата-

⁴¹ Греков Б.Д. Переяславское княжество // Очерки истории СССР. Ч. 1. IX–XIII вв. М., 1953. С. 393.

⁴² ИЛ. Стб. 741.

⁴³ Усманов А.К. Народы Среднего Поволжья и Приуралья // Очерки истории СССР. Ч. 1... С. 723.

ры • и сторожеве Болгарскын привѣгоша въени ѿ Татаръ • близъ рѣкы еиже има Юдикъ»⁴⁴.

Ни о каком объединении здесь не говорится. В 1229 г. произошло примирение Георгия с булгарами после мученической смерти в Булгарии христианина Авраамия, о чем говорится в Симеоновской и Троицкой летописях. Даже В.Н. Татищев не утверждал антимонгольской направленности мира, упирая на то, что Георгий Всеволодович отказывался это делать (см. ниже), но только в 1232 г.

В разделе о завоевании монголами Средней Азии и Закавказья, о битве на Калке, написанном В.Т. Пашуто, упомянут Георгий Всеволодович, отказавшийся приехать на совет⁴⁵, на основе уже упомянутого сообщения ИЛ. Но она лишь фиксирует отсутствие князя на совете и ничего не говорит о его отказе ехать туда.

В другой главе В.Т. Пашуто, привлекая известия венгерских миссионеров, указал на то, что Георгий Всеволодович знал о приготовлениях монгольских правителей к походу на Русь в начале 1230-х гг. Здесь логично ставить вопрос о возможной подготовке князя к отражению агрессии. Но его В.Т. Пашуто оставил без ответа⁴⁶. Это обстоятельство будет рассмотрено ниже при разборе труда Д.Г. Хрусталева. При описании самого Батыева нашествия В.Т. Пашуто отметил:

«Юрий Игоревич послал за помощью к Юрию Всеволодовичу во Владимир и к Михаилу Всеволодовичу – в Чернигов. Но ни тот, ни другой не помогли рязанцам»⁴⁷.

Поскольку автор не указал на источники этих сообщений, то надо полагать, что сведение об отказе черниговского князя восходит, как и у

⁴⁴ ЛЛ. Стб. 453.

⁴⁵ Пашуто В.Т. Завоевание Монгольским государством Средней Азии и вторжение татаро-монгольских захватчиков в Закавказье и Восточную Европу // Очерки истории СССР. Ч. I... С. 812.

⁴⁶ Пашуто В.Т. Борьба русского народа с татаро-монгольским нашествием // Очерки истории СССР. Ч. I... С. 830. В.Т. Пашуто сослался на: Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.–Л., 1940. С. 88. Разбор этих сведений применительно к Георгию Всеволодовичу см. ниже.

⁴⁷ Пашуто В.Т. Борьба русского народа с татаро-монгольским нашествием... С. 831.

Б.Д. Грекова, через Д.И. Иловайского к В.Н. Татищеву. Известие об отказе владимирского князя содержится в НПЛ⁴⁸.

По мнению исследователей, в сообщениях НПЛ о походе Батыя в 1237–1238 гг. отразились рязанские летописные материалы по нашествию⁴⁹. Слова В.Т. Пашуто об отказе Георгия Всеволодовича помочь Рязани основаны только на словах НПЛ:

«Послаша же рязаньстѣи князи къ Юрью к Володимерьскому, просяще ѹ него помощь, или самому понти. Юрьи же самъ не поиде, ни же пакы послуша князь рязаньскихъ молбы, нь самъ хотѣ особь брань сътворити».

Слова, вырванные из контекста всей летописной фразы, действительно создают впечатление, что Георгий Всеволодович преследовал лишь интересы собственного княжества и желал ослабить своих соседей в период раздробленности. Но НПЛ, критически рассматривающая поведение владимирского князя во время нашествия Батыя, с горечью фиксирует безнадежность любых действий, им предпринимаемых, и даже, на наш взгляд, выражает обреченное сочувствие лихорадочным действиям Георгия Всеволодовича во время нашествия. Упущение этого обстоятельства ведет к затруднению при трактовке следующих слов НПЛ:

«Князь же Юрьи Володимерьскыи тогда посла Еремѣя в сторожѣхъ воеводу, и сняся с Романомъ; и оступиша нх Татарове ѹ Коломнѣ, и бишася крѣпко, и прогониша нх ко надолбому и тѹ ѹбиша князя Романа и Еремѣя, и много тѹ паде съ князем и съ Еремѣем»⁵⁰.

То есть все было бесполезно: и отправка владимирским князем войск в Рязанскую землю, и их соединение с рязанскими дружинами, и их битва под Коломной. В ЛЛ и ИЛ эти действия Георгия тракуются как самостоятельные, никак не связанные с событиями в Рязанской земле. Только НПЛ, с её критикой в адрес Георгия, дает информацию о посылке его войск на помощь рязанцам. Сообщение НПЛ о направлении вла-

⁴⁸ НПЛ. С. 74–75, 286.

⁴⁹ Комарович В.Л. Литература Суздальско-Нижегородской земли в XIV в. // История русской литературы. М.–Л., 1945. Т. II. Ч. 1. С. 76, 91–93; Русинов Н.Д. О происхождении текста Лаврентьевской летописи // Идеология и культура феодальной России. Горький, 1988. С.23; Феннел Дж. Кризис средневековой Руси... С. 117–119.

⁵⁰ НПЛ // ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 75, 286–287.

димирским князем войск на соединение с силами рязанского князя под Коломной объясняет нелогичное, на первый взгляд, решение князя об организации отпора татарам на территории Рязанского княжества (ведь Коломна в 1238 г. была его частью). С толкованием этого эпизода у В.Т. Пашуто возникли определенные трудности. После цитаты из «Повести о разорении Рязани Батыем» по списку Хронографы 1599 г.:

«ни един же от князей от князей не поиде друг ко другу на помощь»

трудно оценивать как-то иначе действия владимирского князя, нежели преследование им эгоистических интересов.

Критически к мыслям авторов «Очерков истории СССР» подошел А.Г. Кузьмин. Его замечание, высказанное по конкретному поводу, можно распространить на многие рассуждения В.Т. Пашуто:

«Следует отметить, что путь татар, отраженный в различных исторических пособиях, включая «Очерки истории СССР», основан лишь на самых общих соображениях»⁵¹.

Конкретные основания А.Г. Кузьмин видел в конкретных источниковых сведениях. После их анализа в разделе «Летописные известия о разорении Рязани Батыем» он предложил факты для реконструкции событий.

А.Г. Кузьмин обратил внимание на то, что со времен Н.М. Карамзина события 1237 г. излагаются по НПЛ и «Повести о разорении Рязани Батыем»⁵². Как было показано выше, труд Б.Д. Грекова восходил к исследованию Д.Н. Иловайского. Последний действительно при описании событий 1237–1238 гг. пользовался источниками, сведения которых не выходят за пределы НПЛ и «Повести о разорении Рязани». Однако также были привлечены «сведения» Татищева. А поскольку есть подозрение, что эти «факты» – авторские выводы В.Н. Татищева, то можно подправить мысль А.Г. Кузьмина. На советскую историографию событий 1237–1238 гг. повлиял Н.М. Карамзин, но через посредство Д.И. Иловайского, который сыграл немалую роль и в пропаганде идей В.Н. Татищева.

А.Г. Кузьмин, обратив внимание на освещение событий 1237–1238 гг. в разных летописях, констатировал, что многие ученые берут

⁵¹ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 161.

⁵² Там же. С. 154–155.

«...за основу изложения... Новгородскую I летопись»⁵³,

потому что она отразила материалы рязанского летописания. На самом деле, нельзя вслед за А.Г. Кузьминым отрицать использование НПЛ для восстановления рязанского летописания⁵⁴. Основой для такого вывода А.Г. Кузьмина стала предпосылка, что НПЛ использовала материалы «Сказания о разорении Рязани Батыем». Однако более уместна иная связь: рязанский источник в разное время повлиял на НПЛ и Сказание.

Из интересующих нас материалов о Георгии Всеволодовиче в 1237–1238 гг. к сведениям, извлеченным из Сказания, А.Г. Кузьмин отнес рассказ о рязанском посольстве во Владимир и об отказе владимирского князя помочь Рязани. Эпизод о посылке Георгием Всеволодовичем войск к Коломне, по А.Г. Кузьмину, не относится к рязанскому материалу, противоречит предыдущему сведению об отказе владимирского князя помогать Рязани. Также этим эпизодом нарушается хронологическая последовательность событий:

«Взятие Коломны, по летописи (НПЛ – А.К.), предшествует взятию татарами Рязани... и этот факт в летописи подается как помощь рязанским князьям вообще... Обратившись к другим летописям, в том числе к Лаврентьевской, можно убедиться, что описание столкновения под Коломной действительно перемещено. По этим летописям татары движутся к Коломне уже после взятия Рязани 21 декабря. У В.Н. Татищева приводится и точная дата взятия татарами Коломны – 20 января»⁵⁵.

А.Г. Кузьмин настаивает, что коломенский эпизод внесен в переложенный текст «Сказания о взятии Рязани» новгородским летописцем: об этом свидетельствует упоминание бегства москвичей из-под Коломны

«Москвичи» в 1237 г. вообще едва ли выступали в качестве самостоятельной военной и политической единицы где-либо за пределами собственно Москвы. Но фраза Новгородской I летописи может соответствовать взглядам новгородского летописца второй четверти XIV в., когда Новгороду пришлось впервые противодействовать призываниям московской великокняжеской власти. Фраза, следовательно

⁵³ Там же. С. 155.

⁵⁴ Там же. С. 157.

⁵⁵ Там же. С. 157–158.

но, может привлекаться для датировки времени возникновения старшего извода летописи»⁵⁶.

Мысль об обработке Сказания в НПЛ – догадка (как её определил Я.С. Лурье – оппонент А.Г. Кузьмина в области методологии и методики летописеведческих исследований). Если А.Г. Кузьмин датирует возникновение Сказания XIII в., то для второй половины столетия характерно растущее политическое противоречие Московского и Рязанского княжеств из-за Коломны. Поэтому данная реплика, пренебрежительная по отношению к москвичам, могла появиться и при создании Сказания в связи с этим событием. Причем немаловажную роль в московско-рязанском конфликте играла Коломна. Это предположение также нельзя дополнительно обосновать или опровергнуть. Не помогает в этом случае и ссылка на то, что новгородских летописцев могла привлечь фраза о новгородцах в битве под Коломной, ставшая результатом неправильного прочтения летописцем имени «Роман Инъвгоровичъ» как «Роман и новгородцы»⁵⁷. Не оспаривая такого изменения текста, надо отметить, что исходная посылка А.Г. Кузьмина (взятая у А.А. Шахматова) о том, что рассказ о Батыевом нашествии в ЛЛ восходит к новгородскому источнику, что НПЛ и ЛЛ в разном объеме донесли первоначальный текст «Сказания о взятии Рязани»⁵⁸, не объясняет этой путаницы. У нее также могут быть и другие объяснения. Поэтому идею обработки коломенского эпизода в Новгороде нельзя признать удовлетворительной.

Интерес для нашей темы вызывает объяснение А.Г. Кузьминым помощи владимирским князем Коломне на фоне отказа помочь Рязани. По мнению А.Г. Кузьмина, Георгий Всеволодович помог Коломне потому, что там сидел рязанский князь Роман Ингваревич, более зависимый от Владимира, нежели от своих близких родственников из Рязани⁵⁹. Но и здесь А.Г. Кузьмин исходит из допущения, распространенного в литературе, что Глеб Коломенский в поздних списках «Повести о разорении Рязани» и Роман Ингваревич – это одно лицо. А если не одно?

⁵⁶ Там же. С. 159.

⁵⁷ Там же. С. 159. К подобному же выводу пришел нижегородский исследователь Б.М. Пудалов: *Пудалов Б.М. Русские земли Среднего Поволжья (вторая треть XIII – первая треть XIV в.). Нижний Новгород, 2004. С. 54–55.*

⁵⁸ *Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 159.*

⁵⁹ Там же. С. 159–160.

А.Г. Кузьмин предположительно датировал «Сказание о разорении Рязани», памятник, известный составителям НПЛ и ЛЛ, – XIII веком⁶⁰. Исследователь реконструировал ядро его текста: татары взяли «Нузлу» («Онузу») – потребовали у рязанских князей Юрия и Олега десятины во всем – те отказались и запросили помощи у Георгия Всеволодовича – он отказал – осуждение князей за отказ совместных действий – битва в поле – князья укрываются по городам – взятие Пронска, Белгорода, Ижеславля – взятие Рязани – скорбь автора⁶¹. Это Сказание легло в основу сообщений ряда летописей, среди которых А.Г. Кузьмин назвал ЛЛ и НПЛ. Причем в этих сообщениях публицистическая заостренность памятника была смягчена. А в XVI в. Сказание было переделано в Повесть с последующим смягчением оценочных акцентов⁶². И это соображение еще больше вынуждает отвести Повесть как исторический источник, в том числе и для восстановления поведения князя Георгия Всеволодовича. С доверием А.Г. Кузьмин отнесся к сведениям В.Н. Татищева, объяснив их уникальность муромским происхождением⁶³. Из рассуждений А.Г. Кузьмина следует, что Георгий Всеволодович отказался помочь Рязани и направил войско к Коломне для спасения своего вассала Романа Ингворевича. Такая реконструкция содержит ряд источниковедческих и фактических противоречий, что не позволяет её принять.

На построения А.Г. Кузьмина попытался опереться Ю.В. Кривошеев. По его мнению, А.Г. Кузьмин доказал, что в ряде случаев Повесть несет в себе больше сведений из Сказания XIII в., чем летописи.

«Выводы А.Г. Кузьмина позволяют использовать для реконструкции рязанских событий декабря 1237 г. как летописные, так и внешне летописные источники в относительно полном объеме».

Это решение Ю.В. Кривошеев подкрепляет рядом цитат из А.Г. Кузьмина («вполне вероятно, что в основу Повести положен относительно более исправный и полный текст Сказания, нежели известный по летописям»), хотя и оговаривает, что Повесть дает легенды и взгляды XVI в. При этих незначительных цитатах приводятся ссылки на текст А.Г. Кузьмина объемом до 13 страниц⁶⁴. Следовательно, цитаты вырваны из общего контекста, поскольку Ю.В. Кривошеев вне цитирования оставил строки:

⁶⁰ Там же. С. 171, 174, 175, 176, 177, 178.

⁶¹ Там же. С. 168.

⁶² Там же. С. 170–171, 172, 174, 178–179.

⁶³ Там же. С. 168–170.

⁶⁴ *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999. С. 142–143.

«...Повесть о разорении Рязани Батыем в составе цикла повестей о Николе Заразском является переработкой Сказания XIII в., сложившейся, по всей вероятности, в начале XVI в., может быть, уже после присоединения Рязани к Московскому государству... С этим следует считаться при использовании материалов Повести в качестве исторического источника. Повесть, видимо, содержит относительно достоверный материал, там, где её чтения можно возвести к тексту или содержанию Сказания XIII в.»⁶⁵

Но в том-то и дело, что А.Г. Кузьмин восстанавливал содержание Сказания по данным летописей. Поэтому его цитирование Ю.В. Кривошеевым и надо рассматривать как предположение, ничем не подкрепленное, которое нельзя возводить в абсолют. Редкой и удачной попыткой такого подкрепления можно считать рассуждения самого Ю.В. Кривошеева о реальности требований монгольских послов, природе требуемой дани, реальности «чародеицы», пришедшей с послами⁶⁶. Только выводы, построенные на поисках параллелей этим фактам, надо признать весьма предположительными. Реконструкция событий в Рязанской земле в 1237 г., построенная исключительно на сообщениях Повести, не убеждает. О поведении Георгия Всеволодовича в 1223 г. и в 1237–1238 гг. ничего не говорится. Этого князя для исследователя не существует. Только так можно думать, когда читаешь строки о такой незначительности последствий нашествия, что Ярослав Всеволодович в 1239 г. приступил к восстановлению разоренной монголами земли.

Событиям в Северо-Восточной Руси зимой 1237/38 г. Ю.В. Кривошеев посвятил немного строк:

«...! По одиночке русские князья не смогли противостоять, как считают историки, лучшей армии того времени. Многие северо-восточные города пали, другие города не стали обороняться и, по всей видимости, не подверглись разорению, а до некоторых северных городов татары не дошли. Нет необходимости преуменьшать трагедию Руси и русского народа, но нет оснований и преувеличивать последствия её. Вслед за эмоциональным рассказом летописца о постигшей беде следует четкое перечисление оставшихся в живых представителей дома Рюриковичей, которые уже в том же 1238 г. рассказыва-

⁶⁵ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 178–179.

⁶⁶ Кривошеев Ю.В. Русь и монголы... С. 144–156.

ются по городам... Таким образом, возвращение к «структурам повседневности» происходит довольно скоро»⁶⁷.

Последний вывод вполне закономерен, если учесть особый интерес Ю.В. Кривошеева к городам Северо-Восточной Руси. Он, рассуждая в духе И.Я. Фроянова, говорит о городском строе как главной политической силе. Князья – лишь чиновники на службе городских республик. Поэтому понятно отсутствие интереса к личности и поведению Георгия Всеволодовича во время Батыева нашествия. С точки зрения истории городов субъективный фактор низводится до ничтожного уровня.

Интересны рассуждения Ю.В. Кривошеева о случайности монгольского нашествия на Северо-Восточную Русь. По его мнению, Чингисиды на курултае в 1235 г. приняли решение о походе на Запад, удар по Залесской земле оборачивался для них лишним «крюком». Монголам достаточно было признания покорности русских князей в виде выплаты дани. Русские князья, отказавшись выполнить эти условия (вот чудачки! – А.К.), подписали себе приговор. Во многом эти рассуждения строятся исключительно на толковании сведений «Повести о разорении Рязани». Ю.В. Кривошеев на широком культурологическом, этнографическом и историографическом фоне интерпретирует факт посольства чародейцы и двух мужей к рязанским и владимирскому князю как попытку «открыть», десакрализовать, расколдовать Рязанскую и Владимиро-Суздальскую землю (хотя речь идет пока о Рязани) для вторжения (а ведь можно свести роль чародейцы к защите от сглаза). И только после этого и окончательного отказа князей подчиниться было принято решение о нападении⁶⁸. Эти яркие страницы удались Ю.В. Кривошееву, но на их основе нельзя выстроить полноценную гипотезу политической истории. Если Ю.В. Кривошеев объясняет случайность завоевания Северо-Восточной Руси тем, что степнякам нечего было делать в лесных массивах, то тогда надо отвечать на вопрос, какой случайный фактор привел к уничтожению Волжской Булгарии. Если главной целью монголов был Запад, а на Русь они обрушились случайно, то надо объяснять, как татары продолжали завоевательную политику в Иране, в Закавказье, в Крыму и др. Эти факты проигнорированы. При их учете схема Ю.В. Кривошеева весьма условна. В свете выводов Ю.В. Кривошеева обесмысливается вопрос о роли князя Георгия Всеволодовича в подготовке отра-

⁶⁷ Там же. С. 157–158.

⁶⁸ Там же. С. 139–158.

жения возможной агрессии монголов, его поведении во время Батыева нашествия, его ответственности, в конце концов.

Битва на Калке в 1223 г. у Ю.В. Кривошеева подана в подобном ключе: автор предлагает свое осмысление события, не утруждая себя реконструкцией фактов⁶⁹. Маршрут разведывательного корпуса Джебей и Субедея и битва на Калке стали для Ю.В. Кривошеева дополнительными аргументами, подкрепляющими тезис о случайности завоевания Владимиро-Суздальской Руси:

«Незаинтересованность монголов в северных территориях Руси в 1223 г. проявилась и в их маршруте после «Калкацкого сражения». «Отступление» их было осуществлено по самой кромке лесного пояса. Этим они как бы очерчивали сферу своего будущего непосредственного влияния. Именно она их заинтересовала при походе на Запад»⁷⁰.

Более научно и сдержанно по сравнению с «Очерками истории СССР» показал роль Георгия Всеволодовича во время татаро-монгольского нашествия на Русь Л.В. Черепнин в сборнике «Татаро-монголы в Азии и Европе». При описании битвы на Калке Л.В. Черепнин упомянул владимирского князя:

«Не принял участия в походе князь владимиро-суздальский Юрий Всеволодович. Он обещал прислать отряд ростовцев во главе со своим племянником Васильком Константиновичем, но тот не явился»⁷¹.

В данном случае можно говорить о том, как авторская оценка смешивает акценты, поставленные источником. Историю сражения Черепнин восстанавливал путем совмещения летописных сведений ИЛ и ЛЛ. Ведь отсутствие Георгия на совете перед битвой зафиксировано в ИЛ, а, согласно ЛЛ, Василько Константинович не успел прибыть к месту сражения, добравшись лишь до Чернигова. Рассказ о нападении монголов на Русь в 1237–1238 гг. Л.В. Черепнин, привлекая русские и восточные источники, начал с описания штурма Рязани и связанных с ним событий.

«Безуспешно великий рязанский князь Юрий Игоревич обращался за помощью во Владимир и Чернигов. Лишь в Коломну пришло из Владимира небольшое подкрепление»⁷².

⁶⁹ Там же. С. 135–139.

⁷⁰ Там же. С. 139.

⁷¹ Черепнин Л.В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 181.

⁷² Там же. С. 186.

На следующей странице Л.В. Черепнин с доверием привел рассказ о Евпатии Коловрате. При описании битвы при Коломне (а также – на Сити) Л.В. Черепнин использовал сведения Рашид-ад-дина. По мнению ученого, Георгий Всеволодович, узнав о приближении противника,

«...стал принимать меры. Он выехал с небольшой дружиной навстречу войскам, которые должны были привести его братья Ярослав и Святослав. Встреча была назначена на р. Сити – притоке Мологи»⁷³.

В книге 1987 г. П.П. Толочко по уже отработанной схеме подавал историю первой встречи русских князей с татаро-монголами на Калке в 1223 г. и нашествия 1237–1238 гг.⁷⁴. О роли Георгия Всеволодовича в 1223 г. П.П. Толочко писал с опорой на ИЛ:

«Перед лицом новой опасности князья-сюзерены прибыли в Киев для принятия решения... На совете должен был быть и владими́ро-суздальский князь Юрий Всеволодович, на что указывает замечание летописца: «Юрия же, князя великого суздальского, не бы в том совете». Более мелкие вассалы съехались в Киев в большом количестве». Князьям-сюзеренам Мстиславу Романовичу, Мстиславу Святославичу, Мстиславу Мстиславичу «удалось собрать огромное войско, состоявшее из киевских, смоленских, галицких, волынских, чернигово-северских, курских и владими́ро-суздальских полков»⁷⁵.

Нашествие Батые было дано в огласовке Б.Д. Грекова и Д.С. Лихачева:

«Великий рязанский князь Юрий Игоревич послат за помощью к Юрию Всеволодовичу во Владимир и к Михаилу Всеволодовичу в Чернигов. Ни тот, ни другой не откликнулись на этот призыв»⁷⁶.

Возможно, на эти строки повлияла статья В.Т. Пашуто⁷⁷. При описании разорения Рязанской земли П.П. Толочко прибег к цитированию

⁷³ Там же. С. 187–188.

⁷⁴ Толочко П.П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.

⁷⁵ Там же. С. 167.

⁷⁶ Там же. С. 168.

⁷⁷ Пашуто В.Т. Борьба народов нашей страны за независимость в XIII–XV вв.: Страницы боевого прошлого // Очерки военной истории России. М., 1968.

«Повести о разорении Рязани Батыем» издания В.П. Адриановой-Перетц⁷⁸.

«Враг двинулся вверх по Оке к г. Коломне. Здесь собрались владимирские полки во главе со старшим сыном великого князя Всеволодом Юрьевичем, новгородская рать, а также полки ряда княжеств и городов: московские, пронские и др. По количеству собранных войск и упорству сражения, отмечаемому летописями и восточными источниками, бой под Коломной нужно считать одним из самых значительных событий походов Батя на Северо-Восточную Русь. В кровопролитном сражении пало большое количество воинов, в том числе рязанский князь Роман Игоревич и хан Кулькан, единственный чингизид, погибший во время нашествия на Восточную Европу»⁷⁹.

Затем П.П. Толочко повествует о партизанской борьбе, полностью доверяя легенде о Евпатии Коловрате⁸⁰. С опорой на Джувейни (через передачу Б.А. Рыбакова⁸¹) и ЛЛ П.П. Толочко пишет о нашествии Батя на Северо-Восточную Русь⁸²:

«После захвата Владимира вражеские войска во главе с Бурундаем начали поход против князя Юрия Всеволодовича. 4 марта они подошли к лагерю русских на р. Сить... Владимирский князь так и не смог собрать достаточных сил. К нему успел подойти со своей дружиной лишь один его брат – Святослав Всеволодович (без источника)... В бою погибли Юрий и Святослав Всеволодовичи... Чтобы Юрий Всеволодович не мог получить помощи из Новгорода, в котором в это время правил его племянник Александр Ярославич..., завоеватели осадили Торжок, находившийся на юго-восточной окраине Новгородской земли. Город был захвачен почти одновременно с битвой на Сити (5 марта 1238 г.)»⁸³.

С последним тезисом нельзя согласиться, поскольку любое желание новгородцев помочь владимирскому князю должно было отразиться в летописании северной республики.

⁷⁸ Толочко П.П. Древняя Русь... С. 168–169.

⁷⁹ Там же. С. 169.

⁸⁰ Там же. С. 169.

⁸¹ Рыбаков Б.А. Борьба Руси с Батыем. Народ-богатырь (IX–XIII вв.) М., 1948.

⁸² Толочко П.П. Древняя Русь... С. 169–170.

⁸³ Там же. С. 170–171.

§ 4. В.В. Каргалов и Ю.А. Лимонов о нашествии Батыя на Северо-Восточную Русь

Любопытна трактовка роли владимирского князя Георгия Всеволодовича на страницах трудов В.В. Каргалова. В популярной книге «Монголо-татарское нашествие на Русь», вышедшей в 1966 г. в издательстве «Просвещение»⁸⁴, В.В. Каргалов утверждал, что Георгий Всеволодович знал о готовящемся вторжении. Ведь до него доходили слухи о разгроме Волжской Булгарии (русские летописи отметили её разгром в 1236 г.). Владимирский князь приказал расселять беженцев из Булгарии по русским городам около Волги. Правда, в этом случае источники не упомянуты. Используя сведения венгерского монаха Юлиана, Каргалов указал, что Русь посещали послы татаро-монголов, а в 1237 г. Георгий Всеволодович их перехватил⁸⁵. После начала нашествия захватчики быстро приблизились к Владимиру-на-Клязьме. Косвенную причину этого Каргалов усмотрел в отказе Георгия Всеволодовича выступить против Батыя вместе с рязанцами. Историк не вменил этот отказ в вину владимирскому князю, поскольку считает, что стремительность монголов не оставила «... времени для подготовки войска в помощь Рязани»⁸⁶.

По мнению В.В. Каргалова, Георгий Всеволодович начал готовить силы к отпору, как только получил весть о нашествии, и эффективно использовал время задержки врагов в Рязанской земле. Правда, источников на этот счет никаких не приведено. Определенную роль должно было сыграть сопротивление Евпатия Коловрата. Тем самым Каргалов присоединился к числу сторонников достоверности сведений «Повести о разорении Рязани Батыем»⁸⁷. Георгий направил собранные войска под Коломну, запиравшей путь из Рязанского княжества во Владимирское. Руководил войсками Всеволод Георгиевич. К Коломне подтянулись остатки рязанских войск во главе с Романом Ингваревичем и даже нов-

⁸⁴ Выводы этой книги были повторены в другой популярной работе В.В. Каргалова «Свержение монголо-татарского ига», вышедшей в 1973 г. в том же издательстве «Просвещение».

⁸⁵ Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь. М., 1966. С. 31. В 1980 г. Каргалов добавил к этим аргументам указание Тверского сборника (Тверской сборник // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. Стб. 366). – см.: Каргалов В.В. Конец ордынского ига. М., 1980. С. 7–8, 146.

⁸⁶ Там же. С. 38.

⁸⁷ Там же. С. 34–35, 36, 38.

городцы, как утверждает Суздальский летописец⁸⁸. В.В. Каргалов настаивал на крупном значении этой битвы, указывая на то, что лишь в ней погиб чингизид Кулькан, чего более не случилось в Восточной Европе за время нашествия. Всеволод Юрьевич с остатками дружин вернулся во Владимир. При возникшей угрозе Владимиру

«...Юрий Всеволодович принял, по-видимому, самое правильное решение: оставить часть войск для обороны Владимира, рассчитывая, что они сумеют отсидеться за крепкими городскими стенами, а самому отправиться дальше на север и продолжать набирать ратную силу»⁸⁹.

Из рассуждений Каргалова следует, что Георгий во время нашествия стремился сконцентрировать силы, но враги его постоянно опережали. При описании штурма Владимира историк следовал за ИЛ. На основе её известий в падении Владимира обвиняются знать и духовенство за их примиренческие позиции. Под влиянием этого фактора произошло убийство Всеволода и Мстислава Юрьевичей во время попытки договориться с Батыем⁹⁰. В отношении событий на Сити В.В. Каргалов оправдывал действия князя Георгия: лесные чащобы должны были задержать врага, пока не подойдет его брат Ярослав с новгородцами. Но Георгий вместе с племянниками Константином и Владимиром Константиновичами его не дождался. По сути, Ярослав стал на страницах книги В.В. Каргалова одним из виновников разгрома войск брата и племянников на Сити⁹¹. При реконструкции данной битвы Каргалов использовал данные ИЛ и летописи Северо-Восточной Руси, пытаясь согласо-

⁸⁸ Там же. С. 39–40. Под Суздальским летописцем Каргалов упоминает сведения, донесенные ЛЛ и ИЛ – см.: *Каргалов В.В.* Конец ордынского ига... С. 8–9, 146. В этой же работе В.В. Каргалов склонен идентифицировать новгородцев в битве под Коломной с нижегородцами. Еще раз нужно указать, что данные «новгородцы», в историографии переделанные под «нижегородцы», появились в результате ошибки чтения и переписки составителя Суздальской летописи: *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание... С. 159; *Пудалов Б.М.* Русские земли Среднего Поволжья... С. 54–55.

⁸⁹ Там же. С. 43. В работе «Свержение монголо-татарского ига» в 1973 г. при трактовке ухода Георгия из Владимира на Сить В.В. Каргалов на с. 29 добавляет, что это ослабило оборону города. Положительная оценка этого шага Георгия Всеволодовича, в целом, сохранилась.

⁹⁰ Там же. С. 42–47.

⁹¹ Там же. С. 55–56.

вать их сведения. Так, укор ИЛ в адрес Георгия, что он «не имея сторожи», Каргалов компенсировал известиями из суздальского памятника. Согласно ему, Георгий выставил в дозор отряд Дорожа, но тот был разбит⁹². Далее Каргалов лишь констатировал неясные обстоятельства гибели Георгия Всеволодовича в неравном бою.

В научно-популярной работе 1980 г. «Конец ордынского ига» В.В. Каргалов критиковал идеи о том, что у Коломны произошла небольшая схватка разведывательного отряда Еремея Глебовича с татарами⁹³. Каргалов настаивал на том, что битва под Коломной была попыткой

«объединенной великокняжеской рати сдержать нашествие на рубежах Владимирского княжества»⁹⁴.

В целом на страницах книги Каргалов более основательно, нежели в работах 1960–1970-х гг., изложил прежние мысли⁹⁵.

В работах Каргалова деятельность Георгия Всеволодовича в период нашествия нигде не осуждается. Само нашествие 1237–1238 гг. предстает как законченная цепь последовательных событий: Рязань – Евпатий Коловрат – Коломна – Владимир – Сить.

Ю.А. Лимонов при лаконичном описании битвы на Калке в 1223 г. следовал за текстом ЛЛ. Оттуда же извлечена фраза:

«И бысть победа на вси князи Русстии, ака же не бывала от начала Русьской земли никогдаже, сам бо великий князь Мьстиславь Киевский видя се зло не движесе никакоже с места, стал бо бе на горе, над рекою Калкою...».

Лимонов использовал ЛЛ для иллюстрирования тезиса о причинах поражения русских князей – раздробленность. Георгий Всеволодович послал на битву войска Василька Константиновича, которого весть о разгроме русских ратей застигла в Чернигове⁹⁶. Ю.А. Лимонов считал, что на Русь после 1223 г. доходили сведения о разгроме и захвате татарами государств Азии, об уничтожении целых народов. Северо-Вос-

⁹² Там же. С. 55. В 1980 г. автор опирался лишь на данные Суздальского летописца – см.: *Каргалов В.В. Конец ордынского ига... С. 10. О плохо поставленной сторожевой деятельности уже не говорится.*

⁹³ *Очерки истории СССР. IX–XIII вв. М., 1953. С. 832.*

⁹⁴ *Каргалов В.В. Конец ордынского ига... С. 9.*

⁹⁵ Там же. С. 8–14.

⁹⁶ *Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. Л., 1987. С. 112.*

точная Русь и особенно Владимиро-Суздальское княжество были, по мнению Ю.А. Лимонова, самыми информированными, поскольку выход на Волгу давал возможность получать прямую и достоверную информацию о Востоке, Азии и татарах⁹⁷. В качестве аргумента Ю.А. Лимонов привел сообщения ЛЛ от 1229 г. о бегстве саксинов и половцев к болгарам, о разгроме болгарских застав на Яике; от 1232 г. о зимовке татар недалеко от великого града Болгарского; от 1236 г. о разгроме монголами болгар. Последнее сообщение Ю.А. Лимонов оценил как сочувственное иноверцам-болгарам и как прямое предупреждение русским землям о грядущей беде 1237 г.

Индикатором подготовки русских к встрече врага Ю.А. Лимонов считает, со ссылкой на работы А.Ф. Медведева об укреплении Городца и В.В. Седова по археологии Суздаля, наличие ряда крепостей⁹⁸. Но, по мнению Ю.А. Лимонова, этого было недостаточно. Рязанская земля была разгромлена, по мнению Ю.А. Лимонова, из-за того, что её правители бились с врагом в одиночку. Георгий Всеволодович не желал разгрома своих вассалов (опять неправомерное мнение о вассалах), рязанских князей⁹⁹, не желал уничтожения «рязанского буфера» между степью и своим княжеством. Слова Георгия Всеволодовича о желании сотворить особую брань с захватчиками, взятые почему-то не из НПЛ, а из Московского летописного свода конца XV в., Лимонов трактовал как проявление социальной психологии рыцарства того времени и провел параллель с битвой при Кресси¹⁰⁰. После разгрома Рязани татары бросились на Владимиро-Суздальское княжество. Была взята Коломна, которую историк отнес к владениям Владимирского княжества. Там соединились войска Георгия Всеволодовича и остатки рязанских дружин во главе с Романом Ингваревичем¹⁰¹. Взятие Владимира и битву на Сити Лимонов оценил в летописной интонации, не осуждая Георгия Всеволодовича и Василька Константиновича¹⁰².

⁹⁷ Там же. С. 112.

⁹⁸ Там же. С. 112.

⁹⁹ Там же. С. 113.

¹⁰⁰ Там же. С. 113, 116.

¹⁰¹ Там же. С. 113.

¹⁰² Там же. С. 114.

§ 5. Георгий Всеволодович в труде Дж. Феннела: критический взгляд

В исследовании Дж. Феннела, посвященном кризису средневековой Руси, затронута и деятельность владимирского князя Георгия Всеволодовича. В рассказе о битве на Калке Дж. Феннел пользовался сведениями ИЛ и ЛЛ, чтобы констатировать пассивное отношение владимирского князя к появлению монголов на южных границах Руси в 1223 г. Исследователь акцентировал внимание на то, что ИЛ отметила отсутствие Георгия Всеволодовича в совете князей. Дж. Феннел совместил сведения ИЛ и ЛЛ: в ИЛ не случайно отмечено отсутствие Георгия Всеволодовича на совете, поскольку, согласно сообщению ЛЛ,

«было направлено обращение к великому князю владимирскому и что Юрий послал чисто символическую дружину на юг под началом Василька Константиновича из Ростова»¹⁰³.

И сразу же Дж. Феннел засомневался в достоверности этого сообщения, классифицировав его как «плод воображения» суздальского летописца и как попытку спасти честь потомков Всеволода Большое Гнездо. Ведь

«...«силы» Василька не встретились с союзниками, и, как только Василько узнал о разгроме...», он вернулся во Владимир. «Не стоит и говорить, что ни в одном другом источнике «вклад» Суздальской земли не упоминается»¹⁰⁴.

Удивляет легкость доверия одним источникам и выборочное недоверие другим у Дж. Феннела. Сначала он объяснил внимание автора ИЛ к отсутствию князя на совете, так как, согласно ЛЛ, ему было сообщено о необходимости борьбы с врагом. После этого другим сообщениям ЛЛ отказано в достоверности: «символический» характер дружины (хотя о её размерах в источнике не сообщается), скорое возвращение Василька после получения вести о погроме на Калке, возможное придумывание суздальским летописцем сведений о реакции Георгия Всеволодовича... Известия ЛЛ о посылке Георгием на Калку войск под командованием Василька Константиновича дошли до нас благодаря ростовскому летописанию 30–60-х гг. XIII в. В нем воспевались под-

¹⁰³ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси... С. 105.

¹⁰⁴ Там же.

виги Василька Константиновича и отца его жены Марьи, Михаила Черниговского, замученного в Орде в 1246 г. Поэтому ростовским летописцам спасти честь владимирского князя было необязательно. В.Л. Комарович и Н.Д. Русинов доказывали, что текст о нашествии в 1237–1238 гг. переработан и в целях реабилитации великого владимирского князя Георгия. И эта переработка была осуществлена в Ростове¹⁰⁵. С другой стороны, летописец вместо того, чтобы придумывать какие-то известия для спасения чести и лица своих правителей, мог не писать о послании южнорусских князей к владимирскому князю в 1223 г. Дж. Феннел не задался вопросом о соотношении времени посылки информации о приближении врага в 1223 г. и решении дать ему совместный отпор из Киева во Владимир-на-Клязьме со сроками её получения, принятия решения владимирским князем, снаряжения и скорости перемещения дружины под командованием Василька Константиновича и с датой самой битвы.

Настроения исследователя, проникнутые антипатией к Георгию Всеволодовичу, проявились в рассуждениях о Батыевом нашествии в 1237–1238 гг. С доверием Дж. Феннел цитировал В.Н. Татищева, что волжские булгары в 1232 г. просили о помощи Георгия Всеволодовича, «но она не подошла»¹⁰⁶, хотя В.Н. Татищев однозначно писал об отказе владимирского князя прислать помощь булгарам¹⁰⁷. Дж. Феннел далее развивал свое видение тех грозных лет:

«В период передышки, последовавшей за первым татарским нашествием 1223 года, русские не могли не осознать, что враг стоит у их порога, ведь они знали о поражениях булгар в 1229 и 1232 годах. Однако не было предпринято никаких шагов для укрепления обороны восточных или южных границ. Поразительный пример: со времени основания в 1221 году Нижнего Новгорода в месте слияния Оки и Волги не было построено никаких укреплений или крепостей; да и этот город ничего не дал, когда пришло время нашествия, так как

¹⁰⁵ *Комарович В.Л.* Литература Суздальско-Нижегородской земли в XIV в. // История русской литературы. М.–Л., 1945. Т. II. Ч. 1. С. 90; *Русинов Н.Д.* О происхождении текста Лаврентьевской летописи... С. 23; *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л., 1947. С. 283–285.

¹⁰⁶ *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси... С. 116.

¹⁰⁷ *Татищев В.Н.* История Российская. М.–Л., 1964. Т. III. С. 370; Т. IV. С. 227.

татары не пошли вдоль Волги, а ударили глубоко к югу от Нижнего Новгорода в глубь территории Рязанского княжества¹⁰⁸.

Затем Дж. Феннел описывает принятие решения о вторжении монгольских орд в Восточную Европу и как происходило её завоевание.

«Перед началом вторжения на Русь татарские войска разгромили все возможные центры сопротивления к востоку и юго-востоку от русских княжеств... К осени 1237 года у татар уже не оставалось потенциальных врагов к востоку от Владимиро-Суздальского, Муромо-Рязанского, Черниговского и Южно-Переяславского княжества. Ничто не препятствовало началу нашествия в Восточную Европу»¹⁰⁹.

При доказательстве неготовности русских земель к ожидаемому нашествию Дж. Феннел обращался к источниковому материалу, связанному с Северо-Восточной Русью, а значит – с её правителем Георгием Всеволодовичем. Он не помог булгарам, хотя об этом сказано лишь у В.Н. Татищева. Князь непредусмотрительно заложил Нижний Новгород, не снабдив его подобающими укреплениями. Да и этот оплот на устье Оки оказался ненужным. Надо ли говорить, что эти выводы исследователя порождены его ретроспективным взглядом, его осведомленностью о развитии событий, которой не обладали люди 1230-х гг. Скепсис Дж. Феннела в отношении основания Нижнего Новгорода выглядит необоснованным. Город строился как форпост продвижения на восток влияния Владимиро-Суздальского княжества, а не как оборонительный пункт. Даже в этом случае непонятен источник недоумения Дж. Феннела, почему на слиянии Оки и Волги не строились крепости, тогда как Нижний Новгород сам был крепостью и даже выдержал набег мордвы¹¹⁰. Все доводы Дж. Феннела в пользу никчемности и нецелесообразности возведения Нижнего Новгорода были отведены в недавнем исследовании Б.М. Пудалова¹¹¹.

¹⁰⁸ Там же. С. 116.

¹⁰⁹ Там же. С. 116–117.

¹¹⁰ *Кучкин В.А.* Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII–XIV вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974. С. 236–237. Из поздних работ о Нижнем Новгороде как крепости с самого момента основания – см.: *Гусева Т.В.* Городец и Нижний Новгород в свете археологических данных XII–XIII вв. // Проблемы истории и творческое наследие С.И. Архангельского. Тезисы докладов. Нижний Новгород, 1997. С. 83.

¹¹¹ *Пудалов Б.М.* Начальный период истории... С. 184–186, 211.

От рассуждений о неготовности владимирского князя к отражению агрессии Дж. Феннел перешел к выводу, что беззащитными оказались не только Владимирское княжество, но и Рязанское, Черниговское и Переяславское. Так подспудно можно возложить ответственность за это на того же Георгия Всеволодовича. Такое впечатление не может быть компенсировано тем, что на последующих страницах Дж. Феннел оговорил небольшие масштабы влияния владимирского князя:

«В то время не было князя, который бы имел действительное влияние на **все** русские земли. Великий князь владимирский был, наверное, самым могущественным из князей, но его влияние распространялось только на районы, лежавшие в междуречье Волги и Оки, где жили и правили его близкие родственники»¹¹².

Говоря о поведении князя Георгия в период нашествия, Дж. Феннел показал растерянного и заранее проигравшего политического и военного деятеля. Очертив круг достоверных источников по истории нашествия 1237/1238 г., куда вошли ЛЛ, ИЛ и НПЛ, показав особенности их информации¹¹³, британский исследователь начал создавать историческую реконструкцию путем создания мозаичной картины из сведений разных источников. Между тем, в ЛЛ и НПЛ описание нашествия Батыя ограничено зимой 1238 г., то есть временем вторжения в Северо-Восточную Русь, а потому в них ничего не сказано о поведении рязанских князей.

С опорой на НПЛ Дж. Феннел писал, что рязанские князья просили о помощи «своего союзника и фактического сюзерена» владимирского князя Георгия. Констатируя, что помощь не пришла, Дж. Феннел попытался объяснить это «кратчайшими сроками», в которых разворачивались события¹¹⁴. В примечании к этому пассажи Дж. Феннел указал, что та же НПЛ

«... утверждает, что Юрий послал некоего Еремея с передовым отрядом... который под Коломной соединился с рязанским князем Романом Ингваревичем и был разбит татарами».

Затем с опорой на ЛЛ Дж. Феннел добавил, что с Еремеем был сын Георгия Всеволод¹¹⁵. Тем более странно, что, отметив факт посыл-

¹¹² Феннел Дж. Кризис средневековой Руси... С. 126.

¹¹³ Там же. С. 117–118.

¹¹⁴ Там же. С. 118.

¹¹⁵ Там же. С. 133. Прим. 81.

ки рати владимирским князем к Коломне на помощь рязанским князьям, Дж. Феннел продолжил:

«Оставался... отряд под началом брата Юрия Ингваревича Романа, который соединился с силами, посланными с некоторыми запозданием великим князем владимирским Юрием. Русские дружины встретились в Коломне, самом северном городе Рязанского княжества, возле слияния рек Оки и Москвы. Здесь соединенные силы были окружены и разбиты...»¹¹⁶.

То есть на двух соседних страницах мирно ужились две точки зрения на отклик владимирского князя на просьбу рязанцев о помощи: не помог и помог. В последующих рассуждениях о причинах успеха Батыя Дж. Феннел опять повторил мысль, что Рязани никто не помог:

«При всех её тесных связях с Суздальской землей во время правления великого князя Юрия Рязань не получила помощи, когда пришли татары. Не прислал помощи и Чернигов, князья которого были ближайшими родичами рязанских правителей»¹¹⁷.

Опять видим влияние В.Н. Татищева!

Действия князя Георгия, когда враг вступил на его землю, оцениваются Дж. Феннелом так:

«Но Москва на некоторое время задержала татар, что позволило Юрию предпринять единственно возможные, по его мнению, оборонительные меры против захватчиков: он решил уйти из столичного города Владимира. Оставив жену и двух сыновей Всеволода и Мстислава... Юрий... разбил свой лагерь на реке Сить... Вместе с ним были его три племянника, сыновья Константина Василько, Всеволод и Владимир. Призвав своих братьев Ярослава и Святослава, Юрий, очевидно, собирался занять оборонительные позиции с участием всех имевшихся дружин Суздальской земли...»¹¹⁸.

В Примечаниях к этому отрывку Дж. Феннел попытался реконструировать ход событий, приведших Георгия Всеволодовича на Сить:

«Согласно *НИ*, однако, Юрий сначала направился в Ярославль и двинул

¹¹⁶ Там же. С. 119.

¹¹⁷ Там же. С. 126.

¹¹⁸ Там же. С. 119.

оттуда ударный отряд в 3000 человек, который был окружен врагом. Тогда Юрий занял позиции для сражения (вероятно, под Ярославлем), но, когда татары приблизились, бежал к реке Сити»¹¹⁹.

Вызывает ряд вопросов фраза Дж. Феннела, что владимирский князь предпринял единственно возможные действия... по его же мнению. Чьи еще были мнения? Ведь ни они, ни мнение Георгия в должной мере источниками не отражены. Однако такую фразу можно списать на погрешность перевода труда Дж. Феннела.

В рассказе о драматических событиях зимы 1238 г. Дж. Феннел не указал, что Ярослав Всеволодович не пришел к брату на реку Сить, но в выводах реконструкции исследователь иносказательно ведет читателя к мысли, что этот факт отнюдь не случаен:

«Вполне можно допустить, что его старший (вероятно, опечатка, должно быть – младший – А.К.) брат Ярослав из Северного Переяславля не всегда был готов подчиниться его воле: нужно помнить, что его не было в битве на Сити и что еще раньше, в 1229 году, он пытался совершить что-то вроде переворота, направленного против Юрия»¹²⁰.

Стремясь объективно подать читателю картину битвы на Сити, которая скупно отражена в источниках (по мнению Феннела, её описание попало в летописи из личного летописца князя Георгия), британский исследователь обратил внимание на то, что из нескольких князей, бывших с Георгием Всеволодовичем на Сити, погибли двое: сам Георгий и Василько Константинович. Три других князя спаслись. Феннел настаивает на том, что князь Георгий Всеволодович погиб от рук своих:

«на гибель Юрия от рук своих людей указывает не только сообщение об отрубленной голове, но также и новгородский летописец, который... относится к Юрию непочтительно, бросая тень сомнения на обстоятельства его смерти. «На реке Сити... животь свои сконча ту. Бог же весть како скончася: много бо глоголоть о нем инии». Такого рода догадок об исходе битвы на Сити трудно избежать, когда собственный летописец Юрия столь поразительно избегает подробностей: легко предположить, что он пытался скрыть какие-то, возможно неприятные обстоятельства того, что в действительности произошло»¹²¹; «В «Сказании о смерти Василька», как-то неловко включенном в

¹¹⁹ Там же. С. 134. Прим. 85.

¹²⁰ Там же. С. 126.

¹²¹ Там же. С. 120–121.

описание битвы на Сити в *Л*, Василька, в конце концов, погребают вместе с обезглавленным телом Юрия. М.Д. Приселков считал, что, поскольку в ранних русских войнах враги редко отрубали головы, Юрий был предан и убит своими людьми. — См.: *Fennell. The Tale of Death*. p. 36, p. 8.¹²²

Относительно последней цитаты надо отметить, что Дж. Феннел не дал прямой ссылки на труд М.Д. Приселкова. Мысль о том, что владимирский князь на Сити погиб из-за предательства, отсутствует в основных трудах М.Д. Приселкова¹²³. Она является умозрительной и её можно отнести к догадкам (по классификации Я.С. Лурье). Поэтому она не может быть принята так безоговорочно, как это пытается преподнести Дж. Феннел.

§ 6. Нижегородская историография о значении деятельности Георгия Всеволодовича в 1223, 1237/1238 гг.: от апологии через критику к объективной картине

В нижегородской исторической литературе Георгию Всеволодовичу со времени деятельности Нижегородской губернской ученой архивной комиссии посвящено много страниц. Ведь этот князь считается основателем Нижнего Новгорода. В 1991 г. в «Записках краеведов» вышла статья И.А. Кирьянова «Основатель Нижнего Новгорода князь Юрий Всеволодович (Историко-биографический очерк)»¹²⁴. Данная работа стала откликом на появившуюся в горьковской периодике догадку, согласно которой основателем Нижнего Новгорода надо считать Василька Константиновича¹²⁵. Автором догадки сознательно принижал-

¹²² Там же. С 134. Прим. 90.

¹²³ *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 38, 114, 132, 135–146; *Он же.* Троицкая летопись (Реконструкция текста). СПб., 2002. Только этот труд М.Д. Приселкова помещен в Список литературы, цитируемой в книге Дж. Феннела — см.: *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси... С. 288; в труде: *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003 — князь Юрий (Георгий) Всеволодович вообще не упоминается.

¹²⁴ *Кирьянов И.А.* Основатель Нижнего Новгорода князь Юрий Всеволодович (Историко-биографический очерк) // *Записки краеведов*. Нижний Новгород, 1991. С. 179–187.

¹²⁵ *Кирьянов И.А.* Основатель Нижнего Новгорода... С. 187. Данная догадка, автором которой является исследователь Н.Ф. Филатов, была обнародована в газете: *Горьковский рабочий*. 1989. 25 августа.

ся образ Георгия Всеволодовича. Поэтому И.А. Кирьянов попытался его реабилитировать. Ключевыми моментами для шельмования или реабилитации Георгия Всеволодовича являются вопросы о его поведении и действиях в 1223 г. и в 1237–1238 гг.

О событиях 1223 г. И.А. Кирьянов повествует, повторяя расхожие в историографии мнения:

«Силы Владимиро-Суздальской земли не участвовали в этом сражении. Юрий Всеволодович в ответ на призыв о помощи ограничился посылкой небольшого войска во главе с племянником Васильком Константиновичем. Но он к выступлению русских войск из Киева в степь опоздал. « Не утяну Василько прити к ним в Русь», – сообщает летописец. И, не понимая страшной сути происшедшего, радуется, что Василько сохранен богом. Первое вторжение монголо-татар на территорию Восточной Европы было кратковременным. Но битва на Калке оставила память о татаро-монголах как о сильном, жестоком и кровавом враге. На Владимиро-Суздальской Руси она сказалась лишь перерывом в торговых связях по волжскому пути. Надо полагать, что через некоторое время во Владимире распространилась весть о трагической судьбе народов Средней Азии, покоренных»¹²⁶.

На чем зиждется мысль о прерывании торговых связей по Волге, остается непонятным.

В рассуждениях о событиях зимы 1237/1238 гг. И.А. Кирьянов оперся на сведения ЛЛ. Поэтому он доверился мысли об отказе Георгия помочь Рязани, чтобы самому сотворить особую брань. Отстаивая положительный образ князя в событиях 1237/1238 гг., Кирьянов отверг идею о недалёковидных действиях князя и предательстве им общерусских интересов. Исследователь настаивает, что тогда не было общерусских интересов, а Георгий Всеволодович, являясь человеком своего времени, не мог защищать и отстаивать то, чего не было¹²⁷.

Решение об особой брани Кирьянов объясняет необходимостью сконцентрировать силы, в которых важную роль играл отряд новгородцев под командованием Еремея Глебовича. Под новгородцами И.А. Кирьянов предложил увидеть нижегородцев¹²⁸. В данном случае И.А. Кирьянов не учел замечания А.Г. Кузьмина, что «новгородцы» по-

¹²⁶ Кирьянов И.А. Основатель Нижнего Новгорода... С. 184.

¹²⁷ Там же. С. 184.

¹²⁸ Там же. С. 185.

явились как результат ошибки переписчика¹²⁹. Битву под Коломной, где приняли участие силы рязанцев, И.А. Кирьянов предложил рассматривать как генеральное сражение за Владимиро-Суздальскую землю¹³⁰. По мнению И.А. Кирьянова, Георгий ушел на Сить, так как понадеялся на укрепления Суздаля и Владимира и возможность прийти на помощь с собранными силами. Тем более на Сити Георгий ждал подхода братьев Ярослава и Святослава. Из них подошел лишь последний. Указывает И.А. Кирьянов еще на одну летописную запись (ПСРЛ. Т. 37, 1982. С. 164): «Того же лета ... Ярослав прииде из Новагорода из Нижняго в Суздаль» (1238). Трактовка записи такова:

«За отсутствием дашьх можно лишь гадать, почему Ярослав, не придя на помощь старшему брату, оказался в Нижнем Новгороде вместе со своими сыновьями. Не исключена связь этого сообщения со страшным разгромом Городца, о котором хорошо известно не только по летописям, но и по данным археологии. Но гадать – занятие неблагоприятное для историка»¹³¹.

В разделе книги А.А. Горского «Всею еси исполнена земля русская...», посвященном Александру Невскому, есть подобное наблюдение, касающееся оценки в историографии роли Георгия Всеволодовича в 1238 г. А.А. Горский обратил внимание не на поведение владимирского князя, а на отношение к нему брата Ярослава в связи с появившейся

¹²⁹ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 159. В 2004 г. в Нижнем Новгороде вышло исследование, где также было указано на источник ошибочного суждения о новгородцах (нижегородцах), якобы принимавших участие в битве под Коломной: «... эти новгородцы» – ошибка переписчика Московско-Академической летописи, который не понял и искажил уже вышедшее из употребления к XVI в. отчество князя Романа – Ингваревич (вариант «Ингворович»). Вместо «князь Романъ и Новгородци съ своими вои» здесь должно читаться «князь Романъ Ингвгоровичъ съ своими вои» – именно такое чтение сохранилось в Софийской I (протографе Московско-Академической). Поэтому рассуждения И.А. Кирьянова о гибели под Коломной нижегородского полка ошибочны, как ошибочно и все предложенное им объяснение причин отсутствия защитников и быстрой сдачи Нижнего Новгорода – см.: Пудалов Б.М. Русские земли Среднего Поволжья (вторая треть XIII – первая треть XIV в.). Нижний Новгород, 2004. С. 55.

¹³⁰ Кирьянов И.А. Основатель Нижнего Новгорода... С. 185.

¹³¹ Там же. С. 186.

версией измены последнего (в общих чертах эту версию можно уже видеть в трудах Дж. Феннела и И.А. Кирьянова). В примечаниях А.А. Горский справедливо отводит эту версию:

«Тенденция к «развенчанию» Александра Невского оказалась настолько заразной, что один автор дошел до предположения о стоворе Александра и его отца Ярослава с Батыем во время нашествия последнего на Северо-Восточную Русь в 1238 г.; в результате этого года Александр и Ярослав не пришли на помощь Юрию Всеволодовичу на р. Сить, а Батый не двинулся на Новгород; якобы в пользу такой «версии» говорят «последующее восшествие на владимирский престол Ярослава, его особые дружеские отношения с Батыем, как и вовлечение Александра Невского в орбиту личных отношений с владыкой Орды (Сахаров А.И. Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века // История внешней политики России. Конец XV–XVII вв. М., 1990. С. 77). Но в 1238 г. Ярослав вступил на престол согласно древнерусским нормам наследования как следующий за погибшим Юрием по старшинству сын Всеволода Большое Гнездо, а к Батыю он впервые съездил пять лет спустя, в 1243 г., и только тогда получил ярлык на великое княжение владимирское из рук хана. Александр же отправится в Орду только в 1248 г., после смерти своего отца (и позже других сильнейших русских князей)»¹³².

Дополнительное «алиби» для Ярослава Всеволодовича нашел Б.М. Пудалов. Он, полемизируя с И.А. Кирьяновым, указал на то, что пользоваться исключительно Вологодской летописью в данном случае нельзя. А ведь именно с опорой на её путаные сведения И.А. Кирьянов выстроил аргументацию об отказе Ярослава Всеволодовича помочь брату Георгию зимой 1238 г. Б.М. Пудалов, соотнеся данные Вологодского летописца со сведениями более ранних и более достоверных источников (ИЛ, ЛЛ, Софийская I летописи)¹³³, пришел к выводу:

«Таким образом, становится очевидной недостоверность известия о приходе Ярослава из Нижнего Новгорода в Суздаль, которое нарушает последовательность передвижений князя... Достоверные известия Ипатьевской, Лаврентьевской и Софийской I летописей о пребы-

¹³² Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская...»: Личность и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001. С. 72.

¹³³ Пудалов Б.М. Русские земли Среднего Поволжья... С. 74–76.

вании Ярослава Всеволодовича с полками в южной Руси (а отнюдь не в Нижнем Новгороде!) удовлетворительно объясняют его отсутствие в стане на Сити»¹³⁴.

Как указано выше, статья И.А. Кирьянова стала откликом на появление догадки Н.Ф. Филатова о том, что основателем Нижнего Новгорода является не великий владимирский князь Георгий Всеволодович, а ростовский князь Василько Константинович¹³⁵. Приговор в несостоятельности данной догадки, построенной на некорректном использовании данных Холмолгорской летописи, вынес известный специалист в области нижегородских древностей В.А. Кучкин¹³⁶. Несмотря на это, надо обратить внимание на один аргумент Н.Ф. Филатова, утверждавшего приоритет Василька Константиновича в деле основания Нижнего Новгорода: неприглядный с моральной и политической точек зрения облик Георгия Всеволодовича. В дискредитации князя важную роль играет тенденциозная интерпретация отдельных сведений источников о битве на Калке и борьбе с ордами Батыея зимой 1237/38 гг. В этой интерпретации сконцентрировалось все негативное отношение к Георгию Всеволодовичу, имеющееся в историографии. Князь объявлен Н.Ф. Филатовым главным виновником поражения Руси в ходе татаро-монгольского нашествия. По мнению автора догадки,

«Нашествие монголо-татар потребовало консолидации сил всех русских земель, главенство в которых принадлежало великому Владими-

¹³⁴ Там же. С. 75–76.

¹³⁵ Начиная с 1989 г. статьи Н.Ф. Филатова о том, что основатель Нижнего Новгорода – Василько Константинович, появлялись в горьковских (нижегородских) газетах до 2003 г. Перечислять их нет смысла, как и анализировать их критику в периодической печати со стороны И.А. Кирьянова, Ю.Г. Галая, В.П. Макарихина, Б.М. Пудалова, А.А. Кузнецова. Уместно указать на книги Н.Ф. Филатова, где выдвигается данная догадка: *Филатов Н.Ф. От укрепленного «городка» на устье Оки до Нижнего Новгорода. Юрий Всеволодович. Василько Константинович // Нижегородский край: факты, события, люди. Нижний Новгород, 1997. С. 24–27; Он же. Нижегородский край в русском летописании. Нижний Новгород, 2003. С. 7, 10–21, 44. Эти книги сконцентрировали основные положения догадки Н.Ф. Филатова. На слабые места в их источниковедческих интерпретациях и логических построениях будет указано в данной главе.*

¹³⁶ *Кучкин В.А. Основание Нижнего Новгорода // Нижегородский кремль. К 500-летию... С. 83.*

ро-Суздадьскому княжеству. Однако когда рязанский князь обратился к Юрию Всеволодовичу с просьбой выступить совместно против общего врага, великий князь ему в помощи отказал, заявив, что «особ сотворити хоте с ним (Батыем. – Н.Ф.) брань. И татарове начаша воевати землю Рязанскую»¹³⁷; «При нападении монголо-татар на Русь её верховный правитель князь Юрий Всеволодович проявил полную бездарность и беспомощность. На просьбу о помощи первым встречавшего их рязанского князя Юрия Ингваревича владимирский князь ответил отказом, хотя «особ сотворити» с полчищами Батья брань»¹³⁸.

Летописи, однако, свидетельствуют об ином. В источниках нет подтверждений тому, что Георгий Всеволодович был верховным правителем Руси. Он был не единственным великим князем (достаточно вспомнить киевского великого князя) и уже в силу этого не мог консолидировать все русские земли для противостояния завоевателям. В условиях раздробленности нельзя было поставить под свой стяг черниговских, смоленских, галицко-волинских Рюриковичей, из которых многие были претендентами на киевский великокняжеский стол и смотрели на владимирского князя как на равного себе. Подчинение ему для борьбы с общим врагом было невозможно без ущемления собственного статуса. В книге Н.Ф. Филатова о нижегородском крае в летописании не указаны летописные известия об отказе рязанцам в помощи со стороны владимирского князя. Если Георгий Всеволодович в 1238 г., по мнению Н.Ф. Филатова, проявил бездарность, то кто из Рюриковичей тогда проявил одаренность и всемогущество в борьбе с татарами? Рязанские князья пали, Георгий Всеволодович и его дети, Василько Константинович погибли, Михаил Всеволодович Черниговский при приближении татар убежал в Западную Европу (позднее казнен в Орде, куда явился после возвращения на Русь), Киев защищался без князя... Мужество, героизм и самопожертвование были проявлены (иногда и несвоевременно) всеми погибшими князьями. Евпатий Коловрат (не князь), который стал для профессора Н.Ф. Филатова образцом ратного поведения¹³⁹, – не в счет, так как на страницах русских летописей этот персонаж не упоминается. Сказание о нем возникло после установления ордынского ига. Так что принято считать этого героя литературным

¹³⁷ Филатов Н. Ф. От укрепленного городка... С. 25–27.

¹³⁸ Филатов Н. Ф. Нижегородский край в русском... С. 17–18.

¹³⁹ Там же. С. 18.

персонажем, а обратное не доказано. Непонятно, откуда в книге взяты сведения о командовании рязанца Коловрата отрядом черниговцев. Он уехал из Чернигова с малой дружиной (но это не значит, что в нее входили черниговцы; вероятно, он и приехал в Чернигов с этой малой дружиной), собрал отряд в разоренной Рязанской земле, в плену его воины называли себя слугами рязанского князя¹⁴⁰.

Подобно многим исследователям XX в., Н.Ф. Филатов выборочно пользовался источниками при освещении событий зимы 1237/38 гг. и показе роли в них великого владимирского князя. Главное место отводится НПЛ, «разбавленной» известиями Холмогорской летописи, Нижегородского летописца, Супрасльской летописи и иногда ЛЛ¹⁴¹. Чем был определен такой набор источников, осталось неясным. Ведь в историографии давно определен перечень летописей, чьи сведения в первую очередь должны привлекаться для изучения событий зимы 1237/38 гг.: НПЛ, ЛЛ и ИЛ. Преимущественное использование НПЛ ведет к «перекосам» в объективном подходе к роли великого владимирского князя.

В издании «Нижегородский край: факты, события, люди...» в биографии Василька Константиновича представлена попытка создать из него главного борца с монголами во Владимирской земле. Именно Василько ходил на Калку в 1223 г.; в 1238 г. только ростовский полк, якобы, был опорой Георгия Всеволодовича, а потому и был разбит Бурундаем на Сити. В последней работе Н.Ф. Филатова этот образ усиливается за счет попытки дальнейшей дискредитации Георгия Всеволодовича.

«Последние минуты жизни Юрий Всеволодович, по словам летописца, провел в отчаянных стенаниях и в плаче. Совершенно иначе вел себя ростовский князь Василько Константинович, попавший в ходе битвы на Сити в плен к монголо-татарам»¹⁴².

О плаче, о стенаниях князя сообщают лишь поздние летописи, связывая это с получением им вести о гибели своей семьи, детей и внуков, но и в них нет слов о растерянности. Не умаляя мужества Василька Константиновича, нужно отметить, что приведенные в книге сведения летописей о битве на Сити указывают, что «Василька Константиновича руками яша» (по той же часто цитируемой Н.Ф. Филатовым Холмогор-

¹⁴⁰ Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997. С. 146, 147.

¹⁴¹ Филатов Н.Ф. Нижегородский край в русском... С. 17–19.

¹⁴² Там же. С. 18.

ской летописи¹⁴³) в то время, когда Георгий Всеволодович сложил голову в бою. О плаче и стенаниях Георгия Всеволодовича упоминается в Китежском летописце, перепечатанном в книге Н.Ф. Филатова, но это выражение эмоций связано не с ожиданием битвы и гибели, а с получением князем известий, что взят Владимир и погибла его семья. Затем в источнике сообщается о битве на Сити, где дядя и племянник мужественно погибли¹⁴⁴.

Подобные попытки выборочного подхода к летописным известиям, их искажения и передергивания с целью очернить Георгия Всеволодовича вызывают человеческий протест. С источниковедческой точки зрения они также обречены на неудачу. Попытки извлечь из летописей отдельные сведения и создать из них психологически неприглядный облик князя XII–XIII вв. безнадежны, если он с самого начала не представлен отрицательным персонажем. В то время в восприятии и отображении действительности в произведениях искусства господствовал стиль монументального историзма. Он проявлялся в летописях следующим образом:

«Рассматривая характеристики князей в летописи, мы легко заметим, что они сотканы не столько из психологических, сколько из политических понятий. Не характер князя отражен в его характеристике, а его деятельность, его поведение, его политическое лицо... Летописец оценивает не психологию князя, а его поведение, при этом поведение *политическое* в первую очередь... Доброму князю сопутствует добрая слава, дурному – дурная... Летописец никогда не вступает в интимное общение с героем своего повествования, не входит в психологическое объяснение его поступков...»¹⁴⁵.

Если современники не искали психологического объяснения поведению героев летописей, то в наше время это делать вообще бесполезно. Нельзя искать в источниках того, чего в них нет. Мы должны принимать героев повествования XII–XIII вв. так, как они изображены в летописях. В них великому князю владимирскому Георгию Всеволодовичу, ростовскому князю Василию (Васильку) Константиновичу воздаст-

¹⁴³ Там же. С. 19.

¹⁴⁴ Там же. С. 21.

¹⁴⁵ Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д.С. Избранные работы в трех томах. Т. 3. Л., 1987. С. 63–64.

ся добрая слава. Нельзя покушаться на нее, не неся моральной ответственности перед памятью самих князей и их описателей.

Против такого категоричного суждения выступил Б.М. Пудалов:

«Конечно, о составлении психологического портрета князя по летописным источникам не может быть и речи: поведение князя в тот или иной момент жизни описывается устойчивыми «этикетными» формулами, так что это описание вряд ли соответствует реальному поведению... Формируя образ с помощью средств литературного этикета (ибо человеческий характер во всей его сложности и противоречивости еще не был открыт), древнерусский летописец-современник точно фиксировал, а сводчики и редакторы XIV–XV вв. старательно воспроизводили события и деяния князей. Именно это обстоятельство и создает предпосылки для понимания личности великого князя Юрия Всеволодовича через свидетельства о его родительской и собственной семье, о взаимоотношениях с князьями-родичами, о его военных походах, внешне- и внутривполитических действиях»¹⁴⁶.

Воспринимая эту критику, хочется сказать, что Н.Ф. Филатов рассуждал не о реконструкции характера, психологического облика деятеля по данным русских летописей, а о психологической мотивации и мотивации с точки зрения современной целесообразности. Действительно, говорить о мотивации, в том числе и психологической, применительно к деятелям Древней Руси практически невозможно. Исключениями здесь являются фигуры Владимира Мономаха, Андрея Боголюбского и Ярослава Осмомысла: Первый оставил «Поучение», в котором выразился его внутренний мир. Андрей Боголюбский в своих действиях «выламывался» из общего ряда князей. Галицкий князь совершал поступки (открытая супружеская измена, изгнание жены и сына), которые не вписывались в рамки «литературного этикета».

Георгий Всеволодович, как и большинство Рюриковичей домонгольской Руси, не входит в число таких исключений, а потому в отношении его должна действовать презумпция правоты источника. Исходя именно из данных источника, надо выстраивать гипотезы, а не додумывать сведения и реалии, которые, в конечном счёте, будут умножать сущности. Уязвимым местом в рассуждениях Б.М. Пудалова, опирающегося на авторитетные строки о «литературном этикете» Д.С. Лихачева, является допущение, что человек Древней Руси и современный человек тождественны в своей психологии и мотивации:

¹⁴⁶ Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших... С. 167–168.

«...постановка вопроса об особом характере средневекового мышления вообще неправомерна: мышление у человека во все века было в целом тем же»¹⁴⁷.

На это обстоятельство несколько раз указывалось в критике, со ссылками на Л. Леви-Брюля и К.Г. Юнга, некоторых идей Д.С. Лихачева:

«Подобная точка зрения «устарела» почти на столетие... Для предшествующих обществ... характерно совсем иное мышление... С современной точки зрения такое мышление не имеет логики, но ощущается вполне логичным для своего времени... Наверно, поэтому психологи напрямую связывают развитие мышления с развитием языка. Сначала слова предельно конкретны, употребляются преимущественно в качестве *и.п.п. собственных*. На втором этапе развития языка осуществляется переход к *обозначению* словами целых классов явлений. В дальнейшем же слово превращается в орудие или средство выработки *понятий* и тем самым терминологизируется... Древнерусские тексты, судя по всему, могут быть с полным основанием отнесены ко второму из названных этапов развития языка...»¹⁴⁸.

Вопрос, на наш взгляд, до сих пор не решен. Выбор решения больше зависит от интуиции исследователя, нежели от логической аргументации. Однако если даже признавать правоту Д.С. Лихачева, то все равно принятие решений людьми разных эпох обусловлено их менталитетом. На этом настаивает А.Я. Гуревич¹⁴⁹. Он тоже пишет об учете изменения психологии людей прошлого, но под психологией подразумевает не психофизиологические процессы, а историческую обусловленность мировосприятия. Историческая обусловленность присутствовала и в развитии литературного процесса. А потому все-таки нужно принять тезис, что тексты источников обусловлены менталитетом каждой эпохи. Автором тезиса был Д.С. Лихачев, отрицавший изменчивость психологии *homo sapiens* в истории. Видимо, все дело упиралось в недоговоренность того, что понималось каждым исследователем под термином «психология».

¹⁴⁷ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 68.

¹⁴⁸ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (XI–XII вв.): Курс лекций. М. 2001. С. 8–10.

¹⁴⁹ Гуревич А.Я. Социальная психология и история. Источниковедческий аспект // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969: С. 384–385.

Восстановление менталитета делается по данным источников, как можно более приближенным к описываемой в них эпохе. Этого не приходится говорить относительно основных источников по истории Батыева нашествия зимой 1237/38 гг. Они создавались несколько позднее описываемой эпохи, и их авторы не просто передавали информацию, а осмыслили её применительно к потребностям своего времени. Например, в тексте о Батыевом нашествии НПЛ, созданном в середине XIII – первой половине XIV вв.¹⁵⁰, выражена мысль о необходимости принятия «Божней кары», борьба с монголами «воспринималась как заранее обреченное дело и не могла стать «эталонном» поведения христианина»¹⁵¹. Поэтому нужно настаивать на невозможности в большинстве случаев доказательно говорить о психологической мотивации действий и поступков великого владимирского князя Георгия Всеволодовича в моменты борьбы с татаро-монголами.

Еще одним способом решения вопросов выставления оценок историческим событиям и деятелям является внимательное обращение с источниковой информацией, без пренебрежения деталями, особенностями происхождения и бытования источников. По сути, должна действовать презумпция правоты источников. Это требование актуально для той ситуации, которая сложилась в историографии раздробленной Руси XII–XIII вв. Отношение историков XX в. к фигуре Георгия Всеволодовича – типичный пример. Поэтому, признавая правоту Б.М. Пудалова в результатах исследования, необходимо указать на большую осторожность использования в аргументации понятия «литературный этикет».

¹⁵⁰ Комарович В.Л. Литература Суздальско-Нижегородской земли в XIV в. // История русской литературы. М.–Л., 1945. Т. II. Ч. 1. С. 75. В.А. Кучкин относит складывание рассказа о татаро-монгольском нашествии в НПЛ к 1270-м гг. (см. ниже в этой главе), что не противоречит выводам, которые делают исследователи, исходя из исследований В.Л. Комаровича.

¹⁵¹ Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001. С. 180. Сам И.Н. Данилевский строит свой вывод на базе исследований В.Н. Рудакова об отображении монголо-татарского нашествия в древнерусской литературе середины XIII–XIV вв.

§ 7. Отношение историков рубежа XX–XXI вв. к событиям
1223 г., 1237/1238 гг.

Интересной работой является курс лекций И.Н. Данилевского, посвященный особенностям восприятия событий русской средневековой истории современниками и историками. При этом упор в данном сочинении сделан на особенностях источниковой информации, особенностях её смысловой передачи. О роли князя Георгия Всеволодовича в событиях 1223 г. И.Н. Данилевский не пишет¹⁵². В подобном ключе написаны лекции, посвященные Батыеву нашествию в 1237–1238 гг.¹⁵³. Несмотря на это, семиотические, источниковедческие выкладки и историографические замечания представляют определенный интерес при условии учета критики в адрес И.Н. Данилевского.

Как курьез надо рассматривать высказывание В.Я. Петрухина:

«И когда «иноплеменники» – безбожные татарове – пришли в Рязанскую землю в 1237 г., «и послаша же князи Рязанстии ко князю Юрию Володимерьскому просячи себе помочи или самому пойти, князь же Юрьи сам не идее, не послуша князь Рязаньских молбы, но хоте сам особь брань створити» – так Лаврентьевская летопись попрекает Юрия, вторя Новгородской (НПЛ. С. 74–76).¹⁵⁴

Суть недоразумения заключается в том, что В.Я. Петрухин, полагая, что цитирует ЛЛ, ошибся. Он привел слова из МАК, помещенной в том же томе ПСРЛ, что и ЛЛ¹⁵⁵. Однако это заблуждение не столь безобидно, поскольку В.Я. Петрухин, думая, что создает объективную картину, соединяя сведения ЛЛ и НПЛ, воспроизводит новгородскую версию. Ведь к ней через СЛЛ восходит МАК. Этой версии В.Я. Петрухин передает и собственное настроение:

«Расплата, в описании Новгородской летописи, не заставила себя ждать: татары взяли и Владимир, а оставивший город князь Юрий “не успев ничтоже, побеже; и бы на реце Сити, и постигоша и, и живот свой сконча ту. Бог же весть, како скончася: много бо глаголют о нем инии”»¹⁵⁶.

¹⁵² Данилевский И.Н. Русские земли глазами... С. 95–132.

¹⁵³ Там же. С. 133–180.

¹⁵⁴ Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ... С. 232–233.

¹⁵⁵ Суздальско-Академическая летопись (далее – МАК). Стб. 514–515.

¹⁵⁶ Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ... С. 233.

Так В.Я. Петрухин «воздал» Георгию Всеволодовичу, отказавшему в помощи Рязани. Надо ли напоминать о битве под Коломной, антипатии новгородского летописца к Георгию Всеволодовичу.

Общие ошибки проявились и в популярном труде Е.В. Пчелова. По отношению Георгия Всеволодовича к Калке сказано следующее:

«Однако владимирский князь Юрий Всеволодович, сын Всеволода Большое Гнездо, не принял участия в походе»¹⁵⁷.

В этой фразе угадывается интерпретация сведения ИЛ.

Относительно нападения орд Батыя на Рязань характерна фраза:

«Князь Юрий Ингваревич просил помощи у владимирского и черниговского князей, но они отказали»¹⁵⁸.

Как было показано выше, эта мысль восходит к трудам В.Н. Татищева и нигде более не находит подтверждения. Ничего Е.В. Пчелов не сказал о сражении у Коломны. А вот картина битвы на Сити изложена в согласовании с источниками, за исключением слов о большом размере войска Георгия Всеволодовича:

«Великий владимирский князь Юрий Всеволодович тем временем собрал большое войско и сразился с монголами на реке Сити 4 марта 1238 года. В кровопролитной схватке погиб и он сам, и большинство воинов. Далее монголы захватили и сожгли Суздаль, Коломну, Москву и множество других русских городов»¹⁵⁹.

В соответствии с источниками выводы относительно битвы под Коломной зимой 1238 г. представлены в монографии А.Б. Мазурова, обобщающей результаты комплексных исследований регионального аспекта становления Российского централизованного государства на примере истории средневековой Коломны¹⁶⁰. Именно комплексные исследования имеют перспективу в деле разрешения спорных моментов отечественной истории. И пусть автора интересовала судьба Коломны в годину монгольского нашествия, он дал полноценное исследование, из которого можно почерпнуть сведения о действиях и роли Георгия Все-

¹⁵⁷ Пчелов Е.В. Рюриковичи. История династии. М., 2003. С. 130.

¹⁵⁸ Там же. С. 133.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001.

володовича зимой 1237/38 г. Взгляд на события 1237/38 г.¹⁶¹ обусловлен решением вопроса о владельческой принадлежности Коломны во второй половине XII – первой трети XIII вв.¹⁶² Решение этого вопроса таково: на протяжении указываемого периода Коломна являлась уделом Рязанского княжества.

«В литературе высказана точка зрения о том, что Коломна «неоднократно переходила из рук в руки» – от Рязани к Владимиру и обратно. Однако этот тезис не находит никакого подтверждения в источниках»¹⁶³.

Этот вывод важен, поскольку с Коломной связана посылка владимирским князем Георгием Всеволодовичем рати, которая билась вместе с рязанцами против войска Батыея. Тем самым А.Б. Мазуров опровергает расхожую в отечественной историографии идею, что владимирский князь отказался помочь Рязани, когда над ней нависла угроза.

А.Б. Мазуров подобрал и оговорил необходимый круг источников, репрезентативный и корректный для реконструкции битвы под Коломной: ЛЛ, НПЛ, ИЛ, также Софийская первая летопись (далее – СЛ), Суздальско-Академическая летопись, «Повесть о разорении Рязани Батыеем», «Сборник летописей» Рашид-ад-Дина, «История Российская» В.Н. Татищева. Главную роль в исследовании А.Б. Мазурова играют НПЛ и ИЛ. ЛЛ лишь привлекается для подтверждения конкретных моментов. Например, ЛЛ вместе с ИЛ и МАК свидетельствуют в пользу того, что именно Всеволод Георгиевич возглавлял владимирскую дружину, о чем умалчивает НПЛ¹⁶⁴. Незначительное внимание А.Б. Мазурова к ЛЛ можно объяснить тем, что она скупа на сведения относительно коломенского эпизода Батыева нашествия. Характерной чертой исследования данного вопроса у А.Б. Мазурова, является то, что он не использует всеядно упомянутые источники. Применительно к НПЛ и ИЛ он проверяет достоверность каждого уникального сведения, обращаясь к трудам летописцев. Тем самым он отбирает для реконструкции те факты, сведения о которых наиболее приближены к изучаемому времени и достоверность которых оговорена.

¹⁶¹ Мазуров А. Б. Средневековая Коломна... С. 47–58.

¹⁶² Там же. С. 36–58.

¹⁶³ Там же. С. 57–58.

¹⁶⁴ Там же. С. 50.

А.Б. Мазуров начинает рассказ о Коломенской битве появлением монголов на границах Рязанского княжества, обращением за помощью во Владимир и Чернигов. Но помощи не последовало, поскольку с опорой на НПЛ указывается, что Георгий Всеволодович помощи не дал¹⁶⁵. На фоне этого расхожего мнения удивляет молчание о судьбе посольства в Чернигов. В данном случае мы опять имеем дело со сведениями, восходящими к «Повести о разорении Рязани Батыем» и труду В.Н. Татищева. В какой-то мере это является данью историографии в работе А.Б. Мазурова, но когда дело касается интерпретации конкретных источниковых сведений, то его корректный анализ перекрывает этот историографический фон. После указания целого ряда неувязок в сведениях о битве под Коломной и связанной с ними разноголосицей мнений историков¹⁶⁶, А.Б. Мазуров предлагает убедительное решение:

«Таким образом, даже учитывая древность летописей, приходится констатировать, что ни одна из них не дает полной доброкачественной информации о сражении под Коломной... Очевидно, исследователю остается пойти по пути соединения всех летописных источников, не обнаруживая в каком-либо одном из них истину в последней инстанции»¹⁶⁷.

Прием компиляции для реконструкции событий зимы 1237/1238 гг. является сложным, поскольку основные летописные сведения о нашествии Батые восходят к произведениям, написанным продолжительное время спустя после катастрофы 1237–1242 гг., и во многом являются её историчесофско-религиозным осмыслением¹⁶⁸. Из такого сложного, неоднородного материала А.Б. Мазуров извлек необходимую информацию:

«Таким образом, центральной фигурой и инициатором сражения под Коломной следует считать все же рязанского князя Романа Ингваревича. Очевидно, к 1237/1238 гг. он и владел Коломной, обороняя её.

¹⁶⁵ Там же. С. 47.

¹⁶⁶ Там же. С. 47–50.

¹⁶⁷ Там же. С. 50–51.

¹⁶⁸ В данном выводе мы присоединяемся к точке зрения И.Н. Данилевского: *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами... С. 133–139, 163, 169, 179–180. При этом необходимо подчеркнуть, что в курсе лекции И.Н. Данилевский в сжатом виде представил результаты исследований других ученых. Интерпретация им этих результатов не всегда представляется объективной, но, тем не менее, к данному выводу нужно присоединиться.

«Если принять во внимание и то обстоятельство, что во Владимир удобнее всего было послать высокого посла – князя, из географически наиболее близкого к Рязанской земле центра (Коломны), то все становится на свои места. Владимирская дружина в сражении под Коломной играла, судя по всему, подчиненную роль... Развязка наступила недалеко от стен городской цитадели... Погибли Роман Ингваревич и воевода Еремей...»¹⁶⁹

Относительно Романа Ингваревича А.Б. Мазуров повторил распространенную ошибку, источниковые корни которой показали А.Г. Кузьмин и Б.М. Пудалов¹⁷⁰. Согласно А.Б. Мазурову,

«...летописи говорят об участии в битве новгородцев... но это явно тенденциозное сообщение должно использоваться очень осторожно (некоторые ученые предполагают, что речь идет о нижегородцах)»¹⁷¹.

Мысль о неправильном прочтении отчества рязанского князя Романа снимает поспешные суждения о тенденциозности сообщения. Зато А.Б. Мазуров профессионально использовал отчество князя Романа в критике А.Г. Кузьмина, отождествлявшего, как было указано выше, Романа Ингваревича и Глеба Ингваревича, о котором сообщается только в «Повести о разорении Рязани Батыем». При этом А.Б. Мазуров пытался отвергнуть распространенную в историографии идею о легендарности князя Глеба. Лавируя между этими двумя полюсами мнений, А.Б. Мазуров попытался дать альтернативное решение вопроса об идентификации Глеба Ингваревича.

«В последнем источнике («Повесть о разорении Рязани Батыем» – А.К.) в числе князей, участвовавших в полевой битве с монголами... упомянут Глеб Ингваревич Коломенский. Обычно исследователи, констатируя сомнительность использования «Повести» в качестве источника по генеалогии, отмечали легендарность этого персонажа. Однако в свете приведенных выше, несомненно, достоверных данных о существовании Коломенского удела в последней четверти XII в. должна быть пересмотрена и подобная оценка. Многие историки... признавали существование такого князя и включали его даже в генеалогии-

¹⁶⁹ Мазуров А.Б. Средневековая Коломна... С. 52–53.

¹⁷⁰ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 159; Пудалов Б.М. Русские земли Среднего Поволжья... С. 54–55.

¹⁷¹ Мазуров А.Б. Средневековая Коломна... С. 52.

ческие таблицы рязанских князей... А.Г. Кузьмин предполагал, что под Глебом Коломенским на самом деле скрывается Роман Ингваревич... Коломенским уделом в 1235–1237 гг. действительно владел Роман. Но смешивать его с Глебом Ингваревичем нет необходимости... Как удалось показать нам, в окончательном составе Цикл повестей о перенесении чудотворного образа Николы Заразского (в состав которого входит «Повесть о разорении Рязани Батыем») был оформлен в Коломне в 1517 г... Не исключено, что появление Глеба Коломенского (и эпизода с Евпатием Коловратом) в тексте местного происхождения отражает какие-то городские предания о событиях XIII века. Возможно, он даже владел Коломной в послемонгольское время. Крайняя скудость летописного материала о состоянии Рязанского княжества в послемонгольском XIII в. допускает тут только предположительные трактовки. Надо приять во внимание совпадение его отчества с отчеством Романа Ингваревича и послемонгольского князя Рязани Ингваря Ингваревича... Можно думать, что Глеб Ингваревич Коломенский – неизвестный летописям младший сын Ингваря Ингваревича или его брат. В таком случае... Глеб Ингваревич Коломенский жил после 1237/38 гг. и владел Коломенским уделом...¹⁷².

Эти рассуждения делают шаткими позиции А.Г. Кузьмина относительно мотивации в оказании помощи Коломне владимирским князем Георгием Всеволодовичем. В случае верности умозаключений А.Б. Мазурова говорить о защите владимирским князем своего вассала зимой 1237/38 г. не приходится. Нельзя полностью принять допущения А.Б. Мазурова в силу их гипотетичности, но они «весят больше» догадки А.Г. Кузьмина. Поэтому можно лишь констатировать факт отправки владимирским князем Георгием рати в Рязанскую землю для борьбы с ордами Батая.

До сего времени отсутствует полная научная биография великого владимирского князя Георгия Всеволодовича¹⁷³ с обсуждением всех

¹⁷² Там же. С. 54–55.

¹⁷³ К сожалению, биографией нельзя признать беллетризованное повествование по летописным источникам: *Макарихин В.П.* Новгород земли Низовской (Повествование об основателе Нижнего Новгорода великом князе Юрии Всеволодовиче). Нижний Новгород, 1994. В нем отсутствуют анализ источников и историографии, справочный аппарат, библиография, что является формальным показателем научного исследования, «хотя научная основа работы сомнений не вызывает» (*Пудалов Б.М.* Началь-

спорных и порой щекотливых моментов, в том числе, и излюбленных историографических сюжетов 1223 г., зимы 1237/38 г. Положение несколько выправило появление двух монографий Б.М. Пудалова¹⁷⁴. В первой из них, изучая раннюю историю Нижнего Новгорода, Б.М. Пудалов соотнес биографию основателя города с решением князем политических и экономических задач княжества на востоке Волго-Окского междуречья. Во второй книге много внимания было уделено действиям Георгия Всеволодовича зимой 1237/38 г. в противостоянии с монголами. Б.М. Пудалов представил на суд заинтересованному читателю сверенную по источникам картину Батыева погрома Северо-Восточной Руси¹⁷⁵, и уже после этого была рассмотрена «Судьба Юрия Всеволодовича»¹⁷⁶. В ней Б.М. Пудалов реабилитировал князя, показав его мужественное и непродуманное поведение в катастрофе 1237/38 г. При этом внимание было обращено на численность, боевые качества кочевников, обрушившихся на Северо-Восточную Русь зимой 1237/38 г. Остроумно оспаривая выводы Л.Н. Гумилева и др., Б.М. Пудалов подвел читателя к мысли:

«... общая численность войска, напавшего на Рязанские и Владимиро-Суздальскую земли, превышала 50 тыс. всадников, абсолютное большинство из которых обладало всеми необходимыми воинскими навыками»¹⁷⁷.

Вывод, сделанный из этих и других рассуждений, звучит как приговор:

«противопоставить этой силе Русь мало что могла: быстро передвигавшейся коннице противостояли лишь конные дружины князей да наспех собранные пешие рати, явно уступавшие монголам в боевой

ный период истории древнейших... С. 166). Действительно, В.П. Макарихин, следуя духу и букве источников, дает, в целом, достоверный образ князя с присущими ему достоинствами и недостатками; поведение Георгия Всеволодовича в грозные 1223 г., 1237/1238 г. представлено без обличительных и без приукрашивающих подробностей, которым не найти подтверждения в источниках.

¹⁷⁴ Пудалов Б.М. Начальный период истории древнейших...; Пудалов Б.М. Русские земли Среднего Поволжья...

¹⁷⁵ Пудалов Б.М. Русские земли Среднего Поволжья... С. 30–56.

¹⁷⁶ Там же. С. 57–70.

¹⁷⁷ Там же. С. 59.

подготовке. Единый план обороны в условиях первой трети XIII в. был невозможен, а военные силы русских княжеств заранее обрекались на распыление: не зная, куда направят свой удар татары, приходилось заботиться о прикрытии всех земель»¹⁷⁸.

То есть у Георгия Всеволодовича не было сил, чтобы реально противостоять той мощи, которая обрушилась на его земли.

Отказ послать помощь Рязани Б.М. Пудалов объясняет тем, что враг владел стратегической инициативой. Убедительно звучит вывод, что слова об отказе помочь Рязани, прописанные в ПВЛ, не есть позиция самого Георгия Всеволодовича, а понимание книжниками

«мотивов поведения великого князя владимирского, причем это понимание могло быть как правильным, так и ошибочным»¹⁷⁹.

В дальнейшем события развивались так:

«Превосходство монгольского войска и его первые успехи обусловили у русских понимание невозможности победы и привели к растерянности»,

а потому степень опасности, нависшая над Рязанью и Северо-Восточной Русью, осознавалась владимирским князем¹⁸⁰. И, несмотря на это, «...ведь помощь Рязани была все-таки послана!». Автор обратил внимание на сообщения о битве под Коломной в ЛЛ и ИЛ, НПЛ¹⁸¹ и истолковал их как сведения о помощи, посланной Георгием Всеволодовичем именно Рязани.

Б.М. Пудалов предостерег читателя от каких-либо обвинений в адрес князя по поводу его ухода на реку Сить, самой «организации» сражения¹⁸².

«Не обладая полководческими талантами, Юрий... сразу же утратил контроль над ситуацией, не смог... удержать полки от бегства. В предсмертной тоске правитель Владимиро-Суздальской Руси и самый могущественный князь русских земель принял свой последний бой... Но ни в одном из сохранившихся летописных источников... не приводит-

¹⁷⁸ Там же. С. 61.

¹⁷⁹ Там же. С. 61–62.

¹⁸⁰ Там же. С. 65.

¹⁸¹ Там же. С. 66.

¹⁸² Там же. С. 67–69.

ся никаких фактов, порочащих поведение Юрия Всеволодовича в его последнем сражении»¹⁸³.

Б.М. Пудалов решал проблему выявления наиболее достоверных источников для раскрытия истинного масштаба деятельности владимирского князя Георгия Всеволодовича вообще и его поведения зимой 1237/38 г. Приоритет отдается ЛЛ. За ней следуют ИЛ и НПЛ. Последний памятник Б.М. Пудалов определил как наиболее недружественно настроенный по отношению к владимирскому князю¹⁸⁴. Более поздние источники Б.М. Пудалов использовал с оговорками.

Для такой осторожности есть причины. Образ владимирского князя, пережив эволюцию в письменных источниках, попал в народную словесность, которая, в свою очередь, повлияла на памятники письменности XVII в. Это было доказано А.В. Сиреновым при издании текстов, посвященных Георгию Всеволодовичу¹⁸⁵. Следуя законам жанра научной публикации, А.В. Сиренов обязан был представить образ князя по летописям, чтобы затем рассуждать о его дальнейшей эволюции в письменной и устной традициях. А.В. Сиренов симпатизирует князю Георгию Всеволодовичу, и это настроение передает читателю. В силу этого он, как мог, преодолевал негативное отношение к князю, сложившееся в историографии XX в.

Важное место в реконструкции А.В. Сиренова занимают сведения ЛЛ и ИЛ – самые древние и достоверные сведения о жизни князя, но чаще привлекаются Никоновская, Воскресенская и МАК летописи. Упор А.В. Сиренов сделал на те факты биографии Георгия Всеволодовича, которые станут излюбленными сюжетами в народных легендах и житийных памятниках. Естественно, что в них образ князя выписан с любовью и уважением. Только так можно объяснить отсутствие ссылок на НПЛ и на «Повесть о разорении Рязани Батыем». В этих памятниках, как указывалось выше, присутствует доля скептицизма в оценке действий Георгия Всеволодовича в 1237–1238 гг. Но эти нотки, идущие от рязанского летописания, все-таки прорвались в приведенной А.В. Сирено-

¹⁸³ Там же. С. 69.

¹⁸⁴ Там же. С. 69–70.

¹⁸⁵ Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах / Подгот. текстов и исслед. А.В. Сиренова. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003 (Святые и святые Русской земли).

вым цитате из МАК¹⁸⁶. Из нее явствует, что князь Георгий не помог Рязани, поскольку «хотѣ самъ особь брань створити»¹⁸⁷. Исходный текст сведения содержится в НПЛ¹⁸⁸. В МАК сообщение попало через СЛ¹⁸⁹, связанную с НПЛ.

Уже указывалось выше, что на основе отрывка НПЛ (те же настроения есть в МАК) нельзя делать вывод об обличении летописцем владимирского князя. Тут можно увидеть и сочувствие ему и его действиям в ситуации, когда все уже предрешено свыше. Более того, в тексте о Батыевом нашествии НПЛ, созданном в середине XIII – первой половине XIV вв.¹⁹⁰, выражена мысль о необходимости принятия «Божией кары», борьба с монголами

«воспринималась как заранее обреченное дело и не могла стать «этапоном» поведения христианина»¹⁹¹.

Прямое, без скидок на контекст, понимание фразы «хотѣ самъ особь брань створити» ведет к противоречию с фактами посылки Георгием Всеволодовичем рати к Коломне, её соединения с рязанцами и битвы у этого города. Ведь Коломна входила в состав Рязанского княжества. А.В. Сиренов упомянул об этом факте.

Для укрепления своих выводов А.В. Сиренов привлек летописный рассказ XVII в. в фольклорной обработке о плаче Георгия Всеволодовича, узнавшего, что сын Владимир пленен татарами в Москве¹⁹². Даже поздний рассказ о плаче князя производит сильное эмоциональное воздействие. Несмотря на ряд неточностей, оправданным выглядит вывод раздела:

«Юрий Всеволодович в изображении летописей – реальный человек с достоинствами и недостатками, в жизни которого бывали и героические, и великодушные, и стыдные поступки»¹⁹³.

¹⁸⁶ Сиренов А.В. Жизнь владимирского князя Георгия Всеволодовича на страницах русских летописей XIV–XVI вв. // Путь к граду Китежу... С. 14.

¹⁸⁷ МАК. Стб. 514–515.

¹⁸⁸ НПЛ. С. 74–75, 286–287.

¹⁸⁹ СЛ. Стб. 288–289.

¹⁹⁰ Комарович В.Л. Литература Суздальско-Нижегородской земли в XIV в. // История русской литературы. М. – Л., 1945. Т. II. Ч. I. С. 75.

¹⁹¹ Данилевский И.Н. Русские земли глазами... С. 180.

¹⁹² Сиренов А.В. Жизнь владимирского князя Георгия... С. 14–16.

¹⁹³ Там же. С. 18.

Какие поступки из жизни князя можно считать стыдными, А.В. Сиренов не объяснил. Вероятно, это «отказ» помочь Рязани, но источниковое обоснование этого тезиса, восходящее к сведению НПЛ, оказывается шатким.

В разделе книги, посвященном реконструкции биографии владимирского князя Георгия Всеволодовича, события зимы 1237/38 г. просто описаны вслед за летописями. Причем часто используются поздние памятники данного жанра: Никоновская и Воскресенская летописи. Поэтому автор оказывается в заколдованном круге: он восстанавливает образ князя по поздним летописным памятникам, чтобы соотнести его с информацией других источников того же времени. Такой приоритет, отдаваемый Никоновской и Воскресенской летописям перед ЛЛ, ИЛ и НПЛ, становится понятным при прочтении всей книги. В разделе «Великий князь Георгий Всеволодович в «Книге Степенной царского родословия»» А.В. Сиренов дал основные сведения о происхождении, авторстве, истории изучения и формировании культа Георгия Всеволодовича. Хотя князю в «Степенной книге» отводится второстепенное место, но популярность этого памятника,

«потенциал для осмысления древнерусской истории положили начало формированию образа святого князя».

В связи со Степенной книгой А.В. Сиренов много внимания уделил Воскресенской и Никоновской летописям, поскольку они

«основные источники рассказа Степенной книги о Георгии Всеволодовиче»¹⁹⁴.

В освещении событий зимы 1237/38 г. и роли в них Георгия Всеволодовича книга А.В. Сиренова является примером апологетики владимирского князя. Только эта защита мотивирована не работой с самыми ранними источниками по данному вопросу, а той симпатией, которая идет из поздних текстов, посвященных Георгию Всеволодовичу. Поэтому апология князя в работе А.В. Сиренова методически не безупречна. Исследователь подвергает сомнению (чаще всего косвенно, опосредованно) догадки, бытующие в историографии.

¹⁹⁴ Там же. С. 21.

§ 8. Критическое отношение к Георгию Всеволодовичу в трудах Д.Г. Хрусталева, Е.В. Арсюхина

В 2004 г. вышла книга Д.Г. Хрусталева¹⁹⁵, где рассматриваемому сюжету отведено достаточно много страниц. Подготавливая читателя к восприятию своих идей относительно монгольского нашествия, Д.Г. Хрусталева со ссылкой на труд А.Г. Кузьмина пишет:

«В общерусской политической жизни рязанские князья в начале XIII в. склонялись то к Владимиро-Суздальскому, то к Черниговскому княжеству, но после походов Всеволода Большое гнездо зависимость от северного соседа возобладала полностью»¹⁹⁶.

Однако на указанных страницах книги А.Г. Кузьмина такого вывода не содержится. Да, Всеволод Большое Гнездо подчинил на время Рязань, пленив её князей, но после его смерти они были освобождены Георгием¹⁹⁷. Ни на этих страницах, ни после А.Г. Кузьмин не утверждал, что рязанские князья были зависимы от владимирского князя Георгия Всеволодовича. Особое место в работе Д.Г. Хрусталева занимают рассуждения о подготовке владимирского князя к борьбе с монголами. В летописях сведений об этой стороне дела почти нет. Поэтому упор делается на тексты монаха Юлиана и «Историю Российскую» В.Н. Татищева. Монах Юлиан беседовал с князем Георгием Всеволодовичем осенью 1237 г. Из этой беседы, отразившейся в письме-отчете Юлиана к епископу Перуджи после 1241 г., Д.Г. Хрусталева делает выводы об информированности владимирского князя о подготовке военных действий монголами и о его бездеятельности в этот момент времени¹⁹⁸.

Однако при внимательном чтении текстов Юлиана такого однозначного ответа не получается. Д.Г. Хрусталева твердо убежден, что Юлиан много знал о тактике, стратегических планах и военной истории монголов¹⁹⁹. После этого без всякого перехода следует абзац:

«В дополнение ко всему великий князь Юрий Всеволодович (имя у Юлиана не названо – А.К.) лично просил передать о нависшей угрозе королю Беле»²⁰⁰.

¹⁹⁵ Хрусталева Д.Г. Русь от нашествия до «ига» (30–40 гг. XIII в.). СПб., 2004.

¹⁹⁶ Там же. С. 20–21.

¹⁹⁷ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание... С. 130–144.

¹⁹⁸ Хрусталева Д.Г. Русь от нашествия до «ига»... С. 73–77.

¹⁹⁹ Там же. С. 73–74.

²⁰⁰ Там же. С. 76.

То есть предполагается, что поскольку Юлиан обладал обширной информацией, то суздальский князь имел её еще больше и просил передать то, чего сам Юлиан не знал. На самом деле, как отметил Д.Г. Хрусталеv, всю информацию Юлиан собирал в пути к восточным границам Руси в то время, когда тумены Батья обрушились на Рязанскую землю²⁰¹. Поэтому сведения о стратегическом расположении войск Батья и его планах Юлиан анализировал задним числом. Возможно, что Георгий Всеволодович знал о том же, что и Юлиан, но в то же время, а не раньше.

Не согласуется сообщение Юлиана о послаx Батья к венгерскому королю Беле с логикой Д.Г. Хрусталева. Послов перехватил суздальский князь, но письмо, бывшее при них, почему-то передал Юлиану²⁰². Оставляя в стороне некоторую противоречивость источника, надо указать, что Д.Г. Хрусталеv на основании того, что письмо прочитали, но не поняли при дворе венгерского короля²⁰³, заключил:

«Однако в Северо-Восточной Руси не смогли (!) найти переводчика, чтобы ознакомиться с татарским письмом... Сюжет с письмом во многом характеризует готовность Владимиро-Суздальского княжества к войне. Если монголы уже в начале 1236 г. располагали специалистами, владевшими сразу пятью языками всех потенциальных противников, то концу 1237 г. великий князь Северо-Восточной Руси не мог найти даже переводчика с монгольского»²⁰⁴.

Но ведь из письма Юлиана не следует, что послание монголов к венгерскому королю пытались прочитать при дворе суздальского князя. Поэтому вышеизложенный вывод не корректен. На его основании нельзя рассуждать о беспечности суздальского князя. А если приписать владимирскому князю беспечность относительно появления страшных врагов, то ею в равной степени надо наделить других правителей русских земель – Рязанской, Черниговской... Эти и другие обстоятельства позволяют охарактеризовать записки Юлиана как противоречивый источник, к которому надо подходить осторожно. Чего не сделал

²⁰¹ Там же. С. 75–76.

²⁰² Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. 1940. С. 88.

²⁰³ Там же. С. 88–89.

²⁰⁴ Хрусталеv Д.Г. Русь от нашествия до «ига»... С. 76.

Д.Г. Хрусталева. Восприняв свои выводы как единственно правильные, он продолжил обличительную тенденцию, проявившуюся в источнике:

«Мы с товарищами, видя, что страна занята татарами, что области [не]²⁰⁵ укреплены и успеха делу не предвидится, возвратились в Венгрию²⁰⁶. И хотя шли мы среди многих войск и разбойников, но ради молитв и заслуг Святой Церкви благополучно и невредимыми добрались до братьев наших и обители»²⁰⁷.

Из этого отрывка Д.Г. Хрусталева сделал следующий вывод:

«К тому же, как отмечает Юлиан, обратный путь он со своими спутниками проделал «среди многих войск и разбойников», из чего можно заключить, что им постоянно встречались русские полки, двигавшиеся к границе. Однако общего удручающего впечатления от послания это затмить не может. Совершенно ясно, что, располагая всем необходимым объемом информации, Русь не сумела адекватно подготовиться к противостоянию с монгольской армией»²⁰⁸.

По поводу последнего предложения надо отметить, что Владимирское княжество – это не вся Русь, а потому владимирский князь не мог отвечать за подготовку всей раздробленной Руси к отражению агрессии. Вольная вставка отрицания – «не» – полярно меняет смысл текста Юлиана, но у Д.Г. Хрусталева это никак не оговорено. С другой стороны, послание Юлиана не дает возможности проследить его маршрут, повествование источника о пути прерывается экскурсами в самые разные области. Поэтому непонятно, где Юлиан встречался с войсками и разбойниками; к тому же он должен был сделать вывод, что какая-то страна занята татарами. Возможно, в этой стране и были встречи с войсками и разбойниками. Возвращаясь к последнему предложению в цитированном отрывке источника, надо отметить, что Д.Г. Хрусталева возлагает на Георгия Всеволодовича всю полноту ответственности за поражение Руси в ходе татаро-монгольского нашествия:

«Юрий Всеволодович всячески старался не вмешиваться в великую евразийскую войну. Он считал, что кочевники не пойдут севернее Оки... Если не вступать с ними в открытый конфликт, они не решатся

²⁰⁵ Такой способ изменения смысла текста выглядит спорным.

²⁰⁶ На этом цитата у Д.Г. Хрусталева завершена.

²⁰⁷ *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров... С. 89–90.

²⁰⁸ *Хрусталева Д.Г.* Русь от нашествия до «ига»... С. 77.

углубляться в лесистую местность, а предпочтут атаковать южнорусские земли. К Рязани еще можно подойти, минуя лесные массивы, но к Владимиру *Залесско.му* – никак. По всем признакам расчёт был верным. На Калке русские вступили в бой с монголами в открытом поле, что закончилось поражением русских войск. Следовательно, теперь нужно действовать совершенно иначе: наступательных действий не предпринимать, затягивать кочевников в укрепленную крепостями²⁰⁹ и окруженную лесами местность, изматывать мелкими стычками на ограниченном пространстве. Такая оборонительная тактика требовала полного отказа от помощи соседним властителям и государствам, что Юрий и сделал, бросив на произвол судьбы как новых союзников, так и старых вассалов²¹⁰.

Возникает вопрос, а почему лишь Георгий Всеволодович избегал вмешиваться в евразийскую войну, а как же черниговские князья и другие, почему лишь на Георгия возлагается обязанность координировать усилия русских княжеств, соседей, многие из которых вчера еще были противниками? Почему Георгий должен был готовиться к войне, а другие князья, у которых был, кстати, горький опыт Калки, могли позволить себе побороться за Киев, Галицко-Волынскую землю? Потому что Д.Г. Хрусталеv знает, как было на самом деле, а вот деятели прошлого не могли заглянуть в события ближайшего будущего. Так неужели поэтому можно с легкостью рассуждать, подобно генштабистам, как можно было организовать противодействие, а чего допускать было нельзя? И все недопустимые действия Д.Г. Хрусталеv приписал исключительно Георгию Всеволодовичу, хотя в источниках нет данных для того, чтобы реконструировать план его военной кампании. Д.Г. Хрусталеv готовит читателя к мысли, что Георгий Всеволодович откажет в поддержке своим вассалам – рязанским князьям. В связи с этим следует напомнить, что в главе, посвященной владимирско-рязанским отношениям в первой трети XIII в., показано отсутствие с начала 1220-х гг. вассальной зависимости рязанцев от Владимирского князя.

Под новыми союзниками Д.Г. Хрусталеv понимает народы, перечисленные в «Слове о погибели Русской земли»: болгар, буртасов, черемисов, мордву. В отношении последней, как считает Д.Г. Хрусталеv, владимирский князь выступал как колонизатор и сюзерен, не отреаги-

²⁰⁹ Явный результат доверия тексту послания Юлиана.

²¹⁰ *Хрусталеv Д.Г. Русь от нашествия до «ига»... С. 77.*

ровавший на появление монголов в 1235 г. в зоне своих интересов²¹¹. Все это объясняется так:

«... к 1236 г. соседним государствам со всей очевидностью стал ясен оборонительный уклон в политике Суздаля. Зародился он, скорее всего, еще раньше и впервые со всей очевидностью был проявлен по отношению к Волжской Булгарии»²¹².

Последний тезис подперт сведениями В.Н. Татищева. В 1229 г., когда на границах Булгарии появились орды Батыея, её правители никак, по мнению Д.Г. Хрусталева, не могли склонить Георгия Всеволодовича к военному союзу против, как потом выяснилось, общего врага. В договоре, текст которого приведен у В.Н. Татищева, оговаривались мир и сотрудничество, но не военный союз. Вызывают сомнения пункты этого договора, его срок (на 6 лет²¹³), не встречающиеся в летописях. Самым ранним источником по этому договору является Троицкая летопись, отрывок из которой был записан Н.М. Карамзиным²¹⁴. Восходит к ней известие о мире с булгарами в Симеоновской летописи²¹⁵. Есть это сведение в Никоновской летописи²¹⁶, которую использовал В.Н. Татищев. Смысл летописных сообщений можно свести к тому, что булгары запросили мира и предложили обменяться пленными, что и было сдела-

²¹¹ Хрусталева Д.Г. Русь от нашествия до «ига»... С. 78.

²¹² Там же.

²¹³ Заключение мира на 6 лет есть результат неправильного прочтения В.Н. Татищевым также искаженного сообщения Никоновской летописи (С. 98): «вѣ во перемирьѣ промежи нхъ на шесть лѣтъ». Составитель Никоновской летописи неправильно понял слово «розмирьѣ», имеющееся в Троицкой летописи, как «перемирие», но сохранил прошедшее время. В.Н. Татищев, борясь со смысловым противоречием (заключать мир после перемирия), понял и передал эту мысль так: перемирие было заключено именно на этих переговорах и именно на 6 лет вперед. Заключение мира на срок вперед – реалия близкого В.Н. Татищеву XVIII в. Для XII–XIII вв. нет сообщений о дипломатических договорах на определенное время.

²¹⁴ Приселков М.Д. Троицкая летопись. СПб., 2002. С. 311; Карамзин Н.М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. II–III. М., 1991. С. 636;

Пудалов Б.М. Начальный период истории... С. 106.

²¹⁵ Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. С. 54.

²¹⁶ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. X. М., 2000. С. 98.

но. Никаких больше подробностей, как у Татищева во II-й редакции²¹⁷, нет. Сообщение о мире в I-й редакции очень близко, за исключением религиозно-конфессионального оттенка, к Никоновской летописи, источнику сведений В.Н. Татищева²¹⁸. Поэтому уместно усматривать в этом уже привычную процедуру историка XVIII в. по наращиванию информативной отдачи скупого летописного сведения. Сам Д.Г. Хрусталеv пошел дальше: он совместил сведения I и II редакций и уточнений В.Н. Татищева и... представил «III редакцию» рассматриваемого сведения.

Отвлекаясь временно от разбора идей Хрусталева, необходимо сделать очередной экскурс в «лабораторию» В.Н. Татищева в связи с его сведениями о вышерассмотренном договоре и о продовольственной помощи Руси. В I-й редакции сведение о договоре по смыслу связано с предшествующим известием о мученической смерти в Булгарии христианина Авраамия и о возмездии свыше в виде пожара в Великом граде²¹⁹; затем сообщается о заключении мира между владимирским и болгарским правителями. Затем говорится о голоде в Русской земле и о продовольственной помощи из Булгарии. Во II-й редакции говорится о смерти Авраамия, затем о том, что болгарский правитель узнал о голоде на Руси и прислал послов для заключения мира с владимирским князем; после перечисления условий мира следует абзац о продовольственной помощи из Булгарии. Видно, как В.Н. Татишев, двигаясь от I-й ко II-й редакции, согласовывал события, выстраивая между ними причинно-следственную связь. В ЛЛ говорится о мучениях христианского купца (без имени) в Булгарии и каре, обрушившейся на Великий город²²⁰. Следующая годовая статья ЛЛ начинается с рассказа о принесении тела мученика Авраамия из Булгарии²²¹, сведений о заключении мира нет. Отсутствие имени Авраамия в рассказе ЛЛ о его мучениях служит аргументом в пользу тезиса, что в ЛЛ это сведение первично относительно подобных известий Троицкой и Симеоновской летописей²²². В силу этого обстоятельства связываются в одну цепь события: мученическая смерть Авраамия – определенные шаги во Владимирском кня-

²¹⁷ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. М.–Л., 1964. С. 225.

²¹⁸ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. М.–Л., 1964. С. 369.

²¹⁹ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. С. 369.

²²⁰ ЛЛ. Стб. 452–453.

²²¹ ЛЛ. Стб. 453.

²²² *Пудалов Б.М.* Начальный период истории... С. 145.

жестве – примирение Владимирского княжества и Волжской Булгарии. Последнее никак не было связано с нашествием Батыея – такую картину позволяют представить источники, если из их числа исключить В.Н. Татищева. Уже звучало обоснованное мнение:

«Состав статьи под 6737 (1229) г. у В.Н. Татищева также обнаруживает зависимость от московских великокняжеских сводов, именно поэтому нельзя доверительно относиться к сообщаемым историком сведениям о торговом договоре Юрия Всеволодовича с булгарами, о присылке в дар «30 насадов с житами...»... все остальные подробности – результат логического домысливания о торговых выгодах, которые могли бы проистечь из вышеозначенного мира (вполне в духе историографии XVIII в.). Извлекать из этих домыслов некие дополнительные факты с тем, чтобы положить их в основу научной реконструкции... недопустимо»²²³.

Недопустимо доверять сообщению В.Н. Татищева о болгарской помощи во время голода, поскольку оно выдуманно им. В обеих редакциях «Истории Российской» схожим образом повествуется о двухлетнем голоде на Руси, от которого пострадали особенно Новгород и Белоозеро, о том, что булгары, заключив мир, по Волге и Оке возили хлеб в русские города, о том, что болгарский князь прислал Георгию Всеволодовичу 30 насадов жита, а тот ответил дорогими тканями и рыбьей костью²²⁴. В ЛЛ нет подобного или похожего сообщения рядом с известиями о переносе тела Авраамия во Владимир, о майских землетрясениях и солнечном затмении²²⁵. В Симеоновской летописи (и в Троицкой, по предположению М.Д. Приселкова) в следующей после сообщения о мире между булгарами и Георгием Всеволодовичем статье 6739 г. говорится о двухлетнем голоде²²⁶. Сообщение о землетрясении и солнечном затмении иной редакции есть в НПЛ²²⁷. Н.Г. Бережков датирует эти события, подобно статьям ЛЛ, 1230 г.²²⁸. В этой же статье НПЛ говорится о голоде, постигшем Новгород²²⁹. Описание голода в статье распрост-

²²³ Там же. С. 151.

²²⁴ Татищев В.Н. История Российская... Т. III. С. 225; Т. IV. С. 369.

²²⁵ ЛЛ. Стб. 453–455. Эти события датируются 1230 г.: Бережков Н.Г. Хронология... С. 108.

²²⁶ Приселков М.Д. Троицкая летопись... С. 311–312.

²²⁷ НПЛ. С. 69, 275–276.

²²⁸ Бережков Н.Г. Хронология... С. 269–270.

²²⁹ НПЛ. С. 69–70, 70–71, 277, 278–280.

раняется и на весну 1231 (6739) г.²³⁰. Причем именно о событиях весны 1231 г. новгородский летописец заметил, что страшный голод свирепствовал везде, кроме Киева²³¹. Важно и то, что в самой статье 6739 г. уже говорится о помощи голодающим извне:

«Того же лѣта откры богы милосердіе свое на нас грѣшныхъ, створи милость свою въскоре: приѣѣгоша Нѣмци и-заморня съ житом и створиша много добра; а уже вяше при конци городъ снн»²³².

Несмотря на то, что открыл НПЛ В.Н. Татищев, не её текст повлиял на появление «известия» о болгарской помощи голодающим. Его «источник» надо искать в Воскресенской и Никоновской летописях. В Воскресенской летописи в статье 1230 (6738) г. дана только та часть сообщения НПЛ о голоде, что Н.Г. Бережков уже датировал 1231 г.: о каннибализме, о поедании коней, псыны, кошек, мха, сосны, о множестве непогребенных тел²³³. Зато прибавилось известие о масштабных жертвах голода в Смоленске²³⁴. В следующей статье 6739 г. почти дословно повторяется сообщение НПЛ о продовольственной помощи немцев, спасших Новгород²³⁵. При сравнении сообщений Воскресенской летописи и двух редакций «Истории Российской» не заметно их сходства.

В Никоновской летописи известие о мире между Булгарией и Владимирским княжеством от 6737 (1229) г. завершается словами о трехлетнем голоде во всей земле и дороговизне хлеба в новгородских ценах²³⁶. Приблизительное соответствие этим словам можно найти в сообщении НПЛ о начале голода, но с другими ценами²³⁷. Примечательно, что Татищев под 1229 г. после рассказа о владимирско-булгарском мире также сообщает о двухлетнем голоде²³⁸. В статье 1230 г. после сообщения о землетрясении, солнечном затмении, большом голоде в Смоленске в Никоновской летописи говорится о голоде в результате холодного

²³⁰ Бережков Н.Г. Хронология... С. 270.

²³¹ НПЛ. С. 71, 280.

²³² НПЛ. С. 71 (цит. отсюда), 280.

²³³ НПЛ. С. 70, 279.

²³⁴ Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VII. М., 2001. С. 137.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. X. М., 2000. С. 98.

²³⁷ НПЛ. С. 69, 277.

²³⁸ Татищев В.Н. История Российская... Т. III. С. 225; Т. IV. С. 369.

и дождливого лета и дороговизне хлеба в новгородских ценах (точное соответствие указанному сведению НПЛ, с указанием, что куны и гривны – новгородские), о высокой смертности и о большом количестве непогребенных в Новгороде²³⁹. Соответствие этим словам есть и у Татищева²⁴⁰. Затем идут уже знакомые по НПЛ слова о поедании конины, псины, кошек, коры, людей и добавляется фраза, что этот голод длился два года²⁴¹. С некоторыми стилистическими изменениями подобные известия даны Татищевым²⁴². Под следующим годом (6739 г.) в духе НПЛ сообщается о помощи немцев из-за моря (так же у В.Н. Татищева)²⁴³. Поэтому можно утверждать, что при составлении хроники голода на Руси на рубеже 1220–1230-х гг. В.Н. Татищев использовал Никоновскую летопись как основной источник. Однако эту картину ему сбивало сообщение НПЛ о голоде, которое историк, видимо, идентифицировал с известием о голоде после рассказа о владимирско-булгарском мире в Никоновской летописи.

Надо полагать, что еще больше запутало В.Н. Татищева сведение о неурожае и дороговизне в 1229 г. перед рассказом о мучении Авраамия и заключении мира с булгарами²⁴⁴. Это известие, отсутствующее в Никоновской летописи, попало к Татищеву из статьи 1229 (6737) г. Воскресенской летописи²⁴⁵. Можно представить растерянность историка XVIII в., когда в выписанной им хронике 1229–1231 гг. об одном голоде сообщается более четырех раз (каждый раз по-разному)! Это было следствием совмещения данных НПЛ, Воскресенской и Никоновской (в ней – свое совмещение) летописей. Эти «четыре волны» голода в Новгороде должны были его опустошить. Поэтому В.Н. Татищев вынужден был «помогать» голодающим, чтобы было кому «бедствовать» чуть позже. Эта «помощь» была выписана по аналогии с той, что пришла от немцев. Изменилось только её направление – с востока. Тем более, и мир заключен был с булгарами, чтобы они могли продемонст-

²³⁹ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. X. М., 2000. С. 101–102.

²⁴⁰ Татищев В.Н. История Российская... Т. III. С. 226; Т. IV. С. 369–370.

²⁴¹ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. X. М., 2000. С. 101–102.

²⁴² Татищев В.Н. История Российская... Т. III. С. 226; Т. IV. С. 370.

²⁴³ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. X. М., 2000. С. 102. Татищев В.Н. История Российская... Т. III. С. 226; Т. IV. С. 370.

²⁴⁴ Татищев В.Н. История Российская... Т. III. С. 224; Т. IV. С. 368.

²⁴⁵ Воскресенская летопись... С. 135. Ранний текст этого сообщения в ЛЛ (Стб. 451).

ризовать свои добрые намерения. Новгороду булгарам было помогать не с руки после мира с владимирским князем. Это противоречие В.Н. Татищев решил «расширением» района бедствия: к Новгороду было добавлено Белоозеро (часть Владимирского княжества). Затем этот «факт» приобрел самостоятельность для реконструкции политической истории накануне монгольского нашествия на Северо-Восточную Русь.

Также придуманной нужно считать новость о том, что в 1232 г. булгары обращались к Георгию Всеволодовичу с предложением военного союза²⁴⁶, «факт» которого уже встречался у А.К. Усманова и Дж. Феннела. В.Н. Татищев попытался вплести этот плод исследовательской фантазии в реальное летописное сообщение о зимовке татар недалеко от Великого града. Сведений о предложении булгарами военного союза в летописях нет. Поэтому его также надо признать выдумкой Татищева, повлиявшей на исторические труды второй половины XX в. Это «сведение» укладывается в цепочку: договоренности о мире – продовольственная помощь – просьба о военном союзе. Все эти шаги адресованы к Георгию Всеволодовичу, неблагодарно использовавшему их и отказывавшемуся помочь напрашивавшимся в союзники булгарам. С другой стороны, подмену отдельных религиозно-конфессиональных событий сугубо политической подошлекой (в частности, отсутствует сообщение о переносе тела Авраамия из Булгарии во Владимир²⁴⁷) опять-таки можно признать авторским добавлением В.Н. Татищева²⁴⁸.

Поэтому выводы Д.Г. Хрусталева, типа:

«Юрий отказался заключать с булгарами военно-политический альянс и защищать их от монголов. И у нас нет однозначного понимания того, насколько такая позиция была оправдана... С обреченным положением болгар можно сопоставить и ситуацию в Рязанском княже-

²⁴⁶ *Татищев В.Н.* История Российская... Т. III. С. 227; Т. IV. С. 370. Опять Д.Г. Хрусталева сделал недопустимое – соединил сведения первой и второй редакции, отметив, что эти строки принадлежат летописцу – см.: *Хрусталева Д.Г.* Русь от нашествия до «ига»... С. 79–80. По мнению Д.Г. Хрусталева, в Ростовском летописце основную часть статьи убрали, кроме сведения о приходе монголов. Видимо, специально для «последнего летописца» Татищева это сведения хранили в потаенном месте очень долго.

²⁴⁷ *Татищев В.Н.* История Российская... Т. III. С. 225; Т. IV. С. 369.

²⁴⁸ *Толочко А.П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.–Киев, 2005. С. 389–396.

стве. Растерзанное внутренними усобицами, лишенное собственной инициативы влиянием могучего северного соседа, оно также было оставлено один на один с Батыем²⁴⁹.

нужно признать некорректными по каждому пункту. Но из этих выводов следует еще один – о корыстной заинтересованности Георгия Всеволодовича в разгроме Волжской Булгарии войсками Батыя. Опора здесь делается опять-таки на сообщение из II редакции В.Н. Татищева²⁵⁰. Это сообщение снабжено отсылкой к Златоусту (чего нет в летописных памятниках), в чем можно видеть стремление историка XVIII в., замаскировать собственную вставку.

Далее Д.Г. Хрусталеv проводит реконструкцию событий с опорой на сообщения ЛЛ (признана краткой; составлена сразу после нашествия), НПЛ (сохранила больше подробностей; составлена синхронно событиям), ИЛ (составлена во второй половине 1240-х гг.)²⁵¹. Правда, обоснования таким источниковедческим выводам Д.Г. Хрусталеv не дал.

Всю политику рязанских князей на момент нашествия Д.Г. Хрусталеv подчинил придуманным им же интересам владимирского князя, предавшего их, – уступать, замирать и соглашаться. Знаменитый монолог Георгия Всеволодовича из НПЛ об обреченности всех действий послужил Д.Г. Хрусталеvu для того, чтобы усмотреть оправдание летописца действиям владимирского князя²⁵². Рассматривая сообщение о переговорах рязанских князей с Батыем, Д.Г. Хрусталеv пишет об их сепаратном мире, который затрагивал интересы владимирского князя²⁵³. К таким исследовательским результатам может привести желание увидеть в источниках информацию между строк: даже в любых действиях рязанцев виноватым оказался Георгий Всеволодович. Надо отметить, что мотивацию Батыя Д.Г. Хрусталеv восстанавливает исключительно по русским летописям. Стоит ли говорить, что русские книжники не имели информаторов при ставке хана ни до, ни после нашествия...

После рассказа о гибели Рязанского княжества Д.Г. Хрусталеv приступил к повествованию о разгроме Владимирского княжества. При этом

²⁴⁹ Хрусталеv Д.Г. Русь от нашествия до «ига»... С. 80.

²⁵⁰ Там же. С. 90.

²⁵¹ Там же. С. 80–81.

²⁵² Там же. С. 85–86. Это все-таки странно для НПЛ, чтобы её автор в рассказе о Батыевом нашествии искал оправдание владимирскому князю.

²⁵³ Там же. С. 87–88.

использовались сведения Рашид-ад-Дина, поведавшего о планах монголов. На удочку их хитрости попался незадачливый князь Георгий Всеволодович, уверенный, что монголы не вторгнутся на его земли²⁵⁴. Тем не менее, князь выслал сына Всеволода к Коломне со значительным отрядом, к которому присоединились рязанские дружины²⁵⁵. Хрусталеv пишет, что, несмотря на перевес нападающих (до 70 тыс.), на стороне русских было знание местности²⁵⁶. Вероятно, Д.Г. Хрусталеv понимает, что реконструированная им численность русской рати (11–12 тыс.) попросту говорит о несерьезности такого преимущества²⁵⁷.

Затем Д.Г. Хрусталеv приступил к освещению монгольского нашествия на Северо-Восточную Русь. Русские летописи он щедро «разбавляет» Рашид-ад-Дином. Причем несколько страниц отведены исследователем под идентификацию топонимов и антропонимов у персидского автора с русскими реалиями²⁵⁸. Сделано это было интересно, но отнюдь не бесспорно. Поэтому их можно принять лишь в качестве догадки, но не как отправную точку для рассуждений.

Реконструкция Д.Г. Хрусталева такова: после битвы под Коломной Всеволод прибежал к отцу (и опять владимирский князь оказался неправым: не надо было отправлять войска под Коломну, а теперь он оказался без сил, сбор же ополчения требовал времени), и владимирский князь стал заманивать противника в глубь страны, на север, оставив столицу на попечение сыновьям²⁵⁹. Там он ожидал отряды братьев Ярослава и Святослава и племянников Василька, Всеволода, Владимира²⁶⁰. С возможным приходом новгородцев, по мнению Д.Г. Хрусталева, войско владимирского князя на Сити могло достигнуть 20 тыс. человек. Мотив новгородской помощи не нов, уже встречался у В.В. Каргалова. Противоречит такой догадке то, что Новгород никак не помог даже своему пригороду Торжку, осажденному монголами, что Новгород без владимирских князей не мог отразить крестоносную агрессию... Такие сомнения можно привести и по поводу других соображений о войске Георгия Всеволодовича.

²⁵⁴ Там же. С. 100.

²⁵⁵ Там же. С. 100–103.

²⁵⁶ Там же. С. 103.

²⁵⁷ Там же. С. 104.

²⁵⁸ Там же. С. 108–110.

²⁵⁹ Там же. С. 111.

²⁶⁰ Там же. С. 111–113.

Нужно согласиться с одним выводом Д.Г. Хрусталева, сделанного им после освещения событий в связи со взятием Владимира:

«Тактически монголы могли считать себя победителями. Но формально великий князь Юрий еще оставался у власти и продолжал военные действия. И монголы должны были как можно быстрее найти его и уничтожить, пока не восстановил свои силы»²⁶¹.

Угроза, исходившая от Георгия, была вполне реальна. Он мог стать во главе сопротивления. Одновременно вызывает сомнение реконструкция численности войска Георгия – 10 тысяч человек²⁶². Сам же Д.Г. Хрусталеv пишет о месячном пребывании войска на Сити: его надо кормить, иметь фураж для лошадей; в конце концов, они должны были вырубить весь лес для пребывания зимой в необжитом месте. Справедливо замечание Д.Г. Хрусталева, что монголы стали откатываться в степи лишь после гибели Георгия Всеволодовича²⁶³.

Интересную интерпретацию эпизода с прикладыванием головы к телу погибшего князя дает Хрусталеv. По его мнению, голову продемонстрировали Батыю для удостоверения гибели князя²⁶⁴. Более как интересную догадку эту версию охарактеризовать нельзя.

Большую, чем Д.Г. Хрусталеv, враждебность к Георгию Всеволодовичу проявил Е.В. Арсюхин. Он поспешил обвинить князя в том, что тот своей антибулгарской политикой не дал Булгарии сыграть роль буфера между Русью и монголами:

«...если бы Русь и Булгария жили в мире, монголы захлебнулись бы на Волге»²⁶⁵.

То есть предполагается, что объединенные русско-булгарские силы дали бы отпор монголам или что булгары, не отвлеченные на войны с владимирским князем, отразили бы нашествие. По поводу первого варианта нужно отметить, как комфортно быть пророком, обращенным в прошлое, и судить людей прошлого, не слыша ответа. Возможность успешности второго варианта базируется на факте успешной обороны булгар от туменов Джебе и Субедея в 1223 г. после битвы на Калке:

²⁶¹ Хрусталеv Д.Г. Русь от нашествия до «ига»... С. 122.

²⁶² Там же. С. 132.

²⁶³ Там же. С. 136–137.

²⁶⁴ Там же. С. 134.

²⁶⁵ Арсюхин Е.В. Полумесяц над Волгой: историко-публицистический очерк. Нижний Новгород, 2005. С. 69.

«...когда монголы возвращались с победоносной для них битвы на реке Калке в 1224 году, где они наголову разбили и русских, и их «секретное оружие» – половцев, болгары подстерегли монголов и многих убили»²⁶⁶.

Не вдаваясь в обширную историографию похода в Восточную Европу отдельного монгольского корпуса в начале 1220-х гг., надо отметить, что в ней давно доказан вывод о разведывательной функции акции²⁶⁷. Этот мобильный отряд сокрушил в открытых сражениях войска персов, армян, грузин, орды половцев, русско-половецкое войско. С булгарами он встретился, когда они подготовили оборону. Не теряя времени на её преодоление (зачем это было делать, если подчинять эти земли монголы пока не собирались), Джебе и Субедей увели свои поредевшие за несколько лет похода и столкновений войска. Хочется обратить внимание на «секретное оружие» русских – половцев. Спрашивается, что же это за секрет, если половцы, изрядно потрепанные монголами, сами обратились к русским князьям за помощью. Так некорректное построение фразы меняет причинно-следственную связь.

Противостоять объединенному войску монгольских ханов, двинувшихся на завоевание, согласно решению курултая 1235 г., болгары уже не смогли. Да и само завоевание Булгарии шло с 1229 г. по 1236 г., что отмечает Е.В. Арсюхин²⁶⁸. Но не так, как это представляет он себе и своим читателям. На самом деле, на протяжении 1233–1235 гг. Батый исключительно своими воинами «зондировал условия для крупномасштабного вторжения»²⁶⁹.

Е.В. Арсюхин на других страницах труда злорадно поразмышлял о поведении Георгия Всеволодовича при нашествии Батыя:

«Как говорят все источники, поведение Юрия в пору монгольского нашествия отличалось завидной бездарностью. Наконец-то он столкнулся с настоящим противником, все поняли, что значит воевать не с Пургасом, а с Батыем. Сначала, как известно, Юрий пытался играть

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Наиболее четко это мнение выражено – см.: Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 64.

²⁶⁸ Арсюхин Е.В. Полумесяц над Волгой... С. 69.

²⁶⁹ Хрусталева Д.Г. Русь от нашествия до «ига»... С. 67.

на противоречиях среди князей и думал, что монголы ослабят его противников, а самого не тронут, но вышло иначе.²⁷⁰

К каждой строчке этого страстного монолога можно приставлять знак вопроса. Почему Е.В. Арсюхин так завидует бездарности Георгия Всеволодовича? Выше ставился вопрос: у кого из противников Батыя в Восточной Европе в период 1237–1240 гг. проявилась особая одаренность? Интересно, а Пургас и болгарские князья, с которыми воевал Георгий Всеволодович, поняли, что значит противостоять не владимирскому князю, а Батью? Непонятно, на каких противоречиях среди князей пытался играть Георгий Всеволодович? Источники не дают на это ответа. К владимирскому князю обращались рязанские князья за помощью. Однако, как было показано, мотивация первоначального отказа, а затем и запоздалой помощи под Коломной были иными, нежели желание ослабить рязанцев. Тем более в главе об отношении владимирских и рязанских князей было показано, что отношения Георгия с рязанскими родственниками после 1217 г. были равноправными и бесконфликтными.

§ 9. Источниковедение фактов 1223 г. и 1237/1238 гг. в историографии борьбы с нашествием татаро-монголов

Обзор исторических работ, где затрагивалось поведение Георгия Всеволодовича в 1223 и в 1237/38 гг., показал, что исследовательские выводы делаются самые разные и даются полярные оценки деятельности князя. А потому так же, как и в отношении Липицкой битвы, надо более внимательно отнестись к источниковедению этой проблемы. Существуют две основные трактовки поведения князя Георгия Всеволодовича в 1223 г. и три – зимой 1237/38 г. Эти три трактовки соответственно опираются на три «основных» источника – ЛЛ, ИЛ, НПЛ. Применительно к отрицательной оценке поведения Георгия Всеволодовича во время битвы на Калке в качестве главного источника выступает ИЛ. У апологетов князя на первый план выходит ЛЛ, согласно сведениям которой он всё-таки послал своего племянника Василька с дружиной.

Поведение Георгия Всеволодовича зимой 1237/38 г. реконструируется по НПЛ с частым привлечением «Повести о разорении Рязани». При этом мало обращается внимания на то, что «Повесть» вторична именно по отношению к НПЛ. Данные ЛЛ отмечаются чаще всего под предло-

²⁷⁰ Там же. С. 94.

гом того, что они восходят к летописцу самого Георгия Всеволодовича или к ростовскому летописанию, ведущемуся при родственниках Василька Константиновича, погибшего сразу после Сити. Значит, в данных ЛЛ содержится симпатия владимирскому князю. Также данные летописей, скудные и противоречивые, дополняются сведениями иностранных авторов, не прошедшими источниковедческой критики. Немалую роль в дополнительной детализации событий зимы 1237/38 г. играют «сведения» Татищева. Будучи результатом исследовательского произвола, они сами дополнительно трактуются и служат «уликами» против Георгия Всеволодовича.

М.Д. Приселков в источниковедческом труде, затрагивая события зимы 1237/38 гг., исследовал ЛЛ. По его обоснованному мнению, при описании монгольского нашествия в 1237/38 гг. в Ростове для великого князя Ярослава Всеволодовича были сведены тексты ростовской и владимирской (великокняжеской) летописных традиций²⁷¹. При этом:

«Сливая в одно два повествования о походе Батгя, наш ростовский сводчик, как, впрочем, и везде, в основу положил ростовское изложение, делая из владимирского только вставки»²⁷².

Я.С. Лурье подтвердил этот тезис ссылками на историографию²⁷³.

Относительно битвы на Калке Н.Ф. Котляр пишет, что в ИЛ отразилась галицко-волынская редакция «Повести о Калкской битве». Поэтому на первое место вышел Даниил Романович, в то время не игравший первых ролей в политической жизни Руси. Однако откуда был взят исходный текст Повести до её редактирования на Волыни, Н.Ф. Котляр не отмечает. Замечания по поводу того, что на первом плане в битве все-таки остались киевский князь Мстислав Романович и галицкий правитель Мстислав Мстиславич, при попутном упоминании других perso-

²⁷¹ Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 141–142.

²⁷² Там же. С. 143.

²⁷³ Лурье Я.С. Примечания // Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. ... С. 268–269; Комарович В.Л. История русской литературы. Т. II. Ч. I. М.–Л., 1946. С. 75–76; Прохоров Г.М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Т. XXVIII. Л., 1973. С. 77–85. Впрочем, идеи Г.М. Прохорова Я.С. Лурье критиковал.

нажей²⁷⁴, могут свидетельствовать, что Н.Ф. Котляр считает «Повесть о Калкской битве» произведением киевской книжности и присоединяется к точке зрения В.Т. Пашуто. Это предположения нашли отражение в Комментарий²⁷⁵ к изданию Галицко-Волынской летописи. Вместе с тем, Н.Ф. Котляр оставил без ответа вопрос о дате создания повести: по горячим следам события (В.Т. Пашуто), к концу XIII в. (А.В. Эмаусский). О роли владимирского князя Георгия в этих событиях Н.Ф. Котляр не пишет.

Примерно в таком же ключе Н.Ф. Котляр разбирает и «Повесть о Батыевом нашествии». Он указывает, что эта Повесть известна в трех версиях – ИЛ, ЛЛ, НПЛ, – и считает, вслед за «большинством исследователей», что Повесть имеет южнорусское (ИЛ) происхождение²⁷⁶. Уже в Комментарий Н.Ф. Котляр после более детального обзора источниковедческих выкладок пишет, что Повесть о «Побоище Батыевом» составлена из нескольких частей, написанных в различных частях Древней Руси, и была отредактирована южнорусским книжником²⁷⁷.

В толковании деятельности Георгия Всеволодовича в период нашествия Батыя Н.Ф. Котляр остался на позициях советской историографии. Князь, отказывавшийся помочь Рязани (ссылка на НПЛ), был застигнут врасплох врагом²⁷⁸. Толкование отказа Георгия отсутствует; не говорится о его с рязанцами попытке организовать сопротивление у Коломны. Вместо этого говорится о сражениях на рубежах княжества²⁷⁹. Владимир защищался без Георгия потому, что тот отступил на север, где накапливал силы. Со ссылкой на ИЛ Н.Ф. Котляр пишет:

«Всеволод с братом Мстиславом вышли из Владимира просить пощады у татар, но были убиты, по свидетельству галицкого летописца. Лаврентьевский же летописец замолчал этот позорный для сыновей Юрия Всеволодовича эпизод, без никаких подробностей отметив **«Всеволодъ с братом внѣ града убита»** (Лавр. Стб. 464). Так же поступил и нов-

²⁷⁴ Котляр Н.Ф. Композиция, источники, жанровые и идейные характеристики Галицко-Волынской летописи // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005. С. 38.

²⁷⁵ Котляр Н.Ф. Комментарий // Галицко-Волынская летопись. Текст... С. 210.

²⁷⁶ Котляр Н.Ф. Композиция, источники... С. 43.

²⁷⁷ Котляр Н.Ф. Комментарий... С. 247.

²⁷⁸ Там же. С. 248.

²⁷⁹ Там же. С. 248–249.

городский летописец, сообщив, будто Всеволод остался среди защитников г. Владимира и погиб, успев перед смертью принять схиму (НПЛ. С. 287).²⁸⁰

Не все выводы Н.Ф. Котляра можно принять. В ИЛ сообщается о гибели одного Всеволода, когда он вышел к врагу, чтобы просить пощады²⁸¹. О Всеволоде и Мстиславе говорится лишь в ЛЛ без указания на их выход к врагу: Всеволод и Мстислав находились в осажденном городе, им показывали их плененного брата Владимира²⁸²; Всеволод и Мстислав безуспешно призывали дружину выйти за Золотые ворота и погибнуть в бою²⁸³; после взятия татарами укреплений Нового града Всеволод и Мстислав бежали в Печерный город²⁸⁴. В следующий раз их имена звучат, когда Георгию сообщают о взятии Владимира, и звучат так²⁸⁵, как это процитировал Н.Ф. Котляр. В НПЛ же сообщается, что Всеволод вместе с матерью, дочерьми и снохами Георгия Всеволодовича, владыкой Митрофаном после взятия укреплений укрылся в Успенском соборе, где со всеми постригся и принял схиму. Затем сообщается о гибели всех вместе с князем, под которым надо понимать Всеволода, при поджоге монголами храма²⁸⁶. При этом важно обстоятельство, что Всеволод с родными и близкими вбежал в храм после того, как увидел, что град зажжен. В ЛЛ говорится, что Всеволод с Мстиславом бежали в Печерный город после взятия Нового града.

Уделил внимание сюжету о сыновьях Георгия Всеволодовича при обороне Владимира Д.Г. Хрусталеv. Однако он не дал четкого вывода, предпочитая усилить негативный образ князя Георгия Всеволодовича:

«Наряду с примерами героизма при обороне и мученической смерти после поражения источники сохранили и не совсем лицепрятные примеры действия руководителей общины. Так... южнорусская повесть сообщает, что когда глава обороняющейся стороны княжич Всеволод осознал бесперспективность дальнейшего сопротивления,

²⁸⁰ Там же. С. 249.

²⁸¹ ИЛ. Стб. 780. Текст Галицко-Волынской летописи // Галицко-Волынская летопись. Текст... С. 107.

²⁸² ЛЛ. Стб. 461.

²⁸³ ЛЛ. Стб. 462.

²⁸⁴ ЛЛ. Стб. 463.

²⁸⁵ ЛЛ. Стб. 464.

²⁸⁶ НПЛ. С. 75–76, 287–288.

он собрал богатые дары и направился к Батыю просить о помиловании и даровании жизни (следует цитата из ИЛ – А.К.). Судя по тому, что Юрию сообщили о смерти его сыновей «вне града» (ссылка на ЛЛ – А.К.), княжич Мстислав также пытался бежать, но был убит»²⁸⁷.

Слово «также» применительно к Мстиславу предполагает, что попытку бегства предпринял Всеволод, хотя о нем Д.Г. Хрусталеv говорит, как о просителе у Батыя. Такое смещение акцентов без попытки разобраться в противоречивости источников не корректно.

Наличие двух не совсем согласующихся между собой толкований сведений о гибели сыновей Георгия выглядит странным, если вспомнить рассуждения на эту же тему М.Д. Приселкова:

«Обратим внимание на последовательность описания взятия Владимира татарами и гибели его защитников и обитателей. Вот описатель дошел до того момента, когда татары ворвались и взяли город, а князь Всеволод и Мстислав, сыновья уехавшего Юрия, и все люди вбежали в Печерный город. Здесь, неожиданно оборвав рассказ, автор переходит к описанию гибели епископа и женской половины княжеского дома в главной церкви Владимира. Но ведь главная церковь Владимира, конечно, находилась в кремле города, который в описании называется Печерным. Значит, прежде чем «запалить огнем» эту церковь, татарам надо было взять Печерный город. А об этом-то не сказано ни слова. Странно и то, что рассказ забывает об участии молодых князей, защитников Владимира. Однако значительно ниже мы читаем, что к Юрию на р. Сить пришла весть о гибели его столицы, семьи и населения в таких выражениях: «...а старейшая сына Всеволод с братом вне града убита...». Значит, в рассказе выше этого места было же сообщено об окончательном взятии Владимира, т.е. взятии Печерного города, как и о том, что Всеволод и Мстислав погибли при этом как-то «вне града», т.е. отдельно от других защитников»²⁸⁸.

Тем самым более вероятным видится толкование слов ЛЛ, процитированных Н.Ф. Котляром, что Всеволод и Мстислав пали вне града, то есть за пределами укреплений, взятых противником. Поэтому предложенную Н.Ф. Котляром трактовку, на наш взгляд, нельзя считать исчерпывающей. При соединении сведений НПЛ и ЛЛ получается более

²⁸⁷ Хрусталеv Д.Г. Русь от нашествия до «ига»... С. 121.

²⁸⁸ Приселков М.Д. История русского летописания... С. 143.

стройная версия, нежели в ИЛ. По крайней мере, нет оснований, чтобы сведения ИЛ считать базовыми для реконструкции событий при взятии Владимира. Если выбирать из сведений НПЛ и ЛЛ, то остается лишь гадать, где погиб Всеволод: с Мстиславом в Печерном городе или с матерью, женой, сестрами и невестками в зажженном храме.

Сама судьба Георгия Всеволодовича зимой 1238 г. прослеживается Н.Ф. Котляром по ЛЛ и НПЛ, поскольку в ИЛ о ней упомянуто кратко²⁸⁹. Однако в источниках не говорится о постепенном характере²⁹⁰ сбора войска Георгием Всеволодовичем на Сити. Тем не менее, из ИЛ взято сообщение, что Георгий не имел на Сити сторожей и облегчил дело собственного разгрома²⁹¹. Затем Н.Ф. Котляр использовал сведения ЛЛ о неудавшейся попытке Георгия выстроить полки, о бегстве русских ратников перед превосходящими силами врага²⁹². Примечательно, что, в отличие от Дж. Феннела, Н.Ф. Котляр фразу НПЛ о неизвестности обстоятельств гибели Георгия Всеволодовича рассматривает в том ключе, как это подано в летописи²⁹³.

По сути, в комментариях Н.Ф. Котляра к тексту Галицко-Волынской летописи о нашествии Батые на Северо-Восточную Русь представлена попытка взаимодополнить скудную картину ИЛ, ЛЛ, НПЛ. Такая попытка при изучении текста ИЛ на фоне отсутствия подобного в отношении ЛЛ и НПЛ выглядит спорной.

Современное видение источников для реконструкции событий 1223 г. и зимы 1237/38 гг. представил В.А. Кучкин. Согласно его аргументации, самый достоверный рассказ о Калке дошел в составе НПЛ благодаря наличию устных источников (тысяцкий Ярун, владыка Антоний (на момент Калки – епископ Перемышля), к 1230 г. вернувшийся в Новгород). Эти устные свидетельства, собранные в Галиче, вошли в новгородскую епископскую летопись, использованную при создании НПЛ²⁹⁴. ЛЛ представляет более краткое изложение битвы на Калке, поскольку её сводчики были мало информированы о событиях мая–июня

²⁸⁹ Котляр Н.Ф. Комментарий... С. 250.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Там же.

²⁹² Там же.

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Кучкин В.А. Летописные рассказы о битве на р. Калке // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Пouchения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 75.

1223 г. Поэтому рассказ, созданный при дворе Георгия Всеволодовича, позднее был дополнен сведениями новгородской владычной летописи и материалами о походе и счастливом возвращении Василька Константиновича²⁹⁵. Данная справка о Васильке Константиновиче была вставлена на завершающем этапе складывания сообщения о битве на Калке – в 1280-х гг. Очевидно, что этой справкой продолжили текст летописца Георгия Всеволодовича, где кратко говорилось, что он откликнулся на призыв южнорусских князей, направив Василька Константиновича. Зависимость и определенная вторичность текста о Калке в ЛЛ от новгородского летописания не дают подтверждений догадке о том, что владимирский летописец защищал своего князя от обвинений в саботаже общерусского дела. Такой вывод чаще всего делается при соотнесении сведений ЛЛ и ИЛ.

Рассказ о Калке в ИЛ, по мнению В.А. Кучкина, является сложным, многослойным текстом, куда вошли отрывки киевского летописания 1230-х гг., галицкого летописца Мстислава Удатного, материалы при переработке сводчика Даниила Галицкого²⁹⁶. Эти наблюдения В.А. Кучкина заставляют внимательно всмотреться в единственное упоминание Георгия Всеволодовича (отсутствие в княжеском совете накануне сражения) в рассказе о битве на Калке:

«Юрьѣ же князѣ великого Соудальскаго. не бы в томѣ скѣтѣ»²⁹⁷.

Как доказал В.К. Романов, упоминание Георгия Всеволодовича в рассказе ИЛ о битве на Калке является поздней вставкой книжника, близкого Даниилу Романовичу. Это сведение носит характер припоминания, «внесенного с целью придания совету князей более значимого характера»²⁹⁸. Поэтому нет необходимости в догадке о том, что в ЛЛ отразилась полемика с ИЛ, составители которой якобы стремились принизить Георгия Всеволодовича. Толкование Д.С. Лихачевым фразы ИЛ об отсутствии Василька на совете и пребывании его в Киеве

²⁹⁵ Там же. С. 76.

²⁹⁶ Там же. С. 77. В данном случае В.А. Кучкин соглашается с аргументами и идеями В.К. Романова.

²⁹⁷ ИЛ. Стб. 741.

²⁹⁸ Романов В.К. Статья 1224 г. о битве на Калке в Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. 1980 г. В.Н. Татишев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 101.

«Упоминание об отсутствии Василька становится понятным только в связи с известием ростовской летописи о том, что князь Юрий Всеволодович послал Мстиславу Василька, который, однако, не успел прибыть вовремя и вернулся обратно в Ростов...»²⁹⁹

является ошибочным. Эта фраза также является поздней вставкой и рассказывает о Васильке Романовиче, который находился во Владимире-Волынском³⁰⁰. Можно утверждать, что первоначально в тексте о битве на Калке, имеющемся в ИЛ, не было упоминаний (и тем более упреков) о тогдашних князьях Северо-Восточной Руси.

Более сложная ситуация с достоверностью источниковых сведений о зиме 1237/38 гг. Обобщение историографии источниковедческих исследований и свои наблюдения также были представлены В.А. Кучкиным. Описание монгольского нашествия в ИЛ восходит к гипотетическому южному Галицкому летописному своду рубежа 1250–1260-х гг.³⁰¹. Рассказ о Батыевом нашествии в НПЛ сложился из материалов рязанского и новгородского летописаний, устных свидетельств в новгородском своде 1270-х гг.³⁰². Самым поздним является рассказ о нашествии Батия в ЛЛ, восходящий к владимирскому великокняжескому своду 1281 г., основанному на ростовском летописании и отдельных летописных записях, современных нашествию³⁰³. Вывод В.А. Кучкина таков:

«Сравнение трех древнейших повествований о Батыевом нашествии... показывает, что летописцы различных центров древней Руси в основном одинаково описали вторжение монголо-татар в русские земли и покорение ими сначала Рязанского княжества, а потом княжеств Северо-Восточной Руси. Но общий ход событий изложен ими с различной степенью полноты и подробности. Нередко они сообщают противоречащие друг другу сведения... Такие особенности рассмотренных летописных повествований свидетельствуют, что не существо-

²⁹⁹ Лихачев Д.С. Летописные известия об Александре Поповиче // *Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе*. Л., 1986. С. 324–325.

³⁰⁰ Романов В.К. Статья 1224 г. о битве на Калке... С. 86–88. См. также: Котляр Н.Ф. Комментарий // *Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование*. СПб., 2005. С. 211.

³⁰¹ Кучкин В.А. Летописные рассказы о монголо-татарском нашествии на Русь // *Письменные памятники истории Древней Руси...* С. 79.

³⁰² Там же. С. 80.

³⁰³ Там же. С. 81.

вало какого-то единого литературного произведения о походе Батия на Русь, как это иногда утверждается в научной и справочной литературе. Галицкий, новгородский и владимирский летописцы были создателями независимых от какого-либо общего источника трех различных оригинальных описаний чужеземного нашествия³⁰⁴.

Этот вывод расходится с точкой зрения Н.Ф. Котляра, выводящего, как указано выше, летописные сведения ЛЛ, НПЛ и ИЛ о Калке и о Батыевом нашествии от южнорусского источника. Наблюдения за текстами «Повести о Батыевом нашествии» склоняют к тому, чтобы признать правоту В.А. Кучкина. К тому же этой справочной его работе предшествовало большое исследование, где показан разный генезис рассказов ЛЛ, ИЛ, НПЛ о монгольском иге³⁰⁵. На схожей источниковедческой основе построено исследование Б.М. Пудалова, не отдавшего четкий приоритет какой-либо «основной» летописи.

§ 10. Итоги исследования: от историографии к истории

В 1223 г. владимирский князь Георгий Всеволодович получил известие о том, что русские князья откликнулись на призыв половцев выступить против монголов. Видимо, эта весть была доставлена гонцом вместе с просьбой южнорусских князей о присоединении к этой акции. Однако времени на доставку информации и для принятия адекватного решения было отведено мало. Не имея достаточно сведений о враге, владимирский князь откликнулся на призыв. Георгий Всеволодович направил против монголов племянника Василька Константиновича с дружиной. Но он дошел лишь до Чернигова, где его застала весть о разгроме русских князей на реке Калке. Неизвестно, знали ли русские князья о выдвижении к ним Василька Константиновича, но отсутствие Георгия Всеволодовича на совете перед битвой (поздняя вставка) не было для них преступлением. Видимо, летописцы и князья понимали, что быстро отреагировать на события, разворачивавшиеся на юге Руси, из её северо-восточного угла было невозможно. Сам Василько Константинович, узнав о поражении на Калке, наверное, не мог оценить масштабы драмы и той беды, от которой судьба его спасла. К нему

³⁰⁴ Там же. С. 82.

³⁰⁵ Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X – начала XX в. М., 1990. С. 15–69.

можно приложить слова летописца, сказанные по поводу счастливого спасения Ингваря Игоревича от гибели в Исадах:

«не приспѣ приехати к нимъ: не бе во приспело врѣмѧ его»³⁰⁶.

Подобно тому, что данные слова предвосхищают гибель Ингваря Игоревича во время Батыева нашествия, так же можно объяснить слова в ЛЛ о возвращении Василька из Черниговской земли в июне 1223 г.:

«възвратисѧ ѿ Чернигова схраненъ Бомъ и силою крѣта чѣнаго· и мѣтвою ѡца своего Константина· и стрѣпа своего Георгия· и вниде в свои Ростовъ слава Бѧ и стѣю Бѣю»³⁰⁷.

Исходя из того, что эти слова в ЛЛ попали после 1280 г. из ростовского летописания, надо утверждать вслед за В.А. Кучкиным, что мотив сохранения Василька Константиновича молитвами отца и дяди, Богом и Богородицей появился несколько десятилетий спустя после битвы на Калке. Примечательно, что в ростовском летописании, независимом от Георгия Всеволодовича, прославляется этот князь и показано его беспокойство относительно племянника Василька Константиновича. Это обстоятельство подрывает догадку о том, что во владимирском летописании все благие дела приписывались великим князьям (в нашем случае – Георгию Всеволодовичу) в ущерб настоящим героям (в данном случае – Васильку Константиновичу). Даже в ростовском летописании, которое велось под контролем вдовы Василька Константиновича и, возможно, его детей, показана тесная, больше чем родственная связь Георгия Всеволодовича с племянником.

«Отрицательная» роль Георгия Всеволодовича в событиях 1223 г., так ярко проявившаяся в историографии XX в., базируется на тенденциозном истолковании сведения ИЛ об отсутствии владимирского князя на совещании перед битвой на Калке. При этом комбинируются сведения всех трех «основных» летописей не в пользу владимирского князя. Но всю ответственность за то, что владимирский князь в определенной мере стал «козлом отпущения» за поражение на Калке, нельзя возлагать исключительно на историков, ставших заложниками материалистической идеологии. Как было показано в главе, посвященной битве на Липице, восприятие битвы на Калке менялось с развитием летописания путем комбинирования сведений из ЛЛ, НПЛ, ИЛ, добавления ма-

³⁰⁶ НПЛ. С. 58 (цит. по ней). Подобно в ЛЛ (Стб. 440).

³⁰⁷ ЛЛ. Стб. 447.

териала из недошедших памятников и следов авторского редактирования. Вероятно, первые попытки такого комбинирования были предприняты в Тверском сборнике и Ермолинской летописи. Затем в СИЛ произошло вытравливание следов ЛЛ и наращивание массива сведений ИЛ. Результатом операции стало сведение к минимуму и без того небольшой роли владимирского князя в событиях мая–июня 1223 г. При этом опосредованное упоминание Георгия Всеволодовича имеет отрицательный оттенок. Таким образом, историки XX в. второй раз пошли по пути совмещения сведений НПЛ и ИЛ с выпячиванием отрицательной роли Георгия Всеволодовича.

Если при внимательном прочтении источников об отрицательной роли Георгия Всеволодовича в битве на Калке говорить не приходится, то сложной картина получается при оценке деятельности Георгия Всеволодовича при «подготовке» к отражению нашествия монголов и во время самого нашествия. «Подготовка» к отражению взята в кавычки, потому что предполагается, что именно Георгий Всеволодович должен был заботиться об отражении Батыева нашествия. Ведь именно на Северо-Восточную Русь обрушился монгольский удар зимой 1237/38 гг., ведь именно иго было установлено над Залеской землей. Однако нигде в историографии не встречалось упреков в адрес рязанских князей (возможно, здесь сказался их образ жертв вероломства того же владимирского князя), черниговского князя Михаила Всеволодовича, галицко-волинского князя Даниила Романовича (в данном случае, свою роль сыграло то, что монголы не стали задерживаться в Юго-Западной Руси в своем стремлении далее на запад, что подчинение этих земель монголами пришлось на 1260–1280-е гг.). Более того, нигде упреков в адрес Даниила и Михаила за усобицы в тот момент, когда уже венгерский король был озабочен отражением возможного монгольского вторжения, не встречается.

Во-многом такая ситуация объясняется тем, что описание вторжения Батыева на Русь в НПЛ ограничено рассказом о нашествии зимы 1237/38 гг.³⁰⁸. В ЛЛ подробный рассказ о зиме 1237/38 гг. дополнен краткими сведениями о событиях 1239–1240-х гг. до взятия Киева включительно³⁰⁹. Лишь в ИЛ повествование охватывает события начиная с 1239 г.: взятие Переяславля, Чернигова, Киева, ряда волинских горо-

³⁰⁸ Кучкин В.А. Летописные рассказы о монголо-татарском нашествии на Русь // Письменные памятники истории Древней Руси... С. 80.

³⁰⁹ Там же. С. 81–82.

дов и европейский поход Батыея³¹⁰. То есть удельный вес сообщений о Георгии Всеволодовиче в тяжелую годину Батыева нашествия в «основных» летописях превышает остальные сведения. Еще сильнее это проявляется в летописях XV–XVI вв., где комбинировались сведения ЛЛ, НПЛ, ИЛ и не всегда устанавливаемых памятников. В основном, в них больший вес имел рассказ о Батыевом нашествии на Северо-Восточную Русь. Это не могло не привести к повышенному вниманию исследователей к метаниям Георгия Всеволодовича, его душевным страданиям, а значит – и мотивации его действий. При этом вся мотивация сводилась к политической целесообразности. Следовательно, Георгий Всеволодович, чья фигура при описании монгольского нашествия рубежа 1230–1240-х гг. заслонила остальных героев, должен был готовиться к отражению врага. Кроме того, летописи зафиксировали действия монголов с начала 1230-х гг. на сопредельных с Русью землях, а потому Георгий Всеволодович все должен был знать о намерениях врага и консолидировать все силы противников монголов. Между тем есть возражения рассуждениями типа:

«Даже вторжение монголов на болгарскую территорию в 1232 г. Юрий пытался использовать для закрепления своей власти у мордвы... Через три года, когда монгольские ханы обрушились на мордовские области, русский сюзерен никак не отреагировал на эти посягательства в зоне своих интересов»³¹¹.

Надо покончить с отношениями «вассал–сюзерен» при оценке внешнеполитической деятельности владимирского князя в 1220–1230-е гг. Как уже писалось выше, таких отношений, или напоминающих их, не было между рязанскими князьями и владимирским князем Георгием Всеволодовичем. Такая трактовка их связей, которые не прослеживаются по летописям, есть результат распространения времени зависимости рязанских князей от владимирских (с последней трети XII в. и по 1212 г.) и долгой борьбы Всеволода Большое Гнездо за влияние на Рязань. Однако правление Георгия Всеволодовича – это особая эпоха владимирско-рязанских отношений, при характеристике которой нет оснований говорить о неравноправии какой-либо стороны. Между тем, это понимание любых отношений владимирского князя Георгия Всеволодовича с кем-либо начинает оцениваться с точки зрения вассально-сю-

³¹⁰ Там же. С. 78–79.

³¹¹ Хрусталёв Д.Г. Русь от нашествия до «ига»... С. 78.

зеренитетных связей. Так и мордва, в чьих землях был основан Нижний Новгород, должна была попасть в число вассалов князя Георгия. Ведь он регулярно совершал походы на нее. Однако еще в XIV в. мордва была самостоятельна: достаточно вспомнить участие мордвы в битве на Пьяне в 1377 г. Да и трудно прикладывать феодальную терминологию к отношениям Древнерусской государственности и племенного строя. В случае применения термина «вассалитет» мы имеем пример того, как некорректное его применение начинает формировать историческую реальность и деструктивно влиять на реконструкцию событий.

В ЛЛ под 1232 г. действительно говорится о зимовке татар в Булгарии и о направлении Георгием Всеволодовичем сына Всеволода с рязанскими и муромскими князьями в поход против мордвы. Однако об использовании владимирским князем ситуации в Булгарии в своих целях говорить не позволяют источники. Ведь сведения о зимовке татар могли дойти до владимирского книжника позже или одновременно с походом. Думается, что, при наличии такой связи, она была бы отражена в летописях. Участие в этом походе на мордву муромских и рязанских князей позволяет предполагать направление похода в сторону от Волжской Булгарии. Криминальной выглядит последовательность между зимовкой монголов в землях булгар и походом русских князей на мордву при условии, если между ними существует факт отказа Георгия помочь булгарам в 1232 г. Такой «факт» есть лишь у В.Н. Татищева и не подтверждается летописями. Очевидно, здесь в который уже раз встречается воздействие на современную историографию мифа историка XVIII в.

Обвинение в адрес Георгия Всеволодовича в том, что он не отошелся на завоевание земель мордвы через три года после зимовки татар в землях Булгарии, не обосновано. В летописных источниках (даже у В.Н. Татищева) об этом не говорится. Сведения об этом содержатся у того же венгерского монаха Юлиана: монголы покорили саксинов, булгар, мари, мордву³¹². Однако ареал расселения мордвы все-таки шире, чем окрестности Нижнего Новгорода и нынешней Нижегородской области, чтобы Георгий Всеволодович мог беспокоиться в большей степени, нежели муромские или рязанские князья.

Можно только предполагать, какие построения могли бы появиться относительно событий конца мартовского 1229 (6737 г.) г.: начало пос-

³¹² Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров... С. 83–84.

ледовательного натиска монголов на земли болгар – разгром сторожей на Яике³¹³. Ведь в январе 1229 г. (6736 г.) Георгий Всеволодович устроил масштабный поход на мордву³¹⁴. В апреле 1229 г. уже Пургас привел мордву к Нижнему Новгороду, но Пуреша разбил Пургаса³¹⁵. Заканчивается статья 6737 г. рассказом о мучениях Авраамия (имя в следующей статье ЛЛ) и вышеуказанным сведением о натиске монголов на болгарских сторожей³¹⁶. Если бы все эти сведения были в одной летописной статье без указания на даты, месяцы и времена года, то в более поздних летописях они могли бы комбинироваться, меняться местами и обуславливать плюрализм исследовательских выводов. И могло бы получиться следующее: зимой 1229 г. монголы ударили по болгарским заставам – той же зимой владимирский князь, воспользовавшись этой бедой, ударил по мордве – но та нашла силы, чтобы ответить набегом Пургаса – однако мужественное сопротивление малюго народа было сломлено мощью владимирского князя. Нечто подобное встречалось в труде Е.В. Арсюхина³¹⁷.

События 1229–1230 гг., восстанавливаемые по ЛЛ, Троицкой и Симеоновской летописям, интересны рядом деталей. В Троицкой и Симеоновской летописях говорится о мире между владимирским князем и булгарами, увенчавшем шесть лет их войны³¹⁸. По мнению Б.М. Пудалова, мир был заключен в 1230 гг.³¹⁹, хотя в статье, где о нем говорится, нет четких датирующих маркеров. Б.М. Пудалову такая догадка понадобилась, чтобы задействовать уникальное, «оборванное» сообщение ЛЛ от 1224 (6732 г.) г.:

«Посла великѣи княѣ Гюрги брата своего Володимера и сѣвца своего Всеволода Костантиновича с полкы»³²⁰

К этой дате Б.М. Пудалов подвел шесть лет войны и определение даты мира с булгарами – 1230 г. Это позволяет выстроить полноценную

³¹³ ЛЛ. Стб. 453.

³¹⁴ ЛЛ. Стб. 451.

³¹⁵ ЛЛ. Стб. 451.

³¹⁶ ЛЛ. Стб. 452–453.

³¹⁷ Арсюхин Е.В. Полумесяц над Волгой... С. 92–94.

³¹⁸ Приселков М.Д. Троицкая летопись... С. 311; Симеоновская летопись... С. 54.

³¹⁹ Пудалов Б.М. Начальный период истории... С. 193.

³²⁰ ЛЛ. Стб. 447. После записи был оставлен пробел в полторы строки. В других летописях подобия этого известия нет.

гипотезу, объясняющую несколько фрагментарных летописных известий между сообщением о выдвижении полков Владимира Всеволодовича и Всеволода Константиновича и известием о мире с булгарами. Принимая её, нужно все-таки оговорить, что она истинна при условии, что мир был заключен в 1230 г., а не в 1229 г. Тогда действительно получится срок «размирья» в шесть лет. По мнению Б.М. Пудалова, в 1224 г. Георгий Всеволодович посылал брата Владимира и племянника Всеволода против булгар. За это говорит и предполагаемая им война с булгарами, начавшаяся в 1224 г. Достоверность этого уникального известия ЛЛ подтверждается тем, что на тот момент времени Владимир Всеволодович и Всеволод Константинович в других событиях, зафиксированных в источниках, не упоминаются³²¹.

Рассуждая о войне Владимирского княжества с Волжской Булгарией в 1224–1230-х гг., Б.М. Пудалов высказывает мнение, что в этой войне мордва выступала союзником Волжской Булгарии, что Волжская Булгария подтолкнула мордовские племена на войну с Владимирским княжеством³²². При этом делается вывод:

«Как бы там ни было, походы 1226–1229 гг. показали военную слабость мордвы, и это удержало булгар от активного вмешательства в войну на их стороне (январское известие 1229 г.), а затем заставило искать мира. Следствием договора стал, видимо, полный отказ булгар от протектората над мордовскими землями, так что через два года великий князь владимирский провел поход на мордву, на сей раз силами совсем юных князей – сына Всеволода и племянника Федора Ярославича, при поддержке рязанских и муромских союзников. О сколько-нибудь организованном сопротивлении мордвы или попытках булгар оказать им помощь летопись не упоминает. Причину нежелания булгар ввязываться в военные действия на землях, прилегаю-

³²¹ А.В. Кузьмин предполагает, что оборванная фраза ЛЛ свидетельствует о походе русских войск, «прибывших в Новгород из Суздаля, на ливонские земли, о котором свидетельствуют латиноязычные источники» – см.: *Кузьмин А.В.* Владимир (Димитрий) Всеволодович // *Православная энциклопедия*. Т. VIII. М., 2004. С. 721. Однако в «Хронике Ливонии» описание событий 1223–1224 гг. в Прибалтике не согласуется с этой записью ЛЛ – см.: *Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Крестonosцы и Русь. Конец XII–1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 102–107, 134–140, 185–190.

³²² *Пудалов Б.М.* Начальный период истории... С. 197–198.

щих к устью Оки, проясняет летописные известие под тем же 6740 г. о появлении монголов, угрожавших столице Волжской Булгарии... Поэтом с начала 1230-х гг. булгарам стало уже не устья Оки, занятого русскими³²³.

Естественен протест против употребления термина «протекторат» по отношению к характеристике связей мордвы и Булгарии: он несет в себе смысловую нагрузку, свойственную политическим реалиям Западной Европы. Но больший протест вызывает идея о том, что все отношения мордвы, болгар и Владимирского княжества вращались вокруг устья Нижнего Новгорода. Могло быть и по-другому. В 1224 г. (или в 1223 г.) началось «размирье» Владимирского княжества с булгарами. Возможно, это начало проявилось в оборванном известии ЛЛ. Шестилетний конфликт, резко начавшийся, мог затем вяло протекать на фоне обострения русско-мордовских отношений. Причем обострение было не со всем мордовским массивом, а лишь с теми племенами, что заселяли регион близ устья Оки. В противостояние мог вмешаться и болгарский князь, единожды воспользовавшийся случаем (о большем летописи не упоминают). Одинокий рейд болгарского князя мог быть простым грабительским набегом. Поэтому догадке Б.М. Пудалова об инспирировании булгарами русско-мордовского конфликта можно противопоставить догадку о двух направлениях, иногда сходящихся, владимирской политики в Поволжье: мордовском и болгарском. Такое же случайное совпадение могло носить и то, что в 1232 г. поход на мордву был вызван потерей внимания болгар к ней. Тем более, как указывалось выше, участие муромских и рязанских князей в походе 1232 г. может указать, что он имел иные географические цели, нежели предшествующие акции против мордвы. Опять-таки в основе версии Б.М. Пудалова лежит предубеждение о зависимости мордвы от кого-либо в формате европейского «вассалитета-сюзеренитета».

В силу этих рассуждений действия Георгия Всеволодовича, военные и политико-дипломатические, в Поволжье в период 1224–1232 гг. не зависели от завоеваний татаро-монголов. По крайней мере, такой вывод следует из прямого понимания летописей при выверенной хронологии их сведений. Поэтому нужно снять обвинение Дж. Феннела, что Георгий Всеволодович никак не укреплял свои границы на востоке и юго-востоке. Еще раз нужно заметить, что это наблюдение (да и обви-

³²³ Пудалов Б.М. Начальный период истории... С. 198.

нение, которое автор этих строк стремится снять) в равной степени распространяется и на муромских, рязанских и черниговских князей.

Многие историографические подозрения в пренебрежении Георгием Всеволодовичем грозящей татаро-монгольской опасностью, в корыстном использовании бед соседей, в потребительском отношении к договорам находят истоки в труде В.Н. Татищева. Как уже было показано выше, мысль о том, что мир с булгарами в 1229 (или в 1230) г. был заключен после шестилетнего «размирья», историк XVIII в. понял как достижение мира на 6 лет. Согласовывая разные сведения об одном голоде, В.Н. Татищев привязал к этому миру и проявление булгарами доброй воли – посылка продовольствия в голодающие регионы. Эти две мистификации в соединении со сведением ЛЛ от 1229 г. о разгроме болгарских застав могут породить такую версию: разгром монголами болгар на Яике – убедительная победа русских над Пургасом – заключение мира. Такая версия может обусловить появление обвинений в адрес владимирского князя: он использовал монгольское давление на болгар для решения своих задач в Поволжье.

Договор, якобы заключенный на 6 лет, по времени наложился на события 1232 г., когда монголы зимовали недалеко от «Великого града Болгарского». Видимо, В.Н. Татищев посчитал, что в силу 6-летнего мирного договора булгары, помня о своей продовольственной помощи голодающим 2-мя годами раньше, обратились к ним за подмогой. Но владимирский князь Георгий отказал. И уже укором князю звучат слова Татищева, которых нет в известных летописях, о разгроме татарами всех великих градов нижних булгар. А после этого у В.Н. Татищева идет сообщение о походе на мордву Всеволода Юрьевича с муромскими и рязанскими князьями. Получается такая картина: Георгий Всеволодович отказал в помощи булгарам и организовал поход на спорные с ними земли. Между тем, летописные источники не позволяют установить четкую и однозначную связь между известием о зимовке монголов в болгарских землях и походе на мордву русских князей. Поэтому надо отвести упреки исследователей в адрес владимирского князя Георгия Всеволодовича по поводу использования бедственного положения булгар и тайного пособничества будущим завоевателям. Также летописные данные при строгой их источниковедческой критике, без привлечения авторских идей Татищева, не дают оснований считать, что Георгий Всеволодович уже в 1232 г., за 6 лет до нападения, знал о планах монголов, но ничего не сделал, понадеявшись на «авось».

Нагнетание негативного образа Георгия Всеволодовича заметно у В.Н. Татищева и дальше. Сообщая во II-й редакции об окончательном разгроме Булгарии монголами, Татищев указал на бегство болгар на территорию Владимирского княжества и их расселение по городам и на отказ Георгия Всеволодовича подготовиться к отражению врага путем собирания всех сил князей³²⁴. Отсутствие этой информации в I-й редакции труда В.Н. Татищева и в летописях опять-таки позволяет отнести её к исследовательской мысли историка XVIII в.

Уже в этих мистификациях В.Н. Татищева видны контуры всех обвинений в адрес Георгия Всеволодовича в историографии. Князь отказал в помощи булгарам, как потом отвергнет рязанцев; он отказался мобилизовать всех князей на борьбу с монголами. Отсюда – возложение ответственности на владимирского князя за общерусское поражение от монголов. Поэтому надо еще раз повторить мысль, что князь Георгий Всеволодович не имел влияния даже на Рязань, не говоря о таких центрах, как Смоленск или Чернигов, чтобы заставить их правителей подчиниться своей воле.

В преддверии монгольского нашествия многое не было ясным: намерения варваров, направления их действий, количество их сил. С этой точки зрения обвинять исключительно Георгия Всеволодовича бессмысленно. Подобным образом можно было бы источник всех бед 1237–1240 гг. искать в Михаиле Черниговском.

Нашествие монголов, начавшееся нападением на Рязань, протекало стремительно, не оставляя времени на принятие четких адекватных решений. В НПЛ говорится об отказе Георгия Всеволодовича помочь рязанцам в атмосфере обреченности, паники и малой информации о противнике. Но ни в коем случае нельзя мотивировать его отказ корыстными соображениями, предательством рязанских вассалов или интересов. Во-первых, вслед за В.А. Кучкиным, надо исходить из того, что внутренне противоречивый текст НПЛ о Батыевом нашествии сложился позже текстов ЛЛ и ИЛ. Это противоречивость проявляется в сведениях об отказе Георгия Всеволодовича помочь Рязани и о посылке им рати к Коломне, которая являлась частью Рязанского княжества. В этом утверждении и его аргументации абсолютно правы В.В. Каргалов, А.Б. Мазуров и Б.М. Пудалов. Совершенно некорректна и избыточна трактовка сведения НПЛ как предательство Георгием своих вассалов – рязанских

³²⁴ *Татищев В.Н. История Российская... Т. III. С. 230.*

князей, которых давно умирляли старшие владимирские «коллеги». Как было показано в главе о владимирско-рязанских отношениях, Георгий Всеволодович не стремился к подчинению Рязани в домонгольское время и в определенной мере способствовал выравниванию данных связей.

Битва под Коломной привела к разгрому рязанской дружины и успех собранного владимирского княжеского войска под командованием воеводы Еремея, знакомого по битве на Липице. Видимо, тогда Георгий Всеволодович и принял решение покинуть столицу и уйти в Ярославль, а оттуда на Сить, чтобы собрать войска. Уход на север княжества имел свой расчет. Если в битве при Коломне пала владимирская (то есть Георгия Всеволодовича) дружина, то в Ярославле князь мог рассчитывать на силы племянников Всеволода (Ярославль) и Константина (Ростов), брата Святослава. При этом сыновья Георгия должны были держать оборону Москвы и самого Владимира. При обороне Москвы в плен был захвачен Владимир Георгиевич. Владимир оборонялся Всеволодом и Мстиславом Георгиевичами. Они погибли при обороне города при невыясненных обстоятельствах. Во Владимире погибла вся княжеская семья. Информация шла до Георгия Всеволодовича, очевидно, долго, если судить по ЛЛ. Известие о взятии врагом Владимира дошло чуть раньше сведения о приближении монголов. По ЛЛ их удар по лагерю на Сити прервал горестную молитву князя, и он начал готовиться к битве³²⁵.

Столь долгое (почти месяц) прохождение информации (конкретной и четкой) до князя вполне объяснимо. Монгольские отряды, рассыпавшиеся от Владимира по всей Залесской земле веером, затрудняли сообщения, перехватывали гонцов. Поэтому надо только предполагать степень информационной блокады, в которой Георгий Всеволодович с племянником и братьями оказались на Сити. К тому же, наверняка, они стремились ограничить сведения о собственном местонахождении. Это сыграло с ними злую шутку: удар Бурундая был для них неожиданным. Кроме неожиданности, этот удар был прицельным. Мишенью был Георгий Всеволодович: после его уничтожения монголы могли позволить другим князьям с войсками покинуть Сить.

В данном случае мы встречаемся с характерной чертой стратегии монголов: покорение территорий и народов достигалось уничтожением верхушки законной власти, авторитет которой мог способствовать организации сопротивления. Известно, что кроме Георгия Всеволодовича

³²⁵ ЛЛ. Стб. 464–465.

несколько позднее в Орде был казнен Михаил Всеволодович, черниговский князь, боровшийся в домонгольское время за главенство в Южной Руси; чуть ранее были обезглавлены рязанские князья. Поэтому Георгий Всеволодович был обречен, и действия, лихорадочные и беспорядочные, не могли предотвратить его мужественной гибели. Тезис о Георгии Всеволодовиче как об основной цели Батыея подтверждается тем, что откат монголов назад, в степи, начался после гибели владимирского князя.

Эта намеченная монголами цель свидетельствует о продуманности и подготовленности вторжения. Поэтому все рассуждения о численном превосходстве сил владимирского князя, не сумевшего ими распорядиться, не стоят внимания. Монголы превосходили силы Рязанской земли и Владимиро-Суздальского княжества так, что их потери не помешали потом разорить Переяславскую землю, разгромить Чернигов, взять Киев, совершить мощные удары по Галицко-Волынской земле и Европе... Все возможные реконструкции численности русских и монгольских войск не имеют источникового обоснования, нося умозрительный характер. Хорошо поставленная разведка монголов должна была предоставить сведения, что Новгород не подчинялся владимирскому князю настолько, чтобы по его слову собрать войска.

Историография XX в. дала еще одно основание критиковать князя — это «Повесть о разорении Рязани Батыеем». Однозначная трактовка её слов относительно Георгия Всеволодовича на фоне описания подвигов Евпатия Коловрата позволила Д.С. Лихачеву, Б.Д. Грекову, А.Г. Кузьмину, Ю.В. Кривошееву рассуждать о двусмысленности поступков владимирского князя.

Все эти рассуждения ведут к одному выводу: Георгий Всеволодович пал в неравной борьбе с врагом, подобно другим героям Отечества. Внимательное соотнесение источников с историографией позволяет говорить о том, что она не дала ничего нового по сравнению с летописями, чтобы осуждать князя с точки зрения современности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

политическая деятельность владимирского князя Георгия Всеволодовича пришлось на первую треть XIII в. С ней совпало начало татаро-монгольского нашествия. Именно на Георгия Всеволодовича историки и публицисты от истории возлагают основную вину за поражение Руси от монголов. В таком вердикте повинно и потребительское отношение к разновременным источникам. При описании Батыева нашествия 1237–1240 гг. русские летописцы XV–XVI вв. большую часть страниц отводят именно владимирскому князю. В силу данного обстоятельства исследователи детально рассматривают действия Георгия Всеволодовича в ту тяжелую годину с опорой именно на поздние (по сравнению с Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской I) летописи. Поэтому-то историки, следуя летописным тенденциям, возлагают на князя Георгия ответственность за поражение от монголов.

Обозначившаяся тенденция обуславливает некритическое использование историками поздних и недостоверных сведений «Повести о разорении Рязани Батыем», «известий» В.Н. Татищева, а это в глазах исследователей неправомерно усугубляет вину Георгия Всеволодовича за поражение Руси от монголов. Размноженный в большом количестве трудов штамп об отказе владимирского князя помочь Рязани в декабре 1237 г. сделал Георгия Всеволодовича удобной фигурой для того, чтобы иллюстрировать пагубность раздробленности¹. На эту же мельницу льет воду поздняя вставка в ИЛ об отсутствии владимирского князя в совете перед битвой на Калке в 1223 г.: опять, казалось бы, характерное поведение политического деятеля эпохи раздробленности, преследующего лишь корыстные цели.

¹ См., например: Демкова Н.С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1997. С. 40.

Следующим этапом в нагнетании отрицательного образа князя стала битва на Липице, отразившаяся в летописных памятниках XIV–XVI вв. В них усиливалась критика в адрес Ярослава Всеволодовича, которая распространялась и на его старшего брата Георгия. В «Истории Российской» В.Н. Татищева центр тяжести этой критики сместился на образ Георгия Всеволодовича. Именно В.Н. Татищев испытывал антипатию к этому князю и сознательно переносил её на страницы своего труда. Летописные источники не дают оснований для показа даже десятой доли того негатива, который выплеснулся на страницы «Истории Российской».

Источниковедение отдельных фактов позволяет снять негативистские наслоения на образ Георгия Всеволодовича. С начала XIII в. прямо или косвенно он играл важную роль в общерусских княжеских отношениях. Княжич Георгий отразил набег рязанских князей в 1209 г. на Подмоскowie, чем обеспечил Всеволоду Большое Гнездо, ходившему на Новгород против Мстислава Удатного, подчинение Рязани. Последнее позволило владимирскому князю вынудить своего черниговского тезку, правившего в Киеве, в 1210 г. вступить в переговоры о мире. Этот владимирско-черниговский мир в 1211 г. был закреплен браком Георгия Всеволодовича и дочери Всеволода Чермного. Всеволод Чермный вернул владимирскому князю Переяславль-Русский. Контроль над ним Георгий Всеволодович, став владимирским князем в 1212 г., сохранял точно до 1230 г. Это надо утверждать вопреки мнению В.Н. Татищева и зависимых от него исторических построений XX в. Другие князья признавали право Георгия Всеволодовича на Переяславль, не претендуя на это княжество, даже когда там отсутствовал князь из Владимирской земли. Опосредованное присутствие Георгия Всеволодовича в Переяславле влияло на его новгородскую политику, на противоречивые отношения с шурином, черниговским князем Михаилом Всеволодовичем, а через них – на участие в южнорусской борьбе рубежа 1220–1230-х гг. Позже эта борьба привела к тому, что Михаил Черниговский всё же вытеснил зятя из Переяславля.

Виновником ссоры Георгия Всеволодовича с Михаилом Всеволодовичем стал брат первого – Ярослав. Неприязненные отношения Ярослава и Михаила зародились задолго до того, как Георгий женился на сестре Михаила. Именно Ярослава заменил Всеволод Чермный в 1206 г. своим сыном Михаилом в Переяславле-Южном. Именно Ярослава утвердил на рязанском столе отец Всеволод Юрьевич после того, как увел

из Рязанского княжества князей и княгинь. Среди них была дочь Всеволода Чермного, сестра Михаила Черниговского и жена Кира Михаила Пронского. Её пленением, изгнанием Кира Михаила из Пронска и утверждением в Рязани сына Ярослава Всеволод Большое Гнездо компенсировал потерю Переяславля-Южного. С 1223 г. Ярослав Всеволодович начал с Михаилом Всеволодовичем борьбу за Новгород. Георгий поддерживал брата, пытаясь сохранить хорошие отношения с шурином.

Возвращаясь к теме брака Георгия Всеволодовича, надо отметить его «встроенность» в сферу династических союзов Всеволодовичей. Они играли важную роль в политике владимирского князя. Брак Георгия Всеволодовича обеспечил Всеволоду Большое Гнездо нормализацию отношений с черниговским князем. Брак Константина Всеволодовича с дочерью смоленского князя давал возможность задействовать смоленские связи. Просмоленская линия в политике владимирских князей была усилена уже после смерти Всеволода Юрьевича женитьбой Ярослава Всеволодовича на дочери Мстислава Удатного. Брачные связи сыновей позволили Всеволоду Большое Гнездо беспроблемно действовать на политической арене Руси. Поссорившись с черниговским князем, Всеволод Юрьевич в 1207 г. ударил по Рязани, лишил пронского стола зятя черниговского князя Кира Михаила, пленил его жену (дочь Всеволода Чермного). При этом была актуализирована смоленская связь: Глеб, выдавший братьев, был зятем Давыда Ростиславича. После занятия Мстиславом Удатным Новгорода и вытеснения оттуда сына владимирского князя Глеб, бывший союзник Всеволода Большое Гнездо, уже встал в оппозицию к последнему. Конечно, в этом был виноват и сам владимирский князь, не удовлетворивший запросы союзника. Тем не менее, Всеволод Большое Гнездо уже мог пойти на предложение мира от Всеволода Чермного.

Исследование влияния брачных связей на политическое бытие Георгия Всеволодовича позволяет уточнить отдельные аспекты истории Переяславля-Русского. Её изучение показывает, что для владимирского князя в 1220-х гг. брачные и связанные с ними родственные отношения много значили в проведении политических акций. Во второй половине 1220-х гг. племянники Георгия, Константиновичи, женились на дочерях Михаила Всеволодовича Черниговского и Олега Святославича Курского. Так владимирский князь замирял враждовавших Ольговичей и укреплял свою роль арбитра в их спорах. Почти одновременно на дочери киевского князя (из Ростиславичей) женился сын Георгия

Всеволодовича. Такая политика владимирского князя свидетельствует, что он стремился к мирному сосуществованию лидеров Древней Руси, князей Владимира, Чернигова и Смоленска. Это стремление было обречено на провал, поскольку за Галицко-Волынское княжество бились Даниил Романович, венгры и поляки. Неизбежны были также споры за Киев и Новгород между черниговским и смоленским князьями. Вмешательство в них Ярослава Всеволодовича показывает, что даже братья владимирского князя нарушали его стремление к мирному сосуществованию. Сам владимирский князь Георгий через своего брата Ярослава активно проводил новгородскую политику в ущерб свояку Михаилу Всеволодовичу.

Определенное неустойчивое равновесие, сохранявшееся до 1230 г., обеспечивало владимирскому князю владение Переяславлем-Русским. Туда посылались племянник и брат Георгия Всеволодовича. Они совершали своего рода инспекторские поездки, потерявшие смысл, когда на юге Руси с 1230 г. развернулась борьба за Киев и Галицко-Волынскую землю, а Михаил Всеволодович и Ярослав Всеволодович встали в открытую оппозицию друг другу. Очевидно, Михаил блокировал Переяславль-Южный. Интерес Георгия Всеволодовича и его братьев и племянников к Переяславлю позволяет поставить под сомнение штамп о добровольном отчуждении владимирских князей от Переяславля.

Битва на Липице стала развязкой конфликта Смоленска и Владимира из-за Новгорода, но – не династического кризиса среди детей Всеволода Большое Гнездо. Подчиняясь предсмертному решению отца, Георгий Всеволодович принял бразды правления во Владимирском княжестве в обход Константина. Князю Георгию с большим трудом удавалось сохранять хотя бы видимость мира среди братьев, детей Всеволода Большое Гнездо. Его стремление было сведено на нет вмешательством смоленских князей, добивавшихся общерусского доминирования. В своем правлении князь Георгий Всеволодович стремился к соблюдению справедливости, если его действия осуществлялись на территории древнерусской государственности и были связаны с родственниками-Рюриковичами. Это лишний раз подтверждается отношением князя Георгия к рязанским князьям, которых он отпустил на волю, к племянникам Константиновичам, чьи интересы после 1218 г. он старался не задевать. Как было показано, в 1214 г. династический кризис Всеволодовичей был завершён разделением Владимирского княжества на две доли. Константин правил в Ростовском княжестве, а Георгий с бра-

тьями – в остальной части Северо-Восточной Руси. При этом Константин, наряду с Георгием, помогал Ярославу «укрощать» Новгород. Лишь вторжение Ростиславичей и их курс на раскол лагеря противника изменили позицию Константина. Поэтому в адрес Константина можно сделать упреки за нарушение братской солидарности и пренебрежение интересами Владимирского княжества. Поведение же Георгия Всеволодовича в период 1212–1216 гг. было безупречно с точки зрения политической этики того времени. Он получил бразды правления в княжестве в обход старшего Константина по воле отца, укрепленной согласием представителей разных социальных слоев княжества. В таком качестве Георгий действовал как старший среди Всеволодовичей, не посягая на их земли, стремясь сохранить мир с братьями. Константин, напротив, рвался к большей власти, нежели традиционно была у владимирского князя. Одно только то, что Константин пренебрег народным мнением, начав борьбу с Георгием, свидетельствует о том, что именно старший Всеволодович был нарушителем традиций и норм. К тому же Георгий пытался устроить мир, пойдя брату навстречу, когда предложил ему занять Владимир, а сам готов был уйти в Ростов. Уже после Липицы Константин, заняв Владимир в 1216 г., все-таки понял нереальность своих властных планов. Беспokoясь за судьбу детей, он предпочел отдать владимирский стол Георгию с условием, что тот не обидит племянников. Такое решение Константина показывает, что он вполне доверял младшему брату и столкновение на Липице не было их личным конфликтом.

Личный конфликт Всеволодовичей, равно как и несправедливое отношение Ярослава к Новгороду, были поданы причинами битвы на Липице в новгородском летописании уже в XIII в. Эта тенденция владычного новгородского свода отразилась в НПЛ и ТВ. Потом, в XV веке, именно в Новгороде более ранние сведения о битве на Липице были расцвечены и дополнены недостоверными деталями. Их цель – опорочить Ярослава Всеволодовича. Эта тенденция распространилась и на владимирского князя Георгия Всеволодовича, хотя он встал на защиту своей земли, своего княжества, своего брата. Всё же в советской историографии было подхвачено неприязненное отношение дореволюционных историков (начиная с В.Н. Татищева) к личности Георгия Всеволодовича в период 1212–1216 гг. Так, в силу превратностей развития исторических знаний в советской исторической традиции возобладал субъективистский подход к оценке масштабных и знаковых событий первой трети XIII в. Среди них Липица заняла особое место. Выставляя

Георгия Всеволодовича главным виновником усобицы, советские историки еще раз проиллюстрировали отрицательную сторону раздробленности. От такого подчеркнуто объективистского изображения оставался один шаг, чтобы показать князя злым гением домонгольской истории. Тем более, князь Георгий «проявился» на Калке и ярко «засветился» в источниках, освещающих Батыево нашествие. Этот шаг к моральной оценке – на «неудовлетворительно» – деятельности князя сначала был сделан в краеведческой традиции (Н.Ф. Филатов) и совсем недавно в «этнической истории» Нижнего Новгорода (Е.В. Арсюхин) и в центральной историографии (Д.Г. Хрусталев).

Битва на Липице, её поверхностно-схематическое изучение, безоглядное доверие исследователей к ярким, детальным и в то же время противоречивым источникам XV–XVI вв. сыграли свою роль в осуждении князя Георгия Всеволодовича вообще. Эти же источники, где сплелись интересы ростовских, смоленских и новгородских книжников, донесли политический памфлет, называемый «Повестью о битве на Липице». Вопреки Я.С. Лурье, призывавшему использовать для реконструкции события НПЛ, историки смело, некритически создают картины битвы именно с опорой на эту «Повесть...». Эмоционально-художественное воздействие «Повести» оказалось настолько сильным, что её почти без изменений (устраняя явные несуразности) включили в памятники московского официального летописания. Изучение ранних, сдержанно-скупых, но все-таки более достоверных текстов НПЛ и ЛЛ позволяет уменьшить масштабы столкновения на Липице, показать его, прежде всего, как результат стремления Ростиславичей к общерусской власти. В ТВ летописи применительно к освещению этого события проявилась обличительно-осуждающая нота в изображении Георгия Всеволодовича, доходящая иногда до сатиры. Объяснить это можно настроениями ростовского летописания. Реальная оценка владимирского князя Георгия Всеволодовича в общерусских событиях должна быть иной. Его деятельность объективно сдерживала рост деструктивных тенденций как в княжестве, так и за его пределами.

Победа смоленских князей в 1216 г. в определенной мере обусловила расправу Глеба над своими братьями в Рязанской земле в 1217 г. Погибли те князья, которые или были отпущены Георгием Всеволодовичем в 1212 г., или с 1211 г. стали его родственниками. Так победа Ростиславичей на Липице отозвалась убийством князей, ориентированных на черниговско-владимирский союз. Однако братоубийца Глеб зря

рассчитывал на власть в Рязанской земле. Смоленские князья не помогли ему, поскольку стремились к общерусскому доминированию через установление власти над общерусскими центрами, а не через подчинение конкретных княжеств (Владимир, Рязань и пр.). Более того, Георгий Всеволодович, вокняжившись второй раз во Владимире, способствовал восстановлению справедливости в Рязанской земле.

При этом Георгий Всеволодович не вмешивался во внутрирязанские дела с целью установления контроля над княжеством. Для обратного утверждения нет данных. Поэтому рассуждения о вассально-сюзеренитетных отношениях владимирского и рязанских князей в 1220–1230-х гг. не имеют права на существование. Таким образом, необходимо снять упреки в адрес Георгия Всеволодовича за отказ в помощи «вассальной Рязани» зимой 1237/38 гг. Тем более, что он выслал рать, которая соединилась с рязанцами и дала бой врагу у Коломны. Поэтому указание НПЛ на отказ Георгия Всеволодовича надо интерпретировать не с политических позиций современности, а в системе библейской аксиологии, через призму которой воспринималось нашествие Батыея.

Во внутрирусских и внутрикняжеских делах князь Георгий Всеволодович выступал как тонкий и расчетливый политик, старавшийся не допускать применения силы. Он стремился избегать силовых развязок споров и конфликтов между князьями.

Действуя за пределами русских границ, Георгий Всеволодович действовал решительно и напористо, о чем свидетельствует его натиск на Восток, борьба с Волжской Булгарией и мордвой. Твердой рукой князь укрепил устье Оки основанием в 1221 г. Нижнего Новгорода и вышел на Среднюю Волгу, обеспечив Северо-Восточной Руси реальное будущее как центру формирования Великорусской народности и образования Российской государственности. Эти процессы XIV–XVI вв. способствовали сохранению и приумножению культурного наследия Древней Руси в целом. Правда, Георгий Всеволодович явно не задумывался об этих перспективах, когда закладывал «град на устье Оки», продолжая градостроительную политику деда – Юрия Долгорукого и дяди – Андрея Боголюбского.

Тем не менее, в историографии негативистская тенденция в освещении деятельности Георгия Всеволодовича распространилась и на основание Нижнего Новгорода. Началось все с нижегородского летописания XVII в., где постарались, в соответствии с культурно-историческими веяниями того времени, удревнить прошлое города. Некритичес-

ки воспринятое архивистами XIX в. известие Нижегородского летописца о Старом городке было соединено с неверно понятыми сведениями XV в. о «Старом» и «Меньшом» Нижних Новгородах. Для усиления настроений местного летописания XVII в. историки (прежде всего, П.И. Мельников-Печерский) пошли на создание легенд об Абрамовом городке (переосмысление сведения о Бряхимове из Казанского летописца – ?). Все это было сделано для того, чтобы доказать исконность русского политического присутствия на месте впадения Оки в Волгу. Правда, на обесценивание роли Георгия Всеволодовича тогда никто не замахивался. Это произошло в последнее двадцатилетие XX в. В местной нижегородской историографии попытались доказать, что Георгий Всеволодович не мог основать город, заложенный до него. В ход пошли все те же аргументы местных историков-архивистов XIX в. Новым было то, что в деле основания Нижнего Новгорода Георгию Всеволодовичу был противопоставлен его племянник Василько Константинович. При этом, подобно механизму создания мифа, здесь непротиворечиво сплетались взаимоисключающие догадки: основание города на месте Нижнего Новгорода до 1221 г. не позволяет превозносить Василька в деле закладки города в том же 1221 г. Игнорирование данного противоречия преследовало одну цель: любыми средствами опровергнуть гипотезу, согласно которой Нижний Новгород был основан в 1221 г. по воле владимирского князя Георгия Всеволодовича. Решение задачи вынудило сконцентрировать весь негатив (Липица, Калка, Батыево нашествие) вокруг догадки, согласно которой Георгий Всеволодович не был основателем Нижнего Новгорода. Заметим попутно, что основополагающий тезис данного предположения по своей природе – отрицание. Так получилось, что вместо воссоздания событий и деяний применительно к закладке «града на устье Оки» был сфабрикован отрицательный образ Георгия Всеволодовича вообще.

Этот отрицательный образ, хотя и был разрушен исследованиями и научно-популярными изданиями В.А. Кучкина, И.А. Кирьянова, В.П. Макарихина, М.Я. Шайдаковой, Б.М. Пудалова, успел сыграть деструктивную роль в формировании мифа «этнической истории» Нижегородского Поволжья. Примечательно, что попытки ревизии с этой стороны пришлось на год празднования «тысячелетия Казани», которое не было принято квалифицированными специалистами по истории Поволжья X–XIV вв. Так «исправление» истории в одном месте под влиянием политического заказа обуславливает её искажение в другом. Твор-

цы «этнической истории» Нижнего Новгорода взяли от предшествующих догадок «факт» его существования до 1221 г., отрицательное отношение к Георгию Всеволодовичу и невежественное отрицание сведений ЛЛ. Отличием «этнической истории» является то, что за основу взято противоречивое «сведение» В.Н. Татищева о «болгорском граде» – предшественнике Нижнего Новгорода. К этому домыслу историка оказались присовокупленными и Ибрагимов городок (переделанный из Абрамова еще в XIX в.), и измышления о «булгарско-мордовской федерации», и многое другое. Поэтому Георгий Всеволодович на данном фоне предстает как варвар-разрушитель, сравнивший с землей высокую исламскую культуру на устье Оки, лишивший народы Поволжья возможности вместе отбиться от Батыева нашествия, а потому поделом наказанный монголами.

Отрицательный образ Георгия Всеволодовича в тюркской версии истории Поволжья первой трети XIII в. создан с привлечением тех же данных В.Н. Татищева, сводившего вместе сведения разновременных источников. А потому Георгий Всеволодович, по мнению творцов «этнической истории», не стал великодушно идти навстречу благородным просьбам болгар, желавших биться с монголами, предал тех, кого подчинял (мордву, рязанских князей), чуть ли не сознательно пренебрег подготовкой к отражению Батыев. **Все эти нарекания и обвинения в адрес владимирского князя Георгия Всеволодовича при тщательном, корректном изучении источников, выстроенных в иерархию по принципу достоверности, выглядят ничем не прикрытой клеветой.**

При непредвзятом взгляде Георгий Всеволодович предстает как крупный политический деятель начала XIII в. со всеми достоинствами и недостатками. В определенной мере князь зауряден, то есть находится в ряду крупных творцов тогдашней политической действительности – черниговского князя Михаила Всеволодовича, смоленского князя Владимира Рюриковича, галицко-волынского князя Даниила Романовича, своего брата Ярослава. Этот ряд по яркости, индивидуальности и масштабности действий уступает старшему поколению «отцов» – Всеволоду Большое Гнездо, Всеволоду Чермному, Роману Мстиславичу Галицкому, Мстиславу Удатному. Так случилось, что Георгий Всеволодович с братом Ярославом попали в конфликт «детей» и «отцов» в лице Мстислава Удатного и неминуемо проиграли. В то же время мы видим, как действовало это поколение «отцов» – весомо, грубо, с демонстрацией и дерзким применением силы. Их «дети» предпочли другой путь –

избегание открытых конфликтов, достижение целей методом «тихого наступления», замирения, если не хватает сил.

Георгий Всеволодович – типичный, заурядный представитель поколения «детей». Он укреплял авторитет своего княжества путем союзов почти со всеми князьями. Он вместе с братом Ярославом восстановил общерусский размах политики своего отца. Его «руки» не простирались, пожалуй, до Юго-Западной Руси. Зато эта политика отличалась определенным позитивом, маневрированием, желанием не создавать острых ситуаций, чреватых конфликтами и действиями.

Именно эта заурядность и обусловила растерянность князя Георгия Всеволодовича, окровавленную бездеятельность других князей во время монгольского нашествия, которому Русь противостоять не смогла. Однако князь Георгий Всеволодович мужественно и безоглядно, подобно рязанским князьям, своему племяннику Васильку Константиновичу, выполнил свой священный долг – вышел на неравный бой, чтобы защитить родную землю и остаться в народной памяти вплоть до настоящего времени.

Истоки негативного отношения к Георгию Всеволодовичу лежат в новгородском летописании. Его составители при освещении общерусских событий (Липица, Батыево нашествие) не скрывали предвзятого отношения к владимирскому князю. Эти настроения были усилены в XV в., когда Новгород испытывал усиленное давление со стороны Москвы, где правили потомки Ярослава Всеволодовича. Тень бросалась на него напрямую и опосредованно, через Георгия Всеволодовича (особенно при изложении деталей монгольского нашествия). В последнем случае крупным подспорьем стало то, что Георгий был преподнесен в отрицательном свете в рязанском летописании. Такая оценочная характеристика владимирского князя Георгия Всеволодовича в текстах, вышедших из-под пера новгородских летописцев, для исследователей оказалась куда привлекательней, чем более сдержанные оценки князя в ЛЛ, Троицкой и в текстах связанных с ними летописей. Через В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина стремление представить князя Георгия Всеволодовича виновником многих общерусских бед перешло в историческую литературу XX в.

Антипатии к князю, подкрепленные ревизионистским опытом нижегородских архивистов-краеведов XIX – начала XX в., стали распространяться и на основании Нижнего Новгорода. Так сформировалась историографическая проблема оценки и значения деятельности князя

Георгия Всеволодовича в истории XIII в. и истории России вообще (от средневекового летописания до исследователей рубежа XX—XXI вв.). В итоге, локальный сюжет «вернулся» в общеисторическую науку с массивом вопросов. Решить их оказалось возможным, исследуя источниковедческие проблемы, учитывая логику и специфику истории исторической науки, соотнося частности древнерусской истории с общеисторическим фоном, отсеивая ложные стереотипы и оставляя ценные результаты поиска предшественников.

Решение отдельных вопросов в данной книге не является абсолютным и более служит для заострения на них внимания исследователей, толчком для предложения иных корректных интерпретаций сведений источников и событий. Единственным условием этого является уважительное отношение к героям прошлого. Поэтому надо оговорить, что человеческое отношение автора этих строк к владимирскому князю Георгию Всеволодовичу обуславливалось вниманием к истории Владимирского княжества, его политическим и территориальным интересам. Апология Георгия Всеволодовича могла создать «перекос» в оценке деятельности других политических деятелей той эпохи — Константина Всеволодовича, Михаила Всеволодовича, отдельных рязанских (к их числу не относить Глеба Владимировича) и смоленских князей... Автор считает, что они также действовали, исходя из своих местных интересов. В силу этого исследование их деятельности, с обязательным выставлением моральных оценок, будет выглядеть подобной же апологией. На её фоне деятельность Георгия Всеволодовича может уже оцениваться не так позитивно, как в этой книге.

Это естественно, поскольку есть общий знаменатель оценки деятельности князей раздробленной Руси. Безусловно стремясь к полной власти, они не желали зла Русской земле, наследию предков и активно противостояли соперникам, созидали и воевали, исходя из задач своего конкретного княжества. Все эти стремления сливались в общерусский исторический поток. Поэтому хотелось бы увидеть политические биографии соратников-современников Георгия Всеволодовича. Только так будет возможно проверить на состоятельность выводы представленного в этой книге исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

- Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. 1940.
- Владимирский летописец // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. XXX. М., 1965.
- Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005.
- Грибов Н. Н.* Отчет об археологической разведке на территории Нижегородского района г. Н-Новгорода, в Богородском и Кстовском районах Нижегородской области в 2004 году // Архив Института Археологии РАН. Р. –1.
- Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. М., 2004.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М., 1998.
- История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М., 1997.
- Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. X. М., 2000.
- Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. Т. XXVIII. М.–Л., 1963.
- Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VII. М., 2001.
- Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. Ч. I. 2005.
- Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестonosцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.
- Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. М.–Л., 1949.
- Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886.
- Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. XXVII. М.–Л., 1962.
- Новгородская Карамзинская летопись // ПСРЛ. Т. XLII. СПб., 2002.
- Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. Т. XLIII. М., 2004.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. М., 2000.
- Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М., 2000.
- Повести о начале Москвы. М.–Л., 1964.
- Приселков М. Д.* Троицкая летопись. СПб., 2003.
- Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку // ПСРЛ. Т. I. М., 1997.
- Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000.
- Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. М., 2000.
- Тверской сборник // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000.
- Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. М., 2000.
- Холмогорская летопись. Двинской летописец // ПСРЛ. Т. XXXIII. Л., 1977.

Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I VI): Текст, перевод, комментарий. М., 2004.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров Д.Н. Феодалная раздробленность Руси. М., 2001.
- Андреев В.Ф. Князь Михаил Всеволодович Черниговский в Новгороде // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. 12–14 ноября 1996 г. Новгород, 1996.
- Арсюхин Е.В. Полумесяц над Волгой: историко-публицистический очерк. Нижний Новгород, 2005.
- Барг М.А. Исторический факт: структура, форма, содержание // История СССР. 1976. № 6.
- Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.
- Бауэр Е.А. К датировке Повести о начале Москвы // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы. М., 2001.
- Бегунов Ю.К. Александр Невский: Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М., 2003.
- Бегунов Ю.К. Летопись жизни и деятельности Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995.
- Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
- Бибииков М.В. «Повесть о зачале Москвы» в свете византийских идей о начале городов // Источниковедение и краеведение в культуре России. Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000.
- Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986.
- Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.
- Борисов Н.С. Иван Калита. М., 1995.
- Брачев В.С. Сергей Федорович Платонов // Отечественная история. 1993. № 1.
- Бродель Ф. Структуры повседневности. Возможное и невозможное. М., 1986. Т. I.
- Буланин Д.М. Комментарии. Летописные повести о монголо-татарском нашествии // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. М., 1997.
- Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–X веков. Л., 1978.
- Валеров А.В. Новгород и Псков. Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб., 2004.
- Воронин И.Д. К вопросу о мордовской топонимике // Записки научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 13. Саранск, 1951.
- Гардзанти М. К вопросу о новой интерпретации «Повести о начале Москвы» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 4 (14). Декабрь.

- Гациский А. Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 2001.
- Гимон Т.В. Ведение погодных записей в средневековой анналистике (Сравнительно-историческое исследование): Автореф. дис. . канд. ист. наук: 07.00.03 / Российский государственный гуманитарный университет. – М., 2001.
- Гимон Т.В. Новгородское летописание XII–XIII вв.: проблема отбора событий для фиксации // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003.
- Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 6 (16). СПб., 1997.
- Гиппиус А.А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). Т. XI. М., 2004.
- Голубовский П.В. История Северной земли до половины XV столетия. Киев, 1881.
- Горский А.А. Александр Невский // Родина. 1993. № 11.
- Горский А.А. «Всею еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001.
- Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. М., 1996.
- Горская Н.А. Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) // Историки России. Биографии. М., 2001.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.–Л., 1950.
- Греков Б.Д. Переяславское княжество // Очерки истории СССР. Ч. I. М., 1953.
- Грибов Н.Н. Исследования в г. Н-Новгороде и в его округе // Археологические открытия 2004 года. М., 2005 (в печати).
- Грибов Н.Н. Отчет об археологической разведке на территории Нижегородского района г. Н-Новгорода, в Богородском и Кстовском районах Нижегородской области в 2004 году // Архив Института Археологии РАН. Р. –1.
- Грибов Н.Н. Охранные раскопки в Нижегородской области // Археологические открытия 1996 года. М., 1997.
- Грибов Н.Н. Охранные раскопки средневековых поселений в окрестностях Нижнего Новгорода // Археологические открытия 2003 года. М., 2004.
- Грибов Н.Н. Погребально-обрядовый комплекс Саровского городища // Материалы второй и третьей научно-практических конференций по проблемам истории, культуры и воспитания. Саров, 1999.
- Грибов Н.Н. Раскопки на городище Саровском // Археологические открытия 1994 года. М., 1995.
- Грибов Н.Н. Русское городище второй половины XV в. из Нижегородской округи // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических статей. Вып. 9. Нижний Новгород, 2005.

- Грибов И.И. Средневековое городище на месте бывшего Саровского монастыря // Древности Нижегородского Поволжья. Вып. 1. Нижний Новгород, 1997.
- Грибов И.И., Иванова Н.В. Археологические работы на Саровском городище // Археологические открытия 1995 года. М., 1996.
- Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992.
- Гумилев Л.Н., Панченко А.М. Чтобы свеча не погасла: Диалог. Л., 1990.
- Гуревич А.Я. Социальная психология и история. Источниковедческий аспект // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969.
- Гуркин С.В. К вопросу о русско-половецких матримониальных связях // Донская археология. 1999. № 2, 3–4.
- Гусева Т.В. Городец и Нижний Новгород в свете археологических данных XII–XIII вв. // Проблемы истории и творческое наследие С.И. Архангельского. Тезисы докладов. Нижний Новгород, 1997.
- Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. М., 2001.
- Данилевский И.Н. Призрак желательной истории // Родина. 2003. № 12.
- Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001.
- Данилова Л.В. Новгородская феодальная республика // Очерки истории СССР. Ч. I. М., 1953.
- Даркевич В.П. К проблеме происхождения древнерусских городов // Истоки русской культуры. М., 1997.
- Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов Древней Руси // Вопросы истории. 1994. № 10.
- Дворниченко А.Ю. Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М.К. Любавского // Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004.
- Дегтярев А.И., Иванов Ю.Ф., Карев Д.В. Академик М.К. Любавский и его наследие // Любавский М.К. Обзор русской колонизации. М., 1996.
- Демкова Н.С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1997.
- Дмитриев Л.А. Рассказ о преступлении рязанских князей (комментарии) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. V. СПб., 1997.
- Добротвор Н.М. История города Горького. Горький, 1947.
- Добрушкин Е.М. К вопросу о происхождении сообщений «Истории Российской» В.Н. Татищева // Исторические записки. Т. 97. М., 1976.
- Добрушкин Е.М. О методике изучения «татишевских известий» // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1976 г. М., 1977.
- Добрушкин Е.М. О двух известиях «Истории Российской» В.Н. Татищева под 1113 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970. Вып. 3.

- Долгов В. Сквозь темное стекло // Родина. 2003. № 12.
- Досаев А. С., Кузнецов А. А. Поход князя Всеволода Юрьевича на половцев 1198 (1199) г. // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Вып. 1 (3). Нижний Новгород, 2004.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.
- Дубов И. В. Великий Волжский путь. Л., 1989.
- Дубов И. В. Города, величием сияющие. Л., 1985.
- Дубов И. В. Спорные вопросы этнической истории Северо-Восточной Руси IX–XIII вв. // Вопросы истории. 1990. № 5.
- Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005.
- Зимин А. А. Две цивилизации в истории России // Отечественная история. 2002. № 1.
- Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969.
- Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о черниговском княжении в татарское время. СПб., 1892.
- Иванова Н. В. Материальная культура насельников Саровского городища // Материалы второй и третьей научно-практических конференций по проблемам истории, культуры и воспитания. Саров, 1999.
- Ивина Л. И. Внутреннее освоение земель Северо-Восточной Руси в XIV–XVI вв. в освещении русской дореволюционной и советской историографии // История и историки. Историографический ежегодник. 1982–1983. М., 1987.
- Из истории украинско-грузинских связей. Тбилиси, 1968.
- Из истории украинско-грузинских связей. Киев, 1971.
- Из истории украинско-грузинских связей. Тбилиси, 1975.
- Из прошлого Ковровского края. Ковров, 2000.
- Иловайский Д. И. История Рязанского княжества // Он же. Рязанское княжество. М., 1997.
- Ильин Н. «Недозревший плод» или критические заметки об одном местном издании // Нижегородский альманах. Выпуск I. Нижний Новгород, 1995.
- Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. II–III. М., 1991.
- Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.
- Каргалов В. В. Конец ордынского ига. М., 1980.
- Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь. М., 1966.
- Карев Д. В. История отечественного архивоведения в творческом наследии академика М. К. Любавского // Источниковедения и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980
- Кирьянов И. А. К вопросу о времени основания г. Горького. Горький. 1956.

- Кирьянов И.А.* Основатель Нижнего Новгорода князь Юрий Всеволодович (Историко-биографический очерк) // Записки краеведов. Нижний Новгород, 1991.
- Кирьянов И.А., Черников В.Ф.* У истоков истории г. Горького. К итогам археологических раскопок в Нижегородском кремле // Горьковская правда. № 252. 23 октября. 1964.
- Кистерев С.И.* Вехи в историографии русского летописеведения // Очерки феодальной России. Выпуск 7. М., 2003.
- Клосс Б.М., Корецкий В.И.* В.Н. Татищев и начало русских летописей // Летописи и хроники. 1980 г. В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981.
- Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XIV–XVII веков. М., 1980.
- Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М., 1993.
- Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987.
- Комарович В.Л.* Литература Суздальско-Нижегородской земли в XIV в. // История русской литературы. М.–Л., 1945. Т. II. Ч. 1.
- Коринный Н.Н.* Переяславская земля X – первая половина XIII века. Киев, 1992.
- Костомаров Н.И.* Господство дома Св. Владимира: Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1993.
- Котляр Н.Ф.* Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003.
- Котляр Н.Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998.
- Котляр Н.Ф.* Комментарии // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005.
- Котляр Н.Ф.* Композиция, источники, жанровые и идейные характеристики Галицко-Волынской летописи // Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005.
- Кривошеев Ю.В.* Гибель Андрея Боголюбского: Историческое расследование. СПб., 2003.
- Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999.
- «Круглый стол» «Историческая наука в условиях перестройки» // Вопросы истории. 1988. № 3.
- Кузнецов А.А.* Трудные вопросы психологических реконструкций в историографии Древней Руси // Исторические персоналии. СПб., 2002.
- Кузнецов А.А., Мельников А.В.* Новые источники по научной биографии С.И. Архангельского // НИКА. Вып. 9. Нижний Новгород, 2005. С. 168–173, 187.
- Кузьмин А.В.* Владимир (Димитрий) Всеволодович // Православная энциклопедия. Т. VIII. М., 2004.
- Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965.

- Кучера М.П.* Переяславское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.
- Кучкин В.А.* Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5.
- Кучкин В.А.* К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1985. М., 1986.
- Кучкин В.А.* Летописный рассказ об убийстве рязанских князей // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003.
- Кучкин В.А.* Летописные рассказы о битве на р. Калке // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003.
- Кучкин В.А.* Летописные рассказы о Липицкой битве // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003.
- Кучкин В.А.* Летописные рассказы о монголо-татарском нашествии на Русь // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003.
- Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X – начало XX в. М., 1990.
- Кучкин В.А.* Москва в XII – первой половине XIII в. // Отечественная история. 1996. № 1.
- Кучкин В.А.* Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII–XIV вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974.
- Кучкин В.А.* О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 1986. № 2.
- Кучкин В.А.* О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII–XIII в. // Историческая география России XII – начала XX в. М., 1975.
- Кучкин В.А.* О Нижних Новгородах – «старом» и «меньшом» // История СССР. 1976. № 5.
- Кучкин В.А.* Основание Нижнего Новгорода // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI века: Материалы второй областной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2002.
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- Латышева Г.П., Рабинович М.Г.* Москва и Московский край в прошлом. М., 1973.

- Лаушкин А.В. Провиденциализм как система мышления древнерусских летописцев (X–XIII вв.): Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.02 / МГУ им. М.В. Ломоносова – М., 1997.
- Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Ключи к тайнам Клио. М., 1994
- Ливанова Т.Г. Матвей Кузьмич Любавский. Хроника жизни // *Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии* включительно. СПб., 2004.
- Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987.
- Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л. 1967.
- Литаврин Г.Г. Два этюда о восстании Петра и Асеня // *Литаврин Г.Г. Византия и славяне. Сборник статей.* СПб., 1999.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях XI – начала XIII в. // *Религии мира: история и современность*, 2002. М., 2002.
- Лихачев Д.С. К вопросу о политической позиции Владимира Мономаха // *Из истории феодальной России.* Л., 1978.
- Лихачев Д.С. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // *Исследования по древнерусской литературе.* Л., 1986.
- Лихачев Д.С. Летописные повести об Александре Поповиче // *Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе.* Л., 1986.
- Лихачев Д.С. Повесть о разорении Рязани Батыем // *Воинские повести Древней Руси.* М.–Л., 1949.
- Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
- Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л., 1947.
- Лихачев Д.С., при участии Алексеева А.А., Боброва А.Г. Текстология. СПб., 2001.
- Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси // *Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Т. 3.* Л., 1987.
- Лихачев Д.С. Шахматов – текстолог // *Исследования по древнерусской литературе.* Л., 1986.
- Ломов А.М. Слово о полку Игореве и «Задонщина»: диалогия Софония Рязанца? // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия 1. Гуманитарные науки.* 2000. № 2.
- Лосева О.В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // *Лотман Ю.М. Семиосфера.* СПб., 2000.
- Лукин П.В. Киевляне XI века в русских источниках и «хронике» Титмара Мерзбургского // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* № 4 (14). Декабрь 2003. С. 97–98.
- Лурье Я.С. История России в летописании и восприятии нового времени // *Он же. Россия древняя и Россия новая.* СПб., 1997.

- Лурье Я.С.* К изучению летописной традиции об Александре Невском // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. L. СПб., 1996.
- Лурье Я.С.* О гипотезах и догадках в источниковедении // Источниковедение отечественной истории. М., 1977.
- Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.
- Лурье Я.С.* Повесть о битве на Липице // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997.
- Лурье Я.С.* Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV–XVI вв. // Куликовская битва и подъем национального самосознания. Труды отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). Т. XXXIV. Л., 1979.
- Лурье Я.С.* Предисловие // *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
- Лурье Я.С.* Русские современники Возрождения. Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. Л., 1988.
- Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000.
- Любавский М.К.* Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1918.
- Любавский М.К.* Обзор русской колонизации. М., 1996.
- Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.
- Ляскоронский В.* История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897.
- Мавродин В.В.* Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982.
- Мавродин В.В.* Очерки истории левобережной Украины. СПб., 2002.
- Мазуров А.Б.* Средневековая Коломна в XIV–первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001.
- Макарихин В.П.* Летописные памятники по истории Нижнего Новгорода и Нижегородского Поволжья XIII–XV вв. Горький, 1984.
- Макарихин В.П.* Нижегородский край XIII–XIV веков по данным русских летописей // Нижегородский край в эпоху феодализма. Горький, 1991.
- Макарихин В.П.* Новгород Земли Низовской. Повествование о великом князе Юрии Всеволодовиче. Нижний Новгород, 1994.
- Медушевская О.М.* Источниковедческое научно-педагогическое направление: гуманитарное знание как строго научное // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М., 2013.
- Мельников А.П.* Нижегородская старина. Нижний Новгород, 1992.
- Мельников П.И.* Легенда об «Абрамовом городке» / *Мельников П.И.* Очерки мордвы. – Полное собрание сочинений П.И. Мельникова. Т. 7. М.–СПб., 1909. С. 414–415 // Русская колонизация Поволжья и основание Нижнего

- Новгорода. Сборник документов и материалов. Сост. Ю.В. Сочнев. Нижний Новгород, 2005.
- Мельников П.И.* О Старом и Новом Городах в Нижнем Новгороде // Хрестоматия по истории. Выпуск 2. Документы и материалы по проблемам русской колонизации Нижегородского Поволжья и основания Нижнего Новгорода / Сост. Ю.В. Сочнев. Нижний Новгород, 2001
- Мельников-Печерский П.И.* О старом и новом городах в Нижнем Новгороде // Труды IV археологического съезда. Т. I. Казань, 1884.
- Милов Л.В.* Татищевские портреты-характеристики и «Симонова» летопись // История СССР. 1978. № 6.
- Милуков П.П.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. I. М., 1993.
- Можейко И.В.* 1185 год. Восток – Запад. М., 1989.
- Морохин Н.В.* Нижегородский топонимический словарь. Нижний Новгород, 1995.
- Моця А.П.* Сведения об этническом составе летописной Желни по данным могильника // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева. Минск, 1983. С. 82–84.
- Назаренко А.В.* О междисциплинарном подходе к изучению Древней Руси // ДР. ВМ. 2002. № 1(7). Март.
- Насонов А.Н.* Владимиро-Суздальское княжество // Очерки истории СССР. Ч. I. М., 1953.
- Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969.
- Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
- Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. М., 1983.
- Нижегородский край в документах, цифрах, рассказах, мнениях (хрестоматия). М., 1992.
- Никонов В.А.* Введение в топонимику. М., 1965.
- Никонов В.А.* Топонимический словарь. М., 1966.
- О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // Вопросы истории. 1949. № 2.
- Орлов А.М.* Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы. Нижний Новгород, 2001.
- Очерки истории СССР. Ч. I. М., 1953.
- Панеях В.М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.
- Панова Т.Д.* Культурный слой московского Кремля // Вестник Московского государственного университета. Серия X. История. 1990. № 3.
- Панова Т.Д.* Новые данные об исторической топографии средневековой Москвы // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). М., 1997.
- Пауто В.Т.* Борьба народов нашей страны за независимость в XIII–XV вв.: Страницы боевого прошлого // Очерки военной истории России. М., 1968.

- Пауто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Пауто В. Т.* Б. Д. Греков как ученый и общественно-политический деятель // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982.
- Пауто В. Т.* Кино и отечественная история // Искусство кино. 1980. № 2.
- Пауто В. Т.* Некоторые общие вопросы летописного источниковедения // Источниковедение отечественной истории. Выпуск 1. М., 1973.
- Пауто В. Т.* Рецензия: Записки научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. История и археология, т. 6. 1946. 160 стр.; т. 9. 1947. 229 стр. Саранск // Вопросы истории. 1949. № 8.
- Пауто В. Т.* А. А. Шахматов – буржуазный источниковед // Вопросы истории. 1952. № 2.
- Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003.
- Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000.
- Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. I. Л., 1961.
- Плахонин А. Г.* «История Российская» В. Н. Татищева и исследование генеалогии Рюриковичей // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2004.
- Плюханова М. В.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
- Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига. Т. II. М., 1871.
- Погребинский А.* Исторические взгляды П. Г. Любомирова // Вопросы истории. 1949. № 2.
- Подурец А. М.* Саров: памятник истории, культуры, православия. Саров, 1999.
- Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
- Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. М., 1998.
- Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
- Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003.
- Приселков М. Д.* Троицкая летопись (Реконструкция текста). СПб., 2002. С. 298–299.
- Простоловская Л. Н., Станиславский А. Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990.
- Прохоров Г. М.* Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Т. XXVIII. Л., 1973.
- Пудалов Б. М.* Благовещенский монастырь и нижегородское летописание XIV–XV вв. // Ученые записки Волго-Вятского отделения Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Вып. 10. Н. Новгород, 2002.
- Пудалов Б. М.* Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII – первая треть XIII в.). Нижний Новгород, 2003.

- Пудалов Б. М. Русские земли Среднего Поволжья (вторая треть XIII – первая треть XIV в.). Нижний Новгород, 2004.
- Пушкарев Л. Н. Вводная статья // Повесть о зачале Москвы / Материалы по истории СССР. Т. II. Документы по истории XV–XVII вв. М., 1955.
- Пушкарев Л. Н. Лев Владимирович Черепнин – человек и ученый // Отечественная история. 2001. № 1.
- Пчелов Е. В. Рюриковичи. История династии. М., 2003.
- Пятнов А. П. Борьба за киевский стол в 1210-е г.: спорные вопросы хронологии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 1 (7). Март.
- Рабинович М. Г. Древний центр Москвы // Вопросы истории. 1990. № 3.
- Ранчин А. М. О статье А. Н. Ужанкова «Святые страстотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий» // ДР. ВМ. 2002. № 3 (9). Сентябрь.
- Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.
- Рапов О. М. Москва родилась в понедельник // Родина. 1997. № 8.
- Рапов О. М. «Полюбя же вельми место то, заложил град» (к вопросу о времени основания Москвы) // Вестник МГУ. Серия VIII. История. 1997. № 5.
- Раппопорт П. А. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб., 1994.
- Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси: Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М., 2002.
- Романов В. К. Статья 1224 г. о битве на Калке в Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981.
- Русинов В. Н. К вопросу о прочтении одного места в тексте послания епископа Симона к иноку Поликарпу // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Серия История. Вып. 1. Нижний Новгород, 2002.
- Русинов В. Н. Как и когда возникло название Нижний Новгород // Тезисы региональной научно-практической конференции «Исторические наименования – память народа». Горький, 1990.
- Русинов Н. Д. К вопросу о происхождении Лаврентьевской летописи: лингвистические заметки о ее писцах // Эволюция и предьстория русского языкового строя. Горький, 1981.
- Русинов Н. Д. О происхождении текста Лаврентьевской летописи // Идеология и культура феодальной России. Горький, 1988.
- Русинов Н. Д. Почага. Почайна // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994.
- Русинов Н. Д. Старый городок // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994.
- Русинов Н. Д. Этимологические заметки по русской лексике // Лексика, терминология, стили. Горький, 1973.

- Рыбаков Б.А.* Борьба Руси с Батыем. Народ-богатырь (IX–XIII вв.) М., 1948.
- Салмина М.А.* Исследования // Повести о начале Москвы. М.–Л., 1964.
- Сахаров А.И.* Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века // История внешней политики России. Конец XV–XVII век. М., 1990.
- Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
- Семенов В.В., Рабжаева М.В.* Государство и колонизация (Некоторые замечания по прочтении книги М.К. Любавского «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века») // Отечественная история. 1998. № 6.
- Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI–первой трети XIII в. СПб., 2003.
- Сергеевич В.* Древности русского права. Территории и население. Т. I. СПб., 1909.
- Сергеевич В.* Древности русского права. Вече и князь. Советники князя. Т. II. СПб., 1908.
- Сергий (Спасский) архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т. II. Владимир, 1901 [Репригт: М., 1997].
- Сидоров А.В.* Любавский М.К. // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., 2000. Т. 3.
- Сидоров А.В., Старостин Е.В.* Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936) // Историки России. Биографии. М., 2001.
- Сиренов А.В.* Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимировский в истории, жигтях, легендах. СПб., 2003.
- Соболева Н.А.* Герб Москвы: к вопросу о происхождении // Отечественная история. 1997. № 3.
- Соловьев А.В.* Городенские князья и Деремела (к толкованию «Слова о полку Игореве») // *Russia Mediaevalis*. Т. VII, 1. Munchen, 1992.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. I. Т. I–II. М., 1993.
- Сочнев Ю.В.* Еще раз к вопросу о «старом городке» и времени основания Нижнего Новгорода // Нижегородский край в эпоху феодализма. Нижний Новгород, 1991.
- Сочнев Ю.В.* Об основании Нижнего Новгорода и землевладении Владимирского Успенского собора // Исследования по истории России. Нижний Новгород, 1996.
- Таловин Д.С.* Археологическое изучение территории Нижнего Новгорода // Нижегородский край: факты, события, люди. Нижний Новгород, 1997.
- Татищев В.Н.* История Российская. Т. I. М.–Л., 1962.
- Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. М.–Л., 1964.
- Татищев В.И.* История Российская. Т. IV. М.–Л., 1964.
- Тихомиров М.Н.* Древняя Русь. М., 1975.

- Тихомиров М.Н.* Издевка над историей (о сценарии «Русь») // Историк-марксист. 1938. № 3.
- Тихомиров М.Н.* О русских источниках «Истории Российской» // *Татищев В.Н.* История Российская. Т. I. М.–Л., 1962.
- Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979.
- Толочко А.П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.–Киев, 2005.
- Толочко А.П.* Конституционный проект Романа Мстиславича 1203 г.: Опыт источниковедческого исследования // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995. М., 1997.
- Толочко П.П.* Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003.
- Толочко П.П.* Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.
- Толочко П.П.* Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003.
- Топорова Т.В.* Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.
- Трубе Л.Л.* Достопримечательные географические названия земли Нижегородской. М., 2001.
- Тульцева Л.А.* Календарные праздники и обряды // Русские. М., 1999.
- Ужанков А.Н.* Рецензенту А.М. Ранчину // ДР. ВМ. 2002. № 3 (9). Сентябрь.
- Фаизов С.Ф.* Ислам в Поволжье. VIII–XX вв. М., 1999.
- Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.
- Филатов Н.Ф.* Городец на Волге XII–XIX вв. Нижний Новгород, 2005.
- Филатов Н.Ф.* Здесь был Вася... // Новое дело. Нижний Новгород, № 38(90) за 10–16 августа 2001 г.
- Филатов Н.Ф.* Нижегородский край в русском летописании. Нижний Новгород, 2003.
- Филатов Н.Ф.* От укрепленного «городка» на устье Оки до Нижнего Новгорода. Юрий Всеволодович. Василько Константинович // Нижегородский край: факты, события, люди. Нижний Новгород, 1997.
- Филюшкин А.И.* Понятие «царствующего града» в русской общественной мысли XV–XVII вв. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). М., 1996.
- Фроянов И.Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.–СПб., 1995.
- Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1978.
- Хайретдинов Д.З.* Кто основал Нижний? или Да здравствуют идеологи! // Медина аль-Ислам. 2005. № 3 (6). Март-апрель.
- Хорошкевич А.Л.* Почему Москва не называется Кучковым? // Родина. 1997. № 9.
- Храмцовский Н.* История и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1998.
- Хрусталева Д.Г.* Русь: от нашествия до «ига» (30–40 гг. XIII в.). СПб., 2004.

- Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1978.
- Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. Выпуск I. М., 1973.
- Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начала XIII в. // Исторические записки. Т. 89. М., 1972.
- Черепнин Л. В. А. С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. 1949. № 8.
- Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Черепнин Л. В. Об исторических взглядах А. Е. Преснякова // Исторические записки. 1950. Т. 33.
- Черепнин Л. В. Пути и формы политического развития русских земель XII – начала XIII в. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974.
- Шайдакова М. Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1987.
- Шамбигаго С. К. Повести о начале Москвы // Труды отдела древнерусской литературы. Т. III. М.–Л., 1936.
- Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001.
- Шенк Ф. Б. Русский герой или фантом // Родина. 2003. № 12.
- Шибяев М. А. Редакторские приемы составителя Софийской I летописи // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. Вып. 3. СПб., 2000.
- Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969.
- Юрасовский А. В. О соотношении пространной и краткой редакций «Повести о Липицкой битве» в новгородском летописании // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1987 г. М., 1989.
- Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
- Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. М., 1970.
- Янин В. Л. Еще раз об атрибуции шлема Ярослава Всеволодовича // Древнерусское искусство. Художественная культура Домонгольской Руси. М., 1972.
- Янин В. Л. Искать Москву в XI веке не приходится... // Родина. 1996. № 10.
- Янин В. Л. «Моя цель – движение к истине» (интервью с академиком В. Л. Яниным) // Завтра. 2004. Март. № 12 (539).
- Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003.
- Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВИ – Вопросы истории.
- ДГ – Древнейшие государства на территории СССР (Восточной Европы).
Материалы и исследования.
- ДР. ВМ. – Древняя Русь. Вопросы медиевистики.
- ДУМНО – Духовное управление мусульман Нижегородской области.
- ЕРМ – Ермолинская летопись.
- ИЛ – Ипатьевская летопись.
- ИСССР – История СССР.
- ЛЛ – Лаврентьевская летопись.
- ЛПС – Летописец Переяславля Суздальского.
- МАК – Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку.
- НИКА – Нижегородские исследования по краеведению и археологии.
- НК1 – Новгородская Карамзинская летопись (первая выборка).
- НК2 – Новгородская Карамзинская летопись (вторая выборка).
- НЛД – Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского.
- ННГУ – Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
- НПЛ – Новгородская первая летопись.
- НIVЛ – Новгородская четвертая летопись.
- ОИ – Отечественная история.
- ОТРП – открытое торгово-ремесленное поселение.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
- СИЛ – Софийская первая летопись.
- ТВ – Тверская летопись (Тверской сборник).
- ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы.

Схема 1. Ярослав Мудрый и его потомки

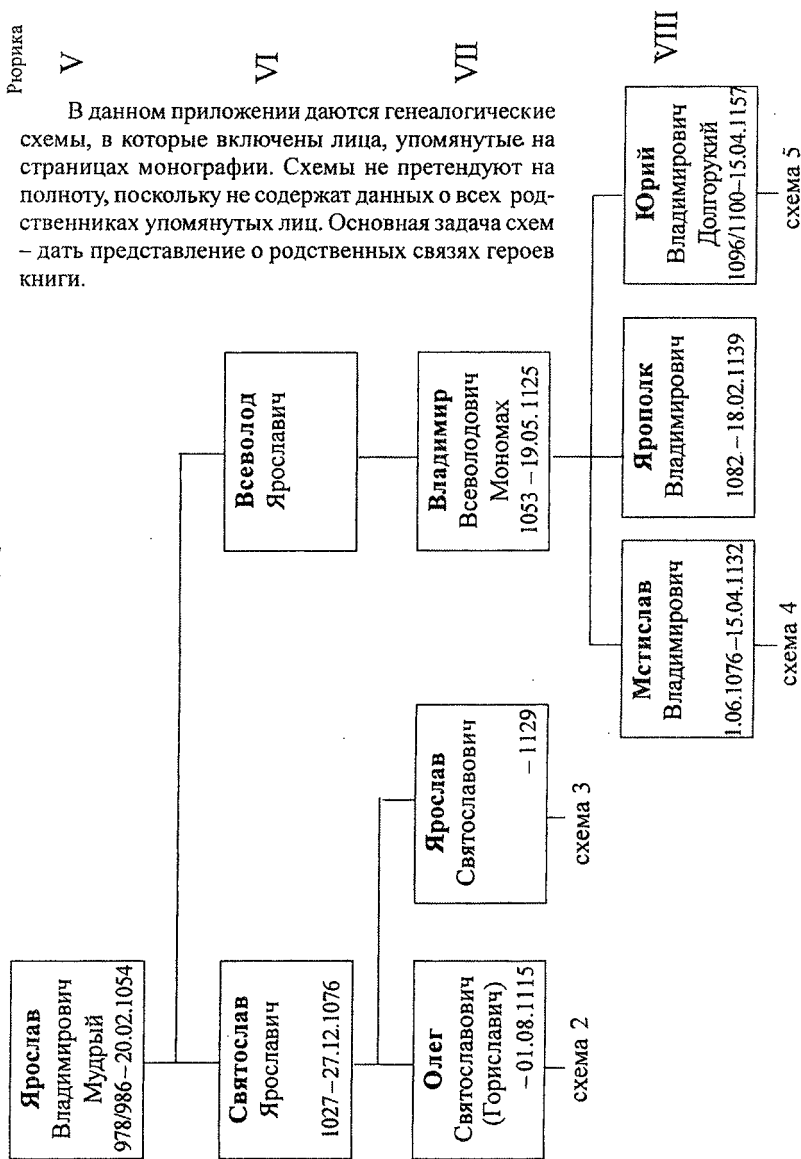

Схема 2. Черниговские князья

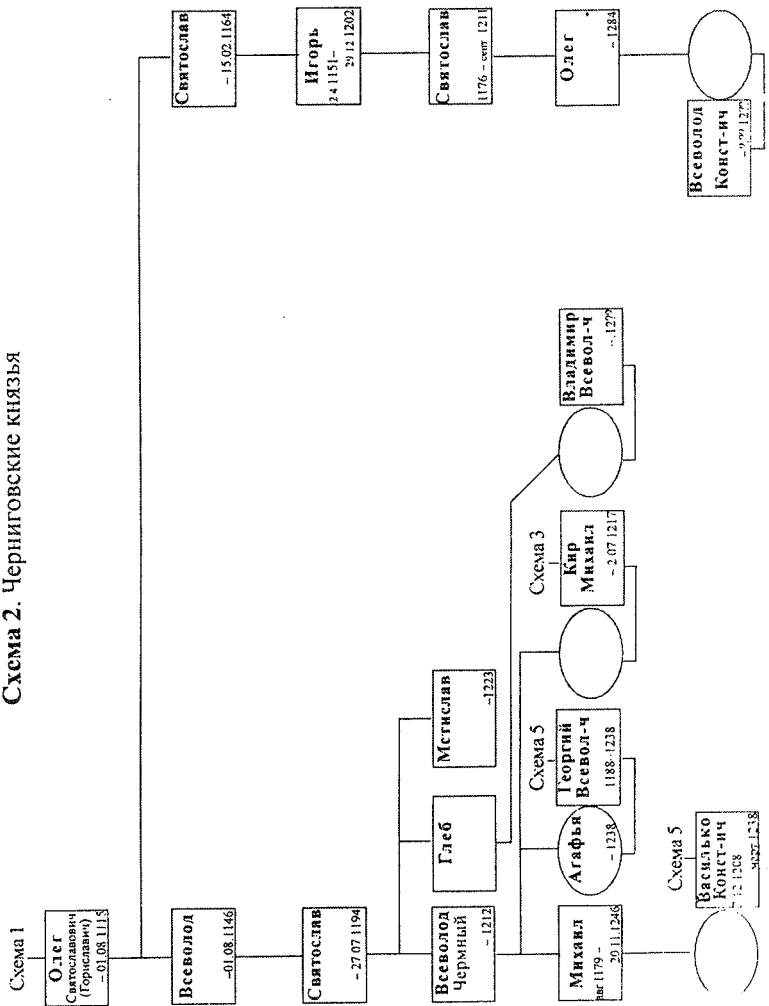

Схема 4. Волыньские и смоленские князья

от
Рюрика

VIII

IX

X

XI

XII

Схема 1

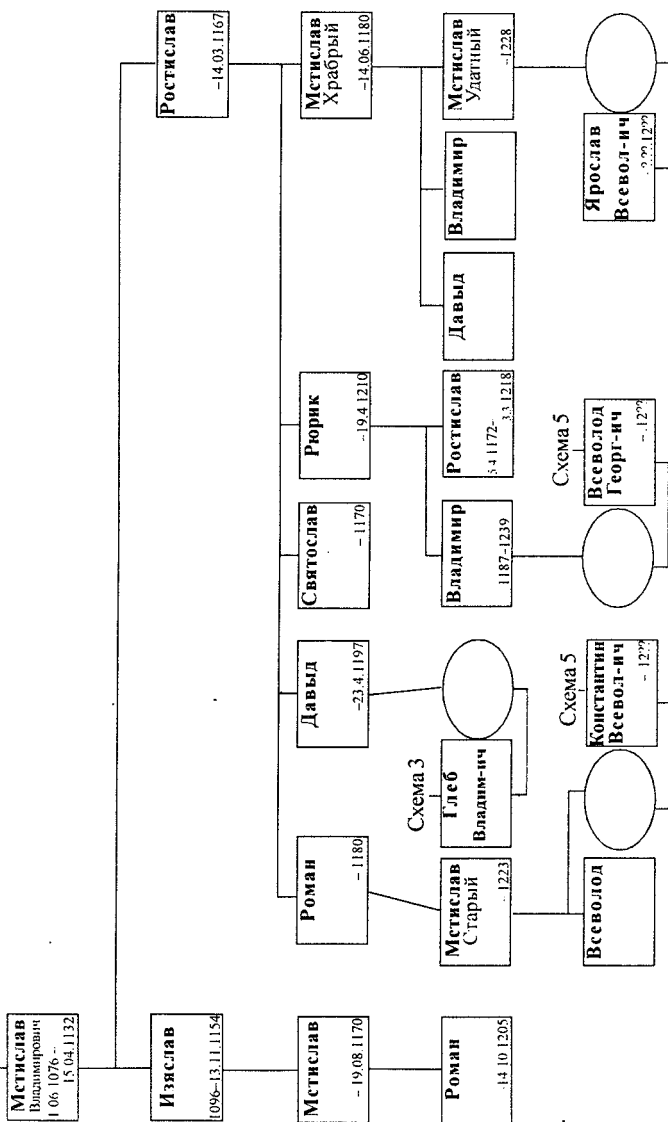
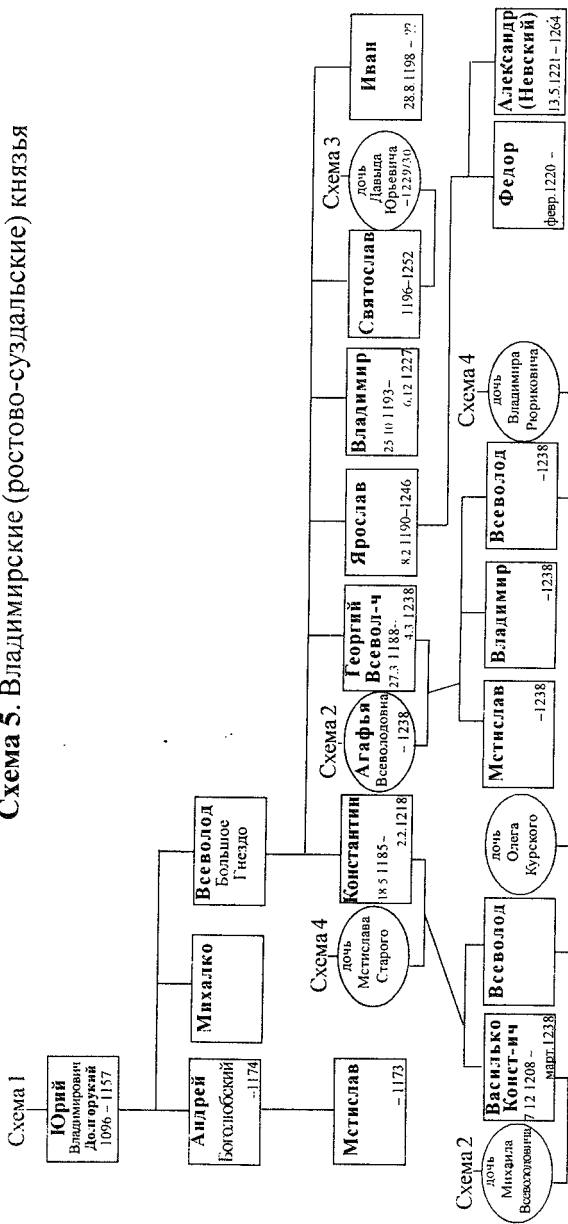

Схема 5. Владимирские (ростово-суздальские) князья

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА I. МЕТОДИКА КРИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ	10
ГЛАВА II. ГЕОРГИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ И ВЛАДЕНИЕ ПЕРЕЯСЛАВЛЕМ-РУССКИМ В НАЧАЛЕ XIII в.	50
§ 1. Переяславль-Русский в межкняжеских отношениях пер- вой трети XIII в. (историография вопроса).....	50
§ 2. Основные проблемы исследования истории Переясла- вля-Русского первой трети XIII в.	77
§ 3. История отношений владимирских князей с Переяслав- ским княжеством в первой трети XIII в. (исследование)	78
§ 4. Итоги исследования	128
ГЛАВА III. ОТНОШЕНИЯ РЯЗАНСКИХ И ВЛАДИМИРСКИХ КНЯЗЕЙ В 1207–1217 ГГ.	134
§ 1. Поход Всеволода Большое Гнездо на Рязань в 1207 г.: итог расчета или просчета?	135
§ 2. 1208–1209 гг.: трудности непоследовательной оккупации Рязани. Явление Георгия Всеволодовича	145
§ 3. События 1210–1211 гг.: значение брака Георгия Всеволодовича в урегулировании владимирско-рязанских отношений	154
§ 4. Рязанские князья: от владимирского плена к убийству в Исадах	169
§ 5. Рязань и Владимир в первой трети XIII в: от войны к добрососедским отношениям	175
§ 6. Итоги исследования	179

ГЛАВА IV. БИТВА НА ЛИПИЦЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ГЕОРГИЯ ВСЕВОЛОДОВИЧА	182
§ 1. Историография событий в 1212–1216 гг. во Владимирской земле	182
§ 2. К источниковедческому вопросу о первичности НПЛ по отношению к НIVЛ в рассказе о битве на Липице	199
§ 3. На грани войны и мира: путь к Липице	208
§ 4. Об участии братьев и детей Георгия Всеволодовича в битве на Липице	239
§ 5. Муромцы, городчане, бродники в битве на Липице: летописная и историческая реальности	248
§ 6. Летописный текст XV в. о битве на Калке и его влияние на «Повесть о битве на Липице»	251
§ 7. О потерях в битве на Липице в НПЛ и в «Повести о битве на Липице»	272
§ 8. «Временная сетка» битвы на Липицы в летописях XIV–XVII вв.	278
§ 9. Новгородская первая летопись – основной источник по битве на Липице	302
§ 10. Источниковедческая критика отдельных сюжетов «Повести о битве на Липице»	311
§ 11. О соотношении летописных текстов о битве на Липице и об убийстве рязанских князей в Исадах	321
§ 12. Липицкая битва – общерусское событие: в жизни и в летописании	326

ГЛАВА V. ГЕОРГИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ – ОСНОВАТЕЛЬ НИЖНЕГО НОВГОРОДА	334
§ 1. Нижний Новгород в Лаврентьевской летописи и Старый Городок в Нижегородском летописце	334
§ 2. Топонимика в решении вопроса об основании Нижнего Новгорода	341
§ 3. Георгий Всеволодович – основатель Нижнего Новгорода..	352
§ 4. Историографические дискуссии об основании Москвы и Нижнего Новгорода	360
§ 5. «Этническая история» основания Нижнего Новгорода ...	374
§ 6. Основание Нижнего Новгорода в несостоявшейся дискуссии М.К. Любавского и А.Е. Преснякова	397
§ 7. Выводы	411

ГЛАВА VI. ГЕОРГИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ В БОРЬБЕ С ТАТАРО-МОНГОЛЬСКИМ НАШЕСТВИЕМ (ИСТОРИОГРАФИЯ)	413
§ 1. Б.Д. Греков о роли Георгия Всеволодовича в борьбе с татаро-монгольским нашествием	413
§ 2. Особенности реконструкции событий зимы 1237/1238 гг. в Северо-Восточной Руси Д.С. Лихачевым .	421
§ 3. «Очерки истории СССР...» и их влияние на решение вопроса о роли Георгия Всеволодовича в отражении монгольского нашествия в историографии	427
§ 4. В.В. Каргалов и Ю.А. Лимонов о нашествии Батыя на Северо-Восточную Русь	439
§ 5. Георгий Всеволодович в труде Дж. Феннела: крити- ческий взгляд	443
§ 6. Нижегородская историография о значении деятельности Георгия Всеволодовича в 1223, 1237/1238 гг.: от апологии через критику к объективной картине	449
§ 7. Отношение историков рубежа XX–XXI вв. к собы- тиям 1223 г., 1237/38 гг.	460
§ 8. Критическое отношение к Георгию Всеволодовичу в трудах Д.Г. Хрусталева, Е.В. Арсюхина	471
§ 9. Источниковедение фактов 1223 г. и 1237/1238 гг. в историографии борьбы с нашествием татаро-монголов. .	485
§ 10. Итоги исследования: от историографии к истории	493
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	505
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	516
ИСТОЧНИКИ	516
ЛИТЕРАТУРА	517
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	531
ПРИЛОЖЕНИЯ	532
Схема 1. Ярослав Мудрый и его потомки	532
Схема 2. Черниговские князья	533
Схема 3. Муромские и рязанские князья	534
Схема 4. Волынские и смоленские князья	535
Схема 5. Владимирские (ростово-суздальские) князья ..	536

Кузнецов Андрей Александрович

Владимирский князь Георгий Всеволодович
в истории Руси первой трети XIII в.
Особенности преломления источников
в историографии

Монография

Компьютерный набор

А.А. Кузнецов

Верстка и оформление

Ф.А. Дорофеев

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная

Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,75. Уч.-изд. л. 37.

Тираж 500 экз. Заказ № 1269.

Издательство Нижегородского госуниверситета
им. Н.И. Лобачевского.

603950, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23

Типография Нижегородского госуниверситета
им. Н.И. Лобачевского

Лицензия № 18-0099 от 04.05.2001.

603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Кузнецов Андрей Александрович

родился в 1969 г. В 1993 г. окончил с отличием исторический факультет ННГУ им. Н.И. Лобачевского. В 1996 г. защитил кандидатскую диссертацию «Политические отношения Новгорода и Владимиро-Суздальского княжества в 30-е гг. XII – 60-е гг. XIII в.». Его научный руководитель на протяжении учебы в ННГУ и в аспирантуре – проф., д.и.н. В.П. Макарихин. Области научных интересов – источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины, история Древней Руси, русская средневековая политическая культура, нижегородская историография XX в. Имеет 100 печатных работ (из них – 70 научных статей). В настоящее время – доцент кафедры историографии и источниковедения ННГУ.

Кузнецов Андрей Александрович

родился в 1969 г. В 1993 г. окончил с отличием исторический факультет ННГУ им. Н.И. Лобачевского. В 1996 г. защитил кандидатскую диссертацию «Политические отношения Новгорода и Владимиро-Суздальского княжества в 30-е гг. XII – 60-е гг. XIII в.». Его научный руководитель на протяжении учебы в ННГУ и в аспирантуре – проф., д.и.н. В.П. Макарихин. Области научных интересов – источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины, история Древней Руси, русская средневековая политическая культура, нижегородская историография XX в. Имеет 100 печатных работ (из них – 70 научных статей). В настоящее время – доцент кафедры историографии и источниковедения ННГУ.

